

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

· FROM · THE · LIBRARY · OF ·
· PAUL · N · MILIUKOV ·

EX LIBRIS

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. С. Бѣлкина, проф. П. Г. Виноградова, проф. М. И. Коналова, П. Н. Милюкова, П. И. Новгородцева, Е. Н. Орловской, В. Д. Соколова и проф. А. И. Чирова.

III

РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

*А. С. Бѣлкина, проф. П. Г. Виноградова, проф. М. И. Коновалова
П. Н. Милюкова, П. И. Новгородцева, Е. Н. Орловой, В. Д. Соколова и проф. А. И. Чурова.*

Изданіе Т-ва Н. Д. Сытина.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- I. Проф. В. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. С. А. Котляревскаго, подъ редакціей В. Н. Иванова. XXIV + 542. Ц. 1 р. 75 к. 8-е изданіе.
Книга эта Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендована для фундаментальныхъ и учебныхъ заведеній старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ рекомендована къ употребленію въ Духовныхъ Семинаріяхъ съ качествомъ полнаго пособия при преподаваніи логики.
- II. Исторія Греціи со времени Пелопоннесской войны. Сборникъ статей, перев. подъ редакціей Н. Н. Шамокина и Д. М. Петрушевскаго. Вып. I. XXVII + 451 + IV. Вып. II. XX + 502 + VI. Ц. за оба вып. 8 р. 50 к.
Оба выпуска этой книги Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрены для учебныхъ библиотекъ высшихъ среднихъ учебныхъ заведеній (мужскихъ и женскихъ) старшаго возраста. Учебнымъ Комитетомъ по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобрены для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.
- III. Римская имперія. Сборникъ статей въ переводѣ А. С. Милюковой. XX + 667. Ц. 2 руб. 50 коп.
- IV. М. Ремсенъ. Введеніе къ изученію органической химіи. Перев. Н. О. Дрентельна, съ измѣненіями и дополненіями проф. М. И. Коновалова. XXVII + 517. Ц. 1 р. 75 коп. 2-е изданіе.
- V. Г. Шенбергъ. Положеніе труда въ промышленности. Перев. М. Семенова, подъ редакціей проф. А. И. Чурова. XII + 391 + VI. Ц. 1 р. 60 к.
- VI. Нунъ. Новая химія. Перев. А. В. Алатина, подъ редакціей проф. М. И. Коновалова. XXXII + 466 + VIII. Ц. 1 р. 75 к.
- VII. Б. Н. Чичеринъ. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Вып. I. XIV + 469. Вып. II. 483. Ц. за оба вып. 8 руб. 50 коп.
- IX. М. Фервортъ. Общая физиологія. Перев. проф. М. А. Меншера и пр.-доц. Н. А. Иванова. Вып. I. XX + 518; Вып. II. VI + 574. Ц. за оба вып. 4 р.
- X. Ф. Регальсбергъ. Общее ученіе о правѣ. Перев. И. А. Ваванова, подъ редакціей проф. Ю. С. Галбарова. XIV + 295. Ц. 1 р. 40 к.
- XI. Миль-Мендрикъ и Снодграссъ. Физиологія органовъ чувствъ. Перев. Н. В. Горюновича. XX + 418. Ц. 1 р. 75 к.
- XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутаго времени. Сборникъ статей, изд. подъ редакціей В. Н. Стороннова. Вып. I. XXVI + 658. Ц. 2 р. 75 к.
- XIV. Г. Леренцъ. Элементы высшей математикѣ. Основанія аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія и ихъ приложеній къ естествознанію. Перев. съ дополненіями, измѣненіями и историческимъ очеркомъ развитія математическаго анализа В. П. Шереметевскаго. Томъ I. XXXII + 715. Ц. 8 руб.
- XV. А. Р. Уоллесъ. Дарвинизмъ. Съ портретомъ автора. Перев. проф. М. А. Меншера, съ приложеніемъ его статьи: *А. Уоллесъ и его научное значеніе*. XI + 758. Ц. 8 руб.
- XVI. Э. Порритъ. Современная Англія. Права и обязанности ея гражданъ. Перев. О. В. Полторацкой. XVI + 868 + XXII. Ц. 1 р. 60 к.
- XVIII. Исторія Римской республики по Моммсену. Перев. Н. Н. Шамокина. Вып. I. XXIV + 529. Ц. 2 р.
- XIX. Б. Чичеринъ. О народномъ представительствѣ. XXVI + 812. Ц. 8 руб.
- XX. Георгъ Майръ. Закономѣрность въ общественной жизни. Перев. Н. Н. Романова, просмотрѣнный и дополненный В. Э. Доновъ, подъ редакціей проф. А. И. Чурова. Съ приложеніемъ диаграммъ и картограммы. XVIII + 480. Ц. въ переплетѣ 2 р. 25 к., въ обложкѣ 1 р. 50 к.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я :

- XIV. Г. Лоренцъ. Элементы высшей математики. Основанія аналитической геометріи, дифференціального и интегральнаго исчисленій и ихъ приложений къ естествознанію. Переводъ съ дополненіями, пэмѣненіями и историческимъ очеркомъ развитія математическаго анализа В. П. Шереметевскою. Т. II.
- XVII. Гешели и Мартинъ. Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Перев. съ рисунками Н. А. Петровскаго и П. П. Сушкина.
- XVIII. Исторія Римской республики по Момсену. Перев. Н. Н. Шамокина. Вып. II.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- XII. Лексисъ. Экономика торговли. Перев. Е. Е. Богданова, подъ редакціей проф. А. И. Чупрова.
- XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутаго времени. Сборникъ статей, изд. подъ редакціей В. Н. Сторожкова. Вып. II.

Изданіе И. А. Баландина.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я :

- I. А. Бэнь. Психологія. Перев. В. Н. Кошманскою. 2 выпуска.
- II. Е. Вармингъ. Географія растений. Перев. подъ редакціей М. И. Голькиной.
- III. А. Фишеръ. Лекціи о бактеріяхъ. Перев. А. В. Генерозови, подъ редакціей проф. Н. Н. Худякова.

КОМИССИЯ

ПО ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ,

состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. З.
въ Москвѣ.

Никитская, д. Рихтера, кв. № 3.

Программы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса.

Изданіе пятое, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 1-й годъ:

I. Математика: 1) Курсъ общеобразовательный (аналитическая геометрія) 2) Курсъ спеціальный (элементарная математика). II. Науки физико-химическія: 1) физика (механической отдѣлъ, ученіе о теплотѣ, звукѣ и свѣтѣ), 2) химія (введеніе и неорганическая химія). III. Науки біологическія: введеніе, органографія цвѣтковыхъ растений и ученіе объ устройствѣ человѣческаго тѣла. IV. Науки философскія: программа первая (психологія и логика), программа вторая (этика). V. Науки общественно-юридическія: 1) Исторія и строеніе общества, 2) политическая экономія. VI. Исторія: 1) первобытная культура, 2) древній востокъ, 3) Греція, 4) Римъ. VII. Литература: греческая и римская. Программы чтенія по этнографіи. Отдѣльныя темы.

Списокъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ, вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 35 к., съ пересылкой — 48 к., наложеннымъ платежомъ — 65 к.

Программы домашнего чтения на 2-й год систематического курса.

Издание второе, исправленное и дополненное.

Содержание: Предисловие. — Правила для сношений читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтения на четыре года. —

Программы на 2-й годъ:

I. Математика: 1) курсъ общеобразовательный (дифференціальное и интегральное счисленіе), 2) курсъ спеціальный (аналитическая геометрія). **II. Науки физико-химическія:** 1) физика (ученіе объ электричествахъ и магнетизмѣ), 2) химія органическая, химія теоретическая и физическая. **III. Науки биологическія:** 1) анатомія растений, 2) споровыя растенія, 3) сравнительная анатомія животныхъ, 4) гистологія и эмбриологія животныхъ. **IV. Науки философскія:** программа первая (исторія философій), программа вторая (психологія съ педагогикой). **V. Науки общественно-юридическія:** 1) общее ученіе о правѣ, 2) государственное право (общее западныхъ державъ и русское), 3) экономическая исторія Англіи. **VI. Исторія:** 1) всеобщая (Средніе вѣка), 2) русская (до Смутнаго времени). **VII. Литература:** 1) всеобщая литература (Средніе вѣка и эпоха Возрожденія), 2) русская литература (до XVII вѣка). **Программа чтения по этнографіи (породческое населеніе Россіи).** Отдѣльными темами по биологическимъ наукамъ: 1) наблюденія надъ птицами, 2) наблюденія надъ крупными бабочками.

Цѣна 45 к., съ пересылкой — 68 к., наложеннымъ платежомъ — 80 к.

Программы домашнего чтения на 3-й годъ систематического курса.

Содержание: Предисловие. — Правила для сношений читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтения на четыре года. —

Программы на 3-й годъ.

I. Математика: спеціальный курсъ (исчисленіе безконечно малыхъ). **II. Науки физико-химическія:** 1) астрономія, 2) метеорологія и климатологія. **III. Науки биологическія:** 1) общая фізіологія, 2) фізіологія растений, 3) фізіологія животныхъ. **IV. Науки философскія:** программа первая (теорія познанія и метафизика). Программа вторая (исторія древней и средневѣковой философій). **V. Науки общественно-юридическія:** 1) экономическая исторія Россіи, 2) экономія сельскаго хозяйства, 3) экономія промышленности, 4) экономія торговли, 5) гражданское право, 6) уголовное право. **VI. Исторія:** 1) всеобщая исторія XVI, XVII и XVIII вв. Программа А (болѣе сложная); программа В (элементарная). 2) Русская исторія XVII и XVIII вв. **VII. Литература:** 1) всеобщая литература (испанская драма XVII и XVIII вв.; англійская литература XVII и XVIII вв.; итальянская литература XVII и XVIII вв.; вѣкъ ложнаго классицизма во Франціи; французская литература XVIII в.; нѣмецкая литература XVII и XVIII вв.); 2) русская литература XVIII в. **Программа чтения по этнографіи.** Отдѣльными темами по общественно-юридическимъ наукамъ.

Списокъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ, вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами.

Цѣна 50 к., съ пересылкой — 68 к., наложеннымъ платежомъ — 85 к.

Программы домашнего чтения на 4-й годъ систематического курса.

(Печатются).

Отчетъ Комиссіи домашнего чтения за 1896 г. съ приложеніемъ статистическихъ матеріаловъ объ ея дѣятельности за 1895 и 1896 гг.

Цѣна 30 к., съ пересылкой — 43 к., налож. платежомъ — 53 к.

A. B. Горбуновъ. Одинъ изъ опытовъ University Extension въ Россіи. Отчетъ о дѣятельности комиссіи за 1897 г. Цѣна 15 к., съ пер. 17 к.

с Римскаго имперіа

ГОТ
ОРНА

РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ВЪ ПЕРЕВОДЪ

А. С. МИЛЮКОВОЙ.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина. Валовая ул., свой домъ.
МОСКВА. — 1900.

Digitized by Google

70 VIII
ANBOTHUO

17209
R53

MILKOV LIBRARY

ОТЪ РЕДАКЦИИ «БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ САМО- ОБРАЗОВАНІЯ».

Въ послѣдніе годы въ русскомъ обществѣ замѣчается несомнѣнное усиленіе интереса къ самообразованію. Оживленіе издательской дѣятельности, устройство въ провинціи курсовъ и публичныхъ лекцій, появленіе въ Москвѣ и Петербургѣ кружковъ специалистовъ, ставящихъ своею задачей помощь самообразованію, — все это дѣлаетъ очевиднымъ что потребность въ серьезномъ чтеніи сознается у насъ все болѣе и болѣе широкими общественными кругами. Къ сожалѣнію, популяризація знаній, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка, далеко не идетъ вровень съ этимъ быстрымъ усиленіемъ спроса на чтеніе со стороны жаждущей просвѣщенія публики. Оригинальныхъ популяризаторовъ у насъ еще слишкомъ мало, а выборъ переводныхъ произведеній далеко не всегда дѣлается лицами, которыя бы соединяли въ себѣ пониманіе потребностей современнаго русскаго читателя съ хорошимъ знаніемъ иностранной популярной литературы. Отъ этого на нашемъ книжномъ рынкѣ такъ часто появляются книги, нужныя только тѣмъ, кто могъ бы прочесть ихъ и въ иностранномъ подлинникѣ; и наоборотъ, многихъ книгъ, которыя были бы нужны всякому образованному человѣку, на русскомъ языкѣ не существуетъ. Въ

результатъ, одинаково страдаютъ и интересы издателей, и интересы читающей публики. Не находя въ современной популярной литературѣ того, что имъ нужно, тѣ и другіе прибѣгаютъ, наконецъ, къ помощи старыхъ любимцевъ русской интеллигенціи. Перепечатка въ послѣдніе годы многихъ изданій шестидесятихъ годовъ, безспорно, свидѣтельствуетъ какъ объ увеличеніи запроса на самообразовательное чтеніе со стороны читателей, такъ и о недостаткѣ на русскомъ языкѣ произведеній новѣйшей популярной литературы, которыя могли бы удовлетворить этому запросу.

Въ послѣднее время, однако, въ издательское дѣло начинаетъ замѣтно проникать свѣжая струя. Старыя и вновь возникающія фирмы принимаются за изданіе цѣлаго ряда серій популярныхъ книгъ для чтенія и самообразования. Къ этого рода серіямъ принадлежитъ и «Библіотека для самообразования». Но среди другихъ подобныхъ изданій она предполагаетъ занять свое особое мѣсто, въ связи съ тою спеціальною цѣлью, которую она преслѣдуетъ. Эту цѣль, долженствующую сообщить всѣмъ томикамъ «Библіотеки для самообразования» нѣкоторое внутреннее единство, редакція считаетъ нужнымъ особенно подчеркнуть.

«Библіотека для самообразования» находится въ самой тѣсной связи съ московскою «Комиссіей по организаціи домашняго чтенія», начавшей свою дѣятельность при «Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній» въ 1895 г. Редакторы «Библіотеки для самообразования» всѣ состоятъ членами Комиссіи и принимаютъ участіе въ руководствѣ домашнимъ чтеніемъ по различ-

нымъ отдѣламъ издаваемыхъ Комиссией систематическихъ программъ.

Составляя эти программы, Комиссія, какъ видно изъ ея проспекта, имѣла въ виду соединить общедоступность чтенія съ его серьезностью и основательностью. Съ этою цѣлью въ каждой программѣ указанъ тотъ *необходимый минимумъ* познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соответствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько-нибудь основательнымъ. *Всѣ* книги, необходимыя для пріобрѣтенія такого минимума познаній, указаны *на русскомъ языкѣ*, и почти всѣ онѣ доставляются читателямъ Комиссией на льготныхъ условіяхъ (см. Правила для сношеній съ Комиссией, перепечатанныя въ концѣ настоящаго тома). Относительно способа усвоенія *необходимыхъ* пособій даны въ программахъ ближайшія указанія; по всѣмъ почти отдѣламъ къ программамъ присоединены провѣрочные вопросы. Всѣ указанія Комиссіи дѣлаются такъ, что-бы ими могли воспользоваться лица трехъ категорій: 1) лица, вовсе неимѣющія возможности пріобрѣсти правильнаго средняго образованія, но болѣе или менѣе привыкшія читать серьезные книги популярно-научнаго содержанія; 2) лица, окончившія курсъ средней школы, но не получившія высшаго образованія, и 3) лица, окончившія высшую школу, которыя пожелали бы съ помощью Комиссіи оживить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или пріобрѣсти новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ. При составленіи программъ, Комиссія имѣла въ виду нѣкоторый средний уровень читателей; этотъ средний уровень характеризуетъ

ся въ глазахъ Комиссіи не столько количествомъ приобретенныхъ свѣдѣній, сколько извѣстною привычкою къ серьезному чтенію. Умѣнье читать серьезную книгу есть необходимое условіе успѣшности самообразованія. Къ сожалѣнію, это умѣнье принадлежитъ къ числу навыковъ, которые трудно передать съ помощью однихъ письменныхъ сношеній. Комиссіи поневолѣ приходится предполагать, что у ея читателей этотъ навыкъ уже приобретенъ.

Содержаніе книжекъ, издаваемыхъ въ «Библиотеку для самообразованія», находится въ прямой зависимости отъ намѣченныхъ Комиссіей цѣлей, какъ онѣ характеризованы въ приведенныхъ выдержкахъ изъ ея проспекта. Редакція «Библиотеки для самообразованія» предполагаетъ вводить въ свою серію только такія книги, изъ которыхъ каждая давала бы необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соответствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько-нибудь основательнымъ. Другими словами, «Библиотека для самообразованія» будетъ состоять изъ ряда пособій, признанныхъ Комиссіей «необходимыми» для усвоенія ея систематическихъ программъ, но не существовавшихъ до сихъ поръ въ русской популярной литературѣ или же вышедшихъ изъ продажи, а также изданныхъ въ неудовлетворительномъ переводѣ. Съ подобными пробѣлами постоянно принуждена считаться всякая программа для самообразованія; и чѣмъ она общѣе и энциклопедичнѣе, тѣмъ пробѣловъ оказывается больше, и тѣмъ необходимѣе становится создать литературу, специально приспособленную

для самообразовательныхъ цѣлей, какъ ихъ ставить та или другая программа. Англійскія и американскія общества содѣйствія самообразованію уже стали на этотъ путь — созданія спеціально приспособленныхъ къ программамъ пособій. Подобную же попытку предполагаютъ сдѣлать и редакторы «Библиотеки для самообразованія». Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ заграничной популярной литературѣ имѣются вполне подходящія сочиненія, редакція будетъ переводить ихъ или переиздавать уже переведенныя книги; если же подходящихъ пособій неимѣется, редакція будетъ издавать сборники, хрестоматіи, компиляціи или оригинальныя произведенія, приспособленныя къ программамъ Комиссіи. Такимъ образомъ, руководители «домашняго чтенія» и ихъ читатели не будутъ зависѣть отъ случайнаго наличнаго состава популярной литературы, имѣющейся на русскомъ языкѣ, а читающая публика вообще получитъ рядъ общедоступныхъ руководствъ по всѣмъ отраслямъ общеобразовательныхъ знаній.

Благодаря содѣйствію издательской фирмы Т-ва И. Д. Сытина, а также И. А. Баландина, редакція имѣетъ возможность придать книжкамъ «Библиотеки для самообразованія» внѣшній видъ, соотвѣтствующій европейскимъ изданіямъ этого рода, не поднимая въ то же время цѣны изданія выше обыкновенной. Небольшой форматъ и прочный переплетъ должны отвѣчать назначенію «Библиотеки для самообразованія», цѣль которой — дать рядъ основныхъ пособій, предназначенныхъ для постоянного употребленія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія римской имперіи является однимъ изъ самыхъ интересныхъ и наименѣе извѣстныхъ отдѣловъ европейской исторіи. Имперія собрала въ едино разрозненныя и долго враждовавшія между собою народности и государства, расположенныя вокругъ Средиземнаго моря. При этомъ глубоко измѣнились не только политическіе порядки, но общественный строй и духовный складъ объединенныхъ имперіей народностей. Подготовлена была почва и положены во многихъ отношеніяхъ начала средневѣковаго развитія. Въ это время появляется и получаетъ господство христіанство, о значеніи котораго въ исторіи человѣчества нѣтъ надобности распространяться. Для каждаго образованнаго человѣка крайне важно познакомиться съ особенностями этой эпохи и причинами, обусловившими такія особенности.

Но это не легко сдѣлать, не углубляясь въ спеціальныя сочиненія. Общія обработки даннаго періода не отличаются такими достоинствами, которыя позволяли бы отсылать къ нимъ читателей, желающихъ ознакомиться съ предметомъ. Книги Дюрюи, Шиллера и др.—полезныя книги, нѣкоторыя

отдѣлы въ нихъ обработаны хорошо, но, въ общемъ, эти сочиненія и слишкомъ громоздки, и недостаточно талантливо написаны, чтобы сдѣлаться, такъ сказать, классическими для большой публики. Ничего подобнаго блестящей работѣ Моммзена по исторіи республики нѣтъ для имперіи.

Такимъ образомъ, чтобы составить себѣ достаточное представленіе объ этомъ періодѣ, надо обращаться ко многимъ общимъ сочиненіямъ и даже къ монографіямъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Это — затрудненіе, передъ которымъ остановится большинство интересующихся, затрудненіе, которое еще увеличивается для русскихъ читателей отсутствіемъ переводовъ многихъ капитальныхъ сочиненій, вышедшихъ на иностранныхъ языкахъ. Въ виду приведенныхъ соображеній, которыя, между прочимъ, дали себя сильно почувствовать при составленіи «Комиссіей по организациі домашняго чтенія» программы по римской имперіи, редакція «Библиотеки для самообразованія» рѣшила сдѣлать попытку сопоставить для русской публики серію отрывковъ изъ выдающихся сочиненій по имперіи, съ цѣлью освѣтить главные моменты историческаго развитія въ этотъ періодъ. Отрывки подобраны П. Г. Виноградовымъ, переводъ ихъ сдѣланъ, за исключеніями, которыя будутъ оговорены дальше, А. С. Милюковой, а П. Н. Милюковъ взялъ на себя трудъ перевести съ подлинниковъ выдержки изъ древнихъ писателей.

При подборѣ отрывковъ имѣлось въ виду, отказавшись отъ задачи дать послѣдовательный рассказъ, достаточно ярко и подробно освѣтить наиболѣе характерные явленія и переходы исторической

жизни. Въ частностяхъ можно много спорить о томъ, на какихъ именно фактахъ слѣдуетъ особенно остановиться и откуда всего лучше взять матеріаль для ихъ характеристики; трудно передать въ краткомъ предисловіи всѣ соображенія, которыя привели къ выбору того или другого отрывка, но намъ кажется, что группировка матеріала по тѣмъ десяти отдѣламъ, на которые онъ распадается въ нашей хрестоматіи, можетъ быть достаточно обоснована.

Прежде всего, необходимо было, конечно, характеризовать основы государственнаго строя такъ называемой имперіи. Въ своемъ сравнительно короткомъ развитіи она прошла чрезъ нѣсколько стадій, значительно отличающихся другъ отъ друга. Начальная форма, постепенно выдѣляющаяся изъ республики, осложненная цѣлымъ рядомъ фактовъ и пережитковъ государственнаго права республики, не можетъ быть поставлена на одну доску съ правленіемъ IV и V вѣковъ, сильно централизованнымъ, воспринявшимъ восточныя вліянія и вступившимъ въ союзъ съ христіанской Церковью. Поэтому, характеристика государственнаго строя имперіи дана какъ для начальной организациіи Августа въ первомъ отдѣлѣ, такъ и для имперіи Діоклетіана и Константина въ восьмомъ и девятомъ.

Капитальную важность для сужденія объ имперіи, о причинахъ, вызвавшихъ ее къ существованію, и о силахъ, поддерживавшихъ ее, имѣетъ оцѣнка настроенія римскаго общества, политическихъ взглядовъ, выработавшихся въ его различныхъ слояхъ, и оппозиціи, которую встрѣчала имперія, особенно въ первое время. Этими предметамъ посвящены нѣко-

торые отрывки перваго отдѣла и главныя части втораго и третьяго: исторія первой династіи императоровъ наглядно представляетъ ожесточенную и кровавую борьбу между тѣми, кому досталась диктатура надъ страной, и представителями старыхъ порядковъ и традицій, а дѣятельность Тацита и Ювенала показываетъ, какое направленіе приняло, въ концѣ-концовъ, недовольство существующими условіями жизни, какъ оно отклонилось въ неопасную для имперіи сторону.

Главнымъ орудіемъ имперіи въ ея работѣ надъ соединеннымъ подъ ея властью обществомъ была ея могущественная, искусная администрація; главнымъ же всемірно-историческимъ результатомъ ея государственной дѣятельности было созданіе обширной системы права, возрождавшейя въ своемъ вліяніи даже послѣ паденія древняго міра и даже въ настоящее время не утратившей своего педагогическаго и практическаго значенія. Въ отдѣлахъ IV, VIII и X читатель найдетъ нѣкоторыя данныя для сужденія объ административной системѣ въ различные моменты ея существованія. Что касается до права, то до сихъ поръ наиболее удобной сводной характеристикой показалась намъ старая, и мѣстами несомнѣнно устарѣвшая, характеристика Гиббона. Она, во всякомъ случаѣ, собираетъ въ единое, легко обозримое цѣлое главныя черты этого сильно-развѣтвленнаго и технически сложнаго права. Для исторической хрестоматіи трудно подыскать болѣе удобное пособіе. Въ тѣсной связи съ государственной администраціей и правомъ стоитъ социальный строй, комбинація общественныхъ группъ и классовъ. Выдержки изъ Дюрки (IX отд.)

дадутъ, какъ кажется, возможность представить себѣ римское общество съ этой точки зрѣнія, какъ бы въ разрѣзѣ, въ эпоху Константина.

Для многихъ читателей наиболѣе интересной стороной жизни римской имперіи всегда остается процессъ развитія духовной культуры, совершившійся въ ея предѣлахъ. Эта сторона представлена въ христоматіи, помимо тѣхъ явленій, которыя неразрывно связаны съ политической исторіей статью Лекки о философскихъ направленіяхъ. Изъ нихъ особенное вниманіе обращено на стоицизмъ, какъ на форму, особенно характерную для римскаго міра и для историческаго момента, который переживало европейское человѣчество въ началѣ нашей эры (V отд.). Затѣмъ, необходимо было остановиться на любопытнѣйшемъ процессѣ синкретизма и мистическихъ вѣяній, который совершался въ религіяхъ древняго міра передъ принятіемъ имъ христіанской вѣры (VI и VII). Само христіанство, какъ извѣстный факторъ историческаго развитія, должно было занять значительное мѣсто въ сборникѣ, посвященномъ имперіи. Какъ его первоначальныя отношенія къ языческому обществу, такъ и его роль въ государствѣ требовали особаго разсмотрѣнія. Книга заканчивается очеркомъ дѣятельности Юліана Отступника, который собираетъ еще разъ въ одномъ фокусѣ всѣ лучшія силы отживающаго языческаго міра и въ то же время даетъ множество указаній на будущее.

Въ заключеніе необходимо упомянуть, что вступительная статья объ организаціи Августа помѣщена въ сборникѣ съ любезнаго разрѣшенія ея автора В. П. Герье. За статью объ Адрианѣ редак-

XVIII

ція виражаєть благодарность В. М. Михайловскому. Отрывокъ объ Юліанѣ заимствованъ, за немногими редакціонными измѣненіями, изъ перевода книги Буасье — «Паденіе язычества», сдѣланнаго покойнымъ проф. М. С. Корелинымъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Отдѣль I. Организациа Августа.....	1—108
Августъ и установленіе Римской имперіи. 1—39. Автобіографіа Августа. 40—53. Отношеніе къ имперіи римскаго общества (войско, провинціи, муниципіи, городъ Римъ). 54—108.	
Отдѣль II. Юліи и Клавдіи.....	109—154
Какъ Тиберій получилъ императорскую власть. 109—111. Неронъ, его воспитаніе и первые годы царствованія. 112—134. Неронъ актеръ. 135—139. Республиканецъ при Неронѣ. 140—142. Обще- ственные условія частной жизни во времена имперіи. 143—154.	
Отдѣль III. Тацитъ и Ювеналь.....	155—210
Тацитъ. 155—171. Ювеналь. 172—210.	
Отдѣль IV. Управление и право въ имперіи .	211—277
Централизациа провинціальныхъ управленій. 211—220. Римское право въ сводѣ Юстиніана. 221—277.	
Отдѣль V. Философскія направленія. Стоицизмъ.	278—323
Отдѣль VI. Адрианъ. Носиополитъ на тронѣ цезарей.....	324—342
Отдѣль VII. Преобразованіе язычества.....	343—416
Разложеніе политеизма. 343—399. Культъ Митры. 400—416.	

Отдѣль VIII. Діоклетіано - Константиновская

имперія 417—479

Діоклетіанъ. 417—455. Административныя реформы и законодательство. 456—479.

Отдѣль IX. Христіанство 480—599

Христіане среди языческаго общества. 480—485.

Взглядъ язычниковъ на христіанство. 486—489.

Письмо Плинія Младшаго къ Траяну. 490—492.

Отвѣтъ Траяна. 493. Апологія христіанъ, написанная Тертуліаномъ. 494—500. Римскія катакомбы. 501—511. Епископъ IV вѣка, Василій Великій. 512—517. Лионскіе мученики. 518—528.

Положеніе церкви въ государствѣ. 529—532.

Константинъ Великій.

I. Его религіозная политика. 533—540. II. Миланскій эдиктъ (313) и его послѣдствія. 541—550.

III. Монеты времени Константина; общая характеристика его религіозной политики. 551—556.

IV. Административная организація и общественныя условія въ новой имперіи. Дворъ и аристократія. 557—569.

V. Городской классъ: куріалы и посессоры. 570—574. VI. Народъ, корпораціи, утвержденныя закономъ, и коллегіаты. 575—580.

VII. Колоны и рабы. 581—583. VIII. Войско. 584—592. IX. Заключеніе. 593—599.

Отдѣль X. Императоръ Юліанъ. I—V 600—667

О Т Д Ъ Л Ъ I.

ОРГАНИЗАЦІЯ АВГУСТА.

АВГУСТЪ И УСТАНОВЛЕНІЕ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

(Изъ статьи проф. Герье: «Вѣстникъ Европы» 1877. VII).

I.

Установленіе имперіи было довершеніемъ давно уже подготовлявшагося въ римской исторіи внутренняго политическаго процесса. Исторія римлянъ, какъ и исторія другихъ народовъ, жившихъ полною жизнью, слагалась изъ разнообразнаго сочетанія элементовъ — монархіи, аристократіи и демократіи, обнаруживавшихся въ политической жизни посредствомъ трехъ соответствующихъ органовъ: магистратуры, сената и народнаго собранія. Еще въ самыхъ раннихъ сумеркахъ римской исторіи мы встрѣчаемся съ двумя сильными самостоятельными политическими элементами — съ царемъ и съ родовою аристократіей, которая обнаруживаетъ свое вліяніе посредствомъ сената. Третій элементъ — демократическій — представляется еще слабымъ; въ борьбѣ съ аристократіей цари начинаютъ ему покровительствовать, но это возбуждаетъ сильнѣйшее сопротивленіе аристократіи, которая преобразовываетъ по жизненную царскую магистратуру, стремящуюся къ

Римская имперія.

наследственности, въ краткосрочную магистратуру. Однако, не будучи въ состояніи побороть царскую власть безъ помощи массы, аристократія принуждена дать большій просторъ демократическому элементу, который вскорѣ начинаетъ борьбу съ родовой аристократіей и становится совершенно самостоятельнымъ. Наступаетъ эпоха сравнительнаго равновѣсія трехъ элементовъ — самая счастливая и здоровая эпоха внутренней жизни Рима. Это вѣкъ пуническихъ войнъ, когда соперничество партій сдерживается внѣшней опасностью и умѣряется единодушнымъ порывомъ патріотизма. Но съ побѣдой и достиженіемъ мірового значенія, въ Римѣ возгорается борьба партій, которыя при измѣнившихся условіяхъ быстро вырождаются. Магистратура теряетъ свою силу въ Римѣ, но переноситъ ее въ провинціи; аристократія, утрачивая свой патриціанскій характеръ, тѣмъ не менѣе продолжаетъ быть исключительной относительно народа; становясь слишкомъ снисходительной къ своимъ членамъ, она попрежнему не хочетъ дѣлиться съ народомъ плодами завоеванія; всего же болѣе вырождается демократія съ обѣднѣніемъ самостоятельнаго крестьянства, съ уменьшеніемъ его вліянія въ народномъ собраніи и замѣной его вліяніемъ городской черни и продажныхъ вольноотпущенниковъ. Ненормальное положеніе дѣлъ многими сознается, и все яснѣе представляется необходимость реформъ. Каждая изъ двухъ главныхъ партій выставляетъ свою программу. Аристократія менѣе податлива на реформы: она видитъ спасеніе только въ увеличеніи полномочій сената, гдѣ подъ вліяніемъ греческой образованности сосредоточивается не только реальное могущество и по-

литическая опытность, но и интеллигенція Рима. Демократическая программа обширнѣе, прогрессивнѣе, она болѣе проникнута идеями; въ ея, впрочемъ, аристократическихъ, вождяхъ болѣе энтузіазма, болѣе безкорыстнаго служенія идеѣ; главная ея цѣль не только перенесеніе власти въ народное собраніе, но пополненіе его новыми здоровыми элементами, надѣленіе неимущихъ гражданъ землею на счетъ государства и въ ущербъ аристократіи, распространеніе римскаго гражданства на латинянъ, а также и другихъ италійцевъ. Но эта программа не имѣла будущности не только потому, что римская демократія была неспособна итти за своими вождями и самая программа вскорѣ сдѣлалась орудіемъ полигическихъ интригановъ, но и потому еще, что и у лучшихъ вождей не было политическаго творчества, что они собирались включить италійскую демократію въ старыя узкія рамки римскаго форума, не пріискали тѣхъ политическихъ формъ, въ которыхъ нуждалась возрожденная и расширенная въ своемъ основаніи демократія. Магистратура, которая по своему назначенію должна была бы стоять выше обѣихъ партій, сдержать ихъ и провести реформу въ государственномъ интересѣ, была слишкомъ ослаблена для такой роли; она превратилась въ орудіе обѣихъ партій, и магистраты, становясь то во главѣ бушевавшей толпы, то во главѣ разъяреннаго сената, проливали на улицахъ благороднѣйшую кровь Рима. Однако, политическій организмъ Рима еще заключалъ въ себѣ достаточно жизненныхъ силъ, чтобы пережить эту критическую эпоху и выработать изъ себя новыя формы существованія. Переворотъ произведенъ былъ силой, вы-

шедшей изъ магистратуры, — не нормальной городской магистратуры, опиравшейся на народное собраніе, но изъ сферы чрезвычайной магистратуры, опиравшейся на войска и средства провинцій. Эта новая историческая сила не съ перваго раза знаетъ свое назначеніе, она входитъ на сцену исторіи нетвердыми шагами; во время междоусобной борьбы также примыкаетъ то къ одной, то къ другой партіи, подобно городскимъ магистратамъ, служить интересамъ то демократіи, то аристократіи. Новый элементъ съ своими политическими колебаніями впервые ясно обнаружился въ роли, которую играли Марій и Сулла, и въ ихъ взаимной борьбѣ. Марій — первый представитель имперіума, не укладывавшагося въ рамки республики. Онъ однако совершенно безсознательно играетъ роль, которая на него возложена исторіей Рима, и тотчасъ становится орудіемъ демагоговъ форума и политическихъ авантюристовъ. Торжество Марія не имѣло никакихъ послѣдствій для политическаго развитія Рима, а вызвало только кровопролитіе и проскрипцію. Это отсутствіе всякихъ результатовъ послѣ побѣды демократіи не только ясно доказываетъ ничтожество вождя, но и политическую немощь римской демократіи, которая посредствомъ Марія боролась съ оптиматами и сенатомъ. Оттого Марій и его партія были такъ легко опрокинуты Суллой. Сулла, удержавшій начальство надъ войскомъ вопреки постановленію народнаго собранія, приведшій въ первый разъ вооруженные легіоны въ стѣны Рима, нѣсколько лѣтъ самовластно воевавшій и распоряжавшійся на Востокѣ, наконецъ, явившійся въ Италію, какъ завоеватель, покоривши Римъ силою меча, заставив-

пшій мнимое народное собраніе облечь себя чрезвычайной и безсрочной властью и произведшій въ учрежденіяхъ Рима глубокій переворотъ — Сулла, въ сущности, первый римскій императоръ въ позднѣйшемъ смыслѣ. Но въ лицѣ Суллы имперіумъ еще не сознаетъ себя какъ самостоятельную силу, какъ необходимый и постоянный политическій элементъ. Этотъ чрезвычайный имперіумъ считаетъ пока своимъ призваніемъ *возстановленіе* республики. По реставрацію Суллы, конечно, не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Возстановленная республика значительно отличалась отъ своей прежней формы. Въ Сулловой республикѣ равновѣсіе между магистратурой, народнымъ собраніемъ и сенатомъ было окончательно нарушено въ пользу послѣдняго, и борьба между ними улажена посредствомъ окончательнаго преобладанія въ государственномъ строѣ *сената*. Сулла своимъ происхожденіемъ, своими вкусами и своей побѣдой надъ демократической партией былъ связанъ съ римской аристократіей; но въ томъ, что онъ плоды своей побѣды поднесъ этой аристократіи, что онъ сенатъ сдѣлалъ высшимъ правительствомъ римскаго государства, нужно видѣть не только слѣдствіе личныхъ симпатій, а дѣло зрѣлой политической мысли, которая имѣла свою традицію въ исторіи Рима.

Аристократическая организація Суллы оказалась непрочною не потому, что она была ошибочна въ своемъ принципѣ, или потому, что аристократія была неспособна къ возложенной на нее роли, но потому, что у нея не было вѣрныхъ исполнительныхъ органовъ ни для того, чтобы сдерживать демагоговъ въ городѣ, ни для того, чтобы обуздывать

оптиматовъ въ провинціи. Возвышая аристократію, первый императоръ забывъ, повидимому, объ имперіумѣ; ослабивъ форумъ, онъ въ то же время лишилъ городскую магистратуру всякой самостоятельности и низвелъ ее на степень аристократическаго орудія; чтобы оградить сенатъ отъ насилія со стороны вооруженной силы, не только въ Римѣ, но и во всей Италіи не должно было стоять ни одной когорты: и въ результатѣ оказалось, что сенатъ былъ безсиленъ противъ смутъ въ городѣ и не безопасенъ отъ pronunciamiento военныхъ вождей. Окончивъ свою организацію, первый императоръ отрекся отъ власти и возвратился къ частной жизни. Пока онъ былъ живъ, установленная имъ машина дѣйствовала хорошо; но тотчасъ послѣ его смерти начался тотъ же круговоротъ. Демагогія поднялась, и прежнее двоеборство между Маріемъ и Суллою повторилось въ борьбѣ Помпея и Юлія Цезаря. Первая роль выпала сначала на долю Помпея. Въ лицѣ Помпея снова возникавшее императорство сдѣлало новый шагъ впередъ въ своемъ развитіи. Помпей уже добивается лично для себя первенствующаго положенія въ республикѣ: онъ не хочетъ только служить интересамъ демократіи или аристократіи; поэтому онъ поочередно играетъ роль и Марія и Суллы: покровительствуетъ демократіи и вмѣстѣ съ нею возвышается, — потомъ сближается съ аристократіей. Но онъ съ послѣднею вступаетъ только въ союзъ, не пользуется, какъ Сулла, своей властью, чтобы упрочить побѣду аристократіи; онъ хочетъ стоять выше обѣихъ партій въ республикѣ, выше ея гражданъ, но онъ еще не понимаетъ, въ какой формѣ и при какихъ условіяхъ возможно этого до-

стигнуть. Онъ становится, наконецъ, своими побѣдами надъ Митридатомъ господиномъ республики, пріобрѣтаетъ значеніе принцепса, перваго гражданина въ республикѣ; но онъ не сознаетъ, что необходимо, для того чтобы остаться принцепсомъ, сохранить въ то же время за собой имперіумъ. Помпей желаетъ принципата, который ни въ чемъ не нарушилъ бы республиканской конституціи, который былъ бы основанъ на добровольномъ признаніи его первенства и гражданами, и магистратами, и сенатомъ. Поэтому, возвращаясь съ Востока съ побѣдоносной арміей, онъ распускаетъ, по конституціонному обычаю, эту армію, не обезпечивъ даже за солдатами обѣщанныхъ наградъ, слагаетъ съ себя свой имперіумъ и — впадаетъ въ ничтожество. Неспособный переносить гражданскаго равенства, онъ опять старается возвыситься до прежняго положенія; но теперь на пути его стоитъ опасный соперникъ — Юлій Цезарь, держащій сторону демократіи. Политикой послѣдняго уже опредѣляется дальнѣйшій образъ дѣйствій Помпея. Онъ стремится къ власти въ союзѣ съ Цезаремъ, раздѣляя съ нимъ имперіумъ, и, въ послѣдніе годы пребыванія Цезаря въ Галліи, становится въ Римѣ настоящимъ принцепсомъ и даже называется такъ, сохраняя за собой въ то же время имперіумъ надъ значительной частью республики; но, ожидая возвращенія своего соперника, Помпей нерѣшительно тратитъ время и силы, не зная, сдѣлаться ли ему защитникомъ сената и *status-quo*, или воспользоваться властью, чтобы открыто итти къ единовластію. Въ колебаніяхъ Помпея и въ его политической мнительности, заставлявшей его искать славы то въ гражданскомъ смиреніи

и подчиненіи закону, то въ честолюбивомъ нарушеніи конституціи, ясно отражается представленная имъ фаза въ развитіи императорской идеи, не достигнувшей еще полного сознанія, но уже порывавшейся къ своему осуществленію.

Такія колебанія были неизвѣстны Юлію Цезарю. Цезарь въ другомъ смыслѣ чѣмъ Сулла можетъ быть названъ первымъ римскимъ императоромъ; онъ былъ не только императоромъ по своему положенію въ государствѣ, подобно Суллѣ, но и превосходилъ Помпея по своему честолюбію и притязаніямъ на единовластіе; — въ немъ слились воедино и фактъ и идея установленія императорской власти; въ немъ принципъ имперіи достигъ полного и сознательнаго своего проявленія. Цезарь, несмотря на свое высокоаристократическое происхожденіе — отъ альбанскихъ царей — былъ въ родствѣ съ Маріемъ и, такимъ образомъ, по семейнымъ преданіямъ связанъ съ демократической партіей. Еще прочнѣе онъ былъ связанъ съ нею своими интересами и политическими стремленіями. Онъ не измѣнилъ ей и во время проскрипцій Суллы. Но Цезарь не имѣлъ въ виду служить демократіи: она была нужна ему только какъ орудіе противъ аристократіи и сената. Постоянно опираясь на форумъ и враждуя съ оптиматами, онъ возвысился среди гражданъ и, наконецъ, въ открытой войнѣ съ сенатомъ и аристократической партіей, достигъ единовластія. Но если союзъ съ демократіей не былъ для Цезаря окончательною цѣлью его политики, то его вражда съ оптиматами была для него болѣе, чѣмъ временнымъ средствомъ возвышенія. Онъ продолжаетъ быть нерасположеннымъ къ оптиматамъ и послѣ того, какъ упрочилась его

власть. Организация, которую онъ хотѣлъ дать римскому государству, требовала ослабленія римской аристократіи и ея органа — сената. Насколько Цезарь унижалъ ее, вводя въ ея кругъ плебейскихъ офицеровъ — и даже *сардросовъ* изъ провинцій — и увеличивая безмѣрно число сенаторовъ, настолько онъ самъ хотѣлъ возвыситься надъ ней. Онъ не только дозволилъ при жизни, и въ самомъ Римѣ, причислить себя къ числу олимпійскихъ боговъ и установить жрецовъ для богослуженія передъ его статуей, подобно фламиннамъ Юпитера и Марса, но — что было гораздо серьезнѣе въ глазахъ римскихъ гражданъ — онъ протянулъ руку къ царской коронѣ. Неожиданная смерть помѣшала ему довершить свою организацию, и мы въ состояніи только гадательно возстановить очертанія задуманнаго имъ политическаго зданія; но мы имѣемъ достаточно основанія утверждать, что Цезарь не былъ намѣренъ дѣлиться властью съ сенатомъ и съ римской аристократіей, что онъ собирался прямо повести римскій міръ отъ республики къ монархіи, и что онъ хотѣлъ сдѣлать точкой опоры для новаго порядка поклоненіе римлянъ и провинціаловъ наследственной династіи. Но съ античнымъ духомъ, который былъ еще силенъ въ римлянахъ эпохи Цезаря, была несовмѣстна чистая монархія. Античному міру монархическая власть не была еще извѣстна, какъ политическій принципъ; онъ зналъ ее только, какъ личную тиранническую власть, какъ произволь. Монархіи, кромѣ того, противорѣчили народныя преданія Рима и историческая традиція, связанная съ республикой.

Оппозиція противъ плановъ Цезаря выразилась

не только въ его убійствѣ, исходившемъ отъ приближенныхъ къ нему людей, но еще гораздо болѣе въ одушевленіи и восторгѣ, какой это убійство вызвало въ лучшихъ людяхъ того времени, и который находилъ отголосокъ, пока былъ живучъ римскій національный духъ и пока школа поддерживала преданіе о немъ среди образованнаго общества.

За смертью Цезаря послѣдовали новыя смуты; между лицами, облеченными военнымъ имперіумомъ, оказалось много такихъ, которыя желали пойти по стопамъ Цезаря или воспользоваться его наслѣдствомъ, и сенатъ не былъ въ состояніи воздержатъ ихъ отъ междоусобныхъ войнъ; наконецъ, на полѣ битвы остался одинъ Октавіанъ, и въ его рукахъ сосредоточился, объединился имперіумъ.

До Октавіана представители имперіума держались то демократіи, то аристократіи, или, по крайней мѣрѣ, выдавали себя за защитниковъ то народа, то оптиматовъ, и подъ этимъ знаменемъ угнетали или комиціи или сенатъ. Въ лицѣ Октавіана сливаются эти двѣ струи въ исторіи римскаго народа. Октавіанъ становится *преемникомъ обѣихъ традицій*, подъ вліяніемъ которыхъ возникалъ и развивался монархическій имперіумъ въ Римѣ. Онъ усыновленъ Цезаремъ, принимаетъ его наслѣдство и становится такимъ образомъ естественнымъ покровителемъ и благодѣтелемъ римскаго плебея. Но въ то же время въ своей внутренней политикѣ Октавіанъ сознательно становится преемникомъ политики Суллы, беретъ, можно сказать, въ образецъ его организацію и дѣлаетъ краеугольнымъ камнемъ введеннаго имъ строя не комиціи, а сенатъ. Онъ не только не старается, подобно Цезарю, подорвать моральное значеніе се-

ната увеличеніемъ числа сенаторовъ и допущеніемъ въ ихъ среду лицъ недостойныхъ; напротивъ, постоянною его заботою становится очищеніе сената отъ всѣхъ элементовъ, неправильно проникшихъ туда во время гражданскихъ войнъ и ронявшихъ достоинство сената и уваженіе къ нему въ глазахъ народа. Чтобъ поддержать общественное положеніе сенаторовъ, Октавіанъ ввелъ или возвысилъ ихъ имущественный цензъ, но въ то же время старался привлекать въ число сенаторовъ людей родовитыхъ, членовъ древнихъ аристократическихъ фамилій и нерѣдко изъ своихъ средствъ увеличивалъ ихъ состояніе, чтобы подвести ихъ подъ необходимый для сенаторства цензъ.

Октавіанъ продолжаетъ политику Суллы и по отношенію къ народному собранію, избѣгая только рѣзкихъ и крайнихъ мѣръ, ознаменовавшихъ кровавую реставрацію господства оптиматовъ, такъ, напр., униженія народныхъ трибунъ, вождей римской демократіи. Расширивши организацію постоянныхъ судовъ введеніемъ новой декуріи, Октавіанъ устранилъ судебную дѣятельность комицій, а довершивъ іерархическую организацію магистратуры, начатую Суллой, Октавіанъ стѣснилъ избирательную дѣятельность комицій. Относительно законодательной власти не было принято имъ никакихъ прямыхъ стѣснительныхъ мѣръ, но на практикѣ комиціи перестали быть самостоятельнымъ органомъ законодательной власти и орудіемъ для возбужденія внутреннихъ смуть.

Но насколько сузились функціи комицій, настолько выросло значеніе сената. Сенатъ сдѣлался спеціальнымъ органомъ законодательной власти, и

его постановленія - *consulta* — приобретаютъ значеніе законовъ — *leges*. Кромѣ того, сенатъ становится высшимъ судилищемъ для привилегированнаго сословія сенаторовъ и высшихъ администраторовъ и вѣдаетъ процессы по государственнымъ и другимъ важнымъ преступленіямъ. Въ области администраціи сенатъ завѣдуетъ управленіемъ въ обширномъ кругу дѣятельности, ему предоставленномъ, и вообще республику римскаго народа представляютъ собой не комиціи, а представляетъ сенатъ вездѣ, гдѣ этого не принимаетъ на себя императоръ. Но еще болѣе чѣмъ эта мѣра, предпринятая Августомъ въ интересахъ сената, характеризуетъ его политику то, что онъ хотѣлъ сдѣлать для сената. Число сенаторовъ въ республиканскую эпоху было триста. Затѣмъ оно удвоилось. Въ эпоху Цезаря и послѣдовавшихъ за нимъ смуть число сенаторовъ достигло 1200. Августъ, очищая сенатъ, старался постепенно уменьшить это число и довелъ его, наконецъ, до 600. Но есть извѣстіе, что онъ желалъ свести число сенаторовъ до 300, и отказался отъ этого только въ виду неудовольствія противъ этого плана со стороны тѣхъ, кто боялся потерять почетное званіе или надѣялся со временемъ вступить въ сенатъ. Этотъ неосуществившійся планъ Августа всего болѣе, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ имѣлъ серьезныя виды на сенатъ, какъ на политическое учрежденіе, что онъ не смотрѣлъ на сенатъ только какъ на почетное сословіе, но считалъ его необходимымъ органомъ своего государственнаго строя. Съ государственнымъ совѣтомъ изъ 1200 человекъ нельзя управлять; при такомъ количествѣ членовъ принадлежность къ нему можетъ имѣть только фор-

мальное, почетное значеніе; чѣмъ меньше было бы число римскихъ сенаторовъ, тѣмъ дѣйствительнѣе былъ бы сенатъ въ состояніи исполнить возложенную на него политическую роль. Но, покровительствуя римской аристократіи и поднимая значеніе сената въ республикѣ, Августъ вовсе не имѣлъ въ виду, подобно Суллѣ, сдѣлаться слугой оптиматовъ или предоставить сенату управленіе государствомъ. Августъ не жертвуетъ для аристократіи монархическимъ элементомъ - единовластіемъ; онъ не смотрѣлъ на свой военный имперіумъ, какъ на мечъ, который нуженъ для борьбы и который бросають въ сторону, когда враги поражены. Въ этомъ отношеніи Августъ истинный преемникъ Цезаря; принимая согласно съ его завѣщаніемъ его имя и наслѣдство, Октавіанъ принялъ отъ него званіе императора, т. е. полководца, какъ *собственное имя*, предоставленное нѣкогда сенатомъ Юлію Цезарю; отъ этого имени, а также отъ подразумѣвавшейся подъ нимъ власти онъ никогда не отказывался. Для него общій, единый и непрерывный имперіумъ не фактъ только, а принципъ. Но, продолжая дѣло Цезаря и устанавливая незыблемо монархическій принципъ, Августъ далекъ отъ увлеченій своего великаго предшественника. Онъ не только не протягиваетъ руки за царской короной, но дѣлаетъ все возможное, чтобы лишить свою монархію царскаго характера, чтобы примирить ее съ республиканскими учрежденіями, съ преданіями и съ античнымъ духомъ.

Такимъ образомъ, Августъ въ одно время продолжаетъ дѣло Суллы и дѣло Цезаря: онъ возстанавливаетъ республику, но вводитъ въ нее новый политическій элементъ; онъ поддерживаетъ аристократію

и возвышаетъ сенатъ, но ограничиваетъ его дѣятельность известной сферой и отводитъ ему второе мѣсто въ правительствѣ; онъ основываетъ монархію, но не вѣнчаетъ ее царской короной, а прилаживаетъ ее къ республикѣ и даетъ ей характеръ *магистратуры*. Итакъ, въ дѣлѣ установленія императорской власти Октавіанъ — преемникъ Юлія Цезаря, но въ то же время преемникъ всего предшествовавшаго историческаго развитія этого принципа. Однако, *преимущественный* характеръ дѣятельности Августа не ограничивается только свойствомъ установленной имъ государственной власти, а проявляется гораздо шире и охватываетъ всю организацію имперіи. Дѣйствительно, въ исторіи эпохи Августа насъ особенно поражаетъ чисто-римская ея фізіономія, которая является слѣдствіемъ того, что вся политика и государственная организація Августа проникнуты національными чертами римской исторіи. Мы можемъ прослѣдить эти черты въ отношеніяхъ новаго монархическаго принципа къ завѣщанному республикой строю, въ общей политической программѣ и въ политическомъ идеалѣ, которыми руководился Августъ.

II.

Самой характеристической чертой въ исторіи римскаго народа слѣдуетъ признать его консерватизмъ. Можно указать нѣсколько причинъ, вызвавшихъ и поддерживавшихъ этотъ консерватизмъ: прочное господство въ Римѣ аристократіи, сплотившейся въ эпоху родового быта и сумѣвшей перенести свой крѣпкій строй въ послѣдующія затѣмъ историческія эпохи, — религіозность римлянъ и долгое вліяніе, которое имѣли религія и коллегіи жрецовъ на по-

литическую и юридическую жизнь Рима; по главную причину консерватизма въ римской исторіи нужно, конечно, искать въ *формализмъ*, которымъ былъ проникнутъ весь римскій національный духъ. Формализмъ, прирожденный римлянамъ, заставлялъ ихъ педантически дорожить внѣшней формой, съ религіознымъ уваженіемъ заботиться о сохраненіи старинныхъ обрядовъ и постоянно, вопреки своему интересу, приносить въ жертву содержаніе, если нарушена была при этомъ форма. Формализмъ римлянъ придалъ особый характеръ всему историческому движенію ихъ. Несмотря на свой консерватизмъ, — римляне были способны къ прогрессу и имѣли богатую историческую жизнь. Но борьба новыхъ идей со старыми была очень упорна и продолжительна, давая возможность вполнѣ развернуться силѣ какъ стараго, такъ и новаго начала, — и оттого жизнь римлянъ отличалась такою прочностью, а прогрессивное развитіе ихъ выразилось въ столькихъ посредствующихъ ступеняхъ и фазахъ, любопытныхъ для историка. Особенной преградой новому началу были старыя формы, освященныя временемъ и свыкнувшимъ съ ними нравственнымъ сознаніемъ народа. Проникая въ жизнь, новое начало должно было по возможности сохранить неприкосновенными эти формы, *подлаживаться* подъ нихъ. Это подлаживание нерѣдко было очень искусственно. Сдѣлка между новыми потребностями и желаніемъ сохранить старое нерѣдко была основана на *предположеніи*, что новое ни въ чемъ не нарушаетъ стараго порядка, т. е. была основана на вымыслѣ, на *фигціи*.

Посредствомъ *фигціи* особенно часто совершался прогрессъ въ области гражданскаго права. Когда

преторъ, не имѣвшій права примѣнять къ иностранцу формъ римскаго уголовного судопроизводства, но желавшій доставить римскому гражданину украденную у него иностранцемъ собственность, принималъ передъ своимъ трибуналомъ приведеннаго къ нему истцомъ перегрина, дѣлая видъ, какъ будто это римскій гражданинъ и называя его на судѣ постоянно римскимъ гражданиномъ, — онъ совершалъ такого рода фикцію. И преторъ и окружавшій его народъ очень хорошо сознавали, что слова и формы не соответствовали дѣйствительности, что они нарушали то право, которое они по виду такъ тщательно охраняли. Что же заставляло магистратовъ и римлянъ вообще, въ этомъ и многихъ подобныхъ случаяхъ, прибѣгать къ такому средству для удовлетворенія новыхъ потребностей общежитія, или новыхъ болѣе утонченныхъ понятій о справедливости, вмѣсто того, чтобы предпочесть болѣе простую развязку затрудненій? Ихъ заставлялъ прибѣгать къ фикціи умственный ихъ складъ, ихъ историческая *совѣсть*, не позволявшая нарушить то, что было завѣщано предками, освящено стариной и національнымъ преданіемъ, порвать преемственность исторической жизни. Никто поэтому изъ лицъ, принимавшихъ прямое или пассивное участіе въ фикціи, не полагалъ, что ими совершается какой-нибудь обманъ; въ ихъ психологическомъ состояніи имъ, напротивъ, казалось, что они этой фикціей исполняли нравственный долгъ, и ихъ нравственное чувство вслѣдствіе этого оставалось вполнѣ удовлетвореннымъ.

Такое отношеніе къ дѣлу не могло, конечно, ограничиться областью гражданскаго права, но должно

было отразиться также въ исторіи развитія государственнаго права. Но никогда, конечно, не было въ политической исторіи римлянъ случая, когда *фикція* до такой степени сама естественно вытекала изъ обстоятельствъ, когда въ такой степени ощущалась необходимость въ ней и когда она была въ состояніи такъ хорошо удовлетворить политическую совѣсть римлянъ, какъ въ тотъ моментъ, когда имъ пришлось пережить самый крутой переворотъ въ своей исторіи — переворотъ, къ которому ихъ привела, незамѣтно для нихъ самихъ, сила вещей, но къ которому они совершенно не были приготовлены умственно и морально — переходъ отъ республики къ монархіи.

Именно посредствомъ такой фикціи Октавіанъ ввелъ въ республику и установилъ въ ней монархическое начало. Принципатъ Августа есть сдѣлка между республикой и монархіей, основанная на вымыслѣ, будто старое государственное право осталось неприкосновеннымъ. Новое монархическое начало, вступая въ жизнь, является подъ старымъ именемъ и облекается старыми формами; потребности новаго государственнаго права и новаго порядка вещей удовлетворены; но въ то же время удовлетворено чувство уваженія къ старинѣ, къ національной святынѣ, удовлетворены политическіе предрасудки. Юридическая фикція, положенная Августомъ въ основаніе его организаціи, ни въ чемъ не проявляется такъ ярко, во всей своей наивной откровенности, какъ въ завѣтныхъ словахъ, написанныхъ 75-тилѣтнимъ старцемъ для своей надгробной надписи. Въ этихъ словахъ Августъ выразилъ суть своей политической теоріи, обозначилъ ту точку зрѣнія, съ которой онъ хотѣлъ, чтобы современники

и потомство смотрѣли на его политическую организацию. «Въ шестое и седьмое мое консульство, послѣ того, какъ я погасилъ междоусобную войну и съ согласія всѣхъ овладѣлъ верховною властію, я передалъ государство изъ-подъ моей власти въ распоряженіе сената и народа римскаго. Съ этихъ поръ я превосходилъ всѣхъ почетомъ, власти же я не болѣе имѣлъ, чѣмъ тѣ, которые были мнѣ товарищами въ магистратурѣ». Что эта передача Августомъ республикѣ въ распоряженіе сената и римскаго народа—послѣ того какъ онъ сложилъ съ себя чрезвычайную власть триумвира—была не пустой фразой, а *политической теоріей* той эпохи—доказывается тѣмъ, что въ томъ же смыслѣ выразился объ этомъ событіи почти 150 лѣтъ спустя историкъ Тацитъ въ своемъ очеркѣ политическаго развитія Рима: «Наконецъ, въ шестое свое консульство цезарь Августъ, увѣренный въ своемъ могуществѣ, отмѣнилъ распоряженіе своего триумвиратства и далъ намъ учрежденія, которыми мы бы пользовались въ мирѣ и подъ управленіемъ принцепса».

Политическая фикція, съ помощью которой во дворился монархическій принципъ, выразилась въ области государственнаго права въ томъ, во-первыхъ, что старое начало, повидимому, продолжало господствовать и что республика сохранялась неприкосновенной въ принципѣ. По прежнему верховная власть римскаго государства выражается дуалистическимъ девизомъ — *Senatus populusque Romanus*; попрежнему воля народа, собравшагося въ комиціяхъ, считается источникомъ всякой власти, всякаго закона, республиканскія магистратуры всѣ сохранены и ежегодно занимаютъ по старому спо-

собу; сенатъ и комиціи продолжаютъ собираться въ установленныхъ формахъ; легионы сражаются за римскій народъ и новыя провинціи, завоеванныя ими, расширяютъ господство римскаго народа; дѣтосчисленіе продолжается по республиканскому способу—года обозначаются именами консуловъ, которые ведутъ свой длинный рядъ отъ Брута, прославившагося изгнаніемъ тирана.

Политическая фикція, кромѣ того, выражается въ томъ, что новая власть облакаетъ себя старыми республиканскими именами и формами. Монархъ не принимаетъ ни одного имени, которымъ въ современномъ ему обществѣ обозначали представителя единой или неограниченной власти; онъ, наоборотъ, обозначаетъ себя словомъ, которое выставляетъ на видъ то обстоятельство, что онъ какъ бы остается *гражданиномъ*; онъ принимаетъ официалнымъ титуломъ въ государствѣ названіе, дающее ему характеръ *частнаго* человѣка. Онъ — принцепсъ, т. е. первый гражданинъ, съ его положеніемъ не связано никакой постоянной власти; онъ могъ бы остаться принцепсомъ, сложивши всѣ магистратуры и свой имперіумъ. Въ Анкирской надписи, гдѣ Августъ говоритъ съ современниками и потомствомъ, онъ не иначе называетъ себя, какъ принцепсъ.

Правительственная власть принцепса надъ гражданами осуществляется посредствомъ республиканскихъ магистратуръ; власть народнаго трибуна, порученная принцепсу на срокъ, потомъ пожизненно, составляетъ краеугольный камень его *гражданской* власти. По временамъ ему вручается власть другихъ республиканскихъ магистратуръ—консульство и цензорская власть.

Принцепсъ становится членомъ всѣхъ главныхъ жреческихъ коллегій и верховнымъ жрецомъ; тѣ стороны и свойства новаго монархическаго принципа, которыя не укладываются въ старыя названія, которыя слишкомъ рѣзко отличаются отъ республиканскихъ формъ, скрываются подъ личнымъ прозвищемъ. Реальную опору римскаго монарха составляла его власть надъ провинціями и надъ всѣми войсками — она заключалась въ терминѣ *императора*, который былъ собственнымъ именемъ Октавіана. Такимъ же личнымъ прозвищемъ было названіе *Augustus*, сдѣлавшееся съ теченіемъ времени настоящимъ обозначеніемъ императорской власти въ Римѣ. Такимъ образомъ, чрезвычайная, не-республиканская власть, которой былъ облеченъ Августъ, является какъ бы личнымъ его достояніемъ, не влекущимъ за собой ниспроверженія республиканскаго строя.

Но политическая фикція была проведена не только въ теоріи государственнаго права, она проводилась также всею практикой жизни. Мнѣніе о продолженіи республики поддерживалъ самъ Августъ своимъ обращеніемъ съ народомъ въ комиціяхъ и съ сенатомъ, своимъ отношеніемъ къ обществу, всѣмъ своимъ личнымъ поведеніемъ. Представитель монархическаго начала жилъ, говорилъ и дѣйствовалъ какъ частный гражданинъ. Во время выборовъ на форумѣ Августъ обходилъ, по республиканскому обычаю, съ своими кандидатами трибы, кланялся проходящимъ, жалъ имъ руки и упрашивалъ подавать голосъ въ пользу выставленныхъ имъ кандидатовъ. Въ дни засѣданій сената, императоръ, входя въ курію, кланялся *сидящимъ* на своихъ мѣстахъ сенаторамъ и каждого по обычаю привѣтствовалъ, называя его по имени.

Проекты своихъ эдиктовъ онъ выставлялъ въ залѣ собранія сената и позволялъ сенаторамъ дѣлать свои замѣчанія и предлагать замѣну однихъ параграфовъ закона другими. Когда однажды актеръ произнесъ въ своей роли слова: «О господинъ, справедливый и милосердый!» — и публика начала рукоплескать, относя эти слова къ императору, Августъ тотчасъ рукой и выраженіемъ лица остановилъ заявленіе лести, а на другой день выразилъ свое неодобреніе чрезвычайно строгимъ эдиктомъ.

Во время выборовъ, Августъ самъ подавалъ голосъ въ своей трибѣ «какъ одинъ изъ гражданъ». Во время производства ценза онъ явился на форумъ и опредѣлилъ наравнѣ съ другими цѣнность своего имущества. Онъ отправлялся на судъ, когда его приглашали друзья или кліенты въ качествѣ свидѣтеля или заступника; иногда являлся непрощенный и спокойно выслушивалъ противорѣчіе и даже оскорбительные отзывы.

Августъ жилъ на Палатинѣ въ частномъ домѣ, въ скромномъ, сравнительно, помѣщеніи, принадлежавшемъ нѣкогда оратору Гортензію. Онъ по возможности избѣгалъ почестей и официальныхъ приемовъ и поэтому старался устроить такъ, чтобъ его выѣздъ изъ Рима и изъ другихъ городовъ или въѣздъ происходилъ поздно вечеромъ или ночью. Онъ многимъ отдавалъ визиты и посѣщалъ своихъ знакомыхъ въ семейныя празднества, пока не подвергся однажды, уже въ старости, сильной даvkѣ во время одной помолвки.

Эти черты частной жизни и общественныхъ отношеній существенно дополняютъ картину внутренней политики Августа. Онъ доказываютъ, что теорія

государственного права, которою онъ руководствовался, не была пустою фразою, а получала конкретное значеніе въ глазахъ современниковъ. Фикція, что республика продолжаетъ существовать, проводилась не только въ отвлеченныхъ сферахъ государственнаго управленія, недоступныхъ для большинства — она ежедневно проводилась на форумѣ, на Палатинѣ, на глазахъ самыхъ простыхъ гражданъ.

При этомъ не можетъ быть и рѣчи о политическомъ обманѣ со стороны Августа. Въ уваженіи къ республиканскимъ формамъ и преданіямъ, въ эпоху Августа, мы видимъ не одну только политическую ловкость съ его стороны и самообольщеніе со стороны римлянъ. Въ приемахъ перваго императора и въ отношеніяхъ къ нему общества мы узнаемъ заветныя черты всей римской исторіи — консерватизмъ и формализмъ, доведенные до степени государственной максимы, политической морали и патріотической добродѣтели.

Изъ римскаго консервизма вытекаетъ еще другая существенная черта организаціи Августа. Борьба между новымъ началомъ и старымъ не всегда или не во всѣхъ отношеніяхъ могла кончаться сдѣлкой, основанной на фикціи. Въ такихъ случаяхъ, гдѣ новое начало не могло, по религіознымъ, политическимъ или просто практическимъ причинамъ, войти подъ именемъ стараго, слиться съ нимъ, — оно становилось рядомъ съ нимъ, отводило себѣ особую область, предоставляя особую же область старому элементу, и *параллельно* съ послѣднимъ росло и крѣпло, пока не притягивало своими корчами жизненныхъ соковъ, заглушая старое и заставляя его по-

стѣпенно вымирать. Эта черта порождаетъ въ римской исторіи *дуализмъ* учреждений, системъ и политическихъ или юридическихъ формъ. Такимъ дуализмомъ проникнута вся исторія римскаго права; еще большее значеніе имѣетъ дуализмъ въ политической исторіи Рима. Весь ходъ исторіи республиканскаго Рима опредѣляется дуализмомъ между патриціями и плебеями. Рядомъ съ народнымъ собраніемъ по центуріямъ существовало народное собраніе по трибамъ; рядомъ съ патриціанскими — магистраты плебейскіе. Когда дуализмъ между патриціями и плебеями утратилъ характеръ борьбы, возникъ новый подобный дуализмъ между римскими гражданами и италиками, а потомъ между римлянами и провинціалами.

Такой же дуализмъ устанавливается между имперіей и республикой, проникаетъ черезъ всю организацію Августа и опредѣляетъ, въ теченіе трехъ вѣковъ, всю внутреннюю исторію Римской имперіи, пока не замѣняется новымъ дуализмомъ между латинской и греческой половиной имперіи. Республика въ Римѣ не была уничтожена установленіемъ имперіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ, напримѣръ, французской республикѣ былъ положенъ конецъ провозглашеніемъ Наполеона императоромъ. Въ Римѣ императоръ сталъ рядомъ съ республикой и въ извѣстномъ смыслѣ *снъ* ея.

Если разсматривать этотъ дуализмъ съ политической точки зрѣнія, то онъ сводится къ противоположности между республикой и монархіей, между прежними республиканскими учреждениями и вновь возникающими среди нихъ монархическими учреждениями. Но въ этомъ дуализмѣ заключается еще дру-

гой, болѣе спеціальный, техническій контрастъ между гражданской и военной властью, между управленіемъ гражданского и военного вѣдомства, — различіе, которое здѣсь въ первый разъ опредѣленно проявляется въ исторіи. Правительственная власть Рима дробится на гражданскую и военную: представитель первой есть сенатъ, стоящій во главѣ гражданского управленія; представитель второй — императоръ. Конечно, такъ какъ новый порядокъ возникъ изъ побѣды военного элемента, то гражданская власть находится въ подчиненномъ положеніи. Императоръ, представитель военной власти, стоитъ также, если не по имени, то на дѣлѣ, во главѣ гражданской власти; военное вѣдомство постепенно расширяется на счетъ гражданского, заглушаетъ его и, наконецъ, совершенно устраняетъ дуализмъ между республикой и имперіей. Но въ началѣ имперіи контрастъ между гражданскимъ и военнымъ управленіемъ еще покрывается болѣе общимъ контрастомъ политическаго характера между республиканскими (сенатскими) и императорскими учрежденіями. Единство въ этомъ дуализмѣ поддерживается тѣмъ, что императоръ стоитъ во главѣ своего государства; но отношенія его къ власти республиканскихъ учреждений и непосредственно подчиненной императору части различны. Вслѣдствіе этого въ самомъ положеніи императора проявляется дуализмъ. Онъ *princeps*, т. е. первый гражданинъ, но въ то же время онъ *imperator*, что современные греки съ тонкимъ политическимъ чутьемъ и не безъ лести обозначали на своемъ языкѣ словомъ *Autokrator* (самодержецъ); по отношенію къ гражданамъ Рима въ Италіи и колоніямъ римскихъ гражданъ въ провинціи, т. е. къ римской республикѣ,

основаніемъ власти императора является трибунская власть съ ея чисто-гражданскимъ характеромъ; первымъ днемъ новаго царствованія считается и празднуется въ Римѣ не тотъ день, когда преторіанцы или легіоны привѣтствовали новаго государя кликами «императоръ», а тотъ день, когда, по постановленію сената и народнаго собранія, онъ облеченъ трибунскою властью. Основаніемъ же владычества императора надъ провинціями считалась его проконсульская власть. Во время республики проконсульскій имперіумъ тотчасъ угасалъ, какъ только обладатель его входилъ въ городскую черту; это непримѣнимо къ императору; единая центральная власть его не можетъ, по существу своему, прекращаться; онъ и въ городѣ, т. е. въ Римѣ, носитъ на себѣ нѣкоторые признаки проконсульской власти; но онъ не имѣетъ оффиціального титула проконсула; только съ конца II-го вѣка, когда монархія окончательно побѣдила республику и военная власть заглушила гражданскую, императоръ принимаетъ въ свой постоянный титулъ обозначеніе проконсульской власти.

Затѣмъ дуализмъ проявляется въ области всѣхъ трехъ функций государственной власти. Законодательной власти, по ея существу, болѣе свойственъ гражданскій характеръ, и поэтому мы въ дѣйствительности находимъ, что въ этой области больше и дольше преобладаютъ республиканскіе органы. Собственно законодательная власть, т. е. право издавать законы, остается за комиціями, предварительное обсужденіе закона остается за сенатомъ, а инициатива, т. е. право внесенія проектовъ закона, остается за магистратами и принадлежитъ императору

въ силу его трибунской власти. Августъ прямо отъ казывается отъ *cura legum*, т. е. права издавать законы отъ имени народа, и проводить свои законы черезъ комиции. Послѣ него законодательная власть переходитъ къ другому республиканскому органу — къ сенату, т. е. постановленія сената, не утвержденныя комиціями, получаютъ силу закона. Но рядомъ съ этимъ является конкурирующимъ органомъ законодательной власти императоръ. Ему съ самаго начала принципата принадлежитъ право издавать законы частнаго характера (привилегіи въ римскомъ смыслѣ, напр. городскіе уставы), такъ называемые *leges datae*; область ихъ постепенно расширяется, затѣмъ къ нимъ присоединяются рескрипты и эдикты, и мало-по-малу законодательная власть переходитъ совершенно къ императору.

Еще многообразнѣе и характеристичнѣе дуализмъ въ области судебной; республиканскіе органы для гражданскаго и уголовнаго судопроизводства остаются при прежней своей компетентности. Но рядомъ съ ними возникаютъ новые органы правосудія, введенные монархіей: префектъ города, префектъ преторія, т. е. командующій императорской гвардіей, самъ императоръ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ занимаетъ судейскій трибуналъ. Новые монархическіе и старые республиканскіе органы координированы и во многихъ случаяхъ дѣйствуютъ параллельно, т. е. истецъ воленъ обращаться съ своимъ дѣломъ къ претору или къ префекту, къ сенату или къ императору; отъ приговора проконсула можно апеллировать въ сенатъ или къ императору. Еще глубже проведенъ дуализмъ или сопоставленіе республиканской и монархической власти въ области администраціи. Провинціи

римскаго народа подѣлены между сенатомъ и императоромъ. Старыя внутреннія провинціи, въ которыхъ не ведется болѣе войнъ, предоставлены управленію сената; недавно покоренныя, пограничныя, не вполне умиротворенныя провинціи остаются за императоромъ. Августъ предоставилъ своему непосредственному и исключительному вѣдѣнію Галлію, часть Испаніи, прилегавшую къ Пиринеямъ, и Сирию; къ нимъ присоединились всѣ вновь завоеванныя или сформированныя провинціи.

Сообразно съ этимъ, составъ администраціи имѣлъ двойственный характеръ. Сенатскія провинціи управлялись попрежнему бывшими консулами и преторами, получавшими свое назначеніе по жребію, который они бросали въ сенатъ. Они оставались обыкновенно только годъ въ провинціи и были настоящими гражданскими правителями, ибо не имѣли войскъ подъ своей командой. Императорскія провинціи управлялись легатами, т. е. намѣстниками императора. Они прямо назначались императоромъ и на неопредѣленный срокъ. Легаты были военные губернаторы, такъ какъ они въ то же время командовали легіонами, стоявшими въ ихъ провинціяхъ, и вели съ ними войны.

Такой же дуализмъ лежитъ въ основаніи карьеры магистратурной. Магистраты избираются по извѣстной іерархіи въ комиціяхъ, а послѣ Августа въ сенатъ. Кандидаты распадаются на двѣ категоріи: рекомендованные императоромъ, которые идутъ навѣрняка, и нерекондованные имъ, между которыми распредѣляются остающіяся мѣста. Первые и послѣ выборовъ сохраняютъ обозначеніе цезаревыхъ кандидатовъ. Это касается собственно магистратуры;

но дуализмъ проходитъ, кромѣ того, еще глубже и шире чрезъ весь составъ многочисленной администраціи, управлявшей имперіею. По римскимъ понятіямъ о магистратѣ, весь кругъ порученныхъ ему обязанностей лежалъ на его личной ответственности. Извѣстныя части своихъ функцій онъ, конечно, принужденъ былъ возлагать на другихъ, поручать помощникамъ. Онъ былъ не только совершенно свободенъ въ выборѣ такихъ помощниковъ и служителей, но республика вовсе не признавала послѣднихъ въ качествѣ официальныхъ лицъ. Императоръ въ этомъ отношеніи былъ такимъ же магистратомъ. Онъ нуждался въ помощи и услугахъ громаднаго числа приказчиковъ и бралъ ихъ, смотря по характеру обязанностей, изъ своихъ рабовъ, вольноотпущенниковъ или римскихъ гражданъ, но никогда изъ сенаторовъ. Члены правительствующаго сословія республики не могли находиться на частной службѣ. Частная служба императору однако скоро получила значеніе государственной службы, и такимъ образомъ въ имперіи образовались два разряда служебныхъ мѣстъ, два рода служебной карьеры — служба съ характеромъ магистратуры, доступная только лицамъ сенаторскаго званія, и собственно императорская служба, высшія степени которой занимались лицами изъ сословія всадниковъ.

Отличительнымъ признакомъ послѣдней службы было жалованье, — тогда какъ мѣста, предоставленныя сенаторамъ, занимались, по республиканскому обычаю, безвозмездно. Только мало-по-малу принципъ бюрократіи — жалованье — проникъ въ служебную область сенаторовъ, и стерся дуализмъ между республиканской и императорской службой.

Но особенно рельефно выступает рассматриваемый нами дуализмъ въ области финансоваго управленія. Въ ознаменованіе того, что верховная власть раздѣлена, хотя и не поровну, между республиканскимъ правительствомъ и монархомъ, сенатъ сохранилъ право чеканить монету изъ стараго республиканскаго металла — мѣди — и еще до конца III-го вѣка на мѣдныхъ монетахъ красуется старинная формула S. C. (*Senatus Consulto*). Чеканъ же серебра и золота былъ предоставленъ императору, и монета этого металла украшена его изображеніемъ. Практически еще важнѣе было то, что казна римскаго народа — *aerarium populi Romani* — осталась неприкосновенной и подъ вѣдѣніемъ прежнихъ республиканскихъ органовъ. Но рядомъ съ казной римскаго народа учреждается особая казна императора — фискъ — съ особыми отведенными ей доходами. Какъ служба императору считается личной ему службой, такъ и фискъ рассматривается какъ частная казна императора. Изъ эраріума выплачиваются извѣстныя суммы императору на расходы, которые онъ беретъ на себя въ интересахъ республики, — напр. исправленіе дорогъ, жалованье войску. Съ другой стороны, императоръ нерѣдко покрывалъ суммами фиска ординарные расходы республики, когда недоставало денегъ въ эраріумѣ, или дѣлалъ подарки изъ своихъ средствъ римскому народу въ специальномъ смыслѣ.

III.

Разсмотрѣвши тѣ черты политической организаціи Августа, въ которыхъ проявился историческій консерватизмъ римскаго народа, мы обратимся къ

дѣятельности Августа, относящейся къ организаціи общества, къ его общественному идеалу. Здѣсь еще ярче обнаруживаются консерватизмъ и національный духъ римлянъ, отпечатлѣвшійся во всей ихъ исторіи, — а это особенно важно для вѣрной оцѣнки Августа, ибо въ данномъ случаѣ нельзя предполагать, чтобы онъ дѣйствовалъ противъ воли, уступалъ давленію обстоятельствъ, или чтобы онъ замаскировалъ свою настоящую программу, какъ его обвиняли относительно политической организаціи Рима. Общественная программа Августа сводится къ тому, чтобы сохранить старинный историческій строй римскаго общества, чтобы возстановить древніе нравы и національный духъ римлянъ. Для сохраненія общественного строя, выработаннаго республиканской исторіей, необходимо было пополнить классы, составлявшіе этотъ строй, и въ то же время исключить изъ нихъ всѣ неподходящіе, позорящіе элементы. Съ этою цѣлью Августъ увеличилъ число патриціанскихъ родовъ, которые были необходимы для замѣщенія извѣстныхъ жреческихъ должностей. Съ постоянной заботой и необыкновенной тщательностью онъ, пользуясь своей цензорской властью, провѣрялъ ряды сенаторовъ и всадниковъ. Онъ дополнял изъ своихъ средствъ цензъ тѣхъ, которые обѣднѣли не по своей винѣ, исключалъ недостойныхъ, а тѣмъ изъ всадниковъ, относительно которыхъ онъ считалъ такую мѣру слишкомъ строгой, онъ во время лустраціи (смотреть, сопровождаемый церемоніей очищенія), когда они проходили мимо него, держа за узду свою лошадь, передавалъ записку, въ которой осуждалъ ихъ дурное поведеніе и давалъ имъ совѣты. Онъ зорко слѣдилъ за тѣмъ,

чтобы этимъ аристократическимъ классамъ было оказываемо должное уваженіе; но съ другой стороны, онъ требовалъ, чтобы и члены этихъ классовъ не роняли своего положенія въ обществѣ, и запрещалъ всадникамъ играть на театрѣ и принимать участіе въ любимомъ римлянами бою гладиаторовъ. Еще большую заботливость обнаруживалъ Августъ относительно поддержанія численности римскаго народа вообще. Этому существенному элементу въ государствѣ Августа грозила серьезная опасность, вслѣдствіе давно уже распространявшагося въ Римѣ обычая избѣгать брака и семейной жизни. Противъ этого зла были направлены брачные законы Августа, столь характеризующіе его внутреннюю политику. Сущность ихъ состояла въ томъ, что были назначены преміи и различныя преимущества для гражданъ, имѣвшихъ трехъ дѣтей. Холостые лишились права получать легаты, назначенные имъ въ завѣщаніяхъ; бездѣтные могли получить только половину назначеннаго легата, и оставшіяся суммы переходили къ семейнымъ наслѣдникамъ. Бездѣтный гражданинъ не могъ оставить своей женѣ по завѣщанію или получить отъ нея болѣе десятой части имущества. Въ служебной карьерѣ сроки повышения сокращались для семейныхъ, и при распредѣленіи мѣстъ они имѣли преимущество передъ холостыми.

Въ нарожденіи видѣлъ Августъ лучшій путь къ увеличенію числа гражданъ. Что же касается до другихъ способовъ, которыми пополнялся классъ римскихъ гражданъ, — отпущенія на волю рабовъ и раздачи гражданскихъ правъ провинціаламъ, — то Августъ не находилъ нужнымъ поощрять ихъ

въ такой же мѣрѣ, ибо онъ имѣлъ въ виду не столько число, сколько качество римскихъ гражданъ. Первое средство было худшимъ, тамъ какъ этимъ путемъ съ одной стороны увеличивался городской пролетаріатъ, съ другой — состоятельные вольноотпущенники, не имѣя ни патріотизма, ни національнаго духа, нерѣдко вносили въ римское общество пороки, вытекавшіе изъ ихъ прежняго состоянія — привычку къ нечестной наживѣ, лживости, подражаніе роскоши, грубость и въ то же время развращенность нравовъ. Августъ отнесся строго къ этому источнику римскаго гражданства. «Очень дорожа, говоритъ его біографъ, тѣмъ, чтобы сохранить римскій народъ въ чистотѣ и неиспорченнымъ примѣсью иностранной и рабской крови, онъ былъ очень нещедръ на раздачу права гражданства и *регулировалъ* способы отпущенія на волю. Не довольствуясь тѣмъ, что онъ затруднилъ дарованіе свободы рабамъ, и особенно полноправной свободы, Августъ подробными постановленіями опредѣлилъ и число, и свойства, и положеніе въ обществѣ тѣхъ, которые отпускались на волю, и между прочимъ запретилъ предоставлять какую бы то ни было степень свободы рабамъ, носившимъ оковы или подвергнувшимся пыткамъ». Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что Августъ ограничилъ одною сотней число рабовъ, которые могли быть освобождены посредствомъ завѣщанія, и запретилъ господамъ обязывать вольноотпущенныхъ къ безбрачію для того, чтобы потомъ получить послѣ нихъ наслѣдство. По отношенію къ своимъ вольноотпущенникамъ Августъ былъ добрымъ патрономъ, многихъ изъ нихъ онъ держалъ въ большой чести и сдѣлалъ приближен-

ными къ себѣ лицами, но требоваль, чтобы они не забывались, и вообще Августъ не желаль, чтобы люди рабскаго происхожденія проникали въ среду римской аристократіи, и потому запретилъ сенаторамъ вступать въ бракъ съ дочерьми вольноотпущенниковъ.

Что касается до дарованія провинціаламъ права гражданства, то Августъ не абсолютно преградилъ имъ доступъ въ римскіе граждане, но послѣ того, какъ въ смутное время Рима гражданство было рачточаемо цѣлымъ массама не-латинскаго населенія, находилъ нужнымъ приостановиться и дѣйствовать съ разборомъ.

Какъ относительно высшихъ сословій, такъ и по отношенію къ римскимъ гражданамъ вообще, Августъ заботился не объ одной многочисленности ихъ, но и о томъ, чтобы этотъ классъ поддерживаль свое достоинство и внѣшнее отличіе своего господствовавшего въ государствѣ положенія. Августъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что бѣлая тога, символъ политическаго значенія римскаго гражданина, стала выходить изъ моды. Онъ предписаль эдиламъ, чтобы они не дозволяли никому являться на форумъ и въ сосѣднія улицы безъ тоги.

Рядомъ съ заботами о сохраненіи римскаго общественнаго строя, вниманіе Августа было направлено на сохраненіе и возстановленіе римскаго національнаго духа и нравовъ римской старины.

Въ этомъ стношеніи важную роль играла религія. Здѣсь попеченіямъ Августа открылось широкое поле дѣятельности. Пока усобицы расшатывали зданіе республики, мало-по-малу приходили въ ветхость и разореніе старинные храмы. Тотчасъ послѣ

Акціумской побѣды, въ свое шестое консульство, Октавіанъ реставрировалъ въ городѣ 82 храма, «не забывши ни одного, который бы нуждался въ починкѣ». Кромѣ того, было построено много новыхъ храмовъ національнымъ богамъ, и на потомковъ строителей древнихъ храмовъ возложена обязанность поддерживать ихъ на свой счетъ. Вмѣстѣ съ храмами нуждалось въ восстановленіи жреческое сословіе и самое богослуженіе. Сохранившіяся жреческія коллегіи были пополнены, старинныя коллегіи и должности, упразднившіяся вслѣдствіе равнодушія къ религіознымъ преданіямъ, возобновлены, и всѣ онѣ обставлены новымъ благолѣпіемъ и новымъ почетомъ, особенно коллегія весталокъ; старинныя, забытые религіозныя обряды, какъ напр. Луперкаліи и почитаніе Ларовъ на перекресткахъ,—возстановлены. Городъ былъ разбитъ на 14 частей; въ каждой устроена часовня для Ларовъ, и при ней изъ мелкихъ гражданъ учреждена коллегія жрецовъ, на которыхъ лежала обязанность совершать религіозныя церемоніи и празднества. Когда же открылась ваканція въ коллегіи весталокъ, и знатные римляне, приглашенные бросить жребій для своихъ дочерей, стали отказываться отъ этого, Августъ поклялся передъ ними, что, если бы у него была внучка подходящая по возрасту, онъ самъ предложилъ бы посвятить ее въ весталки. Чтобы возстановить чистоту національныхъ религіозныхъ воззрѣній, Августъ велѣлъ собрать и сжечь болѣе 200 книгъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ, обращавшихся въ публикѣ подъ именемъ изреченій оракуловъ; сивиллинскія книги подвергнуты пересмотру и заключены въ золотыя ковчеги. Египетское и еврей-

ское богослуженія были изгнаны изъ предѣловъ города.

Съ религіозной стариной возстановлялась и національная. «Послѣ безсмертныхъ боговъ, говоритъ біографъ Августа, онъ оказывалъ высшій почетъ памяти вождей, расширившихъ владычество римскаго народа отъ самыхъ тѣсныхъ предѣловъ до обширнѣйшихъ». Всѣ возведенныя ими зданія Августъ возстановилъ вмѣстѣ съ старинными надписями, а въ портикахъ своего форума поставилъ статуи ихъ въ триумфальныхъ украшеніяхъ и заявилъ въ эдиктѣ, чтобы граждане брали съ нихъ образецъ для свѣрки его самого и принцевовъ послѣдующихъ вѣковъ.

Труднѣе, конечно, и гораздо безуспѣшнѣе были старанія Августа возстановить старинные нравы и добродѣтели, прагматическій образъ мыслей. Тѣмъ не менѣе Августъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы напоминать современникамъ о нравахъ и правилахъ, бывшихъ нѣкогда причиной силы и могущества римлянъ. Читая римскихъ и греческихъ авторовъ, императоръ ни на что не обращалъ такого вниманія, какъ на изреченія и примѣры, полезные въ частной и общественной жизни. Все подходящее, какъ разсказываетъ Светоній, онъ дословно извлекалъ и давалъ это читать или своимъ домашнимъ, или посылалъ начальникамъ войскъ и провинцій, или городскимъ магистратамъ, смотря по тому, въ какихъ наставленіяхъ они нуждались. Даже цѣлыя сочиненія такого рода онъ велѣлъ прочитывать въ сенатѣ и не разъ указывалъ на нихъ народу въ своихъ эдиктахъ, какъ напр. рѣчи Метелла объ умноженіи потомства и Рутилія объ умѣренности въ постройкахъ. Не только древней литературой пользовался

Августъ для возстановленія древнихъ нравовъ, но и современной ему поэзіей, озарившей его правленіе столь яркимъ блескомъ. Въ угоду ему написаль Виргилій свои «Георгики» — это поэтическое прославленіе земледѣлія, служившаго древнимъ римлянамъ школой труда, умѣренности и воинскаго духа, и проводниками общественной программы Августа были тѣ благозвучныя оды Горация, въ которыхъ поэтъ воспѣваетъ доблести предковъ, національное величіе, блаженство умѣренной доли, осуждаетъ роскошь и страсть къ наживѣ.

Ту же цѣль — возстановленіе древней нравственности — Августъ старался достигнуть своими законами и административными распоряженіями. Первое мѣсто между ними занимаетъ, конечно, извѣстный законъ, охранявшій различными карами уголовнаго и гражданскаго свойства прочность брачныхъ узъ. Одной изъ главныхъ нравственныхъ язвъ римскаго общества было ослабленіе семейной жизни и неуваженіе къ обязательствамъ брака. Вопреки нравамъ древней республики, которая гордилась тѣмъ, что черезъ 520 лѣтъ послѣ основанія Рима, случился первый разводъ, и то по причинѣ безплодія, въ послѣднюю эпоху республики разводы и новые браки совершались такъ часто, что женщины, по злому замѣчанію сатиры, стали обозначать года не именами консуловъ, а именами своихъ мужей. Несмотря однако на легкость развода, браки часто нарушались не только подъ вліяніемъ страсти или разврата, но и грубаго расчета. Въ древнемъ Римѣ, забота о соблюденіи семейной нравственности была возложена на семейное право. При распаденіи родового быта и ослабленіи понятій о юридической власти

мужа надъ женой, семейная нравственность лишилась, при измѣненіи общественныхъ нравовъ, своей опоры, и при Августѣ государство впервые опредѣленно заявляетъ свое право регулировать семейную жизнь карательными мѣрами, но въ то же время улучшаетъ юридическое положеніе женщины, ограждая ее отъ тѣхъ остатковъ утратившаго свое нравственное значеніе родового быта, которые дѣлали женщину жертвой чужого произвола и этимъ заставляли ее нарушать законъ или обходить стѣснительныя формы. У мужа была отнята власть распоряжаться имуществомъ жены, а матери, у которыхъ было трое дѣтей, освобождены отъ стѣснительной опеки своихъ родичей. Другой причиной нравственной распатанности римскаго общества была необузданная страсть его къ зрѣлищамъ всякаго рода, дѣйствовавшимъ растлѣвающимъ образомъ. Августъ отвелъ женщинамъ на гладиаторскихъ играхъ самыя высокія мѣста въ амфитеатрѣ, а представленіе атлетовъ перевелъ на самыя ранніе утренніе часы, въ то же время запретивши женщинамъ появляться въ театрѣ раньше 11-ти часовъ.

Августъ понималъ, какъ вредны для земледѣлія въ Италіи даровыя или дешевыя раздачи хлѣба городской черни, и дѣлалъ попытки устранить это зло; но онъ отказался отъ своего намѣренія, вслѣдствіе убѣжденія, что раздача хлѣба будетъ возобновлена послѣ него. Тѣмъ не менѣе онъ нѣкоторыми мѣрами оградилъ интересы земледѣлія.

Онъ относился очень строго къ проявленіямъ современной распущенности нравовъ. Когда рабы убили одного римлянина, извѣстнаго своимъ развратнымъ относительно ихъ поведеніемъ, Августъ запре-

тиль уголовное слѣдствіе, которое, по римскому обычаю, въ подобномъ случаѣ, подвергало пыткамъ всѣхъ рабовъ. Не одними репрессивными мѣрами, впрочемъ, старался Августъ повліять на современное ему общество, но и собственнымъ примѣромъ. Что могло сильнѣе побудить высшее римское общество къ сдержанности въ роскоши, какъ не простота обстановки на Палатинѣ и неизысканность вкусовъ монарха? Чтобы выразить свое уваженіе къ той старинѣ, когда римскія матроны съ дочерьми трудомъ своихъ рукъ одѣвали всю семью, Августъ почти не носилъ другой одежды, кромѣ той, которая была соткана его сестрой, женой или дочерью. Чрезвычайно озабоченный тѣмъ, чтобы внушить своей дочери, Юліи, любовь къ простотѣ и чинности, Августъ воспитывалъ ее въ строгой обстановкѣ и тщательно удалялъ изъ ея общества всякій соблазнъ. Но вышедши замужъ, она ушла изъ-подъ отцовской власти; тѣмъ не менѣе онъ не переставалъ настаивать на ней, то шутками, то серьезными замѣчаніями, и всегда въ самой деликатной формѣ, свидѣтельствовавшей объ его нѣжности. Однажды Юлія поразила его роскошью и элегантностью своей одежды, и Августъ выразилъ ей свое неудовольствіе; тогда, на другой день, она явилась къ нему въ самомъ простомъ одѣяніи римской матроны; императоръ былъ въ восторгѣ. «Вчера,— сказала ему дочь,— я одѣлась, чтобъ понравиться мужу,— сегодня, чтобъ понравиться отцу». Въ другой разъ Августъ былъ въ театрѣ съ Ливіей, все вокругъ нихъ было чинно и просто; рядомъ съ ними сидѣла Юлія, окруженная молодыми людьми въ блестящихъ одеждахъ и съ дорогими украшеніями. Августъ написалъ нѣ-

сколько словъ и послалъ ихъ дочери; но Юлія приписала: «Не безпокойтесь, эта молодежь состарится вмѣстѣ со мною».

Такимъ образомъ, и въ частной жизни, и въ области общественной нравственности Августъ является блюстителемъ старины. Оглядываясь на свою долгую жизнь, императоръ имѣлъ полное право написать слова: «новыми законами я возстановилъ во многомъ образцы, оставленные предками и преданные уже забвенію въ нашемъ обществѣ, и самъ, своимъ поведеніемъ, во многихъ отношеніяхъ служилъ образцомъ для подражанія потомкамъ». Эти слова во всякомъ случаѣ выражаютъ общественную программу Августа и характеризуютъ его идеалы.

АВТОБИОГРАФІЯ АВГУСТА

(Анжирскій памятникъ).

(Res gestae divi Augusti, изд. Момзеномъ).

Девятнадцати лѣтъ отъ роду я, по своему личному почину и на собственный счетъ, набралъ войско, съ помощью котораго возвратилъ свободу государству, угнетенному владычествомъ партіи ¹⁾. Въ награду за это сенатъ удостоилъ меня почетнаго избранія въ свою среду въ консульство К. Пансы и А. Гирція, даровавши мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ право подавать голосъ на ряду съ бывшими консулами, кромѣ того, вручилъ мнѣ *imperium* ²⁾ и поручилъ мнѣ, въ званіи пропретора, вмѣстѣ съ консулами заботиться о благосостояніи государства ³⁾. Когда въ томъ же году оба консула были убиты на войнѣ, народъ назначилъ меня консуломъ и триумвиромъ ⁴⁾.

Убийць моего родителя я отправилъ въ ссылку, отмстивъ законнымъ приговоромъ за ихъ преступленіе, а потомъ, когда они стали воевать противъ государства, я дважды побѣдилъ ихъ въ открытомъ полѣ.

Я вель морскія и сухопутныя войны, внутри и внѣ государства, во всемъ мірѣ, и послѣ побѣды

¹⁾ Разумѣются республиканцы и приверженцы Антонія.

²⁾ Слово «имперіумъ» означало неограниченную власть.

³⁾ «Res publica ne quid detrimento caperet».

⁴⁾ «Triumvir rei publicae constituendae».

щадилъ всѣхъ гражданъ, оставшихся въ живыхъ. Чужеземные народы, которымъ можно было безопасно оказать снисхожденіе, я предпочиталъ лучше сохранять, чѣмъ истреблять.

Число римскихъ гражданъ, принесшихъ мнѣ военную присягу, простиралось до 500,000. Изъ нихъ я вывелъ въ колоніи или вернулъ на родину по окончаніи срока службы нѣсколько болѣе 300,000. Всѣмъ имъ я роздалъ участки земли, на мой счетъ купленные, или вмѣсто помѣстьевъ далъ имъ деньгами. Кораблей я взялъ въ плѣнъ 600, не считая тѣхъ, которые были размѣрами меньше триремъ.

Дважды я былъ удостоенъ малаго триумфа и три раза курульнаго; 21 разъ я былъ провозглашенъ императоромъ. Хотя впоследствии сенатъ много разъ присуждалъ мнѣ триумфы, но я ихъ не праздновалъ. Часто также я слагалъ лавры въ Капитоліи, по выполненіи тамъ обѣтовъ, данныхъ во время войны ¹⁾. По случаю успѣховъ, одержанныхъ мною, или моими легатами подъ моимъ руководствомъ, на сушѣ и на морѣ, сенатъ 55 разъ постановлялъ благодарственныя молебствія безсмертнымъ богамъ. Молебствія эти заняли въ общемъ 890 дней. Во время триумфовъ 9 царей или царскихъ сыновей ведены были за моей колесницей.

До времени составленія этой надписи я былъ 13 разъ консуломъ и 37-й годъ пользовался трибунскою властью (14 г. по Р. Х.).

Въ консульство М. Марцелла и Л. Аррунція (22 г. до Р. Х.) сенатъ и народъ облакалъ меня диктатор-

¹⁾ Во время республики, когда полководецъ совершалъ триумфальный въездъ въ Капитолій, онъ возлагалъ на статую Юпитера лавровый вѣнокъ.

ской властью и въ мое присутствіе и въ мое отсутствіе, — но я ея не принялъ. Во время большого голода я не отказался взять на себя заботу о продовольствіи и выполнилъ ее такимъ образомъ, что въ нѣсколько дней на свой собственный счетъ избавилъ весь народъ отъ страха и опасности. Консульскаго званія, которое мнѣ тогда предлагали и на годъ и пожизненно, я не принялъ.

Въ консульство М. Винуція и Кв. Лукреція, затѣмъ въ консульство Публия и Кнея Лентуловъ и, наконецъ, въ третій разъ въ консульство Павла Фабія Максима и Кв. Туберона, сенатъ и народъ предлагалъ мнѣ единоличную и неограниченную власть для охраны законовъ и нравовъ, но я не согласился принять власти, противной старымъ обычаямъ. Реформы же, которыхъ ожидалъ отъ меня сенатъ, я произвелъ въ силу принадлежащей мнѣ трибунской власти; и даже эту власть я пять разъ раздѣлялъ съ товарищемъ, назначеннымъ по моей просьбѣ сенатомъ.

10 лѣтъ подъ рядъ я былъ триумвиромъ для устройства государственныхъ дѣлъ. Первымъ въ сенатѣ (*princeps senatus*) я состоялъ до настоящей минуты въ теченіе 40 лѣтъ. Я носилъ также званія верховнаго жреца (*pontifex*), авгура, квиндецемвира при жертвоприношеніяхъ, септемвира при трапезахъ (*epulonium*), члена Арвальскаго братства, товарищества Тиціевъ, а также званіе феціала.

Въ пятое свое консульство (29 г. до Р. Х.) я умножилъ число патриціевъ, согласно постановленію народнаго собранія и сената. Трижды я составлялъ списокъ сенаторовъ, а въ 6-ое консульство (28 г. до Р. Х.), вмѣстѣ съ товарищемъ М. Агриппою, я

произвелъ народную перепись. Эта перепись произведена была послѣ 42-лѣтняго промежутка и показала 4.063,000 римскихъ гражданъ. Вторую перепись я производилъ одинъ, облеченный консульской властью, въ консульство К. Цензорина и К. Азинія (8 г. до Р. X.); въ эту перепись насчитано было 4.233,000 римскихъ гражданъ. Въ третій разъ я производилъ перепись, облеченный консульской властью въ сотовариществѣ съ моимъ сыномъ Тиберіемъ Цезаремъ, въ консульство С. Помпея и С. Апулея (14 г. по Р. X.); въ эту перепись насчитано было 4.937,000 римскихъ гражданъ.

Изданіемъ новыхъ законовъ я снова ввелъ въ употребленіе многіе обычаи нашихъ предковъ, успѣвшіе придти въ забвеніе, и самъ передалъ потомству, какъ образецъ для подражанія, многія собственныя дѣянія.

Сенатъ опредѣлилъ, чтобы каждыя пять лѣтъ консулы и жрецы производили моленія о моемъ здравіи. Изъ этихъ моленій неоднократно возникали игры, устраивавшіяся иногда четырьмя высшими коллегіями жрецовъ, иногда же консулами; также и частнымъ образомъ и въ муниципіяхъ всѣ граждане непрерывно приносили жертвы богамъ за мое здравіе.

Рѣшеніемъ сената имя мое было включено въ салическій гимнъ; по постановленію закона мнѣ дана была пожизненно трибунская власть съ правомъ неприкосновенности

Когда народъ далъ мнѣ званіе верховнаго жреца, которое носилъ также и мой отецъ, я отказался принять это званіе, пока живо было лицо, занимавшее эту должность. Лишь спустя нѣсколько лѣтъ по смер-

ти этого лица, завладѣвшаго этою должностію во время междоусобныхъ смуть, я принялъ это священное званіе, и ко дню моего избранія на эту должность со всей Италіи стеклось такое множество народа, какого не видали въ Римѣ никогда съ самаго основанія города. Это было въ консульство П. Сульпиція и К. Вальгія (12 г. до Р. Х.).

Въ память о моемъ возвращеніи, сенать воздвигнулъ у Капенскихъ воротъ, недалеко отъ храма Чести и Добродѣтели, жертвенникъ во имя Фортуны Возвратительницы. Понтифексы и дѣвы-весталки получили повелѣніе ежегодно совершать на этомъ алтарѣ жертвоприношенія въ годовщину того дня, когда я вернулся въ столицу изъ Сиріи, въ консульство К. Лукреція и М. Винуція (19 г. до Р. Х.). День этотъ постановлено, по нашему прозвищу, именовать Августаліями.

Въ то же время, въ силу сенатскаго рѣшенія, часть преторовъ и народныхъ трибуновъ съ консуломъ К. Лукреціемъ и сановниками посланы были мнѣ навстрѣчу въ самую Кампанію, — честь, которой до тѣхъ поръ никого кромѣ меня не удостоивали. Когда я вернулся изъ Испаніи и Галліи, окончивъ благополучно тамошнія дѣла, въ консульство Т. Нерона и П. Квинтилія (18 г. до Р. Х.), сенать въ память о моемъ возвращеніи постановилъ воздвигнуть на Марсовомъ полѣ алтарь Августава Мира, на которомъ власти, жрецы и дѣвы-весталки должны были совершать ежегодное жертвоприношеніе.

Храмъ Януса Квирина, который предки наши постановили запирать, когда римляне своими побѣдами возстановятъ миръ на морѣ и на сушѣ, — съ основа-

нія города Рима до моего рожденія только два раза былъ запертъ. Между тѣмъ во время моего принципата сенать постановлялъ запираеть его трижды.

Сыновьямъ моимъ, рано похищеннымъ у меня смертью, Гаю и Люцію Цезарямъ ¹⁾, сенать и римскій народъ, изъ уваженія ко мнѣ, далъ званіе консуловъ на 15-мъ году ихъ жизни, съ тѣмъ, чтобы они вступили въ должность черезъ пять лѣтъ. И съ того самаго дня, какъ они были приведены на форумъ ²⁾, сенать разрѣшилъ имъ присутствовать въ своихъ засѣданіяхъ. А римскіе всадники обоимъ ихъ одарили серебряными щитами и копьями и дали имъ титулъ «вождей молодежи» (*principes juventutis*).

Римскимъ плебеймъ я отсчиталъ по триста сестерцій каждому, согласно завѣщанію моего отца, и отъ себя далъ имъ въ пятое свое консульство (29 г. до Р. Х.) по 400 сестерцій изъ военной добычи; въ десятое же мое консульство (24 г. до Р. Х.) я отсчиталъ каждому конгіарій ³⁾ въ 400 сестерцій изъ своихъ собственныхъ доходовъ; въ 11-е мое консульство (23 г. до Р. Х.) я двѣнадцать разъ раздавалъ хлѣбъ, купивъ его на свой счетъ; въ 12-е мое трибунство (12 г. до Р. Х.) я роздалъ въ третій разъ каждому по 400 сестерцій. Всѣ эти мои конгіаріи получали не менѣе 250,000 человекъ. Въ 18-е свое трибунство и 12-е консульство (5 г. до Р. Х.) я роздалъ 320,000 плебеймъ столицы по 60 дена-

¹⁾ Это были сыновья Агриппы и Юліи, дочери Августа; императоръ ихъ усыновилъ.

²⁾ Т. е. съ тѣхъ поръ, какъ они надѣли мужскую тогу (*toga virilis*).

³⁾ Конгіаріемъ называлась раздача деньгами или натурой народу.

ріевъ каждому. Въ своихъ солдатскихъ колоніяхъ, въ 5-е свое консульство, я роздалъ изъ военной добычи по 1,000 сестерцій каждому. Получили этотъ конгіарій по случаю моего триумфа до 120,000 колонистовъ. Въ 13-е мое консульство (2 г. до Р. Х.) я роздалъ по 60 денаріевъ тѣмъ плебеямъ, которые тогда получали хлѣбъ отъ казны: ихъ было нѣсколько болѣе 200,000 человекъ.

За земли, отданныя мною солдатамъ во время моего 4-го консульства и потомъ въ консульство М. Красса и Кн. Лентула Авгура (30 и 14 гг. до Р. Х.), я уплатилъ деньги муниципіямъ. Сумма денегъ, уплаченная за земли въ Италіи, доходила до 600.000,000 сестерцій, а за земли въ провинціяхъ — до 260.000,000 сестерцій. Изъ всѣхъ, выводившихъ военныя колоніи въ Италію и въ провинціи, я былъ до сихъ поръ первымъ и единственнымъ, который поступилъ такимъ образомъ. Впослѣдствіи, въ консульство Т. Нерона и Кн. Пизона, К. Антистія и Д. Лелія, К. Кальвизія и Л. Пазіена, Л. Лентула и М. Мессалы, Л. Канинія и Кв. Фабриція (7, 6, 4, 3 и 2 гг. до Р. Х.) я награждалъ наличными деньгами солдатъ, которыхъ я отпустилъ въ ихъ муниципіи за выслугою лѣтъ, и для этой цѣли я съ удовольствіемъ истратилъ 4.000,000 сестерцій.

Четыре раза я своими деньгами помогалъ государственной казнѣ; такимъ образомъ я внесъ завѣдывавшимъ казной 150.000,000 сестерцій. Также и въ консульство М. Лепида и Л. Арунція (6 г. по Р. Х.) я внесъ изъ своего имущества въ военную казну, устроенную по моему совѣту для выдачи наградъ солдатамъ, прослужившимъ 20 или болѣе лѣтъ, 170.000,000 сестерцій.

Съ того года, когда консулами были Кн. и П. Лентулы (18 г. до Р. Х.), я нѣсколько разъ помогаль изъ своихъ собственныхъ средствъ, то сотнѣ тысячъ людей, то еще большему количеству, вносить хлѣбомъ или деньгами недоимку въ поземельныхъ пошлинахъ.

Я построилъ курію и сосѣдній съ ней храмъ Минервы Халкидской, храмъ Аполлона на Палатинѣ съ портиками, святилище божественнаго Юлія ¹⁾, Луперкаль, портикъ возлѣ Фламиніева цирка, которому разрѣшилъ называться, по имени раньше построеннаго въ томъ же мѣстѣ, — «портикомъ Октавія», затѣмъ Пульвинарь около Большого цирка; въ Капитоліи — святилище Юпитера Феретрійскаго и Юпитера Громовержца, святилище Квирина, святилище Минервы, Юноны Царицы и Юпитера Освободителя на Авентинѣ, святилище Ларовъ въ верхней части Священной улицы, святилище боговъ - Пенатовъ на Веліи, святилище Молодости, святилище Великой Матери боговъ на Палатинѣ.

Съ большими издержками я реставрировалъ Капитолій и театръ Помпея и не надписалъ надъ ними своего имени. Водопроводы, обветшавшіе во многихъ мѣстахъ, я исправилъ и такъ называемую Марціеву воду удвоилъ въ количествѣ, направивъ въ этотъ водопроводъ новый источникъ. Я докончилъ постройку Юліева форума и базилики между святилищами Кастора и Сатурна, начатую и почти доведенную до конца моимъ отцомъ. Когда пожаръ истребилъ эту базилику, то я началъ строить ее вновь на расширенномъ фундаментѣ отъ имени своихъ сыновей

¹⁾ Надъ мѣстомъ, гдѣ сожжено было тѣло Цезаря.

и завѣщалъ наследникамъ достроить, если не успѣю довести до конца постройку при жизни. Въ 6-е мое консульство (28 г. до Р. Х.) я реставрировалъ въ столицѣ, согласно сенатскому постановленію, 82 храма, не оставивъ безъ вниманія ни одного изъ тѣхъ, которые тогда нуждались въ поправкахъ. Въ 7-е консульство (27 г. до Р. Х.) я исправилъ Фламиніеву дорогу отъ столицы до Аримина и всѣ мосты, кромѣ Мульвіева и Минуціева.

На своемъ собственномъ участкѣ земли я построилъ храмъ Марса Мстителя и форумъ Августа на средства, взятые изъ военной добычи. Возлѣ святилища Аполлона я построилъ театръ на землѣ, большею частію купленной у частныхъ лицъ, и посвятилъ его имени моего зятя М. Марцелла. Въ Капитоліи и въ святилищахъ божественнаго Юлія, Аполлона, Весты и Марса Мстителя я принесъ богамъ дары, стоявшіе мнѣ около 100.000,000 сестерцій. Въ 5-е мое консульство (29 г. до Р. Х.) я сложилъ съ муниципіевъ и съ итальянскихъ колоній 35,000 литръ золота, предназначеннаго ими на вѣнки для моего триумфа, и впослѣдствіи всякій разъ, какъ меня провозглашали императоромъ, я отказывался отъ золота, которое муниципіи и колоніи назначали мнѣ на вѣнки съ всегда одинаковой готовностью.

Три раза я устраивалъ гладіаторскія состязанія отъ своего имени и пять разъ отъ имени сыновей и внуковъ. Въ этихъ играхъ состязались до 10,000 человекъ. Я предлагалъ народу зрѣлище атлетовъ, собранныхъ отовсюду, — два раза отъ своего имени, а третій — отъ имени внука. Игры я устраивалъ четыре раза отъ своего имени и 23 раза отъ имени другихъ магистратовъ. Въ консульство К. Фурнія и

К. Силана (17 г. до Р. Х.) я справлялъ игры въ честь столѣтняго юбилея (*ludi saeculares*) въ качествѣ предсѣдателя коллегіи 15-ти мужей, при соучастіи коллеги М. Агриппы. Въ 13-е свое консульство (2 г. до Р. Х.) я первый устроилъ Марсовы игры, которыя съ тѣхъ поръ каждый годъ подъ рядъ устраивали консулы. 26 разъ отъ своего имени или отъ имени сыновей и внуковъ я давалъ народу въ циркѣ, или на форумѣ, или въ амфитеатрахъ зрѣлища охоты на африканскихъ звѣрей, во время которыхъ убито было звѣрей около 3,500.

Зрѣлище морского сраженія я далъ народу за Тибромъ, въ мѣстности, гдѣ теперь находится Роца Цезарей, выкопавъ для этого водоемъ длиной въ 1,800 шаговъ, шириной въ 1,200. Въ этомъ сраженіи бились между собой 30 ростральныхъ кораблей съ тремя или съ двумя рядами веселъ и еще большее количество судовъ меньшаго размѣра. Кромѣ гребцовъ, на этомъ флотѣ сражалось около 3,000 людей.

Храмамъ всѣхъ городовъ Азіатской провинціи я вернулъ послѣ побѣды украшенія, которыя мой противникъ присвоилъ себѣ въ частную собственность, ограбивъ эти храмы. Серебряныхъ статуй моихъ, пѣшихъ, конныхъ и на колесницахъ, стояло въ столицѣ около 80. Всѣ ихъ я велѣлъ снять и на суммы, полученныя отъ переплавки ихъ, я принесъ золотые дары въ святилище Аполлона отъ своего имени и отъ имени тѣхъ, которые почтили меня статуями.

Я очистилъ море отъ разбойниковъ. Въ этой войнѣ я взялъ въ плѣнъ почти 30,000 рабовъ, бѣжавшихъ отъ своихъ господъ и поднявшихъ оружіе противъ

государства, и передалъ ихъ господамъ для наказанія. Вся Италія добровольно принесла мнѣ присягу и выбрала меня вождемъ въ войнѣ, которая окончилась побѣдой при Акціумѣ. Такую же присягу принесли провинціи Галліи, Испаніи, Африка, Сицилія и Сардинія. Подъ знаменами моими сражались тогда болѣе 700 сенаторовъ, изъ которыхъ съ тѣхъ поръ и до того дня, когда написаны эти строки, 83 перебивали въ званіи консуловъ и 170 въ званіи жрецовъ.

Я расширилъ предѣлы всѣхъ провинцій римскаго народа, которыя граничили съ племенами, не покрывшимися нашей власти. Я водворилъ миръ отъ Гадеса до устьевъ Эльбы — въ Гальскихъ и Испанскихъ провинціяхъ и въ Германіи до береговъ океана. Я замирилъ Альпы отъ мѣстности, лежащей близъ Адриатическаго моря, до Этрусскаго моря, не вступивъ при этомъ ни съ одной изъ мѣстныхъ народностей въ несправедливую войну. Мой флотъ отъ устья Рейна плавалъ на востокъ до предѣловъ Кимвровъ, куда до тѣхъ поръ не доходилъ ни одинъ римлянинъ, ни моремъ ни сушей. Кимвры, харуды, семноны и другіе германскіе народы этихъ мѣстностей просили черезъ пословъ дружбы моей и римскаго народа. По моему приказанію и моимъ ауспиціямъ въ одно и то же время двинуты были двѣ арміи въ Эіопію и Аравію (такъ называемую Счастливую); огромныя полчища враговъ той и другой страны были перебиты въ открытомъ бою, и множество городовъ взято. Въ Эіопіи солдаты дошли до города Набаты, недалеко отъ Мерое. Въ Аравію войско проникло до границъ Сабеевъ, до города Марибы.

Я присоединилъ Египетъ подъ власть римскаго народа. Великую Арменію я могъ бы сдѣлать провинціей послѣ убійства царя ея Артакса, но предпочелъ, по примѣру нашихъ предковъ, отдать это царство при посредствѣ Т. Нерона, бывшаго тогда моимъ пасынкомъ, Тиграну, сыну царя Артавазда, внуку царя Тиграна. Впослѣдствіи же, когда этотъ народъ хотѣлъ взбунтоваться и отпасть, я, усмиривъ его при помощи сына моего Гая, передалъ его въ управленіе царю Аріобарзану, сыну мидійскаго царя Артабаза, а послѣ его смерти — сыну его Артавазду. По убіеніи послѣдняго, я послалъ въ это царство Тиграна, происходившаго изъ армянскаго царскаго рода. Я возвратилъ всѣ провинціи, лежащія на востокъ отъ Адриатическаго моря и Кирены, большая часть которыхъ уже находилась во владѣніи мѣстныхъ царей; еще раньше я вернулъ Сицилію и Сардилію, отпавшія во время междоусобной войны.

Военныя колоніи я основалъ въ Африкѣ, Сициліи, Македоніи, въ обѣихъ Испаніяхъ, въ Ахайѣ, Азіи, Сиріи, Нарбонской Галліи и Пизидіи. Въ Италіи же мною основано 28 колоній, которыя при моей жизни достигли процвѣтанія и многолюдства.

Много военныхъ знаменъ, потерянныхъ другими вождями, я вернулъ своими побѣдами надъ врагами изъ Испаніи, Галліи и отъ далматовъ. Парейанъ я принудилъ возвратить добычу и знамена, отнятыя ими у трехъ римскихъ армій, и умолять римскій народъ о дружбѣ. Знамена эти я помѣстилъ въ храмъ Марса Мстителя.

Племена паннонцевъ, до которыхъ раньше моего принципата никогда не доходило римское войско, я побѣдилъ при помощи Т. Нерона, бывшаго тогда

моимъ пасынкомъ и легатомъ; покоривъ ихъ подъ власть римскаго народа, я отодвинулъ границы Иллирика до береговъ рѣки Дуная. Дакійское войско, перешедшее Дунай, было побѣждено и перебито подъ моими ауспиціями, и затѣмъ мое войско, переправившись черезъ Дунай, заставило дакійскія племена подчиниться волѣ римскаго народа.

Изъ Индіи неоднократно посылались ко мнѣ царскія посольства, никогда не виданныя раньше ни при какомъ вождѣ римлянъ. Бастарны и скиѣны и цари сармать по сю и по ту сторону рѣки Танаиса и цари албанцевъ, иберовъ и мидянъ просили черезъ пословъ нашей дружбы.

Ко мнѣ прибѣгали съ мольбой пареянскіе цари Тиридать и потомъ Фраать, сынъ царя Фраата; мидійскій царь Артаваздъ, царь адиабеновъ Артаксаръ; цари британовъ — Думнобеллаунъ и Тимъ...; царь сигамбровъ Мелонъ, царь маркомановъ и свевовъ...ръ. Пареянскій царь Фраать, сынъ Орода, послалъ всѣхъ своихъ сыновей и внуковъ ко мнѣ въ Италію не потому, чтобы былъ побѣжденъ въ войнѣ, а потому, что хотѣлъ, отдавая въ залогъ своихъ дѣтей, снискать нашу дружбу. И многіе другіе народы, никогда прежде не вступавшіе въ дипло матическіе переговоры и дружественные союзы съ римскимъ народомъ, во время моего принципата убѣдились въ вѣрности римскаго народа.

Пареянскіе и мидійскіе народы, при посредствѣ своихъ старѣйшинъ, просили у меня царей и получили: пареяне — Вонона, сына царя Фраата, внука царя Орода; мидяне — Ариобарзана, сына царя Артавазда, внука царя Ариобарзана. Въ 6 и 7 мое консульство (28 и 27 гг. до Р. Х.), подавивъ междоусоб-

ною войну, при помощи неограниченной власти, данной мнѣ съ общаго согласія, я передалъ государство изъ своихъ рукъ во власть сената и римскаго народа. За эту мою заслугу рѣшеніемъ сената я былъ названъ Августомъ, пороги моего дома были украшенъ лаврами и гражданскій вѣнокъ прибитъ надъ моей дверью; золотой щитъ былъ положенъ въ Юліево куріи съ надписью, свидѣтельствующей о томъ, что сенатъ и римскій народъ даритъ мнѣ его въ воспоминаніе моей доблести, милосердія, справедливости и благочестія. Съ тѣхъ поръ я превосходилъ всѣхъ почетомъ, власти же имѣлъ нисколько не больше тѣхъ, которые были моими товарищами по должности.

Въ 13-е мое консульство (2 г. до Р. Х.) сенатъ, всадническое сословіе и весь римскій народъ наименовалъ меня отцомъ отечества и постановилъ начертать этотъ титулъ въ преддверіи моего дома, въ куріи и на форумѣ Августа, подъ колесницей, которая воздвигнута въ честь меня, по рѣшенію сената. Когда я писалъ эти строки, мнѣ шель 76-й годъ.

ОТНОШЕНІЕ КЪ ИМПЕРІИ РИМСКАГО ОБЩЕСТВА.

І. В о й с к о.

(Gaston Boissier: L'opposition sous les Césars).

На границахъ имперіи, въ отдаленныхъ и еще не вполне замиренныхъ провинціяхъ были расположены войска. Какъ отнеслись они къ учрежденію имперіи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо прежде опредѣлить, какое положеніе занимали солдаты въ имперіи, довольны ли они были этимъ положеніемъ и какъ относились къ своему начальству.

Старыя традиціи въ Римѣ крѣпче всего держались въ арміи. Это не значить, что армія при императорахъ осталась совершенно такою же, какой была во время республики. Августъ учредилъ постоянное войско; одна эта реформа кореннымъ образомъ измѣнила военный духъ. Армія состояла теперь изъ солдатъ по ремеслу, а не изъ гражданъ; но старинныя обычаи продолжали въ ней храниться, насколько это позволяли измѣнившіяся обстоятельства. Переходъ отъ стараго порядка къ новому совершился въ арміи безъ потрясеній: ветераны Цезаря стали первыми солдатами Октавія, они могли передать своимъ младшимъ товарищамъ дисциплину стараго времени, и правительство принимало строгія мѣры, чтобы эти старинныя традиціи не умерли въ арміи.

Легионы не были, подобно нашимъ полкамъ, распределены по большимъ городамъ имперіи. Ихъ не заставляли поддерживать спокойствіе внутри страны, потому что въ этомъ не было и надобности: по словамъ Іосифа Флавія, ни въ одномъ изъ 500 городовъ Азіи не было гарнизона, а всю Галлію, болѣе обширную, чѣмъ теперешняя Франція, держали въ повиновеніи всего 1200 солдатъ. Это дало возможность императорамъ сократить число войска. При Августѣ на дѣйствительной службѣ состояло только 250,000 солдатъ, составлявшихъ линейную армію, и приблизительно столько же числилось въ вспомогательномъ корпусѣ: 500,000 человекъ — это совсѣмъ немного, если принять въ соображеніе громадное протяженіе границъ, которыя приходилось оберегать, но этого было слишкомъ достаточно для римскаго бюджета, въ которомъ не было предусмотрѣно такое возрастаніе расходовъ. Въ Римѣ, такъ же какъ и вездѣ, постоянныя войска были тяжелымъ бременемъ для государства. Нужно было, для содержанія ихъ, создать спеціальныи источникъ доходовъ и учредить военную казну (*aerarium militare*), которую очень трудно было наполнить. Отсюда произошли тѣ финансовыя затрудненія, которыя не разъ омрачали блестящее царствованіе Августа.

Итакъ, легионы были разставлены вдоль границъ имперіи и жили тамъ всегда лагеремъ. Тогда не было въ обычаѣ, какъ теперь, часто перемѣщать войска. Разъ ихъ назначили куда-нибудь, они оставались тамъ, и если какая-нибудь серьезная война отвлекала ихъ въ другое мѣсто, по окончаніи ея они опять возвращались на прежнія квартиры. Поэтому ихъ мѣстопребываніе получило названіе постоянного

лагеря (*castra stativa*), въ отличіе отъ тѣхъ временныхъ укрѣпленій, которыя во время походовъ они воздвигали каждый вечеръ для ночлега и съ разсвѣтомъ покидали. Вокругъ этихъ постоянныхъ лагерей тотчасъ начинали селиться маркитанты, поставщики и всякаго рода промышленники, приходившіе изъ сосѣднихъ областей. Они строили сначала скромныя жилища, которыя назывались палатками или бараками легіона (*canabae legionis*); затѣмъ когда эти бараки разрастались, имъ давали нѣчто въ родѣ муниципальнаго устройства; какой-нибудь отставной унтеръ-офицеръ становился главнымъ чиновникомъ, а ветераны или разбогатѣвшіе торговцы составляли совѣтъ декуріоновъ. Новый муниципій продолжалъ разрастаться, и нерѣдко кончалось тѣмъ, что изъ него возникалъ большой городъ. Многіе изъ крупныхъ городовъ въ пограничныхъ провинціяхъ имперіи, какъ Апулумъ (Карлсбургъ) въ Даціи, Петовіо (Петтау) въ Панноніи и Троэзмисъ (Иглица) въ Мизіи, возникли именно этимъ путемъ ¹⁾.

Счастливая случайность сберегла намъ остатки одного такого постояннаго лагеря. Эти остатки были найдены не въ Европѣ, гдѣ слишкомъ много было всякаго рода переворотовъ и гдѣ самыя развалины, по выраженію поэта, гибнуть быстро; найдены они были въ африканской глуши, гдѣ люди не помогаютъ времени разрушать памятники старины. Городъ Ламбезисъ служилъ до времени Діоклетіана стоянкой одного римскаго легіона (*III augusta*), ко-

¹⁾ Леонъ Ренье замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ этихъ городовъ, образовавшихся изъ постояннаго лагеря, носили имя того самаго легіона, вокругъ котораго возникли. Въ имени города Леона и Казрлеона въ Великобританіи сохранилось самое слово «легіонъ» .

торый долженъ былъ защищать Нумидію противъ нападенія мавровъ. Площадь, которую занималъ этотъ легионъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, еще до сихъ поръ легко опредѣлить, и Леону Ренье не трудно было ее изслѣдовать и описать. Лагерь отдѣленъ отъ города гласисомъ въ 100 метровъ. Онъ представляетъ изъ себя прямоугольникъ въ 600 метровъ длины и 400 ширины, окруженъ валомъ въ 4 метра вышиной, обставленнымъ башнями, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, и прорѣзаннымъ въ четырехъ мѣстахъ воротами. Въ серединѣ куча мусора обозначаетъ мѣсто praetorium'a, т. е. жилища преторіанскаго легата, который командовалъ легиономъ.

По всей вѣроятности, praetorium былъ устроенъ съ нѣкоторою роскошью, такъ какъ среди развалинъ находятъ остатки скульптурныхъ украшеній, вѣнковъ, императорскихъ орловъ, статуй побѣды. Вокругъ praetorium'a еще теперь можно разобрать высѣченные на громадныхъ камняхъ номера тѣхъ когортъ, которыя должны были ставить свои палатки въ этихъ пунктахъ. Отъ всѣхъ четырехъ воротъ идутъ дороги, сдѣланныя изъ широкихъ каменныхъ плитъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нихъ возвышаются триумфальныя арки. Въ двухъ километрахъ отсюда находятся слѣды другого лагеря, поменьше размѣромъ и попроще обстановкой. Этотъ лагерь занимали вспомогательныя войска; такъ какъ они должны были пополнять убыль людей въ легионѣ, то, естественно, они должны были помѣщаться по близости.

Надписи, которыхъ не мало около Ламбезиса и въ другихъ мѣстахъ, позволяютъ намъ составить

себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ жилось въ римскомъ лагерѣ. Оказывается, что жизнь тамъ была очень дѣятельная. Все свободное время, которое оставалось отъ военныхъ упражненій, было посвящено другимъ занятіямъ: солдаты прокладывали дороги, поправляли водопроводы, рыли каналы, строили мосты и даже воздвигали храмы и разнаго рода памятники. Заваливать солдатъ работой — было обычной тактикой лучшихъ генераловъ, и Тацитъ замѣчаетъ, что солдаты всегда бунтовали, когда имъ нечего было дѣлать. Однако имъ позволялось иногда оживить развлеченіями ихъ суровую жизнь: нужно же было дать имъ когда-нибудь и передохнуть. Съ тѣхъ поръ какъ войска стали постоянными, военная служба сдѣлалась карьерой, а не временнымъ и случайнымъ занятіемъ. Солдаты должны были прослужить 25 лѣтъ въ легіонахъ, но иногда они служили гораздо дольше. Нѣкоторые императоры, напр. Тиберій, никакъ не могли рѣшиться дать имъ отставку; они набирали изъ нихъ роты ветерановъ и держали ихъ на службѣ еще много лѣтъ послѣ выслуги срока. Значить, вся ихъ жизнь проходила подъ знаменами; они вступали въ лагерь въ цвѣтущемъ возрастѣ, 18—20 лѣтъ, и выходили оттуда уже стариками. Неудивительно поэтому, что они старались устроить себѣ тамъ сносное житье и какія-нибудь развлеченія. Офицеры и унтеръ-офицеры группировались въ общества, которыя имѣли свою кассу и въ самомъ лагерѣ устраивали собранія. Что же касается до солдатъ, они пользовались всякаго рода удовольствіями въ палаткахъ (сапабас), которыя они посѣщали очень охотно. Провинціаламъ, набраннымъ въ вспомога-

тельное войско, позволено было взять съ собой женъ или жениться во время службы. Легіонерамъ не было дано этихъ правъ, но въ палаткахъ толпилось всегда самое сбродное населеніе; тамъ были женщины, съ которыми солдаты завязывали прочныя отношенія и по выходѣ въ отставку оформливали эти отношенія бракомъ. Во время республики строгіе генералы смотрѣли косо на такія отношенія. Сципіонъ Эмилианъ въ Испаніи выгналъ всѣхъ женщинъ, поселившихся возлѣ лагеря; по свѣдѣніямъ историковъ, ихъ было больше 2000. При императорахъ стали на это смотрѣть снисходительнѣе. Септимій Северъ позволилъ даже солдатамъ имѣть при себѣ своихъ женъ или наложницъ; такъ-что съ этого времени солдаты жили въ лагеряхъ семьями. Кромѣ того, солдаты одного лагеря были почти всѣ земляками, такъ какъ легіонъ обыкновенно набирался изъ населенія той мѣстности, гдѣ онъ стоялъ. Изъ 50 унтеръ-офицеровъ, которые ставятъ памятникъ императору въ ламбезскомъ лагерѣ, только трое родомъ не изъ Африки. «Нужна была большая сила сплоченности въ римскомъ государствѣ, говоритъ Леонъ Ренъе, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ не произошло немедленнаго разрыва между провинціями и метрополіей». Обыкновенно, римлянинъ или нумидіецъ, разъ попавши въ легіонъ, быстро забывали свою родину и помнили только, что они солдаты. Лагерь становился для нихъ отечествомъ; они устраивались тамъ на добрую половину своей жизни, и естественно, что тамъ же сосредоточивалось съ теченіемъ времени все дорогое для ихъ сердца. Почти всѣ тамъ обзаводились семьей. Нѣкоторые, вступая на службу,

женились на дочеряхъ старыхъ сослуживцевъ, уже выходившихъ въ отставку. Дѣти ихъ, воспитанныя въ боевой жизни, обыкновенно тоже выходили въ солдаты. Были семьи, которыя несли военную службу въ цѣломъ рядѣ поколѣній, отъ отца къ сыну. Среди людей, которые были, такимъ образомъ, связаны между собой узами родства и товарищества, которые жили вмѣстѣ и въ сторонѣ отъ остального міра, старыя традиции, конечно, легче могли удержаться; вотъ почему въ имперіи, составленной изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ и подверженной самымъ разнообразнымъ вліяніямъ, военный духъ измѣнился меньше всего остального.

Нужно обратиться къ воспоминаніямъ прошлаго, которыя никогда не забывались въ римскомъ войскѣ, чтобы объяснить себѣ особенности римской военной дисциплины. «Между солдатами самой прочной связью служить религія», говоритъ Сенека. Война считалась священнымъ дѣломъ и сопровождалась религіозными обрядами, особенно въ древнія времена, когда сражались за свой собственный домъ и за своихъ боговъ. Была особая коллегія жрецовъ, такъ называемыхъ феціаловъ, на обязанности которыхъ лежало начинать и заканчивать войну. Консулъ былъ столько же жрецомъ, сколько и главнокомандующимъ; передъ его палаткой стоялъ жертвенникъ, у котораго онъ каждое утро молился за свои войска. Знамена играли роль полковыхъ божествъ (*proprgia legionum numina*), и передъ ними возжигались куренія. Предводитель войскъ, наблюдавшій предзнаменованія, считался какъ бы представителемъ боговъ; его приказаніямъ повиновались, какъ выраженію божественной воли. Эти

традиціи религіознаго почитанія къ вождю перешли и въ тѣ чувства, съ которыми войско относилось къ императору. Въ преданности императору есть извѣстнаго рода благоговѣніе, и въ чувствахъ этихъ, несомнѣнно, гораздо больше искренности, чѣмъ въ официальномъ обоготвореніи умершаго или живого императора, въ поклоненіи статуямъ его, какъ священнымъ изображеніямъ и въ признаніи его семьи «божественнымъ домомъ».

Это не значитъ, что въ римской арміи никогда не было бунтовъ, но обыкновенно возмущались не противъ императора: или добивались какихъ-нибудь послабленій въ служебной дисциплинѣ или требовали отставки нелюбимаго центуріона. Центуріоновъ обыкновенно ненавидѣли и давали имъ самыя бранныя прозвища. Такъ какъ при служебныхъ повышеніяхъ они переходили изъ одного легіона въ другой, то часто случалось, что они должны были командовать солдатами, которымъ были совершенно чужды. Еще болѣе ненавистными дѣлали центуріоновъ нѣкоторые дурные обычаи, которые завелись въ войскѣ. Именно, слабымъ или разбогачившимъ солдатамъ позволено было откупаться отъ обязательныхъ работъ, и даже можно было за деньги получить освобожденіе отъ наказанія. Эти поблажки порождали много злоупотребленій, и понятно, что корыстные центуріоны старались налагать какъ можно больше наказаній и работъ, чтобы такимъ образомъ увеличить свои доходы. Когда зло это доходило до крайности, солдаты не выдерживали и возмущались. Тацитъ рассказываетъ объ одномъ изъ такихъ бунтовъ, который вспыхнулъ, при восшествіи на престолъ Тиберія, въ войскахъ, стояв-

шихъ на Рейнѣ и въ Панноніи, и въ разсказѣ его мы находимъ нѣкоторыя подробности, которыя приводятъ насъ въ изумленіе. Намъ очень странно слышать, что съ войсками вступаютъ въ переговоры, что имъ позволяютъ высказать свои жалобы и послать депутатовъ къ императору. Эти уступки и снисходительность кажутся намъ несомвѣстимыми съ тѣмъ, что мы знаемъ о римской дисциплинѣ; но нужно сказать, какъ бы на самомъ дѣлѣ ни была сурова эта дисциплина, въ ней гораздо было меньше формализма и подтянутости, чѣмъ въ нашей современной арміи. Тамъ солдаты повиновались не по принужденію, а добровольно, потому что они сознавали необходимость этого. Иногда они сами первые старались подавить мятежь, который возникалъ въ ихъ средѣ, и безпощадно расправлялись съ виновниками; послѣ одного изъ такихъ мятежей, въ которомъ всѣ принимали участіе, они сами просили, какъ милости, быть децимированными. Поставленные лицомъ къ лицу съ постоянной опасностью, отъ которой можно было избавиться только подчиненіемъ, они готовы были отказаться отъ нѣкоторой части своей независимости, но вовсе не думали пожертвовать ею совсѣмъ. И хотя ихъ держали строго, имъ все-таки предоставляли иногда право собираться и совѣщаться. Въ особенности, они цѣнили то, чтобы съ ними обращались съ уваженіемъ. Въ самое славное время республики, одинъ полководецъ обращаясь къ нимъ, позволилъ себѣ употребить выраженія, умѣстныя только относительно рабовъ, — и солдаты рѣшили проиграть сраженіе, лишь бы не доставить ему триумфа. Они сочли себя оскорбленными, когда императоръ Клавдій передалъ имъ

разъ приказаніе черезъ одного изъ самыхъ вліятельныхъ вольноотпущенниковъ, и не задумались освистать фаворита, передъ которымъ пресмыкался сенатъ. Они безропотно исполняли приказанія своихъ начальниковъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они хотѣли знать ихъ намѣренія, и предводители, когда это было возможно, охотно посвящали ихъ въ свои планы. Это довѣріе и уваженіе, которыя имъ оказывали, было тоже традиціей республиканской эпохи. Въ прежнія времена солдатъ не переставалъ быть гражданиномъ; военная и гражданская жизнь не были такъ строго разграничены, какъ во время имперіи; лагерь и форумъ часто смѣшивались другъ съ другомъ, и консулъ обращался къ легіонамъ, какъ онъ обратился бы къ народу съ трибуны. Въ императорское время еще сохранялась трибуна въ лагерь, и императоры считали одной изъ главныхъ своихъ привилегій говорить съ войсками. На барельефахъ Траяновой колонны въ нѣсколькихъ мѣстахъ изображенъ императоръ, окруженный знаменами и говорящій съ солдатами, которые восторженно прислушиваются къ его словамъ. Въ одномъ изъ ламбезскихъ лагерей найдены обломки надписи, которая содержитъ рѣчь Адриана къ всадникамъ комагенскихъ когортъ; онъ восхваляетъ быстроту и точность, съ которыми они выполнили заданныя имъ военныя упражненія. «Работа, говоритъ онъ, которая бы потребовала нѣсколькихъ дней у другихъ, окончена была вами въ одинъ день. Получивъ приказъ возвести толстую стѣну, наподобіе стѣны постоянныхъ лагерей, вы выстроили ее такъ быстро, какъ будто бы она была сложена изъ кусковъ дерна, которые легки, ровны и удобно прилажива-

ются другъ къ другу, между тѣмъ какъ камни, надъ которыми вамъ пришлось работать, тяжелы, массивны, неровны и неудобны въ кладкѣ. Вы выкопали ровъ въ твердой каменистой почвѣ и своимъ трудомъ сгладили и уравнили землю. Потомъ, когда начальство одобрило вашу работу, вы быстро вернулись въ лагерь, наскоро пообѣдали, на лету схватили оружіе и съ громкими криками погнались за всадниками, которые были посланы впередъ, и привели ихъ за собой. Я благодарю вашего предводителя, моего легата, за прекрасное обученіе этимъ маневрамъ, которые являются совершеннымъ подобіемъ сраженій, и за то, что онъ довелъ васъ въ этихъ маневрахъ до такой степени совершенства, что вы вполне заслуживаете моихъ похвалъ». Этотъ ораторскій приказъ войскамъ, изъ котораго я привелъ только часть, очень любопытенъ; изъ него мы видимъ, какъ внимательно и деликатно относились къ солдатамъ, и до какой степени развитъ былъ вкусъ къ краснорѣчію въ римской арміи.

Итакъ, армія была школой дисциплины, но не рабства; поэтому изъ нея и вышли лучшіе дѣятели имперіи. Я говорю не только о великихъ полководцахъ, которые задержали натискъ германцевъ и парянъ, которые при самыхъ ничтожныхъ императорахъ поддерживали честь римскаго оружія: такихъ людей всегда можно было найти въ Римѣ и даже тогда, когда въ немъ уже нельзя было встрѣтить людей съ гражданскими доблестями; Римъ одерживалъ побѣды даже въ послѣднія минуты своего существованія, и когда управление внутренними дѣлами приходилось поручать Руфинамъ и Евтропіямъ, для военныхъ дѣлъ находились еще Стилихоны и

Аэции. За предводителями войскъ далѣ шли трибуны легионовъ, префекты когортъ, всѣ привыкшіе къ порядку, къ дисциплинѣ, честные, толковые люди; въ случаѣ нужды они становились администраторами, на которыхъ можно было вполне положиться. Военное и гражданское вѣдомство, какъ я уже сказалъ, стояли тогда гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ въ наше время; служащіе легко переходили изъ одного въ другое: военнымъ чиновникамъ поручали производить народную перепись или собирать подати въ провинціяхъ. Если какой-нибудь городъ, пострадавшій отъ нерадѣнія своихъ магистратовъ, просилъ императора возстановить порядокъ въ дѣлахъ, тотъ посылалъ туда, въ качествѣ куратора, какого-нибудь стараго центуріона, человѣка прямого и строго честнаго, и этотъ простой человѣкъ въ нѣсколько мѣсяцевъ исправлялъ то, что въ нѣсколько лѣтъ напортили недобросовѣстные и небрежные умники. Армія продолжала оказывать имперіи эту великую услугу — снабжала ее прекрасными людьми. Въ вспомогательныхъ войскахъ еще много было провинціаловъ, которые до времени Каракаллы не имѣли правъ гражданства. Обыкновенно они получали эти права при помощи такъ называемой почетной отставки (*honesta missio*). Имена всѣхъ, получившихъ такую отставку, были выгравированы въ Римѣ — въ Капитоліи или въ храмѣ Августа. Каждый солдатъ, получивши эту милость, заставлялъ переписать для себя отдѣльно декретъ, касающійся его, на мѣдную таблицу и переслать ему. Нѣкоторыя изъ этихъ таблицъ найдены. Всѣ написаны по одной формѣ: императоръ даруетъ солдатамъ, которые прослужили ему 25 лѣтъ и больше и получили почетную отставку, —

права гражданства для нихъ и для ихъ дѣтей, и *coniubium*, т. е. право римскаго брака съ ихъ прежними, или, если они были холостяками, съ ихъ будущими женами. Затѣмъ слѣдуетъ имя того солдата, который хотѣлъ имѣть свидѣтельство о своихъ новыхъ правахъ, и имена семи свидѣтелей, которые утверждаютъ подлинность документа. Несомнѣнно, это было благомъ для имперіи — пополняться такимъ образомъ новыми гражданами; они приносили съ собой здоровыя привычки лагерной жизни, между тѣмъ какъ отпускъ на волю рабовъ постоянно вводилъ въ городъ такіе элементы, которые прививали ему всѣ пороки рабства. Получивши отставку, солдаты легионовъ, такъ же какъ и вспомогательныхъ когортъ, имѣли обыкновеніе ставить около своего бывшаго лагеря какой нибудь религіозный памятникъ; они посвящали его, съ одной стороны, императору, съ другой — богамъ или богу-покровителю когорты и легиона, въ которомъ они служили и который былъ для нихъ какъ бы отечествомъ и семьей. Это было послѣднимъ актомъ ихъ военной жизни; затѣмъ они развѣзжались; но многіе не въ состояніи были разстаться съ той обстановкой, въ которой прошли ихъ лучшіе годы, и потому они селились въ палаткахъ около лагеря или по сосѣдству. Другіе возвращались на родину; ихъ тамъ принимали очень радушно и старались, обыкновенно, дать лучшія муниципальныя должности; такимъ образомъ, они разносили по всей имперіи добрыя традиціи, которыя держались въ войскѣ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, вообще, солдаты должны были быть довольны своей участью. Они были привязаны къ странѣ, въ которой жили, къ

ротъ, въ которой были записаны, къ легиону, всю прошлую исторію котораго они знали и съ которымъ имъ было такъ тяжело разставаться. Въ особенности, они были привязаны къ своему римскому отечеству, за которое они проливали кровь. Въ вспомогательныхъ отрядахъ рейнской и дунайской арміи встрѣчались галлы, реты, мизійцы, потомки тѣхъ, которые нѣкогда такъ мужественно противостояли Цезарю и Августу; они плохо говорили по-латыни, писали еще хуже, и тѣмъ не менѣе они съ гордостью называли себя римлянами, когда имъ приходилось бороться съ батавами и свевами. Наконецъ, они были привязаны и къ императору, котораго изображеніе они носили на своихъ знаменахъ и имя котораго радостно выкрикивали послѣ побѣды. Они уважали и любили своихъ государей, которые часто совсѣмъ не заслуживали этой привязанности, и со времени Тиберія до смерти Нерона не было въ войскѣ ни одного возстанія противъ императоровъ. Такъ какъ они привыкли видѣть спасеніе только въ единствѣ командованія, то и не понимали другой власти, кромѣ единодержавія; отечество воплощалось для нихъ въ имени императора. Когда мы видимъ, что простые солдаты ставятъ скромные памятники въ честь императора, отъ котораго они ничего не ждутъ, и который не будетъ и знать объ этомъ, можно, кажется, допустить, что ихъ преданность искренна. Значить, не въ войскѣ надо искать систематической оппозиціи имперіи.

II. ПРОВИНЦИИ.

Можетъ-быть, мы найдемъ эту оппозицію въ провинціяхъ?

А ргіогі это кажется очень вѣроятнымъ: провинціи были вѣдь завоеванными странами, и естественно предположить, что онѣ не могли забыть о завоеваніи и ненавидѣли своихъ властителей.

Часто представляютъ себѣ положеніе римскихъ провинцій печальнымъ и жалкимъ: думаютъ, что побѣдители ихъ притѣсняли, казна разоряла налогами, проконсулы немилосердно терзали. Все это, однакоже, чистая фантазія: мы имѣемъ, наоборотъ, самыя несомнѣнныя доказательства того, что провинціи были тогда богаты и довольны; въ наше время такого мнѣнія держатся самые безпристрастные ученые. Противники этого мнѣнія могутъ возражать противъ него только одно: они не могутъ согласиться, чтобы изъ ненавистнаго для нихъ политическаго строя могло выйти что-нибудь доброе. Несомнѣнно, что восхвалять этотъ строй не за что; но какое бы отвращеніе онъ ни возбуждалъ, вспомнимъ, что онъ продержался пять вѣковъ, и чтобы понять, какъ могъ онъ просуществовать такъ долго, необходимо допустить, что на ряду съ массой недостатковъ, въ немъ были же и какія-нибудь достоинства. Самое главное изъ этихъ достоинствъ, несомнѣнно, состояло въ хорошемъ управленіи провинціями. Провинціи были за это признательны императорскому правительству и всегда оставались ему вѣрны, — и не отъ внутреннихъ смутъ произошло паденіе имперіи. Ювеналь въ одной изъ своихъ бле-

стящихъ декламацій предсказывалъ ей, правда, такой конецъ, но предсказаніе не оправдалось; чтобы разрушить имперію, понадобилось вторженіе варваровъ. Народы, подчиненные римскому владычеству, не только не приняли варваровъ, какъ своихъ освободителей, но, напротивъ, энергично съ ними боролись и, только истощивъ послѣднія силы, насильственно были отторгнуты отъ Рима и имперіи. Можно ли понять такую упорную вѣрность, если повѣрить, будто провинціи были недовольны императорскимъ правленіемъ?

Совершенно естественно, что имперія считала долгомъ хорошо управлять провинціями. Къ этому обязывалъ ее самый принципъ, во имя котораго она возникла. Республиканская аристократія Рима, покупавшая себѣ почетныя должности цѣной безумныхъ тратъ, разумѣется, должна была найти гдѣ-нибудь средства, чтобы покрыть эти расходы. Она быстро бы разорилась, если бы не могла поправить свои дѣла въ провинціи. Такимъ образомъ, обогащаться на счетъ провинціи было для нея необходимою; а для того, чтобы обогащаться, надобно было грабить. Притомъ же проконсулы могли обирать провинцію безъ всякаго страха: по возвращеніи, они отвѣчали за свои дѣйствія только передъ своими же сотоварищами, и обыкновенно, ихъ судьи вели себя въ свое время въ провинціи нисколько не лучше. И совѣсть грабителей оставалась при этомъ совершенно спокойной: вѣдь провинціи были завоеваны такъ еще недавно; населеніе ихъ только что было врагами, и и всѣ еще живо помнили, какъ много нужно было, для ихъ покоренія, употребить усилій и крови. Съ провинціалами обращались какъ съ побѣжденными,

относительно которыхъ можно себѣ все позволить и которые обязаны все перенести. Обстоятельства совершенно измѣнились послѣ возникновенія имперіи. Когда власть перешла въ руки одного человѣка, этотъ человѣкъ имѣлъ прямой интересъ защитить провинціи отъ вымогательствъ правителей. Это было теперь его собственное достояніе; стало-быть, тѣ, которые позволяли себѣ грабить его подданныхъ, обкрадывали его самого. Заботясь о провинціяхъ, императоръ больше думалъ о себѣ, чѣмъ о нихъ; разумѣется, не въ его интересахъ было терпѣть, чтобы принадлежавшія ему деньги переходили въ чужіе карманы. По правдѣ сказать, самъ онъ не очень церемонился продѣлывать то, что запрещалъ другимъ, и въ случаѣ нужды свободно пользовался имуществомъ провинціаловъ. На первый взглядъ кажется, что для провинцій результатъ былъ одинъ и тотъ же, что онѣ ничего не выиграли, перемѣнивши вымогательство проконсуловъ на вымогательство императоровъ. Однако уже и то много значило, что теперь приходилось удовлетворять только одного господина. Во времена республики проконсулы мѣнялись каждый годъ. Ежегодно наѣзжалъ въ провинцію новый, со свѣжимъ аппетитомъ, и каждый былъ тѣмъ ненасытнѣе, чѣмъ меньше времени представлялось ему для удовлетворенія этого аппетита. А единый властитель, рассчитывая на продолжительную власть, не такъ торопился все обобратить сразу; какъ бы онъ ни былъ алченъ — все же, при малѣйшемъ благоразуміи, онъ не могъ не понять, что надо же что-нибудь оставить и на будущее. Таково ужъ общее правило, что собственникъ бережетъ землю, между тѣмъ какъ арендаторъ ее истощаетъ.

Имперія имѣла еще и другія причины щадить провинціи. Въ самомъ взглядѣ на завоеванныя страны съ теченіемъ времени произошла въ Римѣ значительная перемѣна. По мѣрѣ того, какъ память о завоеваніи все глубже отодвигалась въ прошлое, а завоеванныя области все болѣе становились римскими по привычкамъ и нравамъ, — притѣснять ихъ дѣлалось все болѣе и болѣе неловко. Положеніе Рима и провинцій стало взаимно уравниваться съ тѣхъ поръ, какъ надменная аристократія, такъ долго управлявшая міромъ, нашла себѣ господина. Теперь всѣ обязаны были повиноваться; всѣмъ государь предписывалъ одинаковый законъ. Передъ этой неограниченной властью, которая одинаково возвышалась надъ всѣми, старинныя неравенства начали сглаживаться. Абсолютная власть по самой своей природѣ является великой нивелирующей силой; она во всѣхъ видитъ только подданныхъ и, съ высоты своего положенія, склонна бываетъ не замѣчать никакихъ различій. Одинъ краснорѣчивый памфлетистъ во времена Людовика XIV говорилъ: «Въ современномъ государствѣ все — народъ; королевская власть поднялась такъ высоко, что всѣ различія исчезли всѣ лучи погасли, потому что съ той высоты, на которую вознесся монархъ, люди кажутся только прахомъ ногъ его.» Государственные учрежденія Августа привели къ такимъ же результатамъ. Благодаря имъ, весь міръ объединился во повиновеніи одному; и надо сказать, что если этотъ общій уровень, установленный повсюду давленіемъ императорской власти, отнялъ у Рима много силы и привилегій, — зато, съ другой стороны, онъ же значительно поднималъ благосостояніе провинцій.

Почти всё распоряженія, сдѣланныя въ то время, клонились къ пользѣ провинцій. Въ 731 году Августъ облекъ себя проконсульской властью надъ всеми провинціями имперіи. Это было для нихъ большимъ благомъ: съ этого времени всё проконсулы и легаты стали подъ непосредственное наблюденіе императора. Ревнивый къ власти, онъ не только тщательно за ними слѣдилъ и строго наказывалъ въ случаѣ проступковъ, но постарался даже лишить ихъ всякой возможности дѣлать зло. Во все время республики проконсулы были всемогущи. Назывался ли правитель провинціи преторомъ или проконсуломъ, имѣлъ ли онъ 9 или 12 ликторовъ, власть его была неограниченна. Когда, помолившись въ Капитоліи, онъ уѣзжалъ въ своемъ военномъ плащѣ, сопровождаемый друзьями и родственниками, провожавшими его до воротъ Рима, — онъ совсѣмъ не былъ похожъ на республиканскаго сановника. Это скорѣе былъ царь, который ѣхалъ управлять государствомъ. Въ его рукахъ сосредоточивалась военная и гражданская власть, онъ командовалъ легионами, совершалъ судъ, распоряжался финансами, издавалъ и примѣнялъ законы. Такъ какъ завоеваніе только что еще совершилось, и раздраженіе побѣжденныхъ было еще очень сильно, — Римъ считалъ необходимымъ вооружить своихъ правителей на случай возможныхъ возстаній и дать имъ средства съ ними справиться. Обстоятельства значительно измѣнились во время имперіи. Римское владычество было признано повсюду. Теперь уже не было надобности, для его укрѣпленія, сосредоточивать всю власть въ однѣхъ рукахъ; насколько было возможно, она была раздѣлена поэтому между нѣсколькими лицами. Въ се-

натскихъ провинціяхъ за проконсуломъ осталась только гражданская власть; въ остальныхъ завѣдываніе финансами было поручено особымъ чиновникамъ, назначавшимся самимъ императоромъ и обязаннымъ отдавать ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ то же время, чтобы отнять у правителей всякій предлогъ къ самоличнымъ распоряженіямъ, установлена была почта, которая въ нѣсколько дней передавала волю императора на край свѣта. Съ этихъ поръ ни одинъ чиновникъ, въ важныхъ дѣлахъ, не имѣлъ права дѣйствовать, не спросясь императора. Такимъ образомъ, та совокупность разнообразныхъ полномочій, которая при республикѣ сосредоточивалась въ одномъ лицѣ и которая дѣлала это лицо такимъ могущественнымъ, — теперь была раздроблена на части. Лишенная большей части своей прежней силы, подчиненная строгому контролю, наблюдаемая внимательно и караемая публично, проконсульская власть уже не могла быть такъ отяготительна для провинціаловъ какъ прежде.

Конечно, странно было бы утверждать, что со времени Августа не было больше безчестныхъ людей. Плиній Младшій рассказываетъ объ одномъ намѣстникѣ, который продавалъ приказы объ арестѣ, совершенно какъ министры Людовика XV; другой, по словамъ того же Плинія, писалъ своей возлюбленной: «Спѣшу къ тебѣ съ 40 милліонами сестерцій; чтобы добыть ихъ, я продалъ половину Бетики.» Сенека рассказываетъ, что одинъ проконсулъ Азіи, Мессала Волезъ, велѣлъ однажды отрубить головы 300 человекамъ за разъ и потомъ важно расхаживалъ между разбросанными трупами, восклицая: «Вотъ что значитъ поступать по-царски!»

Стало-быть, были еще Верресы и въ императорское время, только ихъ было не такъ много. Особенно бросается въ глаза одно различіе между старымъ и новымъ порядкомъ. Прежде соблазнъ былъ такъ великъ, отвѣтственность такъ ничтожна, общественное мнѣніе такъ снисходительно, что даже самые порядочные люди, какъ напр. Брутъ, въ провинціи позволяли себѣ, не задумываясь, всевозможныя хищничества; а теперь, при императорахъ, часто случилось наоборотъ: люди, бывшіе безнравственными и порочными въ Римѣ, становились честными, дѣятельными, безкорыстными, какъ только ихъ посылали въ провинцію, и управляли ею вполне безукоризненно. Напр., сластолюбецъ Петроній, котораго прозвали законодателемъ вкуса и образцомъ изящества, который, казалось, ни о чемъ не думалъ, кромѣ удовольствій, который создалъ цѣлую науку утонченнѣйшихъ наслажденій, который даже въ смерти искалъ сладострастія, — этотъ самый Петроній, по словамъ Тацита, въ свое управленіе Виенніей «показалъ себя необыкновенно дѣятельнымъ и былъ совершенно на высотѣ своего положенія.» То же самое можно сказать про Отона, повѣреннаго и участника во всѣхъ безобразіяхъ Нерона, давшего наказу казни Агриппины большой объѣдъ придворнымъ, чтобы скрыть приготовленія къ преступленію; этотъ Отонъ «управлялъ Лузитаніей въ продолженіе 10 лѣтъ съ необыкновеннымъ благоразуміемъ и безкорыстіемъ». Даже Вителлій, бывшій такимъ отвратительнымъ императоромъ, раньше былъ превосходнымъ намѣстникомъ въ Африкѣ. Надо прибавить, что вести себя иначе было бы въ то время довольно трудно. Императоры, какъ хорошіе, такъ и дур-

ные, зорко смотрѣли за провинціями. Тиберій и Домиціанъ были въ этомъ отношеніи нисколько не хуже Августа и Траяна. По словамъ одного весьма надежнаго историка, Домиціанъ наказывалъ виновныхъ чиновниковъ такъ строго, «что никогда чиновники не были честнѣе и справедливѣе, какъ въ его царствованіе».

Этотъ бдительный и строгій надзоръ долженъ былъ значительно сократить злоупотребленія; но, конечно, нельзя сказать, чтобы онъ ихъ совсѣмъ уничтожилъ. Несомнѣнно, совершалось еще немало насилій, особенно во вновь завоеванныхъ областяхъ, которыя были еще на военномъ положеніи и въ которыхъ солдаты свободно хозяйничали. Такъ именно случилось съ Бретанью; извѣстно, что войска Клавдія блистательно покорили ее и затѣмъ немилосердно разграбили. Рѣчь, которую Тацитъ влагаетъ въ уста бретонскаго вождя Галгака, представляетъ самый горячій протестъ противъ такъ называемаго «римскаго мира», который писатели имперіи обыкновенно рисуютъ въ такихъ заманчивыхъ краскахъ. Можно было бы, на основаніи этой рѣчи, представить императорскую политику въ очень неблагоприятномъ свѣтѣ, если бы самъ Тацитъ въ другихъ мѣстахъ не оказывался гораздо болѣе снисходительнымъ. Онъ самъ принимается возражать противъ обвиненій Галгака и оправдываетъ своихъ соотечественниковъ въ рѣчи, которую онъ влагаетъ въ уста Церіалиса. Императорскій легатъ напоминаетъ только-что побѣжденнымъ жителямъ Трира о томъ плачевномъ состояніи, въ какомъ римляне застали Галлію, «истерзанную раздорами, разоренную внутренними усобицами», призывавшую на помощь

инострanceвъ. Римское владычество, съ этой точки зрѣнія, не разрушило ничего, что было способно къ жизни; оно явилось на мѣсто безпорядка и анархiи. Побѣдители наложили на побѣжденныхъ только такія стѣсненiя, которыя были необходимы для поддержанiя мира; они приняли побѣжденныхъ въ свои полки, лучшихъ изъ нихъ они ввели въ среду своей аристократiи; скоро, наконецъ, должно было наступить время, когда всѣ они сдѣлались римскими гражданами. Римское владычество всюду охраняетъ покой, безопасность, благосостоянiе; безъ него все снова превратилось бы въ тотъ хаосъ смуть и борьбы, отъ котораго оно избавило мiръ. «Если бы Римъ когда-нибудь былъ завоеванъ (да предохранять насъ боги отъ такого бѣдствiя!), что произошло бы на землѣ? — всеобщая война народовъ. Восемь вѣковъ постоянной удачи и благоразумiя создали это грандіозное зданiе; тотъ, кто попытается его разрушить, самъ погибнетъ подъ его развалинами». Какъ будто бы Тацитъ заранѣе предвидѣлъ ту страшную анархiю, которая должна была послѣдовать за паденiемъ имперiи!

Итакъ, изученiе императорскихъ учрежденiй и чтенiе римскихъ историковъ привело насъ къ заключенiю, что провинцiи были вообще въ гораздо лучшемъ состоянiи при имперiи, чѣмъ во время республики; но можно найти еще болѣе несомнѣнныя свидѣтельства объ ихъ процвѣтанiи. Я разумѣю тѣ великолѣпныя развалины, которыми полны Францiя, Испанiя, Африка и Азiя. Путешественникамъ, къ ихъ немалому изумленiю, попадаются тамъ на каждомъ шагу, даже въ самыхъ жалкихъ мѣстечкахъ, остатки храмовъ, театровъ, дворцовъ, бань, мостовъ,

большихъ дорогъ, водопроводовъ. Почти всѣ эти памятники относятся къ первымъ вѣкамъ имперіи и даютъ намъ понятіе о тогдашнемъ цвѣтущемъ положеніи этихъ провинцій. Кажется, не могло быть людей богаче, и трудно допустить, чтобы города которые нашли достаточно средствъ для сооруженія всѣхъ этихъ великолѣпныхъ построекъ, могли быть такъ разорены и ограблены римскими проконсулами, какъ это обыкновенно утверждаютъ. Намъ трудно повѣрить Ювеналу, что во времена Адриана, когда какъ разъ строились эти дорогіе памятники, населеніе было истощено, что побѣжденные народы были тогда до такой степени обобраны, что больше нечего было съ нихъ взять. Гораздо больше правды и безпристрастія въ картинѣ, которую рисуетъ риторъ Аристидъ около половины II-го вѣка: «Всѣ наряжены по-праздничному; люди сбросили свою старую боевую одежду; только и рѣчи, что о роскоши, пышности и всякаго рода удовольствіяхъ. Старинныя распри между городами прекратились, они соперничаютъ другъ съ другомъ только въ великолѣпніи и богатствѣ, каждый стремится быть красивѣе своихъ сосѣдей. Всюду такъ и кишать гимназіи, фонтаны, пропилеи, храмы, мастерскія, школы; кажется, точно будто міръ выздоровѣлъ послѣ продолжительной болѣзни. Благодѣянія римскаго управленія такъ равномерно распредѣлены, что никакъ нельзя сказать, на чью долю выпало больше. Всѣ города надѣлены до излишества, всѣ сіяютъ красотой и блескомъ, и вся земля разукрашена, словно громадный садъ».

Конечно, это говоритъ риторъ, и можно было бы подумать, что онъ, по своему обычаю, преувели-

чиваетъ и прикрашиваетъ, если бы мы не имѣли официального документа, который вполне подтверждаетъ его слова: это переписка Плинія съ Траяномъ въ то время, какъ Плиній былъ правителемъ Виеини. Изъ этой переписки мы видимъ, что всѣ города Виеини наперерывъ стараются украситься. Жители Прузы хотѣли построить бани, «которыя бы, по великолѣпію, соответствовали красотѣ города и блеску эпохи»; синопцы проводили воду за 20 километровъ разстоянія отъ города. Въ Никомидіи водопроводъ стоилъ около 7 милліоновъ франковъ, и раньше, чѣмъ онъ быль оконченъ, затѣяли другой и даже хотѣли начинать третій. Въ Никеѣ строили въ одно и то же время театръ, на который затратили уже 2 милліона, и громадное зданіе гимназіи, которое наверху должно было быть украшено такимъ высокимъ портикомъ, что стѣны въ 7 метровъ толщины могли, казалось, подъ нимъ обрушиться.

Такимъ образомъ, по всей имперіи царила любовь къ роскоши; стало-быть, люди были богаты и довольны правительствомъ. Всѣ источники въ этомъ согласны, и письма Плинія подкрѣпляютъ въ данномъ случаѣ свидѣтельства надписей. Эти письма показываютъ также, съ какимъ неутомимымъ усердіемъ нѣкоторые императоры заботились объ управленіи провинцій. Ничто не ускользаетъ отъ вниманія Траяна, онъ получаетъ свѣдѣнія обо всемъ. Его интересуютъ дѣла, касающіяся самыхъ мелкихъ городковъ; онъ хочетъ знать ихъ нужды и справляется о состояніи ихъ финансовъ; онъ приказываетъ доводить до себя всѣ требованія населенія и даже слѣдить за судебными процессами. Правители провинцій спрашиваютъ его о самыхъ ничтожныхъ дѣ-

лахъ, и онъ даетъ свои рѣшенія съ удивительною быстротой и благоразуміемъ.

Энергичное правительство императоровъ всюду обезпечило общественную безопасность. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія, за исключеніемъ отдаленныхъ границъ, во всей имперіи царствовалъ миръ. Благодаря этому продолжительному спокойствію, довершилось сліяніе различныхъ народностей, входившихъ въ составъ имперіи. Самыя замкнутыя національности начали поддаваться римскому вліянію. Цѣлые народы добровольно отказывались отъ своего языка и перенимали языкъ побѣдителей; кельтское и пуническое нарѣчія сохранились только въ глухихъ деревушкахъ, между тѣмъ какъ въ большихъ городахъ всюду водворился латинскій языкъ и скоро сдѣлался языкомъ всей Западной Европы. Ни въ какую другую эпоху не была такъ близка къ осуществленію мечта философовъ 'о всемірной имперіи, долженствующей охватить все человѣчество. Что бы ни говорили противъ имперіи, это было, во всякомъ случаѣ, величественное зрѣлище, способное поразить мыслящаго наблюдателя. Плутархъ называлъ Римъ «святымъ и благодѣтельнымъ божествомъ» и воздавалъ ему хвалы за то, что онъ соединилъ всѣ народы воедино. «Римъ, говоритъ онъ, есть какъ бы неподвижный якорь, на которомъ держатся судьбы человѣчества среди колеблющаго ихъ вихря». Такимъ образомъ, даже легкомысленная и насмѣшливая Греція, упоенная собственными достоинствами и презиравшая остальные народы, — даже она гордилась своимъ новымъ отечествомъ, которое было навязано ей путемъ завоеванія, но съ которымъ примирили ее выгоды императорскаго режима. По-

всюду ощущались драгоценныя преимущества мира и безопасности, прежде столь мало извѣстныя, и населеніе было признательно правительству, которое обезпечило ему пользованіе этими благами.

III. Муниципіи.

Не будемъ, однакоже, ограничиваться этими общими мѣстами; войдемъ въ нѣкоторыя подробности, чтобы яснѣе себѣ представить, какъ императоры управляли государствомъ, и какія чувства питало къ нимъ населеніе. Ничто не введетъ насъ лучше въ эту область, какъ бѣглый очеркъ управленія и жизни римской муниципіи въ I вѣкѣ.

Обычныя представленія объ этомъ предметѣ нельзя назвать вполне правильными. Когда заходитъ рѣчь о римской администраціи временъ имперіи, у всѣхъ тотчасъ встаетъ передъ глазами картина тягостнаго деспотизма и всеподавляющей централизаціи. Но представлять дѣло такъ — значитъ смѣшивать разныя мѣстности и разныя эпохи. Деспотизмъ существовалъ только въ Римѣ, а централизація наступила только гораздо позднѣе. Когда римляне завоевали весь тогдашній міръ, они вовсе не такъ жестоко обращались съ покоренными народами, какъ обыкновенно предполагають. Безпощадные во время борьбы, они становились снисходительными послѣ побѣды, если только не видѣли отъ этого никакой опасности. Римляне были слишкомъ тонкими политиками, чтобы прибѣгать къ бесполезнымъ жестокостямъ. Обыкновенно они требовали отъ покоренныхъ народовъ только такихъ жертвъ, которыя были необходимы для упроченія побѣды. Они не каса-

лись ни ихъ обычаевъ ни религiи; они щадили ихъ національную гордость, — послѣднее утѣшенiе побѣжденныхъ, — и готовы были уважать ихъ историческiя воспоминанiя. «Относитесь съ почтенiемъ къ минувшей славѣ, пишетъ Плиний одному правителю провинцiи, и чтите старину, которая дѣлаетъ почтенными — людей и священными — историческiе памятники. Всегда уважайте древность, великiе подвиги, даже историческiя легенды. Никогда не оскорбляйте ничьего достоинства, чувства независимости и даже суетной гордости». Римское владычество не было, стало-быть, такимъ мелочнымъ, какъ часто бываетъ господство иностранцевъ. Римляне очень хорошо понимали, что нельзя управлять цѣлымъ мiромъ насильственно; поэтому они старались заставить признать свой авторитетъ добровольно, — какъ можно меньше давая его чувствовать; никогда римляне ничего не разрушали изъ одной любви къ разрушенiю и никогда не уничтожали того, что могло быть сохранено безъ всякаго вреда. Стараясь подавить національную самостоятельность, римляне вездѣ, гдѣ было возможно, подерживали мѣстное самоуправленiе; а именно за это самоуправленiе больше всего и держались покоренныя племена. Такимъ образомъ, многiя изъ нихъ — у которыхъ національныя связи не были особенно прочны — почти не замѣтили перехода къ римской зависимости. Даже въ странахъ, наименѣе льготно поставленныхъ, города продолжали управляться сами собой, съ тѣмъ единственнымъ ограничениемъ, что ихъ распоряженiя и смѣты расходовъ на общественныя постройки и празднества должны были идти на утвержденiе римскаго на-

мѣстника. Въ сущности, это почти такія же права, которыми пользуются наши современные общины; нужно только прибавить, что многіе города были освобождены даже и отъ этого контроля. Ихъ называли вольными городами, и они дѣйствительно были свободны. При самомъ завоеваніи давленіе Рима сказалось въ нихъ только передачей власти въ руки аристократіи; по собственному опыту, римляне недоброжелательно относились къ непостоянному народному правленію ¹⁾. Но, проведя эту реформу, они предоставляли городамъ управляться, какъ имъ заблагоразсудится.

Итакъ, римлянамъ никакъ нельзя приписать ребяческой страсти все регламентировать и все разрушать, ради того только, чтобы все перестроить сызнова. Ихъ нисколько не раздражало то, что въ Аѳинахъ были архонты, въ Неаполѣ демархи, въ Карфагенѣ суффеты; Сициліи они предоставили руководиться постановленіями Гіерона, Египтомъ они управляли по законамъ Птолемеевъ. Они вовсе не хотѣли навязывать міру однообразнаго устройства и не стремились къ насильственному объединенію различныхъ народностей. Это объединеніе со временемъ совершилось, но не трудно доказать, что это произошло безъ всякаго принужденія, что побѣжденные народы стремились къ этому объединенію гораздо больше, чѣмъ побѣдители, и что оно было не столько дѣломъ правительства, сколько дѣломъ народа. Варвары очень скоро почувствовали такое влеченіе къ римскому гражданству, что нѣко-

¹⁾ Еще Цицеронъ полагалъ, что провинціальнымъ городамъ слѣдуетъ находиться подъ управленіемъ аристократіи, *ut civitates optumatum consiliis administrantur* (Ad. Quint. I, 1, 25).

торые изъ нихъ обратились за противодѣйствию этому влеченію къ помощи самихъ римлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, германцы, инсубры, гельветы и другія варварскія племена Галліи въ договорахъ съ римлянами ставили условіемъ, чтобы тѣ ни въ какомъ случаѣ не давали имъ правъ римскаго гражданства, даже если они сами будутъ объ этомъ просить. До такой степени они сознавали, что не въ силахъ устоять противъ этого соблазна! Но всѣ эти предосторожности оказались напрасными; покоренныя племена съ удивительною легкостью бросали повсюду свои національные обычаи и отрекались отъ своихъ законовъ.

Такимъ образомъ, къ концу республики установилось во всемъ римскомъ государствѣ значительное единообразіе; какъ мы видѣли, оно не было послѣдствіемъ правительственнаго вмѣшательства, а результатомъ собственнаго желанія народовъ. Римляне нѣкоторое время пытались даже противодѣйствовать этимъ стремленіямъ. Ихъ національная гордость оскорблялась тѣми уродливыми подражаніями, съ помощью которыхъ побѣжденные думали съ ними сравняться. Напримѣръ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать обязательнымъ употребленіе латинскаго языка, римляне въ первое время смотрѣли на него какъ на привилегію, которой они удостоивали только нѣкоторые народы ¹⁾. Позднѣе, когда эти различія потеряли всякій смыслъ, когда всюду подражали римскимъ порядкамъ, и весь Западъ говорилъ на латинскомъ языкѣ, — переписка Плинія съ Траяномъ

¹⁾ Титъ Ливій XL, 42. Жители Кумъ просили въ этомъ году позволенія употреблять латинскій языкъ въ официальныхъ дѣлахъ и въ торговлѣ (продажахъ съ аукціона).

показываетъ, какъ добрые государи не только не стремились увеличить своей власти на счетъ мѣстнаго самоуправленія, но всячески оберегали мѣстные законы и привилегіи. Стало-быть, съ римлянъ надо сложить значительную долю отвѣтственности за то единообразіе, которое въ то время распространилось повсюду въ имперіи; по большей части это единообразіе подготовлялось помимо нихъ и часто даже вопреки ихъ волѣ. Первые императоры старались ввести единство только тамъ, гдѣ это было строго необходимо для существованія такого огромнаго государства, какъ римское. Они сосредоточивали въ своихъ рукахъ политическую власть и командованіе войсками; оставляли за собой право чеканить монету; требовали, чтобы мѣры и вѣсы были провѣряемы римскими эдилами по образцамъ, хранившимся въ Капитоліи; запрещали враждующимъ между собой городамъ разрѣшать ссоры насиліемъ, какъ это водилось прежде; императоры сами разбирали эти распри и постановляли окончательный приговоръ. Что же касается до внутренняго управленія, то они вмѣшивались въ него только тогда, когда это было необходимо въ интересахъ общественнаго спокойствія. Нельзя, конечно, сказать, чтобы всѣ города пользовались одинаковыми правами. Надзоръ надъ городами центральнаго правительства или уполномоченныхъ (пропретора или проконсула) былъ тѣмъ строже, чѣмъ дальше они отстояли отъ столицы или отъ Италіи, и чѣмъ меньше правъ они получили въ моментъ завоеванія или послѣ присоединенія; но всѣ эти города одинаково — муниципіи, колоніи, вольные города, находились ли они въ союзѣ или въ подданствѣ, — всѣ

они безъ различія управлялись по своимъ собственнымъ законамъ, избирали своихъ магистратовъ, сами распоряжались городскими дѣлами. Можно, кажется, безошибочно утверждать, что едва ли существовало когда-нибудь городское управленіе болѣе независимое, чѣмъ во времена деспотизма цезарей, такъ тяжело ложившагося на жителей столицы.

Посмотримъ теперь, какъ управлялись города, пользовавшіеся правами гражданства, т. е. колоніи и муниципіи. Городскія дѣла рѣшались сенатомъ изъ 100 членовъ, которые назывались декуріонами. Въ составъ сената входили самыя значительныя лица города; сфера его вѣдѣнія почти ничѣмъ не отличалась отъ римскаго сената, отъ котораго онъ перенялъ имя и старался перенять и его величіе. Исполнительная власть находилась въ рукахъ небольшого числа ежегодно смѣнявшихся магистратовъ. Въ колоніи Помпеѣ, которая намъ извѣстна лучше другихъ, важнѣйшими чиновниками были такъ называемые *duumviri jure dicundo*. Обязанности ихъ видны изъ самаго ихъ названія: ихъ было двое, подобно римскимъ консуламъ; подобно послѣднимъ, они предсѣдательствовали въ сенатѣ и судили. За дуумвирами слѣдовали два эдила, на которыхъ было возложено наблюденіе за рынками, содержаніе общественныхъ памятниковъ, полицейскій надзоръ за улицами и площадями. Кромѣ эдиловъ, во многихъ городахъ было еще по два квестора, которые завѣдывали городскими доходами и наблюдали за расходами. Таковъ былъ обычный составъ городскихъ чиновниковъ, мѣнявшійся ежегодно. Были еще и другіе, которые избирались время отъ времени для нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаевъ. Каждая пять

лѣтъ въ имперіи производилась всеобщая перепись населенія. Это былъ торжественный актъ, который сопровождался религіозными обрядами и роскошными празднествами. Въ Римѣ перепись производилась самимъ императоромъ, который считалъ себя преемникомъ республиканскихъ цензоровъ.

Въ провинціяхъ ради этого не создавали особой должности, такъ какъ муниципальная администрація вообще не любила увеличивать число своихъ чиновниковъ. Эта важная операція производилась здѣсь очередными дуумвирами. Но такъ какъ они выполняли въ этомъ случаѣ новую обязанность, то и получили новое имя. Для обозначенія того чрезвычайнаго полномочія, которымъ они облакались разъ въ пятилѣтіе, къ ихъ обычному титулу прибавляли слово *quinquennalis*. Называться магистратомъ пятилѣтія была немалая честь. Обязанности такихъ чиновниковъ заключались не только въ производствѣ переписи; подобно римскимъ цензорамъ, они должны были составлять списокъ сенаторовъ. Они вносили въ него, прежде всего, чиновниковъ, отбывшихъ срокъ своей службы, потомъ видныхъ лицъ города, которыхъ они находили наиболѣе достойными этой чести. Въ ихъ волѣ было выбрать, кого они пожелаютъ, лишь бы не нарушить общихъ требованій закона. Эти требованія намъ уже извѣстны. Чтобы попасть въ декуріоны, нужно было достигнуть извѣстнаго возраста, — тридцати лѣтъ при Юліи Цезарѣ, двадцати пяти со времени Августа. Позднѣе стали требовать извѣстнаго имущественнаго ценза, высота котораго колебалась, смотря по важности города; въ Комо, напримѣръ, надо было имѣть только 100,000 сестерцій (20,000 франковъ). Изъ кандидатовъ безу-

словно исключались банкроты, люди, которые подвергались позорящимъ наказаніямъ или занимались предосудительными профессіями, напр. были комедіантами или обучали гладіаторовъ. Что касается сводниковъ, уличныхъ разнощиковъ и прислуги при похоронныхъ процессіяхъ — ихъ можно было предлагать только подъ условіемъ отказа отъ ихъ занятій. Составивъ списокъ, квинквенналы гравировали его на мѣдной доскѣ и вывѣшивали на форумѣ на видномъ мѣстѣ, чтобы всякій могъ съ нимъ ознакомиться. Эта таблица называлась *album civitas*. Случай сохранилъ намъ одинъ такой списокъ города Канузіума; изъ списка видно, кто входилъ въ составъ сената этого городка. Въ началѣ таблицы, раньше именъ декуріоновъ, стоятъ нѣсколько именитыхъ особъ, которыя носятъ титулъ покровителей или защитниковъ города (*patroni civitatis*). Подобныхъ лицъ мы находимъ во всѣхъ муниципіяхъ. Происхожденіе ихъ двоякое. Одни были прежніе магистраты, съ честью прошедшіе муниципальную служебную карьеру: они нѣсколько разъ побывали въ дуумвирахъ или квинквенналахъ и заслужили въ этомъ званіи признательность своихъ согражданъ. Такъ какъ дальнѣйшаго движенія по службѣ городъ уже не могъ имъ предоставить, то имъ давали самое большее, что могли: почетное званіе *патроновъ*. Такимъ образомъ, они становились первыми лицами въ городѣ. Другой разрядъ «патроновъ» стоялъ въ сторонѣ отъ городского управленія: онъ состоялъ изъ лицъ вліятельныхъ, близкихъ къ императору и могшихъ, при случаѣ, оказать важную услугу. Они должны были, въ случаѣ надобности, защищать интересы города передъ центральнымъ правительствомъ. Взамѣнъ этихъ

ожидаемых или оказанныхъ услугъ, городъ осыпалъ ихъ почестями. Постановленіе, которымъ они возводились въ патроны, всегда составлялось въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ; для врученія его отправлялась особая торжественная депутація; самый дипломъ гравировался на стѣнахъ ихъ дома ¹⁾. Послѣ патроновъ таблица Канузіума перечисляетъ очередныхъ декуріоновъ, размѣщенныхъ по степени ихъ важности; оканчивается она именами нѣсколькихъ молодыхъ людей (*praetextati*), сыновей знатныхъ фамилій, которымъ позволялось присутствовать на засѣданіяхъ сената, чтобы приобрѣсти навыкъ въ дѣлахъ. Они были, такъ сказать, кандидатами на декуріонскія вакансіи. Въ Канузіумѣ 25 человекъ были удостоены этой чести.

Всего замѣчательнѣе въ муниципальномъ устройствѣ былъ способъ избранія дуумвировъ, эдиловъ и квесторовъ. Часто утверждаютъ, что народныя собранія были уничтожены въ провинціяхъ, такъ же какъ въ Римѣ, со временъ Тиберія, и что избраніе муниципальных магистратовъ возложено было на декуріоновъ, такъ же какъ въ Римѣ на сенатъ. Надо признаться, что такое предположеніе было весьма правдоподобно и совершенно согласно съ нашими представленіями объ имперіи. Но однако оно оказалось невѣрнымъ и должно быть отвергнуто послѣ

¹⁾ Въ Римѣ найдено было на мѣдной доскѣ постановленіе маленькаго городка *Ferentum*, назначавшаго своимъ патрономъ Помпоніа Басса. Вѣроятно, этотъ экземпляръ помѣщался въ домѣ Басса. Впрочемъ, не всегда патроны были знатными особами. Большіе города выбирали сенаторовъ и бывшихъ копеуловъ; города поменьше довольствовались военными трибунами или еще болѣе скромными сановниками. Были примѣры женщинъ и дѣтей, облеченныхъ этимъ званіемъ.

находки знаменитыхъ таблицъ въ Салпенсѣ и Малагѣ. Эти таблицы заключаютъ въ себѣ законы, дарованные обѣимъ муниципіямъ императоромъ Домиціаномъ; трудно допустить, чтобы эти законы были составлены спеціально для Салпенсы и Малаги; гораздо вѣроятнѣе, что тѣ же порядки дѣйствовали и во многихъ другихъ муниципіяхъ. Изъ упомянутыхъ таблицъ мы получаемъ самыя точныя свѣдѣнія о томъ, какъ избирались городскіе магистраты. Одинъ изъ дуумвировъ предсѣдательствовалъ на выборахъ. Кандидаты должны были записываться заранее, и если ихъ оказывалось меньше, чѣмъ вакансій, то дуумвиръ пополнялъ списокъ по своему усмотрѣнію изъ лицъ, наиболѣе извѣстныхъ въ городѣ. Голоса подавались по куріямъ, баллотировка была закрытая. Всѣ жители принимали участіе въ выборахъ, и даже чужестранцы, лишь бы они были римскими гражданами. Въ назначенный день каждая курія сходилась въ мѣстѣ своихъ собраній и приступала къ избранію. Для обезпеченія свободы выборовъ принимались самыя мелочныя предосторожности. «Около урны каждой куріи», говоритъ законъ, «должны находиться, для охраны выборовъ и для счета голосовъ, три человека изъ гражданъ муниципіи, но только изъ другой трибы. Каждый изъ нихъ долженъ предварительно присягнуть, что будетъ поступать по совѣсти и вести точный счетъ всѣмъ голосамъ. Кандидатамъ также необходимо разрѣшить присылать отъ себя людей для наблюденія за различными урнами; и всѣ эти лица, какъ назначенныя властями, такъ и присланныя кандидатами, могутъ подавать голосъ въ той куріи, къ которой они прикомандированы, и голосъ ихъ долженъ имѣть

такое же значеніе, какъ если бы онъ былъ поданъ въ курии, къ которой они дѣйствительно принадлежать». Подобныя предосторожности показываютъ, что населеніе было прекрасно знакомо съ практикой всеобщаго голосованія. Далѣе законъ опредѣляетъ, со всеми подробностями, способъ подсчитыванія голосовъ въ каждой трибѣ, а также и то, кого слѣдуетъ считать избраннымъ, если нѣсколько кандидатовъ получили одинаковое количество голосовъ. Затѣмъ законъ обязываетъ избраннаго кандидата представить достаточныя ручательства ответственности за городскія суммы, которыми будетъ распоряжаться, и присягнуть передъ собравшимся народомъ, «именемъ Юпитера, божественнаго Августа, божественнаго Клавдія, божественнаго Веспасіана, божественнаго Тита, духомъ императора Домиціана и пенатами, — что онъ будетъ исполнять все, что ему предписываютъ законы государства и никогда ихъ не нарушить». По произнесеніи этой присяги, его торжественно провозглашаютъ магистратомъ муниципія.

Итакъ, въ царствованіе Домиціана населеніе муниципіевъ само выбирало своихъ правителей. То самое зрѣлище народныхъ собраній и комицій, которое въ Римѣ стало уже далекимъ воспоминаніемъ, — за воротами Рима было живою дѣйствительностью. Быть магистратомъ хотя бы и безвѣстнаго городка имѣло значеніе для избраннаго, такъ какъ выборъ являлся свободнымъ выраженіемъ воли мѣстнаго населенія. Поэты напрасно выражались съ такимъ презрѣніемъ о нищихъ преторахъ въ Фунди или отрепанныхъ эдилахъ въ Улубрахъ: въ концѣ концовъ гораздо почетнѣе было быть выбраннымъ

своими согражданами, чѣмъ заслужить милость такого императора, какъ напр. Тиберій или Неронъ. Вотъ почему такъ добивались магистратуръ въ муниципіяхъ. Честолюбіе разгоралось, и борьба принимала ожесточенный характеръ. Римляне въ насмѣшку называли эти избирательныя сцены бурями въ стаканѣ воды (*fluctus in simpulo*). И это на самомъ дѣлѣ были бури. Иногда въ дѣло замѣшивался подкупъ, и партіи до такой степени раздражались, что, за невозможностью соглашенія, имъ приходилось обращаться къ императору съ просьбой назначить магистрата, котораго они не могли избрать сами.

Въ Помпеѣ сохранились очень любопытныя слѣды этой избирательной горячки. Такъ какъ тогда не было газетъ, при посредствѣ которыхъ можно было бы выдвигать своихъ кандидатовъ и нападать на враждебныхъ, то рекомендаціи и порицанія просто-напросто выцарапывались на стѣнахъ. Этотъ обычай былъ до такой степени распространенъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ домовладѣльцы старались оградить стѣны своихъ домовъ отъ пачкотни этими избирательными афищами. «Прошу», заявляли они, «ничего здѣсь не писать». — «Горе тому кандидату, имя котораго будетъ написано на этой стѣнѣ! Пусть онъ провалится на выборахъ!» — Домовладѣльцы Помпеи были, повидимому, снисходительнѣе, потому что здѣсь очень много было найдено такихъ стѣнныхъ афишъ, и съ каждымъ днемъ все открываются новыя. Форма ихъ довольно однообразна: обыкновенно какая-нибудь корпорація или отдѣльное лицо рекомендуютъ въ нихъ своего избранника вниманію избирателей. Иногда просьба высказывается въ скром-

ныхъ выраженіяхъ: «Прошу васъ избрать эдиломъ Веттія Фирма; объ этомъ хлопочетъ Феликсъ». — «Торговцы фруктами желаютъ имѣть дуумвиромъ Голконія Приска». — Иногда, напротивъ, мы встрѣчаемъ рѣшительный тонъ людей, считающихъ себя вліятельными и увѣренныхъ, что ихъ примѣръ увлечетъ многихъ: «Фирма подаетъ голосъ за Марка Голконія». — «Рыбаки выбираютъ Попидія Руфа». Не забываютъ составители афишъ упомянуть и достоинства рекомендуемаго кандидата. Чаще всего они утверждаютъ, что это человекъ выдающійся, честный, достойный той должности, которой ищетъ, какъ бы рожденный для блага страны и т. д. «Мы считаемъ», говоритъ Сенека, «всѣхъ кандидатовъ честными людьми». Таковъ былъ обычай, и эти рекламы никого не могли ввести въ заблужденіе. Въ Помпеѣ у всѣхъ есть свои избранники, которыхъ они и рекомендуютъ. Есть свой кандидатъ у пирожниковъ, у поваровъ, у садовниковъ, у торговцевъ соленьями, у земледѣльцевъ, у погонщиковъ муловъ, валяльщиковъ суконъ и даже у игроковъ въ мячъ и у гладиаторовъ. Есть также особый кандидатъ у школьныхъ учителей, заявленія которыхъ, несмотря на ихъ профессію, несвободны отъ синтаксическихъ и орфографическихъ ошибокъ ¹⁾). Наконецъ, есть свой кандидатъ и у женщинъ, которыя присоединяются къ мужьямъ или сыновьямъ, а иногда рѣшаются и отъ себя лично назвать имя своего избранника — часто очень рѣшительнымъ тономъ: *Hilario cum sua rogat.* — *Sema cum pueris cupit.* — *Fortunata cupit.* — *Animula facit* и т. п. Несомнѣнно, женщины въ Помпеѣ не

¹⁾ Corp. insc. lat. IV. 698. *Valentinus cum discipulos suos rogat.*

имѣли права голоса, такъ же какъ и гладиаторы; но тѣмъ не менѣе у нихъ были свои кандидаты, и онѣ позволяли себѣ рекомендовать ихъ избирателямъ.

Если въ Помпѣи и другихъ мѣстахъ такъ настойчиво добивались муниципальных должностей, то, конечно, не изъ-за выгоды. Ни одинъ магистратъ не получалъ жалованья; наоборотъ, они сами платили, чтобы быть избранными. Разница между тѣмъ временемъ и нашимъ въ этомъ отношеніи очень ясно отражается въ значеніи, которое имѣло слово *юнонаръ* тогда и теперь. Теперь «гонораръ» означаетъ жалованье, которое платится за общественную службу; тогда оно обозначало сумму денегъ, которую всякій избранный долженъ былъ заплатить за честь своего избранія (*honoraria summa*). Эта сумма, величина которой мѣнялась смотря по важности города ¹⁾, была, впрочемъ, самую незначительную частью расходовъ, связанныхъ съ полученіемъ мѣста. Къ избраннымъ предъявлялись и другого рода требованія. Самые бѣдные люди, въ самыхъ мелкихъ муниципалитетахъ, потчевали своихъ избирателей подогрѣтымъ виномъ и пирогами. Съ утра до ночи бѣдный людъ могъ угощаться на счетъ своего эдила или дуумвира. «Другъ», читаемъ мы въ одной надписи, «требуи пироговъ и вина, тебѣ будутъ давать до шестого часа. Пеняи на себя, если запоздаешь». Декуріоновъ, конечно, кормили лучше, чѣмъ простой народъ. Ихъ приглашали на публичный обѣдъ и доставляли случай населенію созерцать ихъ во время этого параднаго стола. Иногда щедрость эту распространяли на всѣхъ, и по окончаніи обѣда

¹⁾ Въ Каламѣ, маленькомъ городкѣ Африки, платили за сама вышнія должности 3.000 сестерцій (600 франковъ).

раздавали всѣмъ присутствующимъ деньги; каждый получалъ сообразно тому положенію, которое онъ занималъ въ городѣ. Декуріонамъ давали по 20 сестерцій (4 франка), членамъ разныхъ религіозныхъ и коммерческихъ ассоціацій (августаліямъ, меркуріаліямъ) по 10 сестерцій (2 фр.), всѣмъ остальнымъ гражданамъ по 8 сестерцій (1 фр. 60 сант.). Но больше всего народъ дорожилъ разнаго рода играми, и эти игры магистратамъ приходилось тоже принимать на свой счетъ. Нужно было устраивать или скачки, или состязанія атлетовъ, или бой гладіаторовъ, или, наконецъ, всѣ эти зрѣлища вмѣстѣ. Словомъ, какъ будто первымъ долгомъ богатаго челоуѣка считалось тогда разоряться на угощеніе и развлеченіе своихъ согражданъ.

И этого всего, однако, было мало, если кандидатъ хотѣлъ затмить своихъ соперниковъ и вполне убогаторить избирателей. Помимо праздниковъ и пиршествъ, народъ требовалъ также и болѣе серьезныхъ и полезныхъ подачекъ: обыкновенно магистратъ предпринималъ на свой счетъ общественныя работы. Иногда онъ строилъ новыя дороги протяженіемъ въ нѣсколько миль или поправлялъ прежнія; въ случаѣ, если эти дороги замащивались новымъ камнемъ, а не мусоромъ отъ старыхъ разобранныхъ построекъ, — то объ этомъ дѣлалось спеціальное упоминаніе. Иногда магистратъ проводилъ воду въ свой муниципій, устраивалъ водоемы на улицахъ и площадяхъ и даже, за нѣкоторую плату, проводилъ трубы въ частныя дома. Чаше всего онъ бралъ на себя постройку или реставрацію какого-нибудь памятника; самыя лучшіе памятники, открытыя въ Помпеѣ, какъ напр. храмы Фор-

туны и Изида, портики и театр, были созданиём частныхъ лицъ. Изъ одной надписи въ Остіи мы узнаемъ, что одинъ магистратъ, кромѣ публичныхъ объѣдовъ, денежныхъ раздачъ и всякаго рода зрѣлищъ, на свои средства замостилъ длинную улицу, выстроилъ или поправилъ пять храмовъ, поставилъ на площади зданіе для городскихъ вѣсовъ, а на форумѣ — мраморный трибуналъ.

По всей вѣроятности, во всѣхъ муниципіяхъ имперіи дѣлалось то же, что въ Остіи и Помпеѣ; вездѣ считалось долгомъ чести для богатыхъ гражданъ украшать городъ, избравшій ихъ въ магистраты. Большая часть памятниковъ, красовавшихся тогда въ провинціяхъ и до сихъ поръ приводящихъ въ удивленіе своими развалинами, были воздвигнуты именно такимъ образомъ и ничего не стоили ни государству ни муниципіямъ. Императоры всѣми средствами старались поощрить эту щедрость. Римляне всегда любили великолѣпіе: имъ былъ какъ бы прирожденъ вкусъ ко всякому внѣшнему блеску; въ императорское время эта склонность развилась еще сильнѣе, чѣмъ во времена республики, благодаря обычному пристрастію монархическихъ правительствъ къ пышности и величію. Законами строго преслѣдовалась покупка старыхъ зданій на сломъ и употребленіе въ дѣло этого матеріала. Настойчивыя преслѣдованія этой «позорной и кровавой торговли» — по выраженію законовъ — вовсе не имѣли главной своей цѣлью сбереженіе памятниковъ старины; ихъ задача, прежде всего, — удалить съ глазъ развалины, которыя могли бы недоброжелательныхъ людей навести на мысль, будто имперія не вполне благоденствуетъ. Эти оберегаемые зако-

номъ памятники лучше всего могли рекламировать всеобщее блаженство; вотъ почему законы охраняли ихъ съ такимъ усердіемъ. Всякій разъ, когда имперія оправлялась послѣ смуть, нарушавшихъ общественную безопасность, первымъ дѣломъ новаго государя было исправить зданія, потерпѣвшія въ смутное время, и построить новыя. Такъ поступали Августъ, Веспасіанъ и Нерва; послѣдній даже произнесъ рѣчь, очень понравившуюся Плинію, — въ ней онъ старался расположить публику къ пожертвованіямъ и самъ первый подаль примѣръ. Богатые люди подражали императору; они усердно пользовались этимъ разорительнымъ, но вѣрнымъ средствомъ, чтобы завоевать популярность среди согражданъ и милость императора. Такъ мало-по-малу имперія покрылась роскошными памятниками. За большими городами тянулись самыя мелкія мѣстечки: такъ, деревушки, сосѣднія съ Вероной или Нимомъ, старались воспроизводить у себя ихъ памятники, точно такъ же какъ Верона и Нимъ копировали памятники Рима. Вездѣ строили театры, храмы, водопроводы. Изъ одной надписи мы узнаемъ, что одинъ маленькій городишко, затерявшійся среди Аппенинъ, имя котораго не попадается ни у одного древняго или современнаго географа, одновременно поправилъ цементную кладку своихъ стѣнъ, храмъ и портикъ. Такимъ образомъ, тайна поражающаго насъ великолѣпія заключается въ томъ, что всякій считалъ долгомъ принимать въ этомъ свою долю участія; государство и городское управленіе не несли всей тяжести расходовъ на общественныя постройки, такъ какъ большую часть этихъ расходовъ брали на себя частныя лица. Послѣднія тратили

свои громадныя состоянія, чтобы оставить прочную память о своей службѣ; каждый старался превзойти другихъ, и это соревнованіе шло на общую пользу.

Всѣ эти громадныя траты, однакоже, нисколько не обезоруживали недовольныхъ избирателей. Среди людей, которыхъ такъ усердно кормили и развлекали, для которыхъ строили великолѣпныя зданія, всегда находились ворчуны. Щедрость вступающаго въ должность эдила или дуумвира подвергалась невыгодному сравненію съ расходами ихъ предшественниковъ. Сколько бы ни было истрачено на нихъ, они всегда находили, что вино и пироги могли бы быть лучше, памятники — пышнѣе, гладіаторовъ могло бы быть больше. Этихъ людей ничѣмъ нельзя было удовлетворить, и они нисколько не стѣснялись высказывать свое недовольство. Подъ одной надписью, которая заключаетъ въ себѣ имя одного магистрата города Улубръ, другой рукой высѣчены слова: «это мошенникъ». У Петронія въ одной сатирѣ есть очень забавное изображеніе одного изъ такихъ критиковъ маленькаго городка. Портретъ снятъ съ натуры и до настоящаго времени не утратилъ своей жизненности. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые во всѣхъ своихъ несчастіяхъ обвиняютъ администрацію. Если дорогъ хлѣбъ, если плоха погода, если черезчуръ сухо, или наоборотъ, черезчуръ сыро — во всемъ виноваты эдилъ или дуумвиръ: они въ стачкѣ съ торговцами, они покровительствуютъ скупщикамъ, они не исполняютъ положенныхъ молитвъ и процессій — это воры или безбожники. «Попадись только мнѣ», выражается гость Трималхіона на своемъ простонародномъ языкѣ, «эти негодяи — эдилы, которые сговорились съ

булочниками морить насъ голодомъ! Они дѣлятся между собою: это тебѣ, а это мнѣ! Бѣдный народъ голодаетъ, а они себѣ чавкаютъ въ свое удовольствіе! Отчего у насъ теперь не тѣ власти, которыя были здѣсь при моемъ пріѣздѣ? Вотъ были молодцы! И славно жилось тогда! Помню, напримѣръ, Сафинія: тотъ, знаете, что жилъ у старыхъ триумфальныхъ воротъ. Посмотрѣли бы вы, какъ онъ расправлялся со своими товарищами въ куріи, какъ онъ имъ рѣзалъ правду въ глаза, безъ всякихъ обиняковъ. А когда онъ говорилъ рѣчь на форумѣ, его голосъ гудѣлъ какъ труба. А вѣдь какъ онъ вѣжливо со всѣми раскланивался; всякаго назоветъ, бывало, по имени, точно будто свой братъ говоритъ съ тобой. За то и хлѣбъ продавался тогда ни по чемъ. За одинъ асъ давали такую огромную булку, что два человѣка едва могли осилить ее, а теперь намъ за эту цѣну продаютъ, право, не больше коровьяго глаза. Все стало плохо нынче. Сами виноваты: зачѣмъ выбрали въ эдилы этого мерзавца, который всѣхъ насъ готовъ продать за грошъ! Онъ пируетъ у себя въ домѣ, беретъ, гдѣ только можно, и я знаю одного человѣка, у котораго онъ взялъ тысячу денаріевъ. Если бы мы были посмѣлѣе, то онъ бы такъ не зазнавался; а то мы дома храбры какъ львы, а на людяхъ трусливы какъ лисицы. Я ужъ проѣлъ всѣ свои пожитки, и если такъ будетъ продолжаться, мнѣ придется продать свою лавку». Къ счастью, недовольные не составляли большинства. Обыкновенно городъ дорожилъ щедротами своихъ магистратовъ и высказывалъ имъ свою признательность въ очень сильныхъ выраженіяхъ. За вкусные обѣды и зрѣлища платили почетомъ и лестью.

Пока магистратъ былъ живъ, его осыпали похва-
лами; по смерти ему устраивали общественныя по-
хороны, при чемъ сжигали до 10 фунтовъ благо-
воній, а семьѣ его отводили на краю дороги нѣ-
сколько футовъ городской земли для надгробнаго
памятника ему. Иногда, впрочемъ, горожане шли
дальше въ своемъ выраженіи благодарности. Послѣ
какого-нибудь особеннаго проявленія щедрости со
стороны дуумвира или квинквеннала, — декуріоны
собирались въ храмѣ и рѣшали поставить въ честь
благодотворителя конную статую; народъ въ то же
время собирался на форумъ и постановлялъ воз-
двигнуть пѣшую статую. Постановленія объ этомъ
составлялись въ самомъ торжественномъ и высоко-
парномъ стилѣ, какимъ въ куріи маленькаго город-
ка умѣли говорить нѣсколько не хуже, чѣмъ въ
римскомъ сенатѣ. И въ этомъ случаѣ опять - таки
дѣло сводилось къ посягательству на кошелькъ не-
счастливаго магистрата. Обычай требовалъ, чтобы ма-
гистратъ оставался щедрымъ до конца: польщенный
честью, которую ему оказывали, онъ обязанъ былъ
избавить своихъ согражданъ отъ издержекъ, связан-
ныхъ съ ихъ рѣшеніемъ, — *honore contentus, impensam
gemisit*, такъ гласила формула. Это значить, что
онъ платилъ самъ за обѣ статуи и такимъ образомъ
прославлялъ себя на свой собственный счетъ; за-
тѣмъ, въ день открытія статуй, онъ не могъ не
дать общественнаго обѣда и великолѣпнаго празд-
ника декуріонамъ и народу. Такимъ образомъ, не
истративши ни копейки, населеніе получало воз-
можность заявить свою благодарность и тѣмъ са-
мымъ приобрѣтало право на новую щедрость своего
магистрата.

Но въ такомъ случаѣ является вопросъ: почему же такъ упорно добивались этихъ разорительныхъ почестей? Дѣйствительно, это было бы трудно понять, если упустить изъ вида ту привязанность, которую чувствовали къ своимъ маленькимъ городкамъ ихъ уроженцы, никогда изъ нихъ не выѣзжавшіе. Въ тѣ времена, когда сношенія между людьми были труднѣе и горизонтъ уже, чувства не разбрасывались такъ, какъ теперь, и естественно, что на долю родной мѣстности ихъ оставалось больше. Стойки считали себя гражданами всего міра, но они приходили къ этому путемъ чисто философской абстракціи; а мы стали космополитами безъ всякихъ усилій, благодаря легкости путешествій и быстротѣ сообщеній, связывающихъ всѣ народы между собой. Жизнь наша чрезвычайно раскинулась въ пространствѣ. Мы частью живемъ въ тѣхъ странахъ, по которымъ путешествуемъ; естественно, что такимъ образомъ отнимается нѣчто у тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ мы родились. Когда много читаешь и видишь, поневолѣ сравниваешь, и ничто такъ не портитъ наслажденія, которое испытываешь, и мѣста, въ которомъ живешь, какъ мысль о воображаемыхъ удовольствіяхъ и память о видѣнныхъ странахъ. Въ древности, когда люди охотнѣе оставались на мѣстѣ, всѣ привязанности и воспоминанія сосредоточивались на одномъ городѣ. Его любили съ тѣмъ большею силою, что больше нечего было любить. Даже тѣ, которые изъ честолюбія покидали его, отправляясь на поиски счастья въ Римъ, — не забывали его. Цицеронъ, сенаторъ и бывший консулъ, съ трогательной заботливостью занимался дѣлами маленькаго городка, откуда былъ родомъ. Подъ конецъ своей жизни онъ

говорилъ своему другу Аттику, показывая ему Арпинумъ: «Вотъ моя настоящая родина — моя и моего брата. Здѣсь родились мы въ старинной семьѣ; здѣсь наши домашніе боги и останки нашихъ предковъ. Видишь этотъ домъ: его выстроилъ мой отецъ и прожилъ въ немъ всю жизнь, занимаясь литературой. На этомъ самомъ мѣстѣ прежде стоялъ другой, поменьше и попроще, въ родѣ дома Курія у сабинянъ; мой дѣдъ жилъ въ немъ, когда я родился. Всякій разъ, когда я побываю снова въ этихъ мѣстахъ, въ глубинѣ души моей просыпаются какія-то тайныя чувства, которыя заставляютъ меня дорожить этими мѣстами больше, чѣмъ всякими другими». Еще сильнѣе привязывался человекъ къ своему родному городу, — какъ бы онъ ни былъ малъ и ничтоженъ, — если онъ изъ него никогда не выѣзжалъ и если его честолюбивыя мечты не шли дальше скромныхъ муниципальныхъ должностей. Такой человекъ не могъ не дорожить почетомъ и популярностью въ своемъ городкѣ и считать за счастье прогремѣть въ немъ. Римляне любили подшучивать надъ магистратами маленькихъ городковъ и ихъ важной осанкой; но и сами они не меньше гордились, когда въ качествѣ консуловъ имъ приходилось шествовать по улицамъ въ претекстѣ и латиклавѣ. Даже простой членъ коллегіи августаловъ, т. е. нѣчто въ родѣ представителя благотворительнаго общества, считалъ себя важной особой, когда онъ выступалъ въ бѣломъ одѣяніи и въ сопровожденіи ликтора. Желаніе быть въ первыхъ рядахъ, стоять выше другихъ, которое такъ сильно въ большихъ городахъ, — едва ли еще не сильнѣе въ маленькихъ. Такъ какъ тамъ всѣ другъ друга лучше знаютъ, то и всякія отличія даютъ

большаго повода испытать удовольствіе. Къ наслажденію властью присоединяется еще здѣсь пріятная увѣренность, что возбуждаешь въ другихъ чувство зависти. Правда, это удовлетвореніе самолюбія обходилось довольно дорого, но извѣстно, что тщеславіе не скупится на траты.

Впрочемъ, не ради одного тщеславія добивались городскихъ должностей, — изъ нихъ можно было извлечь и болѣе серьезныя выгоды. Для честолюбцевъ, мечтавшихъ о блестящей карьерѣ, эти мѣста были первою ступенью къ дальнѣйшему повышенію. Сдѣлаться первымъ въ своемъ городѣ было самымъ вѣрнымъ средствомъ приобрести нѣкоторое значеніе и въ государствѣ. Ничто не мѣшало сыновьямъ думвировъ маленькаго городка, гдѣ бы они ни родились, — дѣлать самыя широкіе планы. Тѣмъ, которыхъ честолюбіе и таланты побуждали идти дальше отцовъ, — отцовское положеніе давало возможность попробовать счастья, — и нерѣдко эти попытки увѣнчивались успѣхомъ. Они быстро продвигались въ легіонахъ, въ особенности если принадлежали къ стариннымъ и уважаемымъ фамиліямъ. Если они были бойки и смышлены, они могли дослужиться до званія военнаго трибуна. Отсюда они получали возможность перейти въ гражданскую или финансовую службу, становились *прокураторами* Цезаря или поступали въ провинціальную администрацію. Такимъ путемъ Ноній Бальбъ, наполнившій Геркуланумъ своими надписями и статуями, получилъ управленіе Критомъ и Киренаикой. Счастливыцы достигали иногда и консульства, какъ напр. Агрикола, который былъ родомъ изъ колоніи Форумъ Юліи. Были даже и императоры изъ про-

винціаловъ, напр. испанецъ Траянъ и африканецъ Северъ.

Значитъ, положеніе муниципіевъ въ I вѣкѣ было вполне хорошее; въ общемъ они ничего не потеряли съ утверженіемъ имперіи. Права, которыя императоры отняли у римскаго народа, — совсѣмъ были лишними для населенія провинцій. Римскимъ гражданамъ, жившимъ въ Помпеѣ и Стабіяхъ, легко было примириться съ упраздненіемъ народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ, такъ какъ отдаленность разстоянія, все равно, не позволяла имъ принимать въ нихъ участія. Древній міръ совершенно не имѣлъ понятія о представительствѣ, т. е. о томъ, чтобы верховною властью, черезъ посредство уполномоченныхъ, пользовалось и населеніе столицы и населеніе самыхъ скромныхъ деревушекъ. Такихъ сложныхъ формъ тогда не знали. Поэтому жители города Рима, которые одни могли пользоваться государственною властью, утверждать законы, выбирать должностныхъ лицъ, одни и потерпѣли отъ тиранніи цезарей. Республика не сумѣла привлечь провинціаловъ къ центральному управленію, естественно поэтому, что они довольно равнодушно отнеслись къ ея паденію. Такъ какъ за ними было сохранено ихъ муниципальное самоуправленіе и избраніе мѣстныхъ магистратовъ, то они почти и не замѣтили переменъ въ государственномъ строѣ; или точнѣе, эта переменна была для нихъ замѣтна только по тѣмъ выгодамъ, которыми она для нихъ сопровождалась. При новомъ правительствѣ они меньше страдали отъ политическихъ смуть, больше были увѣрены въ завтрашнемъ днѣ, — и это чувство безопасности имѣло послѣдствіемъ быстрое обогащеніе. Вотъ почему есть

полное основаніе думать, что во всѣхъ этихъ статуяхъ и храмахъ, которые всюду воздвигались въ честь живыхъ или покойныхъ императоровъ, — было меньше лести, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ. Въ императорахъ чтили сильную власть, которая заставила умолкнуть партіи и дала возможность каждому въ своемъ углу спокойно пользоваться своей свободой и своимъ достояніемъ. Всѣмъ императорамъ оказывали одинаковыя почести, потому что отъ всѣхъ получали одинаковыя услуги. Въ сущности, и дурные императоры такъ же точно охраняли общественный миръ, какъ и хорошіе. Маленькій городокъ въ Галліи или Испаніи нисколько не страдалъ отъ ихъ безумствъ: до нихъ едва ли доходилъ и слухъ объ этомъ¹⁾; они знали только ту попечительную власть, подъ покровомъ которой они мирно пользовались своими муниципальными вольностями, и отнюдь не желали ея низверженія.

IV. Городъ Римъ.

Итакъ, мы видѣли, что ни въ войскѣ, ни въ провинціяхъ, ни въ муниципіяхъ не было систематической оппозиціи противъ имперіи. На первый взглядъ кажется, что ея не было и въ столицѣ. Когда вы держитесь на нѣкоторомъ разстояніи и издали прислушиваетесь къ шуму, исходящему изъ Рима, до васъ долетаетъ только общій гулъ похвалы. Всѣ им-

¹⁾ Такъ въ Иудеѣ не слыхали о жестокостяхъ Тиберія и считали его правленіе такимъ же счастливымъ временемъ, какъ царствованіе Августа. Хорошіе государи, говоритъ Тацитъ, приносятъ счастье цѣлому міру, тогда какъ дурные дѣлаютъ зло только кругомъ себя .

ператоры, и любимые и ненавистные, неизменно получают одни и тѣ же почести. Сенатъ изощряется въ усиліяхъ придумать въ честь ихъ какую-нибудь новую лесть; коллегіи жрецовъ упоминаютъ имя императора, каковъ бы онъ ни былъ, во всѣхъ своихъ молитвахъ; когда онъ въ отъѣздѣ, всюду воздвигаются жертвенники въ честь *Боини счастливаго возвращенія*; стоитъ ему заболѣть, какъ со всѣхъ сторонъ возносятся моленія Сильвану или Эскулапу. Въ циркѣ, въ театрѣ народъ встрѣчаетъ его бурными восклицаніями; самые именитые граждане избираются на обрывы Палатина, чтобы привѣтствовать его при пробужденіи. Вездѣ ему воздвигаютъ статуи, триумфальныя арки, его именемъ называютъ мѣсяцы, на монетахъ выбиваютъ изображеніе всеобщаго Благоденствія. Знаменитые поэты осыпаютъ его самыми преувеличенными похвалами. Виргилій, еще при жизни причисляя Августа къ созвѣздіямъ, заявлялъ, что Скорпіонъ посторонился, чтобы дать мѣсто новому свѣтилу. Луканъ совѣтовалъ Нерону, когда онъ станетъ божествомъ, помѣститься какъ разъ посреди неба: если онъ слишкомъ надавитъ на одну сторону небеснаго свода, ось міра подастся подъ тяжестью такого великаго государя, и міровое равновѣсіе нарушится. Марціалъ серьезно задаетъ себѣ вопросъ, пользовался ли Римъ когда-нибудь большей свободой и славой, какъ при Домиціанѣ. Словомъ, если судить только по этому официальному энтузіазму, — весь міръ наслаждается счастьемъ, и кажется, что среди всеобщаго довольства не можетъ быть мѣста никакому проявленію недовольства.

Былъ одинъ моментъ, когда этотъ энтузіазмъ являлся вполне искреннимъ. Едва ли можно отри-

цать, что въ блестящіе годы, послѣдовавшіе за побѣдой при Акціумѣ, имперіей былъ доволенъ не только римскій народъ, содѣйствовавшій ея водворенію, но даже и аристократія, оказывавшая ей въ первое время сопротивленіе. Всѣ эти знатные господа, очертя голову взявшіеся за оружіе, но въ сущности гораздо болѣе дорожившіе, по словамъ Катона, своими садками, чѣмъ судьбой государства; вся эта молодежь, воображавшая, подобно эмигрантамъ великой революціи, что въ лагерь Помпея она пробудетъ одно лѣто, а къ осени вернется домой ѣсть тускуланскіе финики, въ дѣйствительности же заброшенная военной бурей на долгіе годы далеко отъ родины и отъ привычныхъ увеселеній,— вся эта молодежь была очень благодарна человѣку, давшему ей возможность спокойно вернуться къ себѣ и возвратившему ей ея дворцы на Целіи и Квириналѣ, ея виллы въ Пренестѣ и Тибурѣ, наконецъ, ея любимыя зрѣлища въ театрѣ и циркѣ, прогулки подъ портиками, вечернія гулянья на Марсовомъ полѣ и блестящіе весенніе праздники въ Байяхъ. Всѣ были охвачены на первыхъ порахъ порывомъ благодарности и восхищенія передъ государемъ, который водворилъ миръ послѣ столькихъ лѣтъ смуты. «Это божество», повторяли всѣ вслѣдъ за Виргиліемъ, «каждый мѣсяцъ нужно приносить ему новую жертву». Благодаря этому благодѣтельному божеству, освобождавшему гражданъ отъ всѣхъ заботъ, ни о чемъ больше не оставалось думать, какъ объ удовольствіяхъ и бездѣльѣ. Какъ обыкновенно бываетъ послѣ переворотовъ, угрожающихъ существованію общества,— всѣ предалися неудержимо наслажденіямъ жизни и жадно пользовались житейскими благами,

отъ которыхъ такъ долго принуждены были воздерживаться. Такимъ образомъ, можно смѣло утверждать, что общество, любимымъ поэтомъ котораго былъ Овидій, для котораго онъ написалъ свое «Искусство любить», — наслаждалось всецѣло текущей минутой, не жалѣя о прошломъ, и отъ всей души было благодарно человѣку, вернувшему ему возможность этой веселой жизни.

Однако всеобщее довольство продолжалось недолго. Удовольствіе, въ концѣ концовъ, пріѣдается, миръ наскучиваетъ, и ничто такъ не надоѣдаетъ, какъ продолжительный отдыхъ. По мѣрѣ того, какъ все больше забывались бури междоусобныхъ войнъ, благодарность къ избавителю слабѣла. Новое поколѣніе, родившееся послѣ битвы при Филиппахъ и не видавшее проскрипцій, уже не такъ цѣнило общественное спокойствіе, которымъ привыкло пользоваться. Талантливые и остроумные люди, успокоившись отъ страховъ, опять вернулись къ своимъ естественнымъ склонностямъ—къ злоязычію и фрондерству. Имперія застала общество въ моментъ самаго широкаго умственнаго развитія, среди расцвѣта литературы и искусствъ; эти условія не особенно благоприятны для водворенія абсолютной власти. Чтобы примириться съ нею безропотно, чтобы одобрять всѣ ея распоряженія, чтобы подчиняться ея произволу, — нужно совершенно отказаться отъ собственнаго сужденія, а это такая добродѣтель, которая трудно дается просвѣщеннымъ людямъ. Ничто такъ не благоприятствуетъ деспотизму, какъ невѣжество; наоборотъ, литературныя занятія развиваютъ независимость мысли; болѣе развитые умы становятся подвижнѣе, требовательнѣе и не такъ легко поддаются

чужому руководству. Притомъ же Августъ старѣль, пережилъ немало семейныхъ огорченій, потерялъ дѣтей, не всегда былъ счастливъ въ войнахъ: престижъ первыхъ лѣтъ царствованія мало-по-малу исчезъ. Публикѣ надоѣло восторгаться, явились попытки критиковать и осуждать. Что эти осужденія производили извѣстное впечатлѣнiе на общество, видно изъ того, что правительство пробовало ихъ сдержать. Августъ, не обращавшій до тѣхъ поръ никакого вниманія на толки, теперь не былъ расположенъ ихъ терпѣть: очевидно, онъ замѣтилъ, какъ они влiяютъ на публику. Въ тотъ день, когда онъ нашелъ нужнымъ принять противъ общественнаго мнѣнiя строгія мѣры, можно сказать, что оппозиція зародилась. Августъ пытался, по крайней мѣрѣ, задержать ея дальнѣйшее развитiе: онъ издалъ суровый законъ противъ клеветническихъ памфлетовъ, сталъ отправлять въ ссылку писателей и жечь ихъ книги. Эти строгости, оказавшiяся совершенно безсильными, необходимо отмѣтить. Онѣ обозначаютъ съ точностью тотъ моментъ, когда въ образованномъ римскомъ обществѣ поднялась оппозиція противъ цезарей, не прекращавшаяся до тѣхъ самыхъ поръ, пока не прекратилось и ихъ господство.

О Т Д Ъ Л Ъ П.
ЮЛІИ И КЛАВДІИ.

КАКЪ ТИБЕРІЙ ПОЛУЧИЛЪ ИМПЕРАТОРСКУЮ
ВЛАСТЬ.

(Guiraud, Lectures historiques. Histoire Romaine).

Послѣ похоронъ Августа сенатъ обращается къ Тиберію съ просьбою принять имперію въ свои руки. Тотъ отвѣчаетъ туманными разсужденіями о величіи имперіи и о своемъ безсиліи. «Государство, насчитывающее столько славныхъ защитниковъ, не должно держаться однимъ человѣкомъ; трудъ управленія будетъ гораздо легче, если разложить его на многихъ». Въ этихъ словахъ было больше показного достоинства, чѣмъ искренности. По свойству ли характера или вслѣдствіе привычки, Тиберій всегда выражался неясно и двусмысленно, даже тогда, когда ему нечего было скрывать. Но въ данномъ случаѣ онъ умышленно хотѣлъ замаскировать свои настоящія намѣренія и потому облекъ свои мысли въ еще болѣе непроницаемый туманъ. Сенаторы, которые боялись только одного, — какъ бы не показать, что они его видятъ насквозь, начали разсыпаться въ сожалѣніяхъ и слезныхъ мольбахъ. Они воздымаютъ руки къ статуямъ боговъ, къ изображенію Августа; они припадаютъ къ стопамъ Тиберія. Тогда

опъ приказывасть подать намятпую записку и по-
лить ее читать. Это была цѣлая картина полити-
ческаго могущества имперіи: изъ записки можно
было узнать точную цифру вооруженныхъ гражданъ
и союзниковъ, также количество кораблей, царствъ
и провинцій, размѣры пошлинъ и другихъ налоговъ,
перечень обязательныхъ и необязательныхъ расхо-
довъ. Августъ составилъ эту записку собственно-
ручно и прибавилъ совѣтъ -- не расширять предѣ-
ловъ имперіи.

Сенать затѣмъ низошелъ до самыхъ унизитель-
ныхъ упрашиваній, и Тиберій, наконецъ, прогово-
рилъ, что хотя онъ не въ состояніи принять на себя
все бремя правленія, онъ согласенъ взять какую-
нибудь часть, которую пожелаютъ ему довѣрить.
«Повѣдай же намъ, цезарь, сказалъ тогда Азиній
Галль, какую часть государственнаго управленія
желаешь ты, чтобы тебѣ поручили?» Смущенный
этимъ неожиданнымъ вопросомъ, Тиберій нѣсколько
времени молчалъ, потомъ, оправившись отъ замѣ-
шательства, онъ отвѣтилъ, что «скромность не позво-
ляетъ ему ни выбирать, ни отказываться отъ тѣхъ
обязанностей, отъ которыхъ онъ вообще желалъ бы
совершенно уклониться». Галль замѣтилъ на лицѣ
его выраженіе неудовольствія и возразилъ, что «онъ
предложилъ этотъ вопросъ не за тѣмъ, чтобы цезарь
раздѣлил то, что нераздѣливо, но чтобы онъ соб-
ственнымъ признаніемъ убѣдился, что республика
составляетъ одно тѣло и должна управляться еди-
ной душой». Затѣмъ онъ принялся восхвалять Ав-
густа и напомнилъ Тиберію о его собственныхъ
побѣдахъ и о многихъ годахъ блестящей дѣятель-
ности въ мирное время. Однако, ему не удалось

смягчить гнѣва Тиберія, такъ какъ тотъ уже съ давнихъ поръ ненавидѣлъ его.

Послѣ того и Л. Аррунцій такого же рода рѣчью навлекъ на себя подобную же немилость. Нельзя сказать, чтобы Тиберій питалъ противъ него давнишнюю злобу; но Аррунцій былъ человекъ богатый, дѣятельный, выдающійся, уважаемый народомъ, — и потому возбуждалъ къ себѣ его недоувѣріе... К. Гатерій и Мамеркъ Скавръ также задѣли его подозрительность, первый тѣмъ, что сказалъ: «До какихъ же поръ, цезарь, оставишь ты государство безъ главы?» — другой своимъ замѣчаніемъ: «можно надеяться, что цезарь не останется глухъ къ мольбамъ сената, ибо онъ не наложилъ своего трибунскаго veto на сдѣланное консулами предложеніе. Тиберій разразился тотчасъ же противъ Гатерія; а Скавра, къ которому чувствовалъ болѣе непримиримую вражду, оставилъ безъ отвѣта. Наконецъ, утомленный кликами собранія и неотступными просьбами каждаго отдѣльнаго члена, Тиберій началъ мало-по-малу уступать. Онъ, впрочемъ, не заявилъ открыто, что принимаетъ власть, а только пересталъ отказываться и заставлять себя просить.

(Тацитъ, Лѣтописи, I, 11—13)

НЕРОНЪ ЕГО ВОСПИТАНІЕ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ.

(Hansrath, Neutestamentliche Zeitgeschichte, III).

13 октября 54 года скончался императоръ Клавдій. Неспособный править не только государствомъ, но даже собственной семьей, онъ предоставилъ имперію всѣмъ случайностямъ бюрократическаго и сенатскаго управленія. Отдѣльныя провинціи, какъ, напримѣръ, Іудея, страдали отъ самаго печальнаго безправія, а другія, какъ Галатія и Ахайя, наоборотъ, наслаждались мудрымъ управленіемъ. Въ общемъ, населеніе гораздо больше страшилось придворныхъ неурядицъ, чѣмъ самого императора лично, и потому извѣстіе о смерти его осенью 54 г. и о сопровождавшихъ ее печальныхъ событіяхъ встрѣчено было въ провинціяхъ съ ужасомъ. Всѣ самыя непопулярныя распоряженія послѣдняго времени приписывались императрицѣ Агриппинѣ, сестрѣ Калигулы, тогда какъ противника ея Нарцисса считали лучшимъ изъ совѣтниковъ Клавдія. Между тѣмъ, какъ разъ сынъ Агриппины завладѣлъ теперь престоломъ по винѣ покойнаго императора и благодаря поддержкѣ преторьянцевъ.

Первые годы юности Нерона прошли въ царствованіе Калигулы. Отецъ его, Кн. Домицій Агенобарбъ, умеръ еще въ 40-мъ году; мать, Агриппина,

дочь Германика, вслѣдствіе заговора на жизнь своего брата, жила въ ссылкѣ на одномъ изъ острововъ Чернаго моря. Имущество всей семьи было конфисковано, и мальчикъ нашелъ пріютъ у одной изъ родственницъ, распутной Домиціи Лепиды, достойной матери знаменитой Мессалины. По обычаю знатныхъ домовъ того времени — опредѣлять въ качествѣ учителей такихъ рабовъ, у которыхъ много свободного времени и которые ни на что другое не годны, — воспитаніемъ Нерона руководили плясунъ и цирюльникъ. Уже въ это время внушена была ему ненависть къ матери, загубившей всю семью. Убіеніе Калигулы, 24 января 41 года, вернуло между тѣмъ Агриппину снова въ Римъ, и скоро у Нерона появился вотчимъ — талантливый ораторъ Криспъ Пасіенъ. Когда же и онъ умеръ, Агриппина окончательно была вовлечена въ борьбу съ Мессалиной за сердце Клавдія. Значить, дворъ Калигулы и Мессалины дали первыя впечатлѣнія бойкому мальчику. Уже съ раннихъ лѣтъ онъ отличался живостью рѣчи и ораторскими способностями, и такъ какъ поверхностное комедіантское образованіе, примѣръ Пасіена и учителя Асконія Лабеона быстро развили эти способности, то скоро составилось преувеличенное мнѣніе вообще о талантахъ мальчика, на самомъ дѣлѣ не превышавшихъ средняго уровня. Въ публикѣ его предпочитали официальному наслѣднику Британнику, также и по той причинѣ, что въ жилахъ его текла кровь Германика. Борьба его матери съ Мессалиной закончилась въ 47-мъ году сверженіемъ легкомысленной императрицы, и пока приближенные Клавдія, Нарциссъ, Каллисъ и Палласъ осторожно обдумывали планъ новой женитьбы,

Агрипина успѣла заманить въ свои сѣти женолюбиваго старика; съ помощью Л. Вителлія въ началѣ 49-го года ей удалось провести черезъ сенатъ проектъ брака съ дядей. Обрученіе сына ея съ дочерью императора Октавіей, дало Нерону почти тѣ же права на наслѣдованіе престола, какъ и Британнику, бывшему притомъ моложе его годами. А пока эта энергичная женщина хотѣла сама повластвовать, и съ момента вступленія ея въ Палатинскій дворецъ, управленіе получаетъ совсѣмъ другой характеръ. Во внѣшней политикѣ замѣчается гораздо больше твердости, а въ отношеніи къ провинціямъ гораздо больше строгости. Но самая пагубная сторона новаго положенія дѣлъ заключалась въ дворцовыхъ интригахъ; по окончаніи борьбы матерей во дворцѣ началась борьба сыновей. Въ глазахъ придворныхъ наслѣдникомъ дома Юліевъ былъ Британникъ, какъ сынъ Клавдія и Мессалины; что касается молодого Агенобарба (Нерона), онъ былъ пока простой Домицій. На первый планъ стали теперь выдвигать болѣе блестящія дарованія Нерона: его таланты должны были рѣшить споръ о престолонаслѣдіи. Поэтому обученіе его было направлено теперь на тѣ предметы, въ которыхъ онъ обнаруживалъ несомнѣнно больше способностей, чѣмъ Британникъ. Такимъ образомъ, для Нерона искали не столько воспитателей, сколько мастеровъ, — и выборъ, естественно, палъ на грековъ, внушившихъ молодому принцу то пристрастіе къ греческому театру, которое позднеѣ такъ досаждало римлянамъ. Объ одномъ изъ этихъ грековъ, Буррѣ, извѣстно, что онъ торговалъ своимъ вліяніемъ при дворѣ; другой же наставникъ, Аницетъ, былъ совершенный негодяй и

принималъ участіе во всѣхъ позднѣйшихъ безобразіяхъ Нерона. Онъ убилъ мать Нерона; онъ же, при помощи безстыднаго лжесвидѣтельства о своей мнимой связи съ Октавіей, рѣшилъ смертный приговоръ этого несчастнаго существа.

На помощь этимъ педагогамъ былъ приглашенъ Анней Сенека, лучший писатель, риторъ и философъ своего времени. Онъ былъ отправленъ въ ссылку Мессалиной и теперь былъ возвращенъ съ цѣлью руководить воспитаніемъ молодого Агенобарба. Братъ его Галліонъ тоже вошелъ снова въ милость и былъ назначенъ проконсуломъ въ Ахайю. Оба эти распоряженія были встрѣчены публикой сочувственно и укрѣпили положеніе Агриппины. Ученый воспитатель скоро привлекъ въ качествѣ своихъ помощниковъ двухъ другихъ ученыхъ — Александра Эгскаго и Херемона. Усиленная дрессировка Нерона немедленно принесла плоды. Рисованіе, пѣніе, лѣпныя работы, стихотворные опыты, наконецъ, упражненія въ конныхъ ристаніяхъ завладѣли всѣмъ вниманіемъ принца, а между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, умѣстно было лишь исключительно военное образованіе. Необходимымъ слѣдствіемъ такого воспитанія было то, что въ мальчикѣ развилось верхоглядство, непривычка къ сосредоточенности и склонность къ самому поверхностному дилеттантизму. Притомъ же Сенека считалъ себя призваннымъ къ болѣе высокой роли, чѣмъ воспитаніе мальчика. Правда, при вступленіи въ должность, онъ обнаруживалъ нѣчто въ родѣ программы воспитанія и въ своихъ педагогическихъ статьяхъ приводилъ публику въ восхищеніе возвышенностью стоическихъ правилъ, которыя хотѣлъ привить своему воспитаннику. Но приписывая ии-

чтожрый успѣхъ своей системы природной грубо-
сти питомца, — онъ самъ, между тѣмъ, постарался
воспользоваться своимъ положеніемъ при дворѣ, что-
бы вмѣшаться въ государственныя дѣла. Для пла-
новъ Агриппины это могло быть только выгодно.
Римляне, конечно, должны были предпочесть, чтобы
государствомъ управлялъ, отъ имени внука Герма-
ника, если не самый мудрый человѣкъ своего вре-
мени, то, во всякомъ случаѣ, вполне проникнутый
философскими сентенціями, — чѣмъ видѣть продол-
женіе царства вольноотпущенниковъ въ угоду юно-
му Британнику. Агриппинѣ удалось внести раз-
ладъ и въ самую среду приближенныхъ импера-
тора. Палласъ примкнулъ къ сторонникамъ Нерона,
Нарциссъ же, несмотря на то, что низвергнулъ
Мессалину, остался вѣренъ ея сыну Британнику. Въ
концѣ концовъ, побѣда осталась за Агриппиной.
25 февраля 50 года Люцій Домицій Агенобарбъ былъ
усыновленъ родомъ Клавдіевъ подъ именемъ Нерона
Клавдія Цезаря Друза Германика, и вслѣдъ за тѣмъ
въ мартѣ 51 онъ получилъ титулъ *princeps juventutis*
и возведенъ былъ въ званіе консула съ проконсуль-
скимъ достоинствомъ. Все это должно было еще
болѣе разжечь честолюбивыя мечты 14-тилѣтнаго
мальчика. Хорошо заученныя и эффектно произне-
сенныя благодарственныя рѣчи стяжали ему первыя
рукоплесканія, къ которымъ онъ такъ сильно при-
страстился впослѣдствіи, а щедрыя денежныя раз-
дачи преторьянцамъ, по случаю ближайшаго пара-
да, — перетянули и гвардію на его сторону. Предан-
ность преторьянцевъ Нерону была окончательно
обезпечена назначеніемъ новаго префекта Афранія
Бурра, получившаго это мѣсто благодаря Агриппи-

нѣ. Отъ времени до времени Неронъ сталъ съ этихъ поръ выступать въ качествѣ ходатая по какому-нибудь дѣлу передъ императоромъ или передъ сенатомъ съ греческою или латинскою рѣчью; и весь міръ былъ свидѣтелемъ того, что между сверстниками не было равнаго ему въ этихъ ораторскихъ упражненіяхъ. Въ началѣ 53 года совершилась помолвка 15-ти лѣтняго принца съ 13-ти лѣтнею дочерью Клавдія Октавіей. Нарциссъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе терявшій влияніе, всячески старался противодѣйствовать Агриппинѣ; императоръ иногда тоже колебался. Но скоро болѣзнь принудила этого ревниваго тѣлохранителя императора уѣхать на купанья въ Синуэссу; Агриппина воспользовалась случаемъ и укрѣпила положеніе своего сына убійствомъ мужа. Императору подали отравленные грибы, и когда онъ почувствовалъ дѣйствіе яда, его тотчасъ отнесли на постель, какъ опьянѣвшаго. Тамъ, подъ видомъ заботливаго ухода, эта ужасная женщина порѣшила съ нимъ окончательно.

Трудно найти въ исторіи болѣе гнусное убійство личности совершенно безвредной. Это однако не помѣшало ученому и философскому двору Агриппины изощряться въ остроуміи надъ комическими подробностями такой кончины. До всеобщаго свѣдѣнія публики было доведено, что послѣднія слова Кладія были: «я обмочился». Галліонъ острилъ, что обоготвореннаго императора крюками втащили на небо. Сенека написалъ *Arocolocyntosis* ¹⁾ божественнаго Клавдія, и даже юный Неронъ заявилъ, что грибы — несомпѣнно божественная пища, такъ какъ его вотчимъ съ ихъ помощью достигъ божественно-

¹⁾ Обращеніе въ тыкву.

сти. Внешнія приличія, правда, были соблюдены. Клавдій былъ причисленъ къ богамъ, и Сенека написалъ торжественную надгробную рѣчь, которую произнесъ Неронъ. Но какъ бы для того, чтобы вознаградить себя за это насиліе надъ собой, Сенека, все еще не забывшій прежней суровости къ нему Клавдія, выпустилъ вслѣдъ за панегирикомъ пасквиль *Aprocolocytosis Divi Claudii*. Уже самое заглавіе является циническимъ намекомъ на отравленіе, а все произведеніе въ цѣломъ есть прискорбное доказательство того, какъ мало искренности было во всей шумихѣ стояческихъ разглагольствованій о добродѣтели.

«На зарѣ новой счастливѣйшей эпохи», памфлисть собирается повѣдать міру, какъ Клавдій послѣ своего обоготворенія, — одобреннаго однакоже Сенекой въ качествѣ министра, — встрѣченъ былъ на Олимпѣ богами. Давно уже Меркурій твердилъ паркъ Клото, чтобы она прервала жизненную нить императора:

— Дай ему смерть: на тронѣ пусть царствуетъ лучший владыка!

И Клото наконецъ послѣдовала ея совѣту: чтобы остановить раздачу правъ гражданства грекамъ, галламъ, испанцамъ, британцамъ и введеніе ихъ въ сенатъ, она обрываетъ нить Клавдія, Лахезисъ же прядетъ шелковинку Нерона, въ то время какъ Фебъ провозглашаетъ:

... Да будетъ въкъ его дологъ,
Взглядомъ подобенъ онъ мнѣ и сходенъ со мной красотою;
Пѣнью и голосомъ мнѣ не уступитъ. Съ собой принесетъ
онъ

Людамъ измученнымъ счастье, пробудитъ голосъ закона.
Се грядетъ императоръ, о Римъ, — ты узришь Нерона.
Взглядъ его свѣтлый чудно блистаетъ кроткимъ сіяньемъ
Изъ-подъ волнистыхъ волосъ выгибается стройная шея.

Въ то время, какъ олимпійцы привѣтствовали, такимъ образомъ, новое свѣтило, передъ воротами показывается Клавдій и требуетъ пропуска. Онъ хромаетъ, говорить невнятно; по сообщенію Лихорадки, которая пришла съ нимъ на Олимпъ, онъ — галлъ, потому что родился въ Лугдунумъ (Лионъ). И здѣсь на небѣ онъ выражается такъ грубо, какъ будто имѣеть дѣло съ вольноотпущенниками. Тогда олимпійцы начинаютъ совѣщаться, годится ли новый пришелецъ въ боги. Эпикурейскимъ богомъ, который самъ ничего не дѣлаетъ и другимъ дѣлать не даетъ, — онъ быть не можетъ, потому что, хотя и лѣнивъ, но любитъ командовать. Быть стоическимъ богомъ ему трудно, потому что по Варрону тотъ долженъ отличатся отсутствіемъ похотливости. Но все-таки нѣкоторые боги высказались въ пользу Клавдія, именно другъ варваровъ Геркулесъ, двусмысленный Янусъ, Плутонъ, богъ скряжничества. Въ этотъ моментъ вдругъ выступилъ Августъ съ жалобой на все то зло, которое причинилъ Клавдій его дому. Подъ вліяніемъ мудрой политической рѣчи великаго Августа, Олимпъ, наконецъ, произнесъ рѣшеніе: Меркурій долженъ отказать этому человѣку и спровадить его въ преисподнюю. Въ то время какъ Клавдій, спущенный внизъ, грустно идетъ съ божественнымъ посланникомъ вдоль *via sacra*, имъ встрѣчается какъ разъ похоронная процессія его на землѣ, съ пѣніемъ гимновъ въ честь его божественности. Но среди провожатыхъ не видно ни одного печальнаго лица, кромѣ адвокатовъ, которымъ Клавдій своей мелочной придирчивостью давалъ поживу. Покойникъ охотно постоялъ бы подольше и послушалъ погребальныхъ пѣсней, въ которыхъ прославлялись его

дѣянiя, но Меркурiй протянулъ руку и толкнулъ его чрезъ отверстiе клоаки прямо въ адъ, гдѣ его встрѣчаетъ убитый Агриппиною Нарциссъ, которому не было нужды дѣлать обходъ на Олимпѣ, чтобы попасть сюда.

Такъ пишетъ Сенека, самъ сочинявшiй Клавдiю надгробную рѣчь и участвовавшiй въ похоронномъ шествiи по *via sacra*. Эта черта любопытна для нравственной характеристики людей, въ руки которыхъ перешли теперь бразды правленiя. Неудивительно, что, несмотря на все зло управленiя вольноотпущенниковъ, публика съ ужасомъ встрѣтила послѣднюю политическую перемѣну, устранявшую дворовыхъ лишь для того, чтобы снова выдвинуть дворянство. Во главѣ новаго правительства стоялъ Сенека. Онъ внушилъ молодому императору, при первомъ открытомъ требованiи Агриппины, рѣшительно отклонить ея притязанiя на регентство; онъ же склонилъ Нерона усилить роль сената въ управленiи еще болѣе, чѣмъ это было при Клавдiи. Въ тронной рѣчи, составленной Сенекой, участiе въ управленiи вольноотпущенниковъ и женщинъ осуждалось самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Оставалось только возстановить прерогативы въ конецъ испорченной аристократiи, подъ главенствомъ Сенеки и Галлиона, членовъ всаднической фамилiи Аннеевъ.

У новаго правительства не было недостатка въ популярности. Аннеи принадлежали хотя и не къ самымъ знатымъ, но все же родовитымъ дворянскимъ фамилiямъ. Старый М. Анней Сенека и его достойная супруга Гельвiя представляли типичную семью, литературно-образованную и поддерживавшую тра-

диціи августовскаго вѣка. Одинъ изъ сыновей Л. Анней Мела, географъ, и сынъ его Луканъ, популярный авторъ «Фарсалий», были любимцами читающей публики. Анней Новатъ, усыновленный Л. Юниемъ Галліономъ, еще до его назначенія проконсуломъ въ Ахайю, былъ очень популярнымъ чиновникомъ. Самъ Сенека, мастеръ на звонкія фразы, чрезвычайно удачно популяризировалъ сложные выводы стоической философіи и выказалъ замѣчательное умѣнье облекать схоластическіе споры въ благозвучные, сентенціозные и богатые антитезами трактаты. Эти качества создали ему репутацію перваго писателя своего времени. Всѣ перечисленные представители одной и той же семьи являлись характерными образцами литературнаго заката великой эпохи; и если за управленіемъ вольноотпущенниковъ должно было послѣдовать управленіе аристократіи, — то Аннеямъ безспорно принадлежало право на первыя мѣста, хотя они и происходили изъ всаднической фамиліи.

Однакоже мнѣніе, что философы должны стоять во главѣ управленія, и на этотъ разъ не оправдалось. Правительство было чрезчуръ многорѣчиво, склонно къ внѣшнимъ эффектамъ и неустойчиво во внутренней политикѣ, которою руководилъ Сенека. Особенно же страдала власть отъ недостатка достоинства у главнаго министра. Часто задавали себѣ вопросъ, какимъ образомъ Сенека могъ воспитать такого ученика какъ Неронъ? Болѣе знакомые съ дѣломъ, однакоже, удивлялись скорѣе тому, какимъ образомъ Сенека могъ заслужить репутацію величайшаго моралиста всѣхъ временъ? Этотъ самый вопросъ ставить, хотя въ нѣсколько риторич-

ческой формѣ, Діонъ Кассій. «Сенека, наставникъ добродѣтели, говоритъ онъ, былъ изгнанъ Клавдіемъ за сожительство съ Юліей, позднѣе онъ вступилъ въ связь съ Агриппиной. Но не только въ этомъ, а и въ другихъ случаяхъ онъ стоялъ въ совершенномъ противорѣчїи со своей философїей. Онъ возставалъ противъ тираннїи и сдѣлался учителемъ тирана; онъ клеймилъ своимъ порицаніемъ царскихъ прихвостней, а самого нельзя было выжить изъ дворца. Онъ громилъ льстецовъ и въ то же время до такой степени заискивалъ передъ Мессалиной и вольноотпущенниками Клавдія, что въ послѣдствїи ему самому пришлось уничтожить свои произведенія, посвященныя имъ. Онъ порицалъ богатыхъ, и нажилъ себѣ 75 милліоновъ денаріевъ (80 милл. гульденовъ); онъ проповѣдывалъ противъ роскоши, а самъ имѣлъ для прїема гостей 500 одинаковыхъ столиковъ изъ лимоннаго дерева съ ножками изъ слоновой кости. Наконецъ, этотъ наставникъ нравственности самъ держалъ у себя мальчиковъ и научалъ и Нерона подобнымъ занятїямъ». Если многое и преувеличено въ этомъ риторическомъ описанїи, то все-таки въ общемъ картина вѣрна. О связи Сенеки съ Юліей и Агриппиной открыто шла рѣчь при судебныхъ допросахъ, и одинъ обвиняемый ставилъ министру категорической вопросъ: съ помощью какой философїи ему удалось въ четыре года накопить 300 милл. сестерцій? Такъ говорили о немъ въ періодъ его могущества и совершенно безошадно стали осуждать его, когда вліяніе его пошатнулось. Если, тѣмъ не менѣе, этотъ человекъ считается самымъ блестящимъ моралистомъ всѣхъ временъ, если даже въ настоящее

время пишутъ сочиненія о «Сенекѣ и Христѣ», точно такъ же какъ въ прежнія времена думали, что Сенека долженъ былъ быть ученикомъ апостола Павла, — то для объясненія всего этого можно привести два основанія. Съ одной стороны, Сенека просто былъ остроумнымъ секретаремъ стоической школы, который ловко владѣлъ перомъ и въ яркой формѣ, съ тонкимъ стилистическимъ чутьемъ воспроизводилъ чужія этическія разсужденія; съ другой стороны, онъ олицетворялъ собой ту особенность латинской расы, благодаря которой ея представители, при самомъ крайнемъ нравственномъ паденіи, оказываются способными разсуждать съ одушевленіемъ и пафосомъ о высокихъ идеяхъ и парить въ сферѣ громкихъ фразъ, за которыми ровно ничего не скрывается. На самомъ дѣлѣ только полнѣйшая внутренняя ложь и притворство могли дать смѣлость писателю выступить съ тѣми безусловными требованіями, дутыми фразами и выдуманнми чувствами, которыя характеризуютъ стоическую мораль.

Что касается самого императора — онъ получилъ въ свои руки монархическую власть, вполне упроченную четырьмя предыдущими царствованіями, но не воспиталъ въ себѣ никакого серьезнаго интереса къ ея задачамъ. При массѣ мелкихъ талантовъ, Неронъ былъ совершенно липень политической и военной жилки, и воспитаніе его было скорѣе воспитаніемъ артиста, чѣмъ государя. Онъ предавался самому легкомысленному дилетантизму и беспорядочной разгульной жизни. За дѣла онъ принимался только тогда, когда предполагалъ, что ему лично грозитъ какая-нибудь опасность. Слѣдствіемъ этого было то, что значеніе сената усилилось; правда,

сенаторы выказывали зато вдвое больше угодливости въ дѣлахъ, лично касающихся императора. Въмѣсто того, чтобы съ самаго начала поддерживать традиціи личнаго управленія государствомъ, молодой государь увлекся игрой на цитрѣ и воспыласть романтической страстью къ одной вольноотпущеницѣ Актеѣ, которой онъ отдавалъ все свое время, силы и помыслы. Сенека поощрялъ такой образъ жизни, дававшій ему возможность отъ имени императора проявлять собственную государственную мудрость. Благодаря этому, молодой государь съ каждымъ днемъ все болѣе отдалялся отъ своей мужественной матери. Отставка Палласа отъ завѣдыванія финансами, въ 56 году, показала всему міру, что насталь конецъ вліянію Агриппины; а безчеловѣчное убійство Британника не только лишило клавдіанскую партію ея опоры, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, наглядно показало, чего можно ожидать отъ «добродѣтельнаго» управленія богобоязненнаго стоика. Сочиненіе «О милости», которое Сенека посвятилъ вслѣдъ затѣмъ Нерону, — можетъ-быть, лучшее изъ всего имъ написаннаго, — должно было сгладить непріятное впечатлѣніе, вызванное въ публикѣ участіемъ Сенеки въ убійствѣ послѣдняго изъ Клавдіевъ.

Дѣла между тѣмъ шли своимъ порядкомъ: внѣшняя политика находилась въ энергичныхъ рукахъ Афранія Бурра, внутренняя — въ менѣе твердыхъ рукахъ философа. Объ императорѣ вспоминали только по поводу его ночныхъ проказъ и уличныхъ похожденій, по участію его въ борьбѣ театральныхъ партій. Въ 57 году произошла смѣна метрессъ. Аркадская пастушеская идиллія съ Актеей черезъ два года наскучила молодому развратнику. Мѣсто цвѣ-

тущей дѣвушки заняла великосвѣтская дама, внучка знаменитаго полководца Поппея Сабина. Императоръ отбилъ ее у своего друга Отона, пославши его управлять провинціей Лузитаніей. Гордая красавица окончательно поработила себѣ чувственнаго юношу, но ей этого было мало — она хотѣла быть Августой. Чтобы добиться этого, нужно было устранить Агриппину и Октавію. Отдѣлаться отъ матери — этой ни передъ чѣмъ не останавливавшейся интригантки, — желала, впрочемъ, не одна Поппея, а также и Сенека и Бурръ. Постоянные предостереженія относительно ея злыхъ умысловъ въ концѣ концовъ склонили разнузданнаго мальчишку къ убійству матери. Онъ согласился на это прежде всего изъ страха передъ матерью, который ему настойчиво внушалъ Сенека; но кромѣ того, тутъ играла роль и его необузданная чувственность, такъ какъ Поппея скупо дарила ему свои милости, требуя, чтобы онъ сдѣлалъ ее своей женой; а о бракѣ нечего было и думать, пока жива была Агриппина. Воспитатель Нерона Аницетъ предложилъ свои услуги для совершенія злодѣянія: Сенека увидалъ, что этотъ грекъ годится и для другихъ порученій, кромѣ преподаванія изящныхъ искусствъ, и поручилъ ему командованіе флотомъ у Мизенскаго мыса. Туда заманилъ Неронъ и свою мать съ тѣмъ, чтобы Аницетъ утопилъ ее въ дырявой триремѣ.

Но на этотъ разъ покушеніе не удалось: героическая женщина спаслась вплавь. Потомъ, когда убійство было совершено, Нерону и Сенекѣ съ Бурромъ, неоднократно дававшимъ прямыя приказанія объ убійствѣ, трудно было выставить себя непричастными къ дѣлу, и Сенека постарался оправдать

предъ сенатомъ это убійство, какъ вынужденное самосохраненіемъ. Сенаторы согласились съ этимъ, но неслыханное злодѣйство не прошло даромъ для малодушнаго труса; для его совѣсти это было слишкомъ тяжелое испытаніе. Занятія поэзіей, музыкой и увлеченія женщинами такъ сильно возбудили фантазію злосчастнаго мальчика, что ему нелегко было отдѣлаться отъ впечатлѣнія этого ужаснаго дня. Поклонникъ греческой трагедіи, самъ теперь очутился въ положеніи Ореста, преслѣдуемаго фуриями, и старался забыться въ религиозныхъ упражненіяхъ и шумныхъ оргіяхъ. Придворные поздравляли его, но природа, говоритъ Тацитъ, не умѣетъ притворяться какъ люди, и Неронъ бѣжалъ отъ ея нѣмого укора. По разсказамъ, ему чудились трубные звуки съ сосѣднихъ холмовъ и голоса съ могилы матери. Пошли также толки о разныхъ знаменіяхъ, смыслъ которыхъ не трудно было истолковать. Одна женщина родила змѣю, другую женщину убило молніей въ объятіяхъ мужа. Неронъ призывалъ маговъ, чтобы какою-нибудь жертвою умилостивить тѣнь убитой. Но страхъ не покидалъ его. Тѣнь матери, горячіе факелы и бичи грозили ему приближеніемъ богинь мести. Уже много лѣтъ спустя, изъ страха передъ эриніями, онъ не рѣшился посѣтить элевзинскія таинства; его страшилъ призывъ глашатаевъ, не допускавшій къ таинствамъ людей, запятнанныхъ кровью. Когда въ 60 году появилась необыкновенно яркая комета, Неронъ сталъ трепетать за свою жизнь и спрашивалъ астролога Бабила, къ кому относится это небесное знаменіе. Тотъ посоветовалъ предотвратить это зловѣщее предзнаменованіе, направивши грозя-

щую бѣду на другихъ, — именно приказать казнить побольше людей. Такъ Неронъ все глубже и глубже утопалъ въ крови, а Поппея, между тѣмъ, нашла себѣ утѣшеніе въ сочувствіи евреевъ. Иосифъ называетъ ее богобоязненною женщиною въ ветхозавѣтномъ смыслѣ. Она покровительствовала еврейскимъ ученымъ-знатокамъ Писанія и, вѣроятно, изъ сочувствія къ вѣрѣ Авраама завѣщала похоронить себя по восточному обычаю. Только многочисленныя поздравленія, которыми наперерывъ осыпали Нерона военачальники, сенаторы и городскія общины, по поводу его злодѣянія, — извлекли Нерона изъ уединенія, въ которомъ онъ готовъ былъ себя похоронить. Когда сенатъ и горожане принялись соперничать другъ передъ другомъ въ постановкѣ благодарственныхъ жертвенниковъ и проклятійхъ убитой, — Неронъ рѣшился, наконецъ, опять показаться въ городѣ, гдѣ его ожидала необычайно торжественная встрѣча. Неронъ самъ былъ пораженъ такимъ оборотомъ дѣла и будто бы сказалъ при этомъ, что до него ни одинъ государь не зналъ, какъ много ему дозволено. Тѣмъ не менѣе многочисленные указы объ амнистіи показывали, что тревога не улеглась еще въ его душѣ. Другимъ слѣдствіемъ того же самаго настроенія были шумныя празднества, въ которыхъ Неронъ искалъ разсѣянія, уже не въ качествѣ зрителя, а въ качествѣ участника. Если римляне восхваляли убійство матери, то какъ же они должны были восхищаться его игрой на цитрѣ? Но въ этомъ пунктѣ именно общественное мнѣніе въ первый разъ высказалось противъ Нерона. Убивать людей не было противно римскимъ обычаямъ; но играть на цитрѣ — дѣло другое. Это

былъ первый случай, что императоръ вводилъ въ Римъ черту иноземныхъ нравовъ. Греческіе учителя научили его предпочитать элидскія и коринескія веселыя комедіи кровавымъ гладіаторскимъ боямъ и травлѣ звѣрей, которыми такъ увлекались римляне. Внутреннее влеченіе, а, можетъ-быть, въ данномъ случаѣ и религіозное настроеніе побудили его на этотъ разъ публично заявить свои вкусы. Въ первый разъ онъ рѣшился отпраздновать играми свое совершеннолѣтіе въ 59 году, и при этомъ состязаться предполагалось не въ кулачныхъ бояхъ, а въ изящныхъ искусствахъ. Мужская и женская молодежь города Рима должна была выступить въ циркъ, въ оркестрѣ, въ амфитеатрѣ, съ игрой на флейтѣ, съ танцами, пѣніемъ подь аккомпанементъ цитры. Это было неслыханное дѣло, чтобы потомки Павловъ, Мумміевъ, Аппіевъ вступали въ конкуренцію съ вольноотпущенниками и рабынями; даже самъ Сенека и братъ его Галліонъ не были освобождены отъ этой повинности. Императоръ велѣлъ построить циркъ Гая въ Ватиканѣ, Галліонъ въ качествѣ герольда возвѣщалъ о прибытіи цезаря, и въ обычной почтительной позѣ игрока на цитрѣ владыка міра молилъ о благосклонномъ вниманіи. Во время декламаціи суфлеромъ ему служилъ Сенека, а Бурръ держалъ цитру. У публики нѣмѣли руки отъ аплодисментовъ, которые по степенямъ силы носили разныя названія: «пчелинаго жужжанья», «Hohlziegelton», «звона горшковъ». Въ пятый годъ своего царствованія, въ 60 году, императоръ учредилъ праздникъ Нерона («Неронія»), который долженъ былъ праздноваться каждыя пять лѣтъ. Но убійство матери оставило настолько глубокіе слѣды

въ его душѣ, что онъ не могъ спокойно предаваться увеселеніямъ, и слѣдующіе два года (60, 61 года) прошли почти совершенно тихо. Какъ прогрессировало въ Неронѣ душевное разстройство, — видно, кромѣ бурныхъ развлеченій, также и изъ напряженнаго вниманія къ знаменіямъ и изъ страха передъ кометой, приводившей его въ ужасъ каждую ночь въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ 60 года. Сенека пришлось писать подробныя объясненія свойствъ кометъ, при чемъ онъ доказывалъ, что не слѣдуетъ придавать значенія тому, что при Клавдіи комета все поднималась вверхъ, а въ болѣе счастливое царствованіе Нерона она падаетъ внизъ. «У кометы, разъясняетъ Сенека, нѣтъ никакого опредѣленнаго пути, но, какъ всякое пламя, она движется по тому направленію, гдѣ находитъ себѣ пищу, т. е. гдѣ есть горючій матеріалъ». «Подумайте, если никто не знаетъ, что такое комета, то какъ можно знать, что она предвѣщаетъ. Если бы философій занимались не только въ ненастную погоду» — замѣчаніе, направленное по адресу ученика — Нерона, — «и не въ тѣ только дни, когда игры запрещены, — то не пугались бы такихъ вещей».

Такъ мрачно шли дѣла до самаго 62-го года, когда естественная смерть или убійство освободили Нерона отъ Бурра, единственнаго человѣка, умѣвшаго сдерживать порывы императора. Афраній Бурръ не разъ давалъ почувствовать Нерону, что онъ — его созданіе. «Я не хочу два раза отвѣчать на одинъ и тотъ же вопросъ», прикрикивалъ онъ, при случаѣ, на упрямаго мальчика, и когда императоръ навѣстилъ его передъ смертью, онъ повернулся къ стѣнѣ

и отвѣтилъ только, что онъ чувствуетъ себя хорошо, — изъ чего окружающіе заключили, что онъ считалъ Нерона своимъ убійцей. Бурръ препятствовалъ и разводу Нерона съ Октавіей, такъ какъ на этомъ бракѣ основывались права Нерона на престолъ. «Въ такомъ случаѣ верни ей приданое» — власть, — сказалъ онъ разъ Нерону, когда тотъ приступалъ къ нему съ просьбой о разводѣ съ дочерью Клавдія. Выборъ преемника Бурру былъ сдѣланъ Поппеей, такъ какъ, благодаря ея отношеніямъ къ Отону, ей хорошо были извѣстны всѣ офицеры преторьянцевъ. Власть префекта была раздѣлена. Первое мѣсто занялъ Софоній Тигеллинь, грубый солдатъ и необузданный гуляка, другое — Феній Руфъ, который вскорѣ впутался въ завязавшійся уже тогда заговоръ Пизона. Безъ Бурра и Сенека не могъ уже справиться со своей ролью. Произвольныя казни, относительно которыхъ никто не спрашивалъ его мнѣнія, показали ему, что пора сойти со сцены. Онъ предложилъ отдать въ казну свое имущество и просилъ отставки. Но трусливый Неронъ боялся, что это произведетъ дурное впечатлѣніе. Въ обѣихъ просьбахъ было отказано, но философъ, подъ предлогомъ болѣзни, все болѣе и болѣе отдалялся отъ двора, въ надеждѣ, что безвреднаго человѣка скорѣе забудутъ.

Какъ ни ничтожно было его вліяніе, однакоже скоро стало замѣтно, что вмѣсто него и Бурра сталъ теперь властвовать Тигеллинь. Поппея могла теперь, наконецъ, добиться брака съ Нерономъ. Начать былъ скандальный бракоразводный процессъ, а затѣмъ Октавія была сослана въ Пандатарію. Ближайшей причиной этой ссылки послужилъ слухъ, будто Не-

ронъ, тронутый невинностью Октавіи, примирился съ ней, и вызванная этимъ слухомъ въ обществѣ демонстрація противъ бюстовъ и имущества Пoppеи. Въ концѣ концовъ воспитатель Аницетъ съ удивительнымъ безстыдствомъ показалъ, что онъ былъ въ связи съ Октавіей, — и несчастная женщина была убита. Пoppея теперь получила титулъ Августы, и когда, черезъ три мѣсяца, умерла у нея дочка, ее причислили къ божествамъ, и въ честь ея воздвигнуть былъ храмъ и учреждена коллегія жрецовъ.

Именно, въ этотъ послѣдній періодъ, когда главными совѣтниками Нерона были Пoppея и Тигеллинъ, начались чудовищныя злодѣяства, которыя по своему дикому сумасбродству превзошли даже безумства Калигулы. Точно гонимый злыми духами, обезсиленный Неронъ бросался изъ одного водоворота страстей въ другой. Съ античной откровенностью самыя позорныя дѣянія совершались на глазахъ у столичнаго населенія; вслѣдъ за императоромъ бѣшенная вакханалія захватываетъ и знать и чернь, такъ что публичныя оргіи Тигеллина, пожаръ въ Римѣ, гоненіе христіанъ — все это явилось только достойнымъ эпилогомъ цѣлаго ряда безумствъ. Префектъ преторьянцевъ со своимъ гарнизономъ обезпечивалъ императору жизнь и за то получилъ право вліять на весь ходъ политики. Заговоръ Пизона, медлившаго со своими приготовленіями до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, въ 65 году заговорщики не были открыты, является только слабымъ симптомомъ того, что гражданское чувство среди аристократіи не вполне еще заглохло и не потеряло способности реагировать противъ позорнаго режима. Но сама эта аристократія была немногимъ лучше

двора; всѣ ея политическія стремленія были проникнуты самымъ грубымъ эгоизмомъ и узкими сословными интересами.

Законодательныя мѣры сената за этотъ періодъ отличаются тѣмъ же реакціоннымъ духомъ. Бѣднымъ дѣльцамъ поручалась черная работа безъ всякаго вознагражденія, тогда какъ аристократія оставляла себѣ высшія должности и при отправленіи ихъ еще выговаривала себѣ всевозможныя льготы. Власть трибуновъ, и безъ того фиктивная, ограничивается еще больше; законъ позволяетъ обращать неблагодарныхъ вольноотпущенниковъ снова въ рабство. Въ случаѣ убійства рабомъ жестокаго господина, сенатъ настаивалъ на исполненіи забытаго варварскаго наказанія — чтобы вся дворня была перебита, — и, такимъ образомъ, 400 человекъ были однажды перебиты по винѣ одного. Когда провинціалы отказываютъ проконсуламъ въ обычныхъ благодарственныхъ приношеніяхъ, — это вызываетъ въ сенатѣ аристократическое негодованіе, а когда изъ провинцій поступаютъ многочисленныя жалобы на вымогательства правителей, то дѣло оканчивается, по большей части, прекращеніемъ процесса или даже наказаніемъ челобитчиковъ. Едва только подвергавшееся столькимъ нареканіямъ монархическое правленіе уступило мѣсто сенатскому, какъ тотчасъ же возобновились всѣ безстыдства временъ Суллы. Эти свойства сенатскаго управленія особенно тяжело отзывались на провинціалахъ. Въ управленіе провинцій, предоставленныхъ сенату, императоръ вмѣшивался только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Но положеніе и императорскихъ провинцій въ это время было не завидно: онѣ продолжали степенать

подъ игомъ креатуръ грабителя Палласа. Самъ Неронъ, не лишенный благородныхъ побужденій, пока они не выходили изъ области фантазій, — не прочь былъ помочь дѣлу. Напр., по словамъ Тацита, онъ раздумывалъ о томъ, нельзя ли сложить всѣ косвенные налоги и, такимъ образомъ, сдѣлать чело-вѣчеству прекрасный подарокъ. Этотъ фантастиче-скій планъ, конечно, разбился о противодѣйствіе чиновничества и денежной аристократіи, спекулиро-вавшей на откупахъ налоговъ. Единственное, на чемъ онъ настоялъ, было опубликованіе общей сум-мы налоговъ: это, до извѣстной степени, стѣсняло произволъ сборщиковъ. Невзысканныя въ теченіе года недоимки прощались, жалобы на откупщиковъ разбирались раньше всѣхъ другихъ дѣлъ. Но судя по непрерывному возрастанію количества жалобъ изъ провинцій, можно думать, что и эти правила, при всеобщей испорченности администраціи, нико-гда не исполнялись. А между тѣмъ, въ то самое вре-мя, когда эти стѣснительныя мѣры не обуздывали зла даже въ императорскихъ провинціяхъ, безразсуд-ныя монетныя операціи еще болѣе усиливали общія бѣдствія. Неронъ первый началъ чеканить серебря-ную монету плохого качества и этимъ поколебаль устойчивую цѣнность серебра, а періодическое на-копленіе денегъ въ казнѣ, чередовавшееся съ рас-точеніемъ запасовъ по прихоти государя, не могло не оказывать самага вреднаго вліянія на торговые обороты. Громадный вывозъ зерна изъ хлѣбород-ныхъ странъ для нуждъ столицы дѣлалъ жизнь въ провинціяхъ дороже; особенно можно сказать это о Палестинѣ, вполнѣ зависѣвшей въ этомъ отношеніи отъ императорской провинціи — Египта. Къ этому

присоединились расходы на британскую и парейнскую войны, алчность преторьянцевъ и содержаніе двора, о бюджетъ котораго можно составить себѣ понятіе по тому, что одна встрѣча Тиридата стоила 416 милліоновъ сестерцій. Если прибавить къ этому еще, что такіе люди, какъ Сенека, написавшій трактатъ «О блаженствѣ нищеты», могъ скопить въ четыре года 300 милл. сестерцій, — то можно себѣ представить, сколько стоили государству господа, въ родѣ Тигеллина, Гелія, Аницета, Нимфидія, которые не намѣревались прослыть стойками. Неронъ роздалъ своимъ друзьямъ до 2,200 милл. сестерцій, а Веспасіанъ потребовалъ возвращенія въ казну 2000 милл. талеровъ, въ возмѣщеніе расхищенныхъ зданій, инвентаря, рабовъ и т. п. Вся тяжесть этихъ громаднѣхъ расходовъ, конечно, падала не на столицу, а на провинціи.

НЕРОНЪ АКТЕРЪ.

(Guiraud, Histoire Romaine).

Бросаясь отъ преступленія къ преступленію, переходя отъ одного сумасбродства къ другому, Неронъ былъ полонъ также претензій артиста. Непомѣрное самолюбіе разжигало въ немъ страшную жажду завоевать себѣ всемірную славу; онъ съ бѣшеной завистью преслѣдовалъ тѣхъ, кто пользовался популярностью; приобрести успѣхъ въ чемъ бы то ни было — значило совершить государственное преступленіе; говорятъ, что онъ хотѣлъ запретить продажу сочиненій Лукана. Неронъ стремился прославиться чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ; замышлялъ грандіозные проекты — прорытіе Коринесскаго перешейка, проведеніе канала отъ Байи до Остіи, изслѣдованіе источниковъ Нила.

Путешествіе въ Грецію съ давняго времени стало его мечтою, не потому, чтобы его тянуло взглянуть на классическія произведенія великихъ художниковъ, но потому, что его преслѣдовала оригинальная фантазія — состязаться на призы въ различныхъ греческихъ городахъ и одержать побѣду. Состязаній этихъ было безчисленное множество; устройство подобныхъ игръ было одной изъ формъ общественной благотворительности въ Греціи: для богатаго человѣка это

было вѣрнымъ средствомъ заслужить извѣстность въ потомствѣ. Благородныя упражненія, которыя въ такой значительной степени способствовали развитію силы и красоты античной расы и были школой греческаго искусства, — въ это время сдѣлались достояніемъ спеціалистовъ-ремесленниковъ, которые считали своей профессіей участвовать въ состязаніяхъ и получать вѣнки. Въмѣсто достойныхъ и изящныхъ гражданъ здѣсь фигурировали теперь пошлые и праздные фигляры или же люди, сдѣлавшіе себѣ изъ этого прибыльное занятіе. Награды, которыми побѣдители тщеславились, какъ своего рода орденами, — не давали покоя суетному цезарю; ему уже чудилось, что онъ съ триумфомъ въѣзжаетъ въ Римъ, увѣнчанный рѣдкимъ титуломъ «періодоника», т. е. побѣдителя въ полномъ циклѣ праздничныхъ игръ.

Манія пѣвца доходила у Нерона до настоящаго сумасшествія. Одной изъ причинъ смерти Тразена было то, что онъ не благоговѣлъ передъ «небеснымъ голосомъ» императора. Своего гостя, парейанскаго царя, Неронъ старался поразить исключительно своимъ талантомъ возницы. Нарочно ставились лирическія драмы, въ которыхъ онъ исполнялъ главную роль, и въ которыхъ всѣ боги, богини, герои и героини были замаскированы и костюмированы въ видѣ Нерона и любимой имъ женщины. Однимъ изъ его послѣднихъ проектовъ было — появиться на сценѣ голымъ, въ видѣ Геркулеса, сокрушающаго льва руками или убивающаго его палицею; говорятъ, левъ уже былъ приготовленъ и выдрессированъ, когда императоръ скончался. Выйти изъ театра въ то время, какъ Неронъ пѣлъ, считалось такимъ страшнымъ преступленіемъ, что зрители прибѣгали къ

самымъ забавнымъ ухищреніямъ, чтобы сдѣлать это незамѣтно. Во время состязаній Неронъ чернилъ своихъ соперниковъ, всячески старался смутить ихъ, такъ что бѣдняги нарочно пѣли фальшиво, лишь бы не показаться лучше его. Знайки ободряли его, хвалили его за скромность. Если это странное зрѣлище вызывало у кого-нибудь краску стыда или выраженіе досады, — Неронъ заявлялъ, что нѣкоторые лица ему кажутся подозрительными по своей предубѣжденности. Однако, всѣмъ правиламъ состязаній онъ подчинялся какъ школьникъ, трепеталъ предъ агонотетами и мастигфорами и давалъ взятки, чтобы его не хлестали, когда онъ ошибется. Если онъ дѣлалъ промахъ, за который его могли исключить, — онъ блѣднѣлъ; нужно было успокоить его, сказавши ему на ухо, что никто ничего не замѣтилъ среди всеобщаго энтузіазма и аплодисментовъ публики. Статуи прежнихъ триумфаторовъ разбивали, чтобы не вызвать въ Неронѣ припадковъ дикой зависти. На бѣгахъ старались дать ему придти первому, даже если онъ падалъ съ колесницы. Впрочемъ, иногда онъ нарочно заставлялъ себя бить, чтобы показать, что онъ участвуетъ въ играхъ на равныхъ правахъ со всѣми. Въ Италіи его очень раздражало, что онъ былъ обязанъ своими успѣхами систематически организованной шайкѣ клакеровъ, получавшей щедрую плату и всюду за нимъ слѣдовавшей. Римляне стали ему ненавистны, онъ ихъ считалъ невѣждами и заявлялъ, что знающій себя цѣну артистъ можетъ имѣть дѣло только съ греками.

Наконецъ, давно желанный отъѣздъ состоялся въ ноябрѣ 66 года; Неронъ вернулся въ Римъ только въ концѣ 67 г. Никогда онъ такъ много не участво-

валь въ играхъ; ради него всё игры были сосредоточены въ одинъ годъ; всё города прислали ему призы; депутаціи одна за другой являлись къ нему и просили спѣтъ въ ихъ городѣ. Этотъ взрослый ребенокъ съ непримѣрною наивною (если только тутъ не было ироніи) приходилъ отъ всего этого въ восторгъ. «Одни греки умѣютъ какъ слѣдуетъ слушать, говорилъ онъ; они одни достойны меня и моего искусства». Онъ осыпалъ ихъ привилегіями, на истмійскихъ играхъ провозгласилъ свободу Греціи щедро награждалъ оракуловъ, которые давали предсказанія, соотвѣтственно его желаніямъ, уничтожилъ тѣ оракулы, которыми былъ недоволенъ, велѣлъ, какъ говорятъ, задушить пѣвца, который не догадался пѣть тише, чтобы не затмить его голоса... Стыдно подумать, что Греція опозорила себя такой недостойной комедіей. Впрочемъ, нѣкоторые города держали себя съ достоинствомъ; такъ, тиранъ не посмѣлъ вступить въ Аѳины, куда его не звали.

Возвращеніе Нерона подобающимъ образомъ завершило путешествіе. Во всѣхъ городахъ ему устраивали торжественныя встрѣчи; пробивали городскія стѣны, чтобы дать ему дорогу. Въ Римѣ это было небывалое торжество. Неронъ ѣхалъ на триумфальной колесницѣ Августа; рядомъ съ нимъ сидѣлъ музыкантъ Діодоръ; на головѣ у Нерона былъ олимпійскій вѣнокъ, въ правой рукѣ пивійскій; впереди несли другіе вѣнки, на особыхъ щитахъ перечислялись его побѣды на играхъ, имена побѣжденных соперниковъ, названія игранныхъ пьесъ. Позади шли клакеры. Для торжественнаго входа сломана была арка Большого цирка. Всюду раздавались клики: «Да здравствуетъ побѣдитель на олимпійскихъ, на

пейскихъ играхъ! Августъ, Августъ! Да здравствуетъ Неронъ-Геркулесъ! Неронъ-Аполлонъ! Единственный періодоникъ, единственный во всё времена! Августъ! Августъ! О, божественный голосъ! Блаженъ, кто можетъ слышать тебя!» 1808 вѣнковъ были выставлены въ Большомъ циркѣ и вывѣшены на египетскомъ обелискѣ, поставленномъ тамъ Августомъ.

(Renan, L'Antechrist).

РЕСПУБЛИКАНЕЦЪ ПРИ НЕРОНѢ.

(Оттуда же).

Тразею я ставлю выше Катона, котораго онъ взялъ себѣ за образецъ, и считаю его самымъ лучшимъ представителемъ разумнаго стоицизма. Я не знаю, въ чемъ бы можно было упрекнуть этого героя: онъ былъ совершенно чуждъ хвастливости, отличался мягкостью и въ то же время, когда было нужно, выказывалъ необыкновенную стойкость; онъ остерегался рѣзко нападать на пороки, чтобы не отнестись черезчуръ жестоко къ людямъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда жизнь его подвергалась опасности, онъ умѣлъ сохранять совершенное спокойствіе и благодушіе. Хотя онъ никогда не шелъ противъ совѣсти, но въ то же время никогда бесполезно не рисковалъ своей жизнью, сберегая ее для общественнаго блага. Въ политическихъ дѣлахъ онъ не оказывалъ мелочной и безпокойной оппозиціи правительству и не старался, подобно другимъ стойкамъ, пріобрѣсти популярность рѣзкостью поведенія; но въ то же время подачей голоса или даже молчаніемъ онъ умѣлъ высказывать въ сенатѣ свой протестъ противъ всѣхъ несправедливыхъ, жестокихъ или вредныхъ мѣръ. Уваженіе, которое онъ внушалъ къ себѣ, было таково, что вся имперія слѣдила за его поведеніемъ и

замѣчали не только его слова, но, такъ сказать, и самое его молчаніе; отдаленныя провинціи интересовались тѣмъ, чего «не сдѣлалъ» Тразея. Самъ Неронъ былъ обезоруженъ этой спокойной увѣренностью и признавалъ высокую честность этого человѣка, котораго онъ, по его словамъ, желалъ бы имѣть другомъ; онъ относился къ Тразею съ уваженіемъ до той минуты, когда, обезумѣвъ отъ ужаса послѣ убійства матери Агриппины, онъ не въ состояніи былъ выносить взгляда этой неподкупной совѣсти, этой обличающей добродѣтели сенатора, который одинъ отказался своимъ присутствіемъ одобрить матереубійство и вышелъ изъ сената во время чтенія письма Нерона.

Нельзя безъ волненія читать у Тацита о смерти Тразея—самой прекрасной во всей античной исторіи. «Тразея былъ у себя въ саду, когда, при закатѣ солнца, присланъ былъ къ нему отъ консула квесторъ. Онъ собралъ вокругъ себя многочисленный кружокъ выдающихся мужчинъ и женщинъ и разговаривалъ преимущественно съ философомъ Деметріемъ. Судя по выраженію его лица и по отдѣльнымъ словамъ, произнесеннымъ нѣсколько громче остального разговора, онъ рассуждалъ съ нимъ о природѣ души и объ отдѣленіи ея отъ тѣла. Въ это время вошелъ одинъ изъ его ближайшихъ друзей, Домицій Цециліанъ и сообщилъ, что сенатъ приговорилъ его къ смерти. При этомъ извѣстіи всѣ присутствующіе не могли удержаться отъ слезъ и вздоховъ. Но Тразея упросилъ всѣхъ какъ можно скорѣе разойтись и не подвергать себя опасности участіемъ къ преступнику. Жена его, Аррія, хотѣла умереть вмѣстѣ съ нимъ; но онъ заклиналъ ее остаться жить

и не лишать ихъ дочь единственной поддержки. Затѣмъ онъ подошелъ къ портику дома, гдѣ вскорѣ показался квесторъ. Онъ встрѣтилъ его почти радостно, такъ какъ только что успѣлъ узнать, что зять его, Гельвидій, приговоренъ только къ высылкѣ изъ Италіи. Когда ему вручили постановленіе сената, онъ повелъ къ себѣ въ спальню Гельвидія и Деметрія и протянулъ обѣ руки, чтобы они открыли ему жилы. Какъ только показалась кровь, онъ кропилъ ею полъ и, подозвавши къ себѣ квестора, сказалъ: « Я дѣлаю возліяніе Юпитеру-Освободителю. Взгляни на меня, молодой человѣкъ, и пусть боги отвратятъ это предзнаменованіе! Но ты живешь въ такое время, когда слѣдуетъ укрѣплять душу при-мѣрами мужества».

(C. Martha, Les moralistes de l'empire romain).

ОБЩЕСТВЕННЫЯ УСЛОВІЯ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ВО ВРЕМЕНА ИМПЕРІИ.

(Gaston Boissier, *L'opposition sous les Césars*).

Чтобы представить примѣръ тѣхъ низостей, до которыхъ долженъ былъ доходить въ то время чело-вѣкъ съ положеніемъ, для того только, чтобы сохра-нить право на жизнь, — соберемъ вмѣстѣ тѣ черты, которыми современные историки характеризуютъ Вителлія, отца императора, носившаго то же имя.

Это былъ чело-вѣкъ знатнаго происхожденія и очень богатый; началъ онъ свою карьеру блестящимъ образомъ. Будучи намѣстникомъ Сиріи при очень трудныхъ обстоятельствахъ, онъ принудилъ пареянскаго царя просить у него переговоровъ и склониться передъ римскими орлами. Но съ Вителліемъ случилось то, что происходило обыкновенно въ то время со всѣми выдающимися людьми: они оставались честными и порядочными, пока служба удерживала ихъ въ провинціи, столичная же атмосфера развращала ихъ. Возвратившись въ Римъ при Калигулѣ, который серьезно вѣрилъ въ свою божественность, Вителлій подалъ первый примѣръ божескаго почитанія императора. Онъ приближался къ Калигулѣ не иначе, какъ закрывши лицо и падая ницъ.

При Клавдіи его вліяніе усилилось, и онъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ фаворита; но этого положенія онъ добился цѣной низкопоклонства. Клавдіемъ управляла жена и вольноотпущенники; Вителлій всѣми средствами старался снискать ихъ расположеніе. Онъ поставилъ золотыя статуи Нарцисса и Палласа среди домашнихъ боговъ своей семьи и совершалъ передъ ними священные обряды. Что касается до Мессалины, то, получивъ отъ нея въ знакъ особенной милости ея туфлю, онъ всегда носилъ ее почтительно при себѣ между туникой и тогою и время отъ времени вынималъ, чтобы поцѣловать. До такой лести никто еще не додумывался раньше Вителлія; очевидно, онъ обладалъ особою изобрѣтательностью въ этомъ отношеніи, — былъ *miri in adulando ingenii*¹⁾. Впрочемъ, онъ оказывалъ императрицѣ и болѣе осязательныя услуги. Когда она захотѣла погубить Валерія Азіатика, чтобы завладѣть его садами, — она подстроила такъ, что онъ былъ призванъ на судъ консуловъ, которыми тогда были Клавдій и Вителлій. Тацитъ разказалъ намъ эту невѣроятную сцену, которая прекрасно годилась бы для комедіи, если бы развязкой ея не была смерть достойнаго человѣка. Азіатикъ защищался такъ энергично, что волненіе охватило всѣхъ присутствующихъ; сама Мессалина должна была выйти, чтобы скрыть слезы; мимоходомъ она наклонилась къ Вителлію и, вся въ слезахъ, шепнула ему на ухо, чтобы онъ не далъ ускользнуть обвиняемому. Когда пришла очередь Вителлію высказывать свое мнѣніе, онъ осыпалъ Азіа-

¹⁾ Послѣ празднованія юбилейныхъ игръ, совершавшагося разъ въ столѣтіе, Вителлій сказалъ Клавдію: празднуй ихъ много разъ! saepe facias! Это пожеланіе было принято благосклонно.

тика похвалами, напомнилъ его заслуги передъ государствомъ, говорилъ о немъ тономъ искренней дружбы, старался не упустить ничего, что могло бы вызвать къ нему состраданіе, и въ заключеніе сказалъ, что нужно предоставить ему самому выборъ смерти. Клавдій согласился, что слѣдуетъ оказать ему эту милость, и несчастный, восхваляемый и оплакиваемый всѣми, открылъ себѣ жилы. То блестящее положеніе, которое занялъ Вителлій при дворѣ Клавдія и которое онъ все болѣе укрѣплялъ угодничествомъ, не лишено было своихъ неудобствъ, и нужно было не мало ловкости, чтобы умѣть во-время увернуться отъ грозившихъ опасностей. Смерть Мессалины была однимъ изъ такихъ испытаній, заставившихъ его пустить въ ходъ всю свою тонкую дипломатію. Онъ возвращался вмѣстѣ съ Клавдіемъ изъ Остін въ его носилкахъ въ то время, когда императору сообщили о невѣрности его супруги. Моментъ былъ критическій. Клавдій колебался: то размягчался при воспоминаніи о дѣтяхъ, то горячился по поводу измѣны жены; но было извѣстно, что гнѣвъ Клавдія непродолжителенъ, и что одно слово Мессалины можетъ все перевернуть. Значить, было одинаково опасно и обвинять ее и защищать. Вителлій держалъ себя чрезвычайно сдержанно. Онъ принялъ видъ человѣка, который ни о чемъ не знаетъ, или, если ужъ ему приходилось что-нибудь сказать, онъ ограничивался односложными восклицаніями: о, какое преступленіе! какое злодѣйство! «Тщетно, говорить Тацитъ, Нарциссъ всячески вызывалъ его объяснить эти загадочные возгласы и открыто высказать свое мнѣніе; отъ него такъ и не удалось добиться ничего другого, кромѣ двусмысленныхъ отвѣтовъ, ко-

торые можно было толковать какъ угодно. Чтобы стать на ту или другую сторону, Вителлій выжидалъ, пока выяснится положеніе. Когда, наконецъ, дѣло Мессалины было окончательно проиграно, и онъ въ этомъ вполне убѣдился, то тутъ онъ пересталъ ее щадить. Онъ тотчасъ перешелъ на сторону той, которая ее замѣнила, и безъ зазрѣнія совѣсти помогъ ей отдѣлаться отъ друзей и любимцевъ павшей императрицы. И при всемъ томъ произошло нѣчто невѣроятное! Этому угодливому, преданному, готовому на все царедворцу, съ такими успіями добившемуся милости императора и не останавливавшемуся ни передъ какимъ позорнымъ дѣломъ, лишь бы удержать свое положеніе, — даже и этому человѣку не удалось избѣгнуть доноса. Его обвиняли въ томъ, что онъ стремится къ императорской власти, а Клавдій былъ такъ подозрителенъ, что не задумался бы казнить своего лучшаго друга, если бы не вмѣшалась Агриппина. Когда Вителлій умеръ, прослуживши три раза цензоромъ и три раза консуломъ, сенатъ постановилъ оказать ему чрезвычайныя почести. Ему поставили статую на форумѣ съ слѣдующей надписью: «онъ былъ неизмѣнно преданъ государю (*pietatis immobilis erga principem*)». Вотъ эпитафія, похожая на эпиграмму. Въ теченіе долгой карьеры Вителлія, государи и ихъ фавориты смѣнялись много разъ; только преданность Вителлія къ каждому изъ нихъ поочередно оставалась неизмѣнной.

Естественно, что такое раболѣпство возбуждаетъ негодованіе. Но нельзя всю вину сваливать на однихъ и оправдывать тѣхъ, которые къ этому вынуждали. Эта знать, оказывающаяся такой ничтожной,

на самомъ дѣлѣ заслуживаетъ скорѣе сожалѣнія, чѣмъ порицанія; и не удивительно, что Тацитъ, который вообще не скрываетъ ея слабостей, не можетъ безъ глубокаго волненія рассказывать о ея бѣдствіяхъ. Когда человѣкъ носилъ знаменитое имя или оказалъ важныя услуги государству, — то какъ бы онъ ни унижался предъ императоромъ, все-таки онъ былъ очень великъ въ глазахъ Тацита. Были семьи, въ которыхъ насильственная смерть сдѣлалась обычнымъ явленіемъ; напр. въ родѣ Пизоповъ иначе не умирали. Въ этихъ какъ бы обреченныхъ на жертву семьяхъ, всѣ молодые люди могли быть увѣрены, что ни одинъ изъ нихъ не доживетъ до зрѣлаго возраста. Если въ виду такой ужасающей перспективы не у всѣхъ хватало мужества идти ей навстрѣчу, — то не лежитъ ли вина этого на тѣхъ, кто постоянно грозилъ этой перспективой? На доносчикахъ лежитъ отвѣтственность не только за тѣ преступленія, которыя были совершены благодаря ихъ доносамъ, но и за всѣ тѣ низости и подлости, при помощи которыхъ старались предупредить ихъ доносы.

Лучше всего знакомить насъ съ этой эпохой Сенека. Тацитъ и Плиній писали уже при Траянѣ, когда эти годы отошли въ область воспоминаній; Сенека же жилъ какъ разъ въ самый разгаръ кризиса и въ послѣдніе годы своей жизни очень хорошо зналъ, что сдѣлается его жертвой. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ мыслителей, которые удаляются отъ общества, отрываются отъ современной жизни и всецѣло предаются отвлеченнымъ размышленіямъ; напротивъ, онъ больше чѣмъ кто-нибудь отдался теченію своего вѣка. Его произведенія отражаютъ въ себѣ всѣ тревоги современности; въ ос-

новѣ его идей, самыхъ отвлеченныхъ, нетрудно замѣтить вліяніе тѣхъ обстоятельствъ, которыя онъ пережилъ; стоицизмъ его, который, по своей строгости, представляется вначалѣ созданіемъ чистой мысли, — на самомъ дѣлѣ только превращаетъ въ правило то, что требовалось условіями текущей минуты. Если его философія кажется черезчуръ суровой и крайней, то это происходитъ отъ того, что она предназначалась не для обычной житейской обстановки. Онъ самъ говоритъ, что она должна была «внушить мужество унывающимъ». Критическія времена требовали, конечно, и сильныхъ противодій. По письмамъ Сенеки видно, что люди, къ которымъ онъ пишетъ, всегда находятся подъ страхомъ какой-нибудь грозной бѣды. «Вообразите себѣ, — говоритъ Паскаль въ одной изъ лучшихъ своихъ Мыслей, — нѣсколькихъ человѣкъ въ цѣпяхъ, осужденныхъ на смерть; нѣкоторыхъ изъ нихъ каждый день умерщвляютъ на глазахъ у прочихъ, и тѣ, которые остаются, въ смерти другихъ видятъ и свою будущую судьбу и, смотря другъ на друга съ жалостію и отчаяніемъ, ждутъ своей очереди». Почти въ тѣхъ же словахъ описываетъ Сенека положеніе своихъ современниковъ; только опасность, которой они страшатся, въ отличіе отъ Паскаля, не есть одно изъ тѣхъ бѣдствій, которыя присущи человеческой природѣ и съ которыми человѣку приходится свыкаться: это опасность исключительная, противоестественная и тѣмъ болѣе невыносимая, что ея могло бы и не быть. У людей, которые жили подъ тираническимъ управленіемъ цезарей, «топоръ висѣлъ надъ головами и сердце ихъ постоянно трепетало отъ страха смерти» (*palpitantibus prae cordiis*

vivitur). Все ихъ приводить въ страхъ. «Подобно путешественникамъ по невѣдомымъ странамъ, они озираются по сторонамъ и оборачиваются при малѣйшемъ шумѣ». Они мучатся не только собственными несчастіями, но и чужими, потому что видятъ въ нихъ зловѣщее предостереженіе. Когда раздается «одинъ изъ тѣхъ громовыхъ ударовъ, которые потрясаютъ все кругомъ», они лишаются сна. «Свиста пращи достаточно, чтобы вспугнуть птицъ: также и мы дрожимъ при одномъ звукѣ той грозы, ударовъ которой не видимъ». Какъ же быть, чтобы избѣгнуть той участи, которой приходится ждать ежеминутно? Сенека не рекомендуетъ открытаго сопротивленія: онъ не сочувствуетъ заговорамъ и тайнымъ обществамъ. Одно время онъ самъ управлялъ имперіей и до конца жизни продолжалъ требовать повиновенія той власти, представителемъ которой служилъ. «Самое тяжелое рабство менѣе тяготитъ тѣхъ, которые ему подчиняются, чѣмъ тѣхъ, которые противъ него протестуютъ. Единственное облегченіе въ великихъ бѣдствіяхъ — терпѣть то, чего нельзя устранить». Значитъ, нужно стараться отвлечь отъ себя гнѣвъ государя искусными приемами, подобно тому, «какъ на морѣ спасаются отъ бури», жить какъ можно тише, не привлекать на себя всеобщаго вниманія, не слишкомъ выдаваться ни своими талантами, ни даже своими добродѣтелями. «Юлій Грещинъ былъ убитъ по приказанію Калигулы за то, что онъ былъ болѣе порядочнымъ человѣкомъ, чѣмъ это допускается въ тиранніи». Въ особенности нужно остерегаться политическаго честолюбія: честолюбіе порождаетъ враговъ, а врагъ легко становится обвинителемъ. Лучше всего жить уединенно, вдали отъ

двора, — «этой мрачной тюрьмы рабовъ», — погружившись въ мирныя и благородныя занятія. Вотъ почему Сенека такъ горячо совѣтуетъ своимъ друзьямъ уединеніе. Притомъ нужно удалиться осторожно и незамѣтно, «такъ какъ кто открыто отъ васъ бѣжитъ, васъ осуждаетъ». Нехорошо также быть богатымъ. «Не соблазняйте воровъ надеждою на богатую поживу. Рѣдко у кого есть охота проливать кровь изъ удовольствія; гораздо больше жадныхъ, чѣмъ жестокихъ людей, и люди вредятъ другъ другу скорѣе изъ расчета, чѣмъ изъ ненависти». Кто очень богатъ, долженъ умѣть при случаѣ пожертвовать частью своего состоянія, «подобно тому, какъ бросаютъ въ море товары, чтобы облегчить вѣсъ судна во время бури». Но если принять всѣ эти предосторожности, можно ли хоть тогда, по крайней мѣрѣ, быть увѣреннымъ, что останешься цѣль? «Я за это не могу поручиться, — говоритъ Сенека, — такъ же какъ нельзя поручиться, что человѣкъ, который себя бережетъ, всегда будетъ здоровъ».

Какъ же, однако, быть тогда? Предусмотрѣть всевозможныя бѣдствія и приготовиться къ нимъ, отвыкнуть, какъ можно скорѣе, отъ всѣхъ тѣхъ благъ, которыя у насъ могутъ быть отняты. Васъ могутъ изгнать изъ страны, лишить имущества, послать умирать голодной смертію на какую-нибудь скалу, какъ Кассія Севера, или сгноить въ тюрьмѣ, какъ Азинія Галла. Стало-быть, надо научиться быть равнодушнымъ къ ссылкѣ, тюрьмѣ и бѣдности. «Я буду нищимъ, — но вѣдь таковъ удѣлъ большинства. Меня отправятъ въ ссылку, — но развѣ я не могу считать родиной мѣсто своего изгнанія? Меня за-

кують въ желѣзо, — такъ что же? теперь развѣ я свободенъ? Да и сама природа развѣ не приковала меня къ этому тѣлу, которое меня гнететь». Вотъ какъ надо себя убѣждать, чтобы несчастія не застигли врасплохъ и не казались такими страшными. Но недостаточно только говорить это, — необходимо и душой и тѣломъ заранѣе свыкнуться съ несчастіями. У Сенеки все предусмотрено: его «мудрецъ» долженъ себя дѣлать бѣднымъ хоть на нѣсколько дней въ году. Пусть онъ замкнется въ уединеніе въ своихъ обширныхъ палатахъ; среди роскошной мебели, пусть онъ спитъ на голыхъ доскахъ; пусть питается черствымъ и заплѣсневлымъ хлѣбомъ среди тонкихъ блюдъ, которыя обыкновенно подаютъ за его столомъ, — и когда онъ побѣдоносно выдержитъ эти испытанія, онъ будетъ гораздо спокойнѣе наслаждаться богатствомъ, потому что будетъ знать, что можетъ безъ особенныхъ лишеній переносить бѣдность. Но это еще не все. Мало приучиться къ мысли объ изгнаніи и бѣдности. Врагъ не довольствуется этими наказаніями; когда онъ раздраженъ — онъ отнимаетъ самую жизнь. Судья не имѣлъ права быть снисходительнымъ, когда подсудимаго обвиняли въ государственномъ преступленіи; а это обвиненіе обыкновенно присоединялось къ другимъ винамъ. Преступленіе не могло быть легкимъ, если замѣшано было имя цезаря. Сенека это хорошо понималъ, поэтому и философія его, въ значительной части, есть не что иное, какъ приготовленіе къ смерти. Онъ не только учитъ мужественно ожидать ее, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, совѣтуетъ даже ее предупредить. Самоубійство, по его мнѣнію, есть лучшее средство противъ всѣхъ золь имперіи, -- это

какъ бы противоядіе противъ тиранніи. Человѣческое достоинство, оскорбленное цезарями, ничѣмъ, кажется ему, не можетъ быть восстановлено, кромѣ насильственной смерти. Она даетъ силу человѣку одинокому, какъ бы онъ слабъ и безпомощенъ ни былъ, смѣло смотрѣть въ глаза владыкѣ міра. Лицомъ къ лицу съ безграничной властью это сознаніе, что у человѣка всегда есть исходъ, внушаетъ бодрость; онъ уже не считаетъ себя безправнымъ рабомъ, когда у него остается свобода — умереть. Надо видѣть, съ какой страшной энергіей Сенека защищаетъ это право смерти, единственное, котораго деспотизмъ не могъ отнять у римлянъ. «Есть люди, говоритъ онъ, которые слывуть мудрецами и утверждаютъ, что человѣкъ не имѣетъ права покушаться на собственную жизнь, что самоубійство есть преступленіе, что нужно ожидать часа, назначеннаго природой. Тѣ, которые это говорятъ, не замѣчаютъ, что они закрываютъ передъ нами единственный путь, который позволяетъ намъ чувствовать себя свободными. Предвѣчный законъ очень мудро устроилъ для человѣка, давши ему одинъ способъ войти въ жизнь и много способовъ выйти изъ нея». Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще сильнѣе: «Куда ни взглянешь, вездѣ ты найдешь конецъ своимъ мученіямъ. Видишь ли ты эту пропасть? Это путь къ свободѣ. Вотъ море, рѣка, колодезь. На днѣ ихъ скрывается свобода. Видишь ли ты это низенькое, нескладное и голое деревцо? На немъ виситъ свобода».

Исторія того времени можетъ служить комментариемъ къ этимъ словамъ. Никогда люди не умирали такъ легко и мужественно. И не только такіе зна-

мештые люди, какъ Сенека и Тразея, дали высокіе образцы смерти въ свои послѣднія минуты. Подобные люди знали, что на нихъ обращены всѣ взоры, и они старались умереть съ достоинствомъ; но сколько другихъ людей, менѣе извѣстныхъ, бывшихъ менѣе на виду у всѣхъ, менѣе связанныхъ своимъ прошлымъ, не такъ заботившихся о славѣ своего имени, тѣмъ не менѣе обнаружили такую же твердость! Юлій Канъ, въ ожиданіи палача, игралъ въ шахматы, и когда тотъ пришелъ за нимъ, онъ спокойно пересчиталъ фигуры и сказалъ своему партнеру: «Не вздумай хвастаться послѣ моей смерти, что ты выигралъ эту партію»; потомъ, обращаясь къ палачу, онъ прибавилъ: «Будьте свидѣтелемъ, что на моей сторонѣ перевѣсъ въ игрѣ». По большей части приговоренные къ смерти не дожидались палача. При первомъ слухѣ о томъ, что доносчикъ оговорилъ ихъ передъ сенатомъ и даже раньше — какъ только они узнавали, что императоръ ими недоволенъ, они запирались у себя и вскрывали себѣ жилы. Такая поспѣшность давала имъ много преимуществъ: они избѣгали всѣхъ мытарствъ судебного процесса, исходъ котораго былъ несомнѣненъ; они рассчитывали этимъ путемъ сохранить хоть часть своего состоянія для дѣтей, потому что, чѣмъ меньше было работы доносчикамъ, тѣмъ меньше имъ платили; наконецъ, вмѣсто того, чтобы быть зарытыми, какъ преступники, они могли быть погребены родными. Разумѣется, этихъ причинъ было вполне достаточно, чтобы поторопиться. Вибуленъ Агриппа, послѣ долгихъ ожиданій, замѣтилъ, что дѣло его принимаетъ дурной оборотъ и тутъ же въ засѣданіи сената принять ядъ; но нашли, что это было слиш-

комъ поздно, и его, полумертваго, поторошились задушить, чтобы имѣть предлогъ отнять у него все его имущество. Этотъ способъ предупреждать приговоръ суда не всегда нравился государю. Вначалѣ Тиберій какъ будто былъ доволенъ тѣми, которые добровольно покорялись своей участи и освобождали власть отъ гнусной процедуры казни; но позднѣе, питаясь все новыми и новыми жертвами, жестокость его возрасла, и онъ перемѣнилъ взглядъ. «Онъ ускользнулъ отъ меня», сказалъ онъ про одного изъ тѣхъ, которые такимъ образомъ успѣли умереть. Когда Люцій Ветъ, узнавши о своемъ приговорѣ, немедленно покончилъ съ собой, вмѣстѣ съ своей тещей и дочерью, то Неронъ раздражился и приказалъ продолжать судебный процессъ, а послѣ того, какъ ихъ судили и приговорили къ казни по всѣмъ правиламъ, онъ великодушно разрѣшилъ имъ выбрать родъ смерти по своему желанію. А между тѣмъ они уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ были похоронены. Это равнодушіе къ жизни, эта способность быстро и рѣшительно примиряться со своей участью и даже предупреждать ее, очень нравились Сенекѣ и заставляли его гордиться своимъ временемъ. «Посмотрите хорошенько на нашъ вѣкъ», говоритъ онъ, «который мы осуждаемъ за изнѣженность и трусость: во всѣхъ классахъ общества вы найдете людей, всякаго состоянія и всѣхъ возрастовъ, которые, не задумываясь, прибѣгали къ смерти, чтобъ избавиться отъ бѣдствій». Тацитъ къ этому относится иначе. Сердце его сжимается «при видѣ этой рабской покорности и массы крови, пролитой въ мирное время», и онъ заявляетъ, что совершенно не одобряетъ «тихъ самоубійцъ, «такъ смиренно покорившихся».

О Т Д Ъ Л Ъ Ш.

ТАЦИТЪ И ЮВЕНАЛЪ.

ТАЦИТЪ.

(Gaston Boissier, L'opposition sous les Césars).

Тацитъ обыкновенно считается рѣшительнымъ и систематическимъ противникомъ имперіи. На какомъ основаніи? Не потому ли, что онъ высказалъ суровыя мнѣнія о Тиверіи и Неронѣ? Но не онъ одинъ, — и другіе писатели того времени отзывались о нихъ не лучше. И Светоній, который былъ государственнымъ секретаремъ, и даже Діонъ Кассій, несмотря на всю свою чиновническую лояльность и почтительность къ властямъ, дали не болѣе лестныя характеристики этихъ императоровъ. Защитникамъ обоихъ государей пришлось бы доказывать, что всѣ писатели древности нарочно сговорились клеветать на нихъ. Правда, разсказъ Тацита сильнѣе врѣзывается въ память, чѣмъ разсказъ другихъ историковъ; вотъ почему, когда онъ говоритъ то же, что другіе, запоминаются только его слова; его одного и дѣлаютъ ответственнымъ за худую славу императоровъ. Писатели, реабилитирующіе этотъ режимъ, считают его своимъ главнымъ противникомъ — исключительно потому, что та поразительная яркость, съ какою онъ рисуешь злодѣянія цезарей, попадаетъ дальше его прямой цѣли и возбуждаетъ ненависть къ самому принципу цезаризма. Вотъ почему въ послѣднее время такъ много тратилось усилій на то, чтобы заподозрить достоверность Тацита и подорвать его авторитетъ.

Изъ упрековъ, которые дѣлають Тациту, иногда и заслуженно, большая часть относится не къ нему одному, а падаетъ въ одинаковой мѣрѣ на всѣхъ античныхъ историковъ. Эти историки не больше Тацита пользуются официальными документами; въ описаніи подробностей и мелочей они не соблюдаютъ той щепетильной точности, которой мы теперь требуемъ отъ историка. Древніе были менѣе требовательны, и ихъ гораздо легче было удовлетворить. Исторія была для нихъ, прежде всего, риторическимъ произведеніемъ, и историку предоставлялось право въ самой широкой степени пользоваться ораторскими приемами. Ораторы, говорившіе рѣчи на форумѣ или въ сенатѣ, не только позволяли себѣ размѣщать факты по своему произволу и освѣщать ихъ по своему усмотрѣнію, но даже не стѣснялись прибѣгать иногда къ передержкамъ, лишь бы удружить своимъ кліентамъ и повредить противникамъ. Искусству выдумывать учили въ риторескихъ школахъ, и никому это не казалось страннымъ; честный Квинтиліанъ охотно приводитъ примѣры этихъ выдумокъ и ничего не имѣетъ возразить противъ нихъ, лишь бы онѣ были остроумны и правдоподобны. Очевидно, ораторская практика не могла воспитать въ умахъ уваженія къ истинѣ: это была плохая школа для историка, а между тѣмъ большинство историковъ древности вышли именно изъ этой школы. Тацитъ считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ краснорѣчія ¹⁾, и ему было уже за сорокъ лѣтъ, когда онъ написалъ свое первое историческое сочиненіе

¹⁾ Плиній рассказываетъ, что домъ Тацита былъ всегда полонъ молодыми людьми, которые приходили учиться и примѣромъ и наставленіями знаменитаго учителя.

Жизнь Агриппы: неудивительно поэтому, что въ поздніе годы онъ сохранилъ нѣкоторыя изъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ въ молодости. Такимъ образомъ, нѣтъ ни малѣйшаго труда найти въ его историческихъ работахъ черты оратора и даже ритора. Онъ несвободенъ отъ декламациі и риторички; авторъ стремится къ эффекту, иногда намѣренно сгущаетъ краски, чтобы рѣзче отгѣнить предметъ, иногда ставитъ своихъ героевъ въ слишкомъ театральныя позы, группируетъ факты, какъ ему удобнѣе, лишь бы придать разсказу болѣе драматизма. Этими недостатками онъ обязанъ своей прежней профессіи и общему направленію эпохи; онъ поддается имъ безсознательно, противъ воли — въ силу привычки и заразительности примѣра. Отсюда могли произойти нѣкоторыя неточности въ подробностяхъ; это надо имѣть въ виду при пользованіи его книгами, но не слѣдуетъ преувеличивать эти неточности, какъ это зачастую дѣлають.

На ряду съ этими возраженіями, отчасти справедливыми, противъ Тацита предъявляются и болѣе серьезныя обвиненія. Онъ началъ съ торжественнаго обѣщанія писать безъ гнѣва и пристрастія, *sine ira et studio*, и это безпристрастіе представлялось ему легко выполнимымъ: императоры, о которыхъ онъ собирался разсказывать, не имѣли къ нему никакого отношенія, и у него не было причинъ имъ льстить или о нихъ злословить. Онъ обѣщаль въ особенности воздерживаться отъ злобы, «которая можетъ подкупить внѣшнимъ видомъ независимости». Находятъ обыкновенно, что Тацитъ не сдержалъ своихъ обѣщаній, и главной причиной, помѣшавшей ему быть объективнымъ, считаютъ присущую ему

страстность. Если дѣло идетъ о возмущенномъ чувствѣ гражданина, которое одушевляетъ все его разсказы и невольно прорывается въ выраженіи состраданія къ жертвамъ и негодованія къ палачамъ, — конечно, я не буду защищать его отъ этого обвиненія. Званіе историка вовсе не налагало на него обязанности разсказывать хладнокровно о томъ, что онъ считалъ сумасбродствомъ или преступленіемъ. Что же касается до политическихъ пристрастій, которыя будто бы мѣшали объективности его сужденій, — я готовъ утверждать, что ихъ вовсе нѣтъ въ его сочиненіяхъ. Я хорошо знаю, что большинство думаетъ иначе. Тацита считаютъ, обыкновенно, фанатикомъ, ослѣпленнымъ предразсудками, человекомъ доктрины или партіи, который раздѣляетъ все партійныя предубѣжденія и счеты, однимъ словомъ, человекомъ, рѣшительно неспособнымъ судить трезво о людяхъ и событіяхъ. Посмотримъ, насколько основательны эти обвиненія, и такое ли впечатлѣніе получается отъ его произведеній.

Тацитъ не разъ высказываетъ свои политическіе взгляды, подчеркивая, правда, больше то, что онъ отрицаетъ, чѣмъ то, что онъ признаетъ. Прежде всего, онъ не особенно стоитъ за демократическое правленіе. Народъ слишкомъ непостояненъ, онъ не знаетъ, чего хочетъ, «желаетъ и въ то же время боится переворотовъ». Точно такъ же нельзя сказать, чтобы онъ былъ сторонникомъ и аристократическаго строя: «господство немногихъ, говоритъ онъ, похоже на деспотизмъ государей». Въ свою очередь, и умѣренная конституціонная форма, составленная изъ смѣшенія чистыхъ формъ и составляющая идеаль Поливія и Цицерона, не вполне удовлетворяетъ Та-

цита. «Ее гораздо легче восхвалять, чѣмъ ввести, говоритъ онъ, и легче ввести, чѣмъ упрочить на-долго».

Наконецъ, онъ не раздѣляетъ и наивнаго энтузіазма своихъ современниковъ къ древней республикѣ: изученіе исторіи показало ему, что этотъ золотой вѣкъ былъ полонъ смутъ и насилій. Послѣ двѣнадцати таблицъ не было издано справедливыхъ законовъ; вмѣстѣ съ эпохой завоеваній начинается господство ненасытной алчности и необузданнаго тщеславія: «тогда возгорѣлись первыя распри между народомъ и сенатомъ; съ одной стороны ихъ поднимали безпокойные трибуны, съ другой — властолюбивые консулы. Городъ и форумъ служили ареной для первыхъ вспышекъ междоусобной войны». Эти картины прошлаго, конечно, не показываютъ въ авторѣ пристрастія къ старинѣ и желанія ее возстановить. Остается единовластіе — форма, которая уже около ста лѣтъ держалась въ Римѣ: Тацитъ его признаетъ и подчиняется ему. Примириться съ этимъ порядкомъ ему тѣмъ легче, что онъ видитъ въ немъ не случайный режимъ, навязанный народу вслѣдствіе военной неудачи: имперія ему представляется неизбѣжнымъ результатомъ событій и естественнымъ послѣдствіемъ промаховъ, сдѣланныхъ всѣми партіями. Римъ не могъ миновать имперіи; Тацитъ утверждаетъ это въ началѣ своей *Исторіи*. Онъ думаетъ, что послѣ битвы при Акциумѣ «утвержденіе единовластія было нужно для возстановленія всеобщаго мира». Въ другомъ мѣстѣ онъ намекаетъ на то, что народъ охотно принялъ новый порядокъ, потому что старый измучилъ его постоянными раздорами. Онъ согласенъ съ Гальбой,

что «колоссальный механизм имперіи требует для своего поддержанія и равновѣсія сильной руки». И не только онъ сознательно примиряется съ имперіей, но даже, можно сказать, принимаетъ этотъ режимъ безъ сожалѣнія и въ этомъ отношеніи идетъ гораздо дальше большинства своихъ друзей. Даже среди самыхъ вѣрныхъ слугъ имперіи были такіе, которымъ не легко было забыть прошлое. Я сильно подозреваю, что, напр., Плиній, несмотря на всю свою привязанность къ Траяну, не безъ горечи вспоминалъ о блестящемъ періодѣ древняго краснорѣчія и вліяніи республиканскихъ ораторовъ. Онъ дорого далъ бы за то, чтобы жить въ тѣ времена, когда народомъ можно было управлять посредствомъ слова! Тацитъ, повидимому, совсѣмъ не раздѣляетъ этихъ чувствъ; онъ понимаетъ, конечно, какъ много вліянія утратилъ ораторскій талантъ, съ тѣхъ поръ какъ Августъ водворилъ спокойствіе на форумѣ, но онъ знаетъ также и то, что отъ этого много выиграла общественная безопасность и миръ. Онъ не завидуетъ блеску, купленному цѣной тревогъ и опасностей. Онъ не сожалѣетъ о времени, «когда народъ, т. е. невѣжды, былъ всемогущъ». По его мнѣнію, лучше ужъ поменьше славы, но за то побольше спокойствія. «Такъ какъ нельзя, говоритъ онъ, добиться въ одно время и громкой славы и полного спокойствія, то пусть ужъ каждый пользуется преимуществами своего вѣка, не завидуя другимъ временамъ». Это слова мыслителя — осторожнаго и охлажденнаго опытомъ, вступившаго въ тотъ возрастъ, когда всего дороже становится покой. Называя Тацита сторонникомъ имперіи, я вовсе не хочу сказать, что онъ былъ изъ тѣхъ страстныхъ

и ярыхъ защитниковъ цезаризма, которые считаютъ врагами отечества всѣхъ, не раздѣляющихъ ихъ энтузіазма. Онъ принадлежалъ скорѣе къ тѣмъ людямъ, которые пережили много безплодныхъ попытокъ и неудавшихся переворотовъ, потеряли вѣру въ возможность совершеннаго политическаго устройства и примиряются съ посредственнымъ. Изученіе исторіи и житейскій опытъ разрушили въ немъ довѣрчивость и легковѣріе; онъ мало склоненъ предаваться иллюзіямъ относительно различныхъ политическихъ формъ, даже относительно той, которую предпочитаетъ другимъ; но какъ бы то ни было, — есть форма, которая въ его глазахъ заслуживаетъ предпочтенія, которую онъ считаетъ наиболѣе подходящею для своего времени, къ которой онъ рѣшается формально присоединиться: это именно правительство цезарей.

Таковы, по крайней мѣрѣ въ теоріи, взгляды Тацита; онъ не разъ вполне опредѣленно излагаетъ ихъ, и у насъ нѣтъ поводовъ сомнѣваться въ его искренности. Нужно, впрочемъ, оговориться, что у него встрѣчаются сужденія и отзывы, которые не вполне согласуются съ высказанными принципами, и что этотъ покорный служитель имперіи минутами можетъ показаться ея затаеннымъ врагомъ. Эта непоследовательность объясняется вліяніемъ окружающихъ, предубѣжденіемъ которыхъ онъ поддался въ большей степени, чѣмъ хотѣлъ самъ. Жизнь складывается, обыкновенно, не по личному желанію человека, а подъ вліяніемъ времени, друзей, окружающей среды. Самый независимый умъ, несмотря на всѣ старанія остаться самостоятельнымъ, все-таки подпадаетъ вліянію людей, съ которыми

часто соприкасается; и может случиться такъ, что это постороннее вліяніе станетъ въ противорѣчіе съ его собственными убѣжденіями. Въ это тяжелое положеніе какъ разъ и попалъ Тацитъ. Хотя онъ принадлежалъ къ молодой аристократіи, но тѣмъ не менѣе вращался въ высшемъ римскомъ обществѣ. Онъ часто бывалъ въ оппозиціонныхъ кружкахъ, гдѣ осмѣивались современные порядки и строго осуждались дѣйствія властей, гдѣ было много людей всѣмъ недовольныхъ, не упускавшихъ случая побрюзжать. Конечно, Тацитъ не одобряетъ этихъ нетерпимыхъ и придирчивыхъ фрондеровъ. Онъ обвиняетъ ихъ въ легковѣрїи и клеветѣ, въ томъ, что они радуются общественнымъ бѣдствіямъ, что они готовы пожертвовать гибелью государства, лишь бы избавиться отъ императора, — и, несмотря на это, Тациту не всегда удается уберечься отъ ихъ вліянія. Однимъ изъ источниковъ для исторіи первыхъ цезарей были у Тацита свидѣтельства старожилловъ, онъ ихъ спрашивалъ и передалъ намъ ихъ воспоминанія. У этихъ стариковъ онъ и подобралъ разные сомнительные анекдоты, ни на чемъ не основанныя подозрѣнія, однимъ словомъ, всѣ тѣ кривые толки, которые циркулировали среди тогдашней недовольной знати. Правда, Тацитъ рѣдко пересказываетъ эти сплетни отъ своего имени; по большей части онъ просто передаетъ ихъ, безъ всякихъ комментаріевъ, предоставляя читателю разбираться въ нихъ самому; иногда онъ даже упоминаетъ объ этихъ слухахъ только для того, чтобы опровергнуть ихъ, но все-таки онъ о нихъ упоминаетъ, — и эта масса разнузданнаго злословія и лукавства пострить въ глазахъ и, въ концѣ концовъ,

неволью придаетъ его «Исторіи» характеръ систематической злонамѣренности, какой онъ, по моему мнѣнію, вовсе не имѣлъ въ виду. Общество, лишенное свободы и озлобленное, во всемъ склонно видѣть дурныя стороны и для самыхъ простыхъ вещей отыскивать какія-то отдаленныя и сокровенныя причины. Тацитъ это знаетъ и осуждаетъ, но такъ неотразима сила примѣра и вліяніе среды, что онъ не всегда самъ можетъ отдѣлаться отъ этой склонности.

Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Тацитъ перенялъ также и предразсудки своего общества. Извѣстно, какъ сурово онъ относился къ такъ называемымъ «высочкамъ»; если незнатный человѣкъ достигъ высокаго положенія, онъ не упускалъ случая попрекнуть его «позорнымъ происхожденіемъ». Онъ не сочувствуетъ неравнымъ бракамъ и считаетъ общественнымъ бѣдствіемъ бракъ родственницы Августа съ внукомъ римскаго всадника. Онъ возмущается тѣмъ, что принцесса вступила въ связь съ какимъ-то безвѣстнымъ человѣкомъ, родомъ изъ муниципія. Можетъ-быть, онъ не такъ бы осуждалъ ее, если бы она выбрала знатнаго вельможу. Конечно, это все мелочи, но есть и болѣе серьезныя заблужденія, въ которыя вовлекла его снисходительность къ мнѣніямъ окружающихъ. Большинство этихъ людей были упорными приверженцами старыхъ прядковъ и принадлежали къ числу тѣхъ узкихъ консерваторовъ, которые хотѣли бы сохранить все безъ разбора. Всѣ старинные обычаи имъ были дороги, и такъ какъ самые негодные больше всего подвергались опасности исчезнуть, то за нихъ-то они и держались съ особеннымъ упорствомъ. Этихъ

турыхъ и боязливыхъ людей всего легче можно было раздражить предложеніемъ какой бы то ни было, хотя самой полезной реформы. Когда Клавдій требовалъ, чтобы галлы были допущены въ сенатъ и къ занятію высшихъ должностей, они пытались противодѣйствовать этому подъ тѣмъ предлогомъ, что предки галловъ 500 лѣтъ тому назадъ совсѣмъ было захватили Капитолій. Когда возникъ вопросъ о томъ, нужно ли казнить пятьсотъ невинныхъ рабовъ за то, что они провели ночь подъ той же кровлей, гдѣ лежало тѣло ихъ убитаго господина, — народъ этому воспротивился, сенатъ колебался; тогда глава консервативной партіи, юрисконсультъ Кассій, добился постановленія, что слѣдуетъ повиноваться закону, хотя бы онъ былъ несправедливъ. «Предки наши, сказалъ онъ по этому поводу, во всѣхъ отношеніяхъ были разумнѣе насъ, и всякій разъ, когда мы отступаемъ отъ нихъ, выходитъ хуже». Тацитъ симпатизировалъ подобнымъ взглядамъ. Онъ защищалъ нѣкоторыя злоупотребленія только потому, что они были освящены давностью, хотя, по здравому смыслу, онъ не могъ ихъ одобрять. Мы не всегда находимъ у Тацита ту возвышенность мысли и благородство души, благодаря которымъ Сенека умѣлъ стать выше мнѣній толпы и во многихъ отношеніяхъ опередилъ свой вѣкъ. Кровь гладиаторовъ, видомъ которой наслаждался Друзъ, — для Тацита просто *холопская кровь* (*vilis sanguis*); когда Тиберій высылаетъ въ Сардинію четыре тысячи вольноотпущенниковъ, обреченныхъ тамъ на вѣрную смерть отъ лихорадки, Тацитъ, повидимому, соглашается съ мнѣніемъ, что это небольшая потеря, *vile damnum*. Когда Неронъ вмѣсто факеловъ жегъ христіанъ на

празднествахъ, Тацита нисколько не коробить это зрѣлище, и онъ спокойно заявляетъ, что они были виновны и заслужили самыя жестокия наказанія (*adversus sontes et novissima meritos*). Такъ думала консервативная группа сената; Тацитъ только воспроизводить ея взгляды. Можно ли, однако, на этомъ основаніи утверждать, что Тацитъ былъ просто ярлымъ приверженцемъ аристократической партіи, писалъ подъ ея вліяніемъ и служилъ ея интересамъ? Несомнѣнно, онъ принадлежалъ къ этой партіи, и мы видѣли сейчасъ, что часто онъ раздѣлялъ ея предразсудки. Но нерѣдко также онъ возстаетъ противъ этихъ предразсудковъ и борется съ ними. Такъ, въ великосвѣтскихъ кругахъ по принципу считали нужнымъ восхищаться только стариной; Тацитъ же иногда предпочитаетъ настоящее и открыто это высказываетъ. Обыкновенно въ этихъ кругахъ рисовались узкимъ и исключительнымъ патріотизмомъ, преклонявшимся только предъ героями древняго Рима; а Тацитъ позволяетъ себѣ восхищаться великими чужестранцами, даже тѣми, которые задержали и пошатнули римское могущество; онъ, на примѣръ, въ благородныхъ и сильныхъ выраженіяхъ восхваляетъ Арминія и Карактака. Конечно, ему пріятно, если потомки съ честью носить имена своихъ великихъ предковъ, но онъ не считаетъ нужнымъ скрывать ихъ недостатки. Онъ рассказываетъ, какъ «важныя лица изъ самыхъ уважаемыхъ фамилій, по приказанію Тиберія, унижаются до самаго постыднаго наушничества». Можетъ ли такъ выразаться человѣкъ, вполне преданный аристократической партіи и, вслѣдствіе политическихъ пристрастій, потерявшій способность пони-

мать и высказывать истину? Незамѣтно, чтобы онъ особенно дорожилъ честью тѣхъ знатныхъ фамилій, съ которыми его считаютъ такъ тѣсно связаннымъ. Но, можетъ-быть, онъ старался, по крайней мѣрѣ, среди всѣхъ этихъ тяжкихъ испытаний, представить аристократовъ въ такомъ свѣтѣ, чтобы сохранить имъ всеобщее уваженіе потомства? Со-всѣмъ напротивъ, онъ изображаетъ ихъ людьми подобострастными, трусливыми, старающимися превзойти другъ друга въ лести, готовыми на всѣ низости ради самосохраненія, и можно сказать, что, послѣ описанія жестокостей цезарей, наиболѣе удалось ему изображеніе раболѣпства сената: эти страницы написаны съ большой силой, онѣ такъ и дышатъ острымъ чувствомъ омерзѣнія и негодованія.

Итакъ, мы отмѣтили у Тацита два противоположныхъ, постоянно борющихся между собой свойства: онъ то уступаетъ мнѣніямъ окружающихъ, то противится имъ. Эта непоследовательность сама по себѣ доказываетъ, что у него не было предвзятого намѣренія все одобрять у нихъ, и что онъ вовсе не былъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, человѣкомъ партіи. На самомъ дѣлѣ, онъ уступаетъ имъ безсознательно, а противодѣйствуетъ всегда намѣренно. Чтобы хорошенько узнать и оцѣнить Тацита, необходимо выдѣлить изъ этихъ мимолетныхъ противорѣчій и колебаній его настоящую физиогномію, и мнѣ кажется, что сдѣлать это совсѣмъ не трудно, если приняться за его произведенія безъ предубѣжденія, но и безъ излишней снисходительности. Въ этомъ случаѣ мы вынесемъ изъ чтенія Тацита совсѣмъ не то впечатлѣніе, которое выносится обыкновенно; и прежде всего насъ поразитъ та масса

всякаго рода заблужденій относительно характера и взглядовъ Тацита, которая, Богъ знаетъ почему, держится въ публикѣ. Его считаютъ убѣжденнымъ республиканцемъ; между тѣмъ онъ самъ выдавалъ себя всегда за вѣрнаго сторонника имперіи. Онъ слыветъ за яраго революціонера, а мы сейчасъ видѣли, что иногда онъ является самымъ нерѣшительнымъ консерваторомъ. Его критики называютъ его памфлетистомъ; но это названіе менѣе всего подходитъ къ Тациту. Его «Исторія» и «Анналы» ничуть не походятъ на тѣ летучія произведенія, которыя занимаютъ злобой дня и вмѣстѣ съ ней исчезаютъ; это вовсе не тѣ анонимные безвѣстные листки, которые тайкомъ проникаютъ въ публику и привлекаютъ именно своей таинственностью. Произведенія Тацита писались свободно, открыто; ихъ ожидали съ нетерпѣніемъ, и, появившись наконецъ съ блескомъ въ свѣтъ, они встрѣтили общее признаніе и сразу были отнесены къ классическимъ. Не только они не повредили общественному положенію Тацита, но, напротивъ, можно сказать, они упрочили это положеніе, и между самыми усердными читателями и горячими поклонниками этихъ книгъ былъ самъ императоръ и его дворъ. Обыкновенно Тацита представляютъ какимъ-то заговорщикомъ, который «взялся отомстить за народъ»¹⁾, который жилъ одиноко, въ тиши, подсматривая за тираномъ, чтобы потомъ выставить его на поруганіе потомства. Это большая ошибка: напротивъ, Тацитъ всегда былъ на государственной службѣ, занималъ высшія должности и вѣрно служилъ императорамъ, даже самымъ жес-

¹⁾ Выраженіе Шатобриана въ знаменитой статьѣ въ «Mercure» возбудившей гнѣвъ Наполеона.

токимъ. Повидимому, онъ самъ руководился совѣтомъ, который влагаетъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ своей Исторіи: «нужно желать добрыхъ государей и терпѣливо переносить дурныхъ». Онъ былъ преторомъ при Домиціанѣ, и незамѣтно, чтобы онъ старался раздражать императора какими-нибудь бесполезными выходками. Онъ засѣдалъ въ сенатѣ въ то время, когда «плѣшивый Неронъ» заставлялъ трусливыхъ сенаторовъ принимать участіе въ своихъ звѣрствахъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые блѣднѣли и вздыхали, когда въ засѣданіе приводили какую-нибудь важную жертву. Онъ видѣлъ, какъ Гельвидія волокли въ тюрьму, онъ судилъ Сенеціона и Рустика. Конечно, онъ долженъ было глубоко страдать отъ этихъ ужасныхъ зрѣлищъ, но какъ бы то ни было — онъ ихъ перенесъ; и такъ какъ онъ пережилъ Домиціана и продолжалъ оставаться въ милости, то нужно заключить, что онъ рѣшился поступать какъ другіе и не отказывался воздавать императору тѣ почести, безъ которыхъ нельзя было тогда сохранить ни общественнаго положенія, ни даже жизни.

Изъ всѣхъ произведеній Тацита жизнь Агриколы лучше всего показываетъ, что онъ во всѣхъ случаяхъ держалъ сторону благоразумія и покорности. Въ послѣднее время часто ставили вопросъ, какія цѣли онъ преслѣдуетъ въ этомъ произведеніи. Есть ли это подражаніе тѣмъ надгробнымъ словамъ, которыя произносились на форумѣ? Или это просто біографія, наподобіе тѣхъ, которыя Рустикъ написалъ о Тразеѣ, а Сенеціонъ о Гельвидіи? Я думаю, что это ни то, ни другое. Тацитъ писалъ жазнь Агриколы съ намѣреніями чисто политическими, и

воспоминаніе объ Агриколѣ было для него поводомъ излить свое настроеніе. Послѣ смерти Домиціана произошло то, что обыкновенно происходитъ при насильственныхъ переворотахъ: чествовались жертвы низложеннаго порядка; между людьми, которые гордились теперь своей ненавистью къ старому порядку, — одни были давнишними противниками его, а другіе только что перешли въ этотъ лагерь: люди той и другой категоріи съ взаимнымъ раздраженіемъ оспаривали другъ у друга симпатію общественнаго мнѣнія, сходясь только въ томъ, что осыпали ругательствами и стращали угрозами всѣхъ тѣхъ, которые служили тирану. Тацитъ находилъ, что это крайность; ему казалось, что несправедливо такъ относиться къ людямъ, которые въ самыя трудныя времена старались возможно честно устроить свою жизнь, несправедливо наказывать ихъ презрѣніемъ за то только, что они помирились со зломъ, котораго не могли устранить. Агрикола, котораго прославляетъ Тацитъ, былъ не только его тестемъ, но героемъ въ его вкусѣ; онъ былъ благоразуменъ, умѣренъ, врагъ всякаго задора и хвастовства, «умѣлъ при случаѣ угодить и совмѣщать пользу съ добродѣтелью»; онъ не бросался навстрѣчу опасностямъ и не навлекъ на себя гнѣва императора, когда можно было этого избѣжать. Этотъ энергичный человѣкъ, смѣлый передъ непріателемъ, замолкалъ и ступшевался въ Римѣ, когда того требовали обстоятельства. Не разъ онъ добровольно подчинялся требованіямъ Домиціана; по возвращеніи изъ Британіи онъ рѣшился поблагодарить его за оказанную ему несправедливость, чтобы не раздражить его еще больше, и передъ смертью завѣщалъ ему часть сво-

его имущества, какъ своему лучшему другу, изъ страха, чтобы тотъ не захватилъ всего. Тацитъ безусловно одобряетъ всѣ дѣйствія Агриколы и его примѣромъ старается разубѣдить сторонниковъ крайнихъ мѣръ и смѣлаго протеста. «Пусть знаютъ, говорятъ онъ съ горячностью, вызванной полемикой, всѣ радикалы и противники власти, что и при дурныхъ государяхъ могутъ быть великіе люди, и что умѣренность и покорность при умѣ и талантѣ столь же достойны славы, какъ и та безразсудная смѣлость, которая рискуетъ безъ всякой пользы для государства и щетъ чести — съ шумомъ погибнуть». Кажется, трудно быть дальше отъ революціоннаго образа мыслей.

Это же отвращеніе отъ всякихъ крайностей, безъ разсудствъ и утопій настроило Тацита противъ философіи. Въ этомъ случаѣ онъ опять расходится съ мнѣніями высшаго общества, которому его считаютъ безусловно преданнымъ. Философія пользовалась въ этомъ обществѣ большимъ почетомъ, и другъ Тацита Плиній, который не прочь польстить людямъ, создающимъ общественное мнѣніе, не упускаетъ случая воздать философіи похвалу. Тацитъ, наоборотъ, сторонится отъ нея и не скрываетъ этого. Онъ открыто заявляетъ, что «не годится римлянину и сенатору имѣть черезчуръ сильное пристрастіе къ ней», — и занимающихся ею обвиняетъ въ неумѣннн соблюдать мѣру; онъ находитъ, что громкимъ именемъ философа шалопаи часто прикрываютъ свое бездѣльничество. Самыхъ знаменитыхъ представителей философіи онъ вовсе не одобряетъ. Къ Сенекаѣ онъ вообще относится довольно сурово. Даже Тразею онъ не оставляетъ безъ упре-

ковъ ¹⁾ и весело потѣшается надъ добрякомъ Музоніемъ Руфомъ, который имѣлъ наивность ораторствовать о мирѣ передъ двумя войсками, готовыми къ бою, и, чтобы спастись, принужденъ былъ «поскорѣе прекратить свою неумѣстную мораль». Очевидно, Тацитъ принадлежалъ къ людямъ, которые обвиняли философовъ въ томъ, что они вносятъ слишкомъ много педантизма и тщеславія въ политическую борьбу. Что касается до него самого, онъ стремится къ болѣе скромнымъ цѣлямъ, и роль, которую онъ хочетъ играть, не такъ претенціозна: «Попытаемся, говоритъ онъ, найти средній путь между сопротивленіемъ, которое само себя губить, и раболѣпствомъ, которое себя безчеститъ, — путь, одинаково свободный и отъ униженія и отъ риска». Такой путь трудно было найти при Домиціанѣ; потомъ это сдѣлалось легче, когда со вступленіемъ на престолъ Нервы водворились болѣе честные нравы. Съ избраніемъ Траяна окончательно осуществились всѣ желанія Тацита; ему больше не о чемъ было жалѣть въ прошломъ и не къ чему стремиться въ будущемъ. Восторженные изліянія, которыми онъ привѣтствуетъ «зарю этого благословеннаго періода», показываютъ, что онъ, наконецъ, дождался правленія, которое могъ предпочесть всѣмъ другимъ, и что при самыхъ дурныхъ императорахъ его желанія и мечты не шли дальше того, чтобы на престолъ вступилъ добрый государь.

¹⁾ А н. XIV, 12: «для себя онъ создалъ опасность, а другимъ не принесъ освобожденія».

Ю В Е Н А Л Ъ.

(Оттуда же.)

I.

Однакоже, какъ разъ въ первые годы этого чѣднаго царствованія, съ такимъ энтузіазмомъ привѣтствованнаго Тацитомъ, — въ то самое время, когда Римъ наслаждался неизвѣстнымъ ему до тѣхъ поръ счастьемъ — находится подъ управленіемъ добраго и честнаго государя, — въ это самое время раздался раздраженный и грозный голосъ Ювенала, съ неслыханною рѣзкостью обличавшаго своихъ современниковъ и старавшагося всѣхъ увѣрить, что никогда человѣчество не было до такой степени жалко и безнравственно, какъ именно въ его время. Ювеналь задаетъ намъ загадку. Если вспомнить, что онъ жилъ при Траянѣ и Адрианѣ, слѣдовательно, позорилъ тотъ самый вѣкъ, который историки превозносили похвалами, — то трудно объяснить его желчность и понять, чѣмъ вызванъ его гнѣвъ. Почему Ювеналь идетъ въ разрѣзъ со всѣми своими современниками? Кто правъ, онъ или они? Кто же вводитъ въ заблужденіе потомство, кто обманываетъ: исторія ли, которая находитъ такъ много хорошаго въ этой эпохѣ, или поэтъ, который изобразилъ намъ ее въ такихъ отталкивающихъ чертахъ?

Этотъ вопросъ — самый важный изъ всѣхъ, которые возникаютъ при чтеніи латинскаго сатирика. Конечно, интересно изучить Ювенала какъ писателя и поэта, но гораздо важнѣе въ данномъ случаѣ понять его какъ человѣка и моралиста. Всѣ безъ исключенія признаютъ его талантъ, но относительно его нравственной личности существуютъ разногласія; точно такъ же высказываются сомнѣнія и насчетъ правильности его сужденій. Первый вопросъ, который приходитъ въ голову при чтеніи Ювенала, — слѣдующій: въ какой степени можно ему довѣрять и имѣетъ ли онъ право подрывать свидѣтельство исторіи? На этотъ-то вопросъ я и попытаюсь прежде всего отвѣтить.

Когда человѣкъ претендуетъ на роль судьи своихъ современниковъ, необходимо поступить съ нимъ, какъ поступаютъ со свидѣтелемъ на судѣ: чтобы опредѣлить, какую цѣну имѣютъ его слова, нужно узнать, каковъ онъ самъ. Силѣ его обличеній соответствуетъ ли строгость его личнаго поведенія? Не располагали ли его происхожденіе и имущественное положеніе къ строгимъ приговорамъ надъ современниками? не хотѣлъ ли онъ подъ прикрытіемъ нравственности и добродѣтели отмстить имъ за какія-нибудь личныя обиды? На большую часть вопросовъ мы не имѣемъ отвѣта. Біографія Ювенала очень мало извѣстна. Самое крупное событіе въ его жизни, — изгнаніе, которому онъ подвергся за рѣзкій тонъ своихъ сатиръ, — рассказывается совершенно различно, и до сихъ поръ неизвѣстно съ точностью даже то обстоятельство, при какомъ императорѣ это произошло. Если за пополненіемъ свѣдѣній мы обратимся къ самому ав-

тору, мы узнаемъ такъ же мало: Ювеналь всячески избѣгаетъ говорить о себѣ. А между тѣмъ у латинскихъ сатириковъ было въ обычаѣ выставять себя на показъ. По словамъ Горация, жизнь Люциля выступаетъ въ его собственныхъ произведеніяхъ, какъ на картинѣ; самъ Гораций много рассказываетъ о себѣ, и нетрудно по его стихотвореніямъ возстановить всю его біографію. Ювеналь скромнѣе или, можетъ-быть, осторожнѣе ихъ и рѣдко показывасть себя публикѣ. Каковъ бы ни былъ мотивъ этой сдержанности, она, во всякомъ случаѣ, оказалась выгодной для его славы. Рѣдко случается, чтобы откровенное обнаруженіе сатирикомъ своей личности не повредило успѣху его проповѣди; въ самой безупречной жизни всегда найдутся слабыя стороны и недостатки, которые злорадная молва готова подхватить и преувеличить; тотъ, кто требователенъ къ другимъ, побуждаетъ и другихъ относиться строго къ себѣ. Всякій имѣетъ право спросить, почему у сатирика такъ мало снисходительности къ современникамъ, если онъ нуждается въ ней самъ, и по какому праву, будучи самъ не безъ грѣха, онъ такъ беспощадно ихъ бичуетъ. Старательнымъ молчаніемъ о себѣ Ювеналь избѣгнулъ всѣхъ этихъ упрековъ. Такъ какъ о жизни его очень мало извѣстно, то ничто не мѣшало почитателямъ его измыслить ему такую біографію, которая бы стояла въ полномъ соотвѣтствіи съ проповѣдуемыми имъ принципами, и вообразить его себѣ не такимъ, какимъ онъ былъ, а такимъ, какимъ долженъ былъ быть. Такимъ образомъ, самая неизвѣстность способствовала возвеличенію Ювенала. Рука, выступившая изъ мрака, чтобы бичевать преступное общество,

производила впечатлѣніе чего-то необычайнаго и злобщаго. Это былъ уже не просто сатирикъ, съ обыкновенными человѣческими слабостями, въ значительной степени подрывающими силу его обличеній, — это, казалось, сама сатира мстила за поруганную нравственность и добродѣтель.

Но пора, наконецъ, вывести автора изъ мрака и попытаться бросить лучъ свѣта на эту ускользящую отъ насъ фигуру. Хотя Ювеналь и старался говорить о себѣ какъ можно меньше, тѣмъ не менѣе въ произведеніяхъ своихъ онъ иногда проговаривается, и необходимо собрать все эти обмолвки; по нимъ мы можемъ составить себѣ понятіе, прежде всего, объ его общественномъ положеніи. Отъ его біографовъ мы знаемъ, что онъ былъ роднымъ или приемнымъ (alumnus) сыномъ одного богатаго вольноотпущенника въ Аквинумѣ. Значить, въ дѣтствѣ онъ долженъ былъ имѣть хорошія средства, а изъ его послѣднихъ сатиръ, писанныхъ въ старости, можно заключить, что онъ не растратилъ этого состоянія и подъ конецъ жизни. По случаю возвращенія одного изъ друзей, котораго онъ считалъ погибшимъ, Ювеналь принесъ въ жертву двѣ овцы Минервѣ и теленка Юпитеру. «Если бъ я былъ богаче, говорить онъ, если бы мое состояніе соответствовало моему чувству, я принесъ бы жертву жирнѣе Гиспуллы, — привелъ бы къ жертвеннику быка, откормленнаго на Клитумскихъ пастбищахъ».

Но жертвовать овецъ и телятъ составляло тоже не малый расходъ; далеко не каждый былъ въ состояніи это сдѣлать. Марціаль, напр., былъ принужденъ искать другого способа возблагодарить боговъ. Въ другомъ мѣстѣ Ювеналь описываетъ обѣдъ,

который онъ собирался дать своимъ друзьямъ. Онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что обѣдъ будетъ совсѣмъ не роскошный, и по этому поводу поднимаетъ на смѣхъ безумныя траты большихъ баръ своего времени. Его меню, однако, не особенно скромно. «Я не буду посылать за провизіей на рынокъ, говорить онъ; мнѣ пришлютъ изъ окрестностей Тибура жирнаго козленка, который и не пробоваль травы, потомъ спаржу, потомъ только что снесенныя, еще не успѣвшія остынуть яйца, и тѣхъ куръ, которыя ихъ снесли, затѣмъ виноградъ — такой свѣжій, какъ будто онъ только что снять съ вѣтки, хотя его и хранили цѣлый сезонъ; кромѣ того, будутъ поданы груши изъ Сигніи и Сиріи и въ тѣхъ же вазахъ душистыя яблоки, не хуже пиценскихъ». Это, какъ видите, совсѣмъ не спартанскій обѣдъ, — Гораций угощаль своихъ друзей гораздо проще. Нужно прибавить, что и прислуга соответствовала меню. Конечно, мы не найдемъ у Ювенала такихъ дворецкихъ, какъ у Трималхіона, настоящихъ артистовъ своего дѣла, нарѣзывающихъ куски въ тактъ, съ пантомимными жестами. Но у него все-таки есть нѣсколько рабовъ: «Мои оба служителя одѣты одинаково, съ короткими и незавитыми волосами, причесаны спеціально для такого торжественнаго случая. Одинъ изъ нихъ — сынъ моего пастуха, другой — сынъ погонщика воловъ: онъ очень тоскуеть по своей матери, которой давно не видалъ. Онъ тебѣ нальетъ вина изъ виноградниковъ своей родины, съ тѣхъ холмовъ, по которымъ онъ бѣгалъ когда-то: вино и виночерпій съ одного грунта». Итакъ, у Ювенала есть собственный пастухъ и погонщикъ воловъ, онъ выписываетъ козленка изъ Тибура, конечно, изъ

какого-нибудь принадлежащаго ему помѣстья; вино у него изъ собственныхъ виноградниковъ. Слѣдовательно, ему не было нужды существовать попрошайничествомъ, какъ дѣлало большинство его литературныхъ собратьевъ; ему не приходилось дѣлать печальную участь какого-нибудь Рубрена Лаппа, закладывавшаго свою пьесу «Атрей» для того, чтобы купить себѣ плащъ, или Стація, который умеръ бы съ голода, если бы актеръ Парисъ не купилъ его «Агавы». Но Ювеналь все-таки не считалъ себя и богатымъ и охотно причислялъ себя къ людямъ недостаточнымъ, съ которыми въ свѣтѣ не церемонятся. Вспомнимъ, однакоже, при этомъ, что, по его собственнымъ словамъ, никто не бываетъ доволенъ своимъ жребіемъ. Въ одномъ любопытномъ отрывкѣ, гдѣ онъ возстаетъ противъ людей, недовольныхъ судьбой, онъ пытается опредѣлить дальше какого предѣла не должно итти у благоразумнаго человѣка стремленіе къ наживѣ. По его мнѣнію, этимъ предѣломъ долженъ быть ежегодный доходъ трехъ всадниковъ, т. е. 12,000 ливровъ. Нельзя сказать, чтобы это былъ скромный идеаль: бюджетъ въ 12,000 франковъ нельзя считать маленькимъ въ обществѣ, въ которомъ люди средняго достатка были исключеніемъ и которое состояло только изъ милліонеровъ и нищихъ; можно было бы довольствоваться и меньшимъ, не переходя въ разрядъ бѣдняковъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ основаніе думать, что если Ювеналь и не былъ такъ богатъ, какъ бы желалъ, т. е. не имѣлъ полныхъ 12,000 франковъ въ годъ, которые казались ему необходимыми для того, чтобы жить порядочно, — то все-таки онъ не испытывалъ нужды, и его никакъ нельзя отнести къ числу лю-

дей, о которыхъ онъ съ грустью говоритъ: «Трудно достойному человѣку составить себѣ имя, когда ему приходится бороться съ нищетой».

Окончательно мы убѣждаемся въ этомъ предположеніи, когда видимъ, что по прїѣздѣ въ Римъ изъ Аквинума Ювеналь нисколько не торопится избрать себѣ профессію для заработка. Онъ руководился при этомъ выборѣ исключительно своими вкусами и остановился на напыщенномъ школьномъ краснорѣчїи, которое называлось декламаціей. Довольно странный вкусъ у человѣка, издали представляющагося такимъ серьезнымъ! Добрую половину своей жизни онъ декламировалъ, т. е. созывалъ въ извѣстные дни письмами и объявленіями всѣхъ римскихъ beaux esprits въ нанятую имъ залу и угощалъ ихъ защитительными рѣчами по поводу выдуманныхъ процессовъ, приискивая новые аргументы на избитыя темы. Его біографъ увѣряетъ, что онъ декламировалъ ради собственнаго удовольствія; но трудно допустить, чтобы онъ находилъ удовольствіе подавать совѣты Суллѣ или защищать людей, которые никогда не судились. Очевидно, онъ хотѣлъ познакомиться съ собой публику, надѣясь добиться извѣстности и заставить говорить о себѣ въ Римѣ. Достигъ ли онъ этого? Удалось ли ему путемъ этихъ школьныхъ упражненій приобрѣсти репутацію, соотвѣтствовавшую его таланту? Едва ли. Правда Марціаль называетъ его гдѣ-то «краснорѣчивымъ Ювеналомъ», но, можетъ быть, это одинъ изъ тѣхъ дружескихъ комплиментовъ, которымъ нельзя придавать большого значенія. Несомнѣнно одно, что имя его не упоминается ни разу въ перепискѣ Плинія, которая освѣщаетъ все литературное движеніе эпохи.

Впослѣдствіи, когда Ювеналь бросилъ свою первоначальную профессію, онъ вспоминалъ о ней не иначе какъ съ горечью. «И я тоже, говоритъ онъ, пробовалъ когда-то вооружиться школьной линейкой; не хуже другихъ я старался убѣдить Суллу вернуться къ частной жизни и почить на лаврахъ». Развѣ бы онъ сталъ такъ трунить надъ временемъ, съ которымъ у него связывалось воспоминаніе о первыхъ триумфахъ? Известно также, что Ювеналь вообще не особенно симпатизировалъ тѣмъ, которые подвизались на томъ же поприщѣ и имѣли больше успѣха, чѣмъ онъ. Онъ не преминетъ подсмѣяться надъ Квинтиліаномъ; мимоходомъ онъ задѣваетъ Изей, греческаго декламатора, который прогремѣлъ на весь Римъ и которому Плиній посвятилъ одно изъ своихъ писемъ. Это худо скрытое раздраженіе, эти язвительныя выраженія, которыя вырываются у Ювенала безпрестанно противъ декламациі и декламаторовъ, всего вѣроятнѣе свидѣтельствуютъ о несбывшихся надеждахъ. Онъ началъ жизнь неудачей и, естественно, былъ озлобленъ противъ общества, которое не умѣло оцѣнить его талантовъ.

А между тѣмъ это общество умѣло отличать выдающихся людей. Ораторы, пріобрѣвшіе извѣстность въ судебной или школьной практикѣ, были всюду отлично приняты. Изей, о которомъ мы только что упоминали, состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ самыми знатными вельможами, а изъ писемъ Плинія мы знаемъ, что простые философы нерѣдко женились на женщинахъ очень высокаго происхожденія. Ювеналу счастье не улыбнулось; нѣтъ никакихъ признаковъ того, чтобы ему удалось сблизиться съ какими нибудь важными особами; по всей вѣроят-

ности, онъ не проникалъ дальше ихъ передней. Легко понять, почему онъ такъ завидуетъ судьбѣ Virgilія, мелкаго помѣщика изъ Мантуи, или Горация, сына раба, которые оба пользовались покровительствомъ императора и были чуть не друзьями перваго министра. Никакъ не слѣдуетъ принимать на вѣру ходячее представленіе, будто бы Ювеналь пренебрегалъ этими милостями; нельзя представить его себѣ какимъ нибудь недовольнымъ гордецомъ, который высокомерно удаляется отъ людей и котораго знатные люди не беспокоятъ въ его добровольномъ уединеніи, потому что видятъ его нежеланіе гнуть спину. Одна пикантная нескромность друга его, Марціала, разрушаетъ подобныя иллюзіи. Всѣмъ извѣстна, конечно, странный обычай «спортулы», которымъ кормилась значительная часть римскаго населенія. Каждый день, раннимъ утромъ, бѣдные кліенты знатныхъ домовъ выходили изъ своихъ отдаленныхъ кварталовъ, становились у дверей богатыхъ людей и ожидали ихъ пробужденія. Каждый старался придти пораньше, чтобы показать свое усердіе. Они выстраивались въ рядъ вдоль стѣны, зимой коченѣли отъ холода, лѣтомъ задыхались отъ жары подъ тяжестью тоги, отстайвая свои мѣста отъ собакъ и прислуги, пока, наконецъ, двери раскрывались, и вся эта ватага по очереди пропускалась въ атриумъ. Проходя, они отвѣшивали поклонъ хозяину дома, который отвѣчалъ имъ небрежнымъ кивкомъ, и затѣмъ, послѣ тщательной провѣрки, они получали отъ казначея по 10 сестерцій (2 франка), составлявшихъ средство ихъ протитанія. Не многимъ извѣстно, однако, что и Ювеналь былъ однимъ изъ такихъ кліентовъ, осаждавшихъ по утрамъ дома

богачей. Сохранилось прелестное стихотвореніе Марціала, въ которомъ онъ, вернувшись, наконецъ, въ свою любезную Испанію, описываетъ своему другу покой и счастье, которыми онъ наслаждается, и восхваляетъ тотъ продолжительный сонъ, которымъ онъ старается вознаградить себя теперь за тридцатилѣтнюю бессонницу. «Въ эту самую минуту, ты, милый мой Ювеналь, бродишь, можетъ-быть, безъ-устали по шумной Субуррѣ или по холму Діаны. Въ тяжелой тогѣ, обливаясь потомъ, ты являешься къ знатымъ господамъ и изнемогаешь, карабкаясь по склонамъ большого и малаго Целійскихъ холмовъ». Это не значить, что Ювеналу приходилось протягивать руку за подаваніемъ, какъ дѣлали другіе; его средства позволяли ему обходиться безъ этой милостыни въ 10 сестерцій; но, вѣроятно, онъ стремился пріобрѣсти себѣ вліятельныхъ покровителей; можетъ-быть, ему хотѣлось какъ-нибудь втереться въ тотъ роскошный большой свѣтъ, куда онъ не могъ получить доступа иначе; и для того, чтобы достигнуть этой цѣли, онъ не останавливался передъ непріятностями утреннихъ визитовъ. Итакъ, Ювеналь на самомъ себѣ долженъ былъ испытать всѣ тѣ униженія, которыя онъ такъ часто описываетъ. Онъ вставалъ среди ночи, наскоро одѣвался, боясь, какъ бы не предупредили его другіе, болѣе ретивые кліенты, полуодѣтый отправлялся въ путь, «почти бѣгомъ взбирался по ледяному скату Эсквилина, при чемъ градъ хлесталъ ему въ лицо, и съ его жалкаго плаща лились потоки весенняго ливня». Онъ выслушивалъ дерзости отъ нахальныхъ рабовъ, которыми полны были богатые дома, затѣмъ смиренно представалъ передъ богачомъ, у котораго голова не отрезвилась

еще отъ вчерашняго чада и который ограничивался тѣмъ, что уставлялъ на него свой надменный взглядъ, не достойная даже шевельнуть губами.

Ut te respiciat clauso Veiento labello! (чтобъ Вейентонъ бросилъ на тебя взглядъ, не разжимая рта).

Въ такія минуты больной, раздраженный, проклинавшая Римъ съ его суетой, Ювеналь рѣшался избавить себя отъ унижительныхъ обязанностей и увѣзжалъ освѣжиться, какъ онъ выражался, въ свой любезный Аквинумъ. Маленькій городокъ всячески старался получше принять его и удержать у себя. Безвѣстный римскій декламаторъ тутъ становился важной особой; земляки имъ гордились. Изъ одной надписи мы узнаемъ, что Ювеналу поручили вышнюю городскую должность, и что онъ согласился даже быть жрецомъ бога Веспасіана, что немножко странно для такого скептика, какимъ онъ былъ. Какъ видно, Ювеналь могъ прожить у себя на родинѣ въ довольствѣ и почетѣ, но едва ли онъ могъ тамъ оставаться надолго. Въ своей знаменитой сатирѣ, въ которой онъ такъ увлекательно описываетъ неудобства столичной жизни, онъ забылъ упомянуть о самомъ крупномъ: человѣкъ, который разъ попробовалъ этихъ неудобствъ, потомъ уже не можетъ обойтись безъ нихъ; даже если жизнь въ большомъ городѣ не удовлетворяетъ, она къ себѣ приковываетъ и внушаетъ отвращеніе отъ всего другого. Столичный шумъ и дразги, это лихорадочное движеніе, безпорядочная толкотня, суматоха, заботы, нужда, — словомъ, все то, на что такъ горько жалуются люди, принужденные всему этому подвергаться, — въ сущности представляетъ своеобразную и неотразимую прелесть, которая властно къ себѣ при-

тягиваетъ. Какъ бы тяжело ни было иногда оставаться въ большомъ городѣ, какъ бы твердо ни рѣшился человѣкъ изъ него уѣхать, въ концѣ концовъ, — туда тянетъ опять, тамъ хочется и жить и умереть. Вотъ почему и нашему ненавистнику Рима, мечтавшему состариться гдѣ-нибудь въ глуши, «съ заступомъ въ рукѣ, съ любовью воздѣлывая свой маленький клочокъ земли», — очень скоро надоѣдала невозмутимая тишь Аквинума, и онъ спѣшилъ вернуться какъ можно скорѣе въ этотъ ненавистный городъ для того, чтобы снова подвергаться всѣмъ униженіямъ, ожидавшимъ бѣдняка у барскаго порога.

Итакъ, римская аристократія недружелюбно отнеслась къ Ювеналу; онъ не занялъ среди нея того положенія, какое занималъ при дворѣ Августа Гораций, съ которымъ важныя особы обращались по дружески, запросто приходили обѣдать въ дни семейныхъ торжествъ, спрашивали его мнѣнія по вопросамъ литературнымъ и этическимъ и считали себя очень польщенными, если поэтъ посвящалъ имъ оду или посланіе. Никакихъ слѣдовъ подобной близости мы не найдемъ въ сатирахъ Ювенала, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Чѣмъ больше падало политическое значеніе римской знати, тѣмъ болѣе она стала чваниться своей родовитостью и тѣмъ становилась невыносимѣе. Оскорбленія, которыя ей наносили цезари, она, въ свою очередь, вымещала на бѣдныхъ людяхъ; въ сущности, у ней оставалось только одно право — надменно обращаться съ низшими, и этимъ правомъ она злоупотребляла. Ничто не можетъ быть обиднѣе подобной надменности, особенно, когда ее обнаруживаютъ люди, не имѣющіе никакихъ преимуществъ передъ оскорбляемыми. Когда гордость

опирается на дѣйствительную силу, она кажется болѣе умѣстной, и ее легче переносить; но невозможно примириться съ высокоуміемъ знати, у которой чванство соединяется съ безсиліемъ. Ювеналь съ большимъ раздраженіемъ говоритъ о римской аристократіи. Его восьмая сатира на первый взглядъ кажется просто разсужденіемъ на моральную тему въ духѣ Сенеки; но скоро чувствуется, что здѣсь проснулись старыя обиды и вмѣсто философскихъ отвлеченностей зазвучала страстная и личная нота. Нашъ моралистъ — не мыслитель, который на досугѣ, спокойно размышляетъ о разныхъ общественныхъ положеніяхъ: это человѣкъ, который самъ пострадалъ отъ соціального неравенства и который не можетъ забыть своихъ оскорбленій. Онъ на себѣ испыталъ надменность Дамазиппа — этого кучера знатной семьи, который живетъ въ конюшнѣ, «приносить сѣна и насыпаетъ овса лошадямъ»; Лентула и Гракха, простыхъ шутовъ и гладиаторовъ; онъ самъ слышалъ, какъ молодой фатъ, гордившійся своими фамильными портретами, говорилъ бѣднякамъ: «Вы — жалкая голь, подонки нашего простонародья; никто изъ васъ не знаетъ, изъ какой страны происходитъ его отецъ. А я — я прихожу отъ Кекропса». — «На здоровье», отвѣчаетъ ему Ювеналь, «величайся сколько угодно своимъ высокимъ происхожденіемъ! Но помни, что только среди этого самаго простонародья ты можешь найти человѣка, который своей рѣчью защититъ на судѣ благороднаго невѣжду; изъ этой презрѣнной толпы выходятъ юристы, которые умѣютъ распутывать законы; изъ нея же набираются наши храбрые солдаты. отправляющіеся на Евфратъ или къ батавамъ, чтобы

зорко смотрѣть за покоренными народами. А ты — ты не что иное, какъ... потомокъ Кекропса. Ты похожъ на голову Гермеса на тумбѣ; твое единственное преимущество въ томъ, что Гермесъ мраморный, а ты — живой болванъ». Сколько накопившейся злобы вскрываютъ эти слова, и какъ чувствуется въ нихъ раздраженіе, вызванное въ поэтѣ пренебреженіемъ къ нему этого великосвѣтскаго общества, въ которое его талантъ долженъ былъ проложить ему доступъ и которое тѣмъ не менѣе передъ нимъ заперло двери!

Отвергнутый хорошимъ обществомъ, Ювеналь прикнулъ къ дурному. Онъ самъ описываетъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ былъ близокъ: компанія, дѣйствительно, очень странная для того, кто главной своей задачей поставилъ проповѣдь добродѣтели. Я не имѣю здѣсь въ виду Марціала, хотя и онъ далеко не былъ образцомъ нравственности, но дружба съ нимъ однимъ еще ничего бы не говорила противъ Ювенала. Марціаль былъ такъ остроуменъ, его разговоръ былъ такъ увлекателенъ, въ немъ было такъ много огня и изящества, что ради обаянія его таланта можно было легко простить ему его легкомысленное поведеніе и неустойчивость нравственныхъ принциповъ. Я разумѣю, главнымъ образомъ, тѣхъ, къ которымъ Ювеналь обращается въ своихъ сатирахъ; это вовсе не вымышленныя лица, и Ювеналь относится къ нимъ, какъ къ пріятелямъ, съ которыми постоянно проводить время. Самый порядочный изъ нихъ это — Умбрицій, нищій поэтъ, который, чтобы не умереть съ голоду въ Римѣ, перебрался въ Кумы и все имущество свое уложилъ въ маленькую ручную тележку

ку. Но что сказать о другихъ друзьяхъ Ювенала? Одинъ — искатель любовныхъ приключеній, извѣстный развратникъ, которому не разъ приходилось прятаться въ сундукъ при неожиданномъ возвращеніи мужа; другой — безстыдный паразитъ, который изъ-за дарового обѣда готовъ терпѣть всевозможныя оскорбленія, который сносить ругань лакеевъ, насмѣшки вольноотпущенниковъ, грубость хозяина, лишь бы урвать лакомый кусокъ и отобѣдать поллучше, чѣмъ у себя на чердакѣ. Третій, наконецъ, торгуешь собой и нисколько не стыдится своего позорнаго ремесла. Вотъ къ какимъ людямъ Ювеналь обращается со своими нравственными наставленіями и вотъ кого онъ, не стѣсняясь, называетъ своими друзьями! Онъ не считаетъ даже и нужнымъ скрывать своихъ отношеній къ этимъ людямъ, — до такой степени эти отношенія кажутся ему естественными. Французскій ученый Низаръ замѣтилъ, что въ каждомъ маленькомъ стихотвореніи Марціала, посвященномъ Ювеналу, заключается что-нибудь неприличное; очевидно, таковъ былъ обычный тонъ разговора въ этой компаніи и, по всей вѣроятности, оттуда вынесъ Ювеналь привычку къ грубымъ шуткамъ и циническимъ намекамъ.

А между тѣмъ въ этомъ-то и заключается наиболѣе любопытная особенность сатиры Ювенала: она вводитъ насъ въ такой кругъ общества, въ который иначе мы бы не могли проникнуть. Это сатира мелкаго люда. Она знакомитъ насъ съ голодающими поэтами, профессорами безъ слушателей, адвокатами безъ практики, промотавшимися купцами, — словомъ, со всѣми тѣми, которые терпятъ нужду и ловятъ случай, которые утромъ стоятъ у дверей богачей, а

ночью иной разъ засыпають въ трактирѣ у Сиро-феникса «рядомъ съ матросами, ворами, бѣглыми рабами, гробовщиками и нищенствующими жрецами Цибелы». Ювеналь говорить отъ ихъ имени; онъ взялъ на себя роль ихъ ходатая и защитника, онъ знаетъ всѣ ихъ нужды и умѣетъ ихъ описывать съ неподражаемой силой и правдивостью. Онъ постоянно вращается въ кругу этихъ поэтовъ, которые «пишутъ возвышенные стихи въ жалкой лачугѣ»; риторовъ и учителей грамматики, у которыхъ оттягиваютъ ихъ ничтожное жалованье; адвокатовъ, которые ждутъ успѣшнаго окончанія дѣла, чтобы имѣть возможность пообѣдать, и которые «рычатъ какъ кузнечные мѣха, между тѣмъ какъ съ ихъ устъ струится ложь». Онъ самъ жилъ среди этихъ бѣдныхъ кліентовъ, которые утромъ представляются своимъ патронамъ «въ засаленой, драной туникѣ, въ грязной тогѣ, въ худой или грубо заплатанной обуви; онъ собственными ушами слышалъ, какъ они отвѣчали на упрекъ въ томъ, что они побираются подаеніемъ богачей: «А что я стану дѣлать, когда зимой мое обнаженное тѣло потребуесть хоть какой-нибудь одежки, а ноги — обуви? Развѣ я могу имъ сказать: потерпите, пока опять наступитъ весна!» Повторяю, въ этомъ заключается главная оригинальность Ювенала. До него никто на латинскомъ языкѣ не рѣшился замолвить слово за этотъ обездоленный людъ; если бы не онъ, жалобы этихъ несчастныхъ не дошли бы до насъ. Историки сокрушаются только о несчастіяхъ важныхъ лицъ; нужно быть сенаторомъ или всадникомъ, чтобы удостоиться ихъ сочувствія. Состраданіе Ювенала спускается гораздо ниже. Когда онъ описываетъ общественныя бѣдствія,

онъ всегда становится на точку зрѣнія бѣдняковъ. Онъ проникается всѣми ихъ предрасудками и передаетъ ихъ ропоть; онъ смотритъ на все ихъ глазами и обрушивается только на то зло, отъ котораго они страдаютъ. Въ первой сатирѣ, гдѣ онъ такъ охотно развертываетъ передъ нами картину пороковъ своего времени, онъ нападаетъ на богатыхъ не столько за то, что они растрачиваютъ свое состояніе, сколько за то, что они растрачиваютъ его только на самихъ себя. Развратные, скупые, эгоисты, — они не хотятъ звать компаніоновъ, чтобы тѣ помогли имъ скорѣе разориться. «Такъ, стало-быть, восклицаетъ Ювеналь, не будетъ больше паразитовъ!» Это восклицаніе точно вырывается прямо изъ сердца всѣхъ этихъ Неволовъ, Умбриціевъ, Требіевъ. Конечно, нравственность не страдаетъ отъ того, что уничтожится это гнусное ремесло; но что же будетъ съ тѣми, которые отъ этого ремесла кормились? Ювеналь вошелъ въ ихъ положеніе и говорить отъ ихъ имени.

Есть у Ювенала одно очень любопытное мѣсто, въ которомъ наиболѣе отразилось вліяніе его кружка, это именно то, гдѣ онъ такъ яростно нападаетъ на грековъ. Съ перваго взгляда можетъ представиться, что тутъ проявился самый горячій патріотизмъ. «Граждане, говоритъ онъ торжественнымъ тономъ, я не въ состояніи перенести, чтобы Римъ сталъ греческимъ городомъ». Такъ и кажется, что это слова цензора Катона! И какое множество критиковъ попало на эту удочку! Они приняли въ серіозъ паеосъ Ювенала и вообразили себѣ его однимъ изъ послѣднихъ защитниковъ національной самобытности римлянъ. Это величайшая ошибка:

подкладка раздраженія Ювенала вовсе не такъ возвышенна, какъ полагають; его гнѣвъ основывается просто на соперничествѣ паразитовъ. Старый римскій кліевтъ, привыкшій жить щедротами богачей, не можетъ переварить мысли, что иностранецъ займетъ его мѣсто. «Значить, онъ будетъ подписываться раньше меня, займетъ за столомъ почетное мѣсто, — этотъ бездѣльникъ, занесенный сюда вѣтромъ вмѣстѣ съ фигами и черносливомъ! Ни во что, стало-быть, не ставится теперь, что человекъ съ дѣтства дышалъ воздухомъ Авентина и питался плодами Сабины!» Не правда ли, странный взрывъ національной гордости! Можно подумать, что право льстить патрону и жить на его счетъ есть привилегія, которая пріобрѣтается происхожденіемъ или мѣстомъ жительства, какъ право вотировать законы и избирать консуловъ. Въ сущности, его возмущаютъ вовсе не пріемы, употребляемые греками; онъ самъ не прочь бы былъ ихъ перенять, если бы сумѣлъ. «Я могъ бы льстить не хуже ихъ, говоритъ онъ, но они умѣютъ вселить къ себѣ вѣру!» Какъ теперь бороться угодливостью и раболѣпиемъ съ этимъ ловкимъ и пронырливымъ народомъ? «Грекъ родится актеромъ; если вы смѣтаетесь, онъ будетъ смѣяться еще сильнѣе. Если патронъ прослезится, онъ уже совѣмъ расплачется, хотя и не станетъ отъ этого печальнѣе. Если зимой вы скажете, что озябли, — онъ немедленно укутывается въ мѣховой плащъ. Если же вы говорите, что вамъ жарко — у него съ лица закапаетъ потъ». Римлянину до этого не дойти. Сколько бы онъ ни трудился, онъ все-таки останется неповоротливымъ и неловкимъ: это ужъ его органическій недостатокъ. Въ его разговорахъ мало остроумія, онъ

ѣсть слишкомъ жадно; сколько бы онъ ни упижался, ему не отстать отъ грубости и безцеремонности, которыя шокируютъ; онъ не сумѣетъ внести въ свою унижительную службу ни граціи, ни изобрѣтательности. Поэтому разъ патронъ отвѣдалъ греческаго мастерства, испробовалъ, какъ искусно грекъ льститъ его прихотямъ и какъ ловко потворствуетъ его вкусамъ,—то ему уже трудно вернуться къ тяжеловѣсному римскому кліенту. «Борьба неравна между нами, съ грустью замѣчаетъ Ювеналь; у нихъ слишкомъ много преимуществъ!» И хотъ бы они позволяли бѣдному кліенту примоститься на кончикъ стола и время отъ времени потѣшить присутствующихъ острымъ словомъ, съ «крѣпкимъ запахомъ родной почвы»; такъ нѣтъ, они желаютъ завладѣть всѣмъ домомъ. «Римлянину нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ царить какой-нибудь Протогенъ, Дифиль или Эримархъ. Они не любятъ дѣлиться, желаютъ всецѣло владѣть патрономъ. Стоить имъ только промолвить слово, какъ вся моя прежняя служба считается ни во что,—и мнѣ приходится убираться». И вотъ нашъ бѣдняга, выжитый изъ барскаго дома, грустно возвращается къ своему скудному столу, облизываясь при воспоминаніи о вкусныхъ блюдахъ, которыми его разманили. Таковы настоящія причины раздраженія противъ грековъ, и Ювеналь, который часто слышалъ, какъ римскіе кліенты охали послѣ своего гододиаго обѣда, правдиво передалъ намъ ихъ настроеніе.

Свести вмѣстѣ всѣ приведенныя подробности было далеко не лишнимъ. Онѣ освѣтили намъ общественное положеніе Ювенала, а, зная это положеніе, гораздо легче будетъ понять смыслъ его произведеній. Изъ

нихъ мы заключаемъ, что прежде чѣмъ стать знаменитымъ поэтомъ, Ювеналь считался однимъ изъ тѣхъ посредственныхъ болтуновъ, «которые потрясали своимъ краснорѣчіемъ мраморные залы Фронтонъ»; мы узнаемъ также, что онъ не былъ принятъ въ большомъ свѣтѣ, какъ ни стремился, повидимому, туда проникнуть; что онъ дружилъ съ весьма подозрительной компаніей и охотно проводилъ время съ гуляками и паразитами, хотя и стоялъ гораздо выше ихъ и по своему состоянію и по свойственной ему порядочности; однимъ словомъ, выражаясь современнымъ языкомъ, это былъ неудачникъ и человѣкъ неудовлетворенный. Нужно сознаться, что эти черты не могли сдѣлать изъ него уравновѣшеннаго поэта и безпристрастнаго сатирика.

II.

Ювеналь ни разу какъ слѣдуетъ не объяснилъ, почему онъ бросилъ прозу и какъ ему пришло на мысль взяться за стихи. Онъ приписываетъ это неожиданное открытіе своего призванія тому негодованію, которое вызвало въ немъ зрѣлице пороковъ и смѣшныхъ сторонъ современнаго общества. «Когда я вижу, какъ богатство нашихъ патриціевъ меркнетъ передъ милліонами этого проходимца, который когда-то во дни моей юности брилъ мнѣ бороду; когда какой-нибудь египетскій оборванецъ гордо несетъ на своихъ плечахъ тирійскій пурпуръ,— трудно не писать сатиру... Нѣтъ силъ изобразить то бѣшенство, которое во мнѣ закипаетъ, когда я вижу, какъ какой-нибудь негодяй, обобрававшій своего питомца, загромождаетъ улицу толпой своихъ клиентов... Можно ли при видѣ такого зрѣлица не остановиться

тутъ же на перекресткѣ, чтобы взять въ руки записную книжку и внести въ нее всѣ эти безобразія?» Несомнѣнно, раздраженіе Ювенала вполне законно, но почему же оно явилось у него такъ поздно? Ему было около сорока лѣтъ, когда онъ собрался написать свои первыя сатиры. Нѣтъ ни одной,—по крайней мѣрѣ въ той формѣ, какъ онѣ дошли до насъ,—которая бы восходила раньше времени Траяна. Неужели же при Домиціанѣ не было развратниковъ и воровъ, — или тогда Ювеналь еще не надумалъ возмущаться ими? Надо предположить какія-нибудь особыя обстоятельства, пробудившія его вдохновеніе и обнаружившія ему самому его талантъ; иначе мы не поймемъ, почему онъ вдругъ разгорячился въ такомъ возрастѣ, когда, обыкновенно, всѣ сильныя страсти улегаются, и почему къ сорока годамъ, когда умственные вкусы у людей оказываются сложившимися, — онъ неожиданно перемѣнилъ прозу на стихи.

Такимъ особымъ обстоятельствомъ, несомнѣнно былъ тотъ внезапный переворотъ, который освободилъ имперію отъ Домиціана. Рѣдкіе государи внушали такую ненависть какъ Домиціанъ, хотя на первый взглядъ онъ кажется не хуже другихъ; но, для объясненія этой усиленной ненависти, нужно припомнить, что отъ Тиберія до Нерона Римъ, такъ сказать, не могъ передохнуть; тираннія длилась безпрерывно; она даже перестала поражать, и съ ней всѣ свыклись. Воцареніе Флавіевъ измѣнило это настроеніе. Всѣмъ казалось, что тяжкія времена имперіи навсегда прошли, на будущее смотрѣли съ надеждой. Въ царствованіе Веспасіана и Тита никто и не думалъ, что времена Тиберія или Нерона мо-

гутъ опять вернуться, а, между тѣмъ, въ лицѣ Домиціана соединились оба эти тирана; онъ какъ будто нарочно взялъ ихъ за образецъ и поставилъ себѣ цѣлью имъ подражать. Такая тиранія явилась тѣмъ болѣе невыносимой, чѣмъ она была неожиданнѣе. Домиціана ненавидѣли и за совершенныя имъ злодѣйства, и за разбитыя надежды. Этою бѣшеною злобой только и можно объяснить тотъ безумный восторгъ, который охватилъ всѣхъ при извѣстіи о его смерти; можно объ этомъ судить по письмамъ Плинія: «Вездѣ, — говоритъ онъ, — стоялъ смѣшанный гулъ восклицаній!» Всѣ тѣ, у которыхъ погибли друзья или родственники, старались за нихъ отомстить. Доносчики трепетали; когда темнѣло, они принимались разыскивать раздраженныхъ ими людей и униженно заискивали передъ ними, чтобы ихъ задобрить; но не такъ-то легко было добиться прощенія. Молодежь вступившая въ общественную жизнь при смерти Веспасіана, вѣрившая въ свои силы и возлагавшая надежды на будущее, была въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ деспотизма обречена на безмолвіе и бездѣятельность; теперь она радовалась, что, наконецъ, у ней развязаны языкъ и руки, и готова была метать громъ и молнію противъ главныхъ виновниковъ прошлаго. При такомъ пробужденіи свободы, исторія и ораторское искусство тоже оживились. Фанній писалъ похвальное слово жертвамъ Нерона; Капитонъ собиралъ своихъ друзей и читалъ имъ біографіи знаменитыхъ людей, погубленныхъ Домиціаномъ. Совершенно естественно, что и поэзія испытала на себѣ дѣйствіе этого всеобщаго подъема. Въ своихъ первыхъ сатирахъ Ювеналь говорить о смерти Домиціана, какъ о недавнемъ собы-

Цинциннатовъ, когда хотѣли упрекнуть своихъ подданныхъ въ недостатокъ добродѣтели. Въ такомъ же смыслѣ и Ювеналь говорить о старой республикѣ; онъ охотно вспоминаетъ о тогдашнихъ доблестяхъ, восхищается чистотой нравовъ, простотой обстановки и умѣренностью въ пищу. Роскоши своего времени, всѣмъ утонченностямъ комфорта и изящества онъ очень радъ противопоставить картину старинной семьи — полуодѣтыхъ дѣтей, которыя копаются въ пыли, усталаго отъ дневныхъ трудовъ мужа, который набиваетъ себѣ ротъ жолудями гдѣ-нибудь въ уголкѣ, и около него жену, — такую же дикарку, какъ и онъ, — кормящую грудью своихъ малютокъ. «О Цинтія или Лесбія, какъ мало похожи вы на эту древнюю матрону, — вы, которыя затуманиваете блескъ своихъ глазъ ради того, чтобы оплакать воробья!» Ясно, что Ювеналь смотритъ на прошлое скорѣе какъ моралистъ, чѣмъ какъ политикъ, и, по видимому, онъ сожалѣетъ больше объ античныхъ добродѣтеляхъ, чѣмъ о прежнемъ государственномъ строѣ. О республиканскомъ правленіи онъ говоритъ только одинъ разъ — и съ удивительнымъ легкомысліемъ: «съ тѣхъ поръ, какъ мы не торгуемъ больше своими голосами», — говоритъ онъ; это значить: съ тѣхъ поръ, какъ мы перестали быть свободными и выбирать своихъ магистратовъ. Надо признаться, что эта насмѣшливая фраза вовсе не свидѣтельствуетъ объ особенно глубокомъ сожалѣніи по республикѣ.

Если, такимъ образомъ, симпатіи Ювенала не представляются достаточно ясными, за то онъ всеѣмъ не скрываетъ своихъ антипатій. Извѣстно, какъ рѣзко онъ отзывается о государяхъ, управляв-

шихъ Римомъ послѣ Августа. Нельзя ли въ этомъ видѣть надежный показатель его политическихъ мнѣній, и не въ правѣ ли мы отсюда заключить, что человекъ, такъ отрицательно относящійся къ императорамъ, есть рѣшительный врагъ имперіи? На первый взглядъ такой выводъ можетъ показаться вполне естественнымъ. Государи одной и той же страны, управлявшіе во имя одного и того же принципа, кажется, должны были представлять извѣстную связь между собою, и нападать на предшественниковъ значило бы косвенно порицать правительство. По крайней мѣрѣ, Наполеонъ такъ понималъ солидарность между государями: онъ принималъ на свой счетъ похвалы, которыя высказывались о Карлѣ Великомъ, и оскорблялся, если позволяли себѣ дурно отзываться о Людовикѣ XIV. Но цезари не были такъ щепетильны. Каждый изъ нихъ былъ врагомъ своего предшественника и часто раздѣлывался съ нимъ силой, чтобы поскорѣе занять его мѣсто. Понятно, что у такого государя не было никакого интереса оберегать память предшественниковъ, и нападеніями на нихъ скорѣе можно было даже оказать ему услугу и доставить удовольствіе. Со времени Августа, не имѣвшаго ничего противъ того, что придворный льстецъ Овидій поставилъ его гораздо выше Юлія Цезаря, — у императоровъ вошло въ обычай унижать другихъ, чтобы самимъ возвыситься на ихъ счетъ. Иногда даже они сами брали на себя эту задачу, и недавно въ Триентѣ найденъ эдиктъ императора Клавдія, въ которомъ онъ очень непочтительно выражается о своемъ дядѣ Тиберіи и племянникѣ Калигулѣ. Этотъ примѣръ показываетъ, что память цезарей не считалась священной, и что можно было

порицать умершаго императора, не навлекая на себя неудовольствіе живущаго. Такимъ образомъ, суровые отзывы Ювенала о прошломъ вовсе не могли считаться ни преступленіемъ, ни даже простою неосторожностью, — то же самое могли позволить себѣ многіе такіе люди, которыхъ никоимъ образомъ нельзя было заподозрить въ республиканизмъ. Ювеналь осмѣлился задѣть родоначальника императорской династіи; но еще раньше Сенека выражался о немъ не менѣе рѣзко: такъ, напримѣръ, въ одномъ произведеніи, посвященномъ Нерону, онъ сказалъ что милосердіе Августа есть ничто иное, какъ пресытившаяся кровожадность. Ювеналь не преминулъ посмѣяться надъ обоготвореніемъ Клавдія: онъ острилъ по поводу того средства, съ помощью котораго Агриппина «спровадила его на тотъ свѣтъ», накормивши прелестнымъ кушаньемъ изъ грибовъ, «послѣ котораго онъ уже больше не ѣлъ ничего». Но кто же могъ безъ смѣха говорить объ этомъ потѣшномъ божествѣ? Сенека выражается еще менѣе почтительно въ своей остроумной сатирѣ, написанной тотчасъ послѣ смерти Клавдія какъ разъ въ тотъ моментъ, когда декретъ сената возводилъ Клавдія въ божескій рангъ. Весьма вѣроятно, что это прелестное произведеніе встрѣтило хорошій приѣмъ на Палатинѣ и что Агриппина и Неронъ много смѣялись при чтеніи его. Я ничего не говорю объ отношеніи Ювенала къ Домиціану; при всей той безпощадности, съ которою онъ отзывался о Домиціанѣ, ему все-таки далеко въ этомъ отношеніи до Плинія, а, между тѣмъ, Панигирикъ Плинія былъ офиціальною рѣчью, и если Плиній, произнося ее въ присутствіи Траяна, не находилъ нужнымъ сдерживаться, значитъ, этимъ

рѣзкостямъ не придавали значенія и не ставили ихъ въ вину; очевидно, высказывая объ императорахъ послѣ ихъ смерти то, что всѣ думали при жизни, никто не рисковалъ прослыть врагомъ существующаго порядка.

Но вѣдь Ювеналь шель гораздо дальше. Можно ли сказать про него, что онъ относится строго только къ прошлому, и что царствующій императоръ не подвергается отъ него тѣмъ ударамъ, которые онъ наноситъ покойникамъ? Когда Ювеналь нападаетъ на римское общество, какое именно общество онъ разумѣетъ? Караетъ ли онъ современное ему общество или восходитъ выше и пускаетъ свои стрѣлы въ общество временъ Нерона и Домициана? Отвѣтитъ на это сразу мудроно. Ювеналь этотъ пунктъ оставилъ въ туманѣ — и, повидимому, намѣренно. Онъ, конечно, предвидѣлъ, что сатиры его поднимутъ шумные толки, и боялся послѣдствій этого; поэтому среди своихъ смѣлыхъ рѣчей онъ принималъ предосторожности и приготавливалъ себѣ на всякій случай лазейку. Если бы современники его разсердились, что онъ ихъ такъ позоритъ, и, въ особенности, если бы императоръ, котораго обыкновенно дѣлаютъ отвѣственнымъ за всѣ пороки его времени, нашелъ, что краски слишкомъ сгущены, то Ювеналь могъ бы имъ отвѣтить, что все это относится къ другому времени и къ обществу, уже не существующему. Въ своей первой сатирѣ, которая была, очевидно, написана въ качествѣ предисловія къ собранію его сочиненій, онъ стремится убѣдить насъ, что упреки его относятся не къ какому-нибудь опредѣленному времени, но вообще ко всему человѣчеству. «Все, что происходитъ въ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ Девка-

ліонъ бросаль камни черезъ голову, всѣ страсти, которыя волнують людей: надежда, страхъ, гнѣвъ, чувственность, радость и безпокойство — вотъ тотъ матеріалъ, изъ котораго составилаь моя маленькая книжка». Итакъ, мы предупреждены, что дѣло идетъ о допотопныхъ временахъ. Однакоже, Ювеналь не особенно надѣется убѣдить насъ въ этомъ; въ концѣ той же сатиры онъ самъ признается, что не будетъ ходить такъ далеко за сюжетами. Теперь уже нѣтъ и рѣчи о Девкаліонѣ, онъ объявляетъ только, что будетъ нападать на умершихъ. «Я хочу попробовать, что можно сказать о тѣхъ, чей прахъ покоится вдоль Фламиніевой или Латинской дороги». Ювеналь плохо держаль свое слово и не разъ задѣваль лицъ, которыя не улеглись еще въ мраморныя гробницы по сторонамъ римскихъ дорогъ. Но любопытно, на какія хитрости онъ въ такихъ случаяхъ пускается, чтобы сбить съ толку читателя. Въ XIII-й сатиру онъ перечисляетъ ужасающія злодѣяства, которыя каждый день совершаются въ Римѣ: убійства, клятвопреступленія, поджоги, святотатства, отравленія, отцеубійства. Мы не сомнѣваемся, что рѣчь здѣсь идетъ о современномъ обществѣ, — съ такимъ жаромъ можно описывать только событія, которыя совершаются предъ глазами. Но вдругъ онъ прибавляетъ: «То, что я рассказалъ, есть лишь небольшая часть тѣхъ преступленій, о которыхъ каждый день докладываютъ Галлику». А мы знаемъ, что Галликъ былъ префектомъ города Рима при Домиціанѣ. Мы воображали, что Ювеналь говоритъ о своемъ времени; теперь эта маленькая фраза вноситъ поправку. Современники Траяна и Адриана не могутъ быть въ претензіи, вовсе не о нихъ идетъ рѣчь: поэтъ ра-

зомъ перебросилъ насъ за четверть вѣка назадъ. Въ сатирѣ противъ знати уловка Ювенала еще прозрачнѣе. Въ самомъ разгарѣ изложенія онъ вдругъ безъ всякой нужды прерываетъ рѣчь и заявляетъ: «Кого же я притягиваю къ отвѣту въ данную минуту? Хочу поговорить съ тобой, Рубеллій Плавтъ». Комментаторы становятся втупикъ при этомъ неожиданномъ воззваніи и, за невозможностью объяснить его, по обычаю приходятъ въ восторгъ. Мнѣ оно напоминаетъ фразу простака Хризала въ «Ученыхъ женщинахъ» Мольера:

«Это я тебѣ говорю, сестра».

Положеніе то же самое: Хризаль, желая блеснуть и въ то же время побаиваясь жены, пытается уверить ее, что онъ разговариваетъ только съ Белизой. Ювеналь также вдругъ вспоминаетъ, что важные господа очень вліятельны и что опасно ихъ раздражить; вотъ почему онъ и заблагоразсудилъ выбрать себѣ болѣе удобнаго и безопаснаго собесѣдника. Такъ какъ Плавтъ умеръ полвѣкомъ раньше, то нечего было бояться, что онъ разсердится; поэтому Ювеналь и привлекаетъ его такъ смѣло къ отвѣту. На самомъ дѣлѣ, онъ, конечно, обращается къ своимъ современникамъ и выражаетъ недовольство своимъ временемъ. Его стихи полны намеками на современность, и сплошь да рядомъ въ нихъ говорится о живыхъ людяхъ. Бичуемые имъ пороки онъ видитъ или предполагаетъ въ окружающей его средѣ. Когда онъ спрашиваетъ, можно ли найти вѣкъ болѣе преступный, когда онъ говоритъ: «Потомство ничего не можетъ прибавить къ нашему растлвнію, бьюсь объ закладъ, что наши потомки ничего не придумаютъ новаго; испорченность дошла до край-

няго предѣла и можетъ стать только меньше», — несомнѣнно, Ювеналь бранитъ именно свой вѣкъ и считаетъ безнравственнымъ именно то общество, среди котораго живетъ. Если онъ и не высказываетъ своего мнѣнія о современныхъ ему государяхъ, то только потому, что не рѣшается на это; но по тону, которымъ онъ осуждаетъ ихъ время и отзывается объ ихъ дѣйствіяхъ, по намекамъ и недомолвкамъ ясно видно, что онъ ставитъ ихъ немногимъ выше ихъ предшественниковъ.

Между этими императорами былъ и Траянъ; очевидно, что даже Траянъ не смягчилъ суровости Ювенала, и что поэтъ совершенно не раздѣлялъ тѣхъ восторженныхъ восклицаній, которыми, по выраженію Тацита, всѣ привѣтствовали зарю блаженнаго вѣка. Само собою разумѣется, что Ювеналь отдавалъ должное достоинствамъ этого государя, но съ нѣкоторыми оговорками. Онъ едва ли былъ согласенъ съ Тацитомъ, что принципатъ вступилъ въ союзъ съ свободой. На самомъ дѣлѣ, сущность императорскаго режима осталась неприкосновенной; власть попрежнему сосредоточивалась въ рукахъ одного чловека, и если онъ соглашался уступить сенату или консуламъ нѣкоторыя полномочія, на это была его добрая воля, и каждую минуту онъ могъ взять свои уступки обратно. Жизнь продолжала течь по прежнему руслу, только магистратамъ позволено было, по выраженію Плинія, отводить какъ бы «нѣкіе ручейки» къ себѣ «изъ этого благодѣтельнаго источника». Подобныя крохи власти удовлетворяли Плинія, который вообще довольствовался немногимъ: онъ, на примѣръ, наивно заявлялъ, что просить у императора не самой свободы, а хоть бы внѣшнихъ

признаковъ ея. Трудно осуждать Ювенала за то, что онъ оказался болѣе требовательнымъ. Онъ имѣлъ основанія находить, что даже при Траянѣ свобода и безопасность гражданъ не были достаточно обезпечены. Политическій порядокъ оставался прежній, только императоръ перемѣнился; общественное благосостояніе продолжало зависѣть отъ личности государя. Такимъ образомъ, Ювеналь имѣлъ право дѣлать оговорки, говоря о Траянѣ. Но онъ этимъ не ограничивается: онъ безусловно воздерживается отъ какого бы то ни было выраженія одобренія по адресу Траяна; это уже становится несправедливымъ. Ювеналь не хочетъ видѣть никакой разницы между управленіемъ Траяна, конечно, далекимъ отъ совершенства, но все же справедливымъ и оставившимъ хорошую память, и управленіемъ какого-нибудь Тиберія или Нерона. Иной разъ даже кажется, что Ювеналь готовъ поставить вѣкъ Тиберія и Нерона гораздо выше вѣка Траяна. Такъ, онъ утверждаетъ, что никогда провинціи такъ дурно не управлялись, какъ въ его время, что приходилось жалѣть даже о Верресѣ, что онѣ были бѣдны и разорены, и такъ какъ у жителей отобрали все, кромѣ оружія, то они непременно когда-нибудь возстанутъ противъ Рима. Все это преувеличенія, осужденныя исторіей. Достаточно для оцѣнки ихъ прочесть переписку, которую велъ съ Траяномъ Плиній въ то время, какъ управлялъ Виаиніей. Тамъ мы увидимъ, до чего доходила постоянная мелочная заботливость императора о благѣ и безопасности своихъ владѣній. Онъ интересуется всѣмъ, никакая мелочь не ускользаетъ отъ его вниманія. Никогда прежде не было болѣе дѣятельнаго и болѣе добросовѣстнаго попеченія о про-

винціяхъ, никогда еще на Палатинѣ не относились такъ внимательно къ римскимъ областямъ. Нельзя предположить, чтобы проконсулъ, который всегда чувствовалъ на себѣ это бдительное око, могъ такъ же свободно хищничать въ провинціи, какъ это было во времена республики, когда его судили его же соучастники въ преступленіи, а контролировали пріатели, на все смотрѣвшіе сквозь пальцы у другихъ, чтобы ихъ самихъ оставили въ покоѣ. Переписка Плинія даетъ намъ возможность узнать и полюбить этого браваго солдата, дѣятельность котораго отличалась такою твердостью и устойчивостью, такою справедливостью и здравымъ смысломъ, энергіей и гуманностью. Вспомнимъ только его отвѣтъ Плинію, когда тотъ спросилъ, нужно ли наказывать одного молодого человѣка, провинившагося въ дерзкой выходкѣ противъ статуи Траяна. «Я не намѣренъ возобновлять процессовъ объ оскорбленіи величества; я не хочу внушать къ себѣ уваженіе страхомъ». Какъ это далеко отъ того времени, когда Домиціанъ присудилъ одну женщину къ смерти за то, что она позолила себѣ переодѣться передъ его изображеніемъ!

Нельзя было не замѣтить этой разницы и въ людяхъ, и въ духѣ времени. Какимъ образомъ Ювеналь не обратилъ на нее вниманія? Почему ни однимъ намекомъ онъ не далъ намъ понять, что порядки его времени гораздо лучше предыдущаго? Предполагая, что онъ былъ искрененъ, — а въ этомъ мы не имѣемъ оснований сомнѣваться, — гдѣ искать источника его предубѣжденія? Есть ли это слѣдствіе твердо установившихся и нетерпимыхъ политическихъ взглядовъ, которые настолько овладѣли умомъ Ювенала, что не позволяли ему быть безпристрастнымъ и

справедливымъ? Если такъ, то каковы именно были эти взгляды? Можно ли думать, что онъ стоялъ за демократическій строй? На такого рода предположеніе наводятъ тѣ прекрасныя строчки, которыя я привелъ выше, и гдѣ онъ, чтобы унижить аристократовъ, превозноситъ плебеевъ, утверждая, что въ нихъ настоящая сила и честь государства. Но можно ли видѣть въ этомъ отрывкѣ что-нибудь, кромѣ великолѣпной вспышки негодованія и вполне законнаго отпора оскорбленной гордости? Требуется ли Ювеналь для этихъ, столь презираемыхъ знатью, бѣдняковъ болѣе вліятельнаго положенія въ государствѣ? Ожидаль ли и стремился ли онъ къ новому общественному устройству, въ которомъ бы больше обращалось вниманія на всѣхъ этихъ людей, обездоленныхъ и по происхожденію, и по состоянію; желалъ ли онъ возвращенія имъ въ этомъ строѣ политическихъ правъ? Трудно этому повѣрить, когда видишь, съ какимъ презрѣніемъ, — къ сожалѣнію, вполне заслуженнымъ, — онъ отзывается въ другихъ мѣстахъ о простомъ народѣ. Это, по его словамъ, стадо потомковъ Рема (*turba Remi*), оно всегда на сторонѣ сильнаго, оно преклоняется передъ усилъхомъ и отвергается отъ изгнанниковъ. Эта толпа обыкновенно бѣжитъ за побѣдителемъ и спѣшитъ забросать грязью низвергнутыхъ враговъ императора. Она утратила всякій интересъ къ политической дѣятельности, и ей дѣла нѣтъ до свободы, лишь бы ее кормили и увеселяли, — ко всему остальному она равнодушна; отъ правителя она требуетъ только хлѣба и зрѣлищъ. Послѣ такого суроваго приговора трудно думать, чтобы Ювеналь пожелалъ хлопотать о политическихъ нравахъ для такой огрубѣвшей толпы.

Если не къ народу, то, можетъ быть, къ мелкой буржуазіи Ювеналь обращаетъ свои взоры, — къ этому дѣловому и трудолюбивому классу купцовъ и всякаго рода ремесленниковъ? Быть можетъ, онъ защищалъ интересы торговцевъ, вольноотпущенниковъ или ихъ потомковъ, преобладавшихъ въ составѣ всѣхъ городовъ Римской имперіи и державшихъ въ своихъ рукахъ все богатство ихъ? Можетъ быть, за нихъ онъ метилъ знатнымъ господамъ, относившимся къ нимъ съ презрѣніемъ, и для нихъ онъ требовалъ права участвовать въ политическихъ дѣлахъ страны? Но здѣсь мы какъ разъ наталкиваемся на самую рѣзкую и странную непослѣдовательность у Ювенала: этотъ ярый противникъ знати, оказывается, раздѣляетъ самые закоренѣлые ея предразсудки. Понятно, что въ аристократическомъ обществѣ самымъ высшимъ принципомъ считается неподвижность. Тѣ, которые занимаютъ хорошее положеніе, находятъ естественнымъ, чтобы все оставалось на своемъ мѣстѣ; они не жалѣютъ насмѣшекъ и оскорбленій для тѣхъ, кто внезапно и быстро возвышается, такъ какъ это нарушаетъ установленный порядокъ и создаетъ имъ соперниковъ. По странному недоразумѣнію, древняя философія съ удивительною готовностью сдѣлалась орудіемъ аристократіи и ея мнѣній. Подъ тѣмъ предлогомъ, что надо быть умѣреннымъ въ своихъ желаніяхъ и довольствоваться немногимъ, она стала высказываться противъ всякой дѣятельной борьбы за жизненные интересы и требовать, чтобы каждый оставался въ томъ положеніи, какое дала ему судьба. Это повторяютъ всѣ древніе мудрецы, — и тѣ, которые жили въ бочкѣ, какъ Діогенъ, и тѣ, которые роскошествовали во дворцахъ, какъ Сенека. Въ свое время

Горацій тоже проповѣдывалъ эти старыя правила; ихъ, не колеблясь, принялъ и Ювеналь. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ набрасывается на тѣхъ, которые стараются нажитья, и, что всего удивительнѣе, изъ всѣхъ способовъ обогащенія онъ осуждаетъ тотъ, который намъ представляется самымъ законнымъ. Что можетъ быть, кажется, позволительнѣе, чѣмъ приобрести себѣ состояніе путемъ торговли съ отдаленными странами, подвергая себя безпокойствамъ и риску морскихъ путешествій? Ювеналь, напротивъ, такъ же, какъ и Горацій, не понимаетъ людей, которые «устроили себѣ жилище на кораблѣ, подвергаются постоянно качкѣ то отъ сѣвернаго, то отъ южнаго вѣтра, для того только, чтобы привезти издалека какіе-нибудь зловонные товары», и величайшими безумцами кажутся ему тѣ, которые «вѣряютъ свою судьбу нѣсколькимъ доскамъ». Не выше цѣнить онъ и другія предпріятія, менѣе рискованныя; въ III-й сатирѣ онъ выводитъ голодающаго поэта, съ важностью знатнаго барина насмѣхающагося надъ тѣми людьми, которые «берутъ на себя подряды по очисткѣ улицъ и гаваней Рима или получаютъ на откупъ право похоронныхъ процессій и вывозки нечистотъ». Это презрѣніе къ торговлѣ и промышленности было наслѣдіемъ, которое оставила старинная аристократія позднѣйшему времени. Предразсудки часто переживаютъ породившее ихъ общество, и никогда они такъ упорно не держатся, какъ утративши всякій смыслъ. Они укореняются, неизвѣстно почему, въ такой средѣ, которая живетъ совершенно другими принципами, и незаметно оказываютъ вліяніе на такихъ людей, которые по своему положенію и по взглядамъ, каза-

лось, должны бы были быть отъ нихъ свободны. Такъ, намъ непонятно, почему Ювеналь, сынъ вольноотпущенника, такъ нетерпимо относится къ тѣмъ людямъ, которые стремятся заработать деньги. Если бѣдняки, вродѣ Умбриція или Требія, не захотятъ подвергать свою жизнь опасности въ отдаленныхъ торговыхъ предпріятіяхъ или вообще откажутся и въ Римѣ отъ какого бы то ни было прибыльнаго занятія, то чѣмъ будутъ они существовать? Имъ останется одно — по утрамъ отправляться къ богачамъ за спортулой, или же послѣ полудня являться къ портику Минуція за порціей хлѣба и масла, которую императоръ выдаетъ 200,000 римскимъ бѣднякамъ, — однимъ словомъ, имъ придется просить подавнія у частныхъ лицъ или у государства.

Ювеналь легко примиряется съ такого рода исходомъ. Всѣмъ тѣмъ унижительнымъ занятіямъ, которыя, по его мнѣнію, безчестятъ человѣка, онъ открыто предпочитаетъ общественную или частную благотворительность; онъ вполне одобряетъ этихъ гордецовъ-нищихъ, которые, какъ Умбрицій, считаютъ униженіемъ взять на себя подрядъ по очисткѣ улицъ и вывозкѣ нечистотъ и предпочитаютъ протягивать руку. Ему кажется вполне благоустроеннымъ то общество, въ которомъ значительная часть гражданъ живетъ на счетъ другихъ; и главная причина, почему онъ сожалеетъ о прошломъ, заключается въ томъ, что тогда богачи были гораздо щедрѣе. Счастливыя были времена, когда давали безъ счета, когда спортула лилась рѣвкой, когда кліентовъ всегда радушно принимали утромъ, а вечеромъ часто сажали за хозяйскій столъ! Какіе тузы были эти Котты, Пизоны, Лентулы! «Славу щедраго благо-

дѣтеля они ставили гораздо выше, чѣмъ знатность происхожденія или военные подвиги». Сенеку надо цѣнить вовсе не за его прекрасныя писанія; нужно поклоняться ему за то, «что онъ часто посылалъ подарки своимъ неимущимъ кліентамъ». Вѣрный своимъ убѣжденіямъ, Ювеналь и для литераторовъ не видитъ никакой другой перспективы, какъ найти себѣ покровителей среди вельможъ. Такъ какъ, вообще говоря, «возлюбленная муза даритъ больше талантами, чѣмъ одеждой», то необходимо же отыскать кого-нибудь, кто бы кормилъ и одѣвалъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ больше Меценатовъ. «Гдѣ Прокурел, гдѣ Фабіи? У Котты и Лентула нѣтъ преемниковъ». Литературѣ нечего ожидать отъ богатыхъ людей. Иные бары сами вздумали сдѣлаться поэтами, и когда вы имъ посвящаете какое-нибудь произведеніе, то, вмѣсто того, чтобы поблагодарить васъ, какъ водится, наличными деньгами, они платятъ вамъ собственными стихами. Другіе проматываютъ деньги на разорительныя фантазіи, строятъ виллы, портики, тратятся на модныхъ красавицъ или держатъ у себя прирученныхъ львовъ, «точно будто льва дешевле прокормить, чѣмъ поэта». Что же дѣлать и къ кому обратиться за помощью? Для Ювенала не существуетъ сомнѣнія: если богачи скупаются, онъ смѣло протянетъ руку императору. «Императоръ, — говоритъ онъ, — теперь единственная надежда и опора литературы». Повидимому, такой шагъ ничего не стоитъ Ювеналу; не замѣтно, чтобы онъ пошелъ на это противъ воли. Напротивъ, когда онъ подговариваетъ молодыхъ поэтовъ прибѣгнуть къ покровительству императора, онъ впадаетъ въ торжественный тонъ. «Воспряньте духомъ, — говоритъ

онъ имъ, — цезарь смотритъ на васъ и ободряетъ васъ; его августѣйшая доброта дожидается только случая обнаружиться».

Вотъ каковъ этотъ человѣкъ, который иногда представляется непримиримымъ врагомъ имперіи, котораго намъ изображаютъ «свободолюбивою душой старинныхъ республиканскихъ временъ». На самомъ дѣлѣ, онъ такъ же мало заботится объ имперіи, какъ и о республикѣ. Тѣ жалкіе кліенты и голодные писатели, интересы которыхъ онъ защищаетъ, вовсе не мѣтили такъ высоко. Такъ какъ цѣлью ихъ мечтаній было жить на счетъ другихъ, то самымъ совершеннымъ обществомъ они признавали такое, гдѣ подаванія сыпались щедрою рукой. Въ этомъ состоялъ ихъ идеаль, и Ювеналь чаще всего ограничивается тѣмъ же. Итакъ, если онъ иногда и былъ неумолимъ къ цезарямъ, то вовсе не во имя какой-нибудь политической теоріи; его раздраженіе было слѣдствіемъ не определенной политической системы, а просто разстроенныхъ нервовъ. Это былъ, какъ мы видѣли, человѣкъ, обманутый жизнью, выбитый изъ колеи: подобно многимъ такимъ людямъ, у которыхъ надежды разбиты, гордость оскорблена, онъ потерялъ равновѣсіе. Не будемъ воображать его себѣ принципиальнымъ борцомъ за народные интересы, систематическимъ и рѣшительнымъ противникомъ гнусныхъ политическихъ порядковъ; онъ былъ скорѣе человѣкомъ темперамента, чѣмъ доктрины, руководился скорѣе чувствами, чѣмъ принципами, и ни одна партія не можетъ украсить себя его именемъ, развѣ только та, которая поставила своимъ лозунгомъ — всегда быть недоволенной.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

УПРАВЛЕНІЕ И ПРАВО ВЪ ИМПЕРІИ.

ЦЕНТРАЛИЗАЦІЯ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО УПРАВЛЕНІЯ.

(Fustel de Coulanges: Histoire des institutions politiques de l'ancienne France).

Правителю провинціи, — какъ бы онъ ни назывался, проконсуломъ или легатомъ цезаря, — принадлежалъ имперіумъ. Это понятіе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы называемъ теперь административною властью. Проконсулъ совмѣщалъ въ своемъ лицѣ всѣ виды государственной власти. Онъ командовалъ войсками, если войска стояли въ его провинціи. Онъ или производилъ самъ, или надзиралъ за наборомъ рекрутовъ. Хотя сборъ податей и завѣдываніе финансами не входили непосредственно въ число его обязанностей, но онъ сохранялъ за собой верховное руководство и въ финансовыхъ дѣлахъ. Главнымъ же образомъ онъ былъ представителемъ судебной власти. Ему принадлежала, во-первыхъ, *jurisdictio voluntaria*, и въ его присутствіи происходило отпущеніе на волю, объявленіе совершеннолѣтія, усыновленіе. Но главнымъ его дѣломъ была *jurisdictio contentiosa*. Онъ обязанъ былъ привлекать преступниковъ къ отвѣтственности, имѣлъ право ихъ арестовать, подвергнуть тѣлесному наказанію,

казнить смертью. Онъ рѣшалъ и гражданскія дѣла; по прямому смыслу императорскихъ указовъ, всякій могъ обращаться къ проконсулу, и онъ или самъ давалъ рѣшеніе, или назначалъ судей. Мы увидимъ, правда, что и помимо проконсула были судебныя власти, но всѣ онѣ подчинялись ему, такъ какъ онъ одинъ только былъ облеченъ властью по закону, ему одному принадлежало «право меча» (*jus gladii*). Онъ исполнялъ также полицейскія обязанности. На его отвѣтственности лежало «очищать страну отъ злоумышленниковъ». Онъ долженъ былъ не только слѣдить за внѣшнимъ порядкомъ, но «преслѣдовать всѣ незаконные поборы, всякаго рода вымогательства, совершавшіяся подъ видомъ вынужденной продажи или фиктивнаго поручительства». Никто не долженъ былъ извлекать «незаконныхъ барышей при его посредничествѣ или терпѣть незаслуженныхъ убытковъ по его винѣ»; онъ не долженъ былъ допускать, чтобы «сильные притѣсняли слабыхъ». Хорошій правитель обязанъ былъ заботиться о томъ, чтобы «въ его провинціи жило мирно и безопасно»; онъ разыскивалъ преступниковъ, наказывалъ святотатцевъ, разбойниковъ, воровъ и укрывателей краденаго. Ему было запрещено выѣзжать изъ провинціи, «дабы всегда находился тамъ человекъ, который могъ блюсти интересы провинціаловъ». Онъ долженъ былъ объѣзжать свои владѣнія, идти навстрѣчу всѣмъ тягущимся и челобитчикамъ. Онъ объѣзжалъ города, посѣщалъ тюрьмы, осматривалъ общественныя постройки, наблюдалъ за ихъ подержаніемъ, распоряжался объ ихъ ремонтѣ, могъ даже потребовать перестройки частнаго дома, если онъ грозилъ разрушеніемъ или вообще предста-

влялся небезопаснымъ. Такимъ образомъ, власть проконсула обнимала всѣ сферы.

Изъ всего этого видно, что власть эта была неограниченной и имѣла попечительный характеръ. Провинціалы были передъ ней совершенно безгласны; по крайней мѣрѣ, формально законъ не предоставлялъ имъ никакихъ правъ. То, что на официальномъ языкѣ носило названіе *lex provinciae* или *provinciae formula*, совсѣмъ не было хартіей вольностей для населенія. По отношенію къ населенію губернаторъ провинціи былъ всеильнымъ владыкой. Имперія въ данномъ случаѣ сохранила неприкосновеннымъ то, что осталось отъ временъ республики.

Однакоже, въ положеніи губернаторовъ республиканскаго и императорскаго періодовъ была громадная разница. Проконсулъ, командированный въ провинцію республикой, въ сущности, не зависѣлъ ни отъ кого. Онъ не былъ обязанъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ ни провинціаламъ, ни самой республикѣ. Онъ управлялъ страной подъ своею личною отвѣтственностью; онъ представлялъ изъ себя настоящаго царька, не знавшаго ни границъ ни контроля своей власти.

Во времена имперіи этотъ порядокъ измѣнился. Нельзя сказать, чтобы идеи свободы и принципы права получили господство въ эту эпоху и создали болѣе мягкія формы управленія; изъ послѣдующаго изложенія мы увидимъ, какое ничтожное значеніе имѣли во всѣ времена идеи и теоріи для улучшенія человѣческаго существованія. Деспотизмъ проконсуловъ былъ устраненъ деспотизмомъ императоровъ.

Въ 27 году передъ Р. Х. римскій сенатъ, организуя новый — императорскій — строй, вручилъ Ав-

густу проконсульскую власть надъ одною половиною провинцій и право верховнаго наблюденія надъ правителями всѣхъ остальныхъ провинцій. Это нововведеніе, въ которомъ нѣкоторые готовы были видѣть посягательство на политическую свободу, было зерномъ, изъ котораго развилаеь новая административная система. Съ этихъ поръ правители провинцій перестали быть самостоятельными, неограниченными властелинами и стали лишь агентами и намѣстниками монарха. Эта перемѣна, на первый взглядъ столь незначительная, на самомъ дѣлѣ заложила начало европейской административной централизаціи.

Несомнѣнно, что населеніе смотрѣло на эту централизацію, какъ на великое благодѣяніе. Далеко не все равно, управляться ли человѣкомъ, имѣющимъ независимое положеніе, или такимъ, который является лишь представителемъ и повѣреннымъ другой, далеко отстоящей власти. Оба эти вида управленія имѣютъ каждый свои преимущества и неудобства; но преимущества второго были настолько значительны, что во всѣ времена населеніе его предпочитало. Верховная власть императора давала защиту противъ мелкихъ своекорыстныхъ страстей сановника, противъ его высокомерія, мстительности, алчности.

Губернаторы съ этого времени не могли уже держать себя государями въ провинціи: они стали теперь простыми чиновниками другой, высшей власти. Передъ отправленіемъ въ провинцію они получали отъ императора письменныя инструкціи; ему же отдавали они отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ они спрашивали его

мнѣнія. Письма Плинія Младшаго Траяну могутъ служить образцомъ той почти ежедневной переписки какую правитель провинціи долженъ былъ вести съ императоромъ. Въ этихъ письмахъ ярко отражается различіе въ положеніи императорскаго губернатора и республиканскаго проконсула. Изъ нихъ видно, въ какой зависимости отъ императора находились провинціалы, но они показываютъ также и то, что провинціаламъ нечего было бояться злоупотребленій властью со стороны его чиновниковъ.

Въ прежнія времена республика всѣми средствами старалась оградить подданныхъ отъ крайняго произвола и ненасытной алчности проконсуловъ; съ этою цѣлью она создала цѣлый рядъ судебныхъ инстанцій, которыя, повидимому, должны были быть безпристрастными; на дѣлѣ, однакоже, это средство оказалось недѣйствительнымъ, такъ какъ трудно было найти судей, которые бы не были въ сообществѣ съ обвиняемыми. Имперія достигла этой цѣли гораздо болѣе простымъ средствомъ, именно подчиненіемъ губернаторовъ центральной власти.

Дѣйствительно, съ того момента, когда всѣ функціи государственной власти были переданы государю, домъ его, который съ этого времени начали называть дворцомъ, *palatium*, сдѣлался центромъ всего управленія имперіи. Во дворецѣ появился многочисленный штатъ служащихъ, и быстро возникли различныя канцеляріи. Это было такъ необычно, что сенаторамъ, всадникамъ, гражданамъ и вообще свободнымъ людямъ и въ голову не приходило завять эти должности или, вѣрнѣе, правительству въ первое время не приходило въ голову ихъ пригласить. Подобно тому, какъ въ каждомъ богатомъ аристо-

кратическомъ домѣ были свои секретари и писцы изъ рабовъ или вольноотпущенниковъ, точно такъ же и въ императорскомъ дворцѣ изъ среды рабовъ и вольноотпущенниковъ государя былъ набранъ многочисленный персоналъ секретарей, канцеляристовъ, хранителей архивовъ. Таковъ былъ составъ канцелярій въ теченіе всего перваго столѣтія существованія имперіи, и только позднѣе свободные граждане и даже всадники были допущены на высшія должности въ этихъ канцеляріяхъ.

Эти дворцовыя канцеляріи носили общее названіе *officia*. Ихъ было пять: а *libellis*, а *epistolis*, а *rationibus*, а *memoria*, а *cognitionibus*. Во главѣ каждой стоялъ начальникъ или директоръ, называвшійся *princeps* или *magister officii*, помощникъ его — *adjutor*, старшій чиновникъ — *proximus* и затѣмъ цѣлый рядъ *scriuarii*’евъ или *tabuarii*’евъ.

Канцелярія а *libellis* получала всѣ письма, присылаемыя на имя императора изъ всѣхъ частей имперіи, отъ сановниковъ или отъ частныхъ лицъ. Въ этой канцеляріи предварительно прочитывались всѣ эти письма, и затѣмъ директоръ представлялъ ихъ императору, вмѣстѣ со своимъ докладомъ. Канцелярія а *epistolis* составляла отвѣтныя письма императора. У насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній о кругѣ вѣдомства канцеляріи а *memoria*, но можно предположить, что она представляла изъ себя архивъ, гдѣ хранились разнаго рода документы и куда можно было обращаться за справками. Въ канцелярію а *rationibus* стекались всѣ финансовыя отчеты изъ Рима и изъ провинцій; они тамъ просматривались и провѣрялись. Канцелярія а *cognitionibus* принимала многочисленные просьбы къ императору о рѣшеніи

дѣль судебнымъ порядкомъ, и по каждому дѣлу она производила предварительное дознаніе.

Учрежденіе этихъ канцелярій было совершенною новостью: ни въ Римѣ, ни во всей Европѣ не было ничего подобнаго. Понятно, какъ это должно было поразить современниковъ. Особенно страннымъ казалось имъ то, что распоряженія и отчеты губернатора провинціи, обыкновенно бывшаго сенаторомъ и человѣкомъ знатнаго происхожденія, разсматривались въ канцеляріи какимъ-нибудь презрѣннымъ вольноотпущенникомъ. Отсюда проистекаетъ горечь и презрительный тонъ Тацита. Возможно, что нѣкоторые изъ этихъ людей дѣйствительно заслуживали презрѣнія. Но Плиній Младшій отзывается о нихъ съ большимъ уваженіемъ, а поэтъ Стацій, который, правда, не былъ самъ сенаторомъ, отдаетъ имъ полную справедливость; онъ лично зналъ нѣкоторыхъ изъ этихъ начальниковъ канцелярій и изображаетъ ихъ людьми честными и трудолюбивыми. Въ слѣдующія поколѣнія въ этихъ канцеляріяхъ уже закупаютъ такіе люди, какъ Папиніанъ или Ульпіанъ.

Съ помощью этихъ канцелярій распоряженія и отчеты администраторовъ провѣрялись чуть не изо дня въ день. Всякое сколько-нибудь важное дѣло подвергалось разсмотрѣнію. Относительно всѣхъ сомнительныхъ пунктовъ губернаторы обращались за совѣтомъ къ императору. Города и провинціи также сносились съ императоромъ черезъ посредство этихъ канцелярій. Если, на примѣръ, какая-нибудь провинція находила, что она черезчуръ обременена налогами, она обращалась письменно къ императору, въ увѣренности, что если за этимъ и не послѣдуетъ уменьшенія налоговъ, то, во всякомъ случаѣ,

ея нужды будутъ разсмотрѣны независимо отъ отъзовъ губернатора. Если кто-нибудь считалъ себя обиженнымъ по суду, онъ писалъ императору и зналъ, что въ дворцовыхъ канцеляріяхъ какіе-нибудь никому неизвѣстные юрисконсулы разберутъ его дѣло и, можетъ быть, предложить императору перерѣшить его. Канцеляріи сдѣлались всемогущими, но за то губернаторы перестали безгранично властвовать.

Всѣ историческіе документы единодушно свидѣтельствуютъ, что централизація была благодѣтельна для провинцій. «Тиберій наблюдалъ за тѣмъ,— пишетъ Тацитъ,— чтобы на провинціи не налагались новыя тягости, и чтобы размѣръ прежнихъ не повышался правителями изъ жадности и жестокости». То же самое говорятъ историки почти обо всѣхъ императорахъ. «Домиціанъ, по словамъ Светонія, старался сдержать въ предѣлахъ долга начальниковъ провинцій и заботился о томъ, чтобы они были честными и справедливыми». «Адріанъ, по сообщенію его біографа, объѣхалъ всю имперію и когда встрѣчалъ провинившихся правителей, то подвергалъ ихъ самымъ суровымъ наказаніямъ, даже смертной казни». Подобная строгость по отношенію къ чиновникамъ стала традиціоннымъ правиломъ въ имперіи: мы встрѣчаемся съ этою чертой на каждой страницѣ императорскихъ кодексовъ. Конечно, съ помощью одного только этого средства нельзя было окончательно искоренить злоупотребленія и несправедливости, но, по крайней мѣрѣ, они сдѣлались исключеніемъ. Надписи подтверждаютъ въ этомъ отношеніи слова историковъ; изъ нихъ мы видимъ, что провинціи въ общемъ были довольны своими порядками и

чувствовали за это признательность къ императору. По крайней мѣрѣ, ихъ матеріальное благосостояніе за первые три вѣка остается внѣ всякихъ сомнѣній, а это было бы несомнѣнимо съ дурнымъ управленіемъ.

Римская имперія никогда не отступала отъ соблюденія нѣкоторыхъ административныхъ правилъ. Во-первыхъ, должностныя мѣста никогда не были продажными: обычай продавать и сдавать въ аренду правительственныя и общественныя должности, появившійся позднѣе, въ другія историческія эпохи, всегда осуждался римлянами. Одинъ изъ римскихъ императоровъ очень вѣрно замѣтилъ: «Я не потерплю покупки должностей за деньги, во-первыхъ, потому, что тотъ, кто купилъ, необходимо долженъ потомъ перепродать, а, во-вторыхъ, я не могу взыскивать съ чиновника, который заплатилъ за свое мѣсто ¹⁾». Другимъ правиломъ было, чтобы всѣ должности были временными: правитель провинціи зналъ, что онъ назначенъ лишь на короткій срокъ; онъ не могъ рассчитывать утвердиться надолго въ провинціи и сдѣлать изъ нея маленькое королевство. Отсюда происходило то, что сановники всегда сохраняли вѣрность имперіи, и не было надобности вести противъ нихъ борьбу,— борьбу, въ которой разбили свои силы не мало династій. Третье правило требовало, чтобы губернаторы про-

¹⁾ Лампридій, Александръ Северъ, 49. Мы не хотимъ сказать, что продажность совсѣмъ не существовало; мы найдемъ доказательство противнаго даже въ императорскихъ законахъ, которые ее запрещаютъ, но никогда не было узаконенной продажности въ пользу государства, какъ это было при другихъ правительствахъ. Продажность была не правиломъ, а злоупотребленіемъ и встрѣчалась болѣе или менѣе рѣдко.

винцій получали опредѣленное жалованье и провіантъ, стоимость котораго была точно установлена закономъ. Имъ было запрещено извлекать изъ ихъ положенія какія-нибудь личныя выгоды, и въ кодексахъ можно видѣть, какими мельчайшими предосторожностями власть старалась оградить народъ отъ хищничества намѣстниковъ и особенно ихъ подчиненныхъ. Сановникъ не имѣлъ права принимать участіе ни въ какомъ коммерческомъ предпріятіи, не могъ пріобрѣсти ни клочка земли; ему было запрещено принимать подарки. Онъ собиралъ подати, но не онъ опредѣлялъ ихъ цифру, и всякая незаконно собранная имъ сумма должна была быть возвращена вчетверо. Вымогательства низшихъ чиновниковъ вели за собой самыя жестокія наказанія. По истеченіи срока своихъ полномочій губернаторъ обязанъ былъ прожить въ провинціи 50 дней, чтобы дать отвѣтъ на всѣ претензіи, которыя могли быть заявлены населеніемъ.

РИМСКОЕ ПРАВО ВЪ СВОДЪ ЮСТИНИАНА.

(Э. Гиббонъ: «Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи», глава XLIV).

Время изгладило память о завоеваніяхъ Юстиніана, но имя его, какъ законодателя, сохранилось начертаннымъ на славномъ и долговѣчномъ памятникѣ. Въ его царствованіе и его стараніями гражданское законодательство было систематически изложено въ трехъ бессмертныхъ произведеніяхъ — въ *Кодексъ*, въ *Пандектагъ* и въ *Институціяхъ*. Съ помощью ихъ римское право перешло въ учрежденія европейскихъ народовъ, и до сихъ поръ, даже среди тѣхъ народовъ, которые не находились подъ римскимъ владычествомъ, законы Юстиніана сохраняютъ свое значеніе и пользуются уваженіемъ.

Когда Юстиніанъ вступилъ на престолъ, реформа римскаго законодательства представлялась неизбѣжнымъ, хотя и труднымъ дѣломъ. За десять столѣтій безконечное разнообразіе законовъ и толкованій юристовъ наполнило массу томовъ, которыхъ самый богатый человѣкъ не былъ въ состояніи купить и которыхъ самый способный человѣкъ не былъ въ состояніи усвоить. Добывать книги было не легко, и судьи, бывшіе бѣдняками, среди этого обилія, должны были при рѣшеніи дѣлъ довольствоваться скуднымъ запасомъ свѣдѣній. Населеніе греческихъ

провинцій не знало языка тѣхъ законовъ, которые управляли ихъ жизнью и имуществомъ; даже въ академіяхъ беритской и константинопольской плохо научались *варварскому* діалекту латинянъ. Юстиніанъ, выросшій въ иллирійскомъ лагерѣ, съ дѣтства былъ хорошо знакомъ съ этимъ языкомъ; въ молодости онъ изучалъ юриспруденцію и реформу законодательства поручилъ самымъ извѣстнымъ юристамъ Востока.

Если бы Юлій Цезарь довелъ до конца преобразование римскаго законодательства, его творческій геній, подкрѣпленный знаніями и размышленіемъ, далъ бы міру цѣльную и самобытную систему законовъ. Но какъ ни возвеличивали льстецы власть восточнаго императора, онъ не осмѣлился положить въ основу правосудія свое личное мнѣніе. Держа въ своихъ рукахъ всю законодательную власть, онъ обратился за помощью къ прошлымъ временамъ и къ чужимъ мнѣніямъ, и составленная имъ съ такою тщательностью компиляція опирается на опытъ прежнихъ временъ и на авторитетъ древнихъ законодателей. Въмѣсто статуи, вылитой съ одного слѣпка, сдѣланнаго рукою художника, произведенія Юстиніана представляютъ мозаическую работу изъ древнихъ и цѣнныхъ, но часто совсѣмъ неподходящихъ другъ къ другу обломковъ. Въ первый годъ своего царствованія онъ поручилъ Трибоніану и девяти другимъ юристамъ пересмотрѣть постановленія предшественниковъ, изложенныя въ кодексахъ Григорія, Гермогена и Феодосія, очистить ихъ отъ ошибокъ и противорѣчій, выбросить все, что устарѣло или оказывалось излишнимъ, и выбрать мудрые и благодѣтельные законы, наиболѣе соотвѣтствующіе

установившейся въ судахъ практикѣ и пользѣ населенія. Эта работа была выполнена въ четырнадцать мѣсяцевъ, и эти новые децемвиры, повидимому, изъ подражанія своимъ знаменитымъ предшественникамъ, раздѣлили сводъ на двѣнадцать книгъ или таблицъ. Новый кодексъ былъ названъ кодексомъ Юстиніана и скрѣпленъ его подписью; съ него были сняты многочисленныя копія руками нотаріусовъ и переписчиковъ; эти копія были разсланы судьямъ европейскихъ, азіатскихъ, а впослѣдствіи и африканскихъ провинцій. Въ дни большихъ праздниковъ эти законы публично объявлялись при входѣ въ церкви. Болѣе трудная работа была еще впереди: предстояло извлечь общіе принципы юриспруденціи изъ массы рѣшеній, догадокъ, толкованій и споровъ римскихъ юристовъ. Семнадцати свѣдущимъ юристамъ съ Трибоніаномъ во главѣ императоръ предоставилъ полное право разбираться въ трудахъ ихъ предшественниковъ. На эту работу императоръ отвелъ имъ десять лѣтъ, а между тѣмъ, они окончили Дигесты или Пандекты въ три года. Изъ библіотеки Трибоніана они выбрали сорокъ самыхъ знаменитыхъ юристовъ прошлыхъ временъ; изъ двухъ тысячъ трактатовъ было сдѣлано сокращеніе, умѣстившееся въ пятидесяти томахъ, и настоятельно обращалось вниманіе потомства на то, что три милліона строкъ или сентенцій были доведены въ этомъ извлеченіи до скромной цифры ста пятидесяти тысячъ. За мѣсяць передъ этимъ обширнымъ трудомъ были изданы Институціи, и дѣйствительно, казалось вполне основательнымъ, что элементы римской юриспруденціи должны предшествовать ея Дигестамъ. Императоръ одобрилъ ихъ труды своею

законодательною властью и тѣмъ самымъ возвелъ на степень закона личныя мнѣнія и соображенія этихъ частныхъ лицъ: ихъ комментаріи на законы двѣнадцати таблицъ, на вѣчный эдиктъ, на законы, изданные народомъ, и на декреты сената замѣнили подлинный текстъ законовъ, и съ этого времени текстъ этихъ законовъ былъ изъятъ изъ практики. Кодексъ, Пандекты и Институціи были признаны единственною легальною системою права; они были положены въ основу судопроизводства, и исключительно на нихъ было построено преподаваніе права въ академіяхъ римской, беритской и константинопольской. Юстиніанъ сообщилъ сенату и провинціямъ свои *въчные оракулы*, и, прикрываясь маскою благочестія, онъ съ гордостью приписывалъ довершеніе этого великаго предпріятія помощи и вдохновенію свыше.

Такъ какъ императоръ отклонилъ отъ себя честь и отвѣтственность оригинальнаго творчества въ законодательствѣ, то мы можемъ требовать отъ него только тѣхъ скромныхъ достоинствъ, которыя необходимы въ компиляторѣ,—метода, умѣнья выбирать и точности. Въ ряду системъ трудно отдать рѣшительное предпочтеніе какой-нибудь одной изъ нихъ, но такъ какъ Юстиніанъ придерживался различныхъ методовъ въ трехъ своихъ произведеніяхъ, то есть основаніе думать, что всѣ три произведенія дурно составлены, и, во всякомъ случаѣ, можно утверждать положительно, что два изъ нихъ негодны. При выборѣ прежнихъ законовъ, восходившихъ не далѣе царствованія Адріана, Юстиніанъ дѣйствовалъ безпристрастно. Но юриспруденція Пандектовъ вставлена въ рамки столѣтняго періода времени, который

начинается изданиемъ вѣчнаго эдикта ¹⁾ и кончается смертью Александра Севера; юристамъ, жившимъ при первыхъ цезаряхъ, рѣдко предоставляется право голоса, а ко временамъ республики принадлежать только три имени. Трибоніанъ боялся встрѣтиться съ лучомъ свободы и независимостью римскихъ мудрецовъ. Онъ оставилъ въ пренебреженіи неподдѣльную и самобытную мудрость Катона, Сцеволовъ и Сульпиція, а, между тѣмъ, обращался за помощью къ людямъ, болѣе близкимъ ему по складу ума, — къ тѣмъ сирійцамъ, грекамъ и африканцамъ, которые стекались толпами къ императорскому двору для того, чтобы изучать латинскій языкъ, какъ совершенно имъ чуждый, и юриспруденцію, какъ выгодную профессію. Впрочемъ, на министровъ Юстиніана была возложена работа не для удовлетворенія любознательности антикваріевъ, а для пользы его подданныхъ. Они должны были выбирать самые полезные и самые удобоисполнимые изъ римскихъ законовъ, а сочиненія древнихъ республиканцевъ, какъ бы они ни были интересны или превосходны, уже не могли быть приспособлены къ новой системѣ нравовъ, религіи и управленія. Если бы наставники и друзья Цицерона еще были живы, наше безпристрастіе, быть можетъ, заставило бы насъ сознаться, что, — за исключеніемъ чистоты языка, — ихъ дѣйствительныя достоинства были превзойдены школами Папиніана и Ульпіана. Наука законовѣдѣнія медленно зрѣетъ вмѣстѣ съ временемъ и опытностью, и всѣ преимущества, — какъ относительно методовъ, такъ и относительно матеріаловъ, — естествен-

¹⁾ Edictum perpetuum — сводъ преторскихъ эдиктовъ, составленный при Адріанѣ.

но, находятся на сторонѣ позднѣйшихъ писателей. Юристы, жившіе въ царствованіе Антониновъ, изучали произведенія своихъ предшественниковъ; ихъ философскій умъ смягчалъ присущую древности суровость, упрощалъ формы судопроизводства и стоялъ выше зависти и предубѣжденій, свойственныхъ соперничающимъ сектамъ. Выборъ авторитетовъ, вошедшихъ въ составъ Пандектовъ, зависѣлъ отъ усмотрѣнія Трибоніана, но власть его государя не могла снять съ него священную обязанность быть правдивымъ и точнымъ. Въ качествѣ законодателя имперіи, Юстиніанъ могъ отвергать постановленія Антониновъ или считать мятежными свободные принципы, которыхъ держались древніе римскіе юристы. Но прошлое не можетъ быть уничтожено рукою деспотизма, и императоръ совершалъ обманъ и подлогъ, когда извращалъ подлинность ихъ текста, ставилъ ихъ почтенныя имена подъ выраженіями и идеями своего раболѣпнаго царствованія и пользовался своею властью для того, чтобы уничтожать достовѣрныя копіи, въ которыхъ были выражены ихъ мнѣнія. Сдѣланныя Трибоніаномъ и его сотрудниками перемѣны и вставки извиняютъ тѣмъ, что этого требовало однообразіе, но ихъ усилія оказались недостаточными, и надъ встрѣчающимися въ Кодексѣ и Пандектахъ *антиноміями* или противорѣчіями новѣйшіе цивилисты до сихъ поръ ломаютъ голову.

Враги Юстиніана распространили не подкрѣпленный никакими свидѣтельствами слухъ, будто авторъ Пандектовъ обратилъ въ пепель всю юриспруденцію древняго Рима изъ тщеславнаго убѣжденія, что она уже не можетъ имѣть практическаго примѣне-

нія и потеряла свое значеніе. На дѣлѣ императоръ могъ не принимать на себя этой гнусной роли и предоставить юридическую старину разрушительному дѣйствию невѣжества и времени. Благодаря дороговизнѣ письменныхъ матеріаловъ, выскабливанію текстовъ, многимъ годамъ беспорядковъ и упадка, многіе древніе памятники погибли, и съ полною вѣроятностью можно предположить, что изъ числа тѣхъ сочиненій, въ пренебреженіи къ которымъ обвиняли Юстиніана, многихъ уже нельзя было отыскать въ восточныхъ бібліотекахъ. Даже Пандекты едва уцѣлѣли отъ всеобщаго крушенія, которому подверглись древніе памятники, и критика рѣшила, что *все* имѣющіяся на западѣ изданія и рукописи произошли отъ *одного* оригинала. Этотъ оригиналъ былъ списанъ въ Константинополь въ началѣ VII столѣтія; благодаря случайностямъ войны и торговли, онъ попалъ сначала въ Амальфи, потомъ въ Пизу и затѣмъ во Флоренцію, а теперь хранится, какъ святыня, въ старинномъ дворцѣ республики.

Всякій преобразователь, прежде всего, заботится о томъ, чтобы послѣ него не было сдѣлано новыхъ преобразованій. Чтобы сохранить во всей чистотѣ текстъ Пандектовъ, Институцій и Кодекса, было строго запрещено употребленіе цифръ и сокращеній, и такъ какъ Юстиніанъ хорошо помнилъ, что вѣчный эдиктъ совершенно исчезъ подъ грудой комментаріевъ, то онъ объявилъ, что будетъ наказывать, какъ за подлогъ, тѣхъ самонадѣянныхъ юристовъ, которые осмѣлятся перетолковывать или извращать волю своего государя. Но императоръ былъ не въ состояніи сдержать свое собственное непостоянство, и въ то время, какъ онъ хвастался

тѣмъ, что, подобно Діомеду, превращаетъ мѣдь въ золото, онъ пришелъ къ убѣжденію, что и въ этомъ золотѣ есть примѣсь менѣе цѣнной лигатуры, и что необходимо очистить и его. Не прошло шести лѣтъ со времени изданія Кодекса, когда онъ сознался въ несовершенствѣ своего труда, приступивъ къ новому и болѣе тщательному изданію того же произведенія, которое онъ обогатилъ двумястами изданными имъ самимъ законами и пятьюдесятью рѣшеніями самыхъ запутанныхъ и сложныхъ юридическихъ вопросовъ. Каждый годъ или, по словамъ Прокопія, каждый день его продолжительнаго царствованія отмѣченъ какимъ-нибудь юридическимъ нововведеніемъ. Многія изъ его постановленій были отмѣнены имъ самимъ; многія другія были уничтожены его преемниками, а инныя вышли изъ употребленія съ теченіемъ времени; но шестнадцать *эдиктовъ* и сто шестьдесятъ восемь *новеллъ* были помѣщены въ подлинномъ сборникѣ гражданской юриспруденціи. Въ глазахъ философа, стоявшаго выше предразсудковъ своей профессіи, эти безпрестанныя и болѣею частью мелочныя перемѣны могутъ быть объяснены только продажною монарха, не стыдившагося торговать своими мнѣніями и законами. Обвиненія Прокопія противъ Юстиніана, дѣйствительно, отличаются и опредѣленностью, и горячностью, но въ доказательство онъ приводитъ только одинъ фактъ, который можно приписать столько же благочестію, сколько корыстолюбію Юстиніана. Одинъ богатый ханжа завѣщалъ все свое состояніе въ пользу Эмезской церкви, а цѣнность этого состоянія очень увеличилась отъ того, что какой-то ловкій мошенникъ подписалъ именами самыхъ богатыхъ

сирійцевъ долговья обязательства и обѣщанія денежныхъ уплатъ. Сирійцы стали ссылаться на установленную закономъ тридцати или сорокалѣтнюю давность, но ихъ доводы были ниспровергнуты обратнымъ дѣйствіемъ новаго эдикта, назначавшаго для исковыхъ взысканій въ пользу церкви столѣтній срокъ. Несправедливость подобнаго эдикта и его опасность для правосудія были настолько очевидны, что онъ былъ отмѣненъ въ то же царствованіе, послѣ того, какъ оказалъ требуемую услугу въ только что приведенномъ дѣлѣ. Если столь откровенное признаніе своей ошибки и оправдываетъ самого императора, возлагая отвѣтственность за корыстные мотивы на его жену и любимцевъ, все-таки одно подозрѣніе въ столь гнусномъ порокѣ должно пятнать достоинство его узаконеній, и защитники Юстиніана должны сознаться, что каковъ бы ни былъ мотивъ подобнаго легкомыслія, оно недостойно ни законодателя, ни порядочнаго человѣка.

Монархи рѣдко нисходятъ до того, чтобы принимать на себя роль наставниковъ своихъ подданныхъ, и Юстиніанъ, несомнѣнно, заслуживаетъ похвалы за то, что по его приказанію обширная система законовъ была сжата въ краткое и элементарное руководство. Между различными Институціями римскаго права Институція Гая были самыми популярными и на Востокѣ, и на Западѣ, и ихъ широкое распространеніе достаточно свидѣтельствовало объ ихъ достоинствахъ. Именно ихъ приняли за руководство императорскіе делегаты Трибоніанъ, Теофиль и Дороей и на свободу и нравственную чистоту вѣка Антониновъ наложили грубые слѣды своего развращеннаго времени. Эта книга, подгото-

влявшая юношество римское, константинопольское и беритское къ постепенному изученію Кодекса и Пандектовъ, до сихъ поръ представляетъ цѣнность для историка, философа и судьи. Институціи Юстиніана раздѣляются на четыре книги; въ послѣдовательности книгъ соблюдается извѣстный, не лишенный достоинствъ планъ: отъ I. Лицъ онѣ переходятъ къ II. Вещамъ и III. Поступкамъ, а IV статья о Частныхъ правонарушеніяхъ заканчивается принципами Уголовнаго права.

I. Различіе ранговъ и лицъ есть самая твердая основа смѣшанной и ограниченной формы правленія. Полное равенство людей есть тотъ пунктъ, на которомъ сходятся двѣ крайности — демократія и деспотизмъ, такъ какъ величіе и монарха, и народа было бы унижено, если бы кто-либо возвысился надъ уровнемъ своихъ сорабовъ или своихъ согражданъ. Во время упадка римскаго владычества республиканскія почетныя отличія были мало-по-малу уничтожены, и, сознательно или инстинктивно, Юстиніанъ завершилъ переходъ къ болѣе простымъ формамъ абсолютной монархіи. Императоръ не былъ въ состояніи искоренить того уваженія, съ которымъ народъ всегда относится къ обладателямъ наследственныхъ богатствъ и къ памяти славныхъ предковъ. Онъ самъ находилъ удовольствіе въ томъ, что награждалъ своихъ генераловъ, должностныхъ лицъ и сенаторовъ титулами и деньгами; онъ милостиво допускаялъ также иногда, чтобы лучи ихъ славы падали на ихъ женъ и дѣтей. Но въ глазахъ закона всѣ римскіе граждане были равны, и всѣ подданные имперіи были римскими гражданами. Это когда-то неопыненное званіе было унижено до того, что

сдѣлалось устарѣлымъ и пустымъ титуломъ. Голосъ римлянина уже ничего не значилъ въ изданіи законовъ или въ назначеніи годичныхъ представителей власти; его конституціонныя права не могли уже, слѣдовательно, стѣснять самовластіе повелителя; смѣлыхъ авантюристовъ, выходцевъ изъ Аравіи и Германіи, стали теперь облекать тою гражданскою и военною властью надъ покоренными Римомъ народами, которою въ былыя времена могли пользоваться только граждане, какъ потомки завоевателей. Первые цезари строго соблюдали различіе между *благороднымъ* и *рабскимъ* происхожденіемъ, то или другое опредѣлялось общественнымъ положеніемъ матери, и требовательность закона бывала удовлетворена, если можно было удостовѣрить, что мать была свободна хоть только одно мгновеніе между зачатіемъ и разрѣшеніемъ отъ бремени. Рабы, отпущенные на волю великодушнымъ владѣльцемъ, немедленно вступали въ средній классъ *libertini* или вольноотпущенниковъ, но они никогда не освобождались отъ обязанности повиновенія и признательности: въ чемъ бы ни состояли сбереженія ихъ трудовъ, третья часть ихъ состоянія переходила по наслѣдству къ ихъ патрону и къ его семейству, а въ томъ случаѣ, если они умирали бездѣтными и не оставляли завѣщанія, даже все ихъ состояніе наслѣдовалъ патронъ. Юстиніанъ оставилъ неприкосновенными права патроновъ, но онъ снялъ клеймо безчестія съ двухъ низшихъ разрядовъ вольноотпущенниковъ: всякій, переставши быть рабомъ, становился, безъ всякихъ оговорокъ и оторочекъ, гражданиномъ, и, такимъ образомъ, благородство происхожденія, въ которомъ отказала при-

рода, создавалось или, вѣрнѣе сказать, раздавалось всемогущею волей императора. Онъ окончательно отмѣнилъ всѣ ограниченія касательно возраста, числа отпускаемыхъ на волю и соблюденія различныхъ формальностей, — ограниченія, которыя были введены встарину для того, чтобы воспрепятствовать злоупотребленіямъ и слишкомъ быстрому размноженію нищихъ римлянъ; въ общемъ духъ его законовъ способствовалъ уничтоженію домашняго рабства. Впрочемъ, въ восточныхъ провинціяхъ, во времена Юстиніана, еще было множество рабовъ, родившихся рабами или купленныхъ для услуженія господами, а цѣна ихъ, колебавшаяся отъ десяти до семидесяти золотыхъ монетъ, опредѣлялась возрастомъ, крѣпостью тѣлосложенія и образованіемъ. Но тягость этого зависимаго положенія постоянно смягчалась вліяніемъ правительства и религіи, и подданный имперіи уже не могъ гордиться абсолютною властью надъ жизнью и благосостояніемъ своихъ рабовъ.

Законъ природы научаетъ почти всѣхъ животныхъ лелѣять и воспитывать ихъ дѣтенышей. Законъ разума внушаетъ людямъ признательность и сыновнюю преданность. Но исключительное, безусловное и никогда не прекращавшееся владычество отца надъ дѣтми составляетъ особенность римской юриспруденціи и, какъ кажется, восходитъ къ эпохѣ основанія города. Отцовскую власть установилъ или утвердилъ самъ Ромуль, и послѣ трехсотлѣтней практики она была занесена на четвертую таблицу децемвировъ. На форумѣ, въ сенатѣ или въ лагерѣ взрослый сынъ римскаго гражданина пользовался всѣми общественными и личными правами

человѣка, а въ домѣ своего отца онъ былъ не болѣе, какъ вещь, принадлежавшей въ силу закона къ одному разряду съ движимостью, рогатымъ скотомъ и рабами, которыхъ своенравный владѣлецъ могъ отчуждать или уничтожать, не подвергаясь за это отвѣтственности ни передъ какимъ земнымъ судищемъ. Та же самая рука, которая давала ему дневное пропитаніе, могла и лишать его этого добровольнаго дара, и въ то же время все, что сынъ приобрѣталъ трудомъ или удачею, немедленно переходило въ собственность отца. Похищенную собственность,—все равно, шла ли рѣчь о похищеніи воловъ или дѣтей,—отецъ отыскивалъ однимъ и тѣмъ же способомъ, предъявляя искъ о кражѣ, а если тѣ или другіе провинились въ томъ, что сами перешли за границу чужого владѣнія, то отъ произвола отца зависѣло или уплатить вознагражденіе за убытки, или уступить обиженной сторонѣ провинившееся животное. Подъ давленіемъ нужды или даже просто изъ расчетовъ корыстолюбія, глава семейства могъ располагать своими дѣтьми такъ же, какъ рабами. Но положеніе раба было гораздо лучше, такъ какъ первая *manumissio* возвращала ему утраченную свободу; напротивъ, сына возвращали въ подобныхъ случаяхъ жестокосердому отцу; онъ могъ быть отданъ въ рабство и во второй, и въ третій разъ, и только послѣ троекратной продажи и троекратнаго отпущенія на волю онъ освобождался отъ отцовской власти. За дѣйствительные или мнимые проступки своихъ дѣтей отецъ могъ ихъ наказывать по своему усмотрѣнію бичеваніемъ, тюремнымъ заключеніемъ, ссылкой или отправкой въ деревню для того, чтобы они работали тамъ въ цѣпяхъ на ряду съ

самыми послѣдними изъ его слугъ. Авторитетъ отца былъ даже вооруженъ правомъ жизни и смерти, и примѣры кровавой расправы, иногда вызывавшей одобреніе, но никогда не подвергавшейся наказанію, можно найти въ римскихъ лѣтописяхъ до самыхъ временъ Помпея и Августа. Ни возрастъ, ни рангъ, ни консульское званіе, ни почести триумфа не снимали съ самаго знаменитаго гражданина узъ сыновней покорности; его собственное потомство входило въ составъ семьи ихъ общаго предка, а усыновленіе давало не менѣе священныя и не менѣе суровыя права, чѣмъ происхожденіе. Римскіе законодатели безъ всякаго страха, — хотя и не безъ опасности вызвать злоупотребленія, — возлагали безграничное довѣріе на чувства отцовской любви, а тяготѣвшій надъ сыновьями гнетъ смягчался увѣренностью, что каждое поколѣніе будетъ въ свое время пользоваться страшными правами отца и властелина.

Первое ограниченіе отцовской власти приписываютъ справедливости и челоуѣколюбію Нумы. Въ первые вѣка, когда сосѣдніе жители Лаціума и Тосканы тѣснили римлянъ и доводили до голода, продажа дѣтей была, вѣроятно, довольно частымъ явленіемъ, но такъ какъ законъ не позволялъ римлянину покупать рабовъ изъ своихъ согражданъ, то, вмѣстѣ съ завоеваніями республики, рынокъ этого рода долженъ былъ мало-по-малу опустѣть, и торговля сама собой прекратиться. Съ теченіемъ времени сыновьямъ было предоставлено нѣкоторое право собственности, и законодательство Кодекса и Пандектовъ установило его въ трехъ видахъ: *profecticius*, *adventicius* и *professionalis*. Когда отецъ что-либо удѣлялъ своимъ

дѣтямъ, онъ предоставлялъ имъ лишь право пользования, но удерживалъ за собой безусловное право собственности; однако, если его имущество поступало въ продажу, дѣтская доля не шла на удовлетвореніе кредиторомъ, въ силу благопріятнаго для дѣтей истолкованія закона. Все, что пріобрѣталось путемъ брака, дара или наслѣдованія по боковой линіи, считалось собственностью сына, но если отецъ не былъ намѣренъ устранить, ему принадлежало право пожизненнаго пользованія этимъ имуществомъ. Въ видѣ справедливой награды за воинскія доблести, солдату предоставлено было право самостоятельно владѣть частью отнятой у непріятеля добычи и отказывать ее по завѣщанію, кому онъ пожелаетъ; тотъ же принципъ былъ по аналогіи распространенъ на доходы, доставляемые какою-нибудь либеральною профессіей, на жалованье за государственную службу и на считавшіеся неприкосновенными дары императора или императрицы. Захваты со стороны отцовской власти не столько угрожали жизни гражданина, сколько его имуществу. Однако, и жизнь сына могла иногда служить помѣхой для удовлетворенія личныхъ интересовъ и страстей порочнаго отца, но убійство собственныхъ дѣтей въ вѣкъ Августа, несмотря на всю его нравственную испорченность, уже стало оскорблять разившіяся понятія о челоуколюбіи, и жестокосердый Эриксо, забившій своего сына до смерти, былъ только императоромъ спасенъ отъ справедливой ярости народной толпы. Римскій отецъ теперь принужденъ былъ отказать отъ владычества надъ дѣтьми, какъ надъ рабами, и ограничиться ролью строгаго, но справедливаго судьи. Такъ, Августъ подтвердилъ приго-

воръ объ изгнаніи, постановленный семейнымъ трибуналомъ надъ Аріемъ за преднамѣренное отцеубійство. Но юрисдикція частныхъ лицъ претить духу монархіи, и отецъ еще разъ низошелъ съ своего положенія: вмѣсто роли судьи, долженъ былъ удовольствоваться ролью обвинителя: по распоряженію Александра Севера, судьи должны были выслушивать его жалобы и приводить въ исполненіе его приговоры. Онъ уже не могъ лишить сына жизни, не подвергаясь обвиненію и наказанію, какъ убійца, а Константинъ окончательно установилъ ту кару за дѣтубійство, отъ которой отцы были избавлены прежде закономъ Помпея. Такое же покровительство было оказано дѣтямъ всѣхъ возрастовъ, и нельзя не одобрить гуманныхъ идей Павла, провозгласившаго убійцей того отца, который удавилъ своего новорожденного ребенка, уморилъ его голодомъ, выбросилъ вонъ или выставилъ на публичномъ мѣстѣ, чтобы возбудить въ другихъ то состраданіе и участіе, которыхъ самъ не чувствовалъ. Впрочемъ, обыкновеніе выставять дѣтей въ публичныхъ мѣстахъ было очень распространеннымъ и законреннымъ порокомъ древности; оно иногда предписывалось, часто дозволялось и почти никогда не преслѣдовалось даже у тѣхъ народовъ, которые не имѣли римскихъ понятій объ отцовской власти, а драматическіе писатели, взывавшіе къ человѣческому сердцу, равнодушно описывали этотъ народный обычай, оправдывая его соображеніями экономіи и состраданія. Если отецъ былъ въ состояніи заглушить свои родительскія чувства, онъ навлекалъ на себя лишь неодобреніе законовъ, но не подвергался за это никакимъ наказаніямъ, и Римская имперія обогрѣ-

лась кровью дѣтей до тѣхъ поръ, пока эти убійства не были внесены Валентиніаномъ и его соправителями въ духъ и букву Корнелиева закона. Увѣщанія и законовъ, и христіанства не могли искоренить этого безчеловѣчнаго обычая до тѣхъ поръ, пока ихъ гуманное вліяніе не было подкрѣплено страхомъ смертной казни.

Опытъ показываетъ, что дикари обыкновенно бываютъ тиранами женскаго пола, и что положеніе женщины улучшается по мѣрѣ того, какъ улучшаются условія общественной жизни. По древнему обычаю, женихъ покупалъ свою невѣсту у ея родителей, а она совершала *coemptio*, т.-е. покупала за три мѣдныхъ монеты право вступить въ домъ жениха и пользоваться покровительствомъ его домашнихъ боговъ. Жрецы приносили въ жертву богамъ плоды въ присутствіи десяти свидѣтелей; супруги оба сидели на одну и ту же баранью кожу; они вкушали соленаго пирога, сдѣланнаго изъ *far* или пшена, и эта *confagratio*, свидѣтельствовавшая о томъ, чѣмъ въ древности питались въ Италіи, служила эмблемой ихъ мистическаго союза, и духовнаго, и тѣлеснаго. Но этотъ союзъ былъ для женщины и тяжелымъ, и неравноправнымъ, и она отказывалась отъ отцовскаго имени и отъ отцовскихъ пенатовъ для того, чтобы поступить въ новое рабство, лишь прикрашенное названіемъ усыновленія (*adoptio*). Законодательная фикція, и не остроумная, и не изящная, придавала матери семейства (таково было ея настоящее названіе) характеръ сестры ея собственныхъ дѣтей и дочери ея супруга или господина, который былъ облеченъ отцовскою властью во всей ея полнотѣ. По своему усмотрѣнію или капризу

онъ одобрялъ, порицалъ или каралъ поступки жены; онъ имѣлъ надъ ней право жизни и смерти и въ случаяхъ прелюбодѣянiя или пьянства могъ по своей волѣ постановлять приговоры. Что бы она ни приобрѣла или ни наслѣдовала, все обращалось въ исключительную собственность ея господина, и положенiе женщины, какъ *вещи*, а не какъ *личности*, было такъ ясно установлено, что, въ случаѣ утраты подлиннаго документа, на нее можно было предъявлять свои права, какъ и на всякую движимость, на основанiи годичной давности *пользованiя* и обладанiя ею.

Послѣ завоеванiя Кареагена римскiя матроны также пожелали воспользоваться тѣми благами, которыя доставляла свободная и богатая республика; онѣ добились своего, и суровые нападки цензора Катона были безсильны противъ ихъ своекорыстныхъ замысловъ. Онѣ устранили старинные торжественные обряды при бракосочетанiяхъ, парализировали годичную давность трехдневнымъ отсутствiемъ и стали подписывать болѣе опредѣленные и болѣе выгодны для себя условiя супружескаго договора, сохраняя при этомъ свое прежнее имя и независимость. Съ мужемъ онѣ раздѣляли пользованiе своимъ личнымъ достоянiемъ, но право собственности удерживали за собой; расточительный мужъ не могъ ни отчуждать женина имущества, ни закладывать; недобѣрчивое законодательство запрещало супругамъ взаимные подарки, а злоупотребленiе имущественными правами со стороны одного изъ супруговъ могло повести къ вчинанiю иска о кражѣ, лишь прикрытаго другимъ названiемъ. При такихъ льготныхъ и добровольныхъ соглашенiяхъ, религiозныя

и гражданскія формальности уже не имѣли существеннаго значенія: для лицъ одинаковаго общественнаго положенія жизнь подъ одною кровлей уже считалась достаточнымъ доказательствомъ того, что они состояли между собой въ бракѣ. Достоинство брака было возстановлено христіанами, полагавшими, что источникомъ всѣхъ духовныхъ благъ служатъ молитвы вѣрующихъ и благословеніе священника или епископа. Происхожденіе этого священнаго установленія, его значеніе и налагаемыя имъ обязанности были основаны на традиціяхъ синагоги, предписаніяхъ евангелія и правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ: совѣсть христіанъ была связана церковными декретами и карами. Однако, Юстиніановы судьи не были подчинены авторитету церкви: императоръ сообразовался съ мнѣніями невѣрующихъ цивилистовъ древности и при выборѣ помѣщенныхъ въ Кодексъ и Пандектахъ законовъ о бракѣ были приняты въ руководство земныя понятія о справедливости, политическія соображенія и естественная свобода лицъ обоого пола.

Кромѣ согласія обѣихъ сторонъ, составляющаго существенную принадлежность всякаго правильнаго договора, для римскаго брака требовалось предварительное одобреніе со стороны родителей. Въ силу нѣкоторыхъ позднѣйшихъ законовъ, отца можно было принудить давать достигшей зрѣлаго возраста дочери средства существованія, но даже его упомянутельство не всегда устраняло необходимость его согласія на бракъ. Поводы, считавшіеся у римлянъ достаточными для расторженія браковъ, не всегда были одинаковы, но обязательная сила торжественныхъ брачныхъ обрядовъ и даже самой

confarreatio всегда могла быть уничтожена совершениемъ обрядовъ съ противоположнымъ смысломъ. Въ первые вѣка римской исторіи отецъ семейства могъ продавать своихъ дѣтей; къ ихъ числу принадлежала и жена. Этотъ домашній верховный судія могъ осудить ее на смерть или произвольно удалить отъ своего ложа и изъ своего дома, но рабство несчастной женщины было безысходно и вѣчно, если мужъ самъ не желалъ воспользоваться своимъ правомъ развода, ради собственнаго удобства. Римлянъ много хвалили за добродѣтель на томъ основаніи, что они не пользовались этимъ соблазнительнымъ правомъ въ теченіе слишкомъ пятисотъ лѣтъ, но этотъ же самый фактъ ясно показываетъ, какъ неравны были условія связи, въ которой раба не имѣла возможности отдѣлаться отъ своего тирана, а тиранъ не имѣлъ желанія выпустить на волю свою рабу. Когда римскія матроны сдѣлались равными и добровольными подругами своихъ мужей, были введены новые законы, и бракъ стали расторгать, подобно всякому другому товариществу, вслѣдствіе отказа одного изъ соучастниковъ. Въ теченіе трехъ вѣковъ внѣшняго благосостоянія и нравственной распущенности этотъ принципъ получилъ широкое примѣненіе и привелъ къ пагубнымъ злоупотребленіямъ. Страсти, личные интересы и прихоть доставляли постоянные поводы для расторженія браковъ; требованіе развода можно было заявить словомъ, тѣлодвиженіемъ, увѣдомленіемъ черезъ посланца или вольноотпущенника, письмомъ; итакъ, самый цѣнный изъ человѣческихъ союзовъ былъ низведенъ на степень временнаго сожителства ради денежныхъ выгодъ или удовольствія. Лица

обоего пола терпѣли униженіе и вредъ отъ такихъ порядковъ: непостоянная въ своихъ привязанностяхъ супруга переносила свое состояніе въ другую семью, оставляя на рукахъ своего послѣдняго мужа многочисленныхъ дѣтей, которыя, быть можетъ, не были его собственными дѣтьми; красивая дѣвушка подъ старость выбрасывалась на улицу, безъ средствъ существованія и безъ друзей. Нежеланіе римлянъ вступать въ бракъ, несмотря на всѣ настоянія Августа, служить достаточнымъ доказательствомъ того, что, въ общемъ, брачное законодательство было не въ пользу мужчинъ.

Средства исцѣленія этого быстро развившагося недуга стали примѣняться довольно отрывочно и поздно. Въ древней религіи римлянъ была особая богиня для того, чтобы выслушивать семейныя жалобы и примирять супруговъ, но ея названіе *Virgīna*, укротительница мужей, слишкомъ ясно показываетъ, съ какой стороны всегда ожидали покорности и раскаянія. Всякій поступокъ гражданина подлежалъ суду цензоровъ; отъ cadaго, пожелавшаго воспользоваться правомъ развода, они требовали объясненія причинъ, а одинъ сенаторъ былъ лишень званія за то, что прогналъ отъ себя новобрачную безъ вѣдома и одобренія друзей. Всякій разъ, когда возникалъ процессъ изъ-за возвращенія приданого, преторъ, какъ блюститель справедливости, разсматривалъ обстоятельства дѣла и личныя свойства тяжущихся и осторожно наклонялъ вѣсы правосудія на сторону того, кто былъ невинень и обиженъ. Августъ, соединявшій въ своемъ лицѣ и цензора, и претора, примѣнялъ ихъ предупредительныя и карательныя мѣры въ борьбѣ съ разводами. Для

того, чтобы этот торжественный и зрѣло обдуман-
ный актъ имѣлъ законную силу, стали требовать
присутствія семи свидѣтелей изъ римлянъ; если вина
была на сторонѣ мужа, отъ него стали требовать
возвращенія приданого не въ двухлѣтній срокъ,
какъ прежде, а немедленно или въ теченіе шести
мѣсяцевъ; если же онъ могъ доказать, что его жена
нарушила свой долгъ, то она искупала свою вину
или легкомысліе утратой шестой или восьмой части
приданого. Христіанскіе монархи впервые устано-
вили законные поводы для разводовъ; ихъ поста-
новленія, отъ временъ Константина до временъ
Юстиніана, соображались то съ господствовавшими
въ имперіи обычаями, то съ церковными правилами,
и авторъ Новеллъ очень часто вноситъ измѣненія въ
юриспруденцію Кодекса и Пандектовъ. Наболѣе
суровые законы доходили до того, что обязывали
жену выносить сожительство съ мужемъ - игрокомъ,
пьяницей или распутникомъ, если только онъ не со-
вершилъ ни челоуѣкоубійства, ни отравленія, ни свя-
тотатства, — въ послѣднихъ случаяхъ, повидимому,
бракъ расторгался рукою палача. Священныя права
мужа такъ настоятельно поддерживались для того,
чтобы спасти честь имени его и его семейства отъ
позора прелюбодѣянія; списокъ *смертныхъ* грѣховъ
со стороны и мужа, и жены то сокращался, то рас-
ширялся послѣдующими постановленіями, и, въ кон-
цѣ-концовъ, было рѣшено, что неизлѣчимая импо-
тенція, продолжительное отсутствіе и поступленіе
въ монастырь освобождаютъ отъ супружескихъ свя-
зей. Кто преступалъ предписанія закона, подвер-
гался разнообразнымъ и тяжелымъ наказаніямъ. У
женщины отбирали ея состояніе и украшенія, не

исключая даже головныхъ шпилекъ; если мужчина принималъ въ свое брачное ложе новую невѣсту, то ея состояніе могло быть законнымъ образомъ присвоено покинутою женой. Конфискація имущества иногда замѣнялась денежнымъ штрафомъ; къ штрафу иногда присовокупляли ссылку на какой-нибудь островъ или заключеніе въ монастырь; обиженная сторона освобождалась отъ брачныхъ узъ, но обидчикъ лишался на всю жизнь или на известное число лѣтъ права вступать въ новый бракъ. Преемникъ Юстиніана уступилъ просьбамъ несчастныхъ супруговъ и возстановилъ свободу развода по взаимному согласію: цивилисты были на этотъ счетъ всѣ одного мнѣнія; богословы расходились во взглядахъ, а двусмысленное слово, въ которомъ выражено ученіе Христа, поддается подъ всякое толкованіе, какого бы ни пожелалъ законодатель.

Отношенія между опекуномъ и питомцемъ, или, какъ выражались римляне, между *tutor*'омъ и *pupillus*'омъ, служатъ содержаніемъ множества главъ въ Институціяхъ и въ Пандектахъ, хотя, по своему характеру, эти отношенія очень просты и однообразны. И личность, и имущество сироты всегда ввѣрялись попеченіямъ какого-нибудь надежнаго доброжелателя. Если отецъ, умирая, не указалъ никого, то *аматы* или ближайшіе родственники съ отцовской стороны считались естественными опекунами; аеиняне остерегались отдавать ребенка въ руки того, кому была выгодна его смерть, но въ римской юриспруденціи признавалось за аксіому, что бремя опекунства всегда должно падать на тѣхъ, кого ожидаютъ выгоды наслѣдованія. Если отецъ не назначилъ опекуна и не было на лицо ни одного

единокровнаго родственника, обязаннаго принять на себя это званіе, то опекунъ назначался преторомъ или президентомъ провинціи. Но тотъ, кого они назначали на эту *общественную* должность, имѣлъ законное право отказаться, ссылаясь на нездоровье, потерю зрѣнія, на свое невѣжество или неспособность, на старую вражду или на противоположность интересовъ, на многочисленность своихъ собственныхъ дѣтей или на принятыя раньше другія опекунскія обязанности и, наконецъ, на льготы, предоставленныя нѣкоторымъ полезнымъ профессіямъ — судьямъ, юристамъ, докторамъ и профессорамъ. Пока малолѣтній не былъ въ состояніи самъ за себя думать и говорить, его представителемъ считался опекунъ, власть котораго продолжалась до совершеннолѣтія питомца. Никакой актъ, заключенный безъ согласія опекуна, не могъ связывать опекаемаго въ ущербъ его интересамъ, хотя другая сторона не освобождалась при этомъ отъ обязательствъ, клонившихся къ личной выгодѣ питомца. Едва ли нужно добавлять, что опекунъ нерѣдко представлялъ залогъ и всегда обязанъ былъ давать отчетъ, и что при недостаткѣ усердія или добросовѣстности онъ подвергался гражданской и чуть ли не уголовной отвѣтственности за нарушеніе своихъ священныхъ обязанностей. Юристы непредусмотрительно опредѣлили возрастъ возмужалости четырнадцатью годами, но такъ какъ умственные силы развиваются медленнѣе физическихъ, то обязанность оберегать состояніе римскихъ юношей отъ ихъ собственной неопытности и пылкихъ страстей была возложена на *попечителя*. Такіе «кураторы» первоначально назначались преторомъ для того, чтобы охранять семьи

отъ разоренія, въ которое ихъ могъ вовлечь мотъ или сумасшедшій, а въ послѣдствіи законъ сталъ требовать и отъ малолѣтнихъ поручительства кураторовъ для дѣйствительности актовъ, совершенныхъ первыми раньше, чѣмъ они достигли двадцатипятилѣтняго возраста. Женщины были осуждены на вѣчную зависимость отъ родителей, мужей или опекуновъ, такъ какъ предполагалось, что онѣ, созданныя только для того, чтобы нравиться и повиноваться, никогда не могутъ достигнуть зрѣлости и опытности. Таковы, по крайней мѣрѣ, были суровые и высокоумные принципы древняго закона, которые ко времени Юстиніана успѣли нѣсколько смягчиться.

II. Основаніемъ первоначальнаго права собственности можетъ служить или случайность, или фактъ перваго захвата; такой именно теоріи и держатся римскіе юристы. Дикарь, выдалбливающийъ дерево, всгавляющій заостренный камень въ деревянную рукоятку или прикрѣпляющій тетиву къ гибкому суку, становится по праву собственникомъ челнока, лука или топора. Матеріалы принадлежали всѣмъ, но ему одному принадлежитъ та новая ихъ форма, на которую онъ потратилъ свое время и свое нехитрое искусство. Его голодные товарищи не могутъ, безъ сознанія своей собственной несправедливости, отнять у охотника дичь, которую онъ поймалъ или убилъ, благодаря своей личной физической силѣ и ловкости. Если онъ предусмотрительно заготавливаетъ для будущаго и заботливо размножаетъ домашнихъ животныхъ, способныхъ къ прирученію, то онъ навсегда пріобрѣтаетъ право пользоваться ихъ приплодомъ, который обязанъ своимъ существованіемъ ему одному. Если онъ огораживаетъ и воздѣлыва-

еть поле для прокормленія ихъ и себя, бесплодная пустыня превращается въ плодородную землю; посѣвъ, удобреніе и работа создаютъ новую цѣнность, и собранная въ потѣ лица жатва служить наградою за труды цѣлаго года. При слѣдующихъ фазахъ общественной жизни и охотникъ, и пастухъ, и землепашецъ могутъ отстаивать свою собственность двумя мотивами, передъ которыми невольно долженъ преклониться человѣческій разумъ, — что все, чѣмъ они пользуются, есть плодъ ихъ собственнаго трудолюбія, и что тотъ, кто завидуетъ ихъ благополучію, можетъ пріобрѣсть такія же блага, приложивъ къ дѣлу такое же стараніе. Таковы, дѣйствительно, могутъ быть основы благосостоянія и свободы маленькой колоніи, случайно поселившейся на плодоносномъ островѣ. Но число колонистовъ увеличивается, между тѣмъ какъ занятое ими пространство остается то же, — тогда общія права, достоиніе всего человѣческаго рода, захватываютъ наиболѣе смѣлые и хитрые люди; недовѣрчивые владѣльцы окружаютъ свои поля и лѣса межами, — и римской юриспруденціи принадлежитъ та заслуга, что она признала право на живущихъ на землѣ и въ водѣ дикихъ животныхъ за тѣми, кто прежде всѣхъ завладѣлъ ими. Переходъ отъ первоначальной справедливости къ позднѣйшей несправедливости совершается постепенно, почти незамѣтными шагами и, въ концѣ-концовъ, утверждается господство исключительной монополіи, которое охраняется положительными законами и искусственными доводами.

За исключеніемъ своеобразныхъ спартанскихъ учреждений, всѣ самые мудрые законодатели считали

аграрный законъ (законъ о раздѣлѣ земель) неправильнымъ и опаснымъ нововведеніемъ. У римлянъ громадное неравенство состояній далеко выходило изъ предѣловъ, очерченныхъ смутною традиціей и устарѣлымъ закономъ. Именно, по традиціи, бѣднѣйшіе приверженцы Ромула получили въ вѣчную наслѣдственную собственность по два югера земли, а по закону земельная собственность самаго богатаго гражданина не должна превышать пятисотъ югеровъ или трехсотъ двѣнадцати акровъ¹⁾. Вначалѣ римская территорія состояла только изъ нѣсколькихъ миль лѣсовъ и луговъ вдоль береговъ Тибра, а внутрѣнній обмѣнъ продуктовъ не могъ ничего прибавить къ этому національному богатству. Но чужое или непріятельское добро могло законнымъ образомъ переходить въ руки того, кто имъ завладѣлъ; такъ, городъ сталъ обогащаться, благодаря прибыльному военному ремеслу, и кровь его сыновей была единственною цѣной, уплаченной за взятыхъ у вольсковъ барановъ, за вывезенныхъ изъ Британіи рабовъ и за драгоценные камни и золото, добытые изъ азіатскихъ царствъ. На языкѣ древней юриспруденціи, который значительно испортился и былъ позабытъ ко времени Юстиніана, эта добыча называлась *mançers* или *mançerium*, т.-е. захваченная руками, а всякій разъ, какъ она продавалась или *эманципировалась*, покупатель требовалъ удостовѣренія, что она была взята у непріятеля, а

¹⁾ Нибуръ въ своей диссертации о *ius agrarium* доказываетъ, что ограниченія, на которыя указываетъ Гиббонъ, относились только къ *ager publicus* или къ общественнымъ землямъ, которыя были частью (обыкновенно трегьею) завоеванныхъ территорій, поступившихъ въ собственность государства.

не у кого-нибудь изъ согражданъ ¹⁾. Гражданинъ могъ утратить свои права на то, что ему принадлежало, только путемъ явнаго отреченія, но не легко было предположить такое отреченіе отъ цѣнной собственности. Впрочемъ, по законамъ двѣнадцати таблицъ, давность одного года для движимаго имущества и двухъ лѣтъ для недвижимаго уничтожала права прежняго владѣльца, если настоящій владѣлецъ приобрѣлъ ихъ путемъ правильной сдѣлки отъ такого лица, которое онъ считалъ законнымъ собственникомъ. Жители маленькой республики не могли чувствительно страдать отъ такой явной несправедливости, въ которой не было ни малѣйшей примѣси обмана или насилія, но для обширной имперіи понадобились болѣе продолжительные сроки давности, и Юстиніанъ установилъ двухлѣтній, десяти- и двадцатилѣтній срокъ.

¹⁾ Чтобъ установить право собственности на твердомъ фундаментѣ, римскіе законы признавали только ту передачу имѣющей законную силу, которая совершалась публично или въ присутствіи назначенныхъ для этого комиссіонеровъ. Это было неисполнимо въ такихъ сдѣлкахъ, какъ покупка провнзій, одежды и пр., и потому въ этихъ случаяхъ не требовалось исполненія такихъ формальностей. Отсюда возникло различіе между *res mancipi* или такою собственностью, для приобретенія которой требовалось исполненіе установленнаго обряда, и *res mancipi* или такою собственностью, для которой нуженъ былъ только фактъ владѣнія. Къ первому разряду принадлежало все, что имѣло значительную цѣнность, какъ-то: земли, дома, рабы и рогатый скотъ, а такъ какъ къ этому же разряду относились зданія внутри Рима, то этимъ опровергается предположеніе Гиббона, что сюда относилась приобретенная войной добыча. (Прим. Hugo). Обрядъ *mancipatio* требовалъ присутствія шести совершеннолѣтнихъ римскихъ гражданъ, изъ которыхъ одинъ держалъ мѣдные вѣсы. Покупатель клалъ деньги на эти вѣсы и затѣмъ клалъ свою руку на то, что купилъ, произнося установленную формулу. Это было то, что называлось *in manum capere*, откуда произошло и слово *mancipatio*. (Прим. Bell).

Различіе между движимою и недвижимою собственностью и опредѣлялось только назначеніемъ различныхъ сроковъ давности, общее же понятіе юристовъ о собственности было понятіе о простомъ, однообразномъ и безусловномъ владѣніи.

Личное право перваго собственника должно прекращаться съ его смертію, но владѣніе продолжается, безъ всякой видимой перемѣны, въ его дѣтяхъ, которыя были помощниками въ его трудахъ и участниками въ приобрѣтеніи его состоянія. Этотъ натуральный порядокъ наслѣдованія охранялся законодателями всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ, и, благодаря ему, отецъ предпринимаетъ медленные и рассчитанныя на далекое будущее улучшенія въ приятной надеждѣ, что длинный рядъ его потомковъ будетъ пользоваться плодами его трудовъ. *Принципъ* перехода собственности по наслѣдству былъ признанъ повсюду, но *порядокъ* этого перехода измѣнялся въ зависимости отъ требованій удобства или прихотей, или подъ вліяніемъ національныхъ учреждений и, наконецъ, какого-нибудь частнаго случая, рѣшеннаго съ помощью обмана или насилія. Римское право уклонилось отъ естественнаго равенства гораздо менѣе, чѣмъ учрежденія іудейскія, афинскія и англійскія. Послѣ смерти гражданина всѣ его потомки, не вышедшіе еще изъ-подъ его опеки, являлись его наслѣдниками. Оскорбительная привилегія первородства была неизвѣстна; оба пола были поставлены на одинъ уровень; всѣ сыновья и всѣ дочери имѣли право на равную часть отцовскаго достоянія, но если который-нибудь изъ сыновей не могъ участвовать въ раздѣлѣ наслѣдства вслѣдствіе преждевременной смерти, то оставшіяся въ живыхъ его

дѣти считались его представителями и дѣлили между собой его долю. Когда пресѣкалось потомство въ прямой нисходящей линіи, право наслѣдованія переходило въ боковыя линіи. Юристы перечисляютъ степени родства, восходя отъ послѣдняго собственника къ общему прародителю и нисходя отъ общаго прародителя къ ближайшему наслѣднику; мой отецъ принадлежитъ къ первой степени родства, мой братъ—ко второй, его дѣти—къ третьей, а остальные степени нетрудно дорисовать воображеніемъ или прослѣдить по какой-нибудь генеалогической таблицѣ. При этомъ исчисленіи степеней соблюдалось одно различіе, имѣвшее существенную важность въ римскомъ законодательствѣ и даже въ римскихъ государственныхъ учрежденіяхъ: *аматы* или родственники по мужской линіи призывались къ равному участию въ дѣлѣхъ наслѣдства, сообразно со степенью родства, но черезъ посредство женщины никто не могъ получить никакихъ законныхъ правъ на наслѣдство, и законы двѣнадцати таблицъ не признавали наслѣдниками *коматовъ*, родственниковъ по женской линіи, считая ихъ какъ бы чужеземцами и посторонними людьми, и даже не дѣлая исключенія въ пользу нѣжной привязанности матери къ сыну. У римлянъ связующею нитью между членами *gens* или рода было общее имя и одинакіе домашніе обряды; развѣтвленія же или семейства рода различались по прозвищамъ (*cognomen*), какъ, на примѣръ, прозвища Марцелль или Сципіонъ въ родѣ Корнеліевъ или Клавдіевъ. Въ случаѣ, если не было агнатовъ одного прозвища, ихъ замѣняли *gentiles*, т. е. родственники, принадлежащіе къ болѣе широкому родовому союзу: законъ строго ограничивалъ

наслѣдственную передачу религіи и собственности средою тѣхъ, кто носилъ одно имя. Тотъ же самый принципъ вызвалъ изданіе Воконіева закона, отнявшаго у женщинъ право наслѣдованія. Пока дѣвицы отдавались или продавались родителями въ замужство, удочереніе мужемъ жены лишало ее правъ на наслѣдованіе послѣ отца. Но независимыя матроны сохраняли свои права на наслѣдованіе; это поддерживало ихъ гордость и роскошь жизни и могло переносить въ чужой домъ богатства ихъ отцовъ. Пока принципы Катона пользовались уваженіемъ, въ семейной жизни держались честные и скромные нравы, но женскіе соблазны мало-по-малу разрушали эту благотворную воздержность и съ теченіемъ времени окончательно восторжествовали въ безнравственной разнузданности республики. «Строгость» децемвировъ уступила мѣсто «справедливости» преторовъ. Эдикты этихъ послѣднихъ возвращали эманципированнымъ и рожденнымъ послѣ смерти отца дѣтямъ ихъ природныя права, а когда не было налицо агнатовъ, они отдавали предпочтеніе когнатамъ передъ *gentiles*, какъ людямъ, связаннымъ кровнымъ родствомъ, а не однимъ только именемъ; съ теченіемъ времени и роль, и самое названіе *gentiles* были преданы забвенію. Взаимное наслѣдованіе матерей и сыновей было установлено законами Тертуллиана и Орфиціана, благодаря челоувѣколюбію сената. Новый и болѣе безпристрастный порядокъ былъ введенъ Новеллами Юстиніана, подъ предлогомъ возстановить юриспруденцію двѣнадцати таблицъ. Мужская и женская линіи родства были смѣшаны другъ съ другомъ: нисходящія, восходящія и боковыя линіи были тщательно опредѣлены, и каждая

степень родства, сообразно съ ея близостью по крови и по привязанности, получила соотвѣтственное право участвовать въ наслѣдованіи собственности римскаго гражданина.

Порядокъ наслѣдованія устанавливается самою природой или, по меньшей мѣрѣ, общими, болѣе или менѣе постоянными законами страны, но этотъ порядокъ часто нарушается произвольными и пристрастными *завѣщаніями*, благодаря которымъ завѣщатель удерживаетъ за собою право собственности даже за могилой.

Это пользованіе или злоупотребленіе правами собственника рѣдко допускалось при первоначальной безыскусственной организаціи общества; оно было введено въ Аѣинахъ законами Солона, а въ Римѣ частныя завѣщанія главы семейства были признаны законами двѣнадцати таблицъ. До времени децемвировъ римскій гражданинъ излагалъ свои желанія и мотивы передъ собраніемъ тридцати курій или общинъ, и, такимъ образомъ, общіе законы о наслѣдованіи отмѣнялись въ каждомъ подобномъ случаѣ спеціальнымъ законодательнымъ рѣшеніемъ. Децемвиры дозволяли каждому гражданину излагать словесно или письменно содержаніе его завѣщанія въ присутствіи пяти гражданъ, которые были представителями пяти классовъ римскаго народа; шестой свидѣтель удостовѣрялъ ихъ присутствіе; седьмой взвѣшивалъ мѣдную монету, которая уплачивалась воображаемымъ покупателемъ, и имущество эманципировалось путемъ фиктивной продажи и немедленной передачи. Этотъ странный обрядъ, возбуждавшій удивленіе въ грекахъ, еще былъ въ употребленіи во времена Севера, но преторы уже ввели

болѣе простыя завѣщанія, для совершенія которыхъ они требовали приложенія печатей и подписи семи свидѣтелей, подходившихъ подъ требованія закона и нарочно созванныхъ для совершенія этого важнаго акта. Властелинъ семьи, распоряжавшійся и жизнью, и достояніемъ своихъ дѣтей, могъ распредѣлять между ними доли наслѣдства соразмѣрно съ ихъ достоинствами или своимъ расположеніемъ: онъ могъ по своему усмотрѣнію наказать недостойнаго сына лишеніемъ наслѣдства и обиднымъ предпочтеніемъ посторонняго лица. Но опытъ показалъ, что бывають такіе жестокосердые отцы, которыхъ необходимо стѣснить въ ихъ правѣ завѣщанія. Сынovia и, въ силу Юстиніановыхъ законовъ, даже и дочери уже не могли быть лишены наслѣдства вслѣдствіе того, что отецъ не упомянулъ о нихъ въ завѣщаніи; отъ него стали требовать, чтобы онъ назвалъ виновнаго и объяснилъ, въ чемъ заключалась вина, а императоръ установилъ тѣ случаи, которые могли бы оправдывать такое нарушеніе первыхъ принциповъ природы и общественной жизни. Если дѣтамъ не была предоставлена ихъ законная четвертая часть, то они могли оспаривать «несправедливое» завѣщаніе, ссылаясь на то, что ихъ отецъ былъ не въ здоровомъ умѣ вслѣдствіе болѣзни или старости, и апеллируя къ безпристрастному рѣшенію судьи. Въ римскомъ правѣ признавалось существенное различіе между наслѣдованіемъ по закону и наслѣдованіемъ по завѣщанію. Наслѣдники, получившіе все состояніе или одну двѣнадцатую часть состоянія завѣщателя, дѣлались его представителями и въ гражданскомъ, и въ религіозномъ отношеніи, вступали въ его права и обязанности и упла-

чивали подарки, которые онъ изъ дружбы или изъ щедрости назначилъ въ своемъ завѣщаніи. Но такъ какъ неосмотрительность или расточительность умирающаго могла превысить цѣнность оставляемаго имущества и не оставить послѣдному ничего, кромѣ риска и труда, то этому послѣдному было разрѣшено удерживать до уплаты завѣщанныхъ выдачъ «Фальцидіеву»¹⁾, то-есть четвертую, часть въ свою собственную пользу. Ему предоставленъ былъ извѣстный срокъ, въ теченіе котораго онъ могъ привести въ ясность размѣръ долговъ и цѣнность имущества и рѣшить, принимаетъ ли онъ наслѣдство или отказывается отъ него; и если онъ принималъ доставшееся ему имущество, то требованія кредиторовъ не могли превышать цѣнности послѣдняго. Завѣщаніе гражданина могло быть измѣнено при его жизни и могло быть нарушено послѣ его смерти: лица, назначенныя имъ въ завѣщаніи, могли умереть прежде него, могли отказаться отъ наслѣдства или могли быть устранены по какимъ-нибудь легальнымъ причинамъ. Въ виду этихъ случайностей, завѣщателю дозволено было назначать вторыхъ и третьихъ наслѣдниковъ, замѣнять однихъ другими согласно съ указаннымъ въ завѣщаніи порядкомъ, а неспособность умалишеннаго или несовершеннолѣтняго распоряжаться своею собственностью по завѣщанію была ограждена подобною же замѣной однихъ лицъ другими. Но власть

¹⁾ Въ послѣднія времена республики трибуны Фальцидій предложилъ и провелъ законъ, который запрещалъ гражданину располагать по завѣщанію болѣе чѣмъ тремя четвертями своего состоянія, и такимъ образомъ обезпечилъ за его законнымъ наслѣдникомъ или наслѣдниками право на остальную четверть.

завѣщателя прекращалась съ момента принятія наслѣдства: каждый совершеннолѣтній и правоспособный римлянинъ становился полнымъ хозяиномъ того, что ему досталось въ наслѣдство, и ясность гражданскихъ законовъ никогда не затемнялась длинными и сбивчивыми оговорками, которыя въ наше время стѣсняють свободу и благополучіе будущихъ поколѣній.

Завоеваніе и установленныя закономъ формальности ввели въ употребленіе приписи къ духовнымъ завѣщаніямъ. Если римлянинъ чувствовалъ приближеніе смерти въ то время, какъ находился въ одной изъ отдаленныхъ провинцій имперіи, онъ обращался съ коротенькимъ посланіемъ къ тому, кто былъ его наслѣдникомъ по закону или по завѣщанію; этотъ послѣдній или честно исполнялъ, или оставялъ безъ вниманія это предсмертное желаніе, которому судьи до временъ Августа не имѣли права придавать законную силу. Припись могла быть сдѣлана въ какой бы то ни было формѣ и на какомъ бы то ни было языкѣ, но требовалась подпись пяти свидѣтелей въ удостовѣреніе того, что этотъ документъ былъ дѣйствительно написанъ самимъ завѣщателемъ. Его желанія, какъ бы они ни были похвальны, могли быть противозаконны: на помощь явилось, въ качествѣ компромисса между естественною справедливостью и положительнымъ законодательствомъ, учрежденіе *фидеикомисса*. Другомъ или благодѣтелемъ бездѣтнаго римлянина могъ быть какой-нибудь уроженецъ Греціи или Африки, но наслѣдникомъ его могъ быть только его соотечественникъ. Воконіевъ законъ, отнявшій у женщинъ право наслѣдовать, дозволилъ имъ получать по завѣщаніямъ

не болѣе ста тысячъ сестерцій, и, такимъ образомъ единственная дочь была поставлена въ положеніе почти чужой въ отцовскомъ домѣ. Для подобныхъ случаевъ, подъ вліяніемъ чувства дружбы и родственной привязанности, была придумана слѣдующая уловка: завѣщаніе составлялось въ пользу какого-нибудь полноправнаго гражданина съ просьбой или обязательствомъ передать наслѣдство тому лицу, которому оно предназначалось въ дѣйствительности. Въ этомъ затруднительномъ положеніи душеприказчики не всегда держались одного образа дѣйствій: они были связаны присягой, что будутъ соблюдать законы своего отечества, но чувство порядочности заставляло ихъ нарушать эту присягу; если же они отдавали предпочтеніе своимъ личнымъ интересамъ, прикрываясь маской патріотизма, то они теряли уваженіе всѣхъ лучшихъ людей. Декларация Августа положила конецъ ихъ недоумѣніямъ, дала легальную санкцію основаннымъ на довѣріи завѣщаніямъ и приписямъ и уничтожила формальности и стѣсненія, наложенныя республиканскимъ законодательствомъ. Но такъ какъ новыя постановленія касательно душеприказчиковъ подали поводъ къ нѣкоторымъ злоупотребленіямъ, то декреты Требеллія и Пегасія уполномочили душеприказчиковъ удерживать одну четвертую часть имущества или возлагать на настоящаго наслѣдника всѣ долги и процессы, лежавшіе на наслѣдствѣ. Истолкованіе завѣщаній было строго буквальное, но способъ выраженія при назначеніи душеприказчиковъ и при изложеніи приписей не былъ подчиненъ мелочной и технической точности цивилистовъ.

III. Общія обязанности людей налагаются усло-

віями общежитія, но личныя *обязательства* людей по отношенію другъ къ другу вытекають или изъ 1) обѣщанія, или 2) услуги и 3) изъ обиды, а когда эти обязательства утверждены закономъ, заинтересованная сторона можетъ принудить къ ихъ исполненію путемъ судебного *процесса*. На этомъ принципѣ юристы всѣхъ странъ построили одинаковое право, которое есть плодъ всеобщаго разума и всеобщей справедливости ¹⁾).

1. Богинѣ *вѣрности* (вѣрности и въ частной, и въ общественной жизни) римляне поклонялись не только въ ея храмахъ, но и во всемъ, что они дѣлали, и если этой націи недоставало болѣе привлекательныхъ качествъ — гуманности и великодушія, за то она удивляла грековъ добросовѣстнымъ и простодушнымъ исполненіемъ самыхъ тяжелыхъ обязательствъ. Однако, у того же самага народа, согласно со строгими правилами патриціевъ и децемвировъ, *неоформленное условіе*, обѣщаніе и даже клятва не создавали гражданскаго обязательства, если не были облечены въ легальную форму договора — *stipulatio*. Какова бы ни была этимологія этого латинскаго слова, съ нимъ было связано понятіе о прочномъ и ненарушимомъ договорѣ, который всегда выражался въ формѣ вопроса и отвѣта. Такъ, напр., Сей спрашивалъ: «Обѣщаешь ли уплатить мнѣ сто золотыхъ монетъ?» Семпроній отвѣчалъ: «Обѣщаю». Сей могъ по своему усмотрѣнію предъявлять искъ въ отдѣльности къ каждому изъ друзей Семпронія, поручившихся за его состоятельность и добросо-

¹⁾ Институціи Гая, Юстиніана и Теофила различають четыре рода обязательствъ — *aut re, aut verbis, aut literis, aut consensu*, но, признаюсь, я предпочитаю мое собственное дѣленіе.

вѣстность, и мало-по-малу практика такого раздѣленія или поочередныхъ исковъ нарушила строгія формы стипуляціи. Чтобы добровольное обѣщаніе имѣло законную силу, стали требовать, чтобы оно было дано послѣ предварительнаго обдуманнаго рѣшенія, и тотъ гражданинъ, который могъ бы себя обезпечить легальными гарантіями, но не дѣлалъ этого, возбуждалъ подозрѣніе въ намѣреніи обмануть и подвергался отвѣтственности за свою небрежность. Но изобрѣтательность юристовъ сумѣла придать и простымъ обязательствамъ форму торжественныхъ стипуляцій. Такъ, преторы, какъ блюстители взаимнаго довѣрія между гражданами, стали принимать всякое разумное доказательство добровольнаго и сознательнаго акта, который передъ ихъ трибуналомъ получалъ законную силу обязательства, и стали давать по нему право иска объ исполненіи и о вознагражденіи.

2. Обязательствамъ второго разряда цивилисты дали названіе вещественныхъ, такъ какъ они истекають изъ врученія какой-нибудь вещи. Тотъ, кто оказалъ такую услугу, имѣетъ право на признательность, а тотъ, кому довѣрили чужую ответственность, принялъ на себя священную обязанность возратить ее. Если рѣчь идетъ о ссудѣ по дружбѣ, то заслуга великодушнаго поступка принадлежитъ только тому, кто ссудилъ; въ случаѣ отдачи чего-либо на храненіе, вся заслуга на сторонѣ получателя; но въ случаѣ *залога* или другой какой-либо сдѣлки, основанной на взаимныхъ интересахъ, услуга вознаграждается соотвѣтствующею выгодой, а обязанность обратной отдачи видоизмѣняется сообразно съ характеромъ сдѣлки. Латинскій

языкъ очень удачно выражаетъ словами *commodatum* и *mutuum* то основное различіе, которое существуетъ между этими двумя видами сдѣлокъ. Въ первомъ случаѣ заемщикъ былъ обязанъ возвратить ту самую вещь, которую ему *ссудили* (лат. *commodare*) для временнаго пользованія; во второмъ случаѣ вещь назначалась для его потребленія, и онъ давалъ, вмѣсто нея, *въ обмѣнъ* соответствующую цѣну сообразно съ точнымъ опредѣленіемъ числа, вѣса и мѣры. Въ договорѣ о *продажѣ* право безусловнаго распоряженія вещью передается покупателю, который за эту выгоду уплачиваетъ соответствующимъ количествомъ золота или серебра, служащаго всеобщимъ мѣриломъ всякой собственности. Обязанности, налагаемыя договоромъ о *наймѣ*, болѣе сложны. Можно брать на опредѣленный срокъ вънаймы земли и дома, трудъ и таланты; по истеченіи срока самый предметъ найма долженъ быть возвращенъ его владельцу вмѣстѣ съ вознагражденіемъ за выгоды пользованія. Въ этихъ прибыльныхъ сдѣлкахъ, къ которымъ можно причислить договоры о товариществѣ и комиссіонерствѣ, цивилисты иногда предполагаютъ воображаемую выдачу предмета договора, а иногда согласіе сторонъ. Вещественный залогъ былъ мало-по-малу замѣненъ невидимыми для глазъ правами *ипотеки*, и согласіе на продажу за опредѣленную цѣну переносить съ этого момента шансы барыша или убытка на счетъ покупателя. Можно съ большою вѣроятностью предположить, что всякій будетъ подчиняться тому, что диктуетъ ему собственный интересъ, и что если онъ получаетъ выгоду, то долженъ нести на себѣ и расходы сдѣлки. Въ этомъ неистощимомъ сюжетѣ историкъ остано-

вить свое вниманіе на наймѣ земли и ссудѣ денегъ, на доходѣ съ первой и процентахъ со вторыхъ, такъ какъ эти вопросы имѣють существенную связь съ успѣхами земледѣлія и торговли. Землевладѣлецъ нерѣдко бывалъ вынужденъ ссужать земледѣльцу впередъ капиталъ и орудія и довольствоваться частью жатвы. Если арендаторъ терпѣлъ убытки отъ какой-нибудь несчастной случайности, отъ разительной болѣзни или непріятельскаго нашествія, онъ взымалъ къ справедливости законовъ о соответствующей скидкѣ. Пять лѣтъ были обычнымъ срокомъ аренды: нельзя было бы ожидать никакихъ солидныхъ или дорого стоящихъ улучшеній отъ такого фермера, который ежеминутно могъ быть устраненъ вслѣдствіе продажи имѣнія. Отдача денегъ въ ростъ, которая была закоренѣлымъ зломъ во времена республики, не нашла поддержки въ двѣнадцати таблицахъ и была запрещена по требованію народа. Но нужды и лѣтность народа воскресили ее, преторы относились къ ней снисходительно и, наконецъ, она была урегулирована кодексомъ Юстиніана. Лица высшаго ранга принуждены были ограничиваться умѣреннымъ размѣромъ четырехъ процентовъ; шесть процентовъ были признаны за обыкновенный и легальный размѣръ дохода; восемь дозволялись для пользы торговцевъ и промышленниковъ; двѣнадцать можно было брать за страхованіе отъ несчастій на морѣ (осторожные предки не пытались опредѣлять размѣра процентовъ въ этомъ случаѣ), но за исключеніемъ этихъ несчастныхъ случайностей чрезмѣрные проценты были строго запрещены. Духовенство и восточное, и западное осуждало взиманіе самыхъ ничтожныхъ процен-

товъ, но сознание взаимной выгоды, одержавшее верхъ надъ законами республики, оказало такое же упорное сопротивление и декретамъ церкви, и даже предубѣжденію человечества.

3. И природа, и общество налагаютъ непремѣнную обязанность загладить причиненный вредъ, и тотъ, кто пострадалъ отъ личной обиды, приобретаетъ особыя личныя права и можетъ вчинать законное преслѣдованіе. Если нашему попеченію была ввѣрена чужая собственность, то степень нашей заботливости зависитъ отъ того, какъ велика выгода, которую мы извлекаемъ изъ такого временнаго владѣнія; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ мы можемъ быть подвергнуты отвѣтственности за такую случайность, которой нельзя было избѣжать, но послѣдствія сознательнаго недосмотра всегда должны падать на отвѣтственность того, кто въ этомъ провинился. Римлянинъ отыскивалъ украденныя вещи путемъ гражданскаго иска; онѣ могли перейти въ чистыя и невинныя руки, но ничто, кромѣ тридцатилѣтней давности, не могло уничтожить первоначальнаго права на нихъ ихъ владѣльца. Онѣ возвращались ему по приговору претора, и причиненный ущербъ вознаграждался вдвое, втрое и даже вчетверо, смотря по тому, было ли совершено похищеніе втайнѣ или открытымъ грабежомъ и былъ ли воръ пойманъ на мѣстѣ преступленія или открытъ послѣ произведенія розысковъ. Законъ Аквилія ограждалъ принадлежащихъ гражданину рабовъ и рогатый скотъ отъ поврежденій, наносимыхъ по злобѣ или небрежности, и за домашнее животное взыскивалась самая высокая цѣна, какую за него могли дать въ теченіе всего послѣдняго года; въ случаѣ уничтоженія ка-

кихъ-либо другихъ цѣнныхъ предметовъ, стоимость ихъ опредѣлялась вышею цѣной, которую они имѣли за послѣдніе тридцать дней. Личное оскорбленіе бываетъ болѣе или менѣе тяжело, смотря по тому, каковы современные нравы и какова воспріимчивость обиженнаго, и не легко опредѣлить размѣръ денежнаго вознагражденія за страданіе и униженіе, причиненныя оскорбительнымъ словомъ или нанесеніемъ удара. Грубая юриспруденція децемвировъ смѣшала въ одно всѣ обиды, нанесенныя сгоряча и не доходившія до поврежденія какого-либо члена тѣла, и присуждала виновнаго къ уплатѣ двадцати пяти ассовъ. Но, черезъ три столѣтія, монета, носившая то же самое названіе, понизилась въ вѣсѣ съ одного фунта до поль-унціи, и наглость богатаго римлянина тѣшила себя дешевымъ развлеченіемъ, нарушая и удовлетворяя законъ двѣнадцати таблицъ. Вератій бѣгалъ по улицамъ, нанося ни въ чемъ неповиннымъ прохожимъ удары въ лицо, а шедшій вслѣдъ за нимъ съ кошелькомъ въ рукахъ слуга тотчасъ прекращалъ ихъ жалобы, выдавая каждому законное вознагражденіе въ двадцать пять мѣдныхъ монетъ, т.-е. около одного шиллинга. Преторы, съ точки зрѣнія справедливости, стали разсматривать и взвѣшивать обстоятельства каждой личной жалобы. Присуждая къ уплатѣ вознагражденія, судья позволялъ себѣ принимать въ соображеніе разнообразныя условія времени и мѣста, возраста и общественнаго положенія, которыя могли увеличивать позоръ или физическія страданія обиженнаго, но если бы онъ дозволилъ себѣ, кромѣ вознагражденія потерпѣвшему, наложить еще денежный штрафъ или какое-нибудь другое наказаніе, онъ вторгнулся бы въ

сферу уголовного законодательства, хотя, быть может, и пополнил бы его.

О казни диктатора Альбы, который был разорванъ на куски восемью лошадьми, Ливій говоритъ какъ о первомъ и послѣднемъ примѣрѣ римской жестокости при наказаніи за самыя ужасныя преступленія. Но этотъ актъ правосудія или мщенія былъ совершенъ надъ чужеземцемъ - врагомъ въ пылу побѣды и по приказанію одного человѣка. Законы двѣнадцати таблицъ представляютъ болѣе ясное доказательство того, каковъ былъ духъ націи, такъ какъ они были составлены самими мудрыми членами сената и одобрены свободнымъ народнымъ голосованіемъ; однако, эти законы, подобно Драконовымъ, писаны кровью. Они утверждаютъ безчеловѣчный и несправедливый принципъ отмщенія и строго приказываютъ отнимать око за око, зубъ за зубъ и членъ тѣла за членъ тѣла, если виновный не купитъ помилованія уплатой пени въ триста фунтовъ мѣди. Децемвиры съ большою щедростью назначали болѣе легкія наказанія — бичеваніе или отдачу въ рабство, а слѣдующія девять преступленій совершенно различнаго характера были признаны достойными смерти: 1. Всякій актъ *измены* противъ государства и сношенія съ общественнымъ врагомъ. Способъ наказанія былъ и мучителенъ, и позоренъ: на голову преступнаго римлянина накидывали покрывало, руки связывали за спиной и, послѣ того какъ ликторъ наказалъ его плетью, его вѣшали посреди форума на крестѣ или на заклѣтомъ деревѣ. 2. Ночныя сходки въ городѣ, все равно собирались ли онѣ ради удовольствія, или ради религиозныхъ и общественныхъ цѣлей. 3. Убійство гра-

жданина, за которое, по естественному требованію чувства, общаго всѣмъ людямъ, убійца долженъ расплатиться своею кровью. Отравленіе еще болѣе отвратительно, чѣмъ убійство мечомъ или кинжаломъ, и мы съ удивленіемъ узнаемъ изъ факта двухъ гнусныхъ преступленій, что этотъ видъ утонченнаго злодѣйства съ очень раннихъ временъ заразилъ чистоту республиканскихъ нравовъ и скромныя добродѣтели римскихъ матронъ. Отцеубійцу, преступившаго законы природы и долгъ сыновне признательности, бросали въ мѣшкѣ въ рѣку или въ море, а впослѣдствіи вмѣстѣ съ нимъ предписано было бросать пѣтуха, змѣю, собаку и обезьяну, какъ наиболѣе подходящихъ для него товарищей. Въ Италіи не водятся обезьяны, но этого не замѣчали до половины шестого столѣтія, когда впервые случилось отцеубійство. 4. *Поджогъ*. Поджигателя подвергали предварительно тѣлесному наказанію, а потомъ сожигали. 5. *Ложная клятва на судъ*. Свидѣтеля, дававшего ложныя показанія подъ вліяніемъ подкупа или злобы, сбрасывали съ Тарпейской скалы въ наказаніе за вѣроломство, которое могло быть тѣмъ болѣе пагубно для обвиняемыхъ, что уголовные законы были очень суровы, а письменныя доказательства еще не были въ употребленіи. 6. Подкупность судьи, принявшаго взятку для того, чтобы постановить несправедливый приговоръ. 7. Пасквили и сатиры, иногда нарушавшіе своими рѣзкими выходками спокойствіе необразованнаго городского населенія. Автора такихъ произведеній били дубиной, но намъ неизвѣстно положительно, били ли его до тѣхъ поръ, пока онъ не умиралъ подъ ударами палача. 8. Совершенное ночью поврежденіе или истребленіе зернового хлѣба, при-

надлежащаго сосѣду. Преступника вѣшали, полагая, что такая жертва будетъ пріятна Церерѣ. Но лѣсныя божества были не такъ алчны, и за уничтоженіе самаго цѣннаго дерева взыскивалось болѣе умѣренное вознагражденіе въ двадцать-пять фунтовъ мѣди.

9. Волшебныя чары, съ помощью которыхъ, по мнѣнію лаціумскихъ пастуховъ, можно было истощить физическія силы врага, лишить его жизни и перенести на другое мѣсто посаженныя имъ деревья, хотя бы эти деревья уже пустили глубокіе корни. Мнѣ остается упомянуть о жестокости, съ которой законы двѣнадцати таблицъ относились къ несостоятельнымъ должникамъ, и я позволю себѣ предпочесть буквальный смыслъ древнихъ постановленій искусственнымъ ухищреніямъ современной критики. Послѣ того, какъ фактъ долга былъ удостовѣренъ на судѣ доказательствами или собственнымъ признаніемъ, римлянину давали тридцатидневную отсрочку, а затѣмъ отдавали его въ руки кредитора, который держалъ его въ заключеніи, давалъ ему на день лишь двѣнадцать унцій риса и могъ надѣть на него цѣпи вѣсомъ въ пятнадцать фунтовъ; сверхъ того, этого несчастнаго три раза выводили на рыночную площадь для того, чтобы онъ могъ вызвать состраданіе своихъ друзей и соотечественниковъ. По истеченіи шестидесяти дней долгъ погашался цѣной или свободы или жизни: несостоятельнаго должника или казнили или продавали въ рабство чужеземцамъ по ту сторону Тибра; но если нѣсколько кредиторовъ были одинаково упорны и безжалостны, законъ предоставлялъ имъ право раздѣлить тѣло должника на части и удовлетворить свою мстительность этимъ отвратительнымъ дѣломъ. За-

щитники этого варварскаго закона утверждали, что онъ удержитъ лѣвтяевъ и мошенниковъ отъ такихъ долговъ, которыхъ они не въ состояніи уплатить; но опытъ показываетъ, какъ неосновательно было бы рассчитывать на такое исправительное дѣйствіе страха, такъ какъ ни одинъ кредиторъ не захотѣлъ бы воспользоваться такимъ правомъ, которое не приносило ему никакой выгоды. По мѣрѣ того, какъ римскіе нравы смягчались, уголовные законы децемвировъ отмѣнялись благодаря гуманнымъ побужденіямъ и обвинителей, и свидѣтелей, и судей, и въ результатъ чрезмѣрной строгости съ теченіемъ времени оказалась безнаказанность. Законы Порція и Валерія запретили судьямъ подвергать свободныхъ гражданъ какимъ-либо уголовнымъ карамъ, даже тѣлесному наказанію, и устарѣвшіе кровожадные законы по злобѣ, а можетъ-быть и не безъ основанія, приписаны были не патриціанской, а царской тиранніи.

Когда, такимъ образомъ, уголовные законы были уничтожены, а гражданскіе не могли замѣнить ихъ, для спокойствія города и для правосудія осталась единственная, хотя и слабая, охрана въ частной юрисдикціи гражданъ. Преступники, которыми наполняются наши тюрьмы, принадлежатъ къ отбросамъ общества, а преступленія, за которыя ихъ наказываютъ, могутъ быть большею частію приписаны невѣжеству, бѣдности и животнымъ влеченіямъ. Ради совершенія подобныхъ преступленій, низкій плебей могъ употребить во зло священный характеръ члена республики и пользоваться безнаказанностью; между тѣмъ раба или чужеземца, уличеннаго или только заподозрѣннаго въ преступленіи,

распинали на крестѣ. Частная юрисдикція гражданъ состояла въ томъ, что въ каждомъ семействѣ былъ свой домашній трибуналъ, который не ограничивался, подобно трибуналу претора, разбирательствомъ однихъ внѣшнихъ дѣяній: воспитаніе въ семьѣ должно было привить добродѣтельные принципы и привычки, и римскій отецъ отвѣчалъ передъ государствомъ не только за проступки, но и вообще за нравы своихъ дѣтей, такъ какъ безапелляціонно распоряжался ихъ жизнью, свободой и имуществомъ. Въ нѣкоторыхъ крайнихъ случаяхъ гражданину предоставлялось право отмщать за свои личныя обиды или за обиды, причиненныя всему обществу. Римляне не знали варварскаго обычая носить при себѣ оружіе въ мирное время, не знали и кровопролитныхъ принциповъ чести, и въ теченіе двухъ самыхъ добродѣтельныхъ столѣтій республики — со времени введенія равной для всѣхъ свободы и до окончанія Пуническихъ войнъ, — спокойствіе города ни разу не нарушалось мятежомъ и очень рѣдко звѣрскими преступленіями. Отсутствие уголовного законодательства стало чувствоваться сильнѣе съ тѣхъ поръ, какъ порочныя наклонности нашли себѣ пищу во внутренней борьбѣ политическихъ партій и во внѣшнемъ могуществѣ. Во времена Цицерона, каждый гражданинъ пользовался правомъ анархіи, каждый сановникъ республики могъ соблазниться надеждой достигнуть царской власти, и ихъ добродѣтели достойны тѣмъ большихъ похвалъ, что онѣ были непосредственнымъ продуктомъ или ихъ натуры или философіи. Послѣ того, какъ тиранъ Сициліи Верресъ предавался въ теченіе трехъ лѣтъ разврату, хищничеству и разнымъ жестокостямъ,

отъ него потребовали судомъ возврата лишь трехъ милліоновъ рублей, и такова была мягкость законовъ, судей и, можетъ-быть, самого обвинителя, что, возвративъ тринадцатую часть награбленныхъ богатствъ, Верресъ могъ удалиться въ ссылку, чтобы жить на волѣ и въ роскоши.

Первая слабая попытка возстановить соразмѣрность между преступленіями и наказаніями была сдѣлана диктаторомъ Суллой, который среди своихъ кровавыхъ триумфовъ стремился не столько къ ограниченію свободы римлянъ, сколько къ обузданію ихъ своеволія. Онъ хвастался тѣмъ, что по своему личному произволу подвергнулъ проскрипціи четыре тысячи семьсотъ гражданъ. Но въ качествѣ законодателя, онъ уважалъ предразсудки своего времени, и вмѣсто того, чтобы постановлять смертный приговоръ надъ воромъ или убійцей, надъ генераломъ, погубившимъ армію, или сановникомъ, разорившимъ провинцію, — Сулла ограничивался тѣмъ, что къ денежнымъ взысканіямъ присовокуплялъ ссылку или, выражаясь болѣе конституціоннымъ языкомъ, отрѣшеніе отъ огня и воды. Сначала законъ Корнелія, а впослѣдствіи законъ Помпея и Юлія ввели новую систему уголовного права, и императоры отъ Августа до Юстиніана старались прикрывать все возрастающую строгость уголовныхъ законовъ именами ихъ первоначальныхъ составителей. Но введеніе и часто примѣненіе *чрезвычайныхъ наказаній* исходили изъ желанія усилить и вмѣстѣ скрыть успѣхи деспотизма. При осужденіи знатныхъ римлянъ, сенатъ всегда былъ готовъ, въ исполненіе желаній своего повелителя, смѣшать судебную власть съ законодательною. На губернаторахъ лежала обязанность охра-

нять спокойствіе провинцій посредствомъ суроваго и произвольнаго суда; вслѣдствіе обширности имперіи столица лишилась своихъ особыхъ вольностей и правъ, и когда одинъ преступникъ испанецъ сослался на привилегіи жителя Рима, то все-таки былъ распятъ, по приказанію Гальбы, только на болѣе красивомъ и болѣе высокомъ крестѣ. Рескрипты, исходившіе по временамъ отъ верховной власти, разрѣшали тѣ вопросы, которые по своей новости или важности, казались превышающими власть и компетентность проконсуловъ. Ссылкѣ и отвѣченію головы подвергали только самыхъ почетныхъ лицъ, а менѣе знатныхъ преступниковъ или вѣшали, или жгли, или закапывали въ рудникахъ, или отдавали въ амфитеатрѣ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Тѣхъ, кто грабилъ съ оружіемъ въ рукахъ, преслѣдовали и истребляли, какъ враговъ всего общества; уведеніе чужой лошади или рогатаго скота наказывалось какъ уголовное преступленіе; но всякое другое воровство считалось за простое гражданское правонарушеніе, причиняющее лишь личный ущербъ. Степени виновности и способъ наказанія слишкомъ часто устанавливались произволомъ правителей, и подданные оставались въ невѣдѣніи насчетъ того, какой опасности они подвергали себя, совершая тотъ или другой поступокъ.

Прегрѣшенія, пороки, преступленія принадлежать къ вѣдомству теологій, этики и юриспруденціи. Когда эти науки сходятся во взглядахъ, онѣ подкрѣпляютъ одна другую; но когда онѣ расходятся, осмотрительный законодатель опредѣляетъ степень виновности и родъ наказанія сообразно съ причиненнымъ обществу вредомъ. На основаніи этого принципа, са-

мое дерзкое покушение на жизнь и собственность частнаго лица считается менѣе ужаснымъ преступленіемъ, чѣмъ государственная измѣна или возстаніе, которымъ оскорбляется *величіе* республики: услужливые юристы единогласно рѣшили, что республика олицетворяется въ своемъ высшемъ сановникѣ, и лезвее Юліева закона точилось непрерывнымъ усердіемъ императоровъ.

Свободные аѣинскіе и римскіе граждане пользовались тою неоцѣнимою привилегіей, что во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ подлежали суду своихъ согражданъ. 1) Судебныя функціи съ самыхъ древнихъ временъ считались принадлежностью монарха; римскіе цари выполняли ихъ, а Тарквиній употребилъ во зло: онъ самовольно постановлялъ свои приговоры, не справляясь съ законами и не спрашивая ничьего мѣнія. Первые консулы унаслѣдовали эту царскую прерогативу; но священное право апелляціи къ роду скоро упразднило юрисдикцію правительственныхъ чиновниковъ и верховный народный трибуналъ сталъ разрѣшать всѣ тяжбы дѣла. Однако, необузданная демократія, не связанная формами правосудія, нерѣдко пренебрегаетъ и его существенными принципами: къ высококомѣрью власти у народа присоединялась еще плебейская зависть, и аѣинскіе герои въ иныхъ случаяхъ могли считать счастливымъ перса, судьба котораго зависѣла отъ прихоти только *одного* тирана. Впослѣдствіи римляне сами поставили нѣкоторыя ограниченія своимъ страстямъ, и это послужило въ одно и то же время и причиной и слѣдствіемъ ихъ большей основательности и умѣренности. Право обвиненія было предоставлено однимъ должностнымъ лицамъ. Голосова-

ніемъ тридцати-пяти трибъ налагался денежный штрафъ; но уголовныя преступленія, въ силу основнаго закона, вѣдались центуріатными собраніями, въ которыхъ всегда имѣли перевѣсъ личныя вліянія и богатство. Повторительныя объявленія и отсрочки были введены въ процедуру суда для того, чтобы предубѣжденія и личная злоба имѣли время охладѣть; все судопроизводство могло быть уничтожено какимъ-нибудь предзнаменованіемъ или сопротивленіемъ трибуна, и такіе народныя суды были не столько страшны для невинныхъ, сколько благоприятны для виновныхъ. При такомъ сочетаніи властей судебной и законодательной трудно было рѣшить, былъ ли обвиняемый оправданъ или только помилованъ, а ораторы римскіе и аѳинскіе, защищая какого-нибудь знаменитаго кліэнта, обращались со своими аргументами столько же къ политикѣ и милосердію верховной власти, сколько къ ея справедливости. 2) Необходимость созывать гражданъ для суда надъ преступникомъ становилась все болѣе трудной по мѣрѣ того, какъ возрастало число и гражданъ и преступниковъ, и пришлось прибѣгнуть къ простому средству — къ передачѣ народной юрисдикціи обыкновеннымъ судьямъ или же чрезвычайнымъ *инквизиторамъ* (слѣдователямъ). Въ древнія времена такого рода судебныя порученія были рѣдки и случайны. Съ начала VII вѣка отъ основанія Рима они сдѣлались постоянными; на четырехъ преторовъ стали ежегодно возлагать обязанность разбирать дѣла о государственныхъ преступленіяхъ: измѣнѣ, вымогательствахъ, казнокрадствѣ и подкупахъ. Сулла увеличилъ число преторовъ и расширилъ сферу ихъ вѣдомства тѣми преступленіями, которыя ближе ка-

саются безопасности частныхъ лицъ. Эти «инквизиторы» готовили и направляли судебное разбирательство; но приговоръ они только объявляли, постановлялся же этотъ приговоръ большинствомъ *судей*, которыхъ, не совсѣмъ основательно, приравнивали къ англійскимъ присяжнымъ *). Для выполненія этой важной, но тяжелой службы преторъ ежегодно составлялъ списокъ почтенныхъ и уважаемыхъ гражданъ. Послѣ продолжительной политической борьбы, ихъ стали выбирать въ равномъ числѣ изъ членовъ сената, изъ всадниковъ и изъ народа; для каждаго разряда дѣлъ они назначались въ числѣ четырехъ сотъ пятидесяти, а всѣ вообще списки или *декуртіи* такихъ судей должны были заключать въ себѣ имена нѣсколькихъ тысячъ римлянъ, олицетворявшихъ судебную власть государства. Для каждаго особаго дѣла ихъ имена вынимались въ надлежащемъ количествѣ изъ урны; ручательствомъ ихъ неподкупности была приносимая ими клятва; независимость сужденія обезпечивалась способомъ подачи голоса; подозрѣніе въ пристрастіи устранялось двойнымъ отводомъ по требованію и защитника и обвинителя, а во время суда надъ Милономъ отводъ пятнадцати судей съ каждой стороны уменьшилъ до пятидесяти одного число голосовъ или табличекъ, долженствовавшихъ рѣшить, «виновенъ» онъ, «невиновенъ», или же «не ясно» (что тоже клонилось къ оправданію). 3) Въ гражданской юрисдикціи римскій преторъ былъ настоящимъ судьей и почти законо-

*) Въ Римѣ, какъ и въ Англии, должность эта была не профессиональной магистратурой, а случайной обязанностью; особенность же англійскихъ законовъ, обязывающихъ самаго члена жюри подвергаться испытанію, отъ котораго онъ освободить подсудимаго, — состоитъ въ требованіи *единогласнаго* вердикта.

дателемъ, но послѣ того какъ онъ установилъ, какой законъ долженъ быть примѣненъ къ данному случаю, онъ нерѣдко поручалъ делегату самое установленіе факта. Судъ центумвировъ, въ которомъ онъ председательствовалъ, приобрѣталъ все болѣе вѣса и значенія по мѣрѣ того, какъ увеличивалось число судебныхъ процессовъ. Но все равно, дѣйствовалъ ли онъ по личному усмотрѣнію, или сообразовался съ мнѣніями своихъ совѣтниковъ, онъ былъ надѣленъ самыми неограниченными полномочіями, — что, конечно, не представляло опасности по отношенію къ должности, ежегодно замѣщаемой вновь посредствомъ народнаго голосованія. Правила и предосторожности, введенныя при политической свободѣ, нуждались въ приведенныхъ выше разъясненіяхъ съ нашей стороны; порядки же, заведенные деспотизмомъ, гораздо болѣе просты и безжизненны. Ко времени Юстиніана или, можетъ-быть, еще ко времени Діоклетіана, декуріи римскихъ судей утратили свое прежнее значеніе и превратились въ пустой титулъ; смиренное сужденіе членовъ суда можно было принимать и не принимать въ соображеніе; въ каждомъ трибуналѣ разбирательствомъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ занималось собственно одно должностное лицо, назначеніе и увольненіе котораго зависѣли отъ произвола императора.

Во времена республики римлянинъ, обвиненный въ какомъ бы то ни было уголовномъ преступленіи, могъ избѣжать законнаго наказанія добровольнымъ изгнаніемъ или самоубійствомъ. Пока его виновность не была законнымъ образомъ доказана, предполагалось, что онъ невиненъ, и онъ пользовался полною свободой; пока голоса послѣдней центуріи не

были сочтены и пока результатъ голосованія не былъ объявленъ, онъ могъ спокойно удалиться въ одинъ изъ союзныхъ городовъ Италиі, Греціи или Азіи *). Такая гражданская смерть оставляла неприкосновенными — по крайней мѣрѣ для его дѣтей — и его честное имя и состояніе, и онъ еще могъ пользоваться всѣми удовольствіями жизни, если только послѣ римскаго базара суеты находилъ въ себѣ силу примириться съ тишиной и однообразіемъ Аѳинъ или Родоса. Чтобы спастись отъ тиранніи цезарей, требовалось гораздо больше героизма, но и такой героизмъ скоро вошелъ въ привычку, благодаря ученію стоиковъ, примѣрамъ гражданского мужества и легальному поощренію самоубійствъ. Трупы казненныхъ преступниковъ выставались на публичный позоръ, и — что было еще хуже — ихъ дѣти ввергались въ нищету, вслѣдствіе конфискаціи имущества. Но если сами эти жертвы Тиберія и Нерона предупреждали приговоръ императора или сената самоубійствомъ, то ихъ мужество и рѣшительность вознаграждались одобреніемъ общественнаго мнѣнія, правильнымъ погребеніемъ по обряду и тѣмъ, что ихъ завѣщанія получали законную силу. Утонченная жадность и жестокость Домиціана, повидимому, отняли у несчастныхъ это послѣднее утѣшеніе, котораго не вернуло имъ даже милосердіе Антониновъ. Добровольная смерть, случившаяся во время уголовного процесса, въ промежуткѣ между обвиненіемъ и приговоромъ, стала считаться за признаніе виновности, и безжалостная государственная казнь забирала все,

*) Постепенное расширеніе правъ римскаго гражданства заставляло изгнанниковъ искать себѣ убѣжища все дальше и дальше отъ столицы.

что оставалось послѣ умершаго. Однако, юристы всегда уважали природное право гражданина располагать своею жизнью: посмертные приговоры, изобрѣтенные Тарквиніемъ, не вызвали подражанія ни въ комъ изъ послѣдующихъ тирановъ Рима. Дѣйствительно, надъ тѣмъ, кто рѣшился умереть, безсильны всѣ земныя власти, и одинъ только религиозный страхъ будущей жизни способенъ удержать его руку. Виргилій причислялъ самоубійцъ скорѣе къ разряду несчастныхъ, чѣмъ къ разряду преступниковъ, и поэтическіе вымыслы о блуждающихъ въ аду тѣняхъ не могли имѣть серьезнаго вліянія на людскія вѣрованія и поступки. Только правила Евангелія или Церкви наложили, наконецъ, узду благочестія на умы христіанъ и заставили ихъ безропотно ожидать смерти отъ болѣзни или отъ руки палача.

Уголовныя постановленія занимаютъ очень небольшое мѣсто въ шестидесяти-двухъ книгахъ Кодекса и Пандектовъ: судебная процедура разрѣшаетъ вопросы о жизни или смерти гражданина съ меньшею осмотрительностью и осторожностью, чѣмъ самыя обыденные вопросы о договорахъ или о наследованіи. Хотя это странное различіе и можетъ быть отчасти оправдываемо настоятельною необходимостью предохранить общество отъ нарушенія внутренняго спокойствія, но оно въ сущности вытекаетъ изъ самаго характера уголовного и гражданскаго законодательства. Наши обязанности по отношенію къ государству просты и однообразны; законъ, осуждающій преступника, написанъ не только на мѣди или на мраморѣ, но также въ его собственной совѣсти, и его виновность обыкновенно доказывается удостовѣреніемъ только одного факта.

Но наши отношенія другъ къ другу разнообразны до безконечности: наши обязанности создаются, отмѣняются и видоизмѣняются оскорбленіями, благодѣяніями и обѣщаніями, и истолкованіе добровольно подписанныхъ договоровъ и обѣщаній, нерѣдко продиктованныхъ обманомъ или невѣжествомъ, требуетъ отъ прозорливости судьи продолжительнаго и тяжелаго напряженія. Житейскія отношенія становятся болѣе сложными по мѣрѣ расширенія торговли и завоеваній, а пребываніе тяжущихся въ отдаленныхъ провинціяхъ имперіи влечетъ за собой недоразумѣнія, проволочки и обращеніе къ верховному судѣ съ жалобами на мѣстнаго судью. Царствовавшій въ Константинополѣ и на востокѣ греческій императоръ Юстиніанъ былъ законнымъ наслѣдникомъ того лаціумскаго пастуха, который основалъ колонію на берегахъ Тибра. Въ теченіе тринадцати столѣтій законы волей-неволей приспособлялись къ перемѣнамъ въ управленіи и нравахъ, а естественное стремленіе сохранить старыя названія за новыми учрежденіями уничтожило прежнее единство и непомѣрно раздуло важность этой запутанной и беспорядочной системы. Законы, дозволяющіе тому, кто имъ подчиненъ, не знать ихъ содержанія, тѣмъ самымъ доказываютъ свою непригодность; гражданская юриспруденція, въ томъ видѣ, какъ она была сокращена Юстиніаномъ, все еще продолжала оставаться таинственною наукой и выгоднымъ ремесломъ, а трудность изучить ее удесят�ерялась вслѣдствіе того, что судьи старались еще болѣе сгущать покрывавшій ее мракъ. Расходы на веденіе процесса иногда превышали сумму иска, и обиженные отказывались отъ своихъ самыхъ безспорныхъ правъ

по бѣдности или изъ благоразумія. Такая дорого стоящая юстиція можетъ ослабить наклонность къ сутяжничеству, но ея неравномѣрная тяжесть лишь усиливаетъ вліяніе богачей и ухудшаетъ бѣдственное положеніе бѣдняковъ. Такое мѣшкотное и дорого стоящее веденіе судебныхъ дѣлъ доставляетъ богатому истцу болѣе вѣрныя выгоды, чѣмъ тѣ, которыхъ онъ могъ бы ожидать отъ возможности подкупить судью. Кому приходится на самомъ себѣ испытать это зло, отъ котораго и мы еще не вполне ограждены въ наше время и въ нашемъ отечествѣ, тотъ способенъ въ минуту благороднаго негодованія высказать опрометчивое желаніе, чтобы наше сложное судопроизводство было замѣнено безыскусственными и краткими рѣшеніями турецкихъ кади. Но при болѣе спокойномъ размышленіи мы убѣждаемся, что такія формальности и такая мѣшкотность необходимы для огражденія личности и собственности гражданина, что произволь судьи есть главное орудіе тиранніи, и что законы свободнаго народа должны предусматривать и разъяснять всякій вопросъ, который можетъ возникнуть при примѣненіи власти или столкновеніи интересовъ. Но управленіе Юстиніана соединяло въ себѣ все, что есть дурного и въ свободѣ и въ рабствѣ, и римляне страдали въ одно и то же время и отъ многочисленности своихъ законовъ и отъ произвола своего повелителя.

ОТДѢЛЪ V.

ФИЛОСОФСКІЯ НАПРАВЛЕНІЯ.

СТОИЦИЗМЪ.

(Lecky: History of european morals from Augustus to Charlemagne).

Въ противоположность отрицательной роли эпикуреизма, разработка конструктивной или положительной стороны нравственнаго ученія почти исключительно выпала на долю стоиковъ: хотя нѣкоторые философы и высказывались рѣшительно противъ многихъ частей стоической системы, усилія ихъ клонились не къ отрицанію, а лишь къ смягченію черезчуръ крайнихъ и суровыхъ ея чертъ. Стоики выставляли два основныхъ положенія: 1) что добродѣтель есть единственная достойная цѣль стремленій человѣка и 2) что она предполагаетъ такое полное господство разума, при которомъ страсти сами собой потухаютъ. Перипатетики и многіе другіе философы, ведущіе свое ученіе отъ Платона, пытались ослабить крайности этихъ положеній. Они допускали, что добродѣтель не имѣетъ ничего общаго съ выгодой и должна быть руководящимъ принципомъ въ жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ они утверждали, что и счастье есть благо и дорожить имъ вполне законно. Они соглашались, что добродѣтель

состоитъ въ перевѣсѣ разума надъ страстями, но они признавали и права страстей въ извѣстныхъ границахъ. Какъ бы то ни было, но основныя положенія стоицизма — безкорыстіе нравственныхъ побужденій и преобладаніе разума — оставлялись въ покоѣ; оба эти положенія, въ свою очередь, являлись необходимыми составными частями въ старинномъ понятіи о совершенствѣ. Къ разсмотрѣнію этого понятія мы теперь и перейдемъ.

Высшимъ выраженіемъ самопожертвованія въ древности считался патріотизмъ. Патріотическое чувство имѣло ту отличительную особенность, что во имя его совершенно было такъ много благородныхъ героическихъ подвиговъ, безъ всякаго расчета на какую-нибудь награду, даже на безсмертіе. Изъ всѣхъ видовъ героизма патріотизмъ является, пожалуй, наиболѣе безкорыстнымъ. Спартанецъ или римлянинъ умиралъ за свою родину исключительно изъ любви къ ней. Предсмертныя минуты его не облегчались надеждой на загробное блаженство, какъ у мучениковъ. Онъ жертвовалъ всѣмъ, что имѣлъ, смыкалъ глаза навѣки, какъ онъ думалъ, и не требовалъ никакой награды ни въ этой, ни въ будущей жизни. Даже надежда на славу въ потомствѣ — самая утонченная и наименѣ матеріальная награда — могла существовать только для самыхъ выдающихся дѣятелей. Примѣры патріотизма выставлялись, какъ высшая ступень добродѣтели въ старинныхъ этическихъ системахъ, и, конечно, они научали людей проводить ясное и глубокое различіе между понятіями интереса и долга. Хотя понятіе о томъ, въ чемъ состоитъ долгъ, было невыяснено въ древности, но убѣжденіе, что долгъ, какъ противополож-

ность всякаго рода эгоизму, долженъ быть главнымъ мотивомъ поведенія, — гораздо глубже сознавалось стойками, чѣмъ всѣми позднѣйшими моралистами.

Извѣстно, что моралисты приводятъ четыре рода побужденій, направляющихъ людей къ добродѣтели. Во-первыхъ, они утверждаютъ, что, въ силу естественнаго хода вещей, добродѣтельную жизнь сопровождаетъ счастье, а порочную несчастіе; утверженіе это доказывается, съ одной стороны, ссылкой на естественную силу вещей, съ другой — существованіемъ особаго Провидѣнія, которое заботится о благѣ въ здѣшнемъ мірѣ и о наградахъ и наказаніяхъ въ будущемъ. Что касается послѣднихъ аргументовъ, убѣдительность ихъ всецѣло зависитъ отъ степени довѣрія къ извѣстнымъ религіознымъ мнѣніямъ, между тѣмъ какъ сила предыдущихъ соображеній обусловливается качествомъ и степенью общественнаго развитія, ибо, безъ сомнѣнія, существуютъ такія общественныя условія, при которыхъ самая безукоризненная жизнь не приводитъ къ счастью. Наконецъ, это ученіе воспринимается различными людьми различно, сообразно обстоятельствамъ ихъ жизни и индивидуальнымъ особенностямъ: «То, что опытомъ приобрѣтено у одного, говоритъ Цицеронъ, — у другого тѣмъ же опытомъ разрушено».

Далѣе моралисты утверждаютъ, что порокъ для духа есть то же, что болѣзнь для тѣла, и добродѣтельная жизнь есть, слѣдовательно, здоровая жизнь. Какъ физическое здоровье желательно само по себѣ, потому что оно есть отсутствіе страданія или безболѣзненное состояніе, такъ же разумъ и добродѣтель цѣнятся ради ихъ самихъ, независимо отъ внѣшнихъ благъ, къ которымъ они могутъ приве-

сти. Точно такъ же подчиненіе ума пороку и страстямъ не потому не желательно, что оно мѣшаетъ счастью, но потому, что оно само по себѣ мучительно и безпокойно. Это мнѣніе, что добродѣтель есть здоровое состояніе, а порокъ — болѣзненное, что добродѣтель сама по себѣ есть благо, а порокъ — зло, — это мнѣніе есть основное положеніе платоновской этики. Оно было принято стоиками, — правда, въ качествѣ второстепеннаго положенія, — и перешло затѣмъ болѣе или менѣе во всѣ послѣдующія системы. Особенно важное значеніе имѣетъ оно для возвышеннаго ученія о самосовершенствованіи, ибо заставляетъ людей обращать вниманіе не столько на отдѣльныя проявленія добродѣтели или порока, сколько на постоянное душевное настроеніе, изъ котораго тѣ и другіе вытекаютъ.

Въ-третьихъ, мотивомъ добродѣтельнаго поступка выставляется то чувство удовольствія, которое сопровождаетъ всякое сознательное нравственное дѣяніе. Это душевное состояніе представляетъ совершенно особое, специфическое чувство удовлетворенности, слѣдующее непосредственно за извѣстнымъ поступкомъ, и его легко отличить отъ постояннаго душевнаго равновѣсія, вытекающаго изъ подавленія въ себѣ порочныхъ и безпокойныхъ побужденій. Въ обычныхъ увѣщаніяхъ насладиться «сладострастіемъ добра» и выражается именно эта теорія. Хотя чувство удовольствія сопровождаетъ каждый добродѣтельный поступокъ, но особенно сильно оно ощущается въ тѣхъ случаяхъ, когда доброе дѣло совершается изъ сочувствія къ людямъ, и, слѣдовательно, симпатія усиливаетъ чувство довольства.

Всѣ эти три мотива нравственной дѣятельности

имѣютъ одно общее свойство, что они конечною своею цѣлью ставятъ счастье дѣйствующаго лица. Первый изъ нихъ ищетъ этого счастья во внѣшнихъ обстоятельствахъ, второй и третій — въ психическихъ состояніяхъ. Но остается еще разсмотрѣть четвертый мотивъ, который является спеціальнымъ отличіемъ интуитивной школы моралистовъ и камнемъ преткновенія ихъ противниковъ. Этотъ мотивъ основывается на убѣжденіи, что идея долга намъ прирождена, что она является непосредственнымъ внутреннимъ импульсомъ къ самымъ благороднымъ поступкамъ, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было утонченныхъ и замаскированныхъ эгоистическихъ побужденій. Побудительная сила этого мотива также совершенно не зависитъ отъ окружающихъ обстоятельствъ и какихъ бы то ни было формъ вѣрованія. Онъ одинаково дѣйствителенъ для всѣхъ людей, для христіанъ и нехристіанъ, для тѣхъ, кто вѣруетъ въ загробную жизнь, и для тѣхъ, кто не признаетъ безсмертія души. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о счастіи или несчастіи, о наградѣ или наказаніи. Люди чувствуютъ, что естественная цѣль ихъ существованія заключается въ извѣстномъ направленіи жизненной дѣятельности, и сознаютъ себя обязанными, даже цѣною счастья, слѣдовать этому направленію. Они непосредственно чувствуютъ, что извѣстные поступки сами по себѣ хороши и благородны, другіе — низки и подлы, и одно это сознаніе, безъ всякаго отношенія къ соображеніямъ удовольствія, побуждаетъ ихъ стремиться къ первымъ и избѣгать послѣднихъ.

Я остановился на этихъ различіяхъ потому, что философская школа, которую мы теперь изучаемъ,

представляетъ превосходный историческій примѣръ того огромнаго вліянія, какое высшій изъ этихъ мотивовъ можетъ оказывать на человѣка. Всѣ низменныя проявленія эгоизма были безусловно осуждены стойками. Однимъ изъ главныхъ принциповъ эти философы выставляли слѣдующее: все, что не въ нашей власти, должно быть для насъ безразличнымъ; задача нравственнаго воспитанія должна заключаться въ томъ, чтобы отвлечь мысль отъ стремленія къ счастью, и, слѣдовательно, благоразуміе должно быть совершенно исключено изъ мотивовъ нравственнаго поведенія. Чтобы подкрѣпить эти принципы, они постоянно распространялись о тщетѣ всего земнаго и о величїи независимаго духа и въ превеличенныхъ выраженїяхъ превозносили безстрастное спокойствіе мудреца. Въ Римской имперїи стоицизмъ процвѣталъ какъ разъ въ тотъ періодъ, который наименѣе благопрїятствовалъ подобному ученію. Тогда бывали такіе императоры, при которыхъ, выражаясь эмфатическимъ слогомъ Тацита, «добродѣтель влекла за собой смертный приговоръ». Никогда грубая сила не достигала такого полнаго торжества, никогда жажда къ матеріальнымъ благамъ не доходила до такихъ размѣровъ, и порокъ такъ пышно не величался. И среди такой обстановки стойки проповѣдывали философію, которая вовсе не была компромиссомъ или попыткой умѣрить эти излишества въ обществѣ, но которая своею суровою чистотой представляла полную противоположность господствующему духу времени и шла въ ущербъ собственнымъ интересамъ философовъ. И эти люди далеко не были страстными фанатиками, одушевленными надеждой на будущее блаженство:

вѣра въ безсмертіе души не играла у нихъ никакой роли. Среди скептицизма, который распространился въ Римѣ съ введеніемъ греческой философіи, среди разложенія старыхъ басенъ о Тартарѣ и Стиксѣ и всеобщаго распространенія въ народѣ разрушительнаго эпикурейскаго ученія — вѣра въ безсмертіе души совершенно упала, несмотря на красивыя разглагольствованія Цицерона и тяготивніе нѣкоторыхъ людей къ мистеріямъ, подобно Плу-тарху. Одинъ собесѣдникъ у Цицерона выражаетъ, по всей вѣроятности, общее настроеніе, говоря, что, когда у него передъ глазами сочиненія Платона, онъ готовъ вѣрить въ безсмертіе души и живо представлять его себѣ; но какъ только онъ закрываетъ книгу, разсужденія теряютъ силу, и міръ духовъ блѣднѣетъ и исчезаетъ. Если Эпій былъ награжденъ въ театрѣ аплодисментами за заявленіе, что боги не принимаютъ участія въ человѣческихъ дѣлахъ, то Цезарь уже безъ всякаго протеста и почти при всеобщемъ сочувствіи высказалъ въ сенатѣ, что смертью все кончается. Плиній, пожалуй, самый крупный изъ римскихъ ученыхъ, признававшихъ возрѣнія эпикурейской школы, считаетъ вѣру въ загробную жизнь родомъ номѣшательства, наивною и вредною иллюзіею. Мнѣнія стойковъ по этому вопросу были неопредѣленны и неустойчивы. Вначалѣ они учили, что душа имѣетъ будущее и независимое, но не вѣчное существованіе, что она будетъ жить до тѣхъ поръ, когда всеобщій пожаръ уничтожитъ міръ и когда все конечное превратится во всеобъемлющую мировую душу. Эту будущую жизнь, которую Клеантъ обѣщалъ всѣмъ душамъ, Хризиппъ отводилъ только лучшимъ и благороднѣй-

шимъ, и даже въ такомъ видѣ ученіе это возбуждало большія сомнѣнія среди римскихъ стойковъ. Вѣра въ то, что душа есть отдѣлившаяся частица божества, естественно, вела за собой дальнѣйшее вѣрованіе, что послѣ смерти она опять будетъ поглощена породившимъ ее духомъ. Ученіе, что добродѣтель сама по себѣ есть единственное истинное благо, лишало стойковъ аргумента въ пользу существованія будущаго міра, гдѣ добродѣтель будетъ награждена, а зло наказано; вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительное заявленіе, что добрый человекъ долженъ поступать добродѣтельно, безъ всякаго расчета на награду, привело ихъ, подобно нѣкоторымъ еврейскимъ мыслителямъ, къ совершенному отрицанію возмездія. Панецій, основатель римскаго стоицизма, утверждалъ, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ; къ этому мнѣнію присоединились Эпиктетъ и Корнупъ. Сенека въ этомъ пунктѣ противорѣчитъ самъ себѣ. Маркъ Аврелій не шелъ дальше смутныхъ и неопредѣленныхъ чаяній. Тѣ, которые вѣрили въ загробную жизнь, вѣрили слабо и нерѣшительно, и даже когда они признавали ее фактомъ, они отказывались рекомендовать въ качествѣ мотива. Система стоической морали, которая возвела принципъ самопожертвованія на небывалую высоту и которая оказала необычайно сильное вліяніе на общество, развивалась безъ всякаго содѣйствія доктрины о будущей жизни. Языческая древность завѣщала намъ не много такихъ превосходныхъ трактатовъ о морали, какъ «De Officiis» Цицерона, которое, по общему признанію, было лишь развитіемъ одного сочиненія Панеція. Она оставила намъ высокій образецъ личности въ Эпиктетѣ; это былъ больной калѣка,

рабъ отличавшагося своею жестокостью господина, былъ отпущенъ на свободу только подъ конецъ жизни, но вскорѣ опять отправленъ въ ссылку Домиціаномъ; хотя онъ позналъ всю глубину человѣческихъ бѣдствій и смотрѣлъ на смерть какъ на простое разложеніе вещества, — онъ былъ весь проникнутъ чувствомъ божественнаго присутствія, вся жизнь его была непрерывнымъ гимномъ Провидѣнію, и всё его писанія и самая личность, которая казалась современникамъ почти идеаломъ человѣческаго совершенства, до сихъ поръ не утратили своей возвышающей душу силы даже на разстояніи столькихъ вѣковъ и вопреки всѣмъ историческимъ перемѣнамъ.

Но есть другая форма безсмертія, которая оказала гораздо большее вліяніе на римскихъ моралистовъ. Жажда славы, особенно славы въ потомствѣ — эта «послѣдняя слабость благородныхъ душъ» — занимала первое мѣсто въ ряду причинъ римскаго героизма и была также источникомъ той ходульной и экзальтированной фразистости, отъ которой не спаслись даже величайшіе изъ моралистовъ древности. Но мы впали бы въ большую ошибку, если бы, подобно нѣкоторымъ, заключили, что язычество не возвысилось до идеи добродѣтели, скрывающейся отъ міра и добровольно подвергающей себя уничтоженію. Въ древности выше всего цѣнились такіе характеры, которые ради исполненія долга смѣло рисковали своей популярностью, — такіе люди, какъ Фабій, который ради спасенія отечества пожертвовалъ своею воинскою славой, — люди, подобные Катону, который не дрогнулъ ни однимъ мускуломъ, когда его осыпала ругательствами, оскорбленіями и насмѣшками

раздраженная толпа. Обсуждая основные положенія стоицизма, Цицеронъ замѣтилъ, что истиннымъ философомъ можетъ быть только тотъ, кто убѣжденъ, что отъ всякаго порока можно отдѣлаться, «хотя бы это было скрыто отъ глазъ людскихъ и божескихъ», и самыми похвальными поступками нужно считать тѣ, которые совершаются не напоказъ, а въ сторонѣ отъ людскихъ взглядовъ. Сочиненія стоиковъ полны подобными изреченіями. «Ничего не слѣдуетъ дѣлать ради молвы, все ради совѣсти». «Кто хочетъ, чтобы его добрыя дѣла были всѣмъ извѣстны, тотъ хлопочетъ не о добродѣтели, но о славѣ». «Самымъ добродѣтельнымъ человѣкомъ можно назвать того, кто поступится скорѣе своимъ добрымъ именемъ, чѣмъ совѣстью». «Я вовсе не гнушаюсь похвалы, но только я не хочу ее ставить цѣлью и условіемъ правой жизни». «Если ты сдѣлаешь что-нибудь съ цѣлью понравиться людямъ, ты упадешь со своей высоты». «Даже дурная слава пріятна, если она пріобрѣтена честнымъ путемъ». «Великій человѣкъ все остается великимъ, даже если онъ побѣжденъ и поверженъ во прахъ». «Помни всегда, что ты можешь быть превознесенъ до небесъ, а потомъ забыть всѣмъ міромъ». «Что прекрасно, прекрасно само по себѣ; похвала людей ничего не прибавляетъ къ достоинству вещи». Маркъ Аврелій, слѣдуя примѣру Пинеагора, поставилъ правиломъ нравственной дисциплины — постоянно думать о смерти и вызывать въ воображеніи рядъ погибшихъ государствъ, чтобы такимъ образомъ пріобрѣсти наглядное представленіе о тщетѣ посмертной славы. Плиній Младшій вѣрно обрисовалъ идеалъ стойка въ образѣ своего друга, который «не дѣлалъ ничего напоказъ, но

все по совѣсти, который искалъ награды добродѣтели въ ней самой, а не въ похвалѣ людей». Такъ же настойчиво проводили стойки различіе между обязательностью добродѣтели и ея притягательною силой. Въ этомъ пунктѣ они расходились съ передовою фракціей эпикурейцевъ, которые готовы были утверждать, что удовольствіе при совершеніи добрыхъ дѣлъ въ высшей степени чистое, благородное, но все-таки стояли на томъ, что удовольствіе должно быть конечною цѣлью нашихъ поступковъ. Стойки рѣшительно отвергали это. «Удовольствіе,—говорили они,—есть спутникъ, а не руководитель нашей жизни». «Мы не потому должны любить добродѣтель, что она доставляетъ намъ удовольствіе, но потому она и доставляетъ намъ удовольствіе, что мы ее любимъ». «Мудрецъ не будетъ грѣшить, хотя бы ни боги, ни люди не замѣтили его проступка, потому что онъ воздерживается отъ грѣха не изъ страха наказанія или стыда, а вслѣдствіе внутренняго стремленія и тяготѣнія къ добру и правдѣ». «Требовать платы за добродѣтель все равно, что глазу требовать награды за зрѣніе или ногамъ за хожденіе». «Дѣлая добро, человѣкъ долженъ походить на виноградную лозу, которая произвела чудныя гроздыя и ничего не требуетъ за это». По мнѣнію стоиковъ, человѣкъ долженъ стремиться не къ тому, чтобы найти успокоеніе въ жизни или смерти, но чтобы исполнять свой долгъ и проповѣдывать истину.

Другую отличительную чертой стоицизма, какъ я уже замѣтилъ, было совершенное подавленіе чувствъ съ цѣлью предоставить безграничное господство разуму. Есть два основныхъ типа характеровъ, которые близко подходят — одинъ къ темпераменту

стойковъ, другой -- эпикурейцевъ, именно, въ одномъ преобладаетъ воля, въ другомъ перевѣшиваютъ желанія. Хорошимъ человѣкомъ первой категоріи называется такой, который, руководясь сознаниемъ долга, твердо слѣдуетъ тому пути, который онъ считаетъ правымъ, наперекоръ сильному искушенію уступить влеченію страстей или давленію обстоятельствъ. Хорошимъ человѣкомъ второго типа будетъ тотъ, кто такъ счастливо устроенъ, что его чувства и желанія инстинктивно ведутъ его къ добру. Только къ характеру перваго типа можно, строго говоря, примѣнить понятіе о заслугѣ, и только онъ способенъ подняться до высшихъ подвиговъ постояннаго и героическаго самоотреченія; съ другой стороны, во второмъ характерѣ такъ много прелести непосредственнаго душевнаго движенія, непринужденнаго влеченія, чего не въ состояніи достигнуть культивированная добродѣтель. Если человѣкъ, изъ чувства долга, будетъ всегда великодушень, между тѣмъ какъ естественныя наклонности влекутъ его къ жадности и всякій актъ щедрости причиняетъ ему мученія, — конечно, онъ въ высочайшей степени заслуживаетъ уваженія; но тотъ, кому великодушіе не стоитъ никакихъ усилій и есть естественное обпаруженіе его чувствъ, — въ гораздо большей степени привлекаетъ наши симпатіи. Сообразно этимъ двумъ типамъ характеровъ есть двѣ различныя системы воспитанія; цѣль одной состоитъ главнымъ образомъ въ укрѣпленіи воли, а цѣль другой — въ направленіи желаній. Примѣромъ первой можетъ служить спартанское и стоическое воспитаніе въ древности и съ нѣкоторыми видоизмѣненіями аскетизмъ среднихъ вѣковъ. Цѣлью этихъ системъ было

пріучить чловѣка переносить боль, побѣждать въ себѣ самыя законныя желанія, отказываться отъ удовольствій и безусловно владѣть своими чувствами. Съ другой стороны, противоположный методъ воспитанія, который является господствующимъ въ настоящее время, направленъ къ тому, чтобы добродѣтель сдѣлать привлекательною, стараясь ассоціировать ее со всѣми чарами воображенія и счастія, и такимъ образомъ незамѣтно направить желанія на избранный путь. Система перваго рода преимущественно годится для неспокойнаго и воинственнаго общества, которое требуетъ напряженныхъ усилій воли и представляетъ какъ бы специальную арену для героическихъ подвиговъ, между тѣмъ какъ система втораго рода естественно подходитъ къ мирной и развитой цивилизаціи, которая очень благопріятствуетъ развитію гуманныхъ чувствъ; очень вѣроятно, что съ успѣхами цивилизаціи героическій типъ будетъ встрѣчаться все рѣже и рѣже, а общее настроеніе доброты и снисходительности будетъ все больше и больше распространяться. Общественныя условія древнихъ народовъ привели ихъ къ первому типу, который нашелъ свое крайнее выраженіе въ ученіи стоиковъ, что чувства есть родъ болѣзни. Ученіе это они доказывали тѣми же самыми аргументами, которые теперь употребляютъ метафизики, доказывая, что любовь, гнѣвъ и тому подобныя чувства не могутъ быть приписаны божеству, развѣ только въ фигуральномъ смыслѣ. Всякое волненіе, утверждали стоики, несомнѣнно, есть несовершенство и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписано совершенному существу. Мы имѣемъ ясное непосредственное сознаніе, что разумъ есть высшая сила и дол-

женъ быть руководителемъ всякаго интеллигентнаго существа, между тѣмъ поступокъ, совершенный подъ вліяніемъ чувствъ, выходитъ изъ сферы разума. Отсюда стойки пришли къ заключенію, что волю пужно воспитывать такъ, чтобы она всегда направлялась къ добру, но чувства, даже тѣ, которыя могли бы поддержать ее на этомъ пути, должны быть безусловно устранены. Сообразно этому, Сенека установилъ различіе между милосердіемъ и состраданіемъ: первое принадлежитъ, по его мнѣнію, къ высшимъ добродѣтелямъ, а второе — положительный недостатокъ. Милосердіе, говоритъ онъ, есть постоянная склонность къ смягченію наказаній; оно есть спиходительность, которая сбавляетъ частицу заслуженной кары, и противоположно жестокости, которая есть постоянная склонность къ строгости. Состраданіе же относится къ милосердію, какъ суевѣріе къ религіи; оно есть слабость мелкой души, которая теряетъ присутствіе духа при видѣ чужихъ страданій. Милосердіе есть актъ сужденія, между тѣмъ какъ состраданіе только запутываетъ сужденіе. Милосердіе рѣшаетъ, взвѣсивая степень виновности и силу возмездія. Состраданіе видитъ одно страданіе и не разбираетъ его причинъ. Милосердіе, даже среди самыхъ высокихъ своихъ подвиговъ, совершенно безстрастно; состраданіе же — чувство неразумное. Милосердіе свойственно мудрецамъ, а состраданіе — слабымъ женщинамъ и немощнымъ душамъ. «Мудрецъ утѣшитъ плачущаго, но не будетъ плакать вмѣстѣ съ нимъ; онъ поможетъ утопающему, пріютитъ изгнанника, подастъ милостыню нищему, возвратитъ сына горюющей матери, освободитъ раба отъ боя со звѣрями и даже похоронитъ преступника!»

но при всемъ этомъ душа его и даже черты лица останутся безучастными. Онъ не испытаетъ состраданія. Онъ всѣмъ окажетъ помощь, сдѣлаетъ добро, потому что онъ созданъ для того, чтобы помогать ближнимъ, трудиться для блага человѣчества и каждому воздавать должное... Ни душа его, ни взглядъ не должны обнаруживать никакого волненія при видѣ слабаго, изнуреннаго, сторбленнаго и оборваннаго нищаго. Но онъ поможетъ всѣмъ дѣйствительно нуждающимся, и, подобно богамъ, взоръ его будетъ устремленъ на страждущихъ... Только больные глаза при видѣ чужихъ слезъ тотчасъ сами наполняются слезами, точно такъ же, какъ не изъ искренняго сочувствія, а просто по слабости нервовъ, нѣкоторые смѣются, когда видятъ смѣющихся, и зѣваютъ когда другіе зѣваютъ».

Въ одномъ изреченіи, которое могло бы служить эпиграфомъ къ стоической системѣ, Цицеронъ говоритъ: «Гомеръ приписывалъ богамъ человѣческія свойства; было бы гораздо лучше, если бы онъ надѣлилъ людей божественными свойствами». Эта знаменательная фраза, какъ нельзя лучше, показываетъ, до какихъ крайностей доводили стоики подражаніе божеству. И въ самомъ дѣлѣ, если мы сравнимъ, какіе виды добродѣтели процвѣтали у язычниковъ и у христіанъ, мы найдемъ, что образцомъ совершенства у первыхъ считался тотъ, у кого развита воля и разсудокъ, у вторыхъ—тотъ, у кого преобладаютъ чувства. Скорѣе дружба, чѣмъ любовь, гостепріимство, чѣмъ радушіе, великодушіе, чѣмъ нѣжность, скорѣе милосердіе, чѣмъ сочувствіе, — являются отличительными чертами античной добродѣтели. Стоики, проводившіе принципъ подавленія чувствъ гораздо

дальше всякой другой школы, усердно старались возмѣстить пробѣлъ альтруистическихъ чувствъ широкимъ развитіемъ идейной и безстрастной филантропіи. Самымъ убѣдительнымъ образомъ они проповѣдовали братство всѣхъ людей и вытекающей отсюда долгу каждаго — пожертвовать своею жизнью для блага другихъ. Они развивали это общее положеніе въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ наставленій, которыя по широтѣ, глубинѣ и нравственной красотѣ своей представляютъ верхъ совершенства. Они простерли снисходительность даже на преступленіе и принявши парадоксъ Платона, что всякая вина происходитъ отъ невѣдѣнія, рассматривали преступленіе какъ болѣзнь и объявляли, что единственно-законная цѣль наказанія — предупрежденіе, но никакъ не воздаяніе. Но какъ ни старались они въ теоріи согласовать свои принципы съ широкою и дѣятельною благотворительностью, они не могли парализовать практической вредъ системы, которая объявила войну эмоціональной сторонѣ нашего существа и свела человѣческую добродѣтель къ величавому эгоизму, какъ это будетъ ясно изъ слѣдующихъ примѣровъ, напр.: Анаксагоръ, при извѣстіи о смерти сына, спокойно замѣтилъ: «Я никогда и не думалъ, чтобы онъ былъ безсмертенъ»; или Стильпонъ, — когда его страна была разорена, родной городъ захваченъ непріателемъ, а дочери уведены въ рабство, хвалился, что онъ ничего не потерялъ, потому что все его при немъ. Остовъ или теорія альтруизма была готова у стоиковъ, но не хватало оживляющаго ее духа. Люди, которые учили, что мужъ или отецъ должны совершенно равнодушно смотрѣть на смерть своей жены или ребенка, и что философъ можетъ

притворно проливать слезы сочувствія для утѣшенія своего страдающаго друга, но не долженъ испытывать никакого дѣйствительнаго волненія въ душѣ,— такіе люди, конечно, не могутъ основать истиннаго и прочнаго культа — служенія людямъ. Тѣ, которые отказываются признавать страданіе и болѣзнь зломъ, едва ли выкажутъ большое рвеніе облегчить ихъ для другихъ.

Въ сущности, стойки, учившіе, что добродѣтель есть соотвѣтствіе природѣ, въ этомъ отношеніи глубоко противорѣчили своимъ собственнымъ принципамъ. Человѣческая натура, по свидѣтельству разума, есть сложное цѣлое, состоящее изъ многихъ частей, различныхъ по виду и свойствамъ, механизмъ, составленный изъ многихъ силъ, находящихся другъ къ другу въ положеніи подчиненія или господства. Считать высшую часть нашего существа — всѣмъ существомъ, это не значитъ возвысить, но исказить человѣческую природу, и никогда такое искаженіе не обходилось безъ серьезнаго вреда. Какъ филантропы, стойки изъ стремленія къ единству искоренили тѣ чувства, которыя природой предназначены служить главными источниками альтруизма. Какъ умозрительные философы, они, изъ того же стремленія къ единству, запутывались въ цѣломъ рядѣ жалкихъ парадоксовъ. Ихъ пресловутая доктрина, что всѣ добродѣтели равны, или, вѣрнѣе, представляютъ одно и то же, и всѣ пороки равны, что зломъ можно назвать только то, что парализуетъ нашу волю, и что, слѣдовательно, боль и лишенія вовсе не есть зло, — эта доктрина, хотя отчасти ограничиваемая, а иногда и совѣмъ оставляемая въ тѣни римскими стоиками, все-таки была настолько замѣтна, что со-

общала всему ихъ ученію видъ какого-то неестественнаго мудрствованія. Такъ какъ они преслѣдовали только одну цѣль и развивали только одну сторону своей природы, то взгляды ихъ вышли очень узкими и односторонними. Итакъ, въ то время, какъ эпикурейцы внушали людямъ необходимость изучать природу, чтобы уничтожить суевѣрія, и старались такимъ образомъ устранить то невѣжество въ физическихъ наукахъ, которое было главною помѣхой умственнаго прогресса въ древности, — стоики по большей части презирали всякое знаніе, которое не вело непосредственно къ добродѣтели. Въ то время какъ эпикурейскій поэтъ въ чудныхъ стихахъ изображалъ безконечный прогрессъ человѣческаго разума, — стоическій поэтъ непремѣнно обращалъ свои взоры назадъ и истощался въ безплодныхъ усиліяхъ возстановить простоту минувшихъ вѣковъ. И хотя школа Зенона воспитала много великихъ и прекрасныхъ характеровъ, которые едва ли можно встрѣтить въ другія эпохи, однако, необходимо признать, что въ лѣтописяхъ этой школы можно найти также немало примѣровъ людей возвышеннаго образа мыслей, но запятнавшихъ себя въ практической дѣятельности, такихъ, которые въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ возвысились до абсолютно-совершенной добродѣтели, въ другихъ пали далеко ниже обычнаго уровня. Катонъ Старшій, бывшій типичнымъ философомъ, хотя не профессиональнымъ, извѣстенъ безчеловѣчнымъ отношеніемъ къ рабамъ. Брутъ былъ однимъ изъ самыхъ безжалостныхъ ростовщиковъ своего времени, и нѣсколько саламинцевъ умерли отъ изнуренія въ тюрьмѣ, потому что не могли уплатить ему всего долга. Никто краснорѣчивѣе Саллюстія

не восхвалялъ суровую простоту жизни, проповѣдуемую стойками, а между тѣмъ Саллюстій, даже въ то испорченное время, выдавался своею алчностью. Самъ Сенека былъ въ высшей степени нервнымъ и робкимъ человѣкомъ и не всегда удерживался на высотѣ своей философіи. Правда, ему приходилось держать знамя добродѣтели при очень трудныхъ обстоятельствахъ, и смерть его является однимъ изъ самыхъ высокихъ подвиговъ древности; но жизнь его опозорена низкою лестью и корыстолюбіемъ, и, къ сожалѣнію, несомнѣнно, что онъ пустилъ въ ходъ свой литературный талантъ, чтобы замаскировать или прикрасить одно изъ самыхъ гнусныхъ злодѣйствъ Нерона. Стойкость Лукана не выдержала пытки, и лесть, которую онъ расточаетъ Нерону въ своихъ Фарсалияхъ, доходитъ вмѣстѣ съ эпиграммами Марціала до самыхъ крайнихъ предѣловъ раболѣпства, до которыхъ когда-либо унижалась римская литература.

Кромѣ того, главною задачей стойковъ было пространство ихъ философіи среди массы; между тѣмъ высшая степень самообладанія, которой они требовали, дѣлала ихъ систему совершенно непригодной для большинства людей и для обычнаго житейскаго обихода. Жизнь есть проза, а не поэзія. Она состоитъ обыкновенно изъ мелкихъ явленій, которыя рѣдко освѣщаются вспышками героизма, рѣдко прерываются грозными бѣдствіями и требуютъ большаго напряженія силъ. Чтобы стать руководительницей общества, моральная система должна припоровиться къ среднимъ характеристамъ и принять въ расчетъ самые разнообразные мотивы поведенія. Она должна оказывать вліяніе и на такія натуры,

которыя не въ состояніи подняться до героизма. Она должна подтянуть, умѣрить, смягчить въ тѣхъ случаяхъ, когда не можетъ вырвать съ корнемъ и пересоздать. Среди христіанъ, конечно, всегда найдется нѣсколько человѣкъ, которые путемъ постоянныхъ мучительныхъ усилій стараются подавить въ себѣ обыкновенныя человѣческія чувства, но въ большинствѣ случаевъ вліяніе религіознаго ученія, хотя и очень сильное, не такого рода, чтобы держать человѣка въ постоянномъ напряженіи и тяжелой внутренней борьбѣ. Это вліяніе проявляется обыкновенно въ непосредственномъ движеніи чувства. Оно смягчаетъ характеръ, очищаетъ и направляетъ воображеніе, незамѣтно входитъ въ обычный образъ мыслей и, не производя рѣзкаго душевнаго смятенія, сообщаетъ тонъ и направленіе всѣмъ нашимъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ стоицизмъ былъ школой героевъ. Онъ не признавалъ никакихъ градацій добродѣтели или порока. Онъ осуждалъ всѣ эмоціи, всякую непосредственность, борьбу мотивовъ, всѣ тѣ принципы, чувства и импульсы, которые и являются обыкновенно источникомъ добродѣтели. Эта философія могла оказывать дѣйствіе только на избранныя натуры, способныя къ высшему нравственному подъему, и естественно, что масса ее отвергала.

Основнымъ принципомъ этой философіи самообладанія было признаніе человѣческаго достоинства. Гордость, которая заставляетъ человѣка искать одобренія въ самомъ себѣ — значить, смотреть внутрь, въ отличіе отъ тщеславія, которое смотритъ вокругъ и сообразуетъ свое поведеніе съ мнѣніями другихъ людей, — гордость не только допускалась стоицизмомъ, но даже считалась руководящимъ нравствен-

нымъ стимуломъ. Добродѣтель въ стоической системѣ занимаетъ то же мѣсто, какъ грѣхъ въ христіанствѣ, т. е. считается прирожденнымъ свойствомъ человѣческой природы. Грѣхъ, по понятіямъ древнихъ, былъ просто болѣзью, и они вмѣняли мудрецу въ обязанность избавиться отъ него, не разбирая сопровождающихъ его обстоятельствъ. Во многихъ трактатахъ Эпиктета и другихъ стоиковъ, при описаніи состоянія духа передъ смертью, ни однимъ словомъ не упоминается о раскаяніи за совершенные проступки, и, повидному, древніе не понимали его возвышающаго и очищающаго душу значенія. Вполнѣ признавая реальность моральной болѣзни и предлагая идеаль высокаго и въ дѣйствительности недостижимаго совершенства, ни одинъ изъ стоиковъ не сомнѣвался въ совершенствѣ человѣческой природы, и, за немногими исключеніями, все признавали, что человѣкъ одними собственными усиліями можетъ достигнуть высшей ступени добродѣтели. Относительно послѣдняго вопроса было глубокое различіе между ученіемъ римскихъ моралистовъ и греческихъ поэтовъ. Гомеръ постоянно изображаетъ мужество, гнѣвъ и другія свойства какъ прямое внушеніе свыше. Эсхиль, великій поэтъ фатализма, считаетъ каждую человѣческую страсть звеномъ въ великой цѣпи причинъ, выкованной непреклонною волей Зевса. Въ поэзіи немного столь высокихъ художественныхъ твореній, какъ его изображеніе множества разнообразныхъ мотивовъ, приведшихъ Клитемнестру къ убійству Агамемнона: месть за убійство дочери, любовь къ Эгнесту, гнѣвъ по поводу прежней супружеской невѣрности, ревность къ Кассандрѣ все это слилось въ дикую ненависть и

побудило ее поднять руку на жизнь мужа; между тѣмъ по поводу всей этой бури страстей Кассандра въ торжественномъ гимнѣ провозглашаетъ, что дѣяніе это было велѣніемъ небесъ, кровавою жатвой, возросшей изъ преступнаго сѣмени, исполненіемъ стариннаго проклятiя, которое всегда должно тяготѣть надъ злосчастливымъ родомъ Атрея. Передъ трупомъ убитаго царя и въ виду самаго необузданнаго припадка человѣческой страсти, присутствующіе преклонили головы и воскликнули: «На то была воля Зевса, верховнаго правителя, бога, отъ котораго все исходитъ; ибо что можетъ случиться въ мірѣ, помимо его воли?»

Такого рода воззрѣнія почти не встрѣчаются въ римской философіи. Она признавала, что успѣхъ человѣческой дѣятельности, распределеніе счастья въ мірѣ зависятъ отъ Провидѣнія; но, по ея понятiямъ, человѣкъ всегда оставался господиномъ своихъ чувствъ и былъ въ состояніи достигнуть такого совершенства, что могъ даже выдержать сравненіе съ богами. Какъ бы ни казались намъ теперь смѣлыми эти взгляды, они были чрезвычайно распространены среди римскихъ моралистовъ. «Мы въ правѣ гордиться своей добродѣтелью,—говоритъ эклектикъ Цицеронъ,—ибо обязаны ею самимъ себѣ; и не имѣли бы права гордиться, если бы получали ее отъ Бога». «Всѣ люди думаютъ, что счастье происходитъ отъ боговъ, а мудрость — отъ насъ самихъ». Эпикуреецъ Гораций въ одной изъ лучшихъ одъ своихъ изображаетъ совершеннаго человѣка увѣреннымъ въ своей добродѣтели, безстрашнымъ среди разрушенія міра, и совѣтуетъ просить только того, что Юпитеръ можетъ дать и отнять. «Онъ даритъ жизнь, богатство,

но спокойствіе духа я создаю себѣ самъ». «Спокойствіе духа самодовлѣющаго въ сознаниіи своей добродѣтели» — это было выраженіе высшаго блаженства, завѣщанное эпикурейцамъ ихъ учителемъ. Лукрецій въ одномъ мѣстѣ называетъ Эпикура богомъ и радуется, что народные боги обращаются въ ничто передъ нимъ. Церера, говоритъ онъ, дала людямъ хлѣбъ, Бахусъ — вино, но Эпикуръ далъ имъ принципы добродѣтели. Геркулесъ поражалъ чудовищъ, Эпикуръ поражалъ пороки. «Проси,—говоритъ Ювеналь,— чтобы тебѣ былъ данъ здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ. Проси мужественнаго сердца, не знающаго страха смерти... Впрочемъ, это все такія вещи, которыя ты самъ себѣ можешь доставить». «Несчастія, потери, клевета, — говоритъ Сенека, — исчезаютъ передъ добродѣтелью, какъ звѣзды передъ солнцемъ». «Въ одномъ отношеніи мудрецъ превосходитъ Бога: Богъ обязанъ Своей природѣ, что Онъ ничего не боится, — мудрецъ обязанъ этимъ самому себѣ. Какое величіе: при слабости человѣка обладать безстрашіемъ божества». Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «Человѣкъ во всемъ подобенъ Богу, за исключеніемъ безсмертія». «Отличіе мудреца состоитъ въ томъ,—прибавляетъ Эпиктетъ,—что онъ ищетъ источника всѣхъ хорошихъ и дурныхъ свойствъ въ самомъ себѣ. Если разсматривать только его разумную природу, онъ ничѣмъ не ниже боговъ».

Но въ стоицизмѣ были и другія теченія, которыя въ значительной степени ограничивали, а иногда совершенно отвергали эти взгляды на отношеніе человѣка къ божеству. Религіозное ученіе стоиковъ состояло изъ смутнаго, неопредѣленнаго и довольно непослѣдовательнаго пантеизма; божество почитали

они въ двухъ видахъ — или какъ Провидѣніе или какъ нравственное добро, а человѣческую душу считали «обособившеюся частицей божества», или во всякомъ случаѣ проникнутою и надѣленною божественною силой. «Никогда не было,— сказалъ Цицеронъ,— великаго человѣка безъ вдохновенія свыше». «Ничто не укроется отъ Бога,— говоритъ Сенека.— Онъ незримо присутствуетъ въ нашей совѣсти. Онъ участвуетъ въ нашемъ мышленіи». «Говорю тебѣ, Луцилій,— пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,— внутри насъ живетъ божественный духъ, наблюдатель и стражъ нашихъ хорошихъ и дурныхъ поступковъ... Помимо Бога человѣкъ не можетъ быть добродѣтельнымъ. Кто безъ Его помощи можетъ стать выше судьбы? Онъ подаетъ мудрые и высокіе совѣты. Богъ (какой — неизвѣстно) живетъ внутри cadaго добродѣтельнаго человѣка». «Приноси жертвы Богу, который живетъ въ тебѣ», сказалъ Маркъ Аврелій. «Достаточно вѣрить въ духа, который внутри насъ, и поклоняться ему чистымъ сердцемъ».

Изреченій такого рода не мало въ сочиненіяхъ стоиковъ. Но чаще всего добродѣтель считается подражаніемъ Богу. Это было платоновское правило «слѣдуй Божеству», которое стоики постоянно повторяли и развивали съ глубокимъ и искреннимъ паэосомъ; къ этому правилу они присоединяли еще долгъ cadaго вполнѣ и безпрекословно повиноваться всѣмъ велѣніямъ Провидѣнія. Это послѣднее ученіе о безропотномъ перенесеніи своей участи вполнѣ согласовалось съ ихъ ненавистью къ эмоциональной сторонѣ нашего существа. «Плакать, жаловаться, роптать, значить возмущаться; бояться, грустить, сердиться — значить бросить знамя». «Вспо-

мни, что ты только актеръ, играющій ту или другую роль по назначенію Господина. Она можетъ быть длинна или коротка. Если бы Онъ захотѣлъ, чтобы ты изображалъ бѣдняка, дѣлай это охотно; кого бы ты ни изображалъ — калѣку, чиновника или частнаго человѣка, — во всякомъ случаѣ съ честью исполняй свою роль». «Никогда не говори, что ты что-нибудь потерялъ, но что ты возвратилъ это: если у тебя умерли жена и ребенокъ — ты ихъ вернулъ обратно; если у тебя отнята земля — она тоже возвращена. Дурной человѣкъ завладѣлъ ею? Но не все ли тебѣ равно, черезъ чье посредство тотъ, кто тебѣ ее далъ, у тебя ее опять потребовалъ»? «Богъ не изнѣживааетъ хорошаго человѣка счастьемъ: Онъ испытываетъ его, укрѣпляетъ, Онъ приготовляетъ его для Себя». «Тѣхъ, кого Богъ одобряетъ, кого Онъ любитъ, онъ учитъ, испытуетъ, закаляетъ; но тѣхъ, которымъ Онъ, повидимому, покровительствуетъ и которыхъ охраняетъ, — Онъ приготовляетъ для будущихъ бѣдствій». Въ восторженномъ приливѣ смиренія и признательности Маркъ Аврелій восклицаетъ: «Нѣкоторые говорили: о, возлюбленный градъ Кекропса! Но я развѣ не могу сказать: о, возлюбленный градъ Юпитера?.. Все, что доступно другимъ, и мнѣ доступно».

Всѣ эти выдержки, которыя могутъ быть умножены до безконечности, показываютъ, какъ съ помощью идеи о Провидѣніи стоикамъ удалось смягчить высокоумѣрный тонъ, отличавшій известную часть ихъ ученія. Но какъ разъ въ этомъ пунктѣ скрывалась другая опасность, о которую разбилось множество моральныхъ системъ всѣхъ временъ. Ученіе, которое предписываетъ безусловное повинове-

ніе всѣмъ опредѣленіямъ Провидѣнія, которое осуждаетъ всѣ чувства и объявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ своихъ послѣдователей независимыми отъ окружающихъ обстоятельствъ, — въ большинствѣ общественныхъ условій неизбѣжно приводило къ квіетизму и обнаруживало полную несовмѣстимость съ активной добродѣтелью. Къ счастью, однако, въ древнемъ мірѣ идея добродѣтели съ самыхъ раннихъ временъ такъ нераздѣльно слилась съ идеей политической дѣятельности, что опасность эта на долгое время была окончательно устранена. Государство занимало тогда такое первенствующее положеніе въ интересахъ людей, какого оно въ позднѣйшія времена никогда не достигало. Патріотическое одушевленіе трепетало во всѣхъ фибрахъ умственной и нравственной жизни. Глубокомысленные философы, чистые моралисты, идеалисты-поэты — всѣ были или воинами или государственными дѣятелями. Этимъ объясняется то господствующее положеніе, которое занимаютъ гражданскія добродѣтели въ этическихъ системахъ древности, а также и масса самыхъ странныхъ парадоксовъ античной морали. Платонъ защищалъ общность женъ, главнымъ образомъ, ради того, чтобы, не имѣя семьи, дѣти были болѣе привязаны къ своему отечеству. Про Аристотеля можно сказать, что онъ построилъ свою моральную теорію почти исключительно на основаніи различія между греками и варварами. Но необходимо признать, что соприкосновеніе сферы отвлеченной мысли со сферой политической дѣятельности оказало и очень благотворное вліяніе на древнихъ философовъ. Почти у всѣхъ философовъ патріотизмъ занималъ первенствующее мѣсто въ ряду нравственныхъ обязанностей, и это

составляет рѣзкій контрастъ съ тѣмъ пренебреженіемъ и презрѣніемъ, въ которое патріотизмъ впалъ у современныхъ моралистовъ. Хотя мы и читаемъ объ Анаксагорѣ, что онъ указывалъ на небо, какъ на свое настоящее отечество, и не считалъ изгнаніе бѣдствіемъ, потому что все равно, откуда ни сойти въ преисподнюю; но такого рода взгляды, хотя и не чуждые эпикурейцамъ и циникамъ, были диаметрально противоположны господствующимъ воззрѣніямъ. Патріотизмъ выставлялся обыкновенно нравственнымъ долгомъ и притомъ высшаго порядка. Цицеронъ высказываетъ общераспространенное мнѣніе, утверждая, что чувство, которое мы питаемъ къ родинѣ, должно быть гораздо болѣе глубоко и священно, чѣмъ то, которое мы питаемъ къ ближайшимъ родственникамъ, и тотъ, кто колеблется пожертвовать жизнью за отечество, не имѣетъ права называться хорошимъ человѣкомъ.

Необходимымъ послѣдствіемъ такой первенствующей роли патріотизма былъ практической характеръ большей части этическихъ системъ древности. Правда, встрѣчались моралисты, которые убѣждали людей умѣрить честолюбіе, утѣшали ихъ среди политическихъ невзгодъ и увѣряли, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ честный человѣкъ обязанъ на время удалиться отъ общественной дѣятельности; но вообще долгъ каждаго принимать участіе въ политической жизни — проповѣдывался самымъ энергичнымъ образомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ очень рѣшительно выставлялась бесплодность квіетистическаго міросозерцанія. Такъ, Цицеронъ объявляетъ, что «всякая добродѣтель состоитъ въ дѣйстви». Плиній Младшій рассказываетъ, какъ онъ однажды жаловался

стойку Евфрату на то, что официальные обязанности оставляют ему мало времени для философских занятий; но Евфратъ отвѣтилъ на это, что отправление общественныхъ обязанностей и судебная дѣятельность составляютъ очень важную часть философіи, и тотъ, кто занимается этимъ, выполняетъ предписанія школы. Стойки признавали однимъ изъ основныхъ положеній своей системы, что человѣчество есть организмъ, въ которомъ каждый членъ долженъ поступать всегда и исключительно въ интересахъ цѣлаго. Маркъ Аврелій, самый чистый представитель школы, въ теченіе 19 лѣтъ управлялъ всѣмъ тогдашнимъ цивилизованнымъ міромъ. Тразея, Гельвидій, Корнуть и множество другихъ, вѣровавшихъ въ стоицизмъ, какъ въ религію, отстаивали свободу отечества въ самые мрачные дни тиранніи и были увѣрены, что выполняютъ этимъ предписанія своего ученія.

Люди, составившіе себѣ такое высокое понятіе о долгѣ, умѣвшіе обуздывать волненія страстей и проводившіе жизнь въ спокойномъ сознаніи своей добродѣтели и человѣческаго достоинства, — врядъ ли могли поддаваться суевѣрнымъ страхамъ, которые такъ терзаютъ слабыхъ людей. Приготовленіе къ смерти считалось одной изъ главныхъ задачъ философіи. Мысль о предстоящей смерти поддерживала человѣка при отреченіи отъ земныхъ благъ, а подавленіе въ себѣ мрачныхъ предчувствій и суевѣрныхъ фантазій дополняло тотъ типъ величаваго самодовлѣнія, который стоицизмъ выставялъ своимъ идеаломъ. Хотя несомнѣнно, что никто краснорѣчивѣе стойковъ не разсуждалъ о смерти и не встрѣчалъ ее мужественнѣе, но несомнѣнно также и то, что по-

стоянныя разсужденія о смерти придали ей чрезвычайную важность, влѣдствіе чего и взгляды стойковъ на жизнь пріобрѣли мрачный колоритъ. «Стойки, — сказалъ Бэконъ, — придавали слишкомъ большое значеніе смерти и своими приготовленіями къ ней сдѣлали ее еще болѣе страшной». Глубокій смыслъ заключаютъ въ себѣ слѣдующія положенія Спинозы: «истинная мудрость мыслителя состоитъ не въ томъ, какъ умереть, но въ томъ, какъ жить», и «менѣе всего философъ долженъ думать о смерти». Жизнь, полная разумной дѣятельности, есть лучшее приготовленіе къ концу, ибо въ предвкушеніи смерти и лежитъ большая часть ужасовъ послѣдней; поэтому стремленіе ослабить страхъ смерти постояннымъ размышленіемъ о ней какъ разъ приводитъ къ противоположному и, кромѣ того, создаетъ ненормально нервный, сосредоточенный и мрачный характеръ, подрываетъ честолюбіе и энтузіазмъ, эти необходимые стимулы прогресса, и нерѣдко охлаждаетъ и ожесточаетъ чувства.

Среди многочисленныхъ полуязыческихъ легендъ средневѣковой Ирландіи есть прекрасная легенда объ островахъ жизни и смерти. Въ ней разсказывается, что на одномъ озерѣ, въ Мюнстерѣ, было два острова; на одинъ изъ нихъ смерть не могла проникнуть, но старость, болѣзни, пресыщеніе жизнью и припадки мучительныхъ страданій были хорошо извѣстны и такъ досадили жителямъ, что они стали томиться своимъ безсмертіемъ и съ надеждой устремляли взоры на сосѣдній островъ, какъ на прібыжище покоя; наконецъ, они спустили лодки на темныя волны, пристали къ тому берегу и нашли тамъ успокоеніе.

Эта легенда, гораздо болѣе проникнутая языческимъ, чѣмъ христіанскимъ духомъ и представляющая только ную форму мѣа о Тифонѣ, очень ярко изображаетъ ту точку зрѣнія, съ которой стоики смотрѣли на смерть. Древніе философы значительно расходились между собой въ вопросѣ о будущей судьбѣ души, но все единодушно признавали, что смерть есть естественный конецъ и что страхъ смерти происходитъ лишь отъ разстроеннаго воображенія. Смерть, говорили они, есть единственное бѣдствіе, которое не постигаетъ насъ при жизни. Пока мы существуемъ — смерти нѣтъ, а какъ только смерть наступитъ — насъ нѣтъ. Ошибочно думаютъ, будто небытіе только слѣдуетъ за жизнью: оно также предшествуетъ жизни. Смерть только возвращаетъ насъ въ то состояніе, въ которомъ мы находились до рожденія. Смерть есть конецъ всеѣмъ печалямъ. Она или приноситъ блаженство или прекращаетъ страданія. Она освобождаетъ раба отъ жестокосердаго господина, раскрываетъ двери тюрьмы, успокаиваетъ боли, заканчиваетъ борьбу изъ-за куска хлѣба. Она есть послѣдній и лучшій даръ природы, такъ какъ она освобождаетъ человѣка отъ всеѣхъ заботъ. Въ худшемъ случаѣ она есть заключеніе жизненнаго пира. Но все равно—призываютъ ли ее, или избѣгаютъ,—она не есть ни проклятіе, ни зло, но просто разложеніе нашего существа на первичные элементы, законъ нашей природы, которому мы должны покоряться съ яснымъ духомъ.

Таковы были руководящія мысли, которыя развивались въ превосходной литературѣ такъ называемыхъ «Утѣшеній», впервые введенныхъ платоникомъ Кранторомъ, потомъ занявшихъ такое видное мѣсто

въ сочиненіяхъ Цицерона, Плутарха и стоиковъ. Цицеронъ, подобно всей платоновской школѣ, подкрѣплялъ силу этихъ аргументовъ твердымъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ въ безсмертіи души. Хотя Плутархъ такъ же твердо держался ученія о безсмертіи души, но отвелъ ему гораздо меньше мѣста въ своихъ Утѣшеніяхъ; притомъ, онъ основывалъ это ученіе не на философскихъ началахъ, а на свидѣтельствѣ оракуловъ и на мистеріяхъ въ честь Бахуса. Среди стоиковъ эта доктрина встрѣчается въ довольно блѣдныхъ и неясныхъ очертаніяхъ и почти никогда не приводится въ качествѣ мотива нравственнаго поведенія. Но при переходѣ отъ христіанской богословской литературы къ языческимъ философамъ изслѣдователя больше всего поражаетъ полное отсутствіе у послѣднихъ взгляда на смерть, какъ на наказаніе. Смерть, по словамъ Сократа, либо прекращаетъ жизнь, либо освобождаетъ духъ отъ рабскихъ оковъ тѣла. Даже въ первомъ случаѣ это добро, а во второмъ такъ величайшее благо. «Привыкай къ мысли,—говоритъ Эпикуръ,—что смерть безразлична; ибо все добро и зло заключается въ чувствахъ, а что такое смерть, какъ не лишеніе чувствъ». «Души или живутъ послѣ смерти,—говоритъ Цицеронъ,—или погибаютъ въ моментъ смерти. Если онѣ продолжаютъ жить, онѣ счастливы; если же погибаютъ, то не несчастливы». Сенека, утѣшая Поливія по поводу смерти его брата, внушаетъ своему другу такое разсужденіе: «Если мертвые умѣютъ чувствовать, то братъ мой, какъ бы освобожденный отъ долгаго тюремнаго заключенія и радующійся своей свободѣ, созерцаетъ теперь съ высоты чуда природы и дѣянія людей и гораздо яснѣе понимаетъ тѣ высокія

истины, которыя онъ такъ долго и тщетно старался уразумѣть при жизни. Къ чему же я буду сокрушаться о томъ, кто или счастливъ, или превратился въ ничто? Оплакивать судьбу того, кто блаженствуетъ, значить завидовать, а оплакивать судьбу несуществующаго, это—безуміе».

Но между тѣмъ какъ греческіе и римскіе философы были согласны въ этомъ пунктѣ, среди народа держалось совершенно противоположное настроеніе. По-гречески слово суевѣріе буквально означаетъ «страхъ передъ богами» или демонами, и философы иногда изображаютъ простой народъ содрогающимся при мысли о смерти, ужасающимся тѣхъ вѣчныхъ мученій, которыя она за собой повлечетъ. Въ греческой мѣологіи много сказаній подобнаго содержанія. На старинныхъ греческихъ вазахъ попадаются иногда изображенія адскихъ мукъ, близко напоминающія средневѣковыя фрески. Восторгъ, съ которымъ былъ встрѣченъ эпикуреизмъ, какъ освободитель человѣческаго ума отъ тиранніи суевѣрныхъ страховъ, показываетъ, какъ тяжело было это иго. Въ поэмѣ Лукреція, въ разныхъ мѣстахъ у Цицерона и у другихъ латинскихъ моралистовъ и въ особенности у Плутарха въ его трактатѣ «о суевѣріи» мы можемъ прослѣдить, какое угнетающее впечатлѣніе производили эти ужасы на народъ въ послѣдній періодъ республики и при имперіи. Разрушить ихъ считалось самою высокою задачей философій. Плутархъ называлъ эти суевѣрные страхи гнусною клеветой на Божество, считалъ ихъ гораздо болѣе гибельными, чѣмъ атеизмъ, и приписывалъ ихъ происхожденіе безнравственнымъ мѣамъ. Ни одинъ изъ философовъ древности не сомнѣвался, что хо-

рошій человекъ, оглядываясь передъ смертью на свою прошлую жизнь, не будетъ испытывать никакого угрызенія совѣсти, а полное душевное довольство, и то уваженіе, которое люди питаютъ къ героической смерти, есть предугадываніе того приговора, который произнесетъ Творецъ. Этою увѣренностью можно объяснить ту бодрость духа и спокойствіе совѣсти, которыя такъ явно обнаружили въ предсмертныя минуты у Сократа и у безчисленнаго множества другихъ древнихъ мудрецовъ. Про Хилона, одного изъ семи мудрецовъ, рассказываютъ, что передъ смертью онъ обвелъ глазами своихъ учениковъ и радостно сообщилъ имъ, что за всю свою долгую жизнь онъ вспоминаетъ только объ одномъ поступкѣ, который смущаетъ его послѣднія минуты, именно—однажды въ одномъ запутанномъ случаѣ изъ любви къ другу онъ позволилъ себѣ нѣсколько отступить отъ справедливости. Произведенія Цицерона, написанныя въ преклонномъ возрастѣ, полны самыхъ страстныхъ ожиданій загробной жизни, не омраченныхъ ни страхомъ, ни сожалѣніемъ. Сенека умеръ спокойно, завѣщая друзьямъ «самое цѣнное имущество — примѣръ своей жизни». Юліанъ, послѣдній великій представитель отживающей религіи, былъ проникнутъ такимъ же возвышеннымъ настроеніемъ. Среди проклятій ожесточеннаго духовенства и въ виду близкаго крушенія любимаго дѣла, онъ умеръ спокойно, въ сознаніи своей правоты, и его героическая смерть была послѣднимъ протестомъ философскаго язычества противъ новаго побѣдоноснаго ученія.

У многихъ писателей въ обычаѣ, на основаніи нѣкоторыхъ пунктовъ, въ которыхъ языческіе фп-

лософы, такъ сказать, предвосхитили христіанскую этику,—представляютъ христіанство простымъ развитіемъ или болѣе цѣльнымъ и убѣдительнымъ изложеніемъ передовыхъ идей язычества; что же касается до принциповъ, созданныхъ вновь христіанствомъ, то, по мнѣнію этихъ писателей, лучшіе и благороднѣйшіе умы языческаго міра, несомнѣнно, примкнули бы къ этимъ принципамъ, если бы ихъ узнали. Это соображеніе имѣетъ свою долю вѣроятности въ приложеніи къ протестантскимъ ученіямъ, но сильно преувеличено или даже совсѣмъ невѣрно по отношенію къ отеческому періоду церкви, или къ средневѣковому католицизму. Важнѣйшій пунктъ, относительно котораго всѣ древніе философы были согласны между собой, шелъ совершенно въ разрѣзъ съ католическимъ богословіемъ. Философы учили, что смерть есть «естественный законъ, а не наказаніе»; отцы же церкви учили, что смерть есть кара, введенная въ міръ со времени грѣхопаденія Адама. Первые учили, что смерть есть конецъ всѣхъ страданій; они осмѣивали какъ бессмыслицу предположеніе, что физическія мученія могутъ постигнуть тѣхъ, тѣла которыхъ обратились въ прахъ; съ вдохновеннымъ краснорѣчіемъ они доказывали, что скоро и окончательно разсѣются суевѣрные ужасы. Вторые учили, что для громаднаго большинства людей смерть есть только начало вѣчныхъ и ужащающихъ мукъ, передъ которыми блѣднѣютъ самыя жестокія земныя страданія, — такихъ мукъ, передъ которыми не устоитъ никакое мужество, и которыя выдержать способно только безсмертное существо. Первые считали человѣка чистымъ и невиннымъ до тѣхъ поръ, пока его воля не уклонилась къ злу;

вторые признавали, что уже съ момента рожденія на немъ тяготѣетъ печать проклятiя. «Никакихъ погребальныхъ жертвоприношенiй, — говоритъ одинъ великій писатель-язычникъ, — не слѣдуетъ дѣлать для дѣтей, умершихъ въ раннемъ возрастѣ, точно такъ же никакихъ обрядовъ, которые совершаются обыкновенно на могилахъ взрослыхъ, ибо, согласно нашимъ вѣрованiямъ, дѣти еще не связаны съ землею и не умѣли прiобрѣсти земныхъ страстей... Законъ запрещаетъ намъ чествовать ихъ, потому что противно религiи оплакивать чистыя души, перешедшія въ лучшую жизнь и переселившiяся въ болѣе счастливыя мѣста»... Знаменитый знатокъ ученiя отцовъ церкви говоритъ: «Всякій, кто скажетъ намъ, что дѣти, умершія не прiобщившись Христу черезъ таинства, будутъ жить во Христѣ, — противорѣчитъ ученiю апостоловъ и осуждаетъ всю церковь... А кто не будетъ жить во Христѣ, тотъ долженъ пребывать въ томъ проклятiи, о которомъ говоритъ апостолъ: черезъ грѣхъ одного человѣка осужденіе постигло всѣхъ людей. Этому осужденiю подлежатъ, по вѣрованiю всѣхъ церквей, и новорожденные младенцы». Первая школа пыталась построить свое ученiе на нравственной природѣ человѣка, утверждая, что можно стать угоднымъ Богу съ помощью только одной добродѣтели, такъ что всѣ жертвы, обряды и внѣшнія формы излишни, и что истинное богослуженіе состоитъ въ созерцанiи Божественной благодати и въ подражанiи ей. Согласно другой школѣ, самые героическіе подвиги добродѣтели недостаточны для того, чтобы отвратить приговоръ вѣчнаго осужденiя, если они не сопровождаются безусловною вѣрой въ догматы церкви и точнымъ

исполненіемъ всѣхъ предписываемыхъ ею обрядовъ. Философы никакъ не соглашались представлять себѣ божество гнѣвнымъ и мстительнымъ и потому считали неразумнымъ страхъ передъ будущими мученіями; христіанское духовенство держалось какъ разъ противоположныхъ мнѣній.

Это все коренные пункты разногласія, такъ какъ они вытекаютъ изъ основныхъ положеній древней философіи. Главною задачей языческихъ философовъ было разсѣять тѣ ужасы, которыми воображеніе окружало смерть, и, разрушивши этотъ послѣдній источникъ робости, сдѣлать челоуѣка независимымъ. Главною цѣлью католическаго духовенства было, наоборотъ, представить смерть въ самомъ страшномъ и ужающемъ видѣ, а такъ какъ избѣжать этихъ ужасовъ, по его ученію, возможно было только путемъ полного подчиненія церковнымъ правиламъ, то, очевидно, что изъ смерти католическое духовенство дѣлало орудіе своей власти. Придумывая пляску смерти и разнаго рода запугивающіе воображеніе образы, которые выставляютъ все безобразіе смерти, не указывая на ея умиротворяющее значеніе; замѣняя сожженіе погребеніемъ и такимъ образомъ сосредоточивая вниманіе на отвратительномъ зрѣлищѣ разложенія тѣла и, наконецъ, населяя невидимый міръ демонами, а загробную жизнь невыносимыми мученіями,—католическая церковь достигла того, что внушила невѣроятный страхъ смерти и такимъ образомъ усилила значеніе тѣхъ утѣшеній, которыя она можетъ дать вѣрующимъ. Католическіе легенды, обряды, искусство, догматическое ученіе — все вело къ этой цѣли, и исторія чудесъ представляетъ поразительное доказательство

успѣховъ духовенства въ пропагандѣ этихъ воззрѣній. Большинство суевѣрій вращается около двухъ центральныхъ пунктовъ — страха смерти и вѣры, что всякое событіе въ жизни происходитъ подъ вліяніемъ особаго сверхъестественнаго воздѣйствія. Последнее воззрѣніе было также главнымъ источникомъ суевѣрій у древнихъ народовъ; на немъ держалась ихъ вѣра въ гаданія, оракуловъ, въ участіе боговъ въ войнахъ, въ небесныя знаменія, или мстяція за упущеніе какой-нибудь обрядовой подробности, или предвѣщающія важныя перемѣны въ судьбѣ народа или государя. И въ средніе вѣка продолжали держаться подобныя вѣрованія, только они приняли форму мрачныхъ картинъ чистилища и ада, борьбы съ видимыми духами или чудодѣйственныхъ продѣлокъ сатаны. Подобно тому, какъ матери устрашаютъ своихъ дѣтей разными призраками, хватающими въ темнотѣ непослушныхъ, и этимъ путемъ создаютъ такія ассоціаціи идей, отъ которыхъ потомъ взрослому человѣку не всегда удается отдѣлаться, — такъ и католическое духовенство стремилось основать свое владычество на нервахъ людей; и такъ какъ въ безконтрольномъ распоряженіи этого духовенства долгое время находилось воспитаніе, литература и искусство, въ концѣ концовъ ихъ усиліями вліяніе древней философіи было окончательно подавлено, и призракъ смерти сталъ на много вѣковъ кошмаромъ воображенія.

Однако, у этой картины есть и обратная сторона. На мѣсто смутнаго представленія о смерти, какое имѣли лучшіе изъ язычниковъ, христіанская церковь выдвигала свѣтлыя надежды, которыя, впрочемъ, значительно потускнѣли въ позднѣйшій періодъ, вслѣд-

ствіе ученія о чистилищѣ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни думали о католическомъ взглядѣ на смерть и вліяніи его на счастье людей, ясно одно, что онъ глубоко отличается отъ воззрѣній языческихъ философовъ.

Это различіе особенно рѣзко выступаетъ въ отношеніи тѣхъ и другихъ къ самоубійству. На этомъ пунктѣ можно отмѣтить, пожалуй, самый значительный контрастъ между воззрѣніями древнихъ философовъ, преимущественно стоиковъ, — съ одной стороны, и почти всѣхъ новѣйшихъ моралистовъ — съ другой. Прежде всего, нельзя сказать, чтобы оправданіе самоубійства было всеобщимъ въ древности. Утверждаютъ, что Пифагоръ, которому приписывается множество мудрыхъ изреченій, запретилъ «безъ позволенія командира, т. е. Бога, покидать свой сторожевой постъ и свое мѣсто въ жизни». Платонъ выражается такимъ же образомъ, хотя онъ разрѣшаетъ прибѣгать къ самоубійству въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуетъ законъ, или когда человекъ постигло страшное несчастье или онъ опустился до крайнихъ предѣловъ нищеты. Аристотель осуждалъ самоубійство изъ политическихъ соображеній, такъ какъ это наноситъ ущербъ государству. Списокъ самоубійць у грековъ не длиненъ, хотя онъ содержитъ нѣсколько знаменитыхъ именъ, между прочимъ Зенона и Клеанта. И въ Римѣ, гдѣ самоубійство приобрѣло большее значеніе, законность его далеко не всѣми признавалась какъ аксіома. Вергилій въ мрачныхъ краскахъ изображалъ положеніе самоубійць въ будущей жизни. Цезарь, Овидій и другіе утверждали, что въ крайнемъ бѣдствіи легко отказаться отъ жизни, но что настоящее мужество за-

ключается въ терпѣніи. Между самими стойками, на ряду съ убѣжденіемъ, что каждый имѣеть право распоряжаться своей жизнью, держалось и другое, что человѣкъ не долженъ отступать передъ исполненіемъ долга. Сенека, энергично ратовавшій за самоубійство, признается, что многіе были противъ него, и самъ онъ даже пытался умѣрить ту, какъ онъ выражается, «страсть къ самоубійству», которая распространилась между его учениками. Маркъ Аврелій колеблется относительно этого вопроса, иногда утверждаетъ, что каждый имѣеть право лишить себя жизни, когда захочетъ, иногда же склоняется къ платоновскому ученію, что человѣкъ есть ратникъ Божій, занимающій извѣстный постъ, который покинуть преступно.

Но, несмотря на это, всеобщее одобреніе самоубійства просвѣчиваетъ въ большинствѣ философскихъ системъ, и даже тѣ, которые осуждаютъ самоубійство, не смотрятъ на него съ нашей точки зрѣнія, какъ на крайнее малодушіе. Наибольшее же значеніе и тщательное философское обоснованіе приобрѣло самоубійство въ императорскую эпоху и именно у стойковъ. Примѣръ Катона, который былъ идеаломъ стойковъ и драматическое самоубійство котораго было любимой темой ихъ краснорѣчія; равнодушіе къ смерти, развиваемое гладіаторскими боями; многіе примѣры самоубійства среди плѣнниковъ, которые, вмѣсто того, чтобы убивать своихъ соотечественниковъ или доставлять развлеченіе побѣдителямъ, охотнѣе пронзали себя своими копьями; обычай заставлялъ государственныхъ преступниковъ самихъ выполнять надъ собой смертный приговоръ, и, наконецъ, болѣе всего, капризная и дикая тиран-

нія цезарей — все это возвело самоубійство на небывалую высоту. Взглядъ на самоубійство, какъ на удобный исходъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, какъ на прекращеніе мукъ болѣзни, какъ на убѣжище противъ старческаго отупѣнія, выражался не только въ философскихъ трактатахъ: мы имѣемъ многочисленные примѣры того, что имъ часто руководились въ жизни. Но, несомнѣнно, наиболѣе развито было ученіе о самоубійствѣ въ стоической системѣ. Философъ могъ чувствовать себя гордымъ, самоувереннымъ и непреклоннымъ только при условіи, что онъ имѣлъ вѣрное убѣжище въ случаѣ чрезмѣрныхъ страданій и бѣдствій. Конечно, добродѣтель не создается исключительно соображеніями интереса, но никогда моральныя системы не имѣли успѣха, если онѣ на ряду съ идеаломъ долга не выставляли идеала счастья. Стоицизмъ училъ людей имѣть поменьше надеждъ, но зато ничего не бояться. Онъ не рисовалъ смерть блестящими красками, какъ переходъ къ вѣчному блаженству, но, представляя ее концомъ страданій, онъ старался очистить ее отъ всѣхъ связанныхъ съ ней ужасовъ. Жизнь лишилась значительной части своей горечи, когда человѣкъ нашелъ убѣжище отъ ударовъ судьбы, быстрое освобожденіе отъ старческой дряхлости и болѣзней. И смерть, въ свою очередь, перестала страшить съ тѣхъ поръ, какъ ее стали считать скорѣе облегченіемъ, чѣмъ наказаніемъ. И въ жизни и при смерти цѣнились тѣ же свойства: идеализація добродѣтели, полное отсутствіе сознанія грѣховности, гордая, непреклонная воля, считавшая смиреніе самымъ большимъ безчестіемъ, занимали одинаковое мѣсто какъ въ жизни, такъ и передъ смертью. Это придавало осо-

бую цѣльность моральному типу. Выше всего въ этомъ типѣ ставилось гордое сознание независимой человѣческой личности, направленной къ благороднымъ цѣлямъ; все же, что носило печать смиренія и самоуниженія, безусловно исключалось.

Я теперь резюмирую вкратцѣ основныя мысли этого очерка, чтобы такимъ образомъ, нагляднѣе представить общую нить, которую нѣсколько затемнили многія подробности и цитаты. Этотъ общій обзоръ сначала покажетъ, въ какихъ отношеніяхъ стоицизмъ былъ продуктомъ предыдущаго состоянія общества и въ чемъ заключалась его прогрессивная сторона, въ какой степени влияние его подготовило почву для христіанской этики, и въ какой степени оно противодѣйствовало ей.

У римлянъ, такъ же какъ и у другихъ народовъ, совершенно ясный и опредѣленный типъ нравственнаго совершенства сложился гораздо раньше, чѣмъ были выработаны теоретически нравственные принципы. Характеръ складывается главнымъ образомъ подъ влияніемъ занятій, а такъ какъ республика была организована съ чисто военными цѣлями, то естественно у древнихъ римлянъ развились добродѣтели и пороки воинственнаго общества. Во всѣ времена, но особенно при античныхъ боевыхъ порядкахъ, военная жизнь благопріятствовала развитію героическихъ, а не мирныхъ добродѣтелей. Римлянинъ привыкъ высоко цѣнить физическую силу. Такъ какъ онъ постоянно былъ занятъ тѣмъ, что причинялъ другимъ страданія, то естественно, что онъ совсѣмъ подавилъ въ себѣ натуральное или инстинктивное чувство гуманности. Его нравственныя обязанности кончались вмѣстѣ съ границами

государства, проявляясь съ различной степенью напряженія только по отношенію къ его сословію, странѣ и союзникамъ. Необузданная гордость была отличительною чертой римскаго характера. Побѣдоносное войско не можетъ быть смиреннымъ, нервительнымъ, равнодушнымъ къ оскорбленіямъ и нечувствительнымъ къ военной чести: это было бы кореннымъ противорѣчіемъ. Вслѣдствіе постояннаго и ревниваго самоуваженія, въ отношеніяхъ къ чужестранцамъ они руководились государственными интересами, а въ отношеніяхъ къ своему правительству — требованіемъ политической свободы; и хотя то и другое вполнѣ совмѣстимо съ высокою добродѣтелью и героическимъ самоотверженіемъ, но напрасно стали бы мы искать въ такомъ обществѣ глубокаго и искренняго смиренія. Идеаломъ превосходства въ глазахъ римлянъ было простое, грубое, такъ-сказать, стихійное величіе. Сложные характеры съ изощренными чувствами, деликатной и чуткою душой совсѣмъ не цѣнились римлянами.

Это обратная сторона картины. Но нужно обратить вниманіе и на то, что національный характеръ римлянъ сложился подъ вліяніемъ такихъ занятій, въ которыхъ своекорыстныя побужденія не имѣли мѣста, и, наоборотъ, блестящіе примѣры самопожертвованія были очень часты, — вслѣдствіе этого въ очень ранній періодъ римляне поднялись на высшую ступень героизма. Такъ какъ человѣкъ постоянно находился лицомъ къ лицу со смертію, то главною пробой добродѣтели была мужественная встрѣча смерти. Люди по своимъ привычкамъ были безыскусственны, умѣренны, честны и трудолюбивы. Такъ какъ строгая дисциплина тяготѣла надъ всѣми

возрастами и всѣми классами общества, то воля, въ почти безпримѣрной степени, была приучена подавлять страсти, выносить страданія и борьбу и смѣло и упорно преслѣдовать свою цѣль, хотя бы эта цѣль была непопулярна. Чувство долга было очень широко распространено, а глубокая преданность интересамъ государства считалась вѣнцомъ добродѣтелей.

Этотъ типъ нравственного совершенства сложился у римлянъ къ тому времени, когда умственная культура развила въ нихъ вкусъ къ философскимъ спорамъ, и когда многочисленные греческіе учителя, отчасти вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, отчасти вслѣдствіе покровительства Сципіона Эмилиана, нахлынули въ Римъ и принесли съ собою ученія двухъ великихъ школъ—Зенона и Эпикура и примыкавшіе къ этимъ болѣе мелкіе философскіе толки. Такъ какъ эпикуреизмъ стоялъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ національнымъ римскимъ типомъ добродѣтельнаго человѣка, то, несмотря на свою широкую распространенность, онъ никогда не занималъ первенствующаго положенія. Настоящею религіей образованныхъ классовъ сдѣлался стоицизмъ, который преподавали сначала Панецій изъ Родоса, потомъ сиріецъ Посидоній. Стоицизмъ далъ твердые принципы добродѣтели, онъ вдохновилъ лучшія литературныя произведенія времени и онъ же вызвалъ порывы высокаго нравственного одушевленія.

Стоическое нравственное ученіе было въ самомъ высокомъ смыслѣ системой независимой морали. Оно выставяло положеніе, что разумъ раскрываетъ намъ извѣстный законъ природы, и что желаніе слѣдовать этому закону, безъ всякихъ соображеній о наградахъ или наказаніи, о счастіи или несчастіи,

можетъ служить совершенно достаточнымъ мотивомъ къ добродѣтели. Это была также система дисциплины въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Именно, она ставила правиломъ, что воля, дѣйствующая подъ строгимъ контролемъ разума, есть единственный источникъ добродѣтели, а вся эмоциональная сторона нашего существа есть родъ болѣзни. Отсюда главною задачей стоицизма было возвеличить и укрѣпить волю, и унижить и побороть страсти. Кромѣ того, стоики утверждали, что чело-вѣкъ можетъ достигнуть чрезвычайно высокой степени нравственного совершенства, что ему нечего страшиться загробной жизни, что для поддержанія твердости и достоинства характера необходимо спокойно смотрѣть въ глаза смерти и ускорить ее, если понадобится.

Не трудно замѣтить, что эта нравственная теорія вполнѣ совпадала съ тѣмъ типомъ характера, который выработался въ римскомъ народѣ, благодаря историческимъ условіямъ. Очевидно также, что, если, съ одной стороны, сила обстоятельствъ до-ставила этому типу господствующее положеніе, съ другой стороны, воспитанная въ немъ сила воли способна была оказать упорное сопротивленіе новымъ вѣяніямъ. Это можно наглядно прослѣдить въ исторіи римскаго стоицизма. Если сопоставить, съ одной стороны, крайнюю и открытую развращенность имперіи и видное положеніе выдающихся стойковъ, какъ разъ въ центрѣ этого мутнаго потока, — съ другой стороны, строгія и замѣчательныя по своей нравственной чистотѣ произведенія Сенеки и другихъ стойковъ, то придется признать этотъ фактъ единственнымъ въ исторіи. Не разъ и въ по-

слѣдующее время блестящіе успѣхи умственной культуры совпадали съ упадкомъ нравовъ, но никогда и нигдѣ не повторялось подобное нравственное явление.

Въ вѣкъ Льва X, французскаго регентства или Людовика XV мы напрасно стали бы искать возвышенной нравственной проповѣди въ центрѣ итальянскаго или парижскаго общества. Настоящими учителями нравственности въ тѣ времена были реформаторы, вышедшіе изъ мелкихъ городковъ Германіи или Швейцаріи, или тотъ больной отшельникъ, который изъ своего уединенія близъ Женевы восхищалъ всю Европу искрами своего блестящаго, чуднаго краснорѣчія и своимъ моральнымъ ученіемъ, которое хотя и отличалось парадоксальностью и непрактичностью, но за то было полно высокаго идеализма и обаятельной нравственной чистоты. Даже лучшіе моралисты, жившіе въ центрѣ развращеннаго общества, поддавались заразительному дѣйствию окружающаго порока. Ихъ идеалы понижались, строгость ослабѣвала, они прибѣгали къ низменнымъ и житейскимъ соображеніямъ, ихъ оцѣнка нравственнаго поведенія была измѣнчива и нерѣшительна, и все ученіе носило характеръ компромисса. Между тѣмъ, въ Римѣ, хотя философы моралисты почти не оказывали дѣйствія на подъемъ нравственности въ обществѣ, во всякомъ случаѣ ихъ собственное ученіе оставалось неприкосновеннымъ. Блестящіе таланты Цезаря не заслонили собой величія побѣжденнаго Катона, и среди драматическихъ перипетій междоусобной войны и разнаго рода политическихъ потрясеній, верховный авторитетъ нравственнаго критерія никогда не забывался. Краснорѣчіе Ливія было

направлено главнымъ образомъ на восхваленіе добродѣтели, а краснорѣчіе Тацита — на посрамленіе порока. Стоики никогда не склоняли своего знамени въ угоду развращеннаго общества, и если мы замѣчаемъ въ ихъ ученіи слѣды господствовавшаго тогда пристрастія къ наслажденію, то это проявляется единственно въ ихъ страстныхъ восхваленіяхъ того спокойствія, которое приноситъ смерть.

ОТДѢЛЪ VI.

А Д Р І А Н Ъ.

КОСМОПОЛИТЪ НА ТРОНЪ ЦЕЗАРЕЙ.

(Изъ статьи В. Михайловскаго. «Русск. Мысль», 1885, XII).

Императоръ Адрианъ родился въ Римѣ 24 января 76 года, въ управленіе Флавія Веспасіана. Его отецъ былъ двоюроднымъ братомъ будущаго императора Траяна, и когда мальчикъ на десятомъ году его лишился, то Траянъ, какъ ближайшій родственникъ, взялъ на себя попеченіе о воспитаніи юнаго отрока, подававшаго большія надежды. Если Адрианъ не учился въ Аѳинахъ, какъ предполагають нѣкоторые историки, то во всякомъ случаѣ въ римскихъ школахъ онъ увлекся эллинскою литературой и даже сталъ пренебрегать латинскимъ языкомъ; его въ насмѣшку называли маленькимъ грекомъ. Весьма рано проявилъ онъ самыя разнообразныя способности и стремленія: медицина и ариѳметика, геометрія и музыка, астрологія и тайны различныхъ религій, въ одинаковой степени привлекали этого «изслѣдователя всего любопытнаго», какъ его называетъ Тертуллианъ. Онъ изучалъ всѣ философіи, даже ученіе строгаго Эпиктета, которому, впрочемъ, не слѣдовалъ; онъ занимался живописью и ваяніемъ

писалъ въ стихахъ и въ прозѣ; ни одна отрасль знанія не была ему чужда.

Послѣ смерти Домиціана на престолъ былъ возведенъ благородный сенаторъ Кокцей Нерва, и для человѣчества наступила новая эпоха. Престарѣлый императоръ усыновилъ Траяна, и тогда началось быстрое возвышеніе его молодого родственника. 27-го января 98 года скончался Нерва, и на престолъ вступилъ первый провинціалъ, гражданинъ того самаго испанскаго города Италики, изъ котораго происходилъ Адріанъ. Съ тѣхъ поръ молодой родственникъ императора Траяна занимаетъ одну важную должность за другою и упоминается при всѣхъ выдающихся событіяхъ этого блестящаго царствованія.

Великій полководецъ, проведеншій всю жизнь въ походахъ и доставившій римскому оружію неувядаемую славу, встрѣчалъ ревностнаго помощника въ лицѣ Адріана, какъ въ дѣлахъ военныхъ, такъ и въ дѣлахъ государственныхъ. Какъ велико было довѣріе Траяна къ будущему его наслѣднику, видно изъ того, что онъ женилъ его на Сабинѣ, внучкѣ своей сестры Марціаны. Блестящій, многосторонній молодой человекъ пользовался полнымъ покровительствомъ жены императора Плотины, его сестры Марціаны, и матери своей супруги, Матидіи. Собственныя достоинства, довѣріе владыки Рима и покровительство вліятельныхъ женщинъ — все это обезпечивало будущее возвышеніе Адріана, и вопросъ о томъ, былъ ли усыновленъ Траяномъ его преемникъ или же возведеніе на престолъ римскихъ цезарей Элія Адріана было только дѣломъ Плотины, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ считать совершенно празднымъ. Всѣ дѣйствія Траяна показывали, что онъ, не имѣя дѣтей, считалъ мужа

Сабины самымъ близкимъ для себя человекомъ. Во всякомъ случаѣ, сенатъ, Римъ и весь древній міръ безпрекословно подчинились новому императору.

До того времени Адриану приходилось жить, подчиняясь волѣ другого человека. Завися во всемъ отъ своего великаго покровителя, онъ принужденъ былъ подлаживаться подъ всѣ его вкусы, жертвовать всѣми дорогими чувствами. Сабина никогда его не любила и никогда не была ему симпатична. Теперь предстояла возможность дѣйствовать самостоятельно, осуществить завѣтные планы и мечтанія. Въ рукахъ Адриана были средства столь обширныя, что, можно сказать не ошибаясь, власть его не знала никакихъ предѣловъ. Весь древній міръ, со всѣми его богатствами, со всѣмъ культурнымъ разнообразіемъ, ждалъ только одного мановенія его руки, чтобы исполнить волю своего императора, своего земного бога, въ честь котораго воздвигались храмы и алтари. Новый владыка вселенной съ перваго момента выступилъ съ совершенно самостоятельною политическою системою. Эта система рѣзко противорѣчила всѣмъ преданіямъ древняго Рима и показывала въ Адрианѣ самостоятельнаго правителя, оригинальнаго государственнаго человека. Римляне были по преимуществу народомъ завоевательнымъ; вся ихъ исторія въ теченіе многихъ вѣковъ представляетъ постепенное и неуклонное расширеніе предѣловъ римскаго государства; въ этомъ отношеніи Траянъ былъ вполнѣ римляниномъ. Адрианъ, первый изъ цезарей, рѣшился измѣнить римскимъ преданіямъ и начать сознательно и добровольно совершенно иную политику. Для того, чтобы умиротворить восточныя границы, Адрианъ отвелъ римскія войска на берега Евфрата и отка-

зался, такимъ образомъ, отъ трехъ римскихъ провинцій, образованныхъ за эту рѣку послѣдними императорами. Тогда же установились мирныя отношенія съ воинственными парфянами. Вообще, Адрианъ старался дружить съ различными варварскими племенами, тѣснившимися на границахъ древняго міра; вожди ихъ получали богатые подарки, напоминавшіе собою нѣчто въ родѣ жалованья, принимали отъ императора различные титулы и защищали римскія владѣнія отъ своихъ соплеменниковъ; но это была только одна сторона миротворной политики.

Для того, чтобы придать авторитетъ римскому имени, для того, чтобы варварскіе короли и князья сознавали свое ничтожество предъ Римомъ, императоръ развилъ на границахъ замѣчательное военное могущество, имѣвшее единственной своею цѣлью оборону античной цивилизаціи отъ варваровъ, напиравшихъ со всѣхъ сторонъ. Многочисленные укрѣпленные лагери, въ которыхъ расположены были легіоны, состоявшіе изъ солдатъ, которые подвергались самой строгой дисциплинѣ и, постоянно заняты военными упражненіями и работами по различнымъ полезнымъ сооруженіямъ, были расположены на всѣхъ окраинахъ имперіи. Войско при Адрианѣ отличалось замѣчательною организаціей и, несмотря на строгость дисциплины, на страшные труды, было совершенно предано своему императору. Во время посѣщенія пограничныхъ легіоновъ, Адрианъ подавалъ во всемъ примѣръ своимъ воинамъ, подвергаясь такимъ же лишеніямъ и ведя такой же простой образъ жизни, какъ и самый послѣдній изъ его легіонеровъ. Онъ никогда не назначалъ на должность центуріоновъ людей недостойныхъ, выслалъ изъ лагера всѣхъ

юныхъ офицеровъ, попавшихъ на службу, благодаря протекціямъ, и облегчилъ доступъ къ высшимъ должностямъ всѣмъ храбрымъ и заслуженнымъ воинамъ, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе. Солдаты, которые видѣли его заботы объ ихъ благосостояніи и безопасности, которые знали, что ни одинъ ветеранъ не останется безъ куска хлѣба, что императоръ самъ посѣщаетъ больныхъ въ госпиталяхъ, никогда не могли подумать о бунтѣ и въ теченіе двадцати-одного года несли тяжелую пограничную службу, не ропща на то, что они не получаютъ ни славы, доставляемой побѣдами, ни добычи, которую приносятъ война.

На пути изъ Константины въ оазисъ Бискру, въ Ламбессъ, у подошвы горъ находятся развалины римскаго лагеря, отъ котораго остались еще каменные стѣны. Здѣсь, на крайнемъ предѣлѣ римскихъ владѣній, былъ расположенъ легіонъ и жилъ легатъ, имъ командовавшій. Верстахъ въ двухъ отъ лагеря на пьедесталѣ сохранилась надпись, заключающая въ себѣ обращеніе Адріана къ солдатамъ. Онъ хвалитъ ихъ добросовѣстное исполненіе всѣхъ предписанныхъ упражненій, даже самыхъ трудныхъ. Въ одинъ день они совершаютъ работу, на которую другіе люди употребили бы цѣлую недѣлю; они носятъ громадныя тяжести, сооружаютъ дороги и т. д. Эта надпись, испорченная отъ времени, говоритъ, однако, довольно ясно, что Адрианъ не забылъ горсти воиновъ, затерянныхъ среди африканской пустыни, и зорко слѣдилъ за ихъ дѣйствіями. Кромѣ того, императоръ въ болѣе опасныхъ мѣстахъ укрѣпилъ границы громадными сооруженіями. Между Рейномъ и Дунаемъ прежнія слабыя укрѣпленія сдѣлались

неприступными; въ Британіи многочисленныя развалины возбуждаютъ удивленіе инженеровъ нашего времени; тутъ шелъ непрерывный рядъ валовъ, рововъ, башенъ и крѣпостей, направлявшійся отъ одного моря до другого. Такія же укрѣпленія находились на нижнемъ Рейнѣ; двойныя укрѣпленія защищали Мизію и Нижній Дунай. Однимъ словомъ, дружественныя народы, легіоны въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, валы, рвы и, наконецъ, Атлантическій океанъ и африканская пустыня оберегали древнюю культуру отъ военныхъ тревоженій и давали возможность развиваться во всемъ блескѣ античному міру, переживавшему свое послѣднее счастливое время.

Всѣмъ насладиться, все знать и видѣть стремился неутомимый императоръ, жаждавшій новыхъ впечатлѣній, увлекаемый своимъ исключительнымъ положеніемъ, дававшимъ ему средства почти сверхчеловѣческія для удовлетворенія желаній, страстей и прихотей. Но при этомъ необходимо было заниматься и управленіемъ государства, имѣвшаго 90 милліоновъ разноязычныхъ и разноплеменныхъ жителей. Административной дѣятельности Адрианъ удѣлялъ большую часть своего времени и въ этой области выказалъ замѣчательныя способности. Его біографъ говоритъ, что онъ изучилъ счетоводство и государство лучше, чѣмъ простой гражданинъ свое собственное хозяйство. Для ознакомленія съ деталями управления онъ бралъ на себя обязанности по различнымъ муниципальнымъ должностямъ. Въ центральной администраціи Адрианъ начинаетъ создавать рядъ правителей-организаторовъ государственнаго механизма; его отчасти можно считать творцомъ бюрократической системы, разработанной потомъ Констан-

тиномъ и перешедшей въ новую, какъ въ западную, такъ и восточную Европу.

Совѣтъ императора, носившій прежде характеръ частнаго собранія друзей и спутниковъ государя, становится государственнымъ совѣтомъ, въ которомъ сосредоточиваются дѣла по законодательству и по администраціи; его члены получаютъ опредѣленное жалованье и выбираются изъ лучшихъ юристовъ того времени; въ немъ засѣдали такіе знатоки права, какъ Юлій Цельсъ, Сальвій Юліанъ и Нерацій Прискъ. Сенатъ понемногу началъ утрачивать свое прежнее значеніе; императорская канцелярія была совершенно преобразована; вмѣсто вольноотпущенниковъ, Адріанъ назначалъ на канцелярскія должности всадниковъ, способствуя, такимъ образомъ, созданію изъ всадническаго сословія сословія императорскихъ чиновниковъ.

Правленіе Элія Адріана представляетъ важную эпоху въ римскомъ законодательствѣ, не только благодаря научной обработкѣ права, но и вслѣдствіе тѣхъ философскихъ началъ, которыя проникли въ опредѣленіе всѣхъ юридическихъ отношеній. При помощи юриста Сальвія Юліана собраны были въ одинъ вѣчный эдиктъ всѣ прежніе эдикты, и этотъ имперскій законъ сенатскимъ постановленіемъ былъ объявленъ нормой для опредѣленія всѣхъ правовыхъ отношеній. Космополитическій, гуманный духъ проявляется во всѣхъ законахъ времени Адріана; особенно это замѣтно въ смягченіяхъ, которымъ подвергалось, по волѣ императора, страшное зло античнаго общества — рабство. Адріанъ запретилъ подвергать пыткамъ рабовъ того дома, господинъ котораго былъ убитъ; только ближайшіе къ мѣсту

преступленія, имѣвшіе возможность быть свидѣтелями или участниками, не избѣгали налагаемыхъ древне-римскими законами мученій. Онѣ преслѣдовали, разумѣется, насколько возможно, убійство раба его господиномъ, а также продажу рабовъ и рабынь содержателямъ гладіаторскихъ школъ и публичныхъ домовъ. Одна матрона, уличенная въ жестокомъ обращеніи съ рабами, была имъ отправлена на пять лѣтъ въ ссылку.

Развитіе и распространеніе гуманныхъ началъ вполне соответствовало мирному настроенію общества того времени; глубокой миръ способствовалъ утверженію благосостоянія, подобное которому едва ли можно встрѣтить когда-либо въ исторіи. Военныя силы имперіи были сравнительно незначительны; 30 легионовъ охраняли границы. Вся военная сила Рима, вмѣстѣ съ вспомогательными войсками, не превышала 350 тысячъ человекъ; во всей Италіи не было войска; въ Галліи, только въ Ліонѣ, былъ гарнизонъ изъ 1,200 воиновъ; Египетъ оберегали сначала два, а потомъ одинъ легионъ. Ни въ одномъ изъ 500 городовъ Азіи нельзя было встрѣтить римскаго солдата. Если вспомнить современную намъ Европу, обремененную содержаніемъ въ мирное время 2 мил. воиновъ, то имперія II вѣка по Р. Х. должна возбуждать удивленіе и сочувствіе. Становится понятнымъ, почему въ римскихъ владѣніяхъ совершались столь громадныя общественныя постройки и сооруженія, благоденствовали пышно украшенные города и ширилась оживленная торговля. Торговья сношенія пользовались неограниченною свободой и удобствами; одна и та же монета была въ обращеніи отъ столбовъ Геркулесовыхъ до

Евфрата. Цѣлая система прекрасно устроенныхъ дорогъ покрывала сѣтью имперію и связывала всѣ отдѣльныя провинціи; водные пути были также облегчены: изъ Остіи достигали въ 7 дней до Гибралтарскаго пролива, а въ 10 — Александріи. Въ Римъ направлялись произведенія всѣхъ трехъ частей свѣта; Востокъ высылалъ свои сокровища даже изъ далекой Индіи, при посредствѣ армянскихъ купцовъ, на берега Чернаго моря въ Діоскурію и Фазисъ. Торговые центры, какъ, напр., Эфесъ и Смирна, соединяли на своихъ рынкахъ товары Вавилоніи, Персіи и Индіи; изъ гаваней Аравіи и Чернаго моря произведенія азіатскихъ странъ прибывали на берега Нила въ Александрію. Ежегодно изъ Міоса, Гормоса отправлялись флоты въ Индію и на островъ Цейлонъ, и возвращались оттуда въ январѣ мѣсяцѣ. Сообразуясь съ возрастающими потребностями, императорское правительство должно было позаботиться о быстрой передачѣ своихъ распоряженій и о скоромъ передвиженіи своихъ агентовъ. Еще Августъ учредилъ государственную почту, а императоръ Адрианъ вполне организовалъ въ обширныхъ размѣрахъ это важное учрежденіе; въ Римѣ онъ устроилъ центральную почтовую дирекцію. Но еще болѣе, чѣмъ міровая торговля, чѣмъ постоянныя сношенія между Римомъ и отдѣльными провинціями, чѣмъ удобства путей сообщенія, во времена Адриана разнообразіе національныхъ особенностей сглаживалось сознаниемъ единства всего культурнаго человѣчества. Это сознание пробуждалось личностью самого императора, котораго нельзя было назвать ни римляниномъ, ни испанцемъ, ни грекомъ, который чувствовалъ себя гражданиномъ античнаго міра не только

въ Акрополѣ, на берегахъ Нила, на Пенеѣ, въ возстановленномъ Кареагенѣ, но и среди пустынь, прилегающихъ къ Атласу, и въ отдаленной Британіи на границѣ, отдѣляющей эту провинцію отъ горцевъ пиктовъ и скѣтовъ.

Не только мысленно родился этотъ императоръ съ различными областями своего государства: болшую часть царствованія своего провелъ онъ въ путешествіяхъ и самъ посѣтилъ отдаленнѣйшіе уголки имперіи. Императоръ, — сообщаетъ Діонъ Кассій, — никогда не садился въ колесницу, но совершалъ всѣ свои путешествія или пѣшкомъ, или на конѣ, съ непокрытою головой, не обращая вниманія ни на морозъ, ни на зной, переноса безропотно и кельтскіе холода и палящее солнце Египта. Его сопровождала небольшая свита, не соотвѣтствовавшая, на первый взглядъ, могуществу повелителя вселенной. Устроивъ государственное управленіе, Адрианъ отправился въ первое путешествіе и посѣтилъ Галлію, берега Рейна, Британію, Испанію, Мавританію, Кареагенъ. Жажда славы и археологическіе вкусы побуждали его къ возстановленію городовъ и зданій, связанныхъ съ древними историческими воспоминаніями. Вездѣ возводились дороги, порты, театры, храмы; толпа архитекторовъ, инженеровъ, художниковъ тѣснилась вокругъ него; все, казалось, оживало въ провинціяхъ, гдѣ онъ появлялся. Если какой-нибудь городъ пользовался извѣстностью, или упоминался въ произведеніяхъ классическихъ писателей, можно было съ увѣренностью сказать, что цезарь-археологъ займется его реставраціей. Со всѣхъ сторонъ города, пришедшіе въ упадокъ, возставали изъ развалинъ и принимали названіе Colonia Aelia Hadriana.

Послѣ краткаго роздыха въ Римѣ императоръ-странникъ отправился во второе путешествіе, во время котораго посѣтилъ весь востокъ. Оно было еще блестяще перваго и продолжалось 4¹/₂ года. Казалось, что старый міръ вокресаеть подъ стопами какого-то благодѣтельнаго божества. Замѣчательный знатокъ древней исторіи, Адрианъ желалъ все видѣть, интересовался всѣмъ и хотѣлъ возстановить все, прежде существовавшее. Чтобы ему угодить, старались возродить давно забытое искусство; явились стили новоегипетскій, новофиникійскій; различныя отжившія цивилизаціи появлялись если не въ дѣйствительности, то въ сочиненіяхъ археологовъ и историковъ. Новыя празднества, такъ называемыя Адриановы игры, напоминали грекамъ ихъ прежнюю блестящую славу. Всеобщее возрожденіе античнаго міра, возрожденіе блестящее, но отчасти театральное, было результатомъ этого путешествія Адриана. Кизикъ, Никея, Никомидія въ Малой Азіи украсились храмами; въ Сиріи Антіохія и Дафна сдѣлались самыми роскошными городами міра; даже Пальмира, затерянная среди песковъ пустыни, была отстроена великимъ императоромъ-архитекторомъ и въ честь его приняла названіе Адрианополя, подобно многимъ другимъ городамъ, носившимъ то же самое имя.

Изъ всѣхъ мѣстностей, освященныхъ исторіей, особенною привлекательностью для Адриана обладали двѣ: Аѣины, гдѣ онъ провелъ юность и проникся греческимъ знаніемъ, и Египетъ съ его тысячелѣтнею культурой и таинственною мудростью, ревниво оберегаемой могущественнымъ жреческимъ сословіемъ.

Въ Аѳинахъ императоръ - космополитъ побывалъ нѣсколько разъ и съ особенною любовью заботился о процвѣтаніи какъ города, такъ и его гражданъ. Онъ былъ посвященъ въ элевзинскія таинства, «по примѣру Геркулеса и Филиппа», оказалъ много благодѣяній аѳинянамъ и предсѣдательствовалъ на играхъ; онъ возобновилъ также и докончилъ постройку громаднаго храма Зевса Олимпійскаго, начатую еще Пизистратомъ.

Въ 130 году Адрианъ направился въ страну пирамидъ; въ Пелузіумѣ онъ отыскивалъ гробницу Помпея и, не найдя ея, велѣлъ поставить великому полководцу прекрасный памятникъ. Въ Александріи, среди ученыхъ, императоръ выдавался своими знаніями и, взойдя на кафедру музея, диспутировалъ съ знаменитѣйшими софистами. Отправившись вверхъ по теченію Нила, этотъ искатель сильныхъ ощущеній, любитель всего страннаго и оригинальнаго, не смотря на времена упадка, наслаждался міромъ чудесъ древнѣйшей культуры человѣчества, вслушивался въ таинственные звуки Мемнонова колосса, поклонялся новооткрытому апису и въ честь этого даже выбилъ медаль, на которой императоръ римскій изображенъ подающимъ руку Юпитеру Серапису, за которымъ стоитъ богиня Изида. Но тутъ же, на берегахъ священнаго Нила, Адриана постигло великое горе; любимецъ его, прекрасный юноша Антиной, потонулъ въ волнахъ божественной рѣки и своею смертію послужилъ началомъ цѣлаго культа новаго Адониса, въ честь котораго строились храмы и даже города.

Нѣкоторые ученые потратили много остроумія, чтобы, на основаніи медалей и отрывочныхъ, не-

ясныхъ извѣстій Діона Кассія и Спартіана, установить хронологію путешествій неусидчиваго императора, но всѣ эти попытки не привели ни къ чему, и достаточно только отмѣтить главные пункты и указать на характеръ этихъ административныхъ и историческихъ странствованій, чтобы составить понятіе о столь важной сторонѣ жизни Адріана. Кромѣ любви къ исторіи, искусству и чисто политическихъ видовъ, о чемъ уже было сказано, даже изъ скудныхъ свѣдѣній можно подмѣтить еще одну черту: большой интересъ къ природѣ; такъ, на островѣ Сициліи онъ восходилъ на Этну, чтобы видѣть восходъ солнца и провѣрить заявленіе, что выступающее свѣтило показывается среди радуги, а на границѣ между Аравіей и Египтомъ онъ ночью взбирался на вершину горы Казія, высоко поднимающейся надъ равниной, и убѣдился въ истинности утвержденія, что солнце восходитъ тамъ тремя часами раньше, чѣмъ въ долину. Міръ вещественный, въ богатомъ разнообразіи, какъ созданный природою, такъ и произведенный человѣкомъ, не былъ, слѣдовательно, чуждъ пытливому уму римскаго цезаря, захватившаго въ кругъ своихъ занятій и интересовъ все существующее. Если онъ относился болѣе равнодушно къ чему-либо въ этомъ мірѣ, то именно къ мѣстамъ, къ которымъ обыкновенные люди чувствуютъ особенную привязанность; онъ не любилъ Рима, гдѣ родился, презиралъ Италику, родину своихъ предковъ, и ненавидѣлъ Антиохію, въ которой впервые былъ провозглашенъ императоромъ. Подобныя антипатіи ярко обрисовываютъ его космополитическую натуру, не отличавшуюся, какъ это всегда бываетъ у подобныхъ людей, глубиною и силою чувства.

Въ отношеніи къ людямъ Адріанъ хотя и не былъ жестокъ, подобно Домиціану, въ чемъ его обвиняли нѣкоторые современники, но черствость, равнодушіе къ чужимъ интересамъ и страданіямъ, подозрительность дѣлали его несимпатичнымъ и не возбуждали ни въ комъ преданности и любви. Среди лицъ, окружавшихъ властителя Рима, было много льстецовъ, но не было ни одного искренняго друга. Его жена, Сабина, его секретарь, извѣстный жизнеописаніями императоровъ Светоній, его воспитатель — префектъ Аттианъ, многочисленные ученые, художники, риторы — всѣ они пользовались его благодѣяніями, щедротами, и ни одинъ не имѣлъ его довѣрія; ни къ кому изъ своихъ современниковъ Адріанъ не относился съ уваженіемъ; и таланты и бездарности были ему равно ненавистны; одни возбуждали въ немъ зависть, другіе презрѣніе. Стоитъ взглянуть на дошедшіе до насъ бюсты этого цезаря, чтобы почувствовать, какого своеобразнаго и, въ сущности, при всей полнотѣ исчерпанныхъ наслажденій, несчастнаго челоука они представляютъ. Обликъ его не римскій: небольшая, довольно густая борода, взглядъ полунасмѣшливый, полугрустный, отсутствіе въ выраженіи лица той твердости и опредѣленности, которыя придавали лицамъ древнихъ римлянъ типичное однообразіе, словно они всѣ были отлиты въ одной формѣ. Одинъ нѣмецкій историкъ, характеризуя Адріана, такъ говоритъ о немъ: «Изъ году въ годъ, въ постоянномъ безпокойствѣ, странствуетъ онъ по своему государству, вездѣ устраивая, создавая; кажется, какъ будто въ этомъ непрерывномъ движеніи находитъ удовлетвореніе его нервная возбужденность, съ которой не могутъ спра-

виться сильныя тѣлесныя упражненія, въ особенно- сти охота. Въ минуты покоя въ немъ пробуждается желчная подозрительность, его снѣдаетъ недовѣріе, и въ такіе моменты духъ императора затумани- вается; онъ даже совершаетъ преступленія». Много нужно было имѣть добродушія, цѣльности харак- тера и нравственной неспорченности, чтобы, по- добно Веспасіану, Титу, Траяну, Антонину Пію и Марку Аврелію, занимать тронъ римскихъ цезарей, владѣть наслѣдіемъ Тиверія, Калигулы и Нерона. Адріанъ не былъ такою цѣльною гармоничною на- турой; обладая громадными дарованіями, онъ стоялъ въ уровень со своимъ вѣкомъ и, осыпая насмѣшками современниковъ, мало чѣмъ отъ нихъ разнился.

Дворъ Адріана былъ собраніемъ избранныхъ по дарованіямъ и образованности людей; около него толпились также потомки знатныхъ римскихъ ро- довъ и пользовались радушнымъ приемомъ. Онъ по- сѣщалъ ихъ виллы, прогуливался съ ними въ эки- пажѣ и раздѣлялъ ихъ пиры и увеселенія. Изъ дру- зей его замѣчательны философы: Эпиктетъ, Фаво- ринъ, Геліодоръ и архитекторъ Декріанъ; но пред- почтеніемъ императора пользовался не Эпиктетъ, суровый стоикъ, а Фаворинъ, мудрый уроженецъ Арля, ловкій софистъ, утверждавшій, что человекъ, обладающій 30 легіонами, всегда правъ. Онъ и дру- гіе ему подобныя софисты претерпѣвали со стороны своего повелителя самыя рѣзкія насмѣшки и самое дурное обращеніе; такъ, Адріанъ, при помощи шпіо- новъ, узнавалъ ихъ тайны и выставялъ публично на видъ раскрытыя такимъ образомъ недостатки и проступки. Правда, богатые подарки вознаграждали этихъ льстецовъ за оскорбленное самолюбіе.

Вообще наука и ученость первой половины II вѣка, несмотря на обширность территоріи, на которой распространилась античная цивилизація, не взирая на интересъ къ знанію, выказывали отсутствіе творческой силы. Въ эпоху царствованія риторики и грамматики не было ни одного классическаго поэта, ни одного великаго прозаика. Энциклопедическое многознаніе составляло сущность времени, когда римское національное чувство было поглощено общечеловѣческими міровыми симпатіями. Въ искусствахъ люди, современные Адриану, достигаютъ возрожденія формы, безъ всякаго соединенія ея съ обогащеннымъ идеями содержаніемъ; въ литературѣ проявляется филологическое обращеніе къ древности не оживляемое движеніемъ мысли. Рококо и неотлучный съ этою модой извращенный вкусъ приводятъ Адриана и Марка Аврелія, этихъ императоровъ-писателей, къ исканію темныхъ и устарѣлыхъ формъ языка.

Могущественный цезарь состарился. Онъ все извѣдалъ, все испыталъ, все видѣлъ и пришелъ къ неутѣшительному результату. Человѣкъ, обладавшій почти сверхъестественными средствами, живя въ разстроенномъ обществѣ, лишенномъ цѣльнаго міросозерцанія, самъ не могъ найти въ себѣ поддержки, не могъ выработать никакихъ прочныхъ убѣжденій. Скептикъ, потерявшій вѣру въ человѣка, насмѣшливый обличитель людскихъ слабостей и обмановъ, Адрианъ не могъ удовлетвориться подобнымъ состояніемъ и въ исканіи высшихъ началъ по временамъ предавался суевѣрію. Онъ любилъ погружаться въ религіозныя вѣрованія народовъ, у которыхъ особенно наглядно описывается судьба души послѣ

смерти. Отсюда вытекаютъ его симпатіи къ египетскому богослуженію, отсюда попытка внести въ Римъ культъ Прозерпины и уваженіе, оказываемое элевзинскимъ таинствамъ. Мысль объ оставленіи правительственныхъ дѣлъ, о выборѣ преемника преслѣдовала Адриана. У него не было сына, чтобы передать государство прямому наслѣднику. Больной, накутившій жизнью, императоръ усыновилъ Антонина и назначилъ наслѣдника престола своимъ соправителемъ 25 февраля 138 года. Уже почти три года царствованія Адриана протекли въ любимой тибуртинской виллѣ; дѣлами онъ мало занимался; у него развилась водяная вслѣдствіе истощенія крови, и этотъ, нѣкогда наслаждавшійся жизнью, новый олимпійскій Зевсъ, благодѣтельствовавшій народамъ, украсившій землю многими прекрасными твореніями, умиралъ въ страшныхъ мученіяхъ; подобно Тиверію, онъ никакъ не могъ освободиться отъ жизни. Адриана переносили съ мѣста на мѣсто; наконецъ, онъ умеръ на рукахъ Антонина Пія въ Байяхъ 10 іюля 138 года. Благороднѣйшій изъ императоровъ римскихъ не только позаботился о сожженіи тѣла своего предшественника, но также упрашивалъ сенатъ римскій признать апоѳеозъ Адриана. Въ этихъ стараніяхъ Антонинъ Пій встрѣтилъ сопротивленіе; римскіе сенаторы не могли забыть отпаденія Адриана отъ началъ древне-римскаго государства и его космополитическихъ тенденцій. Подвергнувъ критикѣ дѣянія умершаго принцепса, сенатъ пришелъ къ убѣжденію, что Адрианъ, при жизни признанный греками Зевсомъ, недостойнъ по смерти пользоваться почестями римскаго бога. Только просьбы, слезы и мольбы Антонина склонили сенатъ на уступки, и

пепель божественнаго Адриана былъ торжественно перевезенъ въ Римъ и похороненъ въ мавзолеѣ, сооруженномъ покойнымъ императоромъ.

Подобно древнимъ египетскимъ фараонамъ, увлекаемый мыслями о смерти, Адрианъ, по возвращеніи изъ странъ восточныхъ, занялся постройкою колоссальной гробницы; онъ возвелъ свой мавзолей на правомъ берегу Тибра. Противъ Марсова поля, почти у самой рѣки, возвышался четверугольный фундаментъ, съ каждой стороны имѣвшій въ длину 300 футовъ, образуя террасу, окруженную желѣзною рѣшеткой со статуями на углахъ. На этомъ фундаментѣ возвышалась исполинская круглая постройка, составлявшая самое значительное сооруженіе этого рода на Западѣ. Семнадцать вѣковъ прошло со времени построенія мавзолея; наружныя украшенія исчезли, обстановка измѣнилась, даже самый наружный видъ утраченъ, но основная масса зданія пережила все. Она была гробницей и крѣпостью, дворцомъ и темницей, католическимъ храмомъ и сокровищницей, служила защитою папской власти и опорой императорскихъ и папскихъ притязаній. Замокъ св. Ангела такъ же характеристиченъ для новаго Рима, какъ его праотецъ-мавзолей для древняго. Но если мавзолей пережилъ вѣка, то прахъ Адриана и другихъ императоровъ языческаго Рима, погребенныхъ въ этой исполинской усыпальницѣ, былъ развѣянъ временемъ; остались одни историческія воспоминанія, не всегда ясныя, и даже нравственный обликъ Адриана можетъ быть возстановленъ только при помощи догадокъ. Лучшимъ подведеніемъ жизненнаго итога цезаря-космополита можетъ служить его предсмертное стихотвореніе, сохранив-

ніями или умствованіями. Если когда-нибудь современные европейскія государства погибнуть, такъ же какъ погибъ античный міръ, и отдаленное потомство захочетъ составить себѣ понятіе о религіозной жизни нашего времени по такимъ же разрозненнымъ обломкамъ современной культуры, какіе дошли до насъ отъ древней, то и оно извлечетъ совершенно различныя и отчасти противоположныя впечатлѣнія изъ отрывковъ нашей литературы и изъ надгробныхъ плитъ, священныхъ надписей и другихъ церковныхъ памятниковъ. Какъ въ данномъ случаѣ только изученіе обоихъ этихъ источниковъ, взаимно дополняющихъ другъ друга, можетъ дать приблизительно вѣрное понятіе о религіозномъ состояніи нашего времени, — то же самое можно сказать и о разсматриваемомъ періодѣ древней исторіи. Въ то время какъ языческая литература открываетъ передъ нами дѣятельность разлагающихъ и разрушительныхъ элементовъ въ язычествѣ, — съ памятниковъ вѣетъ на насъ духомъ глубокой вѣры, которая въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій оказывала противодѣйствіе всѣмъ разрушительнымъ вліяніямъ. Такъ какъ церковные писатели, при изображеніи религіозной жизни того времени, почти исключительно пользовались литературой, языческой и христіанской, и по большей части оставляли въ пренебреженіи свидѣтельство памятниковъ, то значеніе памятниковъ, какъ историческаго источника, никогда не было оцѣнено должнымъ образомъ.

Но и литературой пользовались односторонне, искали въ ней преимущественно признаковъ невѣрія, не принимая въ соображеніе того, что и вѣра и суевѣріе одинаково составляютъ потребность мас-

сы и, во что бы то ни стало, требуютъ удовлетворенія. Даже литературные источники только отчасти подтверждаютъ принятое мнѣніе, что при появленіи христіанства язычество уже находилось въ состояніи глубокаго упадка и полнаго разложенія.

Во всякомъ случаѣ уже въ послѣднемъ столѣтіи передъ Рождествомъ Христовымъ греческіе и римскіе писатели часто жаловались на ослабленіе религіознаго чувства, на невѣріе и индифферентизмъ и вину этого упадка религіи прямо возлагали на распространеніе «суетной мудрости», которая исходила изъ школъ греческой философіи. Дѣйствительно, въ римской литературѣ этого и слѣдующаго вѣка господствовала тенденція или полнаго равнодушія къ религіи или даже враждебнаго къ ней отношенія. Правда, необходимость народной и государственной религіи признавалась образованными людьми—ради общественныхъ интересовъ; они даже сами подавали примѣръ уваженія къ религіи и всѣмъ религіознымъ установленіямъ. Цицеронъ въ одной изъ своихъ сенатскихъ рѣчей, несмотря на всю любовь къ литературѣ, все-таки совѣтовалъ избѣгать такихъ произведеній, которыя отвращаютъ отъ религіи; мы обязаны, говоритъ онъ, нашими побѣдами надъ всѣми народами благочестію, вѣрѣ и убѣжденію, что все въ мірѣ происходитъ по волѣ боговъ. Въ основѣ такого взгляда лежала мысль, что религія нужна для массы, вслѣдствіе ея нравственной грубости и недостатка культуры. Большинство женщинъ и весь простой народъ, говоритъ Страбонъ, нельзя привести къ вѣрѣ, благочестію и безпорочной жизни съ помощью философіи,—имъ нужно еще внушить страхъ передъ богами, а для этого служатъ легенды и чудес-

ныя повѣсти. Эпиктетъ осуждаетъ тѣхъ, которые свои сомнѣнія въ существованіи боговъ необдуманно высказываютъ въ присутствіи юношей и этимъ разрушаютъ въ молодыхъ сердцахъ задатки добродѣтели и у нѣкоторыхъ отнимаютъ то, что могло бы удерживать ихъ отъ преступленія. Государственные люди напирали особенно на то, что непочитающіе боговъ въ то же время никому не оказываютъ уваженія.

Но изо всего этого ясно, что большинство образованныхъ людей не признавало господствующей религіи въ ея традиціонной формѣ и, дѣйствительно, относилось къ ней или безразлично и легкомысленно или даже презрительно. Правда, это вольнодумство часто бывало напускнымъ; несчастіе или опасность срывали маску съ лица такого насмѣшника, и онъ опять ревностно предавался религіи. Точно такъ же нерѣдко случалось, что люди, ни во что не вѣровавшіе, упорно держались за какое-нибудь суевѣріе, напр., Сулла разграбилъ дельфійскій храмъ, но всегда носилъ при себѣ маленькую статую Аполлона, которую онъ часто цѣловалъ и которой въ минуты опасности усердно молился. Само собой разумѣется, что даже среди образованныхъ людей было немало вѣрующихъ, и Ювеналь даже думаетъ, что невѣрующихъ совсѣмъ не было.

Однако, на ряду съ этимъ мы находимъ — у Лукреція — и страстную ненависть къ язычеству. Оно представлялось ему въ видѣ исполинскаго призрака, протянувшагося отъ земли до неба; тяжелою ступней своей этотъ призракъ постыдно придавилъ человѣческую жизнь къ землѣ, между тѣмъ какъ съ высоты грозно смотрѣло лицо его, пока, наконецъ, смѣлый геній одного грека — Эпикура — выразилъ про-

тестъ противъ этого всеобщаго пугала. Онъ раскрылъ двери природы, сквозь огненные предѣлы вселенной проникъ далеко въ безграничныя сферы и, какъ побѣдитель, принесъ челоуѣчеству познаніе причинъ всего сущаго. Такъ онъ ниспровергъ вѣру, но зато своею побѣдой возвелъ насъ на небесную высоту. Совершенно невѣрно, будто съ принятіемъ этого ученія люди вступаютъ на путь преступленій и беззаконій: напротивъ, вѣра чаще приводила къ беззаконнымъ и преступнымъ дѣламъ. Поэтъ вспоминаетъ, какъ Агамемнонъ принесъ въ жертву разгнѣванной богинѣ Діанѣ свою собственную дочь, и въ заключеніе своего трогательнаго разсказа о смерти несчастной дѣвушки подъ жертвеникомъ ножомъ онъ восклицаетъ: и такую массу бѣдствій могла причинить религія!

Но далеко не вся школа эпикурейцевъ относилась такъ враждебно къ господствующей религіи, какъ Лукрецій, не говоря уже о философски образованныхъ людяхъ вообще. Ни одна система не проповѣдовала атеизма, и атеистовъ едва ли было много въ какое бы то ни было время. Скептицизмъ сомнѣвался только, чтобы можно было доказать бытіе боговъ, эпикуреизмъ признавалъ существованіе множества вѣчныхъ блаженныхъ боговъ, только отрицалъ ихъ вмѣшательство въ міръ и въ жизнь людей: но ни эпикурейцы, ни скептики не разрывали окончательно съ культомъ. Божество не нуждается въ почитаніи, говоритъ эпикуреецъ Филодемъ, но намъ свойственно поклоняться ему прежде всего какими-нибудь возвышенными помыслами, а затѣмъ также и переданными отъ отцовъ обычаями. По привычкѣ, говоритъ скептикъ Секстъ, говоримъ мы, что есть

боги, что они пекутся о насъ, и мы ихъ почитаемъ. Значительное большинство образованныхъ людей, не принадлежавшихъ ни къ какой опредѣленной философской школѣ, но такъ или иначе захваченныхъ философскими идеями, относились болѣе или менѣе терпимо къ официальной религіи, какія бы воззрѣнія они сами ни раздѣляли — монотеистическія, пантеистическія или фаталистическія, или же держались реформированнаго политеизма, или, наконецъ, отпали отъ традиціонной вѣры и не обрѣли другой.

Въ образованномъ римскомъ обществѣ I вѣка по Р. Х., за предѣлами собственно философскихъ кружковъ, религіозныя воззрѣнія вращались между двумя пунктами — вѣрою въ существованіе боговъ и ихъ вмѣшательство въ судьбу людей (хотя бы при отрицаніи легендарныхъ преданій) съ одной стороны, и безусловнымъ отрицаніемъ этихъ боговъ — съ другой. Первой точки зрѣнія, повидимому, держался, напр., Тацитъ. При обсужденіи іудейской религіи онъ выражаетъ самое рѣшительное неодобреніе пренебреженію къ родной религіи и непочтенію къ богамъ. Онъ вѣрилъ, что боги не только приводятъ въ дѣйствіе непреложный міровой порядокъ, но непосредственно вмѣшиваются въ его ходъ и возвѣщаютъ людямъ будущее посредствомъ предзнаменованій. Квинтиліанъ принадлежалъ къ многочисленному классу людей, у которыхъ обычныя политеистическія воззрѣнія перемѣшаны съ монотеистическими, и которые не чувствуютъ потребности и не имѣютъ достаточно энергіи, чтобы привести свои убѣжденія къ большей ясности и послѣдовательности. Сквозь вѣру въ «безсмертныхъ боговъ» у него уже проглядываетъ представленіе объ одушевленной природѣ,

о томъ «Богъ, который является отцомъ и создателемъ міра». Онъ твердо вѣритъ въ Провидѣніе, но въ то же время не сомнѣвается въ возможности предсказанія будущаго съ помощью оракуловъ и разныхъ знаменій.

Самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаетъ народную религію Плиній Старшій. Въ своемъ описаніи міра онъ считалъ невозможнымъ обойти «спорный вопросъ о сущности Божества» и привелъ наиболѣе распространенные отвѣты на этотъ вопросъ. По его собственному мнѣнію, природу и Бога нельзя раздѣлять: природу онъ считалъ «матерью всего сущаго», а человѣка — богомъ, такъ какъ ему обязанъ міръ культурными успѣхами и открытіями. Но съ полнымъ основаніемъ слѣдуетъ считать божествомъ также и «святую, безпредѣльную, вѣчную» вселенную, также «творческую силу природы и самую природу», а душой міра и движущей его силой — солнце. Такимъ образомъ, только ради немощи человеческой Божеству приданъ былъ внѣшній видъ и образъ. Каковъ бы ни былъ Богъ (если дѣйствительно онъ существуетъ внѣ природы) и гдѣ бы онъ ни находился, онъ есть не что иное, какъ духъ и сила. Еще безумнѣе — вѣрить во множество боговъ, и изъ человѣческихъ свойствъ, какъ взаимное согласіе, цѣломудріе, надежда, честь, кротость, создавать себѣ боговъ; слабый и жалкій человѣчскій родъ, сознавая свое безсиліе, раздѣлилъ одного Бога на нѣсколькихъ, чтобы такимъ образомъ можно было поклоняться отдѣльно тѣмъ ихъ свойствамъ, въ которыхъ кто нуждался. Поэтому у другихъ народовъ мы тоже находимъ множество боговъ и подъ другими именами; изъ страха почитаютъ даже разные

болѣзни и бѣдствія, какъ, напр., лихорадку и сиротство. Если къ этому прибавить еще вѣру въ боговъ и богинь покровителей всѣхъ мужчинъ и женщинъ въ отдѣльности, — боговъ выйдеть больше, чѣмъ людей. Вся миеологія есть ребяческій бредъ. Какое безстыдство — приписывать богамъ измѣну, распри, ненависть, вѣрять въ боговъ обмана и преступленія! Дѣятельность человѣка на пользу общества представляетъ, съ одной стороны, путь къ славѣ, съ другой — къ божественности; на этомъ пути подвизались герои древняго Рима и по нему же быстрыми шагами шествуетъ теперь Веспасіанъ со своими сыновьями, принося помощь истомленному человѣчеству. Съ давнихъ временъ существуетъ обычай награждать благодѣтелей человѣчества возведеніемъ въ санъ боговъ. Имена боговъ, такъ же какъ и созвѣздій, большею частію заимствованы отъ людей; да и откуда было взятся божественнымъ именамъ! Если высшая власть, какова бы она ни была, печется о человѣческой судьбѣ, возможно ли, чтобы отъ такихъ низменныхъ и разнородныхъ заботъ она не потеряла своего величія? Когда посмотришь, какъ одни совершенно равнодушны къ богамъ, а другіе погружены въ самыя гнусныя суевѣрія и страхъ передъ богами, — трудно рѣшить, что полезнѣе для человѣчества: сохранить эту религію или упразднить ее. Чтобы еще болѣе затемнить представленіе о Божествѣ, люди придумали новую силу, занимающую середину между двумя противоположными представленіями — Фортуну; это — подвижное, большинству представляющееся слѣпымъ, вѣчно блуждающее, непостоянное, неуловимое, измѣнчивое существо, благодѣтельница недостойныхъ; такимъ образомъ, здѣсь

самъ случай возводится въ божество. Другіе отвергаютъ Фортуны, всѣ событія приписываютъ созвѣздіямъ и вѣрятъ въ разъ навсегда назначенное, непреложное, на предбудущія времена установленное предопредѣленіе божества. Это воззрѣніе начинается все болѣе и болѣе укореняться, и какъ образованные, такъ и необразованные люди охотно къ нему присоединяются. Вслѣдствіе этого человѣчество набрасывается на вѣру въ безчисленныя предзнаменованія; между тѣмъ изъ всего этого ясно только одно, что ничего неизвѣстно, и что человѣкъ есть самое жалкое и вмѣстѣ съ тѣмъ самое высокоумное существо. Другія твари знаютъ только тѣ потребности, которыя удовлетворяются самой природой, и сверхъ того имъ чужда мысль о смерти. Но для общества, безъ сомнѣнія, очень полезна вѣра въ то, что боги руководятъ человѣческой судьбой, и что за преступленіемъ неизбежно слѣдуетъ возмездіе, хотя бы и много времени спустя, такъ какъ у боговъ по горло дѣла; полезно также человѣку сознавать, что онъ созданъ подобнымъ Богу, конечно, не за тѣмъ, чтобы приближаться къ животнымъ по своей грубости. Для несовершенства человѣческой природы глубокое утѣшеніе заключается въ томъ, что и Богъ не всемогущъ. Онъ не можетъ умереть, если бы и захотѣлъ, а между тѣмъ человѣку природа подарила смерть какъ лучшей исходъ въ житейскихъ бѣдахъ; точно такъ же Богъ не можетъ смертнымъ даровать безсмертіе или воскресить умершихъ; не можетъ устроить такъ, чтобы тотъ, кто жилъ, — не жилъ, и кто занималъ извѣстныя должности, — не занималъ ихъ; онъ вообще не имѣетъ никакой власти надъ прошедшимъ, кромѣ забвенія; и (если приво-

литъ шутливыя примѣры) онъ не можетъ такъ сдѣлать, чтобы дважды десять не составляло двадцати, и многое въ этомъ родѣ: изъ всего этого ясно видна сила природы и то, что она-то и есть богъ. Такъ думалъ Плиній.

Хотя, такимъ образомъ, отрицаніе религіи было въ большинствѣ случаевъ прямымъ или косвеннымъ воздѣйствіемъ философіи, однако, были и такія философскія системы, которыя не только не подрывали религіи, но даже служили ей опорой. Стоицизмъ, изъ всѣхъ философскихъ школъ пользовавшійся въ то время наиболѣе широкимъ вліяніемъ, въ своихъ богословскихъ теоріяхъ стремился примирить философію съ вѣрой, научнымъ путемъ обосновать господствующую религію, при чемъ онъ различалъ высшее божество — творца и владыку міра и низшихъ боговъ, — единую все проникающую божественную силу и безчисленные ея проявленія и дѣйствія; кромѣ того, онъ признавалъ демоновъ, какъ нѣчто среднее между человѣкомъ и богомъ. Все, говоритъ Эпиктетъ, наполнено богами и демонами. Непристойное въ легендарныхъ сказаніяхъ было устранено съ помощью искусственнаго аллегорическаго толкованія. Такъ какъ, сверхъ того, стоическое богословіе признавало непрерывное откровеніе божественной воли черезъ посредство оракуловъ, разныхъ знаменій и т. п., то, несомнѣнно, что большая часть послѣдователей стоическаго ученія болѣе или менѣе строго держалась традиціонной религіи, и что образованные люди, которые, подобно Марку Аврелію, не хотѣли жить безъ боговъ, отдавали стоицизму предпочтеніе передъ другими школами (какъ въ послѣдующее время неоплатонизму, а въ

XIX вѣкѣ ортодоксальные протестанты гегельянству), такъ какъ онъ разрѣшалъ противорѣчіе между разумомъ и вѣрой.

Значить, и въ I вѣкѣ философски образованные люди не относились безусловно враждебно къ религіи. Хотя въ литературѣ того времени, такъ же какъ въ XVIII вѣкѣ, преобладало антирелигіозное направленіе, однако, оно не утвердилось тамъ надолго. Подобно тому, какъ въ литературѣ прошлаго вѣка противохристіанскія тенденціи, достигнувши высшей точки, быстро ослабѣли, и наступила сильная реакція, которая стремительно увлекла за собой и образованные классы, то же самое видимъ мы и въ греко-римскомъ мірѣ: вслѣдъ за преобладающими литературными теченіями I вѣка приобрѣло перевѣсъ стремленіе къ положительнымъ вѣрованіямъ; и здѣсь точно такъ же оно захватило образованные круги, и, какъ и тамъ, вѣра во многихъ случаяхъ выродилась въ грубое суевѣріе, въ страсть къ чудесному, ханжество и мистицизмъ.

Доказательствомъ того, что образованные люди теперь глубже сознавали потребность согласить народную религію съ истинными понятіями о божествѣ, — можетъ служить то широкое и въ высшей степени характерное для эпохи развитіе, которое получаетъ ученіе о демонахъ у платониковъ въ концѣ I вѣка. Представленіе объ этомъ «промежуточномъ царствѣ» демоновъ, основывавшееся на старинномъ орфическо-пифагорейскомъ преданіи, развивалось такимъ образомъ, что демоновъ этихъ вѣрующіе философы «всюду ставили на мѣсто народныхъ боговъ въ тѣхъ случаяхъ, когда объ этихъ послѣднихъ рассказывались вещи, несомнѣстимыя съ истиннымъ понятіемъ о божествѣ».

Хотя при этомъ давался широкій просторъ фантазіи, тѣмъ не менѣе платоники II вѣка во всѣхъ существенныхъ пунктахъ демонологіи (которою они особенно дорожили) сходились другъ съ другомъ; въ вѣрующихся кругахъ образованныхъ классовъ эта часть ученія даже приобрѣла значеніе догмата. Плутархъ говоритъ: «Тѣ, которые открыли между людьми и богами особый видъ существъ—демоновъ, связующихъ между собой тѣхъ и другихъ (откуда бы ни происходило это ученіе—изъ школы Зороастра, отъ Орфея, изъ Египта или Фригіи), устранили гораздо больше недоразумѣній, чѣмъ Платонъ своею теоріей матеріи». По его воззрѣнію, три низшихъ разряда разумныхъ существъ путемъ совершенствованія могли постепенно восходить къ высшимъ ступенямъ: лучшія человѣческія души могли стать героями, эти—демонами, а нѣкоторые изъ демоновъ (какъ Изида и Озирисъ)—богами. При тройномъ дѣленіи высшихъ управляющихъ міромъ силъ демоны занимаютъ низшее мѣсто. Верховное начало есть духъ и воля высшаго божества, создателя и владыки вселенной искони вѣковъ, затѣмъ слѣдуютъ боги, которые руководятъ человѣческими дѣлами въ цѣломъ и общемъ, и, наконецъ, демоны присматриваютъ и надзираютъ за частностями. Вопреки другимъ платоникамъ, Плутархъ не считаетъ демоновъ бессмертными; безъ малѣйшаго сомнѣнія, какъ о фактѣ, заслуживающемъ полного довѣрія, рассказываетъ онъ, что извѣстіе о смерти великаго Пана было встрѣчено его товарищами-демонами съ громкими воплями; филологи Тиберіева двора по этому поводу замѣтили, что этотъ Панъ былъ сыномъ Гермеса и Пенелопы. Демоны способны чув-

ствовать радость и горе и даже доступны злымъ побужденіямъ; къ нимъ относятся всѣ сказанія о похищеніяхъ, скитаніяхъ, укрывательствахъ, изгнаніяхъ и рабствѣ боговъ; все это и многое другое въ томъ же родѣ, какъ, напр., страданія Изиды и Озириса, случилось не съ богами, а съ демонами. Демоны называются именами боговъ, къ которымъ они приставлены и отъ которыхъ заимствуютъ свою силу и честь, и потому съ ними смѣшались; впрочемъ, нѣкоторые сохраняютъ свои собственные имена. Злые и грозные демоны любятъ мрачное и унылое служеніе, и когда оно имъ воздается, они не дѣлаютъ ничего дурного; добрые и дружественные демоны, въ качествѣ пословъ и посредниковъ (какъ еще училъ Платонъ), передаютъ богамъ молитвы и желанія людей, а отъ нихъ несутъ предсказанія и разныя блага людямъ. Такимъ образомъ, демоны часто спускаются изъ высшихъ сферъ, чтобы направлять оракулы, принимать участіе въ совершеніи мистерій, наказывать злодѣянія, оказывать помощь во время войны и морскихъ бурь; если они позволяютъ себѣ при этомъ гнѣвъ или зависть и несправедливость, то они за это расплачиваются: ихъ спускаютъ на землю и переселяютъ въ человѣческія тѣла.

Совершенно подобными чертами, какъ посредниковъ между людьми и богами, изображаютъ демоновъ Апулей и Максимъ Тирскій. По мнѣнію Апулея, ихъ тѣла и не матерія и не эфиръ, а нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ. Поэтому для людей они принимаютъ видимый образъ только иногда, когда пожелають, подобно тому какъ гомеровская Минерва показывалась Ахиллу. По изображенію по-

этовъ, эти демоны любятъ и ненавидятъ людей, имъ благотворять и вредять, слѣдовательно, могутъ испытывать состраданіе, негодованіе, страхъ и радость, вообще чувствуютъ совершенно по-человѣчески, что несомнѣнимо съ ненарушимымъ покоемъ боговъ. На основаніи разницы въ воспримчивости демоновъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, согласно Апулею, различаются ихъ культы и приносимыя имъ жертвы. Сообразно своей природѣ, они любятъ ночные или дневные, тайные или публичные, веселые или мрачные обряды и жертвоприношенія: такъ, египетскіе демоны любятъ жалобное пѣніе, греческіе — танцы, демоны варварскихъ народовъ — шумную музыку. Отсюда происходитъ большое разнообразіе въ формахъ богослуженія въ различныхъ странахъ: процессіи, мистеріи, служеніе жрецовъ, молитвы приносящихъ жертву, изображенія боговъ и ихъ атрибуты, устройство храмовъ и особые священные обычаи ихъ, кровь и цвѣтъ жертвенныхъ животныхъ, — все это имѣетъ свое значеніе, смотря по обычаямъ мѣстности, и часто черезъ сны, пророчества и гаданія мы узнаемъ, что демоны сердятся, если что-нибудь пропущено въ ихъ культѣ по небрежности или высокомерію.

За исключеніемъ нѣсколькихъ безбожниковъ, говоритъ Максимъ Тирскій, все человѣчество вѣруетъ въ единого Бога, Владыку и Отца всѣхъ, и во многихъ боговъ, Его дѣтей и соправителей: этихъ послѣднихъ не тридцать тысячъ, какъ говоритъ Гезіодъ, но безсчетное множество; частію они разсѣяны въ небѣ подъ видомъ звѣздъ, частію въ эфирѣ въ образѣ демоновъ. Отчасти видимо, отчасти невидимо, эти божественныя существа принимаютъ участіе въ управ-

вленіи міромъ; тѣ, которые ближе къ верховному Божеству, сосредоточиваются въ божественныхъ чертогахъ, какъ будто его домашніе, и служатъ вѣстниками, другіе прислуживаютъ этимъ, третьи занимають еще болѣе низкое мѣсто. Такъ эта непрерывная іерархія сверхъчувственныхъ существъ составляетъ связующее звено между людьми и Божествомъ, и низшія божества въ этой цѣпи (демоны) также служатъ посредниками между человѣческой слабостью и божескимъ величіемъ. «Они являются людямъ, говорятъ съ ними, вращаются среди нихъ, оказываютъ имъ такую помощь, которую люди могутъ получить только отъ боговъ». «Они исцѣляютъ болѣзни, подаютъ совѣты въ затруднительныхъ случаяхъ, возвѣщаютъ сокровенное, пособляютъ въ работѣ, указываютъ дорогу путникамъ; одни дѣйствуютъ въ городахъ, другіе въ поляхъ, одни на сушѣ, другіе на морѣ; нѣкоторые въ качествѣ духовъ-хранителей отдѣльныхъ людей; одни являются грозными, другіе — добрыми, одни — воинственны, другіе — мирны; сколько различныхъ характеровъ у людей, столько и демоновъ.» Къ нимъ принадлежатъ всѣ умершіе люди, которые и въ загробной жизни не захотѣли разстаться со своими земными наклонностями и занятіями: такъ, Эскулапъ продолжаетъ заниматься медициной, Геркулесъ совершаетъ подвиги, Діонисій пируетъ, Амфилохій пророчествуетъ, Діоскуры плывутъ по морю, Миносъ судить, Ахиллъ надѣваетъ оружіе. Максимъ увѣряетъ, что онъ самъ видѣлъ Діоскуровъ, какъ они, въ видѣ сіяющихъ звѣздъ, управляли кораблемъ во время бури, также увѣряетъ, что Эскулапа онъ видѣлъ не во снѣ, а наяву. Отсюда вполне понятно, почему противники христіанства, какъ, напр., плато-

никъ Цельсій, не находили различія между этими демонами и ангелами христіанской и іудейской вѣры.

Такимъ образомъ, ученіе о демонахъ давало возможность вѣрующимъ сохранить въ широкихъ размѣрахъ народную религію, не вступая въ противорѣчіе съ требованіями разума, и притомъ сохранить буквальный смыслъ ея, не придумывая искусственныхъ и насильственныхъ (казавшихся, конечно, подозрительными людямъ глубоко вѣрующимъ) аллегорическихъ толкованій, къ которымъ прибѣгали стоицизмъ: благодаря этому, значительная часть образованнаго класса опять вернулась къ прежнимъ «легендамъ и чудеснымъ сказаніямъ», которыя, казалось, навсегда были разбиты критикой и которыя, по мнѣнію Страбона, годились только для простонародья и жещинъ. То обстоятельство, что примиренія народныхъ вѣрованій съ болѣе разумною религіей уже давно добивались и, наконецъ, нашли его, — заставляетъ предполагать, что среди философски образованныхъ людей господствовало упорное тяготѣніе къ языческимъ богамъ, затаенная надежда, что въ положительной религіи стараго времени можно найти то удовлетвореніе, котораго не могли дать никакія самыя возвышенныя умозрѣнія.

Это предположеніе вполне подтверждается общимъ характеромъ греческой и римской литературы II в., которая отражаетъ въ себѣ также и религіозное состояніе тогдашняго образованнаго міра. Изъ римскихъ писателей Ювеналь и Плиній Младшій, какъ вообще, такъ въ особенности въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, стояли ближе всего къ стоическому ученію; относительно Плинія это подтверждается его сильною вѣрой въ сны и предзнаменованія. Относи-

тельно ихъ обоихъ, сверхъ того, намъ извѣстно, что они признавали языческой культъ; такъ, Ювеналъ, во исполненіе обѣта, принесъ даръ почитаемой въ его родномъ городѣ Аквинумѣ богинѣ Церерѣ Гельвинѣ, а Плиній построилъ два храма. Хотя Тацита обуревали тяжелыя сомнѣнія, однако, онъ не порвалъ окончательно съ положительною религіей. Наивная вѣра Светонія; въ предзнаменованія и чудеса не оставляетъ никакого сомнѣнія въ нетронутости его языческаго міросозерцанія. По всему умственному складу Геллія и его греческихъ учителей можно съ вѣроятностью предположить въ немъ консервативныя пристрастія къ традиціямъ вообще и въ частности къ религіи; относительно Фронтоня можно то же утверждать съ несомнѣнностью, такъ какъ извѣстно, что во время болѣзни Фаустины онъ каждое утро молился богамъ и просилъ у нихъ откровенія во снѣ, какъ лѣчить подагру, — и испросилъ. Разсужденія Марка Аврелія проникнуты духомъ глубокой набожности, сквозь произведенія Апулея просвѣчиваетъ мистическое религіозное созерцаніе, Эліанъ, при страстной ненависти къ невѣрію, стремился своимъ примѣромъ пропагандировать строгую приверженность къ язычеству со всѣми его суевѣріями.

Еще гораздо болѣе римской, греческая литература II вѣка носитъ отпечатокъ эпохи, въ которую религіозная жизнь проснулась съ новою силой. Между греческими писателями этого времени, кромѣ Лукіана, только одинъ Галенъ, со своимъ пантеизмомъ, опирающимся на стоическіе принципы, стоитъ далеко отъ народной религіи; любовь, говоритъ онъ, напр., есть чисто человѣческое чувство, а вовсе не внушается маленькимъ амуромъ съ горящими факел-

лами. Гораздо ближе къ традиціонной религіи стоитъ Діонъ Хризостомъ съ его безусловною вѣрой въ божество (повидимому, и въ отдѣльныхъ боговъ) и въ его управленіе судьбой людей; онъ даже былъ убѣжденъ, что кто держится превратныхъ мнѣній о религіозныхъ предметахъ, тотъ долженъ быть дурнымъ человѣкомъ. Точно такъ же Эпиктетъ въ свой пантеизмъ включилъ политеизмъ; религіозныя воззрѣнія его ученика Арріана, повидимому, тоже близко примыкали къ народной религіи. Всѣ остальные твердо стоятъ на почвѣ положительной языческой религіи, хотя въ пониманіи отдѣльныхъ лицъ она принимала тѣ или другія видоизмѣненія. Плутархъ не совѣтуетъ допытываться основаній вѣры въ боговъ; старинная, унаслѣдованная отъ предковъ религія представляетъ совершенно достаточное основаніе для нравственности; если бы что-либо въ этой религіи было поколеблено и распатано, то это грозило бы самому ея существованію. Точно такъ же его вѣра въ чудесное была безгранична, хотя онъ и предостерегаетъ отъ крайняго легковѣрія и полурационалистическимъ путемъ пытается объяснить разныя чудесныя явленія, какъ, напр., способность божественныхъ изображеній потѣть, вздыхать, испускать кровь и говорить человѣческимъ голосомъ. Впрочемъ, говоритъ онъ, божественная природа такъ безконечно отличается отъ человѣческой, что вполне основательно приписать ей то, что невозможно для человѣка. Далѣе, хотя усвоенная сознательно и подерживаемая искусственно, но несомнѣнно искренняя вѣра Павзанія въ традиціонное, нетронутое язычество, глубокая вѣра Артемидора въ чудесное, грубый супранатурализмъ Максима Тирскаго, до-

ходившій до релігійнаго помѣшательства мистицизмъ Аристида — всѣ эти релігійныя направленія сходятся въ одномъ, въ признаніи чудеснаго управленія міромъ многочисленными богами. Только широкое распространеніе слѣпой вѣры и ребяческаго суевѣрія могло вызвать противорелігійныя писанія Лукіана, и, конечно, въ своихъ постоянныхъ, все вновь повторявшихся нападкахъ онъ сражался не съ призраками. Еще труднѣе предположить, что, такъ какъ Лукіанъ не подвергся преслѣдованію, значитъ, въ то время господствовало всеобщее равнодушіе къ осмѣянной имъ релігій. Хотя, безъ сомнѣнія, его насмѣшки глубоко оскорбляли релігійное чувство вѣрующихъ, все-таки эти вѣрующіе не могли отнестись къ нему такъ строго, какъ отнеслись бы приверженцы релігій, основанной на откровеніи: вѣдь у язычниковъ не только не было никакихъ догматовъ, но даже церкви, которая бы могла стать на защиту поруганной вѣры.

И императоры II вѣка замѣтно поддались вліянію господствовавшаго умственного теченія и со своей стороны, отчасти собственнымъ примѣромъ, отчасти ревностными заботами, поддерживали культъ. Плиній прославляетъ Траяна за то, что онъ не требовалъ себѣ, подобно Домиціану, божескихъ почестей и самъ входилъ въ храмы, чтобы поклоняться богамъ. Адріанъ, даже съ точки зрѣнія требовательнаго Павзанія, оказывалъ большое усердіе въ почитаніи боговъ. Антонинъ Пій всегда лично приносилъ жертвы, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда бывалъ боленъ, и въ 143 году сенатъ и народъ поставили ему памятникъ «за необыкновенно ревностное и добросовѣстное отношеніе къ релігій-

нымъ обрядамъ». Маркъ Аврелій во всемъ старался подражать своему предшественнику, въ особенности же его свободной отъ суевѣрій религіозности, чтобы такъ же спокойно, какъ тотъ, встрѣтить смерть. Самъ же онъ, заявлявшій, что не хотѣлъ бы жить въ мірѣ безъ боговъ, повидимому, признавалъ боговъ всѣхъ націй одинаково могущественными и одинаково достойными поклоненія. При началѣ маркоманской войны онъ вызвалъ въ Римъ жрецовъ изъ разныхъ странъ и заставилъ ихъ выполнить ихъ обряды, а во время самой войны однажды, по указанію оракула, принадлежавшаго Александру Абонутейху, приказалъ бросить въ Дунай двухъ живыхъ львовъ. Объ его щедрости на жертвоприношенія свидѣтельствуется ходившее по рукамъ письмо къ нему бѣлыхъ быковъ: «Горе намъ, если ты побѣдишь: мы погибнемъ».

Свойства пробудившейся во II вѣкѣ религіозной жизни наглядно обнаруживаются въ нѣкоторыхъ характерныхъ явленіяхъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, какой степени напряженія достигло религіозное чувство. Въ началѣ III вѣка Клавдій Эліанъ (родомъ изъ Пренесты) написалъ (на греческомъ языкѣ) два произведенія о Провидѣніи и о проявленіяхъ божественной воли; содержаніе этихъ произведеній мы знаемъ изъ многочисленныхъ отрывковъ. Онъ тамъ доказываетъ слѣдующее положеніе: «Тѣ, которые утверждаютъ, будто здѣсь, на землѣ, боги не имѣютъ никакого вліянія, неразумнѣе малыхъ дѣтей», — доказываетъ съ помощью многочисленныхъ чудесъ, предсказаній оракуловъ и другихъ непосредственныхъ обнаруженій божественнаго могущества, главнымъ образомъ, чудеснаго возна-

гражденія благочестивыхъ и вѣрующихъ и столь же чудесныхъ страшныхъ наказаній безбожниковъ и невѣрующихъ. Среди этихъ разсказовъ немало выхонокъ противъ вольнодумцевъ, въ родѣ, напр., слѣдующей: «Что скажете вы объ этомъ, вы, которые думаете, что Провидѣніе есть слѣпая сила или даже басня?» Точно такъ же часто тамъ попадаются выраженія соболѣзнованія и проклятія по адресу философовъ-атеистовъ: «Да будете вы прокляты, Ксенофанъ и Диагоръ, Гиппонъ и Эпикуръ и вамъ подобные, и всѣ остальные злосчастные и богоненавидные люди!»

Приторный и елейный складъ рѣчи какъ бы стремится воспроизвести наивное благочестіе добраго стараго времени; нѣсколько выдержекъ дадутъ намъ объ этомъ достаточное представленіе. «Одинъ мужъ, по имени Евфроній, былъ нечестивый человекъ и имѣлъ пристрастіе къ Эпикурову суемудрію, которое насадило въ сердцѣ его двойное зло: безбожіе и нечестіе». Этотъ человекъ впалъ въ тяжкій недугъ (чахоткой именуютъ его сыны Эскулапа) и, мучимый жестоко, онъ вначалѣ прибѣгалъ къ человѣческой врачебной мудрости и въ ней надѣялся найти излеченіе. Но недуга не могло поборотъ искусство врачей. И когда онъ сталъ опасаться приближенія кончины, ближніе его отнесли его въ храмъ Эскулапа. И какъ только онъ заснулъ, представилось ему, будто одинъ изъ жрецовъ говоритъ ему: есть только одинъ путь къ спасенію и одинъ способъ избавиться отъ поработившей его болѣзни — сжечь книги Эпикура и пепель отъ этихъ безбожныхъ, дерзкихъ и бабьихъ книгъ смѣшать съ растопленнымъ воскомъ, вымазать этимъ грудь и животъ и

перевязать. Онъ повѣдалъ обо всемъ слышанномъ своимъ ближнимъ, и тѣ исполнились большой радости, что онъ не былъ отвергнутъ Богомъ за безбожіе и богохульство. Такъ богоотступникъ былъ возвращенъ на путь истинный и съ того времени сталъ примѣромъ благочестивой жизни для другихъ». Въ этой книгѣ рассказывалось множество случаевъ чудесныхъ исцѣленій, какъ благочестивыхъ людей, такъ и нечестивыхъ, которые послѣ того исправлялись, и къ нимъ присоединены были назидательныя размышленія, въ родѣ напр., слѣдующаго: «Аристархъ Тегейскій, писатель трагедій, заболѣлъ. Эскулапъ вылѣчилъ его и велѣлъ ему принести благодарственную жертву за свое выздоровленіе, и поэтъ принесъ богу въ даръ свою трагедію, которая носила имя этого бога. Какъ же могло случиться, что боги потребовали платы за здоровье и приняли ее, между тѣмъ какъ они такъ милостиво и любовно предоставляютъ намъ даромъ гораздо болѣе важныя блага, предоставляютъ пользоваться безвозмездно благотѣльнымъ свѣтомъ солнца, этого великаго божества, водой, всевозможными произведеніями природы и многообразнымъ примѣненіемъ огня въ нашей дѣятельности и, наконецъ, воздухомъ, необходимымъ для жизни?— Они только хотятъ, чтобы мы и относительно тѣхъ мелочей не были неблагодарными и безчувственными и такимъ образомъ становились бы лучше».

До какого ребяческаго вздора доходило это исканіе во всемъ чудодѣйственнаго смысла, видно изъ исторіи о танагрекомъ боевомъ пѣтухѣ, который былъ раненъ въ ногу. «Пѣтухъ, какъ мнѣ кажется, по особому внушенію Эскулапа, прискакалъ на одной

ногѣ въ храмъ, и такъ какъ раннимъ утромъ обыкновенно возносились хвалебныя пѣсни богу, то онъ сталъ вмѣстѣ съ пѣвчими, какъ будто бы директоръ хора указалъ ему его мѣсто, и началъ пѣть вмѣстѣ съ ними, какъ умѣлъ, стараясь взять въ тонъ съ другими. Стоя на одной ногѣ, онъ между тѣмъ вытягивалъ впередъ другую, больную и искалѣченную, какъ будто хотѣлъ показать, сколько онъ выстрадалъ. Такъ пѣлъ онъ во всю силу своего голоса, прося бога возвратить ему употребленіе ноги». Силою божественнаго воздѣйствія онъ былъ исцѣленъ, «тогда хлопая крыльями, вытянувши шею и потрясая гребешкомъ, какъ гордый воинъ, онъ быстрыми шагами пошелъ и возвѣстилъ всѣмъ о божественномъ Промыслѣ надъ неразумными тварями». Въ параллель къ рассказамъ объ исцѣленіяхъ съ помощью вѣры приведены были (какъ я уже сказалъ) примѣры ужасныхъ послѣдствій невѣрія и богохульства, напр.: какъ одинъ развратный человекъ захотѣлъ присутствовать при совершеніи мистерій, не будучи посвященъ въ нихъ, какъ онъ взлѣзъ на камень, упалъ съ него и расшибся до смерти; или какъ одинъ несчастный, душа котораго была заражена ученіемъ Эпикура, вошелъ въ святая святыхъ Элевзинскаго храма, куда могъ входить только одинъ верховный жрецъ; въ наказаніе за это онъ подвергся ужасной болѣзни и страдалъ отъ мучительныхъ болей, такъ что онъ уже жаждалъ исторгнуть свою окаянную душу изъ тѣла, но это ему удалось только много времени спустя; какъ Сулла былъ заживо съѣденъ червями (другіе же говорятъ — вшами), которые выползали изъ его тѣла, за то, что онъ разрушилъ храмъ Аѣины въ гор. Адалкоменахъ; какъ одинъ

скульпторъ, «заботясь только о барышахъ и пренебрегая благочестіемъ», сдѣлалъ статую одного бога хуже, чѣмъ долженъ былъ сдѣлать сообразно полученной платѣ, — сдѣлалъ ее невзрачною, маленькою и изъ плохого мрамора, за что потерпѣлъ наказаніе на собственномъ тѣлѣ, «и это послужило для всѣхъ примѣромъ и урокомъ, чтобы никто на такія дѣла не отваживался и не искалъ подобныхъ выгодъ», и т. д. Отъ того же писателя дошла до насъ «Исторія животныхъ», въ которой «увѣренность инстинкта и цѣлесообразное устройство низшихъ организмовъ, выставляется образцомъ для людской морали, какъ болѣе чистое проявленіе природы». Слоны, напр., утверждается тамъ, молятся солнцу при закатѣ, протягивая къ нему свои хоботы, наподобіе вздѣтыхъ рукъ, а люди сомнѣваются въ существованіи боговъ или же, признавая ихъ, отрицаютъ ихъ попеченіе о насъ. На одномъ островѣ Чернаго моря, посвященномъ Геркулесу, мыши не трогаютъ ничего, что ему посвящено; а когда созрѣваетъ виноградъ, опредѣленный ему въ жертву, то они уходятъ съ острова, чтобы не соблазниться и не отвѣдать заповѣднаго винограда, и возвращаются назадъ только по окончаніи винограднаго сбора. Гиппонъ, Диагоръ, Геростратъ и другіе вольнодумцы, конечно, не отказались бы отъ винограда, какъ и отъ другихъ вещей, посвященныхъ богамъ. Въ другой книгѣ Эліанъ восхваляетъ варваровъ за то, что у нихъ нѣтъ той утонченной культуры, которая охладила грековъ къ религіи: у индусовъ, кельтовъ, египтянъ нѣтъ скептиковъ и богоотступниковъ, въ родѣ Эвгемера, Эпикура, Диагора и др.

Между тѣмъ какъ произведенія Эліана знакомятъ

насъ съ крайнею и тупою формою язычества, религіей фанатиковъ, — въ признаніяхъ другого человѣка, котораго и современники и потомство считали однимъ изъ самыхъ крупныхъ свѣтилъ своего времени, именно — ритора Элія Аристида, мы имѣемъ любопытное свидѣтельство того, до какихъ предѣловъ можетъ дойти при извѣстныхъ обстоятельствахъ религиозная экзальтація. Аристидъ, родившійся въ 117 г. въ г. Адрианахъ, въ Виѣннѣ, происходилъ изъ знатной и зажиточной жреческой семьи, былъ съ дѣтства болѣзненнымъ (по одному извѣстію страдалъ эпилепсіей) и очень рано со страстью предавался наукамъ. Нервная возбудимость его деликатной природы была доведена до крайней степени избыткомъ напряженія и волненіями, неразлучными со званіемъ софиста; вмѣстѣ съ тѣмъ это званіе софиста способно было какъ нельзя болѣе развить присущія ему свойства — честолюбіе и тщеславіе. Къ 50-ти годамъ, повидимому, его постигла болѣзнь и держала его въ тискахъ цѣлыхъ 13 лѣтъ; онъ обстоятельно описалъ ее въ своихъ «священныхъ рѣчахъ», написанныхъ послѣ выздоровленія. За время болѣзни развилась въ немъ та мистическая религіозность, которая чѣмъ дальше тѣмъ все больше замыкалась въ исключительное обожаніе одного бога-цѣлителя Эскулапа, образъ котораго мало-по-малу заслонилъ для него всѣхъ другихъ боговъ. Такъ какъ онъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ молился о выздоровленіи въ храмахъ этого бога и былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ его жрецами, то естественно, мысли его непрерывно, и во снѣ и наяву, были обращены на этотъ предметъ, тѣмъ болѣе, что, по общему вѣрованію, богъ этотъ посредствомъ внуше-

ній во снѣ подавалъ совѣты больнымъ, искавшимъ исцѣленія и ради этого спавшимъ въ его храмѣ; такимъ образомъ, вся жизнь Аристиды вращалась вокругъ этихъ сновъ, которые, по приказанію бога, онъ долженъ былъ записывать. Исполненіе этого приказанія онъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ, и, когда не въ силахъ былъ писать самъ, то диктовалъ. Само собой разумѣется, что онъ пунктуально выполнялъ всѣ предписанія, которыя получалъ во снѣ, даже самыя безразсудныя, чѣмъ онъ, по всей вѣроятности, не разъ ухудшалъ свое состояніе; онъ самъ говоритъ, что слабость его съ годами все болѣе и болѣе увеличивалась. Иногда ему казалось, что онъ находится въ среднемъ состояніи между сномъ и бодрствованіемъ, и тогда онъ всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ близость божества, волосы у него становились дыбомъ, глаза наполнялись слезами умиленія, и онъ испытывалъ необыкновенное просвѣтлѣніе ума,— состояніе, которое никто не сумѣетъ описать, только одни посвященные знаютъ и понимаютъ его. Богъ предсказалъ ему 13-лѣтнюю продолжительность его болѣзни и его чудесное выздоровленіе и приказалъ ему среди зимы въ холодъ и при сѣверномъ вѣтрѣ купаться въ рѣкѣ. Послѣ купанья вдругъ онъ почувствовалъ себя необыкновенно легко и пріятно, «онъ ощутилъ равномерную, не внѣшнюю, а внутреннюю, возстановившую весь организмъ, теплоту: это было невыразимо блаженное состояніе, во время котораго онъ забылъ все на свѣтѣ и не видалъ ничего вокругъ — до такой степени углубился онъ въ созерцаніе божества». Какъ ни были невыносимы его боли, онъ не замѣчалъ ихъ вслѣдствіе той чести, которой богъ удостоилъ

его: кто пойметъ это, тотъ будетъ скорѣе радоваться за него, чѣмъ сострадать его мученіямъ.

Хотя въ основѣ мистицизма у Аристида лежитъ вовсе не религіозное созерцаніе, а крайняя степень самомнѣнія и высокоумѣрія, тѣмъ не менѣе писанія его во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ признакія христіанскихъ піэтистовъ, какъ непрестаннымъ самоанализомъ, самовозвеличеніемъ и самообманомъ, такъ и особою духовною гордостью, вытекавшею изъ убѣжденія, что онъ удостоенъ особой благодати, что онъ избранникъ божества. Однажды во снѣ увидалъ онъ изображеніе бога съ тремя головами, объятаго яркимъ пламенемъ. Богъ велѣлъ Аристу остаться, а всѣмъ другимъ молящимся сдѣлать знакъ удалиться. Аристу въ восхищеніи воскликнулъ: «О, единственный!» — разумѣя подъ этимъ бога. «Да, ты единственный», отвѣчалъ ему богъ. «Это слово, о Эскулапъ, дороже всей жизни, ничто передъ нимъ вся моя болѣзнь, никакая благодарность не выразитъ того, что оно со мной сдѣлало: теперь я въ состояніи сдѣлать все, что захочу». «И я также, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, былъ въ числѣ тѣхъ, которымъ по особой милости божіей дарована была нѣсколько разъ новая жизнь въ разныхъ видахъ, и которые поэтому и болѣзнь свою считаютъ спасительной». Того, что даровалъ ему богъ, онъ не промѣнялъ бы на полное счастье на землѣ.

Въ связи съ убѣжденіемъ, что онъ избранникъ божій, стоитъ у Аристида стремленіе — вездѣ находить руку провидѣнія, даже въ самыхъ обыденныхъ житейскихъ явленіяхъ прозрѣвать особое предопредѣленіе и чудеса. Онъ думалъ, что богъ руководитъ имъ на каждомъ шагу, постоянно его призываетъ,

посылаетъ, удерживаетъ, даетъ приказанія, порученія и запрещенія. Во время землетрясенія, разрушившаго Смирну, богъ вывелъ его изъ города и привелъ въ такое мѣсто, гдѣ онъ былъ безопасенъ. Онъ нѣсколько разъ спасъ жизнь его старой кормилицѣ Филуменѣ, которая любила Аристиду больше всего на свѣтѣ. Когда другая Филумена, дочь его молочной сестры, умерла, ему во снѣ было открыто, что она пожертвовала собой за его жизнь. Также и братъ ея Гермій тоже, можно сказать, «умеръ ради него»; именно, этотъ самый любимый изъ его воспитанниковъ умеръ, какъ потомъ узналъ Аристидъ, въ тотъ самый день, когда онъ самъ (по окончаніи 13-лѣтней своей болѣзни) лежалъ въ припадкѣ жестокой эпидеміи (занесенной войскомъ Вера на западъ). Отъ этой болѣзни спасли его Эскулапъ и богиня Аѣина; послѣдняя явилась ему въ образѣ статуи Фидія, чудное благоуханіе разливалось изъ ея эгиды; онъ одинъ видѣлъ ее и сказалъ объ этомъ двумъ бывшимъ тутъ своимъ друзьямъ и кормилицѣ, но они думали, что онъ бредитъ, пока, наконецъ, сами не почувствовали исходящую отъ богини силу и услышали ея рѣчи, которыя онъ прежде слышалъ одинъ. Средневѣковые монахи, читавшіе рѣчи Аристиды, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на поляхъ высказали свое неудовольствіе на глупость и даже безуміе этого человѣка, «который пользовался славой мудреца» и могъ предаваться такимъ ребяческимъ фантазіямъ.

Фактъ появленія этой религіозной реакціи противъ разрушительнаго вліянія критики и философіи, фактъ полного возвращенія даже образованныхъ

людей къ языческой религіи, какъ мы это видѣли изъ только что приведенныхъ примѣровъ, — этотъ фактъ показываетъ, что жалобы на мнимый упадокъ вѣры были основаны на наблюденіи поверхностныхъ и совершенно частныхъ теченій, которыя были затоплены могучимъ встрѣчнымъ потокомъ. Мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ въ пользу того, чтобы противорелигіозное направленіе когда-нибудь, даже въ моментъ своей наибольшей силы, распространилось за предѣлы узкаго круга людей образованныхъ. По всѣмъ признакамъ, оно такъ же мало проникло въ массу, какъ и антихристіанская литература XVIII вѣка не оказала замѣтнаго вліянія на вѣрованія народа.

Какъ бы громко ни заявляли о себѣ въ литературѣ I вѣка представители монотеистическаго, пантеистическаго и атеистическаго міросозерцанія, все же вѣра народа въ праотеческую религію, которая такъ крѣпко срослась съ духовною жизнью массы, осталась нетронутою или, во всякомъ случаѣ, не колебалась. Несмотря на то, что она потеряла нѣкоторыя видоизмѣненія, несмотря на то, что нѣкоторыя части ея отпали или потускнѣли и получили новый смыслъ, она тѣмъ не менѣе оставалась въ прежней силѣ, раздѣленная на двѣ главныя формы: одна изъ нихъ возникла среди греческаго міра и была распространена въ восточныхъ областяхъ, другая же господствовала на западѣ и сѣверѣ (до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ достигла римская культура) и создавалась за послѣднее столѣтіе изъ смѣшенія и сліянія греческихъ и италійскихъ элементовъ. Въ этихъ двухъ формахъ язычество почти пять вѣковъ выдерживало борьбу съ христіанствомъ, — борьбу,

которая велась съ все возрастающей энергіей. Такое продолжительное сопротивленіе уже само по себѣ доказываетъ, что въ старой вѣрѣ было еще много жизненныхъ силъ. Ту же самую живучесть обнаруживаетъ язычество и въ томъ, что оно приняло въ себя и переработало многочисленныя чуждыя и даже противоположныя элементы, которые, однако, не измѣнили его общаго характера и не повели за собой его разложенія. Наконецъ, и творческія производительныя силы языческой религіи также свидѣтельствовали объ ея жизнеспособности.

Безразборчивое принятіе разнородныхъ религіозныхъ культовъ обыкновенно считали и признакомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, причиной упадка греко-римской религіи; но съ этимъ мнѣніемъ можно было бы согласиться только въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что почитаніе новыхъ чуждыхъ боговъ поколебало вѣру въ старыхъ боговъ или кореннымъ образомъ измѣнило все ея внутреннее существо. Ничего подобнаго незамѣтно. Никто не рѣшится утверждать, что умноженіе числа боговъ въ политеистической системѣ само по себѣ предполагаетъ упадокъ вѣры и ослабленіе ея внутренней энергіи, точно такъ же, какъ новыя канонизаціи въ католической церкви, съ одной стороны, не показываютъ ослабленія вѣры къ прежнимъ святымъ, съ другой — ни въ какомъ смыслѣ не могутъ ей повредить. Но между восточнымъ и греко-римскимъ культурами заключается такая глубокая противоположность, что сліяніе ихъ представляется непонятнымъ. Какъ самыя обряды обоихъ этихъ культовъ представляются намъ чуждыми и несоизмѣримыми между собой, такъ еще болѣе положенныя въ основу ихъ рели-

гіозныя воззрѣнія. Мрачныя, унылыя и таинственныя обряды, мечтательный экстазь, самоотреченіе и беззавѣтная преданность божеству, лишенія и раскаяніе, какъ необходимыя условія для нравственнаго совершенствованія и святости, — всѣ эти элементы, проистекающіе изъ основныхъ началъ восточныхъ культовъ, совершенно чужды греческой и римской религіи; этимъ послѣднимъ свойственно, наоборотъ, строго-опредѣленное понятіе о божествѣ, простой, трезвый взглядъ на боговъ, спокойное, довѣрчивое, точно урегулированное отношеніе вѣрующихъ къ божеству, доступность для всѣхъ, простота и свѣтлый, праздничный характеръ богослуженія. Тѣмъ не менѣе, въ глазахъ грековъ и римлянъ эти глубокія внутреннія противорѣчія никогда не служили помѣхой для сліянія культовъ. Известно, что восточные элементы очень рано проникли въ греческую религію, а въ римскую, по крайней мѣрѣ, со второй пунической войны. Если это могло случиться уже при поверхностномъ сближеніи народовъ, то понятно, что болѣе тѣсная связь и объединеніе народовъ во всемірной Римской имперіи должны были, даже при условіи сохраненія старой вѣры въ прежней силѣ, необходимо повести къ смѣшенію культовъ. Съ самаго начала и до конца язычества боги въ сущности были очень мало известны вѣрующимъ, никакое откровеніе не раскрыло ихъ природы, поэтому представленіе, что міръ боговъ можетъ включать въ свою среду самые различные образы и существа, казалось вполне естественнымъ, — тѣмъ болѣе, что способность принимать тотъ или другой видъ считалась существеннымъ свойствомъ божества. Къ этой неограниченной растя-

жимости древняго политеизма присоединилась тенденція открывать въ чужихъ божествахъ собственные, — тенденція, которая уже у Геродота принимаетъ изумительно широкіе размѣры; у искренно вѣрующихъ людей это стремленіе доходило до того, что они въ чужихъ вѣрованіяхъ замѣчали только то, что дѣйствительно или воображаемо совпадало съ ихъ религіей, ко всему остальному они были слѣпы, хотя бы дѣло шло о самыхъ грубыхъ и рѣзкихъ противорѣчіяхъ.

Итакъ мы видѣли, что усваивать культы другихъ народовъ, для дополненія собственнаго несовершеннаго познанія божества, было однимъ изъ коренныхъ свойствъ античнаго политеизма, и что въ Греціи и Римѣ совершенно разнородныя вѣрованія были введены въ такое время, когда не могло быть и рѣчи объ ослабленіи религіознаго чувства. Изъ этого можно заключить, что причина менѣе широкаго вліянія чуждыхъ религій въ древнее время заключается вовсе не въ силѣ и свѣжести родной религіи, а въ меньшемъ развитіи взаимныхъ сношеній между народами. Чѣмъ болѣе развивались эти сношенія, тѣмъ все болѣе усиливался взаимный обмѣнъ культовъ. Съ образованіемъ изъ Рима всемірной имперіи, античный міръ и политеизмъ вступили въ послѣдній фазисъ своего развитія. Нѣсколько столѣтій продолжавшееся броженіе, передвиженіе, отливъ и приливъ населенія на этомъ обширномъ пространствѣ произвели удивительное смѣшеніе и переплетеніе расъ и племенъ, религій и культовъ. Отъ Темзы до Атласа, отъ Атлантическаго океана до Евфрата — всюду разсѣяны были поклонники Изиды и Озириса, Ваала, Астарты, Митры и распространяли свои вѣрованія

или примѣромъ или прямо пропагандой; такимъ образомъ, азіатскія божества подъ различными именами и формами культа приобрѣтали все новыхъ и новыхъ приверженцевъ. Напримѣръ, памятники, относящіеся къ культу Зевса Долихскаго въ Комагенѣ (бога солнца, тождественнаго съ Бѣломъ, почитавшимся въ Пальмирѣ), были найдены въ Дакии, Панноніи, Норикѣ и Реціи, Германіи и Галліи, Британіи, Нумидіи, Далматіи и въ очень большомъ числѣ въ Италіи (29, изъ которыхъ 21 — въ Римѣ, гдѣ этому богу во II и III вѣкахъ были поставлены два святилища — одно на Авентинѣ, другое на Эсквилинѣ). Фигура Изиды изъ юрскаго известняка, относящаяся къ I вѣку и вѣланная теперь въ романскую капитель церкви св. Урсулы въ Кельнѣ, очень вѣроятно, извлечена изъ древней мѣстной капеллы этой богини. Разныя египетскія вещицы, найденныя во многихъ мѣстахъ въ прирейнскихъ земляхъ, маленькія изображенія мумій, жуки, можетъ быть, поставлены были въ храмахъ съ цѣлью придать имъ видъ натуральныхъ египетскихъ храмовъ, безъ всякаго понятія объ ихъ истинномъ значеніи. Египетскій культъ проникъ въ самыя отдаленныя горныя долины: такъ, въ Тиролѣ въ Нонсталѣ во время праздниковъ въ честь Изиды и Сераписа изображалась скорбь богини объ ея пропавшемъ супругѣ.

Если, несомнѣнно, во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ новые культы отодвигали на задній планъ прежніе, то во всякомъ случаѣ такія мѣстныя и частныя предпочтенія отдѣльныхъ божествъ не могли произвести значительныхъ измѣненій въ общемъ характерѣ религіи. Кромѣ того, такъ какъ обыкновенно почитаніе чужихъ божествъ не обнимало собой всей

чужестранной мифологии, а относилось только къ отдѣльнымъ богамъ, то иностранные культы очень легко можно было совмѣстить съ отечественною религіей, не нанося ей никакого ущерба. Домиціанъ поклонялся Изидѣ и Серапису, которымъ онъ построилъ въ Римѣ храмъ; даже за его столомъ гостей поражало «исполненіе иностранныхъ суевѣрій». Тѣмъ не менѣе онъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы святость традиціоннаго богослуженія никѣмъ безнаказанно не нарушалась, и Марціалъ прославляетъ его за то, что въ его царствованіе «стариннымъ храмамъ» воздавалась подобающая имъ честь; самъ Марціалъ изъ капитолійскихъ божествъ чтить больше всѣхъ Минерву, какъ онъ выражается, «съ суевѣрнымъ обожаніемъ».

Параллельно съ постепеннымъ преобразованіемъ религіозныхъ вѣрованій, видоизмѣнялось и самое понятіе о «суевѣріи»: подъ нимъ вообще подразумѣвались тогда ложныя вѣрованія, основанныя на крайнемъ страхѣ передъ богами, главнымъ же образомъ почитаніе чужестранныхъ не признанныхъ государствомъ боговъ. Поэтому понятіе о суевѣріи не только всегда было относительнымъ, но и чрезвычайно произвольнымъ, измѣняясь сообразно индивидуальнымъ воззрѣніямъ. Такъ, въ 58 году до Р. Х. сенатъ запретилъ служеніе египетскимъ божествамъ, какъ «постыдное суевѣріе», и велѣлъ разрушить ихъ жертвенники, но это запрещеніе имѣло такъ же мало значенія, какъ и послѣдующія мѣры (53 и 48 годовъ) противъ этого культа, пробравшагося тогда на самый Капитолій, точно такъ же, какъ позднѣе, въ 21 году, изгнаніе его изъ Рима Агриппой и преслѣдованіе его приверженцевъ при Тибе-

ріи въ 19 по Р. Х. Мало-по-малу изгладилась самая память о томъ, что египетскіе боги признавались когда-нибудь не наравнѣ съ римскими богами. Минуцій Феликсъ уже называетъ эти культы (между прочимъ и культъ Сераписа) римскими.

Подобно египетскимъ, и множество другихъ восточныхъ культовъ прежде считались суевѣріями и пользовались всеобщимъ презрѣніемъ, но потомъ мало-по-малу все въ болѣе широкихъ кругахъ приобрѣтали права гражданства наравнѣ съ туземными и стали признаваться какъ бы существующими съ незапамятныхъ временъ. Продолжительность періода, въ который совершался этотъ процессъ ассимиляціи, зависѣла въ отдѣльныхъ случаяхъ отъ различныхъ и часто неуловимыхъ вліяній, но на первомъ планѣ нужно поставить то, были ли сношенія съ приверженцами чужихъ религій близкими, постоянными и массовыми, или нѣтъ. Культъ Митры, съ которымъ римляне познакомились только во время войны съ пиратами (значить, на полтора столѣтія позже египетскихъ культовъ), уже можно прослѣдить въ Римѣ при Тиберіи, но, повидимому, вошелъ въ силу онъ только при Адрианѣ и Антонинахъ, и, такимъ образомъ, для широкаго распространенія его понадобилось почти столько же времени, сколько и для египетскихъ культовъ. Но, если вѣрить Оригену, на Западѣ въ его время тайнства Митры, сравнительно съ популярными египетскими кукльтами, занимали незначительное мѣсто,—это объясняется тѣмъ, что сношенія Запада съ народами, исповѣдывавшими культъ Митры, далеко не были такъ оживленны, какъ двумя столѣтіями раньше съ египтянами.

При всемъ томъ многіе культы потому такъ дол-

го считались суевѣріями, что обряды ихъ казались слишкомъ странными, чуждыми, отталкивающими или даже смѣшными. Плутархъ, относившійся съ уваженіемъ ко всѣмъ странностямъ египетскаго богослуженія, съ презрѣніемъ отзывался о нѣкоторыхъ азіатскихъ обрядахъ, напр., объ обмазываніи себя навозомъ, празднованіи субботы, паденіи ниць и прочихъ «смѣшныхъ и унижительныхъ обычаяхъ, молитвахъ и жестахъ, вытекавшихъ изъ страха передъ богами, также о чародѣйствѣ и обманахъ, о бѣганіи вокругъ, о боѣ въ литавры, о нечистыхъ омовеніяхъ, пиническихъ бичеваніяхъ, варварскихъ и противоестественныхъ наказаніяхъ и посрамленіяхъ въ храмахъ». Такому различію въ отношеніяхъ къ культуамъ значительно способствовало и то, что, благодаря долговременной практикѣ, египетскіе культы мало-по-малу очистились отъ всего страннаго и неподходящаго, между тѣмъ какъ этого нельзя сказать про другіе культы: повидимому, въ отнесеніи чужеземныхъ обрядовъ къ разряду презрѣнныхъ суевѣрій или покровительствуемой религіи рѣшающее значеніе имѣло то, какъ долго эти обряды были извѣстны. По словамъ Светонія, Августъ свято почиталъ только старинныя и общепризнанныя вѣрованія (какъ, напр., Элевзинскія таинства), ко всѣмъ остальнымъ онъ относился съ презрѣніемъ. Но когда Светоній къ этимъ послѣднимъ присоединяетъ и іудейскую вѣру, то онъ глубоко ошибается: Августъ (такъ же, какъ и Ливія) не только посылалъ дорогіе дары для іерусалимскаго храма, но и установилъ, чтобы ежедневно отъ его имени тамъ приносились въ жертву всесоженія два барана и быкъ, и отмѣна этого распоряженія іудеями передъ началомъ

іудейской войны была первымъ актомъ открытаго сопротивленія іудеевъ противъ Рима.

Кромѣ того, на отношеніе къ чужеземнымъ культамъ въ Римѣ оказывало также извѣстное вліяніе большее или меньшее значеніе тѣхъ народовъ, которые исповѣдывали данную религію. По крайней мѣрѣ, просвѣщенные римляне уже заранѣе осуждали культъ какого-нибудь отдаленнаго и неизвѣстнаго варварскаго племени. Одинъ ветеранъ, принимавшій у себя Августа въ Бононіи, на его вопросъ, правда ли, что первый грабитель храма богини Анаитисъ (почитаемой въ Арменіи, Каппадокіи, Мидіи) ослѣпъ и умеръ отъ паралича,—отвѣчалъ, что этотъ грабитель онъ самъ, что все свое состояніе онъ нажилъ тѣмъ грабежомъ и теперь угощаетъ Августа на счетъ одной ноги этой богини. На ряду съ возрастающимъ смѣшеніемъ національностей въ римскомъ государствѣ все расширялось употребленіе чужеземныхъ культовъ и все убавлялось число тѣхъ, которые считались суевѣріями. Хотя смѣшеніе культовъ достигло своей высшей точки только въ III столѣтіи, но уже около половины II вѣка оно было довольно значительно. Еще Адрианъ, который очень ревностно относился къ римскимъ и греческимъ культамъ, «презиралъ чужеземные»; что подразумѣвается подъ этимъ, мы въ точности не знаемъ, но, несомнѣнно, къ египетскимъ это не относилось. Но уже Маркъ Аврелій, въ виду всеобщаго страха передъ маркоманской войной, созвалъ въ Римъ жрецовъ изъ разныхъ странъ, заставилъ ихъ исполнить ихъ обряды и такимъ образомъ далъ римлянамъ возможность умилостивить боговъ на всѣ лады; въ его время граница между чужеземными суевѣріями и

туземною религіей въ Италіи и Греціи почти со-
всѣмъ сгладилась.

Постоянно возрастающая въ численности и пе-
стротѣ «семья боговъ» представляла очень благо-
дарный матеріалъ для насмѣшекъ невѣрующихъ.
Лукіанъ часто пускаетъ стрѣлы своего остроумія
противъ этой разношерстной компаніи. На одномъ
собраніи боговъ, по приказу Зевса, Гермесъ дол-
женъ былъ распредѣлить боговъ по художественно-
сти и цѣнности ихъ статуй, такъ что золотымъ
статуямъ отдано было предпочтеніе передъ мрамор-
ными, и такимъ образомъ оказалось, что первыя
мѣста получили Бендись, Анубись, Атисъ, Митра и
одно азіатское божество луны; а между тѣмъ за бо-
жественною трапезой «этихъ сомнительныхъ и изда-
лека вывезенныхъ боговъ», Атиса и Сабація, сажали
пониже, рядомъ съ Паномъ и Корибантами. Въ дру-
гой разъ боги совѣщаются о цѣломъ рядѣ новыхъ
высочекъ подозрительнаго свойства. Момъ проситъ
слова и высказываетъ свое мнѣніе о восточныхъ бо-
жествахъ. Митра въ своемъ мидійскомъ халатѣ и
тіарѣ не годится для Олимпа, онъ не знаетъ по-
гречески и не понимаетъ, когда пьютъ за его здо-
ровье. Точно такъ же нельзя тернѣтъ и египтянъ: Ану-
биса съ собачьей головой, лающего по-собачьи и
одѣтаго въ тонкую полотняную ткань, прорицателя
быка Аписа и, наконецъ, всѣхъ этихъ ибисовъ, обезья-
нъ и козловъ. Затѣмъ Момъ ставитъ предложеніе:
такъ какъ много коверкающихъ языкъ господъ не по
праву вторглось въ среду боговъ, и вслѣдствіе этого
амброзія и нектаръ начинаютъ изсякать, и мѣра
этой божественной пищи, благодаря большому спро-
су, поднялась въ цѣнѣ на цѣлую мину, и такъ какъ,

наконецъ, чуждые боги безцеремонно продвигаются впередъ и захватываютъ мѣста у старыхъ боговъ,— то необходимо учредить комиссію изъ семи полноправныхъ боговъ, которая бы разбирала законность правъ каждаго отдѣльнаго бога. Зевсъ не хочетъ подвергать это предложеніе голосованію, такъ какъ онъ предвидитъ, что большинство выскажется противъ; поэтому онъ прямо утверждаетъ его и предписываетъ всѣмъ богамъ для предстоящей провѣрки доставить необходимыя свѣдѣнія, т. е. имена родителей, свидѣтельство о томъ, почему и какимъ образомъ они стали богами, и т. п.

Нерѣдко полагають, что это сознаніе нелѣпости и несообразности такого смѣшенія разнородныхъ культовъ, которое было источникомъ насмѣшекъ Лукіана, было очень распространено тогда среди образованныхъ людей; но на такое предположеніе насъ не уполномочиваютъ никакія данныя, да и самый характеръ религіозной жизни всемірной имперіи, какъ мы его понимаемъ, тоже не оправдываетъ этого предположенія. Впечатлѣніе, которое мы получаемъ отъ наблюденія тогдашней религіозной жизни, совершенно совпадаетъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое испытывалъ Лукіанъ и ему подобные, такъ какъ они такъ же далеко были отъ этихъ явленій, какъ и мы: въ ихъ глазахъ также греческіе и варварскіе боги не имѣли ничего реальнаго, и потому ихъ критика этихъ порожденій миеологической фантазіи была совершенно свободна и ничѣмъ не связана. Но такъ чувствовали и разсуждали только невѣрующіе, а ихъ, повидимому, было очень немного даже между образованными людьми.

Какъ мало смущала вѣрующихъ даже изъ наибо-

лѣе развитыхъ людей, эта смѣсь культовъ въ національной религіи, показываютъ религіозныя воззрѣнія Плутарха. Несмотря на то, что онъ былъ жрецомъ Аполлона Пиеійскаго, онъ очень искренно почиталъ египетскихъ и греческихъ боговъ. Въ одномъ произведеніи объ Изидѣ и Озирисѣ, которое было написано для одной очень образованной жрицы Изиды въ Дельфахъ, онъ говоритъ, что боги вездѣ одни и тѣже, они—орудія воли высшаго всемогущаго существа, управляющаго міромъ, только каждый народъ чтитъ ихъ по-своему и подъ разными именами. Такъ, Изида съ сопровождающими ее божествами была искони извѣстна всѣмъ людямъ, несмотря на то, что нѣкоторые только недавно узнали ее подъ ея египетскимъ именемъ; впрочемъ, Плутархъ думаетъ, что имя ея греческаго происхожденія и занесено въ Египетъ греческими выходцами; и когда Гезіодъ въ числѣ первыхъ созданій, кромѣ Хаоса, называетъ Эроса, Землю и Тартара, онъ разумѣетъ, повидимому, Озириса, Изиду и Тифона. Начало ученія о томъ, что міръ управляется не слѣпымъ случаемъ и не высшимъ разумомъ, но многочисленными добрыми и злыми духами, — начало этого ученія нельзя прослѣдить, оно теряется въ глубокой древности; но самая эта древность, такъ же, какъ и всеобщее признаніе ученія философами, поэтами, жрецами и законодателями, въ мистеріяхъ и богослужебныхъ обрядахъ у варваровъ и у грековъ, — все это служило вѣскимъ доказательствомъ его истинности. Озирисъ и Изида — добрыя божества, Тифонъ — злое; относительно этого всѣ были согласны, но по вопросу объ ихъ истинномъ существѣ мнѣнія языческихъ богослововъ раздѣлились. Озириса одни считали олицетвореніемъ

рѣки Нила, другіе—вообще влаги, третьи—Бахусомъ, наконецъ, нѣкоторые — царствомъ луны, олицетвореніемъ ея благодѣтельнаго, плодотворнаго, влажнаго свѣта. Плутархъ находитъ, что ни одно изъ этихъ значеній въ отдѣльности не выражаетъ всей истины, но лишь всѣ они въ совокупности. Его не пугаютъ тайны египетской теологіи, скрытыя, по его мнѣнію, въ цѣломъ рядѣ сфинксовъ передъ храмами; онѣ только еще болѣе разжигаютъ въ немъ стремленіе разгадать ихъ настоящій смыслъ; онъ хочетъ приступить къ этому изслѣдованію и съ философскими и съ благочестивыми намѣреніями, такъ какъ ничто не можетъ быть пріятнѣе божеству, какъ стремленіе къ истинному познанію его сущности. Такимъ путемъ онъ примирялся съ самыми нелѣпыми египетскими легендами и самыми странными обрядами, напр., съ обоготвореніемъ животныхъ; для погребальныхъ египетскихъ обрядовъ онъ подыскалъ аналогію въ греческомъ культѣ и нашелъ глубокой символическій смыслъ въ формѣ и украшеніяхъ металлическихъ бубенчиковъ (*sistrum*), часто употреблявшихся въ церковной службѣ. Этотъ интересъ къ уродливостямъ египетской религіи не оказалъ ни малѣйшаго вліянія на отношеніе Плутарха къ національнымъ богамъ, — для него это были все тѣ же живые образы, съ своими прежними неизмѣнными свойствами. Вѣра его, конечно, была нѣсколько иная, чѣмъ, напр., у Геродота, но не менѣе искренна и глубока.

Если уже образованные люди признавали, что чужеземные боги могутъ занять мѣсто на ряду съ туземными, не подрывая и не измѣняя религіи, то тѣмъ болѣе это можно сказать о массѣ народа, которая, конечно, еще менѣе сознавала несообразность

одновременнаго почитанія самыхъ разнородныхъ божествъ. До такой степени несокрушимою оказалась жизненная сила старыхъ греко-римскихъ боговъ, что ихъ фигуры все съ новою силою выступали сквозь хаосъ всякихъ смѣшеній, нисколько отъ того не пострадавши. Вѣра въ этихъ боговъ уже потому такъ глубоко вросла въ сердце тогдашняго чело-вѣка, что она многими нитями переплетена была со всею общественной культурой, искусствомъ, поэзіей, воспитаніемъ, и сама почерпала отсюда постоянно новую пищу. Толпа, говорить Павзаній, вѣруеть въ то, что съ дѣтства усвоила себѣ изъ хоровъ и трагедій.

Кромѣ того, эти боги были изъ боговъ всего міра наиболѣе близкими къ чело-вѣку и потому неотра-зимо привлекали къ себѣ чело-вѣческое сердце. Они не только не принимали формъ варварскихъ боговъ, но наоборотъ, послѣдніе въ большей или меньшей сте-пени усваивали свойства греко-римскихъ божествъ и очень часто ихъ имена. Митра и Элагабаль Эмесскій были приняты римлянами подъ именемъ Геліоса, кар-еагенская Астарта называлась то «небесною дѣвой», то «божественною Юноной», боги Геліополиса и До-лихе — Юпитеромъ. Точно такъ же въ Палестинѣ и смежныхъ съ ней странахъ филистимскія, финикій-скія и др. божества были извѣстны подъ греческими именами: Магназ газскій (богъ дождя и плодородія) для тамошнихъ переселенцевъ съ запада былъ Зевсомъ, сирійскій Амуи — Геліосомъ, набатейскій Dusaris, рожденный отъ дѣвы, — Діонисіемъ. Римское населеніе прежнихъ финикійскихъ владѣній Нумидіи и Мавретаніи все еще поклонялось, до II вѣка от-крыто, а потомъ тайно, отвратительному божеству

Молоху, которому приносили въ жертву дѣтей, — поклонялось ему подъ именемъ «верховнаго подателя плодовъ Сатурна» или «непобѣдимаго бога Сатурна».

Если греко-римскій политеизмъ обладалъ достаточною силой, чтобы ассимилировать себѣ наиболѣе почитаемыхъ боговъ старинныхъ цивилизованныхъ государствъ востока, то подобный процессъ съ тѣмъ большею легкостью долженъ былъ произойти относительно грубыхъ и безвѣстныхъ боговъ дикихъ или полуцивилизованныхъ странъ. Многочисленные памятники Британіи, Германіи, Панноніи, Галліи, Испаніи, Африки показываютъ, что тамошніе римскіе поселенцы, чиновники, купцы, солдаты, ревностно почитали мѣстные культы. Точно такъ же Августъ во время пребыванія въ Галліи далъ обѣтъ и построилъ храмъ туземному богу вѣтра Цирцію, какъ властителю бурь, которыя, съ одной стороны, производятъ опустошенія, но зато, съ другой, очищаютъ воздухъ. Приведемъ еще одинъ характерный примѣръ: римскій намѣстникъ восточной Мавретаніи въ одной надписи выражаетъ благодарность за истребленіе одного туземнаго племени, за взятіе его цѣлыми семействами въ плѣнъ и за приобрѣтенную при этомъ добычу — не какому-нибудь греко-римскому богу, но «туземнымъ маврскимъ богамъ - мірохранителямъ». Эти культы рѣдко входили въ употребленіе за предѣлами своей страны, хотя, конечно, отдѣльныя лица держались ихъ и въ другихъ мѣстахъ, какъ, напр., Каракалла молился о здоровьѣ не только Эскулапу и Серапису, но и Аполлону Граннусу.

Несомнѣнно, распространенію мѣстныхъ культовъ много способствовали солдаты, которые, разумѣется,

держались своей родной религіи и въ казармахъ и, въ качествѣ ветерановъ, въ военныхъ поселеніяхъ. Одинъ нумидійскій легатъ родомъ изъ Далматіи, когда былъ назначенъ консуломъ въ 167 году, поставилъ въ Ламбезисѣ въ храмѣ Эскулапа статую своего мѣстнаго бога Медавра (на лошади съ поднятымъ копьемъ). Въ другомъ нумидійскомъ городѣ (Thubursicum) одинъ ветеранъ поручаетъ своего умершаго сына покровительству Норей, богини Норики, откуда была родомъ его покойная жена. Въ каждомъ гарнизонѣ земляки сходились вмѣстѣ для совершенія богослуженія своимъ отечественнымъ богамъ. Такъ, напр., въ III вѣкѣ еракійцы, служившіе въ императорской гвардіи въ Римѣ, повидимому, имѣли особую капеллу для своихъ боговъ — Герона или Героса, Цимидрена (Эскулапа) и др. Точно такъ же и кельты, бывшіе въ римской гвардіи, продолжаютъ приносить жертвы Ардуиннѣ и Камулу, въ особенности же «матерямъ» и «женщинамъ» (*matres, matronae*) своей родины, богинямъ-хранительницамъ дома и семьи и даже цѣлыхъ общинъ и племенъ, приносившимъ благосостояніе, изобиліе и плодородіе; народъ представлялъ ихъ себѣ въ тройственномъ числѣ. Всѣ имъ посвященные памятники, найденные въ Римѣ, поставлены солдатами, точно такъ же большая часть подобныхъ памятниковъ въ Британіи и очень значительное число въ Германіи поставлены простыми солдатами-легионерами или ветеранами, очень рѣдко центуріонами или всадниками: очевидно, «матери» (какъ это видно и изъ другихъ несодатскихъ надписей) были покровительницами мелкаго люда.

Римляне, жившіе въ провинціяхъ, тоже до извѣст-

ной степени почитали мѣстныхъ варварскихъ боговъ, не справляясь ни объ ихъ свойствахъ, ни даже объ ихъ именахъ (какъ, напр., «Матери» и родственныя имъ «Сулевіи»), поклоняясь имъ просто какъ «великому нумидійскому богу» или «маврскимъ богамъ» (къ которымъ также принадлежали боготворимые правители прежнихъ временъ), или же они ихъ призывали подъ ихъ туземными именами, какъ, напр., упоминаемые въ памятникахъ Сѣверной Африки боги Auzius, Basax, Aulisua, или встрѣчающіеся въ надписяхъ Норики и Панноніи Laburus, Latobius, Hartogius и др. Но часто въ образѣ этихъ варварскихъ боговъ римляне открывали своихъ національныхъ, и тогда на ряду съ чуждыми иноземными названіями, непривычными для римскаго слуха, встрѣчаются ихъ римскія имена и часто даже вытѣсняють прежнія туземныя названія; такъ, Цезарь называетъ кельтскихъ главныхъ боговъ Teutates, Hesus и Taranis — Меркуріемъ, Марсомъ и Юпитеромъ. Граннусъ Эльзаса и прирейнскихъ земель представлялся римлянамъ подъ видомъ Аполлона, Belutucader и Cocid Кумберландіи, Leherennus и Albiorix южной Франціи и многія другія мѣстныя кельтскія божества — подъ видомъ Марса; Atäcina или Adägina изъ Туробриги въ южной Испаніи — Прозерпиной; Сулись, почитаемая на морскихъ купаньяхъ въ Байяхъ — Минервой, Ардуинна въ Арденнахъ, Аврора въ Шварцвальдѣ — Діаной и т. д. Эти кельтскіе боги не могли бы превратиться въ греко-римскихъ, если бы эти послѣдніе перестали быть для вѣрующихъ живыми, реальными образами.

Чѣмъ въ большей степени провинція подверглась романизации, тѣмъ болѣе ея туземные боги оттѣс-

нены римскими и даже окончательно поглощены ими. Въ самой рѣзкой формѣ этотъ процессъ совершился въ Испаніи. «Только въ старыхъ городахъ чисто иберійскихъ провинцій, оставшихся почти нетронутыми колонизаціей, на западѣ и сѣверо-западѣ (въ Лузитаніи, Каллеціи, Астуріи) сохранились и въ императорское время туземные боги съ ихъ своеобразными именами, по большей части оканчивающимися на «icus» и «esus», какъ, напр., Endovelliscus, Săcus, Bagodatăgus и т. п. Но на всемъ югѣ (въ Бетикѣ) не было найдено ни одного священнаго камня, который бы съ большимъ удобствомъ не могъ быть перенесенъ въ Италію; то же самое можно сказать о востокѣ и сѣверо-востокѣ (Тарраконіи), только съ однимъ исключеніемъ, что на верхнемъ теченіи Дуэро попадаются отдѣльные слѣды существованія кельтскихъ боговъ». Гораздо дольше чѣмъ въ южной Испаніи сохранилось почитаніе мѣстныхъ боговъ въ южной Галліи: конечно, «въ большомъ торговомъ городѣ Арлѣ поклонялись только тѣмъ богамъ, которые почитались въ Италиі, но во Fréjus, Aix, Нимѣ и особенно на всемъ побережьи старинныя кельтскія божества въ императорское время были не въ меньшемъ почетѣ, чѣмъ во внутренней Галліи. Точно такъ же и въ иберійской части Аквитаніи встрѣчаются многочисленныя слѣды туземнаго культа, значительно отличающагося отъ кельтскаго». Однако, различіе между варварскими и греко-римскими богами иногда бывало такъ велико, что отождествленіе ихъ было невысказуемо; это можно сказать про нѣкоторыхъ мѣстныхъ боговъ Бельгіи, про Цернунноса съ оленьими рогами, сидящаго съ поджатыми подъ себя ногами, или про компенскую

богиню, у которой птицы сосутъ грудь, или про трехголоваго реймсекаго бога.

Но римская религія способна была не только къ ассимилированію чужеземныхъ божествъ, а и къ созданію новыхъ, и эта творческая сила служить несомнѣннымъ доказательствомъ ея неизсякнущей жизненной энергіи. Такъ какъ римляне не могли себѣ представить божественнаго управленія міромъ, проявляющагося въ непрерывной и мелкой дѣятельности, чѣмъ-то цѣлымъ и единымъ, но чувствовали потребность раздѣлить одно всемогущее божество на цѣлый рядъ отдѣльныхъ существъ, — то они постоянно продолжали олицетворять значительныя, глубоко захватывающія жизнь людей явленія и событія въ образѣ боговъ.

Вѣра въ богиню хлѣба (Аннону) и культъ ея, повидимому, возникли только въ первые годы имперіи — въ то время, когда существованіе и спокойствіе вѣчнаго города зависѣло отъ правильнаго и достаточнаго подвоза зерна изъ заморскихъ провинцій. По общимъ понятіямъ, только божество могло завѣдывать скопленіемъ огромныхъ запасовъ зерна въ Африкѣ и Египтѣ, безопасною доставкой ихъ моремъ, сыпкою въ римскіе магазины и такимъ образомъ изъ года въ годъ снабжать хлѣбомъ сотни тысячъ человѣкъ. «Святую Аннону» должны были часто призывать въ горячихъ молитвахъ, особенно тѣ, которые въ Римѣ принимали участіе въ обширномъ хлѣбномъ хозяйствѣ и связанныхъ съ нимъ ремеслахъ или въ провинціяхъ кормились поставкою зерна.

Одной изъ главныхъ причинъ, способствовавшихъ постоянному умноженію числа боговъ, была, несомнѣнно, старинная вѣра римлянъ въ духовъ: и то

обстоятельство, что это приращеніе боговъ все еще продолжалось, само по себѣ уже доказываетъ живучесть вѣры въ духовъ и вѣры вообще. Лежащее въ основѣ этой вѣры воззрѣніе продолжало населять природу и вводить въ человѣческую жизнь массу божественныхъ существъ, геніевъ-руководителей, хранителей, помощниковъ и т. п.; эти геніи, по общимъ вѣрованіямъ, чаще всего принимали видъ змѣи. Каждый человѣкъ, каждый домъ и семья имѣли своего генія, точно такъ же, какъ каждая страна, городъ, провинція, легіоны, когорты, центуриі, корпораціи, цехи и общины. Мало того, благочестивая фантазія вѣрующаго видѣла божественныхъ существъ всюду въ пространствѣ, вездѣ замѣчалъ онъ «знаки божественнаго присутствія», во всякомъ благодѣяніи, во всякомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ онъ усматривалъ руку providѣнія; были боги источниковъ, горъ, пустынь, рынковъ, дворцовъ, магазиновъ, бань, архивовъ и театровъ, и каждый, кто входилъ или выходилъ, поклонялся генію или покровителю этого мѣста, «все равно богу или богинѣ». Купецъ, заѣхавшій по дѣламъ въ отдаленныя пограничныя страны, приносилъ тамъ жертвы «духу римскаго народа и торговли»; путешествовавшіе по неизвѣстнымъ и глухимъ краямъ — «богу, который изобрѣлъ дороги и пути». Въ Римѣ и въ другихъ городахъ еще въ V вѣкѣ можно было видѣть въ домахъ за входною дверью статую бога-хранителя дома и передъ нимъ горящій свѣтильникъ или негасимую лампаду; и культъ домашнихъ боговъ (ларовъ, геніевъ, пенатовъ), несмотря на запрещенія, продолжалъ держаться даже и въ христіанское время.

Слѣдствіемъ перехода республики въ монархію было то, что къ издавна почитаемому гению римскаго народа присоединился гений царствующаго государя: это казалось до такой степени естественнымъ и необходимымъ, что Августъ не постѣснился самъ учредить этотъ культъ въ Римѣ. Скоро въ представленіи вѣрующихъ гений императора, оберегатель государства, слился съ личностью самого императора, и такимъ образомъ императоръ самъ превратился въ бога-хранителя и правителя. Хотя вѣра въ духовъ и не осталась безъ вліянія на обоготвореніе императоровъ, однако, настоящей родиной этой вѣры въ сверхчеловѣчность монарха былъ востокъ; оттуда изъ греческихъ государствъ востока, эта вѣра была перенесена на западъ, вмѣстѣ съ монархической фортой правленія.

Издавна въ Греціи почитали за героевъ (полубоговъ) выдающихся дѣятелей послѣ ихъ смерти, именно,—основателей городовъ и колоній, героевъ персидскихъ войнъ, освободителей отечества (Гармодія и Аристокитона въ Аѣинахъ, Тимолеона въ Сиракузахъ), также поэтовъ (Эсхила, Софокла), философовъ (Анаксагора) и побѣдителей на олимпійскихъ играхъ. Случалось, что съ теченіемъ времени это возведеніе въ герои доходило до настоящаго обоготворенія; такъ, напр., во времена Плутарха Лигургу въ Спартѣ поставленъ былъ жертвенникъ, на которму ему приносились жертвы «какъ богу». Также и во времена римскаго владычества нѣкоторые греческіе города оказывали героическія почести своимъ замѣчательнымъ гражданамъ послѣ ихъ смерти, такъ, Митилена — Теофану, испросившему у Помпея свободу для своего города, Тарсъ — оказавшему

ему большія услуги стойку Атенодору, учителю Августа. Если въ большинствѣ случаевъ это выраженіе признательности вытекало изъ лести и раболѣпія, то, несомнѣнно, бывали и такія лица, которыхъ почитали послѣ смерти за героевъ совершенно искренно, съ полною вѣрой въ божественность ихъ природы, какъ напр., Аполлонія Тианскаго. До какой степени и среди римлянъ было распространено представленіе, что души почившихъ возвышаются до божескаго или полубожескаго существованія, видно изъ намѣренія Цицерона построить храмъ своей дочери Тулліи (умершей 32 лѣтъ). Гностическая секта первой половины II вѣка, карпократіане, которые на ряду съ греческими философами признавали и Христа высшимъ образцомъ человѣческаго совершенства, воздвигли храмъ умершему 17-ти лѣтъ сыну своего основателя Эпифана.

Но со времени Пелопонесской войны въ Греціи стали воздавать божескія почести людямъ еще при жизни; такъ, Лизандру греческіе города Азіи ставили жертвенники, приносили жертвы и воспѣвали гимны (пѣаны). Конечно, низкая лестъ не преминула бы овладѣть и этой формой почестей, если бы античный греческій міръ, не ставившій непроходимой пропасти между божествомъ и человѣкомъ, вообще не былъ такъ склоненъ въ каждой дѣйствительно или мнимо выдающейся личности видѣть существо высшаго порядка. Эта точка зрѣнія не была чужда и римлянамъ: такъ, Марію, какъ побѣдителя кимвровъ и тевтоновъ, вездѣ на обѣдахъ совершали возліянія, какъ богу. Даже за предѣлами греко-римскаго міра мы находимъ вѣру въ божественность нѣкоторыхъ людей.

Но полного развитія достигъ культъ героевъ и правителей только со времени Александра Македонскаго, среди тѣхъ династій, которыя подѣлили между собой восточную часть его наслѣдства, прежде всего, можетъ-быть, въ Египтѣ, гдѣ, такъ же какъ и въ Персїи, еще съ древнихъ временъ утвердилось мнѣніе, что царь есть богъ или, по крайней мѣрѣ, сынъ бога. Если бы Александру удалось прожить дольше, несомнѣнно, онъ удостоился бы при жизни божескихъ почестей, такихъ же или даже выше тѣхъ, какія оказаны были его преемникамъ въ Египтѣ, Сирїи и Пергамѣ.

На ряду съ культомъ государей, достигшимъ широкаго развитія у Птолемеевъ, Селевкидовъ и Атталидовъ, со времени вмѣшательства римлянъ въ политическія дѣла востока появляется въ малоазійскихъ городахъ культъ богини Ромы, которой городъ Смирна въ 195 г. до Р. Х. построилъ храмъ. Къ культу Ромы присоединились божескія почести, оказываемыя римскимъ намѣстникамъ и полководцамъ, — какія, напримѣръ, оказаны были Квинцію Фламинію, «освободителю Греціи», какъ непосредственное выраженіе горячей признательности. Въ послѣдніе годы республики посвященіе храмовъ (по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ богинею Ромою или другими божествами) римскимъ проконсуламъ стало обычною формою заявленія вѣрнопоподданническихъ чувствъ.

Такимъ образомъ, римляне давно уже привыкли считать апофеозъ живыхъ людей довольно обычною честью, поэтому право императоровъ на обоготвореніе представлялось вполне естественнымъ, и если это обоготвореніе все-таки держалось извѣстныхъ

границь, то это зависѣло вовсе не отъ недостатка готовности въ подданныхъ, но отъ умѣренности самихъ императоровъ. Разъ существовала вѣра въ божественную природу отдѣльныхъ людей, совершенно послѣдовательнымъ являлось признаніе могущественныхъ владыкъ міра, такъ неизмѣримо высоко поставленныхъ надъ милліонами людей, — «настоящими воплощенными богами», а смерть ихъ — переходомъ въ высшій міръ, которому они собственно принадлежатъ. Если даже вообще обоготвореніе императоровъ было дѣломъ сознательнаго лицемѣрія и раболѣпства, то, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ оно соответствовало народнымъ вѣрованіямъ. Причисленіе Цезаря къ лику боговъ, говоритъ Светоній, послѣдовало не только по предписанію сената, но и по вѣрованію толпы: комета, которая была видна въ теченіе семи дней послѣ того, была принята за его душу, взятую на небо. Затѣмъ императору Марку Аврелію не только немедленно послѣ его смерти воздавались божескія почести людьми обоихъ половъ, всѣхъ возрастовъ, состояній и классовъ, и тотъ, кто не имѣлъ у себя въ домѣ его изображенія, считался безбожникомъ, — но даже въ Діоклетіаново время статуи его стояли во многихъ домахъ между пена-тами, и ходили рассказы о многихъ исполнившихся пророчествахъ его, открытыхъ людямъ во снѣ: кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что этотъ добрый, кроткій, всѣми любимый государь былъ въ глазахъ народа истиннымъ богомъ. Также и Александръ Северъ въ своей домашней часовнѣ, въ которой онъ каждое утро совершалъ божественную службу, поклонялся, кромѣ «святыхъ душъ», — къ которымъ, надо думать, принадлежали Аполлоній Тіанскій, Ор-

фей, Авраамъ, Христось, — также и лучшимъ изъ обоготворенныхъ императоровъ.

Само собой разумѣется, что многіе глубоко вѣрующіе люди не могли примириться съ этой вѣрой въ обожествленіе людей. Павзаній говоритъ, что въ его время люди становились богами не такъ, какъ прежде — Геркулесъ, Діоскуры, Амфиарей, а только на словахъ, ради заискиванія передъ ихъ могуществомъ; при этомъ онъ разумѣлъ апопееозъ Антиноя. Несомнѣнно, что въ установленіи культа Антиноя играло роль «заискиваніе передъ его могуществомъ»; но уже слѣдующее поколѣніе, по свидѣтельству Атенатора въ 177 году, вполне искренно вѣрило въ божественность этого прекраснаго юноши съ задумчивымъ взглядомъ, и эта вѣра продержалась, по крайней мѣрѣ, до III столѣтія.

Въ общемъ культъ императоровъ былъ не что иное, какъ выраженіе безграничной преданности, которой только потому и могъ требовать отъ подданныхъ тогдашній деспотизмъ, что признаніе божественной природы въ человѣческой личности не противорѣчило религіозному чувству вѣрующихъ. Если въ христіанское время люди никогда не унижались до обоготворенія какого-нибудь государя, то это происходитъ не оттого, что разстояніе между правителемъ и подданными уменьшилось, или что возвысилось чувство человѣческаго достоинства въ людяхъ, и не потому, что холопскія чувства стали менѣ изобрѣтательны на унижительныя почести (въ Византіи, во Франціи при Людовикѣ XIV и Наполеонѣ I мы встрѣчаемъ какъ разъ обратное), но потому, что христіанское религіозное ученіе осуждало это обоготвореніе, одобряемое языческою рели-

гіей, и позволяло видѣть въ государѣ только намѣстника Божія на землѣ. Римскій культъ императоровъ для всякаго мыслящаго человѣка прежде всего имѣлъ политическое значеніе, притомъ внѣшнія формы его не оскорбляли общихъ религіозныхъ вѣрованій и менѣе всего могли подорвать религію; ибо въ глазахъ вѣрующаго святыня не перестаетъ быть священною, если онъ видитъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ ею злоупотребляютъ и ее оскверняютъ; онъ гораздо охотнѣе (какъ мы это видѣли на примѣрѣ Павзанія) подвергаетъ осмѣянію и презрѣнію эти злоупотребленія, чтобы тѣмъ крѣпче держаться за все дорогое и высокое въ своей вѣрѣ.

Лучшимъ доказательствомъ силы и живучести язычества служить не только то, что оно могло нѣсколько столѣтій противостоятъ христіанству, но и то, что оно до извѣстной степени заставило христіанъ признать себя. Такъ, христіане не рѣшались отрицать ни реальное существованіе языческихъ боговъ, ни ихъ сверхъестественную природу, ни творимыя ими чудеса: они только считали этихъ боговъ темными силами, демонами, падшими или заблудшими ангелами или ихъ потомками, или, наконецъ, душами грѣшниковъ, которымъ Богъ далъ право вредить людямъ и совращать ихъ. Такимъ образомъ, даже христіане, которые вели истребительную войну противъ языческихъ боговъ, до такой степени все-таки были подъ ихъ властью, что имъ и въ голову не приходила мысль — отвергать ихъ существованіе. Очевидно, что религія эта пустила глубоко корни въ сознаніи людей, если даже самые непримиримые ея противники не могли совершенно отъ нея отрѣшиться.

Но мы совсѣмъ не нуждаемся во всѣхъ этихъ косвенныхъ доказательствахъ, такъ какъ имѣемъ многочисленныя прямыя и неоспоримыя свидѣтельства въ пользу широкой распространенности и крѣпости язычества. Чѣмъ тверже вѣра, тѣмъ глубже проникаетъ она въ сознание людей, тѣмъ ревностнѣе она ищетъ и скорѣе находитъ — вездѣ, и въ природѣ и въ жизни — подтвержденія бытія и могущества своихъ боговъ; тамъ, гдѣ невѣрующіе видятъ только случай или естественныя слѣдствія естественныхъ причинъ, тамъ вѣрующіе провидятъ руку божества. Они усердно ищутъ такихъ явленій и фактовъ, которые бы съ несомнѣнностью показывали власть боговъ надъ законами природы, и такого рода знаменія всегда, конечно, отыскиваются: чудеса суть необходимые спутники вѣры. Если, такимъ образомъ, признать, что вѣра въ чудеса есть самый надежный показатель интенсивности вѣры, то изъ этого само собой слѣдуетъ, что въ первые вѣка нашей эры положительная вѣра въ традиціонныхъ, освященныхъ культомъ боговъ — вѣра, нисколько не ослабленная скептицизмомъ, распространена была во всѣхъ слояхъ общества; само собой разумѣется, съ наибольшою силой она держалась въ кругахъ наименѣе образованныхъ.

Антропоморфизмъ античной религіи, постоянно поддерживаемый созерцаніемъ полныхъ жизни статуй боговъ, позволялъ вѣрующему думать, что чудеса, которыя онъ видѣлъ собственными глазами, совершались богами, явившимися во плоти; примѣръ этого даже въ христіанское время мы видимъ въ извѣстномъ происшествіи съ двумя апостолами въ Листрѣ. Какъ должна была быть крѣпка вѣра въ

боговъ у этихъ людей и какъ близко они себя къ нимъ чувствовали, если въ виновникѣ чудеснаго исцѣленія хромого и его спутникѣ они увидали не посланниковъ божіихъ, но самихъ боговъ, и тотчасъ пришли къ убѣжденію, что боги приняли человѣческой образъ и сошли на землю. «И называли Варнаву Зевесомъ, а Павла Эрміемъ, потому что онъ начальствовалъ въ словѣ. Жрецъ же идола Зевеса, находившагося передъ ихъ городомъ, приведши къ воротамъ воловъ и принеши вѣнки, хотѣлъ вмѣстѣ съ народомъ совершить жертвоприношеніе». И апостоламъ едва удалось «убѣдить народъ не приносить имъ жертвы». (Дѣянія Апост. 14, 11—18).

Значить, въ это время вѣра еще была такъ свѣжа, наивна и тверда, какъ у древнихъ афинянъ, неслыханному простодушію которыхъ Геродотъ не могъ достаточно надивиться, такъ какъ они въ прекрасной вооруженной женщинѣ, въ сопровожденіи которой возвращался Пизистратъ, видѣли богиню Аѣину и молились ей; это такая же наивная и твердая, какъ скала, вѣра, которую въ наше время можно развѣ встрѣтить у итальянскаго крестьянина, выдающаго въ молодой, прекрасной, напоминающей Мадонну, благодѣтельница — саму Богородицу.

Во всякомъ случаѣ наиболѣе грубою, слѣпою, полною самообмановъ была вѣра во внутреннихъ странахъ передней Азіи, какъ объ этомъ прямо говоритъ Лукіанъ относительно Пафлагоніи, такъ какъ, несомнѣнно, на востокъ болѣе страстно относились и къ вѣрѣ и къ суевѣріямъ, чѣмъ на западѣ. Но если вѣра и рѣдко достигала такого напряженія, что возвышалась до созерцанія живого бога, то во всякомъ случаѣ она вездѣ видѣла совершаемыя имъ чудеса,

которыя разжигали религиозное чувство все больше и больше, такъ что даже скептиковъ мало-по-малу увлекла общераспространенность и твердость вѣры въ чудеса. Даже Тацитъ вмѣстѣ съ другими историками сообщаетъ съ полною вѣрой о чудесахъ, совершившихся въ Александріи въ 71 году и «показавшихъ милость неба и несомнѣнное расположеніе боговъ къ Веспасіану». Однажды слѣпой и параличный, по внушенію Сераписа во снѣ, стали просить Веспасіана своимъ прикосновеніемъ возвратити имъ употребленіе ихъ органовъ. Веспасіанъ, наконецъ, рѣшился открыто передъ всѣмъ народомъ исполнить ихъ просьбу. «Тотчасъ одинъ получилъ способность владѣть рукой, а слѣпецъ прозрѣлъ. Объ этомъ рассказываютъ очевидцы до сихъ поръ, когда обманъ уже не можетъ принести никакихъ выгодъ». Затѣмъ, чтобы узнать свою судьбу, Веспасіанъ вошелъ одинъ въ храмъ Сераписа и увидалъ тамъ человека по имени Базилида. Въ его имени Веспасіанъ увидалъ прорицаніе объ ожидающемъ его царствованіи. Кто вѣрилъ въ это чудо, приписывающее богу гласъ народа, — едва ли могъ сомнѣваться въ силѣ и величіи боговъ.

КУЛЬТЪ МИТРЫ.

(Jean Réville: La religion à Rome sous les Sévères.)

Культъ Митры въ той формѣ, какую онъ принялъ въ римскомъ обществѣ въ III и IV вѣкахъ, былъ однимъ изъ послѣднихъ проявленій творческой силы язычества. Такъ какъ онъ лучше всѣхъ другихъ культовъ удовлетворялъ духовнымъ потребностямъ времени, то ему удалось даже одно время съ успѣхомъ выдерживать борьбу съ христіанствомъ.

«Кто такое этотъ Митра, — восклицаетъ Момъ въ одномъ діалогѣ Лукіана, — этотъ мидіецъ въ широкомъ одѣяніи и съ тиарой на головѣ, этотъ Митра, не знающій греческаго языка и не понимающій даже, когда пьютъ за его здоровье?» Если бы этотъ извѣстный насмѣшникъ надъ богами получше зналъ ихъ исторію, ему было бы извѣстно, что, хотя Митра былъ новичкомъ на Олимпѣ, тѣмъ не менѣе права его на божеское достоинство были столь же древни, какъ самого Юпитера. Прежде чѣмъ онъ сталъ мидійскимъ божествомъ, онъ занималъ видное мѣсто въ пантеонѣ древнихъ арійцевъ, какъ богъ восходящаго солнца и животворящаго свѣта, и его имя чаще всего произносилось рядомъ съ Варуной. Въ персидской религіи онъ занялъ мѣсто около Агурамазды; но, при окончательномъ развитіи маздейскаго богословія, онъ былъ нѣсколько отодвинутъ на задній

планъ. Онъ былъ поставленъ не только ниже Агурамазды, верховнаго творца міра и представителя добраго начала, но даже не удостоился попасть въ число шести Амшаспандовъ. Какъ большинство старыхъ космическихъ божествъ, онъ былъ причисленъ къ Ясатамъ, т. е. божествамъ, олицетворявшимъ собой какую-нибудь физическую или нравственную силу. Онъ былъ Ясата солнца, именно живительнаго дѣйствія его лучей. Исторія культа Митры представляетъ попеременно то моменты торжества, то упадка. Маздейскимъ богословамъ не только не удалось искоренить, даже въ самой Персіи, поклоненіе старому образу Митры, но и удержать этого бога на томъ второстепенномъ мѣстѣ, которое они ему отводили. Наоборотъ, культъ Митры принимаетъ независимое и все болѣе широкое развитіе. Въ клинообразныхъ надписяхъ временъ Дарія и Ксеркса упоминается только Агурамазда; но Артаксерксъ Мнемонъ (въ первой четверти IV вѣка до Р. Х.) рѣшительно ставитъ покровительство Митры выше Агурамазды; также и Артаксерксъ Охъ; съ теченіемъ времени персидскіе цари стали считать себя намѣстниками Митры.

Молитва, называемая *Mihir Jasht*, произносившаяся обыкновенно при жертвоприношеніяхъ Митрѣ, можетъ дать самое лучшее доказательство того, до какой степени поклонники этого бога стремились его возвеличить, не измѣняя системъ маздеизма. Агурамазда, говорится въ этой молитвѣ, создалъ его такимъ же совершеннымъ, какъ онъ самъ. Онъ божествененъ; онъ самое прекрасное твореніе. Онъ обладаетъ неизмѣримыми силами и всевидящими очами, которыя позволяютъ ему всюду распространять свою

дѣятельность. Онъ всеобщій покровитель и хранитель, защитникъ людей благочестивыхъ, блюститель договоровъ, раздаватель благъ. Амшаспанды приготовили ему жилище надъ высокою Нага; Агурамазда и Зороастръ убѣждаютъ людей приносить ему жертвы. Въ честь его обыкновенно закалываютъ пару животныхъ изъ упряжнаго скота и быстролетныхъ птицъ, закалываютъ послѣ многихъ омовеній и глубокаго покаянія, сопровождая жертвоприношеніе пѣніемъ священныхъ гимновъ. Онъ непороченъ; онъ постигаетъ глубокой смыслъ истиннаго ученія; онъ спускается на землю, какъ самый сильный, дѣятельный и побѣдоносный изъ Ясатовъ, помогая бѣднымъ и угнетеннымъ, облагороживая тѣхъ, которые ему преданы. Ангрманьюсь, испускающій смерть, и Aesma, злой духъ, передъ нимъ трепещутъ. Дѣйствительно, Митра защищаетъ своихъ поклонниковъ отъ злыхъ духовъ, отъ коварной смерти, и продолжаетъ покровительствовать имъ и въ духовной жизни такъ же, какъ въ матеріальной. Въ концѣ концовъ, самъ онъ съ военными атрибутами и въ сопровожденіи символическихъ фигуръ погружается въ безсмертіе.

Въ эпоху персидскаго могущества Митра одѣвается такими чертами, которыя онъ сохранилъ по томъ надолго — даже въ тѣ времена, когда культъ его, послѣ продолжительнаго застоя, опять заживетъ новою жизнью въ Римской имперіи отъ II по V вѣкъ. Язычники чувствовали глубокое отвращеніе къ маздеизму, да и послѣдователи Зороастра платили имъ тѣмъ же. Изъ всѣхъ боговъ мазейской религіи одинъ Митра былъ принятъ язычниками, вѣроятно, благодаря тому, что онъ больше всѣхъ другихъ сохранялъ архаическія черты космическаго божества. Ма-

до того, что въ позднѣйшія времена онъ былъ принятъ римскимъ обществомъ, — съ самыхъ древнихъ временъ, повидимому, ему поклонялись какъ боже-ству солнца среди фригійскихъ и сирійскихъ народностей, завоеванныхъ персами.

Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ Митра приобрѣталъ все большее значеніе въ средѣ самого маздеизма, онъ поглощалъ въ своемъ лицѣ разныя другія божества, прежде существовавшія отдѣльно. Такъ, впоследствии слился съ нимъ одинъ изъ Ясатовъ Сраоша, олицетворявшій услышаніе божествами молитвъ, произносимыхъ во время жертвоприношеній. Очень вѣроятно также, что Митра, въ качествѣ покровителя вѣрныхъ, былъ, — трудно опредѣлить съ точностью, въ какое время, — сближенъ съ Саошіаномъ, спасителемъ, напоминающимъ собою второго Адама въ посланіяхъ ап. Павла. Согласно ученію, распространенному при Сассанидахъ, но возникшему гораздо раньше, этотъ Саошіанъ долженъ былъ при концѣ міра воскресить умершихъ, принеся въ жертву быка; мозгъ этого быка послужилъ бы для созданія новаго тѣла воскресшимъ. Эта миссія Саошіана, какъ спасителя людей, поражаетъ своимъ сходствомъ съ возрождающею дѣятельностью Митры, приносящаго въ жертву быка ради спасенія вѣрующихъ, — этотъ обрядъ былъ характернымъ выраженіемъ культа Митры у римлянъ. Посредствомъ этого жертвоприношенія Митра возрождалъ къ новой жизни людей во всякое время, между тѣмъ какъ по болѣе древнему вѣрованію такое возрожденіе должно было совершиться только разъ, при концѣ міра.

Въ очень раннія времена Митра является покровителемъ жизни, и настоящей и будущей, боже-

ствомъ, обезпечивающимъ людямъ безсмертіе, и въ глазахъ римлянъ III вѣка это была самая главная черта его. Какъ отнестись къ мнѣнію Плутарха, что Митра уже у персовъ былъ верховнымъ примирителемъ между Агурамаздою и Ариманомъ? Несомнѣнно, свидѣтельство Плутарха заслуживаетъ серьезнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ заимствовалъ свое изложеніе ученія Зороастра у болѣе древнихъ историковъ. Тѣмъ не менѣе онъ смѣшалъ, повидимому, чисто физическое посредничество между мракомъ и свѣтомъ божества Вай, изображающаго воздухъ, съ посредничествомъ духовнымъ или моральнымъ Митры по отношенію къ умершимъ. И самое это смѣшеніе, принадлежащее далеко не одному Плутарху, представляется намъ доказательствомъ тѣхъ превращеній, которымъ подвергся культъ Митры со времени слиянія восточныхъ вѣрованій съ греческими идеями, послѣ завоеваній Александра Македонскаго. Дѣйствительно, въ эпоху эллинизма этотъ культъ широко распространился въ греческихъ земляхъ, въ Малой Азій, на островахъ, въ Афинахъ.

Плутархъ же сообщаетъ, что римляне узнали культъ Митры впервые въ 70 году до Р. X. отъ килікійскихъ пиратовъ, разбитыхъ Помпеемъ. Вначалѣ впечатлѣніе было, повидимому, не особенно благоприятное, и весь первый вѣкъ по Р. X. культъ Митры не дѣлаетъ успѣховъ въ римскомъ обществѣ. Плутархъ отзывается о немъ съ презрѣніемъ, какъ о грубомъ суевѣріи; Квинтъ-Курцій упоминаетъ о Митрѣ, какъ объ иноземномъ божествѣ. Стацій уже больше знаетъ о Митрѣ: онъ видѣлъ обрядъ закланія быка. Повидимому, со временъ Тиберія культъ

Митры былъ правильно организованъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Италіи, и очень возможно, что именно къ этому времени относятся различные митраическіе памятники.

При Антонинахъ успѣху этого культа много способствовалъ интересъ къ восточнымъ религіямъ въ римскомъ обществѣ, жаждавшемъ обновленія вѣры. Адриану уже пришлось обратить вниманіе на этотъ культъ, чтобы запретить нѣкоторые дикіе обычаи, которые вошли въ него. Лукіанъ насмѣхается надъ нимъ, какъ надо всѣмъ, что относится къ религіи, однако въ то же время онъ заявляетъ, что популярность этого культа грозитъ старой религіи. Но все-таки къ мистеріямъ митраизма относятся еще съ предубѣжденіемъ; такъ, Оригенъ горячо упрекаетъ Цельсія за то, что онъ допустилъ несообразность— вмѣсто элевзинскихъ или эгинскихъ таинствъ для сравненія съ христіанствомъ взять таинства митраическія. Но Антонинъ Пій уже воздвигаетъ храмъ Митры въ Остіи; при Маркѣ Авреліи статуя Митры появляется въ Ватиканѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается соборъ св. Петра, а Коммодъ съ такою ревностью предается обрядамъ этого культа и доводитъ испытанія, черезъ которыя должны пройти новообращенные, до такихъ суровостей, что нѣкоторые не выносятъ и умираютъ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ историческихъ памятниковъ, этотъ культъ распространяется и въ провинціяхъ, а въ легіонахъ уже насчитывается такъ много приверженцевъ его, что военное начальство принуждено сдѣлать уступку— примириться съ тѣмъ, что, согласно обязательству, которое дается при посвященіи въ митраическія таинства, послѣдователи этого культа бросаютъ свои легіонные вѣнки.

Со времени Юстина и христіанскіе писатели начинаютъ интересоваться новымъ божествомъ. Евсевій въ своемъ Приготовленіи къ евангелію и Порфирій въ своей *Abstinentia* приводятъ выдержки изъ книги языческаго писателя Палласа о Митрѣ, не дошедшей до насъ. Наконецъ, при Северахъ Митра окончательно занялъ въ римскомъ обществѣ одно изъ первенствующихъ мѣстъ: въ свитѣ Септимія Севера встрѣчается орденъ жрецовъ *Invicti Mithrae domus augustanae*; митраическій жрецъ Помпей и его товарищи сооружаютъ святилище этому богу въ благодарность за побѣды императора на востокъ; въ Галліи въ Нарбоннѣ и Ліонѣ приносятъ въ жертву быковъ во здравіе государя. Въ Римѣ подземныя галлерей, которыя до сихъ поръ еще сохраняются подъ церковью св. Климента, были приспособлены для совершенія митраическихъ таинствъ. Если бы нѣкоторые императоры изъ династіи Северовъ, по своимъ африканскимъ и сирійскимъ традиціямъ, не тяготѣли къ роднымъ богамъ, уже въ началѣ III вѣка Митра завоевалъ бы себѣ то же мѣсто наиболѣе популярнаго бога имперіи, какое онъ получилъ въ эпоху Авреліана и Діоклетіана.

Съ самаго начала римляне считали Митру богомъ солнца; но мы сказали уже, что отвѣтственность за это смѣшеніе падаетъ на тѣхъ, отъ кого римляне получили этотъ культъ. Многочисленные надписи посвящены Митрѣ какъ богу солнца, *Deo Soli Invicto Mithrae* или просто *Soli invicto*, безъ дальнѣйшаго обозначенія. Несмотря на большое количество этихъ надписей и вообще митраическихъ памятниковъ, довольно трудно съ точностью опредѣлить, какъ поклонники Митры III вѣка представляли себѣ этого

бога; ибо по мѣрѣ того, какъ онъ поднимался въ разрядъ верховныхъ божествъ, онъ поглощаль въ своемъ лицѣ разныя другія божества и все болѣе принималъ нравственный характеръ.

Нѣкоторые памятники изображаютъ Митру происшедшимъ отъ скалы, и еще въ III вѣкѣ сохраняется воспоминаніе о первобытномъ образѣ этого бога, низвергающагося съ горныхъ высотъ, со скалы, подобно тому, какъ всеочищающій и животворный дневной свѣтъ исходитъ какъ бы изъ остроконачныхъ горныхъ вершинъ, которыя раньше всего освѣщаются солнцемъ.

Но во всякомъ случаѣ не происхожденіе Митры играетъ важную роль въ глазахъ его римскихъ поклонниковъ, а его служеніе человечеству. Поэтому въ огромномъ большинствѣ митраическихъ памятниковъ мы находимъ изображение Митры не летающимъ съ высотъ, а закалывающимъ быка. Это изображение хорошо извѣстно: обыкновенно внутри грота или подъ сводами пещеры Митра, въ видѣ молодого фригійца, въ національной шапкѣ, въ короткой туникѣ и развѣвающимся по вѣтру плащѣ, какъ у челоука, который устремляется къ какой-нибудь цѣли, уперся колѣномъ о спину присѣвшаго къ землѣ быка, лѣвую руку вложилъ къ нему въ ноздри, чтобы поднять ему голову, между тѣмъ какъ правой онъ вонзаетъ ему кинжалъ въ горло. По обѣ стороны быка, хвостъ котораго оканчивается снопомъ зрѣлыхъ колосеевъ, два молодыхъ челоука, также во фригійскихъ костюмахъ, держать каждый по горящему факелу, при чемъ у одного факель поднять вверхъ, у другого опущенъ внизъ. Обыкновенно при этомъ изображаются еще пять символическихъ животныхъ:

вверху, на краю или въ извилинахъ грота какая-нибудь птица, чаще всего воронъ, иногда сова; внизу подъ быкомъ скорпионъ, собака, съ жадностью лижущая кровь, вытекающую изъ раны быка, противъ нея змѣя; наконецъ, левъ, или лежащій, или сидящій, подогнувши колѣна, или бѣгущій по направленію къ урнѣ. Подробности варьируются: такъ, на капитолійскомъ барельефѣ, хранящемся въ Луврскомъ музеѣ, нѣтъ льва, и все изображеніе вообще проще, чѣмъ на другихъ знаменитыхъ барельефахъ. Надъ сводомъ пещеры тамъ изображена колесница солнца, запряженная четырьмя лошадьми, управляемая молодымъ человѣкомъ и предшествуемая факельщикомъ; далѣе три высокихъ сосны; колесница луны, запряженная двумя лошадьми, управляемая молодою женщиной и предшествуемая факельщикомъ, который быстро бѣжитъ по наклону свода съ опрокинутымъ внизъ факеломъ. На геддернгеймскомъ барельефѣ въ висбаденскомъ музеѣ, наоборотъ, главная сцена обставлена массою побочныхъ украшеній: вокругъ свода двѣнадцать знаковъ зодіака; по краямъ всюду цѣлый рядъ медальоновъ, изображающихъ символическія фигуры и тѣ испытанія, которыя долженъ былъ пройти вѣрующій на различныхъ ступеняхъ своего посвященія въ таинства.

Значительное количество однородныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ, показываетъ, что воспроизводимая ими сцена была высшимъ и наиболѣе характернымъ выраженіемъ культа Митры. Но, несмотря на многочисленныя толкованія этой сцены, все-таки истинный смыслъ ея еще не разгаданъ. Можетъ быть, это искупительное жертвоприношеніе, совершаемое въ честь Агурамазды какимъ-нибудь

богомъ—спасителемъ и заступникомъ людей. Или, можетъ-быть, это изображеніе вѣчно юнаго, побѣдоноснаго, торжествующаго солнца, при вступленіи его въ зодіакъ быка во время весенняго равноденствія. Или, наконецъ, можетъ-быть, быкъ есть идеографическое изображеніе влажной стихіи, въ которую солнце погружаетъ свои животворные лучи. Возможно, что жертвоприношеніе Митры соединяло въ себѣ нѣсколько значеній, такъ какъ, при тогдашнемъ сплетеніи разнородныхъ вѣрованій на основѣ митраическихъ традицій, едва ли за отдѣльнымъ символомъ могъ сохраняться лишь одинъ смыслъ. Посвященные въ таинства, конечно, могли объяснить значеніе мельчайшихъ подробностей своего культа, отличавшагося такимъ же крайнимъ символизмомъ, какъ философія александрійской школы.

Переходъ солнца черезъ знаки зодіака, послѣдовательность временъ года, чередованіе дня и ночи, несомнѣнно, могли быть связаны съ цѣлымъ рядомъ отвлеченныхъ идей. Чтобы объяснить себѣ, почему на барельефахъ изображаются знаки зодіака, колесницы солнца и луны и факельщики, сопровождающіе колесницы или стоящіе по обѣимъ сторонамъ быка, надо припомнить, что, по словамъ Порфирія, Митра, изображаемый въ видѣ быка, есть деміургъ, богъ возрожденія. Многочисленные надписи, въ которыхъ Митра всегда называется *необходимымъ солнцемъ*, подтверждаютъ это толкованіе значенія Митры. Поклонники Митры чтили въ немъ творца міра, солнце, торжествующее надъ мракомъ и холодомъ, источникъ всего живого. Поэтому въ храмахъ рядомъ съ его статуей ставили кувшины, какъ символы источниковъ, способствующихъ производительности. Въ римскую

эпоху Митра уже не является божествомъ, подчиненнымъ Агурамаздъ. Это верховное божество маздеизма не удержалось на западѣ: тамъ его вытѣснилъ его служитель.

Хотя эти космогоническія теоріи представляли большой интересъ для приверженцевъ культа, однако, изъ памятниковъ и нѣкоторыхъ современныхъ свидѣтельствъ можно съ достовѣрностью заключить, что большинство вѣрующихъ придавало гораздо большее значеніе мистической и моральной сторонѣ этого ученія. Митра, источникъ жизни, богъ неодолимый, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ покровителемъ людей, нравственно поднимавшимъ ихъ, дарующимъ безсмертіе всѣмъ тѣмъ, которые по своей устойчивости, непреклонности и душевной чистотѣ были достойны его милостей. Эти черты гораздо болѣе, чѣмъ космогоническія представленія, оказывали дѣйствіе на вѣрующихъ въ III вѣкѣ. Благодаря имъ, религія Митры среди всѣхъ языческихъ культовъ привлекла къ себѣ исключительное вниманіе. Митрѣ приносятъ въ даръ медь, какъ покровителю земныхъ плодовъ; этотъ же самый медь служитъ вѣрующимъ для очищенія ихъ языка отъ всякой скверны; они моютъ руки въ меду въ знакъ того, что будутъ стараться держать ихъ чистыми отъ всего дурного и постыднаго. Чтобы сдѣлать себя достойными тайнъ посвященія на различныхъ ступеняхъ его, они подвергаютъ себя иногда очень тяжелымъ испытаніямъ, выказывая этимъ готовность все перенести, чтобы доказать свою преданность богу и вѣру въ его всеильное покровительство. На нѣкоторыхъ барельефахъ Митра изображается поднимающимъ молящагося ему или вводящимъ его въ

колесницу солнца; на многихъ амулетахъ мы находимъ изображеніе Митры. Очень важно стать подъ его покровительство не только для земной, но и для загробной жизни, ибо онъ блюдетъ за переходомъ душъ изъ одного міра въ другой.

Повидимому, главнымъ содержаніемъ мистическихъ назиданій вѣрующаго и была судьба души по смерти. Митра при этомъ изображался воскресителемъ и спасителемъ. Порфирій, говоря о митраическомъ гротѣ, рассказываетъ, что персы, посвящая неофита въ тайну сошествія души въ низшій міръ и затѣмъ возвращенія ея въ высшій, называютъ низшій міръ гротомъ или пещерой. Дѣйствительно, какъ мы уже видѣли, гротъ былъ эмблемой земли; и по восточнымъ преданіямъ, мы можемъ возстановить роль Митры по отношенію къ душамъ, вступившимъ въ земную жизнь. Онъ охраняетъ вѣрующихъ отъ злыхъ духовъ, отъ коварной смерти и, какъ побѣдитель зла, самъ первый погружается въ безсмертіе; онъ съ давнихъ поръ признается посредникомъ между Агурамаздой и Ариманомъ. Неодолимый Митра разрѣшаетъ вѣрующимъ доступъ въ высшій міръ; таинства его наставляютъ людей, съ помощью какихъ средствъ и испытаній они могутъ получить спасеніе.

Эти мистическія наставленія были самымъ тѣснымъ образомъ переплетены съ астрономическими теоріями, о которыхъ мы говорили выше. Историкъ II вѣка Палласъ, изъ котораго Порфирій сохранилъ отрывки, писалъ, что обряды посвященія въ различныя степени связаны были съ символическими намеками на знаки зодіака, но что на самомъ дѣлѣ они относились къ превращеніямъ душъ, переходящихъ изъ

одного тѣла въ другое. Цельсь въ своемъ Правдивомъ сочиненіи противъ христіанъ, упоминаеть о лѣстницѣ съ восемью все возвышающимися по ступенямъ дверями, — эти двери въ таинствахъ Митры символически изображали странствованія души по двумъ небеснымъ сферамъ — сферѣ неподвижныхъ звѣздъ и сферѣ планетъ.

Такимъ образомъ, приведа въ связь всѣ свидѣтельства писателей II и III вѣковъ, мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что наиболѣе почитаемый и наиболѣе распространенный символъ митраической религіи — закланіе быка Митрой — также относится къ спасенію душъ. Митра, божество творящее, источникъ жизни, покровитель праведныхъ, богъ, который не знаетъ препятствій, спускается въ низшій міръ, чтобы посвятить сѣмена жизни, извлекая ихъ изъ быка. Зловредныя животныя, скорпіонъ и змѣя, тщетно пытаются завладѣть силами и кровью жертвы; собака, вѣрный хранитель праведныхъ, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы животворная кровь не пропала. Счастливы тѣ, которые своею твердостью заслужили посвященіе въ таинства и право на новую жизнь! Они вернутся опять въ лучшій міръ.

Таковъ былъ главный смыслъ культа Митры, какъ бы ни варьировались подробности мистическихъ построеній. Этотъ культъ ближе всего отвѣчалъ религіознымъ запросамъ общества III вѣка. Во всякомъ случаѣ, распространившись среди этого пестраго общества, на почвѣ хаотическаго смѣшенія различныхъ вѣрованій, митраизмъ, повидимому, представлялъ такъ же мало единства и цѣльности, какъ и другія религіозныя ученія того времени. Культъ Митры имѣеть много сходства съ гностицизмомъ.

Его даже прямо можно назвать языческимъ гностицизмомъ, выработавшимъ собственное ученіе объ эволюціи души и объ условіяхъ ея переселенія въ лучшей міръ. Сходство можно провести и дальше: тѣ же широкія обобщенія рядомъ съ наивностями, та же смѣсь возвышенныхъ идей и грубыхъ суевѣрій.

Митраическая община представляла изъ себя замкнутую группу и старалась окружить себя таинственностью; по остроумному сравненію Ренана, она представляла изъ себя рядъ языческаго франкмасонства; нѣкоторыми чертами она напоминаетъ «Армію спасенія», которою нѣсколько лѣтъ тому назадъ Англія подарила міръ. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о публичномъ богослуженіи этого культа; мы даже не знаемъ, были ли въ митраизмѣ какіе-нибудь священные обряды, кромѣ тѣхъ, которые совершались только для посвященныхъ. Главнымъ митраическимъ праздникомъ былъ праздникъ возрождающагося солнца, 25-го декабря, языческой прототипъ нашихъ святокъ. Собранія вѣрующихъ происходили въ капеллахъ, чаще всего подземныхъ, устроенныхъ въ естественныхъ гротахъ или же образующихъ внутри подобіе пещеры: въ глубинѣ этой пещеры выдѣлялось рельефное изображеніе быка, приносимаго въ жертву Митрой. Быть-можетъ, рядомъ находились меньшія капеллы для другихъ божествъ, родственныхъ Митрѣ. Священный огонь горѣлъ на одномъ или на нѣсколькихъ жертвенникахъ (обыкновенно ихъ было семь); освѣщалось святилище свѣтильниками съ жемчужными украшеніями и свѣчами, прикрѣпленными къ прямымъ полосамъ съ проткнутыми въ нихъ дырами. Божество изобра-

жалось тамъ въ разныхъ видахъ, чаще всего въ видѣ юноши, бюстъ котораго помѣщался на колонкѣ изъ необдѣланнаго камня. Около ставились урны, символически изображавшія производительную силу источниковъ. Статуи факельщиковъ (олицетворявшихъ собой утро и вечеръ или весну и осень), изображенія символическихъ животныхъ, воспроизведеніе наиболѣе патетическихъ сценъ посвященія, разнаго рода вотивныя приношенія, изображенія тѣхъ мудрецовъ, которые проповѣдывали культъ солнца или культъ Митры, дополняли убранство маленькихъ митраическихъ храмовъ, обстановка которыхъ, впрочемъ, намъ очень мало извѣстна.

Безъ сомнѣнія, были еще отдѣльныя помѣщенія, гдѣ непосвященные и члены низшихъ ступеней подвергались таинственнымъ и страшнымъ испытаніямъ, съ помощью которыхъ могли подняться до высшихъ ступеней іерархіи. Мы не будемъ входить въ подробное описаніе этихъ ступеней и испытаній, черезъ которыя проходили поклонники Митры. Памятниковъ, относящихся къ этому предмету, очень мало, они даютъ чрезвычайно смутныя свѣдѣнія и, кромѣ того, относятся къ гораздо болѣе позднему времени, такъ что по нимъ трудно возстановить эту любопытную систему митраическихъ мистерій. Сколько было ступеней, какое значеніе имѣли онѣ и какія привилегіи связаны были съ каждой изъ нихъ? У древнихъ авторовъ встрѣчается довольно много названій для посвященныхъ: воинъ, воронъ, левъ, гіэна, персъ, конь солнца, орель, ястребъ, отецъ и др.; но неизвѣстно, есть ли это названія ступеней, или же прозвища, которыя давались посвященнымъ каждой ступени, сообразно полу или обязанностямъ,

которыя они выполняли. Отмѣтимъ одно, что женщины тамъ, наравнѣ съ мужчинами, допускались къ высшимъ должностямъ, и что вся община въ значительной степени носила военный характеръ. Строгій іерархическій распорядокъ, во главѣ котораго стоялъ Отецъ Отцовъ, поддерживалъ дисциплину. Почти съ момента вступленія въ культъ, вѣрующій становился воиномъ Митры; онъ боролся противъ зла, чтобы заслужить милость своего бога. По мѣрѣ того, какъ онъ продвигался отъ одной ступени къ другой, онъ одерживалъ побѣду надъ низменными сторонами жизни и все болѣе становился причастнымъ той высшей жизни, въ которую вводилъ его Митра: и подобно своему богу, и онъ стремился стать непобѣдимымъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что культъ Митры прежде всего распространился среди войска.

На испытаніяхъ, которымъ подвергались при вступленіи въ общину или при переходѣ изъ одной ступени въ другую, нужно было обнаружить большую силу воли, терпѣніе и глубокою вѣру въ Митру. Эти испытанія состояли въ разнаго рода умерщвленіяхъ плоти, какъ, напр., въ продолжительномъ постѣ, бичеваніи, иногда въ нѣкоторыхъ опасныхъ для жизни искусствахъ: проходить сквозь огонь, бороться съ волнами. Количество и характеръ испытаній измѣнялись сообразно съ мѣстностью, гдѣ происходило посвященіе, а также со свойствами лицъ, подвергавшихся испытаніямъ. На Геддернгеймскомъ барельефѣ изображено погруженіе въ снѣгъ вѣрующаго; само собой разумѣется, что подобнаго рода мытарство нельзя было часто налагать въ Римѣ или въ Остіи. Съ другой стороны, довольно невѣ-

роятно, чтобы такія лица, какъ напр., Коммодъ подвергались полному циклу этихъ суровыхъ испытаній. Очевидно, тогда уже съ небесами вступали въ сдѣлку; иначе трудно объяснить себѣ огромную массу приверженцевъ митраизма. Едва ли все могли обладать такимъ героизмомъ. Повидимому, прежде всего были на то, чтобы поразить воображеніе, произвести то, что историкъ Лампридій называетъ «призракомъ ужаса». Подобныя испытанія и въ наше время налагаютъ франкмасоны на своихъ адептовъ, ради того, чтобы навести трепетъ ужаса на легковѣрныя души. Есть основанія думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, случайно ли или отъ избытка усердія, эти искусства кончались смертью. Благодаря подобнымъ фактамъ, по всей вѣроятности, культу Митры молва приписывала употребленіе человѣческихъ жертвоприношеній. Рассказываютъ, что Адрианъ былъ вынужденъ запретить ихъ, а Коммодъ, изъ лукавства или вслѣдствіе присущей ему жестокости, потребовалъ отъ восточныхъ жрецовъ, чтобы они серьезно выполнили свои кровопролитные покаянные обряды, и такимъ образомъ онъ оказался виновникомъ нѣсколькихъ человѣческихъ смертей въ храмахъ Митры.

О Т Д Ъ Л Ъ VIII.

ДИОКЛЕТИАНО-КОНСТАНТИНОВСКАЯ ИМПЕРІЯ.

ДИОКЛЕТІАНЪ.

(Burckhardt: Zeitalter Constantius).

Предзнаменованія исполнились, предсказанія оракуловъ сбылись: сынъ далматинскихъ рабовъ, принадлежавшихъ римскому сенатору Анулину, 39 лѣтъ вступилъ на престоль всемірной имперіи. И мать и сынъ получили свое имя отъ маленькаго мѣстечка Діоклеи, недалеко отъ Каттаро; только теперь прежній Діоклесъ (что значитъ съ греческаго «богославный») въ угоду римлянамъ сталъ называться полнымъ окончаніемъ — Діоклетіанъ, а чтобы сохранить въ своемъ имени связь съ божествомъ, онъ принялъ новое латинское прозвище *Jovius*.

Объ его войнахъ, управленіи и вызвавшемъ столько споровъ личномъ характерѣ будетъ рѣчь впереди; а теперь мы разберемъ своеобразныя понятія его объ императорской власти, его стремленія ее упрочить, подѣлить и ввести опредѣленный порядокъ наслѣдованія.

Послѣдніе императоры не могли по своему желанію распорядиться престоломъ, такъ какъ большею

частію погибали насильственною смертію. Нѣкоторые же изъ нихъ предоставляли рѣшеніе вопроса о преемникѣ генераламъ; а когда Каръ объявилъ наслѣдниками своихъ сыновей, это только повело къ ихъ гибели. Діоклетіанъ, имѣвшій отъ своей жены Приски, повидимому, только одну дочь, долженъ былъ пріискать какой-нибудь другой выходъ. При болѣе спокойномъ состояніи государства, онъ, вѣроятно, не сталъ бы торопиться съ рѣшеніемъ этого вопроса, но сильныя бури надвигались извнѣ, а внутри со времени Кара было множество узурпаторовъ, къ ихъ числу принадлежалъ и самъ Діоклетіанъ, хотя онъ и получилъ признаніе сената. Что было тутъ дѣлать?

Исходъ, придуманный Діоклетіаномъ, съ одной стороны, обнаруживаетъ въ немъ сильный, проникательный умъ, съ другой — представляется страннымъ и загадочнымъ. Событія послѣдняго десятилѣтія показали, что даже самые лучшіе правители, спасители отечества, не были избавлены отъ насильственной смерти и возстанія солдатъ. Вліятельные генералы, состоявшіе въ ихъ свитѣ, не въ силахъ были предотвратить этого, а нѣкоторые и не хотѣли, такъ какъ сами, не смотря на опасность риска, питали честолюбивыя мечты о престолѣ. Съ теченіемъ времени, несомнѣнно, наступили бы опять времена Галліена и тридцати тирановъ, къ чему, дѣйствительно, все клонилось въ 285 году; государству опять грозило распаденіе на отдѣльныя части, быть-можетъ, навсегда. Діоклетіанъ напалъ на вѣрный путь: онъ окружилъ себя преемниками и соправителями. Такимъ образомъ, честолюбивымъ притязаніямъ былъ положенъ предѣлъ, и значительно затрудненъ успѣхъ

гвардейскихъ революцій; такъ какъ, если бы одинъ изъ императоровъ или цезарей погибъ, и въ одинъ день не удалось бы низвергнуть или умертвить обоихъ или даже всѣхъ четырехъ правителей за разъ и въ Никомиди, и въ Александри, и въ Миланѣ, и въ Трирѣ, то, значить, за отдѣльное убійство всегда бы нашелся, по крайней мѣрѣ, одинъ, а то и нѣсколько мстителей; къ тому же, всѣ благоразумные люди знали бы, къ кому примкнуть, и имъ не было бы нужды въ тревожномъ страхѣ отдаваться въ руки перваго солдатскаго избранника. Другое важное преимущество нововведенія Диоклетіана былъ раздѣлъ государственнаго управленія, которое, благодаря этому, теперь можно было вести обдуманно и спокойно, по опредѣленному общему плану и въ общемъ гораздо успѣшнѣе.

Но непонятною представляется намъ искусственность его системы усыновленія. Всего проще было бы, если бы Диоклетіанъ усыновилъ цѣлую семью изъ нѣсколькихъ даровитыхъ братьевъ и подѣлилъ бы между ними провинціи и правительственныя должности. Что не удалось Кару отчасти по винѣ Карина, теперь могло легче совершиться, именно — переходъ цезаризма съ его случайнымъ преемствомъ въ наследственную династію, къ чему въ концѣ концовъ неизбежно приводитъ монархическій строй. Или, быть-можетъ, онъ боялся, какъ бы его самого не устранила выдвинутая имъ семья? Но, конечно, такого энергическаго человѣка не легко было бы спихнуть съ дороги. Можетъ-быть, при испорченности тогдашняго общества нельзя было ожидать моральной сдержки отъ родственныхъ связей? Но мы знаемъ, что позднѣе самъ Диоклетіанъ постарался

цезарей сдѣлать зятями императоровъ. Или, быть-можетъ, онъ рассчитывалъ посредствомъ усыновленія удовлетворить нѣкоторыхъ наиболѣе опасныхъ честолюбцевъ? Но онъ отлично понималъ, что самыхъ опасныхъ ничѣмъ нельзя удовлетворить, да и не въ его характерѣ было особенно заботиться о всеобщемъ довольствѣ и сочувствіи. Если мы поближе всмотримся въ отдѣльные факты и разберемъ ихъ подлинныя или предполагаемыя причины, то увидимъ, что хотя наши неполныя свѣдѣнія и оставляютъ многое неяснымъ, но въ общемъ они наводятъ на вѣрное заключеніе.

Въ виду крестьянской войны въ Галліи, Діоклетіанъ еще въ 285 году сдѣлалъ своего военного сподвижника Максиміана цезаремъ, а въ слѣдующемъ году произвелъ его въ августы; признаки усыновленія выражаются въ его прозвищѣ *Herculius*, что значитъ — происходящій отъ Зевсова сына. Послѣ того, какъ оба они въ теченіе шести лѣтъ непрерывно боролись противъ варваровъ, возмущившихся провинцій и узурпаторовъ во всѣхъ концахъ имперіи, они поставили цезарями полководцевъ Галерія и Констанція Хлора, не подѣливши формально между собой власть; при ихъ назначеніи Діоклетіанъ совершенно ясно высказалъ, что «съ этого времени въ государствѣ будутъ два главныхъ правителя и два меньшихъ, ихъ помощники». Сынъ Максиміана, Максенцій, былъ безцеремонно оставленъ въ сторонѣ; при этомъ завязываются еще новыя искусственныя связи почтенія, именно — цезари должны жениться на дочеряхъ императоровъ, Галерій на Валеріи, Констанцій на Теодорѣ, которая была собственно падчерицей Максиміана. Оба цезаря воспитывались въ

школь Авреліана и Проба, Констанцій былъ знатнаго рода и съ материнской стороны приходился внучатымъ племянникомъ Клавдія (Gothicus); Галерій же былъ просто сынъ пастуха и потому старался разглашать, что его мать забеременѣла имъ отъ какого-то божественнаго существа въ образѣ змѣи, или, какъ Рея Сильвія, отъ Марса. Такъ, теперь образовалось четыре двора, четыре правительствъ и четыре арміи; Галліей и Британніей управлялъ Констанцій, дунайскими провинціями и Греціей—Галерій, Максиміану были предоставлены Италия, Испанія и Африка, а Фракію, Азію и Египетъ Діоклетіанъ оставилъ за собой. Болѣе двѣнадцати лѣтъ между этими столь различными и въ большинствѣ столь грубыми людьми продолжалось удивительное согласіе, которое становится еще непонятнѣе, если обратимъ вниманіе на то, какъ одинъ вступается во владѣнія другого, вводитъ туда войска, или какъ, напримѣръ, Діоклетіанъ безъ стѣсненія позоритъ пылкаго Галерія передъ лицомъ всего войска. Все, что исходитъ отъ Діоклетіана, самые сложные военные планы, самыя трудныя приказанія, все исполняется съ чисто дѣтской покорностью; ни на одну минуту никто не сомнѣвался, что онъ былъ душой всего зданія. «Они смотрѣли на него съ благоговѣніемъ какъ на отца или верховное божество»,— говоритъ Аврелій Викторъ.—«Что это значило, мы поймемъ только тогда, когда припомнимъ, сколько убійствъ въ царской семьѣ совершено было отъ Ромула до нашего времени».

Жестокому испытанію въ послушаніи подвергся въ послѣдствіи соправитель Максиміанъ, когда, послѣ двадцати лѣтъ совмѣстнаго управленія, Діоклетіанъ,

согласно условію, принудилъ его вмѣстѣ съ собою отречься отъ престола (305). Максиміанъ покорился, хотя съ большою неохотой; онъ даже терпѣливо перенесъ и то, что и на этотъ разъ при назначеніи новыхъ цезарей (на мѣсто возведенныхъ въ императоры Галерія и Констанція) сынъ его, Максенцій, былъ обойденъ, и что самъ онъ, старый побѣдитель багаудовъ, германцевъ и мавровъ, не былъ спрошенъ при выборѣ цезарей. Діоклетіанъ предоставилъ это избраніе исключительно своему пріемному сыну Галерію, который цезаремъ Востока назначилъ одного надежнаго офицера Севера, а цезаремъ Запада — своего племянника Максимиана Дазу. Констанцій Хлоръ былъ въ томъ же положеніи, какъ и Максиміанъ; хотя онъ и былъ произведенъ въ императоры, но долженъ былъ, вмѣсто своего сына, признать цезаремъ случайнаго челоуѣка Севера, причемъ христіанскіе писатели совершенно напрасно восхваляютъ его скромность и сдержанность.

Въ одномъ, позднѣе написанномъ, произведеніи драматически изображаются личные мотивы всѣхъ этихъ государственныхъ актовъ. Еще Гиббонъ находилъ, что это произведеніе не достовѣрная исторія, а разсказъ ожесточеннаго врага, который въ особенности заблуждается, думая, что Галерій запугалъ старыхъ, выходившихъ въ отставку, императоровъ. Но одна въ высшей степени любопытная черта не вымыслена: Галерію приписывается намѣреніе — послѣ двадцатилѣтняго владычества, когда на долгое время будетъ упрочено престолонаслѣдіе, — отречься, подобно Діоклетіану. Авторъ считаетъ это рѣшеніе добровольнымъ и, при своей пламенной ненависти къ Галерію, сообщаетъ о немъ, по всей вѣроятности,

съ неудовольствіемъ; но если мы не ошибаемся, здѣсь передъ нами весьма существенное и обязательное постановленіе Діоклетіановой системы, которую современники не вполне понимали.

Это установленіе 20-лѣтняго срока правительственной власти составляетъ краеугольный камень всей организаціи. Оно должно было порядку усыновленія и преемства придать характеръ неизбежности и необходимости. И какъ разъ въ слѣдующемъ году (306) вся эта система разстраивается и окончательно рушится, вслѣдствіе насильственныхъ захватовъ со стороны двухъ императорскихъ сыновей, считавшихъ себя несправедливо устраненными; Константинъ (Великій) при помощи солдатъ завладѣваетъ территоріей своего отца, Максенцій присваиваетъ себѣ Италію, и даже старый Максиміанъ покидаетъ свое невольное уединеніе, чтобы присоединиться къ сыну.

Діоклетіанъ, видя, какъ отъ этого нарушенія порядка наслѣдованія разрушается его любимое учрежденіе, умираетъ съ мыслью, что вмѣстѣ съ нимъ погибнетъ и государство; безъ сомнѣнія, глубокая скорбь наполняла его послѣдніе годы, которые онъ, больной и разбитый, провелъ на своей родинѣ, въ залахъ своего казарменнаго дворца въ Сплатро.

Дѣйствительно, планъ его государственнаго устройства былъ необычаенъ и страненъ. Двоевластіе, продолжающееся двадцать лѣтъ и оканчивающееся обязательнымъ отреченіемъ, назначеніе цезарей, предоставленное исключительно одному старѣйшему императору, причемъ отдѣльныхъ правителей (какъ бы велико ни было ихъ самоотреченіе) постоянно должно было раздражать и оскорблять исключеніе

ихъ сыновей, — все это дѣлалось для того, чтобы создать искусственную династію. Если признать, что для защиты государства было необходимо раздѣленіе власти, и что узурпаторамъ, грозившимъ извнѣ, гораздо труднѣе было бороться съ четырьмя правителями, чѣмъ съ однимъ, то какими средствами думали предотвратить узурпацію, если она исходила изъ среды самихъ правителей? Этотъ вопросъ и многое другое еще остается совершенной загадкой. Однихъ политическихъ и психологическихъ мотивовъ въ данномъ случаѣ недостаточно; необходимо еще принять во вниманіе всюду проникающее и всѣ эти отношенія обнимающее религиозное суевѣріе.

Мы уже упоминали, какое важное мѣсто въ жизни Діоклетіана занимали предзнаменованія и предсказанія. Его называютъ «ислѣдователемъ будущей судьбы», «постоянно наблюдающимъ священные обычаи»; мы видимъ, какъ онъ въ сообществѣ жрецовъ усердно роется во внутренностяхъ жертвенныхъ животныхъ, озабоченный зловѣщимъ сверканіемъ молніи. Даже въ собственныхъ именахъ ищетъ онъ таинственнаго смысла; Галерія онъ называетъ Максиміаномъ, чтобы такимъ образомъ связать его и магически привить ему испытанную вѣрность стараго Максиміана; по этой же причинѣ впоследствии молодой Даза получаетъ имя Максиміана. Повидимому, Діоклетіанъ старался поставить и себя въ какія-то особыя отношенія къ Юпитеру, въ честь котораго онъ назывался, и, напримѣръ, изображеніе Юпитера необыкновенно часто встрѣчается на обратной сторонѣ монетъ Діоклетіанова времени. И отреченіе свое онъ произнесъ впоследствии передъ статуей Зевса на открытомъ полѣ, близъ Никомидіи, и во дворцѣ его

въ Спалатро бросается прежде всего въ глаза восьмиугольный храмъ Юпитера. Даже въ официальныхъ актахъ проходитъ сильная религіозная струя: вступительныя слова брачнаго закона 295 г. звучать какъ проповѣдь, а законъ противъ манихеевъ 296 г. проникнутъ страстнымъ личнымъ чувствомъ.

Остальные правители также отличались преданностью суевѣріямъ, иначе трудно было бы объяснить ихъ невозмутимую покорность. Они твердо помнили, что, только благодаря подобнымъ суевѣрнымъ соображеніямъ получили свои высокія мѣста. Для насъ странно и непонятно, почему актъ усыновленія сопровождается столькими волненіями у Діоклетіана. Напримѣръ, ему является во снѣ какая-то фигура, которая упорно ему внушаетъ, что онъ долженъ назначить преемникомъ одного человѣка, и называетъ его имя. Онъ думаетъ, что это колдовство, призываетъ къ себѣ того человѣка и говоритъ ему: «Ну, получай власть, которой ты у меня требуешь каждую ночь, и не отнимай у императора его ночного покоя!» Неизвѣстно, къ кому относится этотъ дворцовый анекдотъ и въ какой степени онъ досто-вѣренъ, но, несомнѣнно, онъ очень характеренъ.

Максиміанъ былъ великій или, по крайней мѣрѣ, очень искусный полководецъ, и Діоклетіанъ былъ передъ нимъ въ долгу, такъ какъ Максиміанъ былъ давнишнимъ повѣреннымъ его широкихъ замысловъ; но все-таки очень возможно, что при назначеніи его окончательный перевѣсъ дало то обстоятельство, что день его рожденія приходился въ то же число, какъ и день рожденія Діоклетіана. Относительно Констанція съ большою вѣроятностью можно утверждать, что онъ попалъ въ цезари благодаря предсказанію жриць.

Диоклетіанъ былъ родомъ изъ Далматіи, Максиміанъ — сынъ крестьянина изъ Сирміума (Митровицы на Савѣ), родины важнѣйшихъ императоровъ III в.; Галерій былъ пастухъ изъ Дакии или изъ Сардики (теперешней Софіи, въ Болгаріи); Максиминъ Даза, по всей вѣроятности, изъ той же мѣстности; Констанцій Хлоръ въ годъ рожденія сына Константина жилъ въ Нишѣ, въ Сербіи; позднѣе выступающій другъ Галерія, Лициній, былъ крестьяниномъ съ нижняго Дуная; родина Севера неизвѣстна. Пока приходится удовлетвориться этими данными для рѣшенія вопроса о томъ, не было ли какой-нибудь мѣстной религіи или суевѣрія, которая связывала между собою правителей. Относительно отреченія Максима до насъ дошла только формула, которую онъ произнесъ въ храмѣ капитолійскаго божества (по всей вѣроятности, въ Миланѣ): «возьми назадъ, Юпитеръ, то, что ты мнѣ далъ». Клятвами, жертвами и разными священными обрядами Диоклетіанъ хотѣлъ замѣнить недостатокъ силы и прочности въ своихъ политическихъ построеніяхъ. Кто не согласится съ этимъ объясненіемъ, тотъ долженъ будетъ признать, что Диоклетіанъ возвысилъ Максиміана, съ одной стороны, цѣня его военные таланты, съ другой — ради того, чтобы заставить его молчать, а сына его, Максенція, онъ устранилъ потому, что тотъ былъ издавна во враждѣ съ Галеріемъ. Однако, кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что такой образъ дѣйствій несомнѣстимъ ни съ характеромъ Диоклетіана, ни съ той правительственною самоувѣренностью, которой никто не оспариваетъ у Диоклетіана.

Въ его нововведеніяхъ заключается глубокій смыслъ, особенно въ *ограниченіи императорской вла-*

сти определеннымъ срокомъ. Если многіе смотрѣли на правительственныя обязанности, какъ на наслажденіе, это была не его вина; онъ считалъ правленіе тяжелымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ, которое для блага государства и самихъ правителей нельзя поручать ни старикамъ, ни дѣтямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ порядокъ давалъ удовлетвореніе законному честолюбію цезарей; такъ какъ они обыкновенно (если не случалось ничего особеннаго) очень поздно вступали на престолъ, то могли считать время чуть не по днямъ и часамъ; съ чувствомъ чловѣка, который знаетъ свой смертный часъ, императоръ праздновалъ каждые пять лѣтъ — то пятилѣтіе, то десятилѣтіе, то пятнадцатилѣтіе; неизбѣжно приближалось двадцатилѣтіе, когда онъ долженъ былъ снимать съ себя пурпуръ, ибо такова воля «всемогущихъ богинь судьбы», которыя изображены на одной монетѣ въ годъ отреченія.

Диоклетіанъ хорошо понималъ, что преемниковъ нельзя на вѣчныя времена связать обязательнымъ двадцатилѣтнимъ срокомъ власти, но, повидимому, онъ хотѣлъ показать примѣръ. Кромѣ того, двадцатилѣтній срокъ обезпечивалъ устраненіе императорскихъ сыновей, чего не могло бы быть при пожизненной власти. Можно было находить неудобнымъ, что этотъ определенный срокъ указывалъ всѣмъ враждебнымъ и мятежнымъ элементамъ время для болѣе или менѣе успѣшныхъ революціонныхъ попытокъ, но, съ другой стороны, зато средства для подавленія такихъ попытокъ были наготовѣ. Во время болѣзни Диоклетіана, передъ его отреченіемъ, народъ въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ оставался въ неизвѣстности, живъ ли еще им-

ператоръ, и все-таки въ этомъ прекрасно дисциплинированномъ государствѣ не поднялся ни одинъ чловѣкъ.

Любопытно, что въ то же самое время тѣ же вопросы и событія волновали сосѣднюю непріятельскую страну на востокѣ — государство сассанидовъ. При Барамѣ III, который царствовалъ только нѣсколько мѣсяцевъ въ 293 г., писатели въ первый разъ отмѣчаютъ слѣдующее: персидскій царь своего наслѣдника, брата или сына, предварительно назначилъ намѣстникомъ одной провинціи съ титуломъ шаха, и самъ Барамъ, при жизни своего отца Барама II, тоже назывался только шахомъ Сегана или Систана. Послѣ его короткаго и бурнаго царствованія ему наслѣдуетъ его младшій братъ Нарси, который въ 301 году вѣнчается на царство своего сына Ормуза, а самъ удаляется въ мирную частную жизнь «подъ покровъ божественной благости». По словамъ Мирхонда, его привела къ этому мысль о смерти, «срокъ которой въ предвѣчныхъ намѣреніяхъ predeterminedъ и непредотвратимъ». Очень возможно, что маги предсказали ему день смерти и такимъ образомъ отравили ему жизнь; но дальше говорится, что Нарси хотѣлъ избѣжать превратностей царской судьбы, которая онъ достаточно испыталъ въ войнѣ съ римлянами. «Дорога длинная, — говорилъ онъ, — часто приходится подниматься и спускаться». Возможно, что этотъ примѣръ произвелъ извѣстное впечатлѣніе на Діоклетіана.

Несомнѣнно, въ тѣсной связи съ торжественностью, которою была обставлена вся, на суевѣріяхъ построенная, жизнь Діоклетіана, стоитъ внезапное и рѣзкое усиленіе придворнаго этикета. Или, быть-

можетъ, слѣдуетъ предположить вмѣстѣ съ Авреліемъ Викторомъ Старшимъ, что Діоклетіанъ, по обычаю всѣхъ высочекъ, не могъ достаточно насладиться вѣшнимъ величіемъ. Но въ такомъ случаѣ представляется страннымъ, что изъ солдатскихъ императоровъ III вѣка, которые почти всѣ изъ самыхъ низшихъ слоевъ добрались до престола, никто въ этомъ не предупредилъ Діоклетіана. Мы видимъ, на примѣръ, какъ могущественный Авреліанъ запросто обращается со своими прежними друзьями, щедро снабжаетъ ихъ всѣмъ, такъ что они никакъ не могутъ назваться неимущими; шелковое платье онъ находитъ для себя слишкомъ дорогимъ, онъ съ удовольствіемъ бы вывелъ золотыя украшенія изъ построекъ и одежды; другимъ онъ охотно даритъ драгоценныя вещи, которыя легко можно расплавить, а себѣ отказываетъ во всемъ; слугъ онъ одѣваетъ не лучше, чѣмъ въ то время, когда онъ еще не былъ государемъ; ему не по себѣ въ роскошномъ палатинскомъ дворцѣ, на пестрыхъ мраморныхъ стѣнахъ котораго запеклась кровь столькихъ императоровъ; онъ перебирается въ сады Саллюстія, тамъ въ обширныхъ галлереяхъ каждый день занимается гимнастикой и объѣзжаетъ лошадей. Теперь все пошло иначе. У Діоклетіана тоже были друзья прежнихъ лѣтъ; только взаимное довѣріе, можетъ быть одновременно съ обѣихъ сторонъ, исчезло; онъ опасался, и не безъ основанія, что интимныя отношенія съ посторонними лицами могли нарушить искусственно созданное согласіе съ товарищами. Вмѣсто простого пурпура, которымъ довольствовались почти всѣ прежніе императоры (за исключеніемъ безумцевъ), носить онъ (съ 293 г.) шелковую,

затканную золотомъ одежду и даже обувь украшаетъ драгоценными каменьями и жемчугомъ; на голову надѣваетъ діадему, т. е. бѣлую, унизанную жемчугомъ повязку. Конечно, это было парадное одѣяніе, въ которое онъ облакался въ торжественныхъ случаяхъ; во время походовъ и быстрыхъ переѣздовъ Діоклетіанъ и товарищъ его Максиміанъ держали себя совсѣмъ иначе, точно такъ же какъ имъ во всемъ подражавшіе цезари. Зато въ Никомидіи Діоклетіанъ окружалъ себя необыкновенною пышностью. Доступъ къ его священной особѣ съ каждымъ днемъ становился труднѣе, по мѣрѣ того какъ усложнялся придворный церемоніаль. Въ залахъ и портикахъ дворца дежурили офицеры, чиновники и стража; внутри всѣмъ распоряжались всесильные евнухи; кому, по важности ли положенія, или по серіозности дѣла, удавалось проникнуть къ особѣ государя, тотъ по восточному обычаю долженъ былъ пасть передъ нимъ ницъ. Еще въ 291 г., панегиристъ Мамертинъ, описывая блестящее собраніе въ Миланѣ по случаю свиданія Діоклетіана съ Максиміаномъ, называетъ его «сокрытымъ въ глубинѣ святилища поклоненіемъ, которое можетъ наполнить умиленіемъ только сердца тѣхъ, которымъ санъ ихъ даетъ туда доступъ».

Но дѣло не остановилось на однѣхъ нѣмыхъ формахъ: многозначительное слово было также уже произнесено; государь не довольствовался болѣе невинными титулами республиканскаго Рима — консула, трибуна и т. д.; онъ теперь сталъ называть себя Dominus, владыка. Противъ титула rex (царь) римское чувство упорно возставало, такъ какъ съ нимъ были связаны самыя тяжелыя воспоминанія; греки же, которые привыкли къ этому титулу и въ Спартѣ и

въ сосѣднихъ полуварварскихъ странахъ и употребляли его нѣсколько столѣтій по отношенію къ преемникамъ Александра, съ самаго начала стали прямо называть римскихъ императоровъ царями (Basileis), такъ какъ поддержаніе республиканской фикціи у нихъ не имѣло никакого смысла. Теперь былъ оставленъ и этотъ титулъ и введенъ новый, который выражалъ идею полного господства, съ одной стороны, и столь же полного подчиненія, съ другой. При этомъ обоготвореніе императора уже должно было казаться вполне натуральнымъ; уже съ давнихъ поръ сенатъ пользовался правомъ канонизировать государей послѣ ихъ смерти, но и при жизни имъ въ сущности оказывались тѣ же почести—приносили жертвы и клялись передъ ихъ статуями, хотя и называли ихъ при этомъ неопредѣленнымъ и потому непереводаемымъ терминомъ «numen imperatoris».

Зная дальновидность и расчетливость Діоклетіана, мы поймемъ, что онъ не спроста рѣшился стѣснить себя тягостями такого чрезвычайнаго парада; намъ извѣстно, на примѣръ, что онъ очень часто жаловался на неудобства такой изолированности. Онъ понималъ важное преимущество личныхъ сношеній правителя со всѣми своими подданными, начиная отъ высшаго сановника и кончая мелкимъ челобитчикомъ. «Вы сговариваетесь вчетверомъ или впятеромъ, чтобы обмануть государя; вы подсовываете ему то или другое рѣшеніе; а онъ, изъ своего заключенія, не можетъ знать настоящаго положенія дѣла; онъ знаетъ только то, что ему скажутъ другіе; онъ назначаетъ чиновниками такихъ, которыхъ лучше было бы не брать, и смѣщаетъ тѣхъ, которые должны бы были быть на ихъ мѣстѣ, и въ такомъ безвыходномъ

положеніи находится даже лучший и умнѣйшій государь».

Помимо всѣхъ прочихъ, можно привести еще одну причину, которая, вопреки этому ясному пониманію, заставила Діоклетіана ввести указанныя мѣры. Со времени войнъ Авреліана и Проба, въ придворную среду, и главнымъ образомъ въ генеральный штабъ, проникло очень много офицеровъ изъ варварскихъ народовъ, и эта пестрая толпа по своему не римскому образованію совершенно не подходила къ прежнему товарищескому тону придворнаго обращенія. Къ тому же, при дворѣ до великихъ гоненій была масса христіанъ, которые стояли за усиленіе придворнаго этикета, такъ какъ, благодаря ему, избѣгали многихъ неприятныхъ столкновеній съ язычниками. Хотя Діоклетіанъ былъ очень склоненъ къ паеосу, даже въ эдиктахъ, но насколько чужда была ему обычная суетность и любовь къ блеску — видно изъ того, что свой единственный триумфъ послѣ славнаго ряда побѣдъ онъ оттянулъ до конца правленія (303) и отпраздновалъ его очень скромно.

И тѣмъ не менѣе Діоклетіанъ во многихъ отношеніяхъ открыто порвалъ со старо-римскими традиціями. Этому способствовало и то, что въ началѣ своего царствованія онъ ни въ какихъ отношеніяхъ, не стоялъ къ *городу Риму*. Еще въ III вѣкѣ императоры обыкновенно жили въ Римѣ, на Палатинѣ, не столько изъ почтенія къ священнымъ воспоминаніямъ и святынямъ всемірнаго города, сколько потому, что вслѣдствіе своего центрального положенія, обилія роскоши и всякихъ удовольствій, Римъ представлялся самою удобною резиденціей; притомъ, на-

ряду со своими старыми правами, онъ сохранялъ остатки дѣйствительнаго могущества, ибо тамъ пребывалъ *сенатъ*, который еще такъ недавно смѣшалъ, выбиралъ и санкціонировалъ государей. Изгнать его изъ города осмѣлился только Элагабалъ и больше ни одинъ императоръ, ни прежде, ни послѣ; нѣкоторые попирали его ногами и стремились довести до нравственнаго ничтожества; но наиболѣе благо-разумные поддерживали съ нимъ доброе согласіе. При этихъ соображеніяхъ опасеніе безпокойной черни и остатковъ преторіанскихъ когортъ не представляло важности, особенно для искуснаго правителя; но для слабаго государя Римъ представлялъ столько же опасности, какъ и всякій другой городъ.

Когда же ради защиты границъ императорская власть была раздѣлена, то Римъ не могъ быть мѣстопробываніемъ кого-нибудь изъ двухъ или четырехъ правителей. Охраненіе границъ было важнѣе добрыхъ отношеній къ сенату, которыя для государя съ чисто-римскими тенденціями не трудно было поддержать и инымъ путемъ. Максиміанъ поселился въ Миланѣ, который, вслѣдствіе новыхъ вторженій алемановъ послѣ смерти Проба, сталъ почти пограничнымъ и въ то же время лучше другихъ пунктовъ могъ служить для удержанія Галліи въ повиновеніи; отсюда же можно было наблюдать и за Италіей и не упускать изъ вида Африку. Постоянно воюющаго цезаря Констанція мы находимъ чаще всего въ Трирѣ, а позднѣе въ Йоркѣ. Диоклетіанъ водворился въ Никомидіи въ Визоніи, въ углу глубокаго залива на Мраморномъ морѣ; оттуда онъ могъ обозрѣвать тѣснимыя низовья Дуная, движенія готовъ и другихъ черноморскихъ народовъ и въ то

же время былъ не особенно далеко отъ равнинъ верхняго Евфрата, гдѣ обыкновенно происходили столкновѣнія съ персами. Въ первые годы, впрочемъ, невозможно было остановиться ни на какой постоянной резиденціи: оба августи постоянно переходили съ одного поля сраженія на другое, точно такъ же въ послѣдствіи и цезари. Безпокойный строительный зудъ Діоклетіана пока не былъ особенно разорителенъ: въ Никомидіи цѣлый кварталъ онъ превратилъ въ громадный однообразный дворецъ, который, повидимому, какъ и потомъ построенный въ Салонѣ, имѣлъ форму лагеря. Тамъ были базилики, циркъ, монетный дворъ, арсеналъ, особыя постройки для его жены и дочери. Естественно, что Никомидія, какъ и всякая столица, росла и украшалась, такъ что къ началу IV вѣка она представляла изъ себя какъ бы кварталъ Рима. Въ Миланѣ Максиміанъ выстроилъ, можетъ-быть, лучшее изъ всего, чѣмъ восхищался поэтъ IV вѣка (Авзоній).

Хотя Римъ не понесъ никакой матеріальной потери, но онъ долженъ былъ чувствовать себя глубоко оскорбленнымъ. Упомянутый выше враждебный правительству источникъ сообщаетъ: хищный Максиміанъ подобрался къ богатымъ сенаторамъ — они были ложно обвинены въ стремленіи къ власти, и такъ постепенно потухалъ свѣтъ сената, глаза его были выколоты. Напрасно было бы пытаться опредѣлить, кто здѣсь правъ и кто виноватъ. Въ произведеніи Зосима, который единственно могъ дать сколько-нибудь полное и безпристрастное изображеніе и оцѣнку характера и правленія Діоклетіана, мы находимъ пробѣлъ въ 20 лѣтъ. По всей вѣроятности, ревностнымъ христіанамъ показалось, что

последнее великое гонение тамъ описано черезчуръ благопріятно для гонителя, и, вмѣсто того, чтобы опровергать, они предпочли уничтожить весь этотъ отдѣлъ, такъ же, какъ и язычники, съ своей стороны уродовали книги Цицерона о природѣ боговъ, чтобы христіане оттуда не могли черпать оружія въ борьбѣ противъ многобожія.

Натянутыя отношенія между сенатомъ и императоромъ произошли уже оттого, что Діоклетіанъ сталъ императоромъ помимо сената и самъ назначилъ себѣ соправителей. Сенату только оставалось всѣхъ признать и ради формы время отъ времени возлагать на нихъ консульское достоинство, но Діоклетіанъ обращалъ на это такъ мало вниманія, что однажды уѣхалъ изъ Рима за два дня до этого торжественнаго акта. На упомянутомъ уже съѣздѣ императоровъ въ Миланѣ (291) была также депутація отъ сената, по всей вѣроятности, для того, чтобы засвидѣтельствовать свою преданность. Панегиристъ Мамертинъ въ присутствіи Максиміана восклицаетъ: «Сенатъ прислалъ городу Милану печать своего величія, какъ бы для того, чтобы удостовѣрить, что столица государства — во всякомъ мѣстѣ, гдѣ сойдутся оба императора». Этотъ отзывъ не особенно почтителенъ, и мы не знаемъ, какъ къ нему отнеслись; но изъ самаго факта депутаціи можно заключить, что, по крайней мѣрѣ, въ этомъ году, отношенія императоровъ къ сенату не были открыто враждебными. Когда и какимъ образомъ они разстроились, — остается для насъ загадкой. Максиміанъ былъ отъ природы жестокъ и злобенъ, а Діоклетіанъ не всегда останавливался передъ преступленіемъ, если оно было выгодно; римляне, «со

своею если не смѣлою, то во всякомъ случаѣ свободно рѣчью, были имъ въ высшей степени не пріятны; кромѣ того, они сговаривались—сенаторы въ сенатѣ, а народъ въ циркѣ—выкрикивать императорамъ, въ тактъ и въ опредѣленной формулѣ, вмѣстѣ съ привѣтствіями и нѣкоторыя требованія, а это, конечно, не могло быть по вкусу новымъ государямъ. Во всякомъ случаѣ безъ уважительныхъ причинъ, они не рѣшились бы казнить лучшихъ представителей сената, — если только дѣйствительно дѣло дошло до этого, и если авторъ названнаго выше произведенія, по своему обыкновенію, не раздулъ какого-нибудь пустяка въ крупное злодѣяніе.

Впослѣдствіи Діоклетіанъ и его товарищъ оказали услугу римскому населенію, правда съ заднею мыслью: какъ будто въ Римѣ было мало всякаго рода увеселительныхъ учрежденій, они выстроили на Виминальскомъ холмѣ грандіозныя термы (299). Среди приблизительно десяти термъ прежнихъ императоровъ и частныхъ лицъ выдавались исполнскія термы Каракаллы съ причудливо устроенными глубокими сводами, съ которыми не могло состязаться обезсилѣвшее искусство Діоклетіанова времени: старались, по крайней мѣрѣ, превзойти ихъ размѣрами и выстроили зданіе въ 1200 шаговъ въ окружности съ 3000 комнатъ; теперь изумительный центральный корпусъ его съ гранитными колоннами 15 футовъ въ обхватѣ составляетъ основную часть церкви Картезіанскаго монастыря, между тѣмъ какъ прочіе остатки нужно искать далеко вокругъ, среди монастырей, виноградниковъ и пустынныхъ улицъ. Въ томъ же году Максиміанъ началъ строить термы въ Кароагенѣ, можетъ-быть, съ тою же цѣлью — успо-

коить ропоть. Кареагенъ былъ до сихъ поръ главною ареной узурпаторовъ. Изъ другихъ построекъ этого царствованія въ Римѣ можно упомянуть возстановленіе сожженнаго при Каринѣ зданія для сената, *Fogum'a Caesaris*, базилики Юлія и Помпеева театра; кромѣ того, изъ новыхъ зданій, кромѣ термъ два портика подъ названіемъ *Jovia* и *Neptulea*, храмъ Изиды и храмъ Сераписа и триумфальную арку. Возможно, что масса роскошныхъ зданій, которыми Діоклетіанъ надѣлилъ Антіохію, имѣла также цѣлью отвлечь отъ политики ея злонамѣренное и опасное населеніе. Тамъ были выстроены храмъ Зевса Олимпійскаго, Гекаты, Немезиды и Аполлона, дворець въ городѣ и другой въ Дафне, нѣсколько бань, складочныхъ магазиновъ, ипподромъ для ристалищъ и т. п.; нѣкоторые были реставрированы, но большинство выстроены вновь. Кромѣ того, въ Римѣ никогда не прерывались всеобщія раздачи и публичныя зрѣлища.

Только послѣ отреченія (Діоклетіана и Максимиана) въ 305 году Галерій отбросилъ всѣ церемоніи по отношенію къ всемірному городу. Но и Діоклетіанъ въ одномъ пунктѣ чувствительно оскорбилъ Римъ. Сейчасъ же позади его термъ простираются обширные виноградники, окруженные съ трехъ сторонъ городскою стѣною времени Авреліана, а около стѣны лѣнятся принадлежавшія одно время іезуитамъ полуразрушенныя сводчатыя кельи. Здѣсь былъ прежде преторіанскій лагерь, обитатели котораго въ былое время такъ часто развѣвали по воздуху императорскій пурпуръ на остріяхъ своихъ мечей. Ихъ стремились упразднить, замѣнить; но въ III вѣкѣ, кажется, установился прежній порядокъ, имен-

но — въ окрестностяхъ Рима и въ сосѣднихъ частяхъ Италіи было набрано нѣсколько тысячъ человекъ, которые съ этого времени называются уже не императорскою гвардіей, но гарнизономъ столицы. Діоклеціанъ значительно сократилъ ихъ число, не только потому, что онъ боялся этихъ безпокойныхъ, притязательныхъ итальянцевъ, но отчасти изъ экономіи, а отчасти и потому, что на ихъ мѣсто готовился новый корпусъ. Блестящій рядъ императоровъ-иллирійцевъ со времени Деція отстоялъ государство; неудивительно, что въ теченіе 30 лѣтъ непрерывныхъ войнъ вокругъ нихъ собралась преданная кучка земляковъ, которые во всякомъ случаѣ стояли къ нимъ ближе, чѣмъ латиняне и сабиняне; они носили свое національное вооруженіе. Изъ нихъ составились два легіона, въ 6000 человекъ каждый; въ награду они были названы въ честь императоровъ Jovii и Herculii; прежде они назывались Martio barbuli по свинцовымъ дротикамъ, которые у каждаго пятаго (10?) солдата были привѣшены къ щитамъ и которые они умѣли метать съ силой и быстротой стрѣлы. Теперь они были поставлены официально выше всѣхъ другихъ легіоновъ, хотя изъ этого еще нельзя заключить что изъ нихъ набирались тѣлохранители къ особѣ государя. — Если раньше преторіанцы возбуждали противъ себя въ народѣ и ненависть и страхъ, то теперь распущеніе ихъ произвело впечатлѣніе посягательства на привилегіи столицы; а это прибавило правительству враговъ, — немногіе преторіанцы, которые еще оставались въ римскомъ лагерѣ, вмѣстѣ съ сенатомъ и народомъ приняли участіе въ возмущеніи противъ Галерія.

Римляне могли скорбѣть и возмущаться всѣмъ

этимъ поворотомъ дѣль, но имъ собственно не было причинено никакой несправедливости. Когда-нибудь должно же было рушиться великое заблужденіе, будто императоръ все еще есть уполномоченный и представитель мѣстно-римскаго или въ крайнемъ случаѣ итальянскаго населенія и только отъ его имени можетъ властвовать надъ вселенной. Если бы Діоклетіанъ не закрѣпилъ уничтоженіе этого предразсудка внѣшнимъ образомъ, посредствомъ перенесенія резиденціи, введенія восточнаго этикета, размолвки съ сенатомъ и сокращенія числа преторіанцевъ, то въ скоромъ времени христіанство по-своему выполнило бы ту же задачу, создавши новые источники власти.

Мы дальше расскажем, при какихъ удивительно бурныхъ обстоятельствахъ Діоклетіанъ проводилъ свои реформы: ему и его соправителямъ приходилось защищать всѣ границы имперіи и по частямъ вырывать изъ рукъ узурпаторовъ—этого не слѣдуетъ забывать при обсужденіи дѣятельности Діоклетіана. Что касается до высоко натянутого тона придворной жизни и новаго церемоніала, то, безъ сомнѣнія, нашлись люди, которые съ большимъ рвеніемъ поддались этому. Въ переходный періодъ, какимъ было то время, императоръ ощущалъ надобность, чтобы его публично восхваляли,—видъ признанія, въ которомъ постепенно сложившійся деспотизмъ не только не нуждается, но даже гнушается и не допускаетъ. Тогда только еще перешли отъ древней жизни съ ея привычками къ гласности; образованіе было еще чисто риторическое, и торжественныя рѣчи занимали такое важное мѣсто въ жизни отдѣльнаго чело-вѣка, что въ настоящее время намъ трудно составить себѣ объ этомъ понятіе. Къ этому нужно прибавить

еще особые панегирики, которые произносились въ годовичные праздники или по другимъ торжественнымъ случаямъ, въ присутствіи императора или важнаго сановника, какимъ-нибудь знаменитымъ мѣстнымъ риторомъ. До насъ дошелъ извѣстный панегирикъ Пливія Младшаго Траяну, затѣмъ черезъ долгій промежутокъ появляется сразу масса похвальныхъ рѣчей Діоклетіану и его соправителямъ и нѣсколько еще, обращенныхъ къ послѣдующимъ императорамъ. Въ качествѣ историческаго источника, понятно, этими рѣчами надо пользоваться съ осторожностью, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онѣ очень драгоцѣнны и, напр., какъ литературный памятникъ тоже очень поучительны. Приемы лести, по всей вѣроятности, тѣ же, которые царили въ недошедшихъ до насъ похвальныхъ рѣчахъ III вѣка. Развязно и даже нѣсколько назойливо риторъ воображеніемъ переносится въ значительно облагороженную особу присутствующаго императора и постепенно, одна за другой, раскрываетъ его мысли, планы и чувства—то, о чемъ обыкновенно хранить молчаніе вымуштрованный царедворецъ; но идеализирующему искусству позволяется быть нескромнымъ, съ условіемъ, впрочемъ, не выдавать истины. Все это уснащено сильнымъ ароматомъ неприкрашенныхъ похвалъ и восторговъ, какъ это было по плечу какому-нибудь Максиміану, который едва ли обладалъ такимъ образованіемъ, чтобы понять тонкую лесть. Особенно эксплуатировалось прозвище *Herculius*, постоянно проводились параллели и сравненія съ исторіей Геркулеса, которая въ концѣ концовъ все-таки оказывалась недостаточной, такъ какъ для побѣды Максиміана надъ багаудами нельзя было найти па-

раллели въ пораженіи Алкидомъ Геріона. Нѣсколько ближе подходитъ сравненіе съ Юпитеромъ (хотя оно относилось обыкновенно къ старшему императору), такъ какъ дѣтство его, подобно взрослому на берегахъ Дуная Максиміану, прошло среди военного шума. Неумоимо громоздитъ ораторъ образъ на образъ, чтобы превознести единодушіе императоровъ; управленіе для нихъ такое общее дѣло, какъ свѣтъ для обоихъ глазъ; такъ какъ оба они родились въ одинъ день, то и власть ихъ есть дуализмъ, подобный гераклидамъ въ Спартѣ; Римъ теперь счастливейше, чѣмъ во дни Ромула и Рема, потому что изъ нихъ одинъ убилъ другого; его теперь нужно называть Jovia и Nequilea вмѣстѣ. Какъ къ Максиміану прилагалась исторія Геркулеса, такъ къ Діоклетіану прилагается мнѣ о Зевсѣ, особенно въ отношеніи вездѣсущія, къ которому до извѣстной степени, казалось, приближался Діоклетіанъ своими быстрыми переѣздами. Но изъ-подъ этихъ благозвучныхъ фразъ выступало дерзкое и безцеремонное предпочтеніе Діоклетіану Максиміана, который выслушивалъ все это очень охотно, не коробясь. «Согласившись быть соправителемъ, ты гораздо больше далъ Діоклетіану, чѣмъ отъ него взялъ... Ты подражаешь Сципіону Африканскому, а Діоклетіанъ тебѣ» — такого рода вещи осмѣлился Мамертинъ декламировать во дворцѣ въ Трирѣ, въ присутствіи всего двора. Правда, тутъ же безъ стѣсненія сыплется цѣлый дождь комплиментовъ обоимъ императорамъ. «Рейнъ можетъ смѣло высохнуть со времени зарейнскихъ завоеваній Максиміана, точно такъ же и Евфратъ напрасно будетъ оберегать Сирію, съ тѣхъ поръ какъ Діоклетіанъ его перешель... Вы откладываете свои триум-

фы ради все новыхъ побѣдъ; вы стремитесь все къ болѣе великимъ дѣяніямъ». Точно такъ же и мелкіе поступки смѣло возводятся въ великіе. Напр., по поводу сѣзда въ Миланѣ среди зимы 291 года, когда Діоклетіанъ ѣхалъ съ востока, а Максиміанъ перебирался черезъ Альпы, Мамертинъ восклицаетъ: «Кто съ вами не былъ, можетъ подумать, что солнце и луна ночью и днемъ уступали вамъ свои колесницы! Противъ суроваго холода защищало васъ ваше величіе; когда все вокругъ замерзло, на васъ дулъ теплый весенній вѣтеръ и свѣтило солнце. Аннибалъ, куда тебѣ тягаться съ ними своимъ переходомъ черезъ Альпы!» Отсюда недалеко до утвержденія, что и земля стала плодороднѣе со вступленіемъ на престоль этихъ государей. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ томъ же духѣ, только въ болѣе идиллическомъ тонѣ, воспѣвалъ цезаря Нумеріана поэтъ Кальпурній Сиккуль (въ своей 8 и 4 эклогѣ): въ его присутствіи лѣса смолкаютъ отъ благоговѣнія, барашки рѣзвѣ прыгаютъ, шерсть и молоко становятся обильнѣе, жатва и растительность богаче, такъ какъ подъ смертною оболочкой цезаря скрывается божество, быть-можетъ, даже самъ великій Юпитеръ. — Нѣсколько тоньше льститъ образованному цезарю Констанцію Хлору ораторъ Евменій; такъ напр., онъ обѣщаетъ привести галльскую молодежь къ большой картѣ всего міра, которая начерчена на одной стѣнѣ въ Отѣнѣ. «Тамъ мы увидимъ, какъ кротость Діоклетіана смиряетъ Египетъ, какъ Максиміанъ поражаетъ мавровъ, какъ подъ твоей десницей, о Констанцій, Батавія и Британія опять поднимаютъ свой омраченный ликъ изъ лѣсовъ и болотъ, или какъ ты, цезарь Галерій, персидскіе луки и

колчаны топчешь ногами. Только теперь стало приятно смотреть на карту земли, потому что все, что мы там видимъ, принадлежит намъ». Рядомъ съ этимъ восторженнымъ описаніемъ новаго «золотого вѣка» можно легко простить оратору игривую символику, которую онъ разводилъ по поводу цифры 4 — числа правителей. Это число представляется ему основой раздѣленія міра на четыре элемента, основой четырехъ временъ года, даже четырехъ частей свѣта; не проста также слѣдуетъ черезъ четыре года люстръ; даже на небѣ солнечная колесница мчится четверкой, и опять-таки къ двумъ большимъ свѣтиламъ прибавлены два малыя — утренняя и вечерняя звѣзды. Мы не должны удивляться, если гдѣ-нибудь въ старинной Галліи выроютъ изъ земли мозаичную плиту, которая будетъ изображать эти идеи въ своеобразномъ рисункѣ. Пластическое искусство и риторика при задачахъ подобнаго рода часто прибѣгали къ одному и тому же приему. Евменій, впрочемъ, выдается среди другихъ панегиристовъ не только своимъ тактомъ и талантомъ: онъ былъ въ то же время очень почтеннымъ патриотомъ и льстилъ не изъ своекорыстныхъ цѣлей. Здѣсь, какъ и въ тысячахъ подобныхъ случаевъ, историческая критика должна различать то, что навѣяно временемъ и обстановкой, отъ того, что является самостоятельной инициативой личности.

Намъ неизвѣстно, было ли при дворѣ Діоклетіана еще больше раболѣпія и низкопоклонства. Во всякомъ случаѣ, этикетъ, поскольку онъ относился къ особѣ государя, былъ еще не вполне выработанъ и довольно невиненъ; несомнѣнно, его никакъ нельзя сравнивать съ этикетомъ позднѣйшаго византійскаго

двора, когда императоръ Константинъ Багрянородный въ X вѣкѣ долженъ былъ принять на себя роль гофмаршала, чтобы въ систематическомъ описаніи посвятить современниковъ и потомство въ цѣлый лабиринтъ священныхъ обычаевъ, власть которыхъ охотно признавали надъ собою священные и боголюбивые самодержцы и въ которыхъ церковный и придворный церемоніаль слились вмѣстѣ и другъ друга усилили.

Если отъ двора это пристрастіе къ чинамъ и титуламъ стало переходить и къ римскому обществу, то въ этомъ нельзя винить одного Діоклетіана. Естественный процессъ обветшанія античной жизни долженъ былъ неизбежно привести къ этой формѣ. Уже съ давняго времени правленіе было въ сущности господствомъ солдатъ; а милитаризмъ всегда перестраиваетъ и весь государственный механизмъ на свой образецъ, т. е. вводитъ строгую, внѣшними знаками отличающуюся, іерархію степеней и должностей, такъ какъ субординація составляетъ сущность этого строя. Многія установленія этого рода, которыя приписываются обыкновенно Діоклетіану, могли быть введены еще его предшественниками; окончательное же преобразование государства послѣдовало только при Константинѣ.

Но во всякомъ случаѣ число чиновниковъ уже Діоклетіанъ значительно увеличилъ. Конечно, это увеличеніе вызывалось не тѣмъ, что было четыре двора, а тѣмъ, что было четыре отдѣльныхъ управленія. Если вѣрить Лактанцію, противъ правительства проносились слѣдующія жестокія обвиненія: «Каждый изъ четырехъ правителей содержитъ для себя одного больше солдатъ, чѣмъ прежніе го-

судари на всю имперію. Подати поднялись неслыханнымъ образомъ; число получающихъ настолькоъ превзошло число платящихъ, что разоренные колонны покидаютъ землю, и обработанныя поля зарастаютъ лѣсомъ. Еще большій ужасъ навели тѣмъ, что всѣ провинціи раздѣлили на части и въ каждую страну, въ каждый городъ наслали толпу чиновниковъ, сборщиковъ податей, вице-префектовъ и др. Этимъ было сдѣлано очень немного для общественной пользы, а только пошли одинъ за другимъ приговоры, изгнанія, вымогательства и т. п., сопровождаемые жестокими насиліями» и т. д. Такимъ образомъ, Діоклетіанъ обвиняется въ хищническомъ корыстолюбіи.

Мы здѣсь остановимся, чтобы дать слово одному тоже не безпристрастному христіанину. «Не хватаетъ словъ (воскликаетъ Евсевій), чтобы изобразить обиліе благодѣяній и блаженныя времена передъ гоненіями, когда государи жили съ нами въ мирѣ и дружбѣ и праздновали свои двадцатилѣтніе сроки въ глубокомъ единомысліи — играми, представленіями, пирами и всевозможными увеселеніями!» Какъ примирить эти противорѣчія?

Умноженіе числа войскъ было со стороны Діоклетіана чрезвычайно важною и цѣлесообразною мѣрой, такъ какъ онъ долженъ былъ, — мы это увидимъ потомъ, — вырвать половину имперіи изъ рукъ варваровъ и узурпаторовъ. Въ какой степени нужно было увеличить военныя силы, объ этомъ онъ самъ лучше всего могъ судить. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, сколько было прибавлено войска; если бы можно было довѣрять автору вышеназваннаго повѣствованія, армія Діоклетіана сравнительно съ

арміей Авреліана и Проба болѣе чѣмъ учетверилась.

Далѣе слѣдуетъ обычное обвиненіе въ алчности, которое не миновало ни одного государя. Дѣйствительно, многіе правители изъ ложнаго понятія, будто только благородные металлы имѣютъ абсолютную цѣнность, накопили массу драгоценностей и не рѣшились въ нужную минуту употребить ихъ съ пользой; восточные деспоты всѣ безъ исключенія страдали этимъ недостаткомъ, а подданные подражали имъ и всякій кусокъ серебра зарывали въ землю. По относительно Діоклетіана едва ли можетъ быть объ этомъ рѣчь; задача — возвратить отнятыя земли и возстановить распатанное государство, была такъ грандіозна, что въ казнѣ не могло остаться значительнаго излишка. Одно укрѣпленіе границъ, эти крѣпости, идущія отъ Нидерландовъ до Краснаго моря съ гарнизоннымъ персоналомъ, уже устраняютъ всякое предположеніе о сбереженіи крупныхъ суммъ даже въ послѣднее мирное время царствованія.

Но во всякомъ случаѣ населеніе, вѣроятно, было сильно обременено, такъ какъ, не смотря на обширныя и удачно выполненныя предпріятія, не пощадило императора отъ грубаго обвиненія, что онъ для того такъ мучилъ людей, чтобы набить себѣ сундуки золотомъ и серебромъ. При мысли объ его многочисленныхъ постройкахъ скорѣе можетъ возникнуть подозрѣніе въ расточительности, однако, и тутъ, по видимому, большая часть этихъ построекъ была политической мѣрой, — это были подарки извѣстнымъ городамъ, въ которые, благодаря этому, можно было не ставить гарнизона. При строительныхъ затѣяхъ Константина эти цѣли совсѣмъ игнорируются. Дво-

рець въ Спалатро, который Діоклетіанъ строилъ для себя, представлялъ изъ себя большой четырёхугольникъ, но отдѣльныя части его не отличались ни вышиной, ни размѣрами и никакъ не могли равняться съ грандіозными залами термъ, имъ же построенныхъ въ Римѣ. Возможно, что при перестройкѣ Никомидіи кое-что было насильственно захвачено, какъ раньше при постройкѣ городовъ діадохами и позднѣе при основаніи Византіи, но трудно повѣрить, чтобы всюду, гдѣ Діоклетіанъ увидитъ хорошенькое имѣнье или красивый домъ, онъ сейчасъ же заводитъ уголовный процессъ противъ владѣльца. Уже очень прискорбно и то, что изъ-за нужды въ деньгахъ нѣсколько состоятельныхъ людей были разорены, однако, безъ сомнѣнія, это было дѣломъ не императора, а безсовѣстныхъ чиновниковъ, отъ которыхъ имперія страдала еще задолго до Діоклетіана.

Новое раздѣленіе государства на 101 провинцію и 12 діоцезъ, конечно, было введено правительствомъ не безъ важныхъ основаній, а число чиновниковъ тоже не безъ нужды увеличено. Самъ Діоклетіанъ былъ ревностнѣйшимъ чиновникомъ своего государства; кромѣ походовъ, мы видимъ его въ непрерывныхъ переѣздахъ, причемъ онъ всюду дѣлаетъ распоряженія, постановляетъ рѣшенія, такъ что напр., его путевой дневникъ за 293 и 294 годы почти изо дня въ день можно найти въ рескриптахъ; болѣе 1200 его рескриптовъ (частно-правового характера) находимъ мы въ законодательныхъ сборникахъ. Побудительною причиною къ новому раздѣленію имперіи на болѣе мелкія провинціи и къ умноженію числа чиновниковъ могло быть только то, что императоръ не могъ удовлетвориться суще-

ствовавшими правительственными органами и что онъ находилъ нужнымъ ввести болѣе строгій надзоръ и требовать болѣе точнаго выполненія приказаній. Правда, ему приходилось оперировать съ такимъ матеріаломъ, который былъ подъ руками, а что то былъ далеко не лучший матеріаль — это отлично понималъ самъ Діоклетіанъ. Во всякомъ случаѣ, благодаря единству администраціи, послѣднія различія между провинціями уничтожились. Что началъ Діоклетіанъ, то продолжалъ и закончилъ Константинъ.

Кажется, всѣ согласны въ томъ, что римская финансовая система въ общемъ была очень несовершенна и отяготительна, и мы не имѣемъ основаній предполагать въ Діоклетіанѣ высокую политико-экономическую проницательность, которою не обладали даже способнѣйшіе государи; къ тому же и современное состояніе великихъ европейскихъ государствъ показываетъ, какъ въ этихъ вещахъ самое основательное знаніе далеко отстоитъ отъ дѣйствительнаго уничтоженія зла. Однако, то, въ чемъ упрекаетъ Діоклетіана одинъ изъ самыхъ безпристрастныхъ критиковъ Аврелій Викторъ Старшій, скорѣе говоритъ въ его пользу. Въ одномъ, къ сожалѣнію, неясномъ и испорченномъ мѣстѣ, авторъ жалуется, что «одна часть Италіи» была привлечена къ платежу общихъ податей и налоговъ, которые «при тогдѣшней умѣренности» казались сносными, однако, въ теченіе IV вѣка привели къ разоренію страны. Каковы бы ни были эти подати, во всякомъ случаѣ было справедливо притянуть къ платежу Италію, съ тѣхъ поръ какъ она уже была не въ силахъ повелѣвать государствомъ и охранять его.— Для знакомства съ рим-

скимъ финансовымъ управленіемъ можно указать на спеціальныя изслѣдованія Гегевица, Ноде, Дюро Моммсена и др.; мы же коснемся здѣсь только одного пункта.

Въ различныхъ анналахъ подъ 302 годомъ находится слѣдующая замѣтка: «Тогда государи ввели дешевыя цѣны», т. е. Діоклетіанъ установилъ таксу на жизненные продукты. Съ современной точки зрѣнія назначеніе максимальныхъ цѣнъ строго осуждается; извѣстно, напр., изъ поучительнаго примѣра Національнаго Конвента, что введеніе этихъ цѣнъ было причиной многихъ жертвъ гильотины. Эта мѣра обыкновенно вызывается или крайнею безысходною нуждой, или же полнѣйшимъ непониманіемъ законовъ цѣнности и цѣны. И на этотъ разъ произошли тѣ же неминуемыя послѣдствія: товары стали прятать, и, несмотря на запрещеніе, цѣны на нихъ поднялись, а многочисленные продавцы подверглись смертной казни, пока, наконецъ, законъ не былъ отмѣненъ.

Объ этой мѣрѣ сохранились точныя свѣдѣнія въ знаменитой Стратоникейской надписи, въ которой приведенъ не только весь эдиктъ, но и нѣсколько сотенъ цѣнъ (нѣкоторыя неразборчивы и непонятны). Во вступленіи императоры высказываютъ приблизительно слѣдующее: цѣны товаровъ, которые продаются на рынкахъ или ежедневно привозятся въ города, превзошли всѣ границы, и ненасытное корыстолюбіе продавцовъ не умѣряется ничѣмъ — ни богатыми урожаями, ни избыткомъ товаровъ... Хищничество дѣйствуетъ всюду, гдѣ только ради общественнаго блага появляются наши войска, и не только въ деревняхъ и городахъ, но и на большихъ доро-

гахъ, такъ что цѣны на жизненные припасы не только возросли вчетверо и въ восьмеро, но просто превзошли всякую мѣру. Часто, чтобы купить какую-нибудь вещь, солдатъ долженъ отдать все свое жалованье и даже награды. Этой алчности мы положимъ предѣлъ своимъ закономъ. (При этомъ ослушникамъ грозятъ жестокими наказаніями).

И самое распоряженіе и мотивы его загадочны. Прежде всего представляется вѣроятнымъ, что шайка спекуляторовъ быстро возвысила цѣны на насущные предметы пропитанія, такъ что всѣ страдали отъ этого; но нужда, которую терпѣла армія, грозила привести къ серьезнымъ и тяжкимъ послѣдствіямъ. Государство, въ которомъ большая часть сборовъ получалась натурой, не могло въ случаѣ нужды немедленно доставить гарнизонамъ провіантъ на мѣсто. И такъ какъ, можетъ-быть, рѣшеніе нормировать цѣны было принято быстро и сгоряча, то правительственная опека была наложена на всѣ словія и на всѣ предметы торговли, чтобы такимъ образомъ оказать помощь и городскому населенію.

Самая таблица цѣнъ есть документъ первостепенной важности, такъ какъ она даетъ официальные цифры цѣнъ предметовъ и рабочей платы въ отношеніи ихъ другъ къ другу. Только очень трудно перевести тогдашнія цѣны на теперешнія. До сихъ поръ еще окончательно не согласились, какая денежная единица принята въ эдиктѣ, такъ какъ она обозначается просто звѣздочкой *: одни принимаютъ ее за тогдашній серебряный денарій (9 су), другіе же за мѣдный денарій ($\frac{1}{2}$ су); въ первомъ случаѣ выходятъ чудовищныя цѣны, во второмъ цѣны довольно близко подходятъ къ нашимъ и, конечно,

имѣють за собой гораздо большую вѣроятность, опять-таки если предполагаемыя мѣры и вѣсь правильно опредѣлены. Если дѣйствительно принять быть мѣдный денарій, то вычисленіе приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ: установленная рабочая плата является нѣсколько ниже средней рабочей платы во Франціи за прошедшіе 30 лѣтъ, принимая эту послѣднюю за 1 франкъ 25 сент.; земледѣлецъ-рабочій получалъ подневно 65 сантимовъ, каменщикъ, плотникъ, кузнецъ, пекарь, пережигальщикъ извести — по 1 фр. 25 сент.; погонщикъ муловъ, пастухъ, водонось, чистильщикъ клоакъ — харчи и отъ 50 до 65 сент.; изъ учителей собственно воспитатель получалъ за каждого воспитанника по 1 фр. 25 сент. въ мѣсяць, столько же и учителя чтенія и письма, а учителя ариѳметики и скорописи — по 1 фр. 90 сент., учителя греческаго языка и грамматики, латинскаго языка и учитель геометріи — по 5 франковъ. Пара башмаковъ стоила: для крестьянъ и пастуховъ — 3 фр. для солдатъ — 2 фр. 50 с., для патриціевъ — 3 фр. 75 с., для женщинъ — 1 фр. 50 с.; само собой разумѣется, что покрой и работа были неодинаковы. Цѣны мяса за римскій фунтъ въ 24 лота были слѣдующія: говядина и баранина около 28 сент., ягнятина и свинина около 35 с.; цѣны на колбасу и лакомства, очень обстоятельно обозначенныя, не будемъ приводить. Обыкновенное вино, считая секстарій за $\frac{1}{4}$ литра, стоило дешевле, чѣмъ теперь, именно — 20 с., хорошее старое вино 60 с., тонкія итальянскія вина, также сабинскія и фалернскія — по 75 с., пиво (*cervesia sami?*) — 10 сент., пониже сортъ (*zythum*) — 5 с. Мы удержали эти, можетъ-быть, нѣсколько пониженныя цѣны (вычисленныя Дюро де ла

Маллемъ), потому что онѣ удовлетворяютъ пока единственно возможной цѣли — выясненію пропорціональныхъ отношеній между цѣнами предметовъ. Къ сожалѣнію, между ними совершенно отсутствуетъ цѣна пшеницы, которая могла бы дать ключъ ко всему расчету. Несомнѣнно, что и въ самомъ эдиктѣ были взяты высокія цѣны, потому что назначеніемъ сразу низкихъ цѣнъ ничего нельзя было достигнуть, и насъ не должны вводить въ заблужденіе слова Идатіанскихъ лѣтописей: «Императоры приказали, чтобы были дешевыя цѣны».

Изо всей дѣятельности Діоклетіана это установленіе максимальныхъ цѣнъ заслуживаетъ самаго строгаго осужденія. Въ этомъ случаѣ абсолютная власть окончательно обманулась въ своихъ расчетахъ на всемогущество принудительныхъ мѣръ; но надо согласиться, что при этомъ были и добрыя намѣренія. Эти добрыя намѣренія выступаютъ очень ясно при введеніи новаго кадастра, который Діоклетіанъ велѣлъ произвести во всей имперіи въ послѣдній годъ царствованія. Несомнѣнно, на это указываютъ слова: «онъ приказалъ измѣрить землю и обложить ее податями»; но, очевидно, здѣсь дѣло шло не объ одномъ повышеніи, а и о болѣе равномерномъ распредѣленіи податей.

Вообще, подводя общій итогъ, надо согласиться, что царствованіе Діоклетіана было однимъ изъ самыхъ лучшихъ и благодѣтельныхъ для государства. Если мы отведемъ глаза отъ ужасной картины гоненій на христіанъ и отъ искаженій и преувеличеній Лактанція, то черты этого великаго государя принимаютъ совсѣмъ другой характеръ. Можетъ-быть, современникъ, посвятившій ему свое произведеніе,

покажется недостаточно надежнымъ свидѣтелемъ; но все-таки нельзя не обратить вниманія на то, что, по словамъ біографа Марка Аврелія въ *Historia Augusta*, этотъ благородный государь по привычкамъ, образу жизни и кротости характера былъ идеаломъ для Діоклетіана и занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ боговъ его домашняго культа. Выслушаемъ теперь свидѣтельство одного болѣе поздняго писателя. Аврелій Викторъ Старшій, котораго никакъ нельзя заподозрѣть въ пристрастіи къ Діоклетіану и который въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается Италіи, даже является его противникомъ, говоритъ слѣдующее: «Онъ назывался господиномъ, но обращался со всѣми какъ отецъ; этотъ умный человекъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ показать, что дѣло не въ названіяхъ, а въ поступкахъ». И потомъ дальше, послѣ перечисленія войнъ: «Утвержденіе мира было упрощено справедливыми законами; много было положено заботъ и усилій на снабженіе съѣстными припасами, на городъ Римъ, на улучшеніе быта чиновниковъ, и вообще стремленіе къ добру было усилено въ обществѣ, благодаря покровительству честнымъ людямъ и наказанію преступниковъ»... Наконецъ, по поводу отреченія Аврелій Викторъ говоритъ:

«При столкновеніи мнѣній нелегко понять существо дѣла; но, на нашъ взглядъ, нужна была очень высокая душа, чтобы презрѣть весь блескъ и удалиться въ частную жизнь».

И этотъ абсолютный государь, который долженъ былъ шагъ за шагомъ отвоевывать свои владѣнія отъ узурпаторовъ, былъ настолько великодушенъ, что уничтожилъ политическое шпіонство. Повидимому, онъ считалъ власть свою, благодаря раздѣле-

нію, настолько упрочившеюся, что она не нуждалась болѣе въ шпіонствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, роль фискаловъ была поручена особой корпораціи, которая могла быть даже опасна для государства; эта корпорація состояла изъ фрументаріевъ, которые вначалѣ снабжали армію провіантомъ, потомъ служили вѣстовыми и, наконецъ, исполнителями довольно сомнительныхъ порученій; они выродились въ особую шайку, которая путемъ ложныхъ обвиненій и угрозъ безсовѣстно обирала богатыхъ людей, особенно въ отдаленныхъ провинціяхъ. Больше намъ объ этомъ ничего не извѣстно, но легко представить себѣ это злоупотребленіе въ ужасающихъ краскахъ: кучка злоумышленниковъ, взаимно другъ друга поддерживающихъ и прикрывающихъ, притомъ находящихся подъ высочайшимъ покровительствомъ, прислушивается къ малѣйшему чувству подозрѣнія въ душѣ государя и пользуется этимъ — именно, — стращаетъ богатыя и знатныя фамиліи Галліи, Испаніи или Сиріи и вынуждаетъ ихъ откупаться крупными суммами, грозя въ противномъ случаѣ донести на нихъ, какъ на участниковъ небывалыхъ заговоровъ. Впослѣдствіи, со времени Константина, который, впрочемъ, ненавидѣлъ донощиковъ, это учрежденіе опять возродилось, только подъ другимъ именемъ: то были опять поставщики императорскаго двора, которые, подъ именемъ то «*agentes in rebus*», то «*veredarii*», исполняли свою постыдную роль.

Впрочемъ, деспотизмъ римскихъ императоровъ вообще не отличался тѣмъ докучливымъ вмѣшательствомъ во всѣ мелочи, регламентаціей всего и всѣхъ, особенно выслѣживаніемъ и навязываніемъ убѣжде-

ній, какъ современныя государства. Этотъ опороченный императорскій строй, который такъ мало обращалъ вниманія на жизнь отдѣльнаго лица, который взималъ такія высокія подати и такъ плохо заботился объ общественной безопасности, — тѣмъ не менѣе довольствовался выполненіемъ насущныхъ задачъ и вполнѣ предоставлялъ разѣ завоеванныя провинціи ихъ мѣстной жизни. Часто онъ оставлялъ безъ вмѣшательства такіе случаи, въ которыхъ можно было бы вмѣшаться. Это обнаруживается въ отношеніи государства не только къ различнымъ провинціямъ, но и къ различнымъ сословіямъ, которымъ оно позволяетъ и существовать и вновь возникать. Такъ, напр., образовался привилегированный классъ, свободный отъ податей, изъ сенаторскихъ семействъ, изъ назначенныхъ правительствомъ учителей и докторовъ и нѣкоторыхъ другихъ категорій, къ которымъ потомъ было причислено и христіанское духовенство. О какомъ-нибудь новомъ органическомъ переустройствѣ государства, конечно, не могло быть и рѣчи; самое большее, къ чему стремился даже такой государь, какъ Діоклетіанъ, было сохраненіе государства въ его предѣлахъ и введеніе большаго порядка внутри.

АДМИНИСТРАТИВНЫЯ РЕФОРМЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТЬ.

(Dury, Histoire des Romains, VI, 1883.)

Только въ миеѣ Минерва является во всеоружіи изъ головы Юпитера, но въ исторіи политическія событія готовятся медленною работою вѣковъ, и только такія перемѣны бывають прочны. Еще до Діоклетіана не разъ императоры чувствовали необходимость взять себѣ соправителя, раздѣлить страну на провинціи и ослабить преторьянцевъ; были среди императоровъ такіе, которые носили корону и позволяли называть себя государемъ и богомъ, а Калигула присвоилъ себѣ даже оба эти названія. На медаляхъ Августъ, Клавдій, Траянъ, Антонинъ Пій изображены въ сіяніи изъ лучей, подобно тому какъ впослѣдствіи изображалъ себя на монетахъ Константинъ. Народъ не возмущался; онъ отдавалъ божескія почести императору при жизни и воздвигалъ ему храмы послѣ смерти.

За полтора вѣка до Діоклетіана Адрианъ сдѣлалъ изъ своего *consilium*'а главный органъ управленія, Каракалла и Граціанъ уже отдѣлили гражданскія должности отъ военныхъ, не желая видѣть сенаторовъ служащими въ арміи. Должности *comites*, *correctores* и *duces* возникли въ очень давнія времена; еще въ III вѣкѣ существовали особыя начальники милиціи, а префектъ преторіи завѣдывалъ су-

домъ и финансамъ. Система дарованія земли солдатамъ подъ условіемъ военной службы была старымъ республиканскимъ обычаемъ (колони), который соблюдался еще Августомъ и, повидимому, при Александрѣ Северѣ былъ окончательно оформленъ; послѣдствіемъ этой системы явилась германизация пограничныхъ провинцій и арміи — два бѣдствія, которыя впослѣдствіи повели за собой гибель имперіи. Такъ, у Цезаря въ галльскихъ легіонахъ служили германцы, а, по словамъ Тацита, и при дворѣ первыхъ императоровъ и во вспомогательныхъ войскахъ было много варваровъ.

Пристрастіе къ титуламъ тоже было не ново въ Римѣ: еще Августъ установилъ строгую іерархическую классификацію. Съ первыхъ временъ имперіи стали величать сенаторовъ титуломъ *clarissimi*, всадниковъ — *illustres*; при Маркѣ Авреліи титулъ *eminentissimi* и *perfectissimi* давалъ привилегіи, распространяшіяся на три поколѣнія потомковъ. При Коммодѣ одинъ изъ прокураторовъ получилъ титулъ *egregius*; при Северѣ же уже всѣ прокураторы носили этотъ титулъ; съ III вѣка и даже раньше существовала своего рода наследственность для куріаловъ; такимъ образомъ, табель о рангахъ подготовлялась уже издавна.

Языкъ, нравы, потребности военной обороны — все это подготовляло и раздѣленіе римскаго государства на двѣ половины. Нѣсколько разъ уже были въ Азіи правители, надѣленные неограниченными полномочіями: Агриппа и Кай Цезарь при Августѣ; Германикъ при Тиверіи, Корбулонъ при Неронѣ; Маркъ Аврелій, Валеріанъ и Каръ даже передавали соправителю половину провинцій.

Прошло то время, когда римскіе сенаторы имѣли первенствующее значеніе, — всѣмъ заправляла теперь императорская канцелярія. Пробужденіе сената во время Гордіевъ и Проба было только послѣднею вспышкой угасавшей жизни; теперь все сосредоточивалось въ священномъ дворцѣ, отсюда исходила сила, способная привести въ движеніе громадный механизмъ. Въ то же время и въ промышленной сферѣ происходилъ глубокой переворотъ, благодаря ремесленнымъ корпораціямъ и земледѣльческому колонату.

Такимъ образомъ, Діоклетіанъ не возвелъ совершенно новаго политическаго и общественнаго зданія; въ сущности, онъ только завершилъ великую административную реформу. Но вѣшніе признаки республики, такъ тщательно охранявшіеся Августомъ и поддерживавшіеся его преемниками и даже Каромъ, исчезли теперь окончательно; властелинъ не прикрывался ничѣмъ, и самодержавная республика Августа облеклась въ свою послѣднюю форму — форму восточной монархіи.

Было уже сказано о самомъ важномъ изъ мѣропріятій Діоклетіана — объ учрежденіи тетрархіи. Предупредить возстанія, обезпечивъ правильный порядокъ престолонаслѣдія въ имперіи, устранить интриги честолюбцевъ и бунты солдатъ, раздѣливши начальствованіе надъ войскомъ, армію и общественную казну — таковъ былъ планъ Діоклетіана. Для практическаго осуществленія этого плана онъ рѣшилъ раздѣлить имперію на двѣ равныя части, дать ей двухъ августовъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ имѣть первенство надъ другимъ, — и двухъ цезарей, которые должны были быть помощниками

и вмѣстѣ необходимыми преемниками августовъ. Эта форма правленія въ значительной степени была нововведеніемъ, потому что Діоклетіанъ сообщалъ силу закона тому, что до него было только случайностью, и еще потому, что вмѣсто государей, царствовавшихъ вмѣстѣ въ Римѣ, гдѣ предѣлы ихъ власти не были разграничены, теперь каждый августъ и цезарь могли самостоятельно управлять своею частью и отражать набѣги варваровъ.

Послѣ раздѣла имперіи и власти слѣдоваль раздѣлъ провинцій. Республика почти не измѣняла границъ завоеванныхъ племенъ. Ея владѣнія были раздѣлены только на четырнадцать частей; при вступленіи же на престолъ Адріана число провинцій дошло уже до сорока-пяти. Этотъ приростъ произошелъ на счетъ завоеваній Августа, Клавдія и Траяна, но главнымъ образомъ вслѣдствіе раздробленія прежнихъ провинцій. Со времени Веспасіана императоры начали сознавать, что управление обширными областями, равными цѣлому государству, порождаетъ въ правителяхъ честолюбивые и опасные замыслы. Діоклетіанъ яснае, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, понималъ эту опасность, и, подобно тому, какъ въ цѣляхъ военной защиты онъ раздѣлилъ имперію на двѣ части, такъ въ цѣляхъ административныхъ — онъ ввелъ болѣе мелкія дѣленія въ провинціяхъ. При его вступленіи на престолъ было пятьдесятъ-семь провинцій; въ его царствованіе насчитываемъ уже девяносто-шесть, образующихъ тридцать-семь новыхъ округовъ, и эта послѣдняя цифра оправдываетъ слова Лактанція: *provinciae in frusta concisae* (провинціи разорванныя на клочки), но не оправдываетъ ихъ враждеб-

наго тона, такъ какъ мѣра эта была превосходна. Диоклетіанъ сгруппировалъ эти девяносто-шесть провинцій въ двѣнадцать областей, управляемыхъ намѣстниками, на которыхъ лежала обязанность наблюдать за должностными лицами (консуларами, корректорами, президентами или судьями), посылаемыми въ провинціи. Двѣ-три провинціи, благодаря своему славному прошлому, — Киреагепская Африка, Греція и Азія — управлялись проконсулами, которые отдавали отчетъ непосредственно самому императору. Итакъ, во главѣ правленія стояли августы, ниже цезари, еще ниже областные намѣстники и за ними окружные начальники (президенты). Эта политическая постройка, въ которой верхніе слои всею тяжестью давили на нижніе, казалось, лучше всего могла противостоять внѣшнимъ нападеніямъ и въ то же время подавлять внутреннія волненія. Для большей безопасности военная власть была строго отдѣлена отъ гражданской; губернаторы провинцій, которыхъ повышали по мѣрѣ заслугъ, сосредоточивали въ своихъ рукахъ только судебныя и административныя обязанности.

Въ прежнее время провинціи были распределены между сенатомъ и императоромъ. По новой организаціи всѣ провинціи зависѣли отъ императора. кромѣ того, территорія ихъ стала меньше, наблюденіе губернаторовъ дѣйствительнѣе, правосудіе быстрѣе, такъ какъ дѣла разсматривались внимательнѣе и приговоры постановлялись скорѣе. Строгія правила устанавливали отвѣтственность чиновниковъ. «Онъ связалъ ихъ,» — говоритъ Аврелій Викторъ, — «самыми точными законами».

Изъ надписи Целія Сатурнина, относящейся ко

временамъ Діоклетіана, мы узнаемъ, что все еще продолжалъ держаться старый, чисто римскій обычай — перемѣщать чиновниковъ съ одной должности на другую и оставлять въ каждой лишь на короткое время. Сатурнинъ перемѣнилъ двадцать мѣствъ, начиная съ повѣреннаго государственнаго казначейства и кончая префектомъ преторіа; всѣ должности были гражданскія. Изъ этого видно, что порядокъ службы («*militiae squestres*»), введенный Августомъ и исполнявшійся при Северѣ и Гордіанахъ, уже не соблюдался. Неограниченные государи любятъ брать себѣ слугъ всюду, даже изъ самыхъ низшихъ сферъ. Этого рода чиновники, не имѣвшіе за собой знатности происхожденія, взамѣнъ того дорожили громкими титулами: даже самыя скромныя придворныя должности получали священное значеніе, *Stipendia cognitionum sacrarum aut palatii magisteria*. Отдѣленіе гражданской службы отъ военной, начатое очень давно, такъ строго соблюдалось при Діоклетіанѣ, что запрещеніе служигъ въ арміи, сначала относившееся къ членамъ самыхъ знатныхъ фамилій, потомъ было распространено и на городскую аристократію. Онъ запретилъ вступленіе въ легіоны декуріонамъ и ихъ сыновьямъ и всѣмъ тѣмъ, которые, благодаря своему богатству, могли быть привлечены къ общественнымъ должностямъ. Войска набирались даже среди варваровъ; такимъ образомъ народъ, прославившійся главнымъ образомъ своими военными подвигами, утрачивалъ мало-по-малу военный духъ.

Позднѣе мы укажемъ на то, что называлось «священною іерархіей», но теперь надо сказать нѣсколько словъ о важномъ нововведеніи: объ устройствѣ

азиатской придворной обстановки, загроздившей то жилище, которое Нерва и Траянъ называли «общественнымъ дворцомъ». Діоклетіану нравился востокъ, его царскіе обычаи, и онъ перенялъ оттуда пышный придворный церемоніаль. Шелковыми и парчевыми одеждами замѣнилъ онъ военную тунику, на которую его предшественники набрасывали только пурпурный плащъ; на лобъ онъ надѣлъ царскую повязку, которую уже носилъ Авреліанъ, а красные сапоги украсилъ драгоценными каменьями. Въмѣсто императора, къ которому свободно подходили всѣ — и солдаты и граждане, теперь появился какой-то царь-богъ, окруженный таинственностью, скрывающийся въ глубинѣ дворца, гдѣ всѣ входы и выходы охраняются цѣлою арміей евнуховъ и офицеровъ. Того, кому *magister officiorum* разрѣшалъ императорскую аудіенцію, велъ церемоніймейстеръ, вводили его особы *admissionales invitatores*. Какъ только онъ переступалъ порогъ двери, охраняемой тридцатью силенціаріями, онъ падалъ ницъ и преклонялся передъ «священнымъ ликомъ» императора, едва осмѣливаясь поднять глаза на его грозный и неподвижный образъ. Даже тѣ, которые по своему рангу имѣли «доступъ» къ императору, подчинены были этому рабскому церемоніалу. Все приобрѣло священный характеръ — дворецъ государя, такъ же, какъ его личность, слова и поступки. Никогда на западѣ человѣкъ не присвоивалъ себѣ въ такой степени правъ божества.

Однако, не изъ пустого тщеславія Діоклетіанъ такъ выдѣлилъ себя изъ круга общей жизни и обрекъ на чванливую скуку. Человѣкъ, который сказалъ, что самый лучший государь, самый мудрый и

осторожный, всегда рискуетъ быть проданнымъ своими придворными, не могъ не понимать пользы свободнаго общенія между правителемъ и подданными; но онъ думалъ, что въ государствѣ будетъ менѣе волненія, если будетъ болѣе уваженія къ государю; что личность императора, задернутая туманомъ, будетъ внушать больше страху, что раболѣпныя слова и положенія должны создать, ради общественнаго спокойствія, рабство умовъ; наконецъ, онъ думалъ, что покорности скорѣе можно добиться при торжественности этикета и суровомъ формализмѣ власти. Это было вѣрнымъ расчетомъ по отношенію къ древнимъ династіямъ, и безъ того пользовавшимся всеобщимъ почитаніемъ, также по отношенію къ духовенству, къ которому относятся съ благоговѣніемъ, какъ къ представителю божественной воли; но этотъ расчетъ былъ ошибочнымъ въ рукахъ тѣхъ, которые думали, что офиціальнѣйшій этикетъ дастъ имъ силу самъ по себѣ, независимо отъ исторической традиціи. У Діоклетіана, вышедшаго изъ низшихъ слоевъ и поднявшагося на такую высоту, было достаточно опытности, чтобы знать, чего стоитъ это наружное уваженіе, какимъ обремененіемъ для казны будетъ этотъ пышный дворъ и заведенные по этому образцу дворы второго августа и обоихъ цезарей, и какое деморализующее вліяніе будетъ имѣть этотъ дворъ на изнѣженное населеніе какъ разъ въ то время, когда требовалось большое напряженіе силъ. Но подобострастіе азіатскихъ народовъ и его собственной разлагавшейся имперіи заставляло Діоклетіана вѣрить въ могущество внѣшней пышности.

Діоклетіанъ упразднилъ фикцію передачи власти народомъ императору. Онъ не хотѣлъ ничего при-

нимать отъ прежнихъ властей: граждавъ, сената и арміи; изъ власти, переданной ему полководцами, онъ создалъ родъ священнаго права, которое свободно передавалъ своему соправителю и преемникамъ, выбраннымъ имъ самимъ. Такимъ образомъ, верховная власть еще разъ перемѣстилась; изъ форума и куріи она перешла сначала въ лагерь, теперь она сосредоточилась во дворцѣ. Дворъ Діоклетіана ввелъ въ западный міръ такіе обычаи, которые затѣмъ были унаслѣдованы нѣкоторыми европейскими государствами. Онъ создалъ ту искусственную среду, гдѣ умъ изощрается и утончается, гдѣ вѣжливость и изящество придаютъ обществу прекрасную внѣшность, но гдѣ слишкомъ часто развращаются нравы, мельчаютъ характеры, гдѣ вся жизнь состоитъ изъ лести, тайной измѣны и попрошайничества. При Діоклетіанѣ ни одно изъ этихъ золь еще не выступаетъ, такъ какъ онъ внушалъ своимъ придворнымъ, на ряду съ уваженіемъ къ себѣ, и уваженіе къ закону; но послѣ него раскроются тѣ «кровавыя пасти», которымъ Константинъ позволитъ пожирать свой народъ, и великолѣпіе Константинополя разоритъ всѣ финансы государства, какъ позднѣе безумная роскошь нашей старой монархіи поглотила всѣ доходы Франціи.

Вытѣсняемые нововведеніями, древніе обычаи постепенно вымирали. Римъ утрачивалъ значеніе всемірной столицы; ничего новаго не притекало въ него, а старое мало-по-малу уплывало: и важныя государственныя дѣла, и шумная безшабашная жизнь, и бунты солдатъ, и дворцовыя интриги. Внѣшняя сценическая обстановка еще сохранялась въ Римѣ въ томъ самомъ видѣ, какъ создалъ ее

Августъ. Если не видно было болѣе императоровъ на Палатинѣ, то консулы и преторы продолжали возсѣдать въ своихъ курульныхъ креслахъ, а сенаторы — облекаться въ латиклаву: это было настоящее собраніе мертвецовъ въ городѣ, который получалъ теперь новое назначеніе — назначеніе всемірнаго музея.

Восточнымъ монархамъ было не мѣсто въ столицѣ, полной воспоминаній о сенаторской республикѣ и демократическомъ правленіи. Свобода слова, привычка къ простому обращенію съ государемъ — все это еще сохранялось въ народѣ и было бы серіознымъ нарушеніемъ новаго придворнаго этикета. Во время миланскаго сѣзда «Римъ — какъ выразился съ обычнымъ ему злоязычіемъ панегиристъ — Римъ съ высоты своихъ холмовъ старался хотъ издали увидать своихъ императоровъ». Но такъ никого и не дождался: августы заняты были государственными дѣлами и, съ полнымъ пренебреженіемъ къ Риму, прямо изъ Милана вернулись на защиту границъ.

Диоклетіанъ получилъ свою власть въ Никоидіи изъ рукъ собратьевъ по оружію и сохранилъ ее, не испросивъ санкціи у сената. Онъ безпрестанно издавалъ новые законы: до насъ дошло тысяча-двѣсти его рескриптовъ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ составленъ сенатомъ, который до тѣхъ поръ былъ верховнымъ правительственнымъ учрежденіемъ. Точно такъ же прежде сенатъ обыкновенно назначалъ консуловъ: хотя это было пустою формальностью, тѣмъ не менѣе и она служила удовлетвореніемъ скромнаго честолюбія сенаторовъ. Диоклетіанъ сталъ назначать консуловъ единолично. Сорвать такимъ образомъ завѣсу, маскировавшую ничтожество власти

сената, было публичнымъ оскорбленіемъ для послѣдняго; сенатъ ощутилъ законное раздраженіе; у сенаторовъ вырвались неосторожныя слова, можетъ-быть, были заговоры и, несомнѣнно, были казни. По Диоклетіанъ не сдѣлалъ чести старцамъ, не занялся самъ разборомъ ихъ притязаній: наказать ихъ онъ поручилъ Максиміану, которому вполне подходило подобное дѣло.

Префектъ преторія, человекъ, который прежде носилъ названіе «шпаги государя», продолжалъ считаться важнымъ лицомъ, но пересталъ быть опаснымъ. Его военная власть была сведена къ минимуму, благодаря сформированію четырехъ отдѣльныхъ армій, также благодаря назначенію постоянныхъ, а не временныхъ начальниковъ милиціи, которые сосредоточили въ своихъ рукахъ всю военную власть, предоставивъ ему только заботы о провіантѣ и жалованьи; наконецъ, на уменьшеніе его власти повліяло и упраздненіе фрументаріевъ, которые находились въ его вѣдѣніи и отдавали въ его распоряженіе имущество и даже жизнь всѣхъ самыхъ именитыхъ гражданъ провинціи. Въ имперіи, вообще, неохотно умножали персоналъ чиновниковъ, а между тѣмъ, для хода государственной машины необходимъ былъ большой штатъ служащихъ, особенно для полиціи, которая неизбежна въ каждой цивилизованной странѣ, а главнымъ образомъ, въ монархической. Для этой цѣли пользовались войскомъ. Съ первыхъ же дней имперіи на офицеровъ возложено было охраненіе римскихъ государственныхъ интересовъ въ вольныхъ городахъ, какъ, на примѣръ, въ Византіи, или же среди мятежныхъ союзниковъ, какъ батавы и мавры; позднѣе изъ арміи же набирались солдаты

п центурионы на должность фрументаріевъ; предварительно ихъ посылали въ Римъ къ префекту преторіа «на содержаніе» (отсюда ихъ названіе frumentarii). Послѣ того, какъ они выучивались новому ремеслу, ихъ отправляли въ провинціи для того, чтобы они собирали разныя свѣдѣнія на мѣстѣ, подглядывали и подслушивали и затѣмъ доносили властямъ *). Своими отчетами фрументаріи нерѣдко навлекали обвиненія даже на намѣстниковъ провинцій. Этимъ объясняется ихъ дурная слава и та общая радость, какую вызвало ихъ упраздненіе. При новой административной организаціи Діоклетіанъ не нуждался болѣе въ этой громадной сѣти шпионовъ, которые были такимъ грознымъ оружіемъ въ рукахъ префекта преторіи. Онъ придавалъ большое значеніе тому, что всякій могъ рассчитывать на правосудіе самого императора, и въ рескриптѣ подъ заглавіемъ: «*O тѣхъ, которые изъ боязни судьи не апеллируютъ*», онъ говоритъ: «Если ты не опротестовалъ приговора, произнесеннаго противъ тебя, значитъ, ты его принялъ, такъ какъ тебѣ нечего бояться нашего священнаго суда».

Что касается преторьянцевъ, число ихъ мало-помалу уменьшалось, благодаря постоянному переводу недовольныхъ въ легіоны, и высококомѣрная гвардія, которая столько разъ возводила и низлагала императоровъ, сошла со сцены безъ сопротивленія, спустившись на положеніе городской полиціи, точно такъ же, какъ и сенатъ, управлявшій нѣкогда цѣлымъ міромъ, былъ обращенъ въ простой муниципальный совѣтъ города Рима: двѣ силы, такъ долго враждовавшія

*) М. Л. Ренъ объявилъ такимъ образомъ роль фрументаріевъ, вопреки прежде принятому мнѣнію, что это были офицеры, обязанные слѣдить за снабженіемъ войска провіантомъ.

между собой, теперь умирали вмѣстѣ. Наличный составъ городскихъ когортъ, находившихся въ распоряженіи городского префекта, былъ также сокращенъ.

Вмѣсто преторьянцевъ, августы окружили себя двумя легіонами, набранными въ иллирійскихъ провинціяхъ. Солдаты носили имена императоровъ: Iovii и Herculii, и, гордясь тѣмъ, что они имѣли начальниками соотечественниковъ, питали къ нимъ полнѣйшую преданность.

Далмать, такъ мало заботившійся о народѣ, за которымъ другіе императоры ухаживали, тѣмъ не менѣе изъ тщеславія захотѣлъ оставить римлянамъ памятникъ и съ презрительною щедростью выбросилъ огромную сумму денегъ, чтобы построить на Виминалѣ термы обширнѣе термы Тита и Каракаллы.

Римъ сталъ обыкновеннымъ городомъ, а Италия — простою провинціей. До сихъ поръ на ней лежала обязанность снабжать необходимымъ провіантомъ дворецъ и солдатъ, стоявшихъ въ столицѣ или на полуостровѣ, Italia annonaria. Диоклетіанъ же обложилъ ее земельнымъ налогомъ, котораго она не платила со временъ Августа; этимъ способомъ онъ скорѣе хотѣлъ уничтожить привилегію, оскорбительную для другихъ частей имперіи, чѣмъ извлечь матеріальную выгоду, такъ какъ обложеніе въ первое время было очень умѣренное. Римскій подгородный округъ въ 148 километровъ, urbs et ager romae, остался освобожденнымъ отъ натуральныхъ повинностей, которыя должна была платить Italia annonaria

Consilium, уже преобразованный Адрианомъ, превратился въ священную коллегію, нѣчто въ родѣ государственнаго совѣта, въ составъ котораго вошли всѣ первостепенныя лица въ государствѣ и который

занялъ мѣсто прежняго сената. Тутъ, въ присутствіи императора, разбирались дѣла, переданныя туда имъ самимъ; императоръ присутствовалъ также на судебныхъ разбирательствахъ, и часть членовъ совѣта, а иногда весь совѣтъ полностью сопровождали императора въ его путешествіяхъ въ Никомидію, Антиохію и Сирміумъ. Наконецъ, мы видѣли уже, что Діоклетіанъ произвелъ реформу въ вѣдомствѣ государственной полиціи.

Судебныя учрежденія республики, сохраненныя Августомъ, не подходили къ новой государственной организаціи. Прежде судья принималъ участіе въ процессѣ только черезъ *judicis datio*; теперь же онъ долженъ былъ принимать непосредственное участіе во всемъ разбирательствѣ; такъ какъ судьи стали государственными чиновниками и уполномоченными императора, то государь могъ пересматривать ихъ рѣшенія самъ или же черезъ посредство делегатовъ (*vice sacra*) *judicantes*: послѣдніе отъ его имени производили второй пересмотръ дѣла, и уже послѣ этого государь принималъ или измѣнялъ ихъ рѣшеніе. Такимъ образомъ, весь судъ, какъ гражданскій, такъ и уголовный, былъ въ рукахъ императора. Другое послѣдствіе этого новаго устройства: когда появится взяточничество въ Византійской имперіи, то, какъ администрація, такъ и судъ одинаково опозорятъ себя этимъ порокомъ, ибо оба вѣдомства смѣшаны вмѣстѣ.

По муниципальному закону Цезаря, въ Италиіи должна была производиться перепись каждые пять лѣтъ. Такъ какъ въ примѣненіи ко всей имперіи эта операція была труднымъ и сложнымъ дѣломъ, то, со временъ Ульпіана, она совершалась только разъ въ десять лѣтъ. Изъ подробнаго описанія переписи,

составленнаго Ульпіаномъ, мы можемъ видѣть, съ какою мелочною точностью римляне старались равномерно распредѣлить налоги. По истеченіи десятилѣтняго срока дѣлалась новая переоцѣнка земель, по указанію владѣльцевъ, провѣряемому цензиторомъ. Объ этой ревизіи земель Лактанцій говоритъ въ такихъ смутныхъ выраженіяхъ, что вводитъ въ заблужденіе послѣдующихъ писателей: они думали, что онъ говоритъ о раскрытіи какихъ-то незаконныхъ поборовъ, введенныхъ Діоклетіаномъ и продолженныхъ Галеріемъ, между тѣмъ, эта мѣра была однимъ изъ древнѣйшихъ обычаевъ императорской администраціи. Діоклетіанъ, увеличившій штатъ чиновниковъ и устроившій на всѣхъ границахъ оборонительныя укрѣпленія, для покрытія расходовъ долженъ былъ создать новые источники доходовъ. Прежде всего, конечно, налоги были увеличены; можетъ-быть, ему принадлежитъ распространеніе на всѣ предметы $12\frac{1}{2}$ процентнаго сбора, прежде взимавшагося только съ предметовъ роскоши, и хотя онъ уничтожилъ двадцатую часть сбора при наслѣдованіи и отпущеніи на волю (по крайней мѣрѣ, послѣ него объ этихъ налогахъ не упоминается), но зато онъ же увеличилъ процентъ обложенія торговли, и объ этомъ налогѣ впоследствии отзывались какъ объ очень тяжеломъ. Однако, возстановленіе порядка и обезпеченіе условій труда дѣлали нечувствительнымъ это отягощеніе податями; по словамъ Аврелія Виктора общественныя тягости при Діоклетіанѣ переносились легко.

Одинъ недавно найденный документъ приписываетъ этому государю любопытное упрощеніе въ финансовой системѣ *).

*) «Syrisches Rechtsbuch», изданная Бруномъ въ 1880 г.

Подобно Августу, онъ раздѣлилъ всю землю на нѣсколько категорій—виноградники, оливковыя плантаціи (два разряда), хлѣбныя поля (три разряда) и луга, — которые облагались сообразно ожидаемому доходу. Чтобы облегчить сборъ податей, онъ учредилъ податную единицу, *jugum* или *сарут*; эта единица обнимала собой земли различнаго качества и разной величины, но представлявшія въ общемъ одинаковую цѣнность — въ 100.000 сестерцій или 1000 *aurei* (15.000 франковъ?), и обложенныя одинаковою пошлиной. Такъ, 5 югеровъ виноградниковъ или 20 югеровъ пахотной земли перваго разряда — составляли одинъ *сарут*. Нужно было 40 югеровъ пахотной земли втораго разряда или 60 — третьяго, 225 оливокъ, дающихъ полный сборъ, или 450 горныхъ оливокъ, *in monte*, чтобы составить одну податную единицу. Итакъ мы видимъ, что *jugum* или *сарут* была единица фискальная, а не землемѣрная. Каждый финансовый округъ заключалъ въ себѣ известное число такихъ единицъ; и по этому числу опредѣлялась общая сумма налога, выплачиваемая округомъ. Сообразно своимъ нуждамъ, государство повышало или понижало сумму налога, *indicebat*, откуда слово *indictio*. Если правительство соглашалось облегчить плательщика-землевладѣльца или цѣлый городъ, оно убавляло число *сарита*, записанное за этимъ городомъ или лицомъ въ податныхъ спискахъ. Этимъ объясняется слѣдующая просьба поэта: «Смотри на меня какъ на Геріона; налогъ, это — чудовище; чтобы я могъ жить, отруби у меня три головы».

Цифра налога, назначеннаго государствомъ на известный финансовый округъ, сообщалась городскимъ декуріонамъ, которые раскладывали ее между

отдѣльными *possessores*, производили взысканіе и выплачивали агентамъ государственной казны. Въ случаѣ недоимокъ, недостающая сумма взыскивалась съ декуріоновъ, такимъ образомъ, они были отвѣтственные за правильное поступленіе налога. Конечно, граждане всегда несутъ отвѣтственность за недоборы, такъ какъ дефициты бюджета могутъ быть пополнены только ими. Но въ современныхъ государствахъ вся масса плательщиковъ доплачиваетъ сборъ, между тѣмъ въ Римской имперіи это возлагалось на особый классъ, который и погибъ подъ тяжестью этой отвѣтственности.

Не смотря на всѣ эти предосторожности, поступленія не всегда происходили правильно, такъ какъ римляне получали главный доходъ съ владѣній, а земли были чрезчуръ тяжело обложены. Поэтому-то *possessores* оказывались часто несостоятельными, куриалы — разорялись, собственники, чтобы продать выгоднѣе свои земли, удерживали за собой всѣ числившіяся за ними недоимки и ничего не платили: это была чистая потеря для казны, такъ какъ у такихъ собственниковъ, продавшихъ землю, не съ чего было взыскивать долгъ казнѣ. Такъ накаплились недоимки, *religua*, покрытія которыхъ обыкновенно требовалъ повѣренный государственнаго казначейства, по доносу *delator*'а, котораго усердіе поощрялось преміей въ размѣрѣ четвертой части возвращенныхъ суммъ, *quadruplator*. Время отъ времени изъ политики государя отказывались отъ этихъ недоимокъ. Такъ поступали Домиціанъ, Траянъ, Адрианъ, Антонинъ, Маркъ Аврелій, Авреліанъ; то же сдѣлалъ и Константинъ. Источники ничего не говорятъ о томъ, чтобы Діоклетіанъ принялъ подобную мѣру; долгъ,

прощенный Константиномъ въ 310 году, относится къ недоимкамъ только за предыдущіе пять лѣтъ, изъ чего можно заключить, что его великій предшественникъ подобныхъ долговъ не оставилъ.

Диоклетіанъ утвердилъ всѣ привилегіи, еще ранѣе признанныя за декуріонами, и провозгласилъ неприкосновенность муниципальных распорядковъ, которыхъ не могли отмѣнять намѣстники; онъ освободилъ отъ земельного налога городскихъ ремесленниковъ, *plebs urbana*, имѣвшихъ небольшую собственность въ поляхъ. Но, подобно своимъ предшественникамъ, онъ заботился о правильномъ отправленіи городскихъ должностей и строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы *possesses* не уклонялись отъ общественныхъ обязанностей, хотя и ограничилъ обязательность этихъ *munera personalia* возрастомъ 55 лѣтъ. Если онъ не освободилъ отъ податей сельское населеніе, то только потому, что этою милостью воспользовались бы только крупные землевладѣльцы, отвѣчавшіе передъ казной за своихъ колоновъ. Итакъ, на крестьянахъ лежали подати, аннона, разныя повинности и поставки *extra ordinem*; но постановленіе «*Ne rusticani ad ullum obsequium devocentur*» обезпечивало ихъ отъ всякихъ иныхъ налоговъ и оброковъ, и когда города хотѣли перевести на деревни чрезвычайные налоги, подъ тѣмъ предлогомъ, что это налоги *extra ordinem*, то Диоклетіанъ рѣшительно постановилъ, что всѣ чрезвычайные налоги должны уплачиваться *possessores*. Наконецъ, другимъ постановленіемъ онъ объявилъ, что колонъ, исполнившій всѣ обязательства своего контракта, не отвѣтственъ за долги того, чью землю онъ обрабатывалъ. Такъ образуется новый общественный классъ — колоновъ; кромѣ того

появляется новое дѣленіе между жителями имперіи: *urbani*, освобожденные отъ подати, и *rusticani*, обложенные податью. Это раздѣленіе возвѣщаетъ приближеніе среднихъ вѣковъ, т.-е. времени общественнаго неравенства и нищеты сельскаго населенія.

Освобождая отъ подати *plebs urbana*, Діоклетіанъ оказывалъ покровительство мелкимъ ремесленникамъ. Онъ пытался притти на помощь торговлѣ еще двумя способами, однимъ прекраснымъ, другимъ — совсѣмъ негоднымъ, именно: монетною реформой, которую завершилъ Константинъ, и установленіемъ максимальныхъ цѣнъ на сѣстные припасы. Хорошо извѣстно то зло, которое было причинено монетнымъ кризисомъ во второй половинѣ III вѣка. Исходя изъ той мысли, что кусочку металла можно придать какую угодно цѣнность — стоитъ лишь выгравировать на немъ имя императора, стали пускать въ оборотъ золотыя и серебряныя монеты, въ которыхъ на самомъ дѣлѣ не было ни золота, ни серебра. Когда купцу въ обмѣнъ на его сѣстные припасы предлагали слитокъ мѣди, покрытый листкомъ жести, очень понятно, что купецъ требовалъ за свой товаръ много подобныхъ слитковъ, какую бы цѣнность имъ ни придавала общественная власть. Итакъ отъ порчи монеты произошла дороговизна, и все государство было потрясено, благодаря этому ложному экономическому принципу. Діоклетіанъ хорошо понималъ причину зла, но онъ думалъ устранить его силою власти. «Всеякому извѣстно, — говоритъ онъ въ предисловіи къ своему эдикту, — что цѣны на предметы торговли и сѣстные припасы достигли чудовищныхъ размѣровъ, въ четыре и въ восемь разъ выше ихъ дѣйствительной стоимости, такъ что, бла-

годаря алчности барышниковъ, снабженіе провіантомъ нашихъ войскъ стало невозможно. Поэтому, мы разрѣшили назначить не цѣны на съѣстные припасы, что было бы несправедливо, но *maximum*, который нельзя превысить».

Такъ, Діоклетіанъ совершилъ экономическую ошибку, за которую, однако, мы не имѣемъ права упрекать его слишкомъ строго, ибо чрезъ пятнадцать столѣтій члены нашего Конвента тоже ввели законъ о *maximum'ѣ*. Послѣдствія ему доказали, что ничья воля въ данномъ случаѣ не можетъ противостоятъ силѣ вещей. Купцы, принужденные продавать свой товаръ ниже собственной цѣны, прятали его; дороговизна возрастала; вспыхнули бунты съ пролиетіемъ крови, — и законъ пришлось отмѣнить.

Но чего не могъ достигъ эдиктъ сплюю приказа, то произвела мало-по-малу монетная реформа, проведенная между 296 и 301 годами. Съ наступленіемъ мира, а слѣдовательно и возобновленіемъ правильныхъ работъ, въ монетныхъ мастерскихъ оказался большой наплывъ металловъ, изъ которыхъ можно было производить чеканку. Діоклетіанъ велѣлъ выбить *argentei*, которыхъ изъ фунта выходило 96 и которые въ отдѣльности вѣсили въ среднемъ по 3 gr. 40; потомъ *aurei*, 60 на фунтъ, вѣсившихъ, слѣдовательно, по 5 gr. 42, что даетъ имъ цѣнность въ 17 фр. 78 сант., и наконецъ, мѣдные *denarii* или *follis*, равняющіеся 288-й части *aureus'a*, или 6,2 сант. Послѣдняя цифра, къ сожалѣнію, сомнительна. Что касается дѣйствія, произведеннаго монетною реформой, оно было очевидно: по мѣрѣ того, какъ въ оборотъ появлялась доброкачественная монета, дороговизна уменьшалась.

Мы уже говорили о законодательной дѣятельности Діоклетіана. Кодексъ сохранилъ намъ тысячу двѣсти его рескриптовъ. По большей части это административныя распоряженія, назначенныя для того, чтобы урегулировать движеніе громадной машины, которую онъ пустилъ въ ходъ. Тѣ изъ законовъ, которые относятся къ гражданскому праву, въ большинствѣ случаевъ являются повтореніемъ прежнихъ узаконеній; но вспомнить хорошія старыя постановленія и сообщить имъ силу закона — уже составляетъ большую заслугу. Эти акты проникнуты возвышенными чувствами и духомъ справедливости, которыми отличались рѣшенія Антониновъ. Такъ, онъ не можетъ допустить, чтобы сынъ отказывался въ пропитанія своимъ родителямъ, чтобы сынъ призывался въ свидѣтели противъ своего отца, рабъ противъ господина, братъ противъ брата и питомецъ противъ своего воспитателя. Одинъ отецъ жаловался на козни, которыя ему устраиваетъ сынъ. «Ты имѣешь право — отвѣчаетъ ему Діоклетіанъ, — обратиться къ суду, если тебя не сдерживаютъ чувства, которыя ты обязанъ питать къ своему сыну-; и въ то же время онъ объявляетъ, что сынъ не можетъ быть проданъ, ни отданъ въ залогъ своимъ отцомъ.

Далѣе онъ напоминаетъ, что никто не долженъ брать на себя обязательствъ за другихъ, никто не обязанъ платить долговъ, которыхъ не дѣлалъ, отвѣчать за проступки, которыхъ не совершалъ; онъ обязываетъ судей разъяснять законы тяжущимся, даже подсказывать имъ болѣе сильныя аргументы, *si quid minus fnerit dictum*.

Подобно Ульпіану, онъ не одобрялъ пытокъ и требовалъ, чтобы судьи прибѣгали къ нимъ только

въ крайнихъ случаяхъ, испробовавъ предварительно всѣ возможные способы для открытія истины. Математическія вычисленія въ примѣненіи къ астрологій онъ считалъ предосудительнымъ занятіемъ, но математиковъ-геометровъ считалъ полезными слугами государства. Справедливость его была одинакова для всѣхъ; онъ отвергалъ просьбы, обращенныя къ его верховной власти съ цѣлью избавиться отъ законныхъ обязательствъ. «Не въ моихъ правилахъ,— пишетъ онъ,— даровать однимъ преимущества, которыя могутъ послужить въ ущербъ другимъ». Или еще: «Императорскій рескриптъ не можетъ отмѣнить того, что совершено по закону».

При этомъ государѣ, проведеншемъ всю жизнь въ лагерѣ, солдатъ не смѣлъ поднять головы и возвысить голоса. Въ отвѣтъ на какія-нибудь корыстныя просьбы, Діоклетіанъ отвѣчалъ: «Это не соответствуетъ военной суровости». Солдаты хотѣли удерживать на положеніи рабовъ гражданъ, попавшихъ въ руки непріятели и освобожденныхъ имп. «Плѣнные,— пишетъ Діоклетіанъ,— должны вступить въ свои прежнія права, ибо они только возвращены, но не взяты въ плѣнъ; наши солдаты не господа имъ, а защитники ихъ».

Всѣ предисловія къ его эдиктамъ заключаютъ въ себѣ какое-нибудь моральное наставленіе. Въ одномъ онъ упрекаетъ людей въ скупости; въ другомъ онъ напоминаетъ, что боги создали славу Рима и что они поддерживать ее, если римляне будутъ вести благочестивую и непорочную жизнь. Правда, это все общія мѣста, которыя иногда любятъ проповѣдывать самые безнравственные люди; но у насъ нѣтъ никакихъ основаній подозрѣвать его въ безнравствен-

ности, и извѣстно, что въ своихъ законахъ онъ преслѣдовалъ дурные нравы.

До насъ дошло много постановленій, изданныхъ Діоклетіаномъ для огражденія личности и собственности, для предупрежденія мошенничества въ торговлѣ, для защиты невинныхъ, несовершеннолѣтнихъ, рабовъ, даже должниковъ, которыхъ не позволяется держать въ рабствѣ, — однимъ словомъ, для того, чтобы все устроить въ обширной имперіи на началахъ справедливости и гуманности.

Можно было опасаться, какъ бы раздѣленіе имперіи не нарушило единства законодательства и права. Чтобы облегчить дѣятельность судебныхъ трибуналовъ, Діоклетіанъ велѣлъ одному изъ своихъ юрисконсультовъ составить сборникъ императорскихъ законовъ. По общепринятому мнѣнію, Григоріанскій кодексъ начинался законодательствомъ Адріана. И Діоклетіанъ велитъ начать свою «священную исторію» съ этого государя, своего предшественника въ дѣлѣ великихъ административныхъ реформъ. Онъ хотѣлъ познакомить своихъ подданныхъ съ политической жизнью имперіи за послѣдніе два вѣка, и это намѣреніе отличается тѣмъ же величіемъ и пользой, которыми проникнуты всѣ его дѣянія, за исключеніемъ одного, гоненія на христіанъ.

Лактанцій ставитъ въ вину Діоклетіану его постройки: постройки Траяна и Адріана отличались совсѣмъ другимъ характеромъ; затѣмъ онъ ставитъ ему въ вину пышность, которою онъ себя окружилъ, совершенно излишнюю роскошь, представлявшуюся ему необходимой, и, наконецъ, громадныя расходы на содержаніе четырехъ дворовъ и увеличеніе административнаго персонала. Но благосостояніе госу-

дарства нельзя измѣрять цифрой тѣхъ платежей, которые вносить населеніе. Для разоренной страны тяжелы и небольшіе налоги, а для процвѣтающей необременительны и высокіе.

Еще при жизни Діоклетіана его затраты уже принесли пользу, и принесли бы еще больше, если бы его система продолжала держаться; ибо производительныя силы обыкновенно развиваются въ мирное время, и имперія могла бы пережить опять тѣ цвѣтуція времена, какъ въ вѣкъ Антониновъ. За двадцать лѣтъ правленія Діоклетіана страна достигла большихъ успѣховъ; всѣ современники свидѣтельствуютъ объ этомъ, даже Лактанцій прославляетъ «великое благоденствіе этого времени», а епископъ кесарійскій восклицаетъ: «Въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находилось тогда государство! Могущество его росло съ каждымъ днемъ, и оно наслаждалось полнѣйшимъ миромъ!»

Миръ! Все заключалось въ этомъ словѣ; Діоклетіанъ сумѣлъ обезпечить его, а его преемники могли бы его сохранить, если бы они, оставаясь вѣрны его системѣ, по примѣру прежнихъ четырехъ правителей, образовали нѣчто подобное «хору музыкантовъ, сгруппировавшихся вокругъ своего капельмейстера, который указываетъ темпъ и отбиваетъ тактъ».

О Т Д Ъ Л Ъ IX.
ХРИСТІАНСТВО.

ХРИСТІАНЕ СРЕДИ ЯЗЫЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

(E. Le Blant.—Melanges de l'Ecole de Rome, VIII).

Кому приходилось изучать исторію первыхъ вѣковъ христіанской церкви, тотъ знаетъ старинныя суровыя правила, формулированныя Тертулліаномъ, относительно поведенія вѣрующихъ: удаляться отъ язычниковъ, не присутствовать на ихъ празднествахъ, избѣгать ихъ пировъ, собраній, даже рынковъ, посколькy это возможно; принимать пищу, поддерживать сношенія только между собой; не носить оружія, отказываться отъ всякихъ общественныхъ должностей; только при этихъ условіяхъ можно достигнуть желаннаго совершенства.

Эти предписанія по большей части оставались теоретическими, и если находились такіе, которые могли твердо выполнять эти строгія правила, то ихъ было очень немного, ибо, какъ бы совершенно ни было человѣческое общество, оно не можетъ состоять только изъ существъ исключительныхъ. Тертулліанъ самъ признаетъ это; такъ, въ отвѣтъ на упрекъ язычниковъ въ томъ, что христіане бесполезныя для государства люди, онъ говорить: «Мы

вовсе не удаляемся отъ міра, — моряки, солдаты, земледѣльцы, торговцы, покупатели, художники и ремесленники, мы живемъ такъ же, какъ вы, и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ вами; мы только воздерживаемся отъ излишествъ и злоупотребленій».

Значитъ, христіане жили въ постоянномъ соприкосновеніи съ язычниками, и эти обязательныя отношенія вынуждали вѣрующихъ видѣть, слышать и терпѣть то, что осуждала ихъ религія. Вотъ, напр., христіанинъ, которому приходится исполнять условныя формы договора; ему нужно занять денегъ, кредиторъ—идолопоклонникъ, а для заключенія контракта требуется клятва. Язычникъ клянется; христіанинъ, не желая выдать тайны своего вѣрованія, молчитъ и ограничивается тѣмъ, что даетъ письменное согласіе. «Господь, — разсуждаетъ онъ самъ съ собою, — запретилъ произносить клятву, и я повинуюсь, ибо написать не значить сказать». Тертуліанъ возмущается этимъ и грозно заявляетъ: «Ты,—обращается онъ къ заемщику,—оказалъ почести языческимъ богамъ уже тѣмъ, что не протестовалъ». «Страхъ,—прибавляетъ онъ,—закрываетъ уста вѣрующимъ. Изъ трусости онъ придетъ на языческія торжества: жертвоприношенія, религіозныя празднества, игры цирка, гдѣ толпа часто восклицаетъ — «смерть христіанамъ!» Также въ дни общественныхъ праздниковъ, чтобы не подвергнуться насиліямъ разъяренной черни, онъ освѣтитъ огнями и украситъ лаврами свою дверь».

Не изъ одного только страха исполняютъ христіане дѣла, которыя противны ихъ вѣрованіямъ. Среди принявшихъ христіанство были художники и ремесленники; какъ скульпторы, живописцы, граве-

ры, лѣпщики, рѣзчики, формовщики, золотильщики, золотошвеи — всѣ они работали надъ украшеніемъ статуй языческихъ боговъ. «Какъ мы откажемся отъ ремесла, которое насъ кормить? — говорили они. — Приготовлять бессмысленныхъ идоловъ не значитъ поклоняться имъ». И нѣкоторые продолжали свои занятія даже послѣ того, какъ приняли духовный санъ. По поводу такихъ уклоненій церковь не разъ обращалась къ художникамъ и ремесленникамъ съ наставленіями и увѣщаніями. «Прекратите эти работы, если вы не хотите погубить своихъ душъ. Вы найдете другія занятія. Гораздо легче сдѣлать какую-нибудь мебель или металлическую вазу, чѣмъ высѣчь или отлить статую Марса».

Какъ преподавать литературу, не сообщая именъ боговъ, ихъ происхожденія, атрибутовъ, мифовъ и уже этимъ самымъ не воздать имъ почести? «Какъ,— прибавляетъ Тертуліанъ со своею обычною суровостью,— вести торговлю и не обнаружить при этомъ алчности, не обмануть и никогда не продать ничего, что могло бы быть употреблено при языческомъ богослуженіи?»

Въ военной службѣ христіане подвергаются еще болѣе серьезнымъ испытаніямъ. Подъ римскими знаменами служило много христіанъ; для тѣхъ, кто не хотѣлъ подчиняться обычнымъ порядкамъ, жизнь въ лагерѣ была полна опасностей; праздники въ честь императоровъ сопровождались такими обрядами, которые были противны религіозному чувству христіанина; культъ *Dii, Lares militares*, духовъ — покровителей арміи, культъ орловъ — знаменъ, которымъ поклонялись и окуривали благовоніями, — всѣ такого рода обязанности каждый разъ ставили христіанина

въ тяжелое положеніе выбирать между подчиненіемъ дисциплинѣ и смертью.

Когда гражданскій магистратъ приносилъ жертвы олимпійскимъ богамъ, прислужникъ, бывшій иногда христіаниномъ, долженъ былъ подавать вино и проносить священныя формулы; если онъ былъ судебнымъ писаремъ, онъ долженъ былъ записывать допросъ мучениковъ; если онъ былъ палачомъ, онъ долженъ былъ ихъ подвергать пыткамъ, вести на казнь и казнить; и хотя исторія церкви сохранила имена нѣсколькихъ мужественныхъ людей, которые, будучи солдатами или прислужниками, отказывались повиноваться, но сколько же было такихъ, которые, оставаясь въ душѣ христіанами, безпрекословно выполняли возмутительныя приказанія?

Съ особеннымъ жаромъ возстаетъ Тертуліанъ противъ занятія христіанами общественныхъ должностей. «Задавали вопросъ, — говоритъ онъ, — можетъ ли служитель Бога принять какую-нибудь общественную должность при условіи, благодаря ли ловкости, или особому снисхожденію, быть избавленнымъ отъ какого бы то ни было [идолослуженія? Въ примѣръ приводятъ Іосифа и Даніила, которые управляли Вавилоніей и Египтомъ, ничѣмъ себя не запятнавши. Пусть занимаютъ государственныя должности — это очень хорошо, но только при этомъ не приносятъ жертвъ, даже не отдають приказаній насчетъ жертвоприношеній, не доставляютъ жертвенныхъ животныхъ, не заботятся о содержаніи храмовъ, объ ихъ доходахъ, не даютъ театральныхъ представленій и не предсѣдательствуютъ на нихъ; повторяю, что это очень хорошо, если только возможно».

Эти слова относятся, главнымъ образомъ, къ обя-

ВЗГЛЯДЪ ЯЗЫЧНИКОВЪ НА ХРИСТІАНСТВО.

(Ibid. VII.)

Уже издавна интересовались вопросомъ, что язычники думали о христіанахъ. Въ чемъ заключались главные пункты обвиненій, возводимыхъ на христіанъ, мы знаемъ изъ классическихъ церковныхъ писателей, Минуція Феликса, Тертулліана, Оригена, Евсевія и нѣкоторыхъ другихъ: усвоеніе чуждыхъ обрядовъ, безбожіе, колдовство, гнусный развратъ, звѣрскій обычай закланія дѣтей и даже людоедство, ненависть ко всѣмъ прочимъ людямъ, склонность къ заговорамъ, святотатство, нечестіе, которое навлекло на землю гнѣвъ боговъ, безразсудное влеченіе къ смерти, презрѣніе ко всѣмъ человѣческимъ чувствамъ, бесполезность для государства, малодушная слабость, грубость, невѣжество — вотъ главные обвиненія противъ христіанъ.

Относительно всѣхъ этихъ пунктовъ Дѣянія Мучениковъ даютъ полезныя свѣдѣнія и дополняютъ такимъ образомъ сообщенія писателей.

Прежде всего, судьи напираютъ на то, что Христосъ родился отъ женщины. Можетъ ли это быть съ Богомъ? Если бы Онъ былъ Богомъ, могъ ли Онъ быть некрасивымъ, какъ свидѣтельствуютъ отцы церкви? Если бы Онъ былъ Богъ, развѣ бы Онъ умеръ? Развѣ бы Онъ допустилъ распять Себя? Къ Бахусу или Геркулесу не посмѣли бы прикоснуться

безнаказанно. Развѣ кровь и вода, которыя текли изъ Его прободеннаго копьемъ бока, сколько-нибудь похожи на ту непорочную кровь, которая, по словамъ Гомера, вытекала изъ раны бога? Почему Пилать, который приговорилъ Его къ смерти, не былъ наказанъ? Затѣмъ смѣются надъ воскресеніемъ Христа; гдѣ же Тотъ, часто повторяютъ они, который долженъ бы былъ покровительствовать Своимъ поклонникамъ, а между тѣмъ, не можетъ ихъ защитить даже въ этомъ мірѣ? Не стыдно ли христіанамъ боготворить человѣка, котораго позорно били по щекамъ, распяли на крестѣ,—человѣка, котораго ученики покинули въ минуту опасности; неужели имъ не стыдно называть себя Его рабами? «Развѣ Онъ живъ еще?»—спрашиваетъ одинъ судья у мученика, который только что передъ нимъ исповѣдывалъ чудесное воскресеніе Христа. «Значить, Его довольно таки часто убиваютъ?» сказалъ разъ проконсулъ одному христіанину, который говорилъ объ Евхаристіи...

Нѣкоторыя слова вѣрующихъ, которыхъ вообще считаютъ за мятежниковъ, заставляютъ подозрѣвать какой-нибудь заговоръ, какую-нибудь бѣду для государства. По этому поводу язычники приходятъ въ волненіе и допрашиваютъ: «Что такое царство Христово? Что вы разумѣете подъ этимъ словомъ? Когда наступитъ это царство? Какой это городъ, который вы называете небеснымъ Иерусалимомъ? Въ какой странѣ онъ находится?..»

Христіанъ считали еще чародѣями. Моисей и Христосъ были извѣстны за колдуновъ: таинственность которою окружали себя послѣдователи Христова ученія, распространяла и на нихъ тѣ же подозрѣнія.

Ихъ нечувствительность къ мученіямъ приписывали дѣйствию священныхъ мазей и старались придумать особые способы, чтобы снять съ нихъ эти чары и усилить чувство боли. Во время пытокъ мученики часто восклицали: «Мы христіане! Да совершится воля Божія надъ нами!» Одинъ палачъ предполагалъ, что этими словами они заговариваютъ страданія. Когда святые Птоломей и Романъ, подходя къ судѣ, говорили: «Путь праведныхъ прямъ и дорога имъ проложена», судья спросилъ засѣдателя:—Что такое они говорятъ?—«Они произносятъ магическую формулу, чтобы мужественно противостоять тебѣ и покорить тебя».

Старались найти смѣшную сторону въ библейскихъ разсказахъ, въ ученіи Христа и въ догматахъ новой вѣры. Смѣялись надъ исторіей пророка Іоны; насмѣхались надъ разсказомъ о сотвореніи міра, Ноевымъ ковчегомъ, вѣстовымъ голубемъ; смѣялись надъ богомъ съ ослиною головою, предполагая, что христіане боготворятъ ослонъ, и праздные гуляки чертили углемъ на стѣнахъ уродливыя изображенія осла; насмѣхались надъ христіанами, надъ ихъ именемъ, надъ ихъ муками; толпа, которая надругалась надъ ними на судѣ, забавлялась видомъ ихъ страданій во время самой казни. Въ то время, какъ одинъ мученикъ въ циркѣ былъ истерзанъ леопардомъ и обливался кровью, народъ кричалъ ему: «Да будетъ баня тебѣ на здоровье!» — привѣтствіе, которымъ встрѣчали другъ друга въ баняхъ.

Издѣвались надъ вѣрою христіанъ въ будущую блаженную жизнь, надъ ихъ надеждою на то, что бичеваніемъ они заслужатъ небесную награду, надъ безумнымъ ожиданіемъ вѣнца тогда, когда голова

будеть срублена. Съ насмѣшкою толковали о страшномъ судѣ, о воскресеніи мертвыхъ, ставя при этомъ цѣлый рядъ нелѣпыхъ и лукавыхъ вопросовъ. «Будутъ ли тогда всѣ одинаковаго роста, всѣ одинаково худые или толстые? Предстанутъ ли всѣ со своими физическими недостатками? Кому будетъ принадлежать мясо того человѣка, который былъ съѣденъ другимъ во время голода? Возвратятся ли къ намъ волосы наши во исполненіе обѣщанія: ни одинъ волосъ съ головы вашей не пропадетъ?» Обрядъ крещенія въ безобразной пародіи воспроизводился на сценѣ, и во время этого представленія случилось однажды, что актеръ, по имени Генезій, который долженъ былъ разыгрывать сцену, вдругъ объявилъ себя христіаниномъ и громко потребовалъ, чтобы его вели на казнь.

Тѣ, которые не боялись смерти въ самыхъ ужасающихъ ея формахъ, конечно, не особенно тревожились этими нападками. «Настанетъ, наконецъ, время суда, — говорили они, — время вѣчныхъ мученій и неугасимаго огня. И душа и тѣло стануть бессмертны, ради искупленія каждымъ своихъ грѣховъ. Мы увидимъ, какъ вѣчно будутъ мучиться всѣ эти насмѣшники, для которыхъ мы были развлеченіемъ только одно мгновеніе; праведники предстанутъ передъ этими жалкими существами, которыя будутъ говорить въ отчаяніи: вотъ люди, которыхъ мы преслѣдовали насмѣшками. Къ чему послужило намъ наше высокомеріе и гордыня? Все земное исчезло какъ призракъ. И тѣ, которые отказывались вѣрить въ вѣчную жизнь, испытаютъ вѣчныя муки».

ПИСЬМО ПЛИНІЯ МЛАДШАГО КЪ ТРАЯНУ.

«Я считаю своимъ священнымъ долгомъ совѣтоваться съ тобою, государь, обо всѣхъ дѣлахъ, относительно которыхъ у меня возникаютъ сомнѣнія. Кто, въ самомъ дѣлѣ, лучше тебя можетъ разрѣшить мои колебанія и просвѣтить мое невѣжество? Я никогда не присутствовалъ при слѣдствіяхъ надъ христіанами; поэтому я и не знаю, чего надо допытываться, за что и въ какой степени наказывать. Я, напимѣръ, сильно колебался, нужно ли дѣлать различіе по возрасту или поступать одинаково какъ съ дѣтьми, такъ и со взрослыми; можно ли прощать раскаявшихся, или же тому, кто былъ разъ христіаниномъ, никакое отреченіе не можетъ помочь; наказывать ли самое званіе, хотя бы и не было налицо преступленій, или преслѣдовать преступленія, связанные со званіемъ. А пока вотъ какъ я поступалъ съ тѣми, о которыхъ мнѣ доносили, какъ о христіанахъ. Прежде всего я ихъ спрашивалъ, христіане ли они; въ случаѣ признанія, спрашивалъ во второй и въ третій разъ, грозя наказаніемъ; тѣхъ, кто настаивалъ, приказывалъ отводить на казнь; въ такомъ случаѣ я считалъ несомнѣннымъ, что, независимо отъ степени виновности ихъ дѣянія, ихъ слѣдуетъ наказывать за упорство и непреодолимое упрямство. Нѣкоторые изъ подобныхъ безумцевъ оказывались римскими гражданами; ихъ я приказывалъ

валъ отсылать въ столицу. Далѣе, по мѣрѣ хода разбирательства, обнаруживались разновидности преступленія. Предъявленъ былъ анонимный доносъ, содержащій въ себѣ много именъ. Тѣхъ, которые не признавали себя христіанами, я заставлялъ вслѣдъ за собой призвать боговъ, совершить возліаніе передъ твоимъ изображеніемъ, которое я ради этого велѣлъ поставить рядомъ со статуями боговъ, наконецъ, проклясть Христа; такихъ я считалъ возможнымъ отпускать, такъ какъ истинныхъ христіанъ нельзя принудить ни къ чему подобному. Другіе, поименованные въ списокъ, сперва признали себя христіанами, а потомъ отреклись, говорили что они, правда, были христіанами, но перестали быть, кто три года, кто много лѣтъ, а кто и больше двадцати лѣтъ тому назадъ. Всѣ они также поклонились твоему изображенію и статуямъ боговъ и проклинали Христа. Но при этомъ они утверждали, что вся ихъ вина и заблужденіе состояли въ томъ, что въ опредѣленные дни они собирались до разсвѣта — пѣли поочередно гимнъ Богу и клятвенно сговаривались не на преступленіе какое-нибудь, а на то, чтобы не воровать, не грабить, не прелюбодействовать, не измѣнять слову, не утаивать чужого добра; что послѣ этого они обыкновенно расходились и опять сходились для общей трапезы, совершенно обыкновенной и невинной; но что и это они перестали дѣлать послѣ моего указа, которымъ я, по твоему приказанію, запретилъ сообщества. Въ виду всего этого я счелъ необходимымъ, чтобы добиться истины, подвергнуть пыткѣ двухъ дѣвушекъ, считавшихся ихъ прислужницами. Но я не нашелъ ничего, кромѣ нелѣпаго и крайняго суевѣрія. По-

составленного Ульпианомъ, мы можемъ видѣть, съ какою мелочною точностью римляне старались равномерно распределить налоги. По истеченіи десяти-лѣтняго срока дѣлалась новая переоцѣнка земель, по указанію владѣльцевъ, провѣряемому цензиторомъ. Съ этой ревизіи земель Лактанцій говоритъ въ такихъ смутныхъ выраженіяхъ, что вводитъ въ за-мѣненіе послѣдующихъ писателей: они думали, что она говоритъ о раскрытіи какихъ-то незаконныхъ вѣщъ введенныхъ Диоклетіаномъ и продолжен-ныхъ Галеріемъ, между тѣмъ, эта мѣра была однимъ изъ обыкновенныхъ обычаевъ императорской админи-страціи. Диоклетіанъ, увеличившій штатъ чиновни-ковъ и увеличившій на всѣхъ границахъ оборонитель-ныхъ войскъ для покрытія расходовъ долженъ былъ увеличить и число источниковъ доходовъ. Прежде всего были увеличены; можетъ-быть, въ значительной мѣрѣ, расходуемые на всѣ предметы государственныя, прежде взимавшагося только въ мѣстахъ, гдѣ были уничтожены два или три вѣдомства и отпущеніи денегъ послѣ него объ этихъ вѣдомствахъ, за что, съ же увели-ченіемъ числа вѣдомствъ, и съ этимъ на-значеніемъ, какъ съ очень тяже-лыми налогами и обезпеченіе государства отъ этого отпо-мощеніемъ Диоклетіа обще-народнымъ закономъ, легко-вѣрно, что, когда, какъ и

[The following text is extremely faint and largely illegible. It appears to be a list of names or entries, possibly related to a church or official record, arranged in roughly parallel lines across the page.]

секундъ,
 къ хри-
 собномъ
 правила
 не слѣ-
 щаются,
 такъ,
 и до-
 покло-
 нъ, въ
 нія ни
 ется до
 ніяхъ
 щать
 й при-

этому, приостановивши слѣдствію, я обратился къ тебѣ за совѣтомъ. Посовѣтоваться же съ тобой казалось мнѣ особенно нужнымъ въ виду многочисленности прикосновенныхъ лицъ. Преслѣдуются и будутъ впредь подвергаться преслѣдованіямъ лица всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій, обоего пола; не только городовъ, но селеній и деревень коснулась эта зараза. Кажется, что можно ее остановить и искоренить. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что храмы, совсѣмъ почти опустѣвшіе, начинаютъ посѣщаться, что торжественное богослуженіе, давно заброшенное, возстановляется, повсюду продаются жертвенныя животныя, которыхъ почти никто не покупалъ доселѣ. Изъ этого легко можно себя представить, какую массу людей можно исправить, если дать возможность раскаяться».

ОТВѢТЪ ТРАЯНА

«Ты слѣдовалъ вѣрному пути, мой милый Секундъ, въ разбирательствѣ дѣла тѣхъ, которыхъ, какъ христіанъ, привели къ твоему трибуналу. Въ подобномъ дѣлѣ невозможно установить одного общаго правила для всѣхъ случаевъ. Разыскивать христіанъ не слѣдуетъ; если на нихъ доносить, и они признаются, ихъ нужно подвергнуть наказанію, однако такъ, чтобы тотъ, кто отречется отъ христіанства и докажетъ свои слова дѣлами, т. е. принесетъ поклоненіе нашимъ богамъ, — былъ бы прощенъ, въ награду за свое раскаяніе, какія бы подозрѣнія ни тяготѣли надъ нимъ въ прошломъ. Что касается до анонимныхъ доносовъ, въ какихъ бы преступленіяхъ они ни обвиняли, на нихъ не слѣдуетъ обращать никакого вниманія; ибо это даетъ очень дурной примѣръ и уже не соотвѣтствуетъ духу времени».

АПОЛОГІЯ ХРИСТІАНЪ. ПАПИСАННАЯ ТЕРТУЛ- ЛІАНОМЪ.

(Тертуллианъ: Апологетика, русск. перев.).

Соединенные узами одной и той же вѣры, одного ученія и одной надежды, мы составляемъ, такъ сказать, одно тѣло. Мы собираемся вмѣстѣ, чтобы молиться Богу. Мы молимся объ императорахъ, объ ихъ министрахъ, о всѣхъ властяхъ, о мирѣ и благосостояніи всего міра, о продленіи бытія вселенной. Мы собираемся, чтобы читать священное писаніе, изъ котораго мы, смотря по обстоятельствамъ, то почерпаемъ предсказанія насчетъ будущаго, то сличаемъ прошедшія событія съ тѣмъ, что намъ было предсказано. Это святое слово питаетъ нашу вѣру, поддерживаетъ надежду, укрѣпляетъ увѣренность и внушаетъ правила для поддержанія внутренняго порядка между нами. Тутъ происходятъ увѣщанія и исправленія, произносятся осужденія именемъ Божиимъ. Такъ какъ мы всѣ увѣрены, что среди насъ присутствуетъ самъ Богъ, то и приговоры, которые здѣсь произносятся, имѣютъ большую силу; и тотъ, кто будетъ отлученъ нами отъ общихъ молитвъ, отъ нашихъ собраній и отъ всякаго участія въ священнодѣйствіяхъ, — тотъ въ этомъ долженъ будетъ дать отвѣтъ въ день страшнаго суда.

Предсѣдательствуютъ на собраніяхъ старцы; они достигаютъ этой чести не деньгами, но всеобщимъ

признаемъ ихъ достоинствъ, ибо дѣло Божіе не покупается цѣною золота; если у насъ и есть общія суммы, то мы не приобретаемъ этихъ денегъ постыдною торговлей вѣрой. Каждый вноситъ скромное приношеніе въ началѣ мѣсяца или когда пожелаетъ, вносить, сколько можетъ и хочетъ; никакихъ принужденій не существуетъ; этотъ сборъ вполне предоставляется на произволъ каждаго. Касса эта расходуетъ не на какія-нибудь застольныя пиршества, а исключительно на дѣла благочестія: ее употребляютъ на пропитаніе и погребеніе нищихъ, на помощь неимущимъ сиротамъ, на содержаніе служителей, ослабѣвшихъ отъ старости, и на облегченіе участи несчастныхъ, потерпѣвшихъ отъ кораблекрушенія. Христіане, приговоренные къ работамъ на рудникахъ, или сосланные, или заключенные въ тюрьму по дѣламъ вѣры, тоже получаютъ вспомошествованіе отъ той религіи, которую они исповѣдуютъ...

Вы стараетесь опорочить наши вечера, считая ихъ поводомъ не только къ преступленіямъ, но и къ объяденію... Но самое названіе ихъ достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ такое. Мы ихъ называемъ греческимъ словомъ *agapai*, что значитъ *милосердіе, любовь*. Мы этимъ помогаемъ нашимъ бѣднымъ — не такъ, какъ вы вашимъ паразитамъ, которые хвастаются тѣмъ, что продаютъ свою свободу въ угоду своему чреву, и цѣной многихъ оскорбленій наѣдаются за вашими столами, — нѣтъ, мы обращаемся со своими бѣдными какъ съ такими людьми, на которыхъ почіетъ особое благоволеніе Божіе. Видите, какія благородныя и похвальныя цѣли у нашихъ вечерей: все что на нихъ происходитъ, соотвѣтствуетъ этимъ цѣлямъ и освящено вѣ-

рой. Тамъ не допускается ничего низкаго и нескромнаго; за столъ садятся не иначе, какъ помолясь Богу. Ъдятъ столько, сколько нужно для утоленія голода; разговариваютъ между собой, зная, что Богъ все слышитъ. По омовеніи рукъ и возженіи свѣтильниковъ, всякій, кто хочетъ, можетъ пѣть хвалебныя пѣсни Богу, извлеченныя изъ св. писанія или сочиненныя имъ самимъ, и по этому легко судить, не напился ли кто до излишества. Вечеря оканчивается, какъ и началась, молитвою. Мы выходимъ отсюда не такъ, какъ шайка убійць или бандитовъ или толпа гулякъ, но скромно, тихо, какъ будто изъ школы добродѣтели, а не отъ трапезы...

Увѣряютъ, что мы бесполезны для общества. Какъ такъ? Мы живемъ среди васъ, питаемся тою же пищею, носимъ тѣ же одежды, имѣемъ всѣ тѣ же мірскія нужды. Мы не убѣгаемъ въ лѣса, не удаляемся отъ людскаго общества. Во всемъ окружающемъ мы видимъ только поводъ прославлять Бога, нашего Владыку и Творца. Мы не отказываемся ни отъ чего, что Онъ сотворилъ для насъ, только воздерживаемся отъ излишества и злоупотребленій. Мы необходимо соприкасаемся съ вами на площадяхъ, рынкахъ, въ баняхъ, лавкахъ, гостиницахъ, на ярмаркахъ, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ человѣкъ бываетъ по житейскимъ надобностямъ. Мы вмѣстѣ съ вами плаваемъ по рѣкамъ и морямъ, служимъ въ войскѣ, обрабатываемъ землю, торгуемъ — такъ же, какъ вы. Мы занимаемся тѣми же ремеслами, и рабочіе у насъ общіе. Такъ что я не понимаю, какимъ образомъ можемъ мы казаться для васъ бесполезными, когда у насъ съ вами общія условія жизни.

Если я не присутствую на вашихъ церемоніяхъ,

то все же я продолжаю отправлять въ это время свои житейскія дѣла. Я не хожу въ баню при закатѣ солнца во время сатурналій, чтобы, прогулявши день, не потерять и ночи; я моюсь въ банѣ, но только въ болѣе удобное время, чтобы не застыла кровь въ жилахъ: еще успѣю окоченѣть и посинѣть, когда меня обмоютъ, послѣ смерти. Я не участвую на общественныхъ обѣдахъ въ честь Вакха,—но гдѣ бы я ни ѣлъ, я употребляю ту же пищу, какъ и вы. Я не покупаю цвѣточныхъ вѣнковъ, но я покупаю цвѣты — и не все ли вамъ равно, какое я дѣлаю изъ нихъ употребленіе? Они мнѣ гораздо больше нравятся, когда они не связаны ни въ вѣнки, ни въ букеты. Когда они сплетены въ вѣнокъ, я ихъ все-таки подношу къ носу: пусть не прогниваются тѣ, которые носятъ вѣнки на головѣ. Мы не посящаемъ зрѣлицъ; но когда мнѣ нужно что-нибудь, что тамъ продается, я охотнѣе покупаю это въ лавкахъ. Мы, правда, не покупаемъ вашихъ куреній; но если арабы на это жалуются, то сабеяне скажутъ вамъ, что они продаютъ намъ, для погребенія нашихъ покойниковъ, гораздо болѣе дорогіе ароматы и въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ употребляете вы на воскуреніе своимъ богамъ. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, говорите вы, что доходы вашихъ храмовъ уменьшаются съ каждымъ днемъ. Не можемъ же мы въ самомъ дѣлѣ удовлетворить всѣхъ вашихъ нищихъ — и боговъ и людей, и, кромѣ того, мы считаемъ за долгъ подавать только тѣмъ, которые просятъ. Пусть Юпитеръ протянетъ руку, мы ему подадимъ. Впрочемъ, мы больше раздаемъ милостыни на улицахъ, чѣмъ вы жертвуете на свои храмы. Что же касается до другихъ сборовъ, мнѣ кажется,

что казна должна быть довольна христіанами. Между тѣмъ [какъ вы обманываете государство ложными показаніями, мы уплачиваемъ свои подати такъ же добросовѣстно, какъ платимъ частные долги.

Я готовъ, однакоже, согласиться: нѣкоторые люди не безъ основанія ропщутъ, что отъ христіанъ нечѣмъ поживиться. Но кто эти люди? — распутники, убійцы, отравители, маги, гадатели, астрологи. Кажется, не стоитъ жалѣть, что такіе люди ничего отъ насъ не выиграютъ! И если даже предположить, что наша религія наноситъ вамъ какой-нибудь ущербъ, неужели вы ни во что считаете имѣть среди себя людей, которые молятся за васъ истинному Богу, и которыхъ вамъ нечего бояться? Вы, которые судите каждый день такъ много обвиняемыхъ, которыхъ приводятъ къ вамъ закованными въ цѣпи, произносите приговоры надъ преступниками всякаго рода—убійцами, ворами, святотатцами, блудниками, скажите по-совѣсти: есть ли между этими злодѣями хоть одинъ христіанинъ? Поклонниками вашихъ боговъ полны тюрьмы, ихъ стоны раздаются въ рудникахъ, ихъ тѣла пожираютъ звѣри, изъ нихъ набираются толпы преступниковъ для борьбы въ циркѣ. Между ними нѣтъ ни одного христіанина; впрочемъ, если бы христіанинъ совершилъ какое-нибудь преступленіе, онъ уже былъ бы недостойнъ называться христіаниномъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что воздержаніе отъ зла есть нашъ долгъ. Невинности мы научаемся отъ самого Бога, мы знаемъ, что она заповѣдана намъ совершеннѣйшимъ изъ учителей, и мы соблюдаемъ ее свято, такъ какъ она предписана намъ такимъ судьбою, котораго нельзя ослушаться.

Если бы даже наши вѣрованія были нелѣпостями, во всякомъ случаѣ, они никому не приносятъ вреда. Вы, слѣдовательно, должны были бы отнести ихъ въ разрядъ мнѣній пустыхъ и баснословныхъ, которыхъ вы не преслѣдуете, потому что они безобидны. Даже если признать, что они заслуживаютъ наказанія, то наказывайте ихъ въ крайнемъ случаѣ осмѣяніемъ, но не мечомъ, огнемъ, распятіемъ и звѣрыями. Но, скажете вы, зачѣмъ вамъ жаловаться на гоненія, когда вы радуетесь всякимъ страданіямъ? Безъ сомнѣнія, мы любимъ страданія, но такъ, какъ любятъ войну, на которую никто не идетъ добровольно, но гдѣ, тѣмъ не менѣе, каждый храбро сражается. Вы объявляете намъ войну, когда ведете насъ на судъ, гдѣ мы съ опасностью жизни боремся за истину; и эта война оканчивается побѣдой, потому что мы получаемъ за бой награду, которая состоитъ въ чести сдѣлаться благоугоднымъ Богу и заслужить вѣчную жизнь. Мы, правда, лишаемся жизни, но зато получаемъ то, чего желали, и, такимъ образомъ, лишеніе свободы даетъ намъ избавленіе, смерть — побѣду. Смѣйтесь, сколько угодно, надъ тѣмъ, что вы привязываете насъ къ столбамъ, чтобы поджигать хворостомъ: это наши трофеи, наше украшеніе и наша триумфальная колесница. Побѣжденные нами имѣютъ основаніе насъ ненавидѣть: они считаютъ насъ бѣшенными и отчаянными. Но это самое бѣшенство и отчаяніе, когда они вызваны жаждою славы, считаются у васъ героическими поступками... А между тѣмъ, если христіанинъ цѣной мученій надѣется получить отъ Бога воскресеніе, вы считаете его сумасшедшимъ. Продолжайте насъ осуждать, распинать, мучить, истре-

блять: ваша несправедливость есть доказательство нашей невинности, и потому Богъ позволяет вамъ преслѣдовать насъ. Ваши жестокости только прибавляютъ нашей религіи лишнюю притягательную силу. Мы умножаемся по мѣрѣ того, какъ вы насъ косите: кровь христіанъ даетъ новый всходъ.

РИМСКІЯ КАТАКОМБЫ.

(Gaston Boissier: «Promenades archéologiques»).

Когда говорятъ о катакомбахъ, то обыкновенно представляютъ себѣ подземныя пещеры, доступъ въ которыя былъ извѣстенъ только немногимъ посвященнымъ, и въ которыхъ запрещенная религія тщательно скрывалась отъ своихъ гонителей. Отъ такого представленія приходится отказаться, по крайней мѣрѣ, для первыхъ двухъ вѣковъ христіанства. Теперь достовѣрно извѣстно, что въ первое время христіане вовсе не скрывали своихъ кладбищъ, объ этомъ знали власти, и до гоненій Деція доступъ туда былъ совершенно свободенъ. Въ 1864 году былъ открытъ входъ въ одно изъ самыхъ древнихъ римскихъ кладбищъ, кладбище Домициллы; онъ помѣщался у края одной изъ самыхъ бойкихъ дорогъ — Ардейской. Дверь выходила прямо на дорогу; надъ фронтономъ сохранилось мѣсто стершейся надписи, которая, согласно обычаю, должна была указывать, кому принадлежало подземелье. Вслѣдъ за преддверіемъ открывается длинная галлерея, своды которой украшены прелестною живописью, изображающей виноградную лозу, усаженную птицами и ангелами. На стѣнахъ замѣтны слѣды фресокъ болѣе серьезнаго содержанія, между прочимъ, можно различить потомъ сдѣлавшееся столь популярнымъ изображеніе Даниіла во рву львиномъ. Весь этотъ первый

этажъ былъ устроенъ надъ землей; онъ бросался всѣмъ въ глаза, нельзя было его не замѣтить.

На самомъ дѣлѣ, это кладбище не заключало въ себѣ ничего недозволеннаго. Собственникъ его, Домицилла, или кто другой, имѣлъ право хоронить тамъ, кого хотѣлъ. Мы имѣемъ тысячи подобныхъ склеповъ, владѣльцы которыхъ оповѣщаютъ, что устроили ихъ для себя и для своей семьи, для друзей, для вольноотпущенниковъ и вольноотпущенницъ, для членовъ какой-нибудь коллегіи. Есть даже одно кладбище, владѣлецъ котораго открыто заявляетъ, что тамъ могутъ быть похоронены его единовѣрцы. Росси, опираясь на этотъ обычай, заключилъ, что катакомбы вначалѣ были частными гробницами богатыхъ христіанъ, гдѣ они, вмѣсто вольноотпущенниковъ, хоронили своихъ братьевъ по вѣрѣ. Это мнѣніе становится довольно вѣроятнымъ, если принять во вниманіе тотъ способъ, какимъ обозначаются катакомбы въ старинныхъ памятникахъ. Ихъ обыкновенно называютъ собственными именами, но это не есть имена мучениковъ или христіанъ, погребенныхъ тамъ. По всей вѣроятности, это имя первоначальнаго владѣльца этой гробницы, который купилъ землю и устроилъ склепъ.

При такихъ условіяхъ понятно, что построение первыхъ катакомбъ не могло вызвать никакой тревоги въ языческомъ обществѣ и совсѣмъ не было стѣснено властями. Благочестивыя женщины, которыя съ первыхъ дней сдѣлались самыми ревностными сторонницами новой вѣры, напр., Домицилла, Луцина, Коммодилла, богатые и щедрые люди, какъ Калеподій, Претекстатъ, Тразонъ, воздвигли себѣ при жизни роскошныя гробницы: въ этомъ не было

ничего особеннаго, всё такъ дѣлали. Они устраивали гробницы не для однихъ себя: это тоже было довольно распространенный обычай. Они хотѣли покоемъ рядомъ съ тѣми, кто раздѣлялъ ихъ вѣрованія: это встрѣчалось рѣже, но все-таки бывали примѣры. Такая общая усыпальница, гдѣ было похоронено много людей, тѣмъ не менѣе, принадлежала какому-нибудь Тразону или Коммодиллѣ; это была все-таки частная собственность и, какъ другіе виды собственности, охранялась закономъ. Извѣстно уваженіе римлянъ къ могиламъ: мѣсто, гдѣ былъ погребенъ кто бы то ни было, даже иностранецъ или рабъ, считалось неприкосновеннымъ и священнымъ. Законъ бралъ его подъ свою защиту и оберегалъ отъ оскорбленій. Христіане пользовались этимъ покровительствомъ закона, какъ и всё другіе; не было основаній лишать ихъ общихъ правъ. Даже когда правительство ихъ преслѣдовало, при Неронѣ и Домиціанѣ, незамѣтно, чтобы преслѣдованія распространялись и на ихъ кладбища; римское законодательство не отказывало въ погребеніи преступникамъ, которыхъ оно казнило, и могила казненнаго была такъ же неприкосновенна, какъ и другія.

Законъ, объявляя священнымъ мѣсто погребенія человѣка, охранялъ также и всё принадлежавшія кладбищу земли и предметы; ихъ считали неотъемлемою собственностью кладбища и надѣляли тѣми же привилегіями. Подъ терминомъ *земли, прилегающей къ гробницъ*, эти пространства считались неотчуждаемыми; они бывали иногда очень обширны. Роскошное устройство гробницъ было одною изъ главныхъ заботъ богатыхъ людей. Прежде всего, они любили отводить для мѣста своего погребенія

довольно большую площадь земли, на которой они возводили различные постройки и обсаживали иногда высокими деревьями. За этими деревьями шли фруктовые сады, виноградники, парки, обработанные поля. На надгробныхъ надписяхъ они непременно обозначали точное количество земли, которое иногда простиралось до 3 югеровъ (74 ара); они заявляли, что оставляютъ эту землю для себя формально исключаютъ ее изъ наслѣдства и не позволяютъ ни дробить на части, ни продавать. Если иногда они устраивали тамъ небольшой склепъ, то они оговаривали и это, и въ надгробныхъ надписяхъ среди вещей, которыя покойникъ оставляетъ за собою на неопредѣленное время, упоминаются гробница и склепъ.

Эти обычаи давали христіанамъ возможность пріобрѣтать необходимые участки земли для погребенія, не затрогивая ничего подозрѣнія; точно такъ же это давало имъ надежду владѣть этими участками вѣчно, не опасаясь, что они попадутъ въ нечестивыя руки. Несомнѣнно, что они этимъ воспользовались. Почти съ достовѣрностью можно утверждать, что они обезпечили за собой владѣніе землей раньше, чѣмъ построили подземныя пещеры, что они, согласно сакраментальной формулѣ, назвали ее *землей, прилегающею къ гробницѣ*, и такимъ образомъ поставили гробницу и склепъ подъ охрану закона...

Самыя древнія катакомбы были очень малы; но скоро онѣ должны были расширяться. Въ первоначальныхъ галлереяхъ углубленія, въ которыя ставили покойниковъ, были очень широки и просторны; много мѣста пропадало даромъ. Но такъ какъ число вѣрующихъ все возрастало, приходилось сдви-

нуть гробы и заполнить пустыя пространства. Однако, этого средства хватило не надолго, и рѣшили прорывать новыя галлерей; но, чтобы оставаться вѣрными закону, старались не выходить за предѣлы той площади, которою владѣли; рыли на различной глубинѣ, и иногда въ одной криптѣ было пять этажей, одинъ надъ другимъ. Первый этажъ проходилъ на глубинѣ 7—8 метровъ; послѣдній углублялся до 25 метровъ. Такого рода расширенія подземелья должны были дать очень много мѣста. По вычисленію Росси, на квадратномъ участкѣ въ 37 метровъ съ каждой стороны, могло помѣститься около 700 метровъ галлерей, только въ три этажа.

Христіанская община долгое время довольствовалась этимъ. Наконецъ, такъ какъ число вѣрующихъ безпрестанно возрастало, пришлось выйти за предѣлы первоначальнаго пространства, которое не могло вмѣстить всѣхъ мертвыхъ. Эти маленькія подземелья часто бывали смежными; ихъ соединили другъ съ другомъ многочисленными развѣтвленіями, и нѣсколько отдѣльныхъ склеповъ, соединившись такимъ образомъ, составили кладбище. Значитъ, кладбища представляютъ изъ себя только группу изъ нѣсколькихъ такихъ криптъ, первоначально обособленныхъ другъ отъ друга, и если въ катакомбахъ теперь находятъ такъ много входовъ, то это происходитъ оттого, что каждый отдѣльный склепъ имѣлъ свой выходъ.

Въ концѣ концовъ эти подземелья достигли такихъ обширныхъ размѣровъ, что трудно было относиться къ нимъ попрежнему, и законъ не могъ считать ихъ частною, семейною собственностью, уступленною вѣрующимъ. Росси предполагаетъ, что

еще до Константина церковь получила от императоровъ тѣ же привилегіи, какими пользовались признанныя государствомъ корпораціи, т. е. право владѣть землею, и, значить, церковь на законномъ основаніи владѣла своими кладбищами.

Одинъ сенатскій указъ времени Септимія Севера заранѣе санкціонировалъ всѣ похоронныя товарищества, которыя возникнутъ въ имперіи, такъ что, чтобы получить право на существованіе, достаточно было вписаться въ этотъ разрядъ въ магистральныя спискахъ. А разъ такія товарищества были признаны закономъ, они имѣли право завести общую кассу, которая составлялась изъ членскихъ взносовъ и изъ пожертвованій благотворителей; члены могли собираться разъ въ мѣсяць для обсужденія текущихъ дѣлъ, а также для празднованія торжественныхъ дней товарищества, когда имъ заблагоразсудится. Несомнѣнно, этотъ сенатскій указъ даровалъ христіанамъ необыкновенныя льготы, которыя должны были ихъ очень поощрить. Съ христіанъ не требовали никакой измѣны ихъ вѣрованіямъ, не ставили ихъ въ необходимость лгать: христіане съ чистою совѣстью могли заявлять, что они составляютъ изъ себя похоронное товарищество, ибо они считали своею первою обязанностью съ честью хоронить своихъ покойниковъ. Признаваемые государствомъ, которое не могло отказать имъ въ томъ, что давало всѣмъ, они не только были собственниками кладбищъ, но пользовались правомъ беспрепятственно сходиться вмѣстѣ и имѣть общую кассу. Епископъ былъ отвѣтственнымъ главою общины, а діаконъ, который завѣдывалъ кладбищемъ, замѣнялъ то лицо, которое въ ассоціаціяхъ обыкновенно распоряжа-

лось имуществомъ и называлось *акторомъ* или *синдикомъ*...

Всѣ эти замѣчанія проливаютъ свѣтъ на нѣкоторые факты, которые до сихъ поръ казались неясными. Было непонятно, какимъ образомъ христіане могли производить такія обширныя работы въ катакомбахъ, впускать туда рабочихъ, чтобы прорывать галереи и извлекать оттуда землю, не возбуждая подозрѣнія полиціи. Недоумѣніе разрѣшается, какъ только мы узнаемъ, что все это они дѣлали открыто и съ согласія властей. Эта точка зрѣнія поможетъ намъ также удовлетворительнѣе объяснить тѣ колебанія, которыя пережила церковь въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ. Положеніе ея тогда было двойственное, и къ ней относились или снисходительно или строго, смотря по тому, съ какой стороны ее разсматривали. Какъ новая религія, она должна была быть запрещена: всѣ чуждыя вѣрованія, не признанныя сенатскимъ декретомъ, были формально запрещены закономъ; но какъ «похоронное братство», она была разрѣшена государствомъ. Отсюда происходила нѣкоторая неровность въ отношеніяхъ правительства къ христіанской церкви. Время отъ времени народная ярость противъ христіанъ, всегда готовая вспыхнуть, заставляетъ городскихъ магистратовъ, намѣстниковъ провинцій и самого императора преслѣдовать людей, проповѣдующихъ новую религію. Они имѣютъ право преслѣдовать, и, что бы ни говорили апологеты христіанства, гоненія совершаются правильно и на законномъ основаніи. Но какъ только приливъ раздраженія успокаивается, жестокости пріостанавливаются. На христіанъ начинаютъ смотрѣть какъ на полурелигіозную, полу-

свѣтскую общину, которая поставила себѣ цѣлю погребать своихъ членовъ, и имъ предоставляютъ тѣ же права, какъ и другимъ подобнымъ ассоціаціямъ.

Эта терпимость по отношенію къ христіанамъ становится еще понятнѣе, если принять во вниманіе, что церковь тщательно избѣгала нарушенія обычныхъ обычаевъ, если въ нихъ не было ничего предосудительнаго, и старалась, насколько возможно, подчиняться установленнымъ порядкамъ всѣхъ подобныхъ товариществъ. Если бы язычникъ, проходя по Ардейской дорогѣ, вздумалъ зайти на кладбище Домициллы, онъ не нашелъ бы тамъ ничего необычайнаго, что бы могло его поразить. Чудесныя арабески, которыя украшаютъ сводъ коридора при входѣ, эти виноградныя вѣтви, которыя такъ красиво переплетаются, сцены уборки винограда и потомъ птицы и ангелы, разбросанные по пустому пространству, — все это ему напомнило бы то, что онъ каждый день могъ видѣть въ богатыхъ домахъ. Эпитафіи, правда, значительно отличались отъ обычныхъ надписей на гробницахъ, но и онѣ не заключали въ себѣ почти ничего такого, чего нельзя было бы встрѣтить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Точно такъ же съ перваго взгляда и для поверхностнаго наблюдателя христіанскія похороны не представляли ничего особеннаго. Пруденцій говоритъ, что они разсыпали цвѣты и листья на могилѣ и возливали на мраморъ благовонное вино. Въ особенности наблюдался обычай чествовать трапезой годовщину смерти. У входа на кладбище Домициллы до сихъ поръ сохраняется особая столовая, куда собирались вѣрующіе почтить память своихъ умершихъ...

Много было говорено о томъ, что вначалѣ христіанство распространилось среди бѣдныхъ классовъ. Первыми исповѣдниками были мелкіе евреи, «гречишки» (greculi), вольноотпущенники и рабы, «ткачи, сапожники, сукновалы». Съ высоты своей сытой философіи Цельсъ много смѣялся надъ этимъ сбродомъ «простыхъ и грубыхъ сердець, узкихъ и темныхъ умовъ, предъ которыми христіанскіе богословы развертывали свое краснорѣчіе». Дѣйствительно, долгое время бѣдняки составляли большинство среди вѣрующихъ; но все-таки не изъ нихъ однихъ состояли христіане, даже въ первые годы. Росси былъ пораженъ тѣмъ, что самыя древнія катакомбы суть въ то же время самыя богатая и наиболѣе роскошно украшенныя. Онъ сомнѣвается, чтобы община, состоявшая только изъ «ткачей и сапожниковъ», была въ состояніи выстроить преддверіе кладбища Домициллы, съ его изящною живописью, покрывающею сводъ, и онъ приходитъ къ заключенію, что между рабами, вольноотпущенниками и ремесленниками находились болѣе важные и богатые люди, которые брали на себя расходы по этимъ постройкамъ. Такъ обыкновенно происходило въ недостаточныхъ ассоціаціяхъ: онѣ выбирали себѣ покровителей, которые помогали имъ своимъ вліяніемъ и богатствомъ. Очень вѣроятно, что нѣчто подобное было и у христіанъ. На ихъ гробницахъ иногда попадаются самыя славныя имена древняго Рима, Корнеліи, Эмилии, Цециліи. Отсюда заключили, что уже съ самыхъ первыхъ временъ нѣкоторые члены знатныхъ фамилій знали и исповѣдывали новое ученіе. Проповѣдуемое ап. Павломъ въ «домѣ Цезаря», т. е. среди императорскихъ рабовъ и вольноотпущенниковъ съ востока,

новое ученіе привлекло къ себѣ Помпонію Грецину, жену консулара Плавція, завоевателя Бретани. При Неронѣ она была обвинена въ приверженности къ «чужестранному суевѣрію»; этимъ именемъ можно было обозначать тогда только іудейство или христіанство, а такъ какъ на кладбищѣ Каллиста были найдены могилы ея потомковъ, то можно думать, что она была христіанка. Черезъ нѣсколько лѣтъ новая вѣра проникла въ императорскую семью, если достовѣрно то, что Домицилла и мужъ ея Флавій Клементъ, ближайшіе родственники Домиціана и Тита, были христіанами, подобно Помпоніи Грецинѣ. Конечно, Клементъ и Домицилла не были исключеніемъ; обыкновенно примѣръ, исходящій изъ такихъ высокихъ сферъ, находитъ себѣ подражателей. Значить, можно предположить, что христіанство даже въ первые годы сдѣлало большія пріобрѣтенія среди аристократіи. Эти знатныя особы, примкнувши къ нему, должны были помочь ему своимъ вліяніемъ, и можетъ-быть, не разъ онѣ предотвращали удары, готовые на него обрушиться, какъ, напр., сдѣлала Марція, фаворитка Коммода, которая «была богобоязненна» и покровительствовала епископамъ. Въ особенности эти люди должны были своимъ пожертвованіями пополнять братскую кассу, благодаря чему римская церковь могла разсылать подаянія по всему свѣту. Катакомбы сохранили намъ имена нѣкоторыхъ изъ этихъ важныхъ лицъ, которыя приняли христіанство въ раннюю пору, когда еще было не безопасно исповѣдывать новую религію; вѣроятно, со-временемъ откроется много другихъ подобныхъ именъ. Безъ сомнѣнія, они составляютъ очень слабый процентъ въ новой

общинѣ, но все-таки съ нимъ приходится считаться. Если его оставить въ сторонѣ, то не такъ легко понять, какимъ образомъ христіанство не только выдерживаетъ натискъ своихъ враговъ, но и одолеваетъ ихъ.

ЕПИСКОПЪ IV ВѢКА, ВАСИЛІЙ ВЕЛИКІЙ.

(De Broglie: L'Eglise et l'Etat romain au IV siècle, tome V).

Василій Великій (329—379) былъ епископомъ Кесаріи Каппадокійской. Его щедрая благотворительность принимала такіе размѣры, что поражала даже совсѣмъ постороннихъ людей. Средства для раздачи милостыни онъ почерпалъ изъ двухъ источниковъ, которые могли окупить самыя грандіозныя предпріятія: во-первыхъ, обильные доходы его епархіи, изъ которыхъ онъ не тратилъ на себя ни копейки, и, во-вторыхъ, капиталы его паствы, къ которой онъ часто обращался съ убѣдительными и краснорѣчивыми воззваніями.

Около десяти проповѣдей, сохранившихся среди его твореній, представляютъ только развитіе одной мысли: богатый человѣкъ есть служитель Божій, управитель, поставленный нашимъ общимъ господиномъ затѣмъ, чтобы заботиться о своихъ сотоварищахъ по рабству. Управитель обязанъ только трудиться, и такъ какъ онъ не имѣетъ права ничего себѣ присвоить, значитъ, онъ крадетъ все то, что не отдаетъ. «Хлѣбъ, котораго вы сами не ѣдите, принадлежитъ голоднымъ; одежда, которой вы не носите, принадлежитъ нагимъ; золото, котораго вы откладываете въ запасъ, принадлежитъ неимущимъ».

Деньги, которыя притекали въ его руки, или тотчасъ употреблялись на какую-нибудь непосредствен-

ную нужду, или же превращались въ колоссальныя памятники. Передъ воротами Кесаріи, на прежнемъ пустырьѣ, разстилался цѣлый городъ, выстроенный на подаянія и занятый благотворительными учрежденіями. Тамъ былъ пріютъ для странниковъ, богадѣльня для стариковъ, больница, убѣжище для увѣчныхъ. Въ центрѣ всѣхъ этихъ зданій возвышалась большая церковь, въ которой богослуженіе отправлялось общиною монаховъ. Вокругъ безпрестанно сновали сторожа, больничные служители, всякаго рода поставщики, возчики, привозившіе необходимые жизненные припасы. Это движеніе напоминало собой многолюдный городъ. Среди этой суетившейся толпы постоянно появлялся св. Василій, за всѣмъ присматривалъ, со всѣми разговаривалъ, дѣлая все это по своему усердію. Когда городскія власти выражали недовольство, что тутъ, подъ бокомъ у нихъ, возникъ цѣлый городъ, изъятый изъ ихъ вѣдѣнія, то св. Василій говорилъ имъ: «Что вамъ до того? Когда императоръ вручаетъ вамъ управленіе, чѣмъ можете вы угодить ему больше, какъ не тѣмъ, что заселите пустынные мѣста и превратите ихъ въ города? Если я это дѣлаю вмѣсто васъ, что можете вы имѣть противъ меня?» Сдѣлавши обходъ по своему маленькому царству, и при этомъ очень часто или изъ собственныхъ рукъ напоивши странника, или перевязавши язвы больному, или у изголовья умирающаго выслушавши его послѣднюю исповѣдь, — св. Василій шелъ въ храмъ, и оттуда утромъ и вечеромъ передъ мелкими каппадокійскими ремесленниками изливалось его высокое краснорѣчіе, воспитанное въ аѳинскихъ школахъ и вызывавшее удивленіе даже въ риторѣ Либаніи. Обыкновенно онъ

бралъ самыя простыя темы. По большей части это былъ какой-нибудь недавній житейскій случай, извѣстный всѣмъ присутствующимъ. Изъ этого простого сюжета краснорѣчіе его умѣло извлекать сильныя ноты. Онъ не запрещалъ прерывать его рѣчь; св. Василій требовалъ, чтобы ему сообщали, если какой-нибудь пунктъ былъ упущенъ или недостаточно разъясненъ, и онъ возвращался опять назадъ.

Семь или восемь разъ въ году, въ дни памяти почитаемыхъ въ странѣ мучениковъ, вся провинція стекалась на торжество. Отовсюду приходили — народъ, духовенство, даже епископы, собираясь то вокругъ гробницъ сорока мучениковъ, казненныхъ Максиминомъ въ одну зимнюю ночь, то у источника, который пробился на мѣстѣ казни дѣвы Іулитты; и тамъ св. Василій прославлялъ величіе Божіе, проявлявшееся въ немощи человѣческой

Начатая въ церкви бесѣда св. Василя съ вѣрующими продолжалась или на маетрѣ, или на площади, или въ жилищѣ епископа, всегда открытомъ для всѣхъ желающихъ. Тутъ всякій совѣтовался съ епископомъ о своихъ христіанскихъ обязанностяхъ, о своихъ огорченіяхъ и даже о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ.

Эти сношенія поддерживались, несмотря на дальность разстоянія, при помощи очень дѣятельной корреспонденціи — съ отдаленными окраинами епархіи, провинціи и даже передней Азіи. До насъ дошло около 350 подлинныхъ писемъ Василя Великаго, которыя трактуютъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Во многихъ даются духовныя наставленія; въ другихъ текуція житейскія новости, административныя заботы и сердечныя изліянія занимаютъ пер-

вое мѣсто. Св. Василій обнаруживается въ нихъ больше, какъ человѣкъ, чѣмъ какъ епископъ, даже можно почти сказать, какъ свѣтскій и государственнй человѣкъ, — до такой степени тонъ его писемъ отзывается привычкой распоряжаться, вести важныя дѣла, вращаться въ высшемъ обществѣ. Кому бы онъ ни писалъ, сенатору, префекту, знатной дамѣ, извѣстному оратору, всегда св. Василій является его братомъ во Христѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, превосходящимъ его по уму и, по крайней мѣрѣ, равнымъ ему по происхожденію. Сановники — его товарищи, знаменитые генералы — друзья дѣтства. Онъ распространяетъ заботы и на ихъ семьи, наставляетъ ихъ женъ и дочерей. Если онъ не окруженъ ликторами и не управляетъ легіонами, какъ они, такъ это потому, что онъ увлекся высшими цѣлями, а вовсе не потому, чтобы онъ былъ недостойнъ или не заслужилъ довѣрія.

Сановники не только хорошо знаютъ его, но иногда они обязаны ему своимъ мѣстомъ, такъ какъ или онъ уговорилъ ихъ принять должность, которой они не рѣшались принять, или же защитилъ ихъ отъ клеветы передъ высшимъ начальствомъ. Онъ почитаетъ свѣтскую власть, какъ Божественное установленіе, но считаетъ себя въ правѣ указывать ей, какъ дѣйствовать въ духѣ Евангелія.

Переписка его съ знатными лицами его епархіи состоитъ въ сущности только изъ обмѣна совѣтами и любезностями. Онъ проситъ денегъ для нуждъ своей церкви, воловъ для перевозки вещей, вина для своихъ рабочихъ. Но если ему препятствуютъ въ самыхъ законныхъ его требованіяхъ или уклоняются съ пути заповѣдей Божіихъ, тотчасъ голосъ

его повышается и ничей авторитетъ не въ силахъ остано­вить его упрековъ. Иногда даже дѣло дохо­дитъ до торжественнаго отлученія отъ церкви, вслѣд­ствіе чего передъ ослушникомъ закрываются двери не только религіознаго, но даже и свѣтскаго обще­ства. Вотъ какъ писалъ онъ одной богатой дамѣ, съ которой былъ въ ссорѣ: «Мнѣ нечего сказать по поводу вашихъ дерзостей, я буду хранить молчаніе. Пусть разсудитъ насъ верховный Судія, отъ Кото­раго не укроется никакая неправда. Совершенно на­прасно будетъ раздавать богатый свою обильную, какъ песокъ морской, милостыню, если онъ при этомъ попираетъ ногами правду, — онъ губитъ душу свою. Если Богъ требуетъ отъ человѣка жертвъ, это не значить, я полагаю, чтобы онъ нуждался въ нашихъ приношеніяхъ. Помните о страшномъ судѣ и, пожалуйста, не читайте мнѣ наставленій, — я знаю это лучше васъ».

Онъ очень интересовался молодыми людьми, ихъ ученіемъ, ихъ умственнымъ и нравственнымъ раз­витіемъ. Маленькая статейка, которую онъ написалъ спеціально для учащихся города Кесаріи, начинает­ся такъ: «Многія причины, дѣти мои, побуждаютъ меня высказать вамъ то, что я считаю лучшимъ и наиболѣе полезнымъ для васъ. Я достаточно пожилъ и довольно испыталъ въ жизни; превратности судь­бы, источникъ нашей опытности, научили меня мно­гому, такъ что я могу указать наиболѣе вѣрный путь тому, кто вступаетъ въ жизнь. Послѣ родите­лей, я къ вамъ стою ближе всѣхъ. Люблю я васъ не меньше вашихъ отцовъ, и если не ошибаюсь, и вы не вспоминаете о своихъ родителяхъ, когда бываете со мной. Вы каждый день слушаете курсы пѣсколь-

кихъ учителей, вы знакомитесь съ лучшими изъ древнихъ писателей черезъ ихъ творенія. Не удивляйтесь однако, если я скажу, что отъ меня вы извлечете больше пользы. Я именно хочу подать вамъ совѣтъ не довѣряться всецѣло вашимъ учителямъ, какъ кормчимъ корабля, и убѣдить васъ воспринимать отъ нихъ только то, что полезно, отбрасывая остальное».

ЛИОНСКІЕ МУЧЕНИКИ (177 г.).

(Письмо, приведенное Евсевіемъ къ его «Исторіи Церкви», V).

«Рабы Христовы, жители Віенны и Ліона въ Галліи, — своимъ братьямъ въ Азіи и Фригіи, исповѣдующимъ одинаковую съ нами вѣру и ожидающимъ воскресенія, — желаемъ мира, благодати и славы отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа.

Жестокость здѣшнихъ гоненій, ярость и озлобленіе язычниковъ противъ святыхъ, лютость мученій, которыя претерпѣли блаженные мученики, — превосходитъ всякую мѣру, и мы не въ состояніи этого описать. Врагъ обрушился на насъ со страшною силой... Онъ не останавливался ни передъ какимъ злодѣйствомъ, какъ будто желая пріучить своихъ слугъ къ мщенію, а рабовъ Божіихъ къ терпѣнію.

Мало того, что намъ закрытъ былъ доступъ въ дома, бани и на форумъ — подъ страхомъ смерти намъ вообще было запрещено показываться гдѣ бы то ни было. Но за насъ заступилась благодать Божія; она устранила съ поля битвы слабыхъ, а тѣ богатыри, которые выступили на арену, держались какъ непоколебимые столпы, сокрушая своими героическими усиліями всѣ нападки лукаваго.

Прежде всего эти блаженные исповѣдники вѣры должны была вынести все, чего можно ожидать отъ разъяренной черни: бранные крики, погромъ и разграбленіе жилищъ, побои, бросаніе камнями, — однимъ

словомъ, всѣ тѣ насилія, на которыя способна толпа, ожесточенная противъ жертвъ своей ярости. Привлеченные на форумъ военнымъ трибуномъ и городскими властями, они подверглись допросу среди криковъ и шума толпы. Когда они объявили, что они христіане, ихъ заключили въ тюрьму до прибытія проконсула.

Наконецъ, ихъ потребовали къ суду проконсула, который обнаружилъ по отношенію къ нимъ самыя враждебныя чувства. Среди присутствующихъ въ это время находился одинъ изъ нашихъ братьевъ Веттій Эпагатъ; онъ представлялъ замѣчательный примѣръ любви къ Богу и милосердія къ ближнему. Это былъ молодой человѣкъ знатнаго происхожденія; своею строгою и суровою жизнью онъ заслужилъ уваженіе всего города. Онъ не могъ примириться съ несправедливымъ приговоромъ, произнесеннымъ надъ нами, и въ порывѣ негодованія вскричалъ, что желаетъ сказать нѣсколько словъ въ защиту братьевъ и доказать, что обвиненія въ безбожии и нечестіи, направленные противъ насъ, не что иное, какъ гнусная клевета. Отвѣтомъ на этотъ вызовъ были грозные крики толпы. «И ты тоже христіанинъ?» — спросилъ его проконсулъ. — Да, — сказалъ онъ такъ громко, что голосъ его прозвучалъ по всей преторіи и возвысился надъ гуломъ толпы. Тотчасъ проконсулъ повелѣлъ арестовать этого «ходатая за христіанъ», какъ онъ его назвалъ. Съ этого времени Веттій Эпагатъ присоединился къ лику блаженныхъ мучениковъ.

Съ этого дня начались допросы, и рѣзкое различіе обнаружилось между христіанами. Тѣ, которые были арестованы первыми, продолжали съ удиви-

и о томъ, рабъ онъ или свободный. «Именемъ «христіанинъ», — говорилъ онъ, — все сказано». Язычники не могли добиться отъ него ничего больше. Это до такой степени ожесточило проконсула и палачей, что, испробовавши на немъ всѣ роды пытокъ, они придумали прикладывать къ самымъ нѣжнымъ частямъ тѣла раскаленные мѣдныя доски. Тѣло святого горѣло, но самъ онъ оставался недвижимъ. Можно было подумать, что небесная роса умѣряла для него жаръ пылающаго металла. Между тѣмъ, тѣло его было страшно изуродовано, все стянулось и едва сохраняло человѣчскій образъ. Тогда Иисусъ Христосъ, Который страдалъ вмѣстѣ со Своимъ мученикомъ, проявилъ на немъ славу Свою на глазахъ у язычниковъ. Черезъ нѣсколько дней, проведенныхъ имъ въ тюрьмѣ, въ то время, когда язвы его были воспалены и такъ болѣзненны, что онъ не могъ выносить и легкаго прикосновенія, палачи вздумали снова подвергнуть его истязаніямъ... Но онъ побѣдоносно выдержалъ второй бой, который послужилъ для него даже исцѣленіемъ отъ послѣдствій перваго.

Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, врагъ перенесъ свою ярость на болѣе слабыхъ противниковъ. Въ числѣ не выдержавшихъ испытанія и отрекшихся отъ вѣры въ Христа находилась одна женщина, по имени Вивлія. Діаволь считалъ ее уже своею жертвой. Вслѣдствіе малодушія, которое она обнаружила, рассчитывали безъ труда добиться отъ нея признанія тѣхъ преступленій и мерзостей, въ которыхъ насъ обвиняли. Ее привлекли къ пыткамъ. Но тутъ какъ будто впечатлѣніе временныхъ страданій пробудило ея дремавшую совѣсть и напомнило о вѣчныхъ мученіяхъ — и она дала энергической отпоръ

на всѣ допросы гонителей. «Какъ можемъ мы ѣсть мясо дѣтей, - восклицала она — когда мы считаемъ грѣхомъ питаться кровью животныхъ!» Этимъ мужественнымъ исповѣданіемъ вѣры она загладила свою прежнюю ошибку, объявила себя христіанкой и удостоилась чести присоединиться къ лику мучениковъ.

Самъ епископъ ліонскій, блаженный Потинъ, попалъ въ руки мучителей. Это былъ старецъ болѣе чѣмъ 90 лѣтъ отъ роду. Кромѣ старческой дряхлости, онъ страдалъ еще мучительною болѣзнью, такъ что его принесли на рукахъ въ судилище... Всѣ городскія власти, толпа народа сопровождали его среди громкихъ кликовъ, какъ будто бы это былъ Самъ Христосъ. «Кто Богъ христіанскій?» — спросилъ его проконсулъ. — Узнаешь, если будешь достоинъ, — отвѣчалъ онъ. При этихъ словахъ, безъ всякаго снисхожденія къ его почтеннымъ сѣдинамъ, толпа бросилась на него; ближайшіе били его ногами и кулаками, а стоявшіе вдали бросали въ него чѣмъ попало. Они считали священнымъ дѣломъ оскорблять этого величественнаго старца: они думали, что такимъ образомъ они мстятъ за честь боговъ. Послѣ этого взрыва насилій, Потинъ, покрытый ранами, еле живой, брошенъ былъ въ тюрьму, гдѣ онъ черезъ два дня скончался...

Наконецъ, пришло время, когда всѣ эти исповѣдники, среди разнообразныхъ мученій, получили мученической вѣнецъ... Матуръ, Санктъ, Бландина и Атталъ были выведены на бой съ дикими звѣрями въ циркъ во время торжественныхъ игръ, которыя нарочно были устроены, чтобы насытить народъ зрѣлищемъ пролитія христіанской крови. Матуръ и Санктъ, несмотря на прежнія истязанія, бодро вы-

держали новья, какъ будто ничего не испытали раньше... По обычаю, ихъ сначала подвергли бичеванію, затѣмъ предоставили ярости дикихъ звѣрей и присутствовавшей тамъ черни, которая неистовыми криками требовала новыхъ надругательствъ или новыхъ казней. Такъ, со всѣхъ сторонъ раздались требованія желѣзной скамьи. Когда принесли это орудіе пытки и накалили его докрасна, то посадили на него мучениковъ. Отвратительный смрадъ жаренаго мяса распространился по амфитеатру. Но дикое бѣшенство толпы, казалось, все росло вмѣстѣ съ геройствомъ мучениковъ. Отъ Санкта не могли исторгнуть ничего другого, кромѣ словъ, произнесенныхъ имъ при началѣ допроса: «Я христіанинъ!» Эти два воина Христовыхъ въ продолженіе цѣлаго дня одни давали кровавое представленіе народу, что обыкновенно выполнялось нѣсколькими парами гладиаторовъ. Несмотря на всю эту массу мученій, они все еще были живы, пока, наконецъ, палачъ не закололъ ихъ мечомъ.

Въ тотъ же день Бландина была привязана къ столбу на аренѣ и отдана на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Руки ея были распростерты въ формѣ креста, и въ такомъ висячемъ положеніи она горячо молилась. Ни одинъ звѣрь не прикоснулся къ мужественной дѣвѣ, и ее опять отвели въ тюрьму... Толпа нѣсколько разъ требовала Аттала; имя его было у всѣхъ на языкѣ. Онъ предсталъ съ самымъ неустрашимымъ видомъ; его лицо дышало тою благородною гордостью, которую сообщаетъ добродѣтель. Его провели вокругъ амфитеатра, впереди ликторъ несъ дощечку съ слѣдующею надписью: «Это Атталъ-христіанинъ». При видѣ его чернь раз-

разилась неистовыми криками. Между тѣмъ, проконсуль, узнавши, что онъ римскій гражданинъ, отослалъ его въ тюрьму, считая необходимымъ доложить о немъ цезарю (Марку Аврелію). Онъ составилъ списокъ всѣхъ арестованныхъ христіанъ, отослалъ его императору и ожидалъ рѣшенія.

Императоръ предписалъ казнить смертью тѣхъ, которые будутъ упорствовать, остальныхъ освободить. Чтобы придать приговору болѣе торжественности, проконсуль выбралъ такое время, когда ежегодно въ нашъ городъ съѣзжаются купцы изъ разныхъ мѣстъ*). Стеченіе массы народа представлялось ему очень удобнымъ для того зрѣлища, которое онъ хотѣлъ доставить публикѣ. Судилище свое онъ устроилъ среди форума, и сюда привели мучениковъ сквозь сплошную стѣну народа. Всѣ, оказавшіеся римскими гражданами, были немедленно обезглавлены; другихъ оставили для борьбы съ дикими звѣрями...

Во время допроса близъ судейской каеэды стоялъ одинъ врачъ, фригіецъ, по имени Александръ, уже давно поселившійся въ Галліи. Стоя лицомъ къ лицу противъ обвиняемыхъ, онъ знаками ободрялъ ихъ мужественно исповѣдывать свою вѣру. «Ты кто?» — спросилъ его проконсуль. — Я христіанинъ», — отвѣчалъ онъ; и тотчасъ же его приговорили отдать на съѣденіе звѣрямъ. Несмотря на званіе римскаго гражданина, Атталь подвергся той же участи.

На слѣдующій день оба они были выведены на

*) По всей вѣроятности, это было временемъ народнаго собранія трехъ Галлій. Въ это время устраивались роскошныя игры и большая ярмарка.

арену. Здѣсь они послѣдовательно прошли весь обычный рядъ истязаній и потомъ были заколоты мечомъ. Александръ не испустилъ ни одного стона; онъ даже не вымолвилъ ни слова, будучи поглощенъ мыслью объ единеніи съ Богомъ.

Когда Аттала положили на раскаленную желѣзную скамью и когда до зрителей донесся запахъ горящаго мяса, онъ воскликнулъ: «Понстинѣ, это вы питаетесь человѣческимъ мясомъ, мы же никогда не были людоедами и никогда не дѣлали ничего преступнаго!» Кто-то крикнулъ ему: «Скажи, какъ зовутъ твоего Бога». — У Бога нѣтъ имени, какъ у человѣка, — отвѣчалъ онъ.

Изо всего мученическаго воинства осталась только Бландина да одинъ мальчикъ 15 лѣтъ, по имени Понтикъ. Каждый день ихъ приводили въ амфитеатръ смотрѣть на мученія братьевъ. Наконецъ, въ послѣдній день игръ, ихъ заставили тоже принять участіе въ борьбѣ со звѣрями.

Предварительно ихъ поставили передъ языческимъ жертвенникомъ посреди арены и пытались принудить принести жертвы богамъ, но они съ презрѣніемъ отвергли это. Тогда народъ разразился яростными проклятіями. Безъ всякой жалости къ нѣжному возрасту Понтика и къ полу Бландины, ихъ подвергли всѣмъ обычнымъ пыткамъ. Время отъ времени палачи останавливались и кричали своимъ геройскимъ жертвамъ, чтобы они поклялись именемъ боговъ, но тщетно. Бландина увѣщавала Понтика показать этой дикой толпѣ, какія чудеса можетъ дѣлать вѣра во Христа, даже въ ребенкѣ. Этотъ юный исповѣдникъ съ непреклоннымъ мужествомъ перенесъ всѣ мученія и, наконецъ, испустилъ

духъ. А блаженная Бландина, какъ мать, которая видѣла подвиги всѣхъ своихъ сыновей, послѣдняя прошла черезъ этотъ кровавый путь страданій и пытокъ. Казалось, она спѣшила поскорѣе свидѣться опять со своими; можно было подумать, что она идетъ на брачный пиръ, а не на сѣдненіе звѣрямъ. Послѣ того, какъ она подверглась бичеванію, была измята звѣрями и жарилась на разоженной сковородѣ, она была опутана сѣтью и брошена разъяренному быку, который нѣсколько разъ подбросилъ ее вверхъ. Но святая, погруженная въ созерцаніе вѣчныхъ благъ, которыя должны быть ея наградою, и занятая сладостною бесѣдой со Христомъ въ пламенной молитвѣ, даже, казалось, не чувствовала страданій. Въ концѣ концовъ ударомъ меча кончили съ ней; сами язычники сознавались, что никогда не встрѣчали такого геройства въ женщинѣ.

Между тѣмъ, бѣшенство толпы противъ святыхъ, при видѣ ихъ мужества, все возрастало. Трупы умершихъ въ тюрьмѣ были выброшены на сѣдненіе псамъ. И днемъ и ночью солдаты стерегли ихъ, чтобы не допустить насъ собрать эти драгоценныя останки. Потомъ выставили напоказъ части тѣла мучениковъ, истерзанныя звѣрями и обуглившіяся; надъ ними утвердили головы, отсѣченные мечомъ, и такъ эти останки въ продолженіе нѣсколькихъ дней держали безъ погребенія, подъ охраною стражи. Толпы язычниковъ приходили наслаждаться этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ. При этомъ одни пылали гнѣвомъ и скрежетали зубами—имъ все казались недостаточными тѣ жестокия мученія, которыя претерпѣвали святые; другіе изрекали самыя возмутительныя ругательства: они прославляли своихъ боговъ за то, что тѣ такъ

хорошо отомстили своимъ врагамъ. Только немногіе обнаружили нѣкоторое сочувствіе къ намъ и, казалось, жалѣли насъ. «Несчастные! — говорили они, — гдѣ теперь Богъ ихъ? Къ чему послужила имъ ихъ вѣра, которую они поставили выше жизни?» Таково было отношеніе язычниковъ.

Что касается насъ, невозможность похоронить мучениковъ причиняла намъ великую скорбь. Напрасно мы пытались воспользоваться темнотой ночи или, цѣнной золотомъ и нашими мольбами, смягчить сердца палачей. Все было бесполезно: тѣла тщательно охранялись, какъ будто язычники рассчитывали извлечь большую выгоду изъ того, что мученики останутся безъ погребенія.

Черезъ шесть дней, среди поруганій и издѣвательствъ толпы, драгоценные останки были сожжены на кострѣ; пепель бросили въ Рону, чтобы изгладить всякій слѣдъ ихъ. Язычники поступали такъ съ цѣлью показать свое превосходство надъ христіанскимъ Богомъ и лишить мучениковъ воскресенія. «Эта, — говорили они, — безумная надежда на воскресеніе внушаетъ христіанамъ ихъ безпримѣрный фанатизмъ, и, благодаря ей также, они вводятъ къ намъ эту новую и нелѣпую вѣру. Теперь посмотримъ, какъ Богъ ихъ воскреситъ ихъ и вырветъ ихъ изъ нашихъ рукъ».

ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ ВЪ ГОСУДАРСТВѢ.

(Fustel de Coulanges: L'invasion germanique et la fin de l'empire).

Въ то время, какъ надо всѣмъ тяготѣла императорская опека, только одной христіанской церкви удалось избѣжать ея давленія.

Отъ этого всеобщаго порабощенія спасъ ее одинъ великій принципъ. Ея учитель объявилъ, что нужно воздавать кесарево кесарю, а Божіе — Богу. Подъ этими словами онъ разумѣлъ, что религія, которая въ прежнія времена сливалась съ государствомъ, отнынѣ становилась независимою отъ него, что и церковь и государство должны жить своею особою жизнью и не оказывать другъ на друга никакого воздѣйствія.

Въ силу этого принципа, въ продолженіе первыхъ трехъ вѣковъ, христіанская община не держалась никакой опредѣленной политической теоріи. Она не защищала и не нападала на имперію; она не восхваляла и не осуждала политическую свободу. Управленіе, политическая власть, социальныя реформы, всѣ мірскія дѣла — все это было ей чуждо и совсѣмъ не занимало ея. Изъ того, что она поставила себѣ правиломъ повиноваться цезарю, вовсе не слѣдуетъ заключать, что она была сторонницей императорскаго правленія. Она просто покорялась необходимости и не считала это на столько важнымъ дѣломъ, чтобы стоило противъ него возставать. Въ основѣ

ея отношеній къ политикѣ лежалъ индиферентизмъ. Она настаивала только на одномъ, чтобы религія была свободна отъ государственнаго вмѣшательства.

Несмотря на все свое могущество, римская имперія не могла разрушить преграды, которую христіанская община поставила между собой и ею. Очень странное зрѣлище представляло въ то время христіанское населеніе, которое, живя въ имперіи, умѣло отъ нея освободиться, — повинуюсь ей, было между тѣмъ, свободно, — которое, среди всеподавляющаго деспотизма, умѣло сохранить свободу мысли, свои особыя воззрѣнія, собственныя учрежденія.

Когда при Константинѣ имперія официально признала христіанство и сдѣлала его господствующей религіей, можно было опасаться, что она постарается его себѣ подчинить. Однако, церковь избѣгла и этой опасности. Она никогда не соглашалась признать императора своимъ первосвященникомъ, подобно тому, какъ онъ былъ верховнымъ жрецомъ въ языческой религіи. Государь никогда не имѣлъ рѣшающаго значенія въ догматическихъ вопросахъ. Правда, онъ созывалъ соборы и всякій разъ, когда на нихъ присутствовалъ, былъ предсѣдателемъ, но было бы заблужденіемъ думать, что онъ пользовался какимъ-нибудь авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры. Христіанская догма всегда оставалась независимою отъ свѣтской власти. Государство присвоило себѣ только двѣ прерогативы въ церковныхъ дѣлахъ; во-первыхъ, ни одинъ соборъ не могъ состояться безъ разрѣшенія императора; во-вторыхъ, рѣшенія соборовъ не могли быть обнародованы и получить силу обязательныхъ законовъ иначе, какъ черезъ императора. Въ обоихъ этихъ пунктахъ къ церкви примѣнялись только общія

правила, такъ какъ вообще было постановлено, что никакое общественное собраніе не могло быть созвано безъ разрѣшенія власти, и ни одинъ законодательный актъ не могъ исходить ни изъ какого другого источника, помимо императора. Изъ законодательныхъ памятниковъ мы видимъ, что государство много занималось церковью, можетъ-быть, больше, чѣмъ слѣдовало; но всѣ эти заботы были лишь отвѣтомъ на требованія и нужды, заявленныя церковью. Въ особеннсти слѣдуетъ отмѣтить то, что имперія никогда не пыталась присвоить себѣ право назначенія епископовъ. Въ этомъ отношеніи она съ полнымъ уваженіемъ относилась къ церковнымъ правиламъ. Епископы продолжали избираться духовенствомъ и горожанами, безъ всякаго вмѣшательства правительственныхъ чиновниковъ.

Такимъ образомъ, христіанская церковь, несмотря на неизбежное попечительство государства, и подъ его контролемъ оставалась независимою. Свобода, изгнанная отовсюду, нашла убѣжище въ ней. Ей удалось также остаться внѣ того всепроникающаго вліянія, которое оказывала тогда имперія на всѣ сферы. Она сохранила энергію, была живой и дѣятельной въ то время, какъ все вокругъ изнывало. Даже въ этотъ періодъ она сумѣла держаться въ сторонѣ отъ государства и не скомпрометировать себя близостью къ ненавистнымъ имперскимъ порядкамъ. Поэтому и непопулярность имперіи и затѣмъ паденіе ея оставили церковь неприкосновенною. Когда имперія рушилась, церковь держалась твердо своею собственною силою и была вполне готова принять въ свои руки управленіе обществомъ.

Но торжество церкви не повело за собой господ-

ства свободы совѣсти въ мірѣ. Какъ только церковь сдѣлалась союзницей государства, въ ней произошла очень значительная перемѣна. Уваженіе къ свободѣ внезапно ослабѣло и вскорѣ совѣзмъ исчезло. Очень скоро водворился вкусъ къ регламентаціи и абсолютнымъ предписаніямъ. Вѣроученіе стало опредѣленнѣе, формальнѣе, и стали требовать полного признанія его, даже во второстепенныхъ пунктахъ; свобода уже не допускалась. Право самостоятельнаго изслѣдованія было запрещено; свобода мнѣнія (ересъ) преслѣдовалась, и самое слово «еретикъ» стало ругательнымъ. На мѣсто свободной вѣры стала принудительная. Покорность и дисциплина стали главными христіанскими добродѣтелями.

Съ другой стороны, имперія поддерживала христіанство такъ же, какъ она прежде поддерживала язычество — нетерпимостью. Были изданы особые законы съ цѣлью принудить людей исповѣдывать христіанскую вѣру. Когда аріанство было осуждено, Феодосій издалъ свое знаменитое постановленіе *Synodus populos* объ обязательности христіанства. Противъ еретиковъ императоры принимали строгія мѣры, сначала ссылку, потомъ конфискацію имущества, наконецъ, смертную казнь. Такъ, послѣ гоненій на христіанъ начались гоненія противъ язычниковъ и еретиковъ.

КОНСТАНТИНЪ ВЕЛИКІЙ.

I. ЕГО РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА.

(Victor Duruy: Histoire des Romains, Tome VII, ed. 1885).

Константинъ былъ прежде всего политикомъ; онъ смотрѣлъ на религію, какъ на орудіе администраціи. Если бы онъ былъ частнымъ человѣкомъ, онъ едва ли бы много интересовался современными религіозными вопросами; но, въ качествѣ императора, онъ считалъ долгомъ внимательно изучить обѣ партіи — язычниковъ и христіанъ. Одна изъ нихъ относилась довольно равнодушно къ религіи, не довѣряла своимъ богамъ, плохо вѣрила въ ихъ могущество и представляла изъ себя косное стадо, шедшее по разъ проторенному пути. Другая была немногочисленна, но тѣсно сплочена и съ жаромъ пробивала себѣ новый путь сквозь всевозможныя препятствія, не заботясь о царапинахъ и ранахъ, получаемыхъ по дорогѣ. Эта партія среди пытокъ и мученій доказала свою непреодолимую силу; въ то же время она была настолько поглощена заботами о небесномъ, что едва ли бы могла доставить какія-нибудь затрудненія земнымъ владыкамъ, принявшимъ ея сторону. Какъ видимъ, первая партія состояла изъ индифе-

рентныхъ людей, съ которыми обыкновенно проигрываются политическія битвы; другая—изъ людей вѣрующихъ, съ помощью которыхъ эти битвы выигрываются. Но, съ другой стороны, значительное большинство общества, хотя уже отрѣшилось отъ языческихъ вѣрованій, но еще было привязано къ язычеству привычками и любило традиціонныя празднества и торжества; такъ что если бы подсчитать сторонниковъ стараго и новаго, то, по всей вѣроятности, оказалось бы, что первыхъ было, по крайней мѣрѣ, въ двадцать разъ больше, чѣмъ вторыхъ; такимъ образомъ, количествомъ можно было возмѣстить недостающее усердіе. Кромѣ того, такъ какъ Діоклетіановъ эдиктъ объ исключеніи христіанъ изъ военной и общественной службы не былъ отмененъ, то вся администрація и войско состояли изъ язычниковъ. Даже въ 320 году, когда однажды Константинъ появился въ лагерь, офицеры и солдаты встрѣтили его языческимъ привѣтствіемъ: «Августъ, да хранить тебя боги!»

Такое положеніе требовало отъ Константина большой осторожности и не позволяло ему преждевременно отдаться которой-нибудь одной изъ борющихся сторонъ, хотя, конечно, онъ съ самаго начала понималъ, что въ религіозныхъ вопросахъ необходимо перемѣнить политику. Во время своего долговременнаго пребыванія на Востокѣ, онъ хорошо изучилъ прочную организацію христіанскихъ общинъ; онъ видѣлъ, съ какимъ героизмомъ христіане встрѣчали смерть, видѣлъ также, что языческое населеніе начало проникаться жалостью къ невиннымъ жертвамъ. Вѣротерпимость его отца, неудача послѣдней борьбы противъ христіанства, наконецъ, вліятельное поло-

женіе среди язычниковъ его личныхъ враговъ — Галерія и Максимиана Дазы, — все ему подсказывало снисходительность къ преслѣдуемымъ христіанамъ, которыхъ не могли сломить усилія столькихъ императоровъ. Къ тому же, въ одномъ важномъ пунктѣ ученія онъ сходилса съ христіанами, — въ вѣрѣ въ единого Бога, къ которой въ то время склонялись всѣ образованные люди.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ всѣ усилія философіи сводились къ тому, чтобы сблизить между собой различные виды божествъ, представлявшихъ мѣстное или индивидуальное выраженіе религіознаго чувства; этотъ процессъ смѣшенія и уподобленія позволилъ выдѣлить, мало-по-малу, образъ единого Бога, Котораго уже многіе начали прозрѣвать. Мѣстные боги, покровители отдѣльныхъ городовъ, начали постепенно утрачивать индивидуальныя черты и стали приобрѣтать общій характеръ. Они были лишь различными формами одного и того же верховнаго существа, котораго призывалъ Константинъ черезъ своихъ официальныхъ жрецовъ и которому, по мнѣнію язычника Гіерокла, были подчинены всѣ низшія божества. «Этотъ великій Богъ и есть нашъ, — отвѣчали ему христіане, — и за поклоненіе Ему ты насъ преслѣдуешь». Наболѣе осторожные, чтобы не впасть въ политеизмъ, не давали ему никакого имени, называли его просто «Божество» (Divinitas); Адрианъ, не рѣшаясь даже такъ назвать его, строилъ храмы безъ всякихъ статуй и изображеній, чтобы дать полный просторъ религіозному созерцанію. Тѣ, которые не могли обойтись безъ бога видимаго и осязаемаго, называли его Сераписомъ или Митрой, Аполлономъ или Солнцемъ.

Среди тогдашняго хаоса религіозныхъ представленій напрасно стали бы мы искать точныхъ понятій, къ которымъ насъ пріучила современная жизнь съ ея полною свободою мысли. Многие язычники думали, что христіанскій Богъ и есть Солнце. Константинъ думалъ такъ же, какъ они, и возможно, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ отождествлялъ Солнце съ Христомъ, своего фамильнаго патрона — Солнце — съ тѣмъ Богомъ, изображеніе Котораго Александръ Северъ поставилъ въ *laqarium*'ѣ, и божественность Котораго призналъ Галерій въ своемъ эдиктѣ 311 года.

Для Іоанна Богослова Іисусъ есть свѣтъ міра, который просвѣтитъ Іерусалимъ, такъ же, какъ для Евсевія, Григорія Нискаго и блаженнаго Августина Онъ есть солнце правды, просвѣщающее челоѣчество. На одномъ христіанскомъ памятникѣ эта мысль апостола передана такимъ образомъ, что Христосъ изображенъ въ сіяніи изъ лучей, которое обыкновенно составляло принадлежность Аполлона. Христіанскія надписи называютъ воскресенье, день, посвященный Богу, днемъ Солнца, и обычай св. отцовъ сравнивать пришествіе Христа съ возрожденіемъ солнца побудилъ церковь назначить день Рождества Христова въ то время, когда язычники праздновали «рожденіе непобѣдимаго Солнца» (25 декабря). Послѣ многихъ кровавыхъ стычекъ, наконецъ, христіане и язычники пошли навстрѣчу другъ другу: язычники объединили свои разнообразныя божества въ понятіи объ одномъ высшемъ Богѣ, о Которомъ уже проповѣдывали философы, а христіане, въ свою очередь, трехъ лицъ Св. Троицы слили въ одного Бога; этого Бога — *Divinitas* — императоръ призывалъ

въ молитвахъ и убѣждалъ народъ поклоняться ему. Константинъ всѣми силами содѣйствовалъ этому сближенію христіанъ съ язычниками, прежде всего изъ политическихъ расчетовъ. Раздѣленіе мѣсяца на недѣли, а недѣли на дни, посвященные каждый особому божеству, есть восточный обычай, распространенный у римлянъ подъ вліяніемъ александрійской астрологіи. Во времена Тертуліана язычники праздновали день Сатурна (субботу), а христіане — день Солнца (воскресенье). Въ старинномъ изображеніи божествъ, которымъ посвящены дни недѣли, Солнце занимаетъ только второе мѣсто, послѣ Сатурна. Но въ половинѣ IV вѣка, наоборотъ, оно занимаетъ уже первое мѣсто, что можно видѣть на одной вазѣ того времени; значить, за этотъ промежутокъ времени языческой *dies Solis* слился съ христіанскимъ *dies dominica*. Такъ какъ всякій день недѣли былъ посвященъ особому божеству, каждому изъ нихъ были составлены особыя молитвы, и съ тѣхъ поръ, какъ культъ Солнца сталъ пріобрѣтать все большую популярность, въ день Солнца стали чествовать Аполлона. Константинъ искусно воспользовался этимъ благочестивымъ обычаемъ, чтобы двойнымъ образомъ почтить воскресенье (*dies dominica*). Эдиктъ 321 года повелѣваетъ, чтобы въ дни Солнца судебныя учрежденія, ремесленныя заведенія и лавки были закрыты, а въ легионы въ то же время была разслана молитва для чтенія въ тѣ же дни Солнца, — молитва такого содержанія, что ее одинаково могли принять и поклонники Митры, Сераписа или Солнца, и вѣрующіе во Христа. Это распоряженіе было лишь официальнымъ подтвержденіемъ стариннаго обычая — привѣтствовать молитвой восходящее солнце. Назна-

чая дни празднованія и предписывая форму молитвы, Константинъ дѣйствовалъ въ качествѣ верховнаго жреца, — и это не могло вызвать никакихъ недоумѣній. Эти постановленія, съ одной стороны, должны были удовлетворить христіанскую церковь, которая въ дни Солица праздновала воскресеніе Христа, съ другой стороны, и противники ея могли понять, что новый декретъ имѣетъ въ виду почтить ихъ великаго бога — Аполлона.

Обращеніе Константина обыкновенно относятъ къ 312 году. А между тѣмъ, во время своего пребыванія въ Римѣ въ этомъ году, онъ ничѣмъ, ни словомъ ни дѣломъ, не обнаружилъ происшедшей въ немъ переменны. Указывали на то, что въ этотъ разъ послѣ побѣды онъ не совершилъ въ Капитоліи обычныхъ жертвоприношеній. Само по себѣ подобное отступленіе отъ давняго обычая въ этомъ чисто языческомъ городѣ было бы принято какъ рѣшительная измѣна вѣрѣ отцовъ. Но, напротивъ, мы знаемъ, что по случаю его торжественнаго вѣзда въ городъ были даны обычныя празднества, что онъ присутствовалъ на представленіяхъ, боѣ гладиаторовъ, на священныхъ играхъ, во время которыхъ носили статуи боговъ, какъ это обыкновенно дѣлалось, такъ какъ эти праздники составляли существенную часть языческаго культа; затѣмъ онъ обновляетъ составъ сената, вводя въ него провинціаловъ, и такъ какъ до самаго Феодосія сенатъ служилъ оплотомъ вѣры въ боговъ, нужно думать, что и при Константинѣ большая часть членовъ, пожалуй и всѣ, принадлежали къ старой вѣрѣ. Римъ, имѣвшій пятьдесятъ два храма и восемьдесятъ три святилища, былъ еще полонъ чисто языческаго великолѣпія, и христіанство

въ немъ едва только начинало обозначаться*); даже въ концѣ IV вѣка св. Иеронимъ называетъ Капитолій «скопищемъ всевозможныхъ суевѣрій».

Бога, Котораго призывалъ въ молитвахъ Константинъ, онъ не называлъ Христомъ или Иисусомъ, а вообще божествомъ, пребывающимъ въ верху небесъ: *quidquid illud est divinum ac coeleste numen*. Эти слова встрѣчаются и въ миланскомъ эдиктѣ и въ посланіи, отправленномъ съ Лициніемъ правителю Виенни, даже въ письмахъ Константина къ епископамъ. Конечно, онъ съ намѣреніемъ повторяетъ ихъ такъ настойчиво. Онъ хотѣлъ объединить свой народъ съ помощью одной религіи, формы которой могли быть различны, но въ основѣ должна была лежать вѣра въ единого Бога, и онъ думалъ, что если бы ему удалось совершить подобный переворотъ, дѣло управленія имперіей значительно бы упростилось и общественный миръ упрочился. Ради этого онъ не сталъ праздновать юбилейныхъ игръ, которыя, по расчету нѣкоторыхъ, падали на 313 годъ. Этотъ юбилейный праздникъ былъ самымъ великимъ торжествомъ въ Римѣ, на которое съѣзжалась чуть

*) Въ «Регионаріяхъ», составленныхъ во второй половинѣ IV в., упоминается безконечное число храмовъ, и ни одной христіанской церкви. Безъ сомнѣнія, церкви были, но о нихъ не считали пужнымъ говорить. Языческіе храмы съ ихъ имуществомъ и довольно значительными доходами составляли собственность жрецовъ, и конфисковать эти имущества можно было только изданіемъ особаго закона; такой законъ появился только при Граціанѣ. Образованные классы долгое время относились враждебно къ христіанству; даже среди христіанъ многіе, высоко цѣнившіе римскую свѣтскую литературу, съ грустью сравнивали изящество произведеній Цицерона и Вергилія съ грубою простотою Новаго Завета. Блаж. Августинъ не скрываетъ этого, и у св. Иеронима проглядываютъ подобныя же сожалѣнія.

не вся Италия; праздникъ этотъ былъ чисто языческаго характера и могъ возбудить религіозныя страсти, которыя Константинъ старался успокоить. Такъ какъ не было назначено опредѣленнаго времени для этого празднованія, то народъ и не замѣтилъ намѣреннаго забвенія; лишь нѣкоторые изъ язычниковъ втихомолку жаловались, что уваженіе къ стариннымъ обычаямъ со дня на день падаетъ въ Римѣ. Такимъ образомъ, поводъ къ смутѣ былъ устраненъ, а Константину только это и было нужно.

II. МИЛАНСКІЙ ЭДИКТЪ (313) И ЕГО ПОСЛѢД- СТВІЯ.

Напрасно стараются опредѣлить точно время перехода Константина въ христіанство. Хронологія не имѣетъ никакого значенія въ данномъ случаѣ. Дѣло идетъ вовсе не о какомъ-нибудь внезапномъ рѣшеніи, но о постепенной перемѣнѣ убѣжденій, которая въ такой осторожной и въ то же время несистематичной головѣ можетъ тянуться цѣлые годы. Притомъ Константинъ интересовался гораздо больше политикой, чѣмъ теологіей, и до конца жизни въ религіозныхъ вопросахъ у него оставалось много неустойчиваго. Два языческихъ писателя, Либаній и Зосимъ, относятъ обращеніе Константина къ разнымъ годамъ — одинъ къ 323 (вслѣдъ за пораженіемъ Лицинія), другой — къ 326 (ко времени смерти Криспа), а христіанскіе церковные историки переносятъ этотъ моментъ на четырнадцать лѣтъ раньше. Мы только что показали, что до 313 года христіанскія убѣжденія Константина ни въ чемъ не обнаруживаются. Въ этомъ году появился миланскій эдиктъ, самый великій изъ всѣхъ законодательныхъ актовъ, изданныхъ когда-либо государями, ибо только черезъ полторы тысячи лѣтъ человѣчество вновь услышало подобную рѣчь. Но это совсѣмъ не христіанскій памятникъ. Онъ объявляетъ равенство всѣхъ вѣроисповѣданій; онъ даруетъ полную свободу всѣмъ рели-

гіознымъ обрядамъ и подписанъ двумя государями, носящимъ титулъ верховныхъ жрецовъ и пользующимися всѣми ихъ правами. Моментъ исключительный въ исторіи: казалось, наконецъ, рушится эта официальная религія, которая, послѣ многихъ вѣковъ славы, по примѣру всѣхъ человѣческихъ учрежденій, превратилась подъ конецъ въ безсмысленное и гнусное орудіе. Но это была лишь минутная вспышка здраваго смысла: съ 325 г. опять появилась официальная религія, а съ ней вмѣстѣ и необходимая ея спутница — нетерпимость; во имя ея при преемникахъ Константина разразились новыя гоненія.

Со времени миланскаго эдикта христіанскіе писатели приводятъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ набожности Константина; большая часть этихъ свидѣтельствъ вѣрны, но они не раскрываютъ всей истины, такъ какъ показываютъ только одну сторону его политики, а между тѣмъ, эта политика, безъ всякаго лицемѣрія или обмана, исключительно въ видахъ общественнаго спокойствія, имѣла двѣ лицевыя стороны: одну для христіанъ, другую для язычниковъ. Сторона, обращенная къ язычникамъ, остается невыясненною, влѣдствіе скудости источниковъ; но, тѣмъ не менѣе, съ помощью этихъ источниковъ фигура Константина, какъ политическаго дѣятеля, выступаетъ гораздо величественнѣе, чѣмъ покровителя христіанской церкви, такъ какъ, вмѣсто необдуманнаго усердія неопита, мы видимъ здѣсь мудрую правительственную систему государя, стремящагося прежде всего выполнить свои государственныя обязанности и уладить отношенія между приверженцами старой и новой вѣры, которые въ противномъ случаѣ всгупили бы въ ожесточенную борьбу.

Съ давнихъ поръ при Константинѣ состояли христіане, которые должны были сообщать ему о томъ, что дѣлается въ христіанскихъ общинахъ и отдѣлившихся отъ нихъ сектахъ. Одному изъ его приближенныхъ, аріанину Стратегію, было поручено наблюдать за манихейцами и другими еретиками. Но при дворѣ были и язычники. Въ числѣ ихъ находились философы; Константинъ любилъ вводить ихъ въ споры съ христіанскимъ духовенствомъ; по свидѣтельству церковныхъ писателей, эти споры всегда кончались посрамленіемъ невѣрныхъ и какими-нибудь чудесами. Такъ, однажды константинопольскій епископъ Александръ въ спорѣ съ однимъ упорнымъ противникомъ сказалъ ему: «Именемъ Христа запрещаю тебѣ говорить», — и немедленно тотъ лишился голоса. Мы знаемъ, что Константинъ долгое время питалъ расположеніе къ неоплатонику Сопатру, но потомъ, когда епископское вліяніе сдѣлалось господствующимъ, онъ приказалъ казнить философа. Онъ велѣлъ его убить, говорить Свиды, съ цѣлью показать, что въ религіозныхъ убѣжденіяхъ онъ не имѣетъ теперь ничего общаго съ язычниками, которыми онъ до сихъ поръ былъ постоянно окруженъ. Однако, до послѣднихъ лѣтъ жизни при его дворѣ были философы, точно такъ же, какъ при дворѣ всѣхъ послѣдующихъ христіанскихъ государей, до Феодосія включительно: это была традиція императорскаго двора и вмѣстѣ политическая необходимость.

Когда, послѣ побѣды надъ Лициніемъ, Константинъ завладѣлъ восточной половиной имперіи, онъ немедленно издалъ эдиктъ о прекращеніи тамъ гоненій на христіанъ; къ этому эдикту было присоединено

письмо, которое, повидимому, было составлено какимъ-нибудь епископомъ. Но хотя, конечно, всѣ его симпатіи были на сторонѣ новой религіи, онъ не издалъ никакихъ мѣръ и противъ язычниковъ, ограничился лишь тѣмъ, что увѣщевалъ ихъ поклоняться единому всемогущему Богу. Въ другомъ эдиктѣ того же 324 года онъ проситъ народъ сохранять терпимость, такъ чтобы и тѣ, которые упорствуютъ въ языческой вѣрѣ, могли пользоваться тѣмъ же спокойствіемъ и безопасностью, какъ христіане. Словамъ его вполне соответствовали и дѣла: много лѣтъ спустя послѣ Никейскаго собора, въ отвѣтъ на просьбу язычниковъ города Гиспеллума, онъ издалъ декретъ, гдѣ, между прочимъ, относительно храма въ честь Константина было сказано, что богослуженіе въ этомъ храмѣ не должно быть осквернено какимъ-нибудь «обманнымъ заразительнымъ суевѣріемъ». Заразительнымъ для этихъ умбрійцевъ могло быть только христіанство, а не угасавшее язычество. Императорскій рескриптъ, какъ это часто бываетъ въ административныхъ актахъ, въ данномъ случаѣ воспроизвелъ выраженія языческой петиціи и оградилъ поклонниковъ старыхъ боговъ отъ вторженія къ нимъ въ горы новаго Бога.

Этотъ двойственный характеръ правленія Константина выражается во всемъ. Въ Антиохіи, Никомидіи, Визелеемѣ, у гроба Христова онъ построилъ церкви, которыя «высятся, подобно лиліямъ, наполняя воздухъ чуднымъ ароматомъ»; въ то же время въ Геліополисѣ и Афакѣ онъ закрываетъ храмъ Венеры Сирійской, бывшій притономъ всевозможныхъ пороковъ, затѣмъ храмъ Эскулапа Эгейскаго, опасный своимъ гаданіями, вводившимъ вѣрующаго въ сношенія съ

невидимымъ міромъ, изъ котораго жрецы и гадатели могли передавать тревожныя вѣсти и смущать ими народъ. Но въ Константинополѣ тотъ же Константинъ оставляетъ неприкосновенными языческія святилища стараго города, а въ новомъ городѣ строитъ святилища Діоскурамъ, Матери боговъ и Фортунѣ, такъ что ораторъ Темистій имѣлъ право называть Юпитера покровителемъ обоихъ Римовъ. Въ 312 году онъ разрѣшилъ римскимъ сенаторамъ выгравировать свое имя на одномъ храмѣ; черезъ 22 года онъ позволилъ имъ перестроить храмъ Согласія. Этотъ храмъ былъ посвященъ роду Флавіевъ, и въ рескриптѣ 326 года, запрещавшемъ возводить новыя постройки раньше чѣмъ будутъ окончены начатыя, было сдѣлано исключеніе въ пользу храмовъ языческимъ богамъ.

Онъ проситъ у Евсевія прислать ему нѣсколько списковъ св. писанія для константинопольскаго духовенства; но особенными милостями онъ надѣляетъ Аѳины, которыя Либаній называетъ «центромъ мудрости, священнымъ городомъ, одинаково пріятнымъ и для боговъ и для людей»; онъ принимаетъ отъ Аѳинъ титулъ стратега и подтверждаетъ льготы, дарованныя его предшественниками грамматикамъ и учителямъ, ихъ женамъ и дѣтямъ,—мѣра знаменательная, такъ какъ съ увѣренностью можно утверждать, что въ то время между учителями по профессіи не было ни одного христіанина.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ восторжествовавшее христіанство требуетъ закрытія языческихъ храмовъ, онъ конфискуетъ въ пользу казны драгоценныя металлы, даже мѣдь съ дверей и крышъ, и епископъ Кесаріи, думая выполнить желаніе императора, распространяетъ этотъ грабежъ на всю имперію; у старыхъ

боговъ вырываютъ золотую бороду, серебряные глаза, и затѣмъ эти безформенные обезчещенные обломки выбрасываютъ на улицу на посмѣшище толпы. Но города, оставшіеся вѣрными язычеству, могутъ защитить себя отъ подобнаго хищничества: декретомъ 320 года запрещается лишать города ихъ украшеній. Еще сорокъ лѣтъ спустя въ Антиохіи и Александріи, въ этихъ особенно почитаемыхъ христианами городахъ, сохранялись — въ одномъ знаменитая статуя Аполлона Дафнійскаго, въ другомъ — обширный храмъ Сераписа.

Подобно законамъ Двѣнадцати Таблицъ, республиканскому сенату, Тиберію и Діоклетіану, Константинъ, въ качествѣ верховнаго жреца, хранителя общественныхъ обычаевъ, запретилъ частныя аруспіціи и колдовство, которое, по общему вѣрованію, могло наслать на человѣка насильственную смерть; но онъ сохранилъ общественныя аруспіціи, которыя совершались согласно стариннымъ обычаямъ и которыя ему легко было направлять по своей волѣ; онъ снисходительно относился къ мелкимъ и невиннымъ суевѣріямъ и, можетъ быть, даже раздѣлялъ ихъ, — такъ, онъ разрѣшилъ заговариваніе болѣзней, заклинаніе отъ бурь и отъ града.

Онъ запретилъ жертвоприношенія въ частныхъ домахъ, такъ какъ, во имя власти и порядка, желалъ все знать и все держать въ своихъ рукахъ; но публичныя жертвоприношенія богамъ на общественныхъ жертвенникахъ онъ разрѣшаетъ, точно такъ же онъ признаетъ старинное право религіозныхъ собраній, и долгое время спустя послѣ его смерти построеніе языческихъ храмовъ все еще продолжается, такъ что Констанцій и Θεодосій найдутъ въ Римѣ

язычество еще довольно сильнымъ. Изъ цитированной уже надписи мы видимъ, что въ послѣдніе годы царствованія Константина въ Тосканѣ и Умбріи сохранялись еще языческіе праздники, общественныя жертвоприношенія, игры, на которыхъ предсѣдательствовали ежегодно избираемый жрецъ, даже бои гладиаторовъ, которые были запрещены закономъ 325 года и существованіе которыхъ тѣмъ не менѣе можно прослѣдить до самаго конца IV вѣка.

И въ другихъ провинціяхъ, съ его разрѣшенія, былъ учрежденъ жреческій орденъ Флавіевъ; за два года до смерти Константинъ издаетъ законъ въ пользу куріаловъ, возведенныхъ въ званіе фламиновъ; подобно ему, многіе христіане въ то время относились благосклонно къ старой языческой вѣрѣ, которая въ послѣднее время преобразовалась въ культъ единого Бога. На христіанскихъ надгробныхъ памятникахъ встрѣчаются надписи: *dis manibus sacrum* (посвящено богамъ предкамъ), и христіане добивались званія фламиновъ, о чемъ можно судить по постановленію Эльвирскаго собора, запретившаго христіанамъ этого рода домогательство.

Чтобы обезпечить общественное спокойствіе, Константинъ поддерживалъ равноправность обоихъ культовъ, которую онъ обѣщаль указомъ 313 года. Закономъ признанныя корпораціи имѣли право отпустить на волю рабовъ; христіанскія общины, подходившія подъ названіе *collegia*, издавна пользовались этимъ правомъ; Константинъ только сообщилъ ему силу закона, такъ что христіанскія церкви, такъ же, какъ и языческіе храмы, какъ, напр., Аполлона и Бахуса, Мипервы и Эскулапа, Венеры и Сераписа, могли освобождать рабовъ.

Языческіе храмы были освобождены отъ государственнаго налога; они имѣли право получать имущество въ даръ и по завѣщанію, это право распространялось и на коллегіи жрецовъ; точно также право убѣжища было признано за храмами, статуями боговъ и изображеніемъ императора, даже за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ были водружены орлы легионовъ. Тѣ же привилегіи Константинъ распространилъ и на христіанскія церкви.

Жрецы были освобождены отъ занятія нѣкоторыхъ муниципальных должностей и содержались почти исключительно на счетъ общества; тѣ же льготы Константинъ предоставилъ христіанскому и иудейскому духовенству, за исключеніемъ еретиковъ — манихеевъ и донатистовъ, которыхъ послѣ Никейскаго собора онъ считалъ мятежниками.

Если говорить только о милостяхъ Константина по отношенію къ христіанской церкви, не упоминая о подобныхъ же милостяхъ по отношенію къ язычникамъ, то, конечно, можно прийти въ умленіе отъ благочестиваго усердія императора. Но если сопоставить всѣ дарованныя имъ льготы, то можно различить въ политикѣ Константина систематически проведенный планъ, направленный къ тому, чтобы осуществить принципы Миланскаго эдикта. При этомъ онъ вовсе не хотѣлъ, чтобы гражданскій порядокъ былъ нарушенъ, и чтобы, подъ предлогомъ религіи, люди ускользали отъ несенія муниципальных обязанностей. Чтобы избавиться отъ муниципальной службы, многіе переходили въ духовенство; тремя законами, изъ которыхъ послѣдній былъ изданъ послѣ Никейскаго собора, -- Константинъ повелѣваетъ выбирать на духовныя должности только въ слу-

чаѣ смерти предмѣстника, а людей достаточныхъ, способныхъ нести муниципальную службу, совѣмъ запрещаетъ посвящать въ духовный санъ. Если въ среду духовенства попадетъ декуріонъ или сынъ декуріона или землевладѣлецъ, онъ долженъ быть отрѣшенъ и возвращенъ къ исполненію общественныхъ обязанностей. Это правило соблюдалось всѣми христіанскими императорами. Сто лѣтъ спустя, Валентиніанъ III говорилъ: «Человѣкъ, не отбывшій всѣхъ муниципальных повинностей до вступленія въ духовный санъ, долженъ раздѣлить имущество между дѣтьми и оставить себѣ только часть. Если у него нѣтъ ни дѣтей ни близкихъ, двѣ трети его состоянія поступають въ курію, такъ какъ ему нужна вѣра, а не деньги».

Наконецъ, Константинъ до конца жизни не отказался отъ титула верховнаго жреца, который ставилъ его главой всего жреческаго класса, а чтобы оправдать свое вмѣшательство въ управленіе христіанской церкви, онъ называлъ себя всеобщимъ епископомъ или, по этимологическому значенію слова, блюстителемъ всѣхъ религіозныхъ дѣлъ въ имперіи, и духовенство признавало за нимъ эту роль: донатисты, напримѣръ, просятъ у него назначить имъ судей

Константинъ не стѣснялъ язычниковъ въ отправленіи ихъ богослуженія, и не исключалъ жрецовъ отъ занятія государственныхъ должностей. Изъ множества надписей мы видимъ, что въ его царствованіе и долгое время потомъ жреческое званіе совмѣщалось съ занятіемъ высшихъ должностныхъ мѣстъ. Одинъ сенаторъ, котораго Константинъ произвелъ въ консуларіи, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ жрецомъ Весты и членомъ одной жреческой коллегіи.

Затѣмъ, съ цѣлью выставить благотѣльное вліяніе христіанства на Константина, обыкновенно указываютъ на гуманность нѣкоторыхъ его распоряженій, напр., на запрещеніе въ случаѣ казенныхъ недонмокъ уводить быковъ и конфисковать земледѣльческія орудія колона, также продавать по частямъ вмѣстѣ съ землей отдѣльныхъ членовъ семьи, ее обрабатывающей, или во время жатвы налагать какія-нибудь чрезвычайныя повинности. Но нужно сказать, что это были все старинныя предписанія, которыя онъ только возстановилъ.

Денежная помощь, которую онъ предлагалъ бѣднымъ семьямъ, чтобы избавить ихъ отъ необходимости продавать дѣтей, конечно, дѣлаетъ ему честь, но она была мало дѣйствительной, такъ какъ и послѣ того продолжалось подкидыванье дѣтей; во всякомъ случаѣ эта мѣра не можетъ итти въ сравненіе съ великимъ воспитательнымъ учрежденіемъ Траяна и его преемниковъ или съ ограниченіями власти отца надъ дѣтьми, введенными законодательствомъ Антониновъ. Константинъ даже ухудшилъ положеніе подкинутыхъ дѣтей. По законодательству Антониновъ, они сохраняли свободу, въ которой родились: Константинъ сдѣлалъ ихъ рабами тѣхъ, которые ихъ къ себѣ возьмутъ, и, кромѣ того, отняли у родителей право вернуть дѣтей себѣ; въ то же время онъ отмѣнилъ распоряженіе Діоклетіана, запрещавшее родителямъ продавать новорожденныхъ младенцевъ.

III. МОНЕТЫ ВРЕМЕНИ КОНСТАНТИНА; ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ.

Изученіе монетъ времени Константина какъ разъ вскрываетъ стараніе императора не пожертвовать одной партией въ пользу другой. Симпатія къ язычеству или христіанству, выражавшіяся въ правительственныхъ циркулярахъ, были извѣстны только тѣмъ, кого они касались; между тѣмъ, монеты вращались всюду, и до нашего времени дошла масса монетъ съ изображеніемъ Юпитера, Марса, Побѣды и въ особенности Солнца, даже съ надписью: «генію римскаго народа» или «генію императора», такъ что знаменитый нумизматъ Экель по исторіи монетъ этого царствованія заключилъ, что Константинъ былъ язычникъ. Это положеніе теперь уже отвергнуто, съ тѣхъ поръ какъ было найдено нѣсколько монетъ христіанскаго типа и такихъ, въ которыхъ представлены оба культа, напр., при языческой надписи «*Marti patri conservatori*» на монетѣ изображенъ крестъ. Писатели, которые съ 312 года считаютъ Константина ревностнымъ христіаниномъ, отказываются объяснить это смѣшеніе, которое представляется имъ оскорбительнымъ; но безпристрастная исторія видитъ въ этомъ актѣ политической мудрости, по счастію, прислушивавшейся больше къ

обстоятельствамъ, чѣмъ къ отвлеченнымъ принципамъ или религіозному чувству.

Затѣмъ, при закладкѣ Константинополя. Константиномъ были соблюдены языческіе обряды. Первые удары заступа для проведенія окружности города (городской черты) были сдѣланы 4 ноября 326 г., въ день вступленія солнца въ созвѣдіе Стрѣльца, — ради того, чтобы городскія стѣны всегда были подъ покровительствомъ небеснаго стрѣлка. Когда опредѣляли гороскопъ новаго города, философъ Сопатеръ и одинъ элевзинскій жрецъ совершили таинственные обряды, которые должны были обезпечить городу счастливую будущность. При закладкѣ города, состоявшей въ сооруженіи огромной колонны изъ порфира, остатки которой сохранились до нашего времени, говорятъ, была вложена копія съ римскаго талисмана, троянскаго палладіума, а на вершинѣ колонны поставлена была статуя, голова которой, окруженная лучами, могла изображать Аполлона или императора. По словамъ одной легенды, Константинъ заложилъ туда также частицу отъ настоящаго креста Христова, который его мать Елена нашла въ Іерусалимѣ. Поэтому у этой колонны возносили молитвы и курили благовоніями язычники — въ честь Аполлона, христіане — въ честь Христа.

Въ зданіи, гдѣ собирался сенатъ, была поставлена статуя, изображающая Фортуну или Генія города, также въ мѣстѣ засѣданій римскаго сената была поставлена статуя Побѣды. Всякій годъ, въ день основанія Константинополя, эту статую ставили на колесницу Солнца, запряженную лошадьми въ пополахъ огненнаго цвѣта, и съ большими военными почестями везли на гипподромъ къ трону императора, ко-

торый возлагалъ на ея голову вѣнокъ. Во время шествія этой статуи всѣ преклонялись и молились. Но эта языческая церемонія была освящена христіанскимъ символомъ: на лбу этой статуи Солнца Константинъ велѣлъ вырѣзать изображеніе креста, и впереди этой процессіи шли христіанскіе священники съ пѣніемъ «Господи помилуй» — слова, которыя, безъ всякой измѣны своей религіи, могъ повторять и язычникъ въ честь верховнаго Божества.

Когда, послѣ публичнаго исповѣданія языческой вѣры, Юліанъ пріѣхалъ въ Константинополь, весь городъ, говоритъ Амміанъ Марцеллинъ, радостно вышелъ къ нему навстрѣчу и устроилъ ему торжественный вѣздъ. Эта встрѣча «отступника» показываетъ, что въ городѣ, изъ котораго Константинъ хотѣлъ сдѣлать христіанскую столицу имперіи, было еще много язычниковъ.

Если вамъ покажется, что, изображая Константина благоразумнымъ политикомъ, я впадаю въ крайность, посмотрите на триумфальную арку, возведенную въ Римѣ въ память побѣды, рѣшившей его судьбу. Это самый главный памятникъ его времени и даже единственный, сохранившійся до нашего времени. Онъ имѣетъ важное значеніе для исторіи искусства, такъ какъ заключаетъ въ себѣ барельефы эпохи Антониновъ, по своему изяществу представляющіе рѣзкую противоположность грубой скульптурѣ времени Константина. На этомъ произведеніи перваго христіанскаго императора мы находимъ сцены языческихъ жертвоприношеній и ни одного признака христіанства. Этимъ памятникомъ своей славы не могъ не интересоваться Константинъ и, конечно, просматривалъ планъ его и слѣдилъ за постройкой. Если тамъ нѣтъ

изображенія labagum'a и креста, хотя военныя знамена очень большого размѣра изображены на видномъ мѣстѣ, — очевидно, Константинъ не хотѣлъ выставлять на показъ христіанскіе символы среди чисто языческаго города, какимъ былъ Римъ тогда и еще много лѣтъ спустя.

Религіозную политику Константина можно резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ: онъ быстро понялъ, что основной догматъ христіанства совпадаетъ съ его собственнымъ вѣрованіемъ въ единого Бога; кромѣ того, онъ видѣлъ въ христіанствѣ силу, которую не хотѣлъ выпускать изъ своихъ рукъ, и на епископовъ смотрѣлъ какъ на государственныхъ чиновниковъ религіознаго вѣдомства: это положеніе долго сохранялось за епископами и послѣ Константина. Съ своей стороны, епископы признавали его верховный авторитетъ, подчинялись его распоряженіямъ, даже приказамъ о ссылкѣ или смѣщеніи съ должности; даже пятьдесятъ лѣтъ спустя св. Опатъ писалъ слѣдующее: «церковь заключается въ государствѣ; выше императора — одинъ Богъ». Въ царствованіе перваго христіанскаго государя никто, кромѣ св. Аѳанасія, не осмѣлился бы сказать такой фразы: «прежде всего надо повиноваться Богу». Но и язычество еще было силой, которую Константинъ не хотѣлъ вооружать противъ себя; мы видѣли уже, что Константинъ не уничтожилъ всѣхъ языческихъ храмовъ и не лишилъ ихъ всѣхъ привилегій.

Со времени побѣды надъ Лициніемъ (323), Константинъ, несомнѣнно, уже былъ христіаниномъ, насколько онъ могъ имъ быть. Онъ приблизилъ епископовъ къ своему двору, онъ съ ними проводилъ время, и при входѣ во дворецъ помѣстилъ изобра-

женіе себя съ сыновьями съ крестомъ на головѣ, ногами поспрающаго змѣю — духа зла. Но онъ не исполнялъ обрядовъ христіанской церкви и не могъ принимать участія въ ея торжествахъ, такъ какъ не былъ крещенъ. Онъ отложилъ свое окончательное присоединеніе къ церкви до послѣдняго дня жизни — не потому, какъ говоритъ Евсевій, что онъ хотѣлъ креститься въ рѣкѣ Іорданѣ, но потому, что онъ только тогда рѣшился открыто объявить себя христіаниномъ въ языческомъ обществѣ, когда это уже не могло повлечь за собой никакихъ опасныхъ послѣдствій. Даже въ самый моментъ вступленія своего въ христіанскую церковь онъ постарался успокоить язычниковъ, представляя имъ доказательство своего безпристрастнаго и справедливаго къ нимъ отношенія. Въ отвѣтъ на просьбу африканскаго провинціального собранія, онъ продиктовалъ рескриптъ, подтверждающій привилегіи фламиновъ, и приказалъ съ необычной торжественностью выгравировать этотъ декретъ на мѣдныхъ таблицахъ, «чтобы закрѣпить его на вѣчныя времена». Въ этихъ двухъ одновременныхъ актахъ, обезпечивавшихъ положеніе обѣихъ религіозныхъ партій, выражается настоящій характеръ политики Константина. Кромѣ того, Константинъ принялъ крещеніе отъ аріанскаго епископа, другому аріанину онъ передалъ на храненіе свое завѣщаніе; въ публикѣ никто не заблуждался относительно его вѣры: такъ, напр., на миланскомъ соборѣ одинъ епископъ сказалъ про Константина, что онъ «очистилъ отъ яда аріанскую ересь». Значить до послѣднихъ минутъ жизни онъ оставался вѣренъ той религіи, которую всегда исповѣдовалъ въ интересахъ общественнаго спокойствія, т. е. вѣрѣ

въ *summa divinitas*, которую проповѣдовалъ философы и которой держались аріане и вообще большая часть восточныхъ христіанъ.

Католики прозвали Константина «чашею милосердія», греки провозгласили его святымъ и равноапостольнымъ; римскіе сенаторы возвели его въ божеское достоинство, и долгое время солдаты почитали его за бога. Были особые жрецы, предназначенные для служенія его культу; въ честь его, по примѣру его предшественниковъ — боговъ, были учреждены игры и праздники, а сыновья его выгравировали медали въ «честь бога Константина»; на этихъ медаляхъ мирно помѣщались рядомъ символическіе знаки обѣихъ религій.

Константинъ поставилъ себѣ цѣлью примирить, заставить жить мирно въ сосѣдствѣ старое и новое общество, хотя симпатіи его были на сторонѣ послѣдняго. Онъ понялъ, въ какую сторону направлялось общественное теченіе и помогалъ ему, но не ускоряя его насильственно. Онъ съ честью оправдалъ титулъ «блюстителя спокойствія», который самъ себѣ начерталъ на своей триумфальной аркѣ, и исторія, занимающаяся реальными и житейскими событіями, должна поставить ему въ заслугу то, что онъ, безъ борьбы и казней, произвелъ неизбѣжный переворотъ. Нигдѣ въ исторіи мы не найдемъ ему равнаго въ этомъ отношеніи.

IV. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ УСЛОВІЯ ВЪ НОВОЙ ИМПЕРІИ.

При Діоклетіанѣ и особенно при Константинѣ древнее общество переживаетъ послѣднюю фазу своего превращенія: римскій духъ умираетъ и уступаетъ мѣсто византизму. Говоря объ учрежденіяхъ Августа, мы показали, что въ этомъ республиканскомъ принципатѣ въ зародышѣ лежала восточная монархія; такимъ образомъ, переворотъ, произведенный Константиномъ, есть лишь послѣдствіе предыдущихъ историческихъ событій. Несмотря на огромный промежутокъ времени, четвертый вѣкъ имперіи связанъ съ первымъ таинственными нитями, соединяющими настоящее съ прошедшимъ, и часто очень отдаленнымъ. Формы измѣнились, но принципъ остался тотъ же: принципъ *lex regia*.

Мы изложили самую важную часть перемѣнъ — перемѣну вѣрованій, теперь перейдемъ къ характеристикѣ новыхъ порядковъ, введенныхъ въ имперію, и ихъ послѣдствій.

Что касается организаціи двора и управленія, Константинъ продолжилъ административныя реформы Діоклетіана, но не закончилъ ихъ; слѣдя за этими реформами по *Notitia dignitatum*, представляющей изъ себя нѣчто въ родѣ императорскаго альманаха, — трудно опредѣлить, что принадлежитъ Діоклетіану, что Константину, и что ихъ преемникамъ. Между

тѣмъ, изъ законодательства Константина мы видимъ, что разграниченіе гражданскихъ и военныхъ должностей при немъ проведено окончательно; что расширены привилегіи и подтверждены титулы чиновниковъ за ихъ женами, дѣтьми и внучатами, и что вообще іерархія дворцовой службы и управленія опредѣляется точнѣе: каждой должности присвоены опредѣленные полномочія и особое мѣсто въ ряду магистратуръ, поднимающихся ступенями одна надъ другой и заканчивающихся наверху высшимъ сановникомъ, начальникомъ вѣдомства. По словамъ Евсевія, Константинъ создалъ множество должностей съ цѣлью украсить почетными титулами большее количество гражданъ. Совершенно то же говоритъ Светоній объ Августѣ, объ его попыткѣ распределить гражданъ на особые классы, рѣзко другъ отъ друга отдѣленные. И въ этомъ отношеніи Константинъ остался вѣренъ императорской традиціи, которая клонилась скорѣе къ развитію, чѣмъ къ подавленію строго-аристократическаго характера римскаго общества.

Мы не будемъ останавливаться на подробномъ описаніи административной организаціи, которая скорѣе относится къ археологіи, чѣмъ къ исторіи. Но мы должны изучить послѣдствія той правительственной системы, которая была введена Діоклетіаномъ, продолжена Константиномъ и доведена до крайности ихъ преемниками, ибо на этой правительственной системѣ коренился весь общественный строй IV вѣка.

II. ДВОРЪ И АРИСТОКРАТІЯ.

Административный механизмъ, состоявшій изъ множества колесъ, самъ находился подъ верховной властью императорскаго двора, во главѣ котораго стоялъ самъ императоръ. Политическое устройство подобнаго рода требуетъ, чтобы монархъ всегда обладалъ полной бодростью духа и тѣла, между тѣмъ, Константинъ еще задолго до преклоннаго возраста утратилъ и то и другое. Въ послѣдніе годы жизни законодательная дѣятельность его ослабѣваетъ; онъ рѣдко выѣзжаетъ изъ Константинополя; онъ потерялъ вкусъ къ войнѣ, но если вѣрить Зосиму, приобрѣлъ вкусъ къ удовольствіямъ, и Юліанъ въ своихъ Цезаряхъ изображаетъ его въ загробной жизни покоящимся на груди Пѣги. Правда, Зосимъ былъ его врагомъ, а Юліанъ политическимъ противникомъ, и свидѣтельство ихъ подозрительно, но во всякомъ случаѣ оно должно содержать частицу истины. Одинъ изъ высшихъ придворныхъ чиновниковъ носилъ званіе *tribunus voluptatum*. Впервые эта должность упоминается въ Феодосіевомъ кодексѣ, но возможно, что она создана Константиномъ. Быть-можетъ, первый императоръ Восточной имперіи закончилъ свою жизнь подобно многимъ восточнымъ владыкамъ, которые на склопѣ дней забрасываютъ дѣла и проводятъ время въ гаремѣ.

Съ этого момента въ абсолютныхъ монархіяхъ начинается обыкновенно царство куртизановъ: по свидѣтельству одного древняго писателя, побѣдитель столькихъ государей въ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни не могъ совладать съ самимъ собой: какъ расточительный юноша, онъ нуждался въ опекунѣ.

Константинъ увеличилъ пышность одежды, торжественность этикета, и какъ во времена Элагабала, дворцовыя помѣщенія при немъ посыпались золотымъ пескомъ. Когда Юліанъ, по возвращеніи изъ Галліи, потребовалъ себѣ цирульника, къ нему вошелъ роскошно одѣтый человѣкъ, который за свое ремесло получалъ огромное жалованье, которому отпущалось двадцать раціоновъ для его стола и столько же на его лошадей. Между имперіей и императоромъ находился цѣлый міръ посредниковъ, скрывавшихъ отъ государя правду, которую тогъ не стремился уже теперь лично раскрыть на мѣстѣ. Среди этого тщеславнаго и раболѣпнаго двора скоро развились всѣ тѣ пороки, которые обыкновенно развиваются въ средѣ, благопріятствующей интригамъ и мелкимъ страстямъ. Такъ какъ управленіе всей имперіи сосредоточивалось во дворцѣ, то всѣ тѣ лица, которыя по своей низменной службѣ при особѣ императора въ качествѣ слугъ, рабовъ, евнуховъ, приходили съ нимъ въ близкое соприкосновеніе, — могли теперь нашептывать ему на ухо, добиваться его подписи, вымаливать распоряженій. Такимъ образомъ, люди награждались не по заслугамъ, а по милости императора: въ это время постыднымъ путемъ были составлены громадныя состоянія, на счетъ казны и частныхъ лицъ. Алчныя куртизаны намѣчали себѣ жертвы; пускалась въ ходъ клевета

и много крупныхъ богачей были разорены, при помощи ложныхъ обвиненій. Аммианъ Марцеллинъ, указывая на распространенность этого зла при Констанціи II, обвиняетъ Константина въ томъ, что онъ первый его разрѣшилъ, «потакая ненасытнымъ аппетитамъ дворцовыхъ слугъ» (palatini).

По словамъ Евсевія, Константинъ обращается съ отеческими увѣщаніями къ придворнымъ: «Когда же вы умѣрите свою жадность? — будто бы сказалъ онъ имъ и, очертивши концомъ копья пространство въ 6 футовъ, послѣднее наше жилище, онъ прибавилъ: — Если бы даже вы собрали золото всего міра, скоро вы будете владѣть только этимъ пространствомъ, и то если вамъ его дадутъ». Кодексъ Феодосія рисуетъ намъ болѣе реальнаго Константина въ одномъ рескриптѣ, въ которомъ изображается крайняя испорченность нравовъ въ обществѣ, а въ императорѣ далеко не такъ много христіанскаго смиренія. «Прочь грабительскія руки, — восклицаетъ онъ, — прочь эти руки, протягиваемыя чиновниками; не то я отсѣку ихъ мечомъ». И онъ перечисляетъ при этомъ массу всевозможныхъ способовъ вымогать деньги у тѣхъ, которые имѣютъ надобность до административныхъ или судебныхъ лицъ. «Если пострадавшіе не рѣшятся жаловаться, — прибавляетъ онъ, — пусть посторонніе раскроютъ эти беззаконія, чтобы можно было наказать грабителей достоуважымъ образомъ». Несмотря на добрыя намѣренія этого рескрипта, сопровождаемыя угрозами, сомнительно, чтобы онъ преобразовалъ нравы, ибо въкомъ позже Валентиніанъ III повторяетъ тѣ же жалобы и рисуетъ еще болѣе мрачную картину.

Продажность была римскимъ порокомъ еще съ

древнихъ времянь, но никогда, кромѣ развѣ еще послѣдняго вѣка республики, она не принимала такого широкаго распространенія и не становилась такой беззащитной. Это объясняется тѣмъ, что многочисленные агенты Константина выбирались уже не изъ тѣхъ знатныхъ вельможъ, какихъ государи перваго періода имперіи отправляли въ провинціи, гдѣ они занимали тогда почетное и видное положеніе, не углубляясь особенно въ мѣстныя дѣла. Эти прежніе императорскіе легаты изъ консуларіевъ, хранившіе въ фамильномъ атриумѣ изображенія своихъ знаменитыхъ предковъ, слѣдили сами за собой, чтобы поддержать честь имени, или же за ними наблюдалъ и ихъ сдерживалъ самъ императоръ, съ тѣмъ большею бдительностью, что они могли стать для него опасными. Чиновники новой имперіи, наоборотъ, принадлежали къ числу тѣхъ мелкихъ людишекъ, которыми кишатъ обыкновенно дворы восточныхъ владыкъ; они протискиваются незамѣтно впередъ, съ помощью всякаго рода унижоній и интригъ, мало-по-малу переходятъ съ одной ступени на другую и добиваются до высшихъ должностей, а добившись высшаго мѣста, они начинаютъ торговать правосудіемъ, чтобы вознаградить себя за то, что въ теченіе многихъ лѣтъ сами оплачивали каждый шагъ впередъ. Въ первые два вѣка имперіи жители, въ обыкновенныхъ тяжбахъ, обращались къ своимъ судьямъ, выбраннымъ ими изъ своей среды. Въ болѣе важныхъ случаяхъ дѣло было подсудно императорскому чиновнику, но онъ самъ не рѣшалъ его: онъ только сообщалъ формулу закона и назначалъ судей, которые очень напоминаютъ нашихъ присяжныхъ. Теперь же приходилось

обращаться къ одному судѣ, котораго легче было подкупить,—къ человѣку, гордящемуся своей властью и положеніемъ, такъ какъ надъ нимъ нѣтъ начальства, кромѣ самого императора, непосредственнымъ агентомъ котораго онъ является. Такой человѣкъ держалъ себя надменно, и подступить къ нему можно было только съ приношеніями, какъ къ какому-нибудь богу. Продажность является обыкновенно язвою умирающаго общества, — а римское общество находилось въ процессѣ вымиранія.

Публичные курсы были прежде часто школой воспитанія нравовъ, изошренія ума и изящества рѣчи. Они значительно подвигали впередъ занятія искусствомъ и литературой. Но въ эпоху, которой мы занимаемся, ни поэзіи, ни искусства, этихъ живыхъ общественныхъ силъ, возвышающихъ душу, не существовало. Деспотическое правительство и религія, обнаруживавшая задатки нетерпимости, не позволяли затрогивать важныхъ вопросовъ. Нельзя касаться политики: императоръ властвуетъ неограниченно; нельзя заниматься исторіей: нужно или скрывать истину или облекать ее въ такія льстивыя выраженія, которыя претятъ честнымъ людямъ; нѣтъ и краснорѣчія: ему негдѣ проявиться, развѣ только въ раболѣпныхъ восхваленіяхъ государя. Знаменитая спеціально-римская наука — право — и та утратила свой характерный лапидарный стиль; императорскіе указы многословны, риторичны; слова въ нихъ загромождаютъ мысль. Только въ концѣ вѣка, благодаря усиліямъ трехъ писателей, Симмаха, Клавдіана и Рутилія, латинская литература переживаетъ послѣднюю предсмертную вспышку; всѣ остальные были буквоѣды-педанты. Только въ христіанской

церкви еще есть великіе ораторы, но они выступаютъ на защиту небесныхъ, а не земныхъ интересовъ; такимъ образомъ, въ свѣтскомъ обществѣ имперіи вся умственная дѣятельность ограничивается или интригой куртизановъ, или схоластическими ухищреніями философовъ, превратившихся въ богослововъ, — сосредоточивается въ маленькой кучкѣ литераторовъ съ запоздавшими вкусами къ древней музѣ, которой они тщетно силились подражать.

Императорскій дворъ представлялъ собой центръ, лучи отъ котораго распространялись на всю имперію, освѣщая отблескомъ императорскаго величія и выдѣляя изъ толпы тѣхъ, на кого падала милость монарха въ видѣ награды должностями или почетными званіями.

Вышіе сановники величались «совершеннѣйшими» и «превосходительными», потомъ возникаютъ титулы: «сіятельныхъ», «почтенныхъ», а сенаторовъ въ обѣихъ столицахъ называютъ «свѣтлѣйшими». Но сенаторы IV в. значительно отличаются отъ своихъ предшественниковъ. Зло, отъ котораго страдала Италия, мало-по-малу распространилось и на провинціи: крупное землевладѣніе (*latifundia*) тамъ поглотило мелкую собственность. «Бѣднякъ, — гов. Сальвіанъ, не можетъ жить рядомъ съ богачомъ: онъ теряетъ при этомъ свое имущество, а часто и свободу». Св. Амвросій, Григорій Назіанзинъ говорятъ то же самое. Трудно было задержать эту экономическую эволюцію. Константинъ впрочемъ и не думалъ о томъ, но рѣшилъ только извлечь изъ этого выгоду. Чтобы создать новый и многочисленный податной классъ онъ причислилъ къ *amplissimus ordo* много крупныхъ землевладѣльцевъ изъ провинцій и обложилъ ихъ

налогомъ, пропорціонально ихъ имуществу (*follis senatorius*). Въ прежнее время сенаторомъ могъ быть только римлянинъ, теперь вездѣ можно было встрѣтить сенаторовъ. Тѣ, которые по наслѣдству получили милость императора — какую-нибудь служебную должность или мѣсто въ дворцовой милиціи, вообще право называться «свѣтлѣйшими», — образуютъ сенаторское сословіе, которое вскорѣ будетъ обнимать собою всѣхъ богатыхъ провинціаловъ и всѣхъ высшихъ чиновниковъ, вышедшихъ въ отставку. Эта знать пользуется особыми привилегіями, выдѣляющими ее изъ всего остального населенія, котораго она не допускаетъ въ свою среду; сенаторское званіе наслѣдственно, по закону оно передается тремъ поколѣніямъ, въ сущности же оно остается въ родѣ до тѣхъ поръ, пока сохраняются достаточныя средства; по обычаю, а также и изъ расчета сынъ обыкновенно слѣдовалъ карьерѣ отца. «Между сенаторомъ и куріаломъ, — по словамъ закона, — нѣтъ ничего общаго».

Официально мѣстомъ жительства сенаторовъ былъ Римъ, а Константинополь былъ *sedes dignitatis*, по очень многіе совѣмъ не пріѣзжали въ Римъ. Еще Траянъ и Маркъ Аврелій жалуются на ихъ отсутствіе, а въ то же время въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ встрѣчаются сенаторы. Сынъ Константина во время пребыванія въ Римѣ, въ 357 г., тщетно увѣщевалъ сенаторовъ Греціи, Македоніи и Иллиріи «что и возлѣ Рима есть прекрасныя мѣста для жительства, и что если они поселятся тамъ, они будутъ избавлены отъ необходимости предпринимать утомительныя поѣздки, чтобы принять почести, подобющія ихъ званію». А между тѣмъ, какъ разъ эти

разорительныя почести и заставляли ихъ бѣжать изъ Италіи.

Съ разнаго рода титулами и со множествомъ должностей связаны были особыя привилегіи. Нѣкоторыя изъ этихъ привилегій были почетны: чинъ, мундиръ, право пріѣзда ко двору и входа въ преторій намѣстниковъ, право подлежать суду только городского префекта или самого императора и т. д. Другія привилегіи были выгодны: на примѣръ, освобожденіе отъ нѣкоторыхъ налоговъ, отъ таможенныхъ пошлинъ, всякихъ повинностей, муниципальной службы, отъ пытки и т. д., и эти преимущества заставляли однихъ гордиться, другихъ завидовать имъ. Подобныя льготы раздавались чрезвычайно рѣдко во время республики и въ первый періодъ имперіи, но въ третьемъ столѣтіи онѣ сильно возросли, благодаря тому, что увеличилось количество общественныхъ должностей и усилилось вмѣшательство государства въ муниципальное управленіе. Константинъ въ широкихъ размѣрахъ примѣнялъ эту систему, съ одной стороны, для того, чтобы доставить знати видное положеніе, съ другой — для того, чтобы вознаграждать за службу ничего ему не стоившими привилегіями, вмѣсто денегъ. Отъ 314 по 328 г. было издано пять законовъ, даровавшихъ или расширявшихъ наследственныя привилегіи палатинамъ.

Христіанство, провозгласившее принципъ равенства, совсѣмъ не разбило аристократическихъ тенденцій общества, въ которомъ оно водворилось. Христіанскіе императоры считаются земными богами, пожалуй, еще въ большей степени, чѣмъ языческіе императоры, и они создаютъ классъ правительственной аристократіи, какого въ прежнемъ Римѣ не было.

Судя по той лѣстницѣ должностей, которую нужно было пройти, чтобы добраться до государя, и судя по стараніямъ, какія употребляло правительство, чтобы запереть гражданина въ одномъ пунктѣ или закрѣпить его за его фамильнымъ ремесломъ, можно подумать, что имперія обладаетъ тѣми монархическими учрежденіямъ, которыя должны были прикрывать монарха, и, представляя изъ себя людей, заинтересованныхъ въ поддержаніи порядка, служить опорой отъ народнаго или солдатскаго мятежа. Но подобнаго рода оплоты, охранявшіе въ теченіе многихъ вѣковъ королевскую власть въ Европѣ, только тогда прочны, когда они возникли сами собой. Только съ помощью религіи или войны образуется могущественная аристократія. Знать времени Константина не произошла ни тѣмъ, ни другимъ путемъ. Созданная внезапно, по прихоти государя, надѣленная землей, но не умѣющая владѣть оружіемъ, одинъ видъ котораго приводитъ ее въ трепеть и вызываетъ презрѣніе, — она не представляла изъ себя настоящую аристократію, такъ какъ подъ навѣшенными на нее титулами, составлявшими простые значки извѣстной группировки, которую императоры могли произвольно измѣнять, она не заключала въ себѣ никакой специально ей присущей силы. Ея имущество и жизнь находились всецѣло въ распоряженіи императора, и созданіе аристократіи нисколько не помѣшало евреямъ и рабамъ попрежнему владѣть во дворцѣ. Итакъ, раззолоченная челядь Константинополя не имѣла ничего общаго съ старинною аристократіею Рима, которая сыграла такую видную роль въ его исторіи; она избѣгала лагерной жизни, гдѣ бы могла закалить себя для

мужественной встрѣчи съ опасностью, — поэтому, когда начались нападенія непріятелей, эта знать, изнѣженная праздностью, деморализованная раболѣпіемъ, не могла имъ противостоять.

Основнымъ принципомъ классической древности было избраніе, и формы избранія были сохранены даже тогда, когда по существу избранія уже не существовало. Въ римскій періодъ имперіи дуумвиры выбирались народнымъ собраніемъ; даже при вступленіи на престолъ новаго государя всегда происходило нѣчто въ родѣ избранія. Въ византійскій періодъ, наоборотъ, сталъ господствующимъ принципъ наслѣдственности, введенный и поддерживаемый закономъ. Прежде всего этотъ принципъ былъ введенъ для принципата и для сенаторовъ; позднѣе онъ сталъ обязательнымъ для куріаловъ и колоновъ, правительственныхъ чиновниковъ, *cohortales* и для рабочихъ на государственныхъ заводахъ, для всякаго рода корпорацій и даже для значительнаго большинства солдатъ. Но при господствѣ наслѣдственности въ соединеніи съ іерархіей всякая жизнь замретъ, и громадный корпусъ имперіи будетъ какъ бы парализованъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда на него набросятся варвары. Тогда народъ безучастно будетъ смотрѣть на усилія правительства, потому что чувствуетъ, что надъ нимъ тяготѣетъ цѣлый міръ привилегированныхъ и надменныхъ чиновниковъ и лицъ титулованныхъ, которыя безцеремонно пользуются казенными средствами, и изъ которыхъ многіе ничего не вносятъ въ казну. Жажда получать титулы становится все сильнѣе, — скоро титулы начинаютъ покупать, число платящихъ подати все уменьшается, а число

паразитовъ все возрастаетъ. Скоро дойдетъ до того, что въ каждомъ титулѣ будетъ по пяти степеней знатности. Благодаря всему этому, извѣстная фраза Лактанція приобретаетъ роковой смыслъ, несмотря на явную преувеличенность: «Число получающихъ гораздо больше числа дающихъ». Имперія передастъ это зло варварамъ: хотя льготы меровингскаго времени захватываютъ болѣе широкій кругъ лицъ и носятъ другой характеръ, тѣмъ не менѣе, онѣ являются отголоскомъ императорскихъ привилегій.

•

V. ГОРОДСКОЙ КЛАСЪ: КУРИАЛЫ И ПОССЕССОРЫ.

Отъ придворной аристократіи перейдемъ къ народу: какъ вездѣ, онъ состоялъ изъ богатыхъ и бѣдныхъ. Но въ то время богатство вело за собой часто непосильныя тягости, съ другой стороны, бѣдность ставила людей почти въ рабское положеніе.

Въ древнія времена въ греко-италійскихъ общинахъ на гражданахъ лежали всѣ городскія дѣла: содержаніе въ исправности дорогъ и общественныхъ зданій, городская полиція, завѣдованіе финансамъ, судъ, религіозныя обряды, общественныя празднества и т. п., и они исполняли все это охотно, такъ какъ въ политической свободѣ находили вознагражденіе за понесенныя жертвы. Но потомъ Римъ навязалъ этимъ маленькимъ республикамъ свои законы, а имперія въ концѣ концовъ отняла у нихъ муниципальныя вольности. Остались однѣ повинности. Эти повинности стали обязательными и чѣмъ дальше, тѣмъ онѣ становились все болѣе обременительными для городскихъ богачей, такъ какъ все увеличивалось число лицъ, освобожденныхъ отъ муниципальных тягостей. Такого рода изъятія были сдѣланы для знати, для ветерановъ, для откупщиковъ и сборщиковъ нѣкоторыхъ видовъ податей, для колоновъ казенныхъ земель и для ремесленниковъ, которые доставляли издѣлія свои во дворецъ, наконецъ, для

судохозяевъ, которые перевозили хлѣбъ въ мѣста даровой раздачи. Льготы эти, съ одной стороны, были почетными, какъ извѣстныя привилегіи, съ другой, — выгодными, такъ какъ избавляли отъ расходовъ, связанныхъ съ муниципальной службой. Такимъ образомъ, правительство угождало тщеславію одной части гражданъ въ ущербъ другой, и сваливало, такимъ образомъ, на чужой счетъ вознагражденія за услуги, оказанныя государству. Куріаломъ нужно было родиться, только въ исключительныхъ случаяхъ можно было сдѣлаться куріаломъ: для простолюдина — въ томъ случаѣ, когда, по счастливому повороту судьбы, онъ изъ бѣдняка становился богачомъ, а для знатнаго человѣка — въ видѣ искупленія за какой-нибудь проступокъ. Людей, виновныхъ или только подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступленія, приписывали къ куріи, какъ бы въ наказаніе или, вѣрнѣе, взамѣнъ наказанія. Это была своего рода вербовка на муниципальныя должности.

Во время послѣдняго гоненія богатые христіане были причислены къ куріи ради того, чтобы состояніемъ ихъ могъ воспользоваться муниципальный сенатъ: одинъ законъ, изданный Константиномъ, гласитъ: «Если человѣкъ, назначенный дуумвиромъ, убѣжитъ, имущество его переходитъ къ его замѣстителю». Заключенный въ курію, какъ въ тюрьму, куріаль былъ какъ бы плѣнникомъ своей муниципіи, рабомъ своего положенія. Онъ долженъ былъ нести на себѣ всѣ городскія тягости, оставшіяся отъ республиканскихъ временъ, кромѣ того, правительство возлагало на него государственныя обязанности, напримѣръ, взиманіе денежныхъ и натуральныхъ сборовъ. Куріалы, на свой рискъ и отвѣт-

ственность, должны были производить раскладку и взысканіе податей; на ихъ обязанности лежалъ также наборъ рекрутъ, такъ какъ въ то время поставка солдатъ производилась съ земельныхъ участковъ. Цѣлый рядъ законодательныхъ распоряженій былъ изданъ для того, чтобы ввести въ курію сына декуріона съ 18-лѣтняго возраста, чтобы подъ страхомъ ссылки отнять у куріала право отчуждать землю или уѣхать изъ города безъ разрѣшенія намѣстника, чтобы закрыть ему доступъ въ милицію, на церковныя и государственныя должности. Если онъ умираетъ бездѣтнымъ, курія наследуетъ послѣ него. Если послѣ него остаются только дочери, курія присвоиваетъ себѣ четвертую часть наследства. Одинъ Константинъ издалъ двадцать два узаконенія, касающихся куріаловъ, а въ отдѣлѣ о декуріонахъ въ Феодосіевомъ кодексѣ такихъ узаконеній 192: законодательная заботливость довольно отяготительная, ибо правительство хлопотало вовсе не о благосостояніи городовъ, а о правильномъ поступленіи налоговъ, вербовкѣ солдатъ и аккуратномъ исполненіи общественныхъ работъ; всѣ эти обязанности, съ присоединеніемъ еще судебныхъ, составляютъ собственно функцію государства, а между тѣмъ, императоры сваливали ихъ на муниципалитеты. Поэтому мы не будемъ удивляться, что куріалы бѣгутъ въ незаселенныя мѣста, покупаютъ титулы, чтобы найти убѣжище въ корпораціяхъ, избавленныхъ отъ муниципальной службы, или переходятъ въ колонаты, и поймемъ, почему древній историкъ говоритъ о городахъ безъ горожанъ, а Константинъ о куріяхъ безъ куріаловъ. Этимъ же объясняется масса успій остановить дезертирство, вызванное, впрочемъ,

самимъ же императоромъ, вслѣдствіе неправильнаго распредѣленія общественныхъ обязанностей между правительствомъ и гражданами.

Эти рабы общественныхъ обязанностей имѣли, однако, кое-какія награды: прежде всего муниципальныя должности давали имъ почетное положеніе, пзвѣстную фикцію власти, удовольствіе сознать себя выше толпы, и если они разорялись на городской службѣ, то имѣли право требовать отъ города содержанія; затѣмъ, они пользовались освобожденіемъ отъ пытки, — а въ тѣ времена къ пыткѣ прибѣгали часто, — льготою отъ нѣкоторыхъ повинностей и нѣкоторыми, правда, не особенно чистыми, но значительными выгодами, которыя они могли извлечь изъ исполненія своихъ государственныхъ обязанностей. Предоставленіе одному лицу раскладки и взиманія податей деньгами и натурой было очень плохой административной системой. Одни оказывались очень высоко обложенными, другіе очень низко. Одни обманывали на количествѣ, другіе на качествѣ, — и всѣ безнаказанно, подъ прикрытіемъ сборщика, снисходительность котораго можно было купить деньгами. По справедливому воздаянію, притѣсняемые казною въ свою очередь сами становились притѣснителями. Амміанъ Марцеллинъ отмѣчаетъ это явленіе съ царствованія Констанція, и поздпѣе Сальвіанъ говоритъ: «Сколько куріаловъ, столько тирановъ».

Но правительство не обращало на это вниманія. Оно находило очень удобнымъ опредѣлить цифру земельного налога и затѣмъ получать готовые деньги, и даже воспользовалось той же системою для взиманія пошлинъ съ торговли и промышленности.

Купцы назначали уполномоченныхъ, которые раскладывали и собирали требуемую сумму налога; правительство слѣдило лишь за тѣмъ, чтобы сумма была внесена сполна. Этотъ способъ взиманія вызывалъ тѣ же злоупотребленія, какъ и предыдущій, возложенный на куріаловъ: плательщики подвергались вымогательствамъ, притѣсненіямъ; сборщики страдали отъ разорительной отвѣтственности. Поэтому этотъ налогъ, называвшійся хризаргиръ (такъ какъ онъ платился золотомъ и серебромъ), былъ самымъ непопулярнымъ изъ налоговъ.

О водопроводахъ въ прежнее время очень заботились республиканскіе цензоры, а потомъ императоры. Но Константинъ возложилъ поддержаніе водопроводовъ и прокладку трубъ на тѣхъ собственниковъ, по землѣ которыхъ проходилъ водопроводъ. За это они были освобождены отъ платежа чрезвычайныхъ налоговъ, отъ чего увеличивалась доля другихъ, а въ случаѣ небрежнаго ухода за водопроводами — онъ конфисковалъ ихъ земли.

VI. НАРОДЪ, КОРПОРАЦИИ, УТВЕРЖДЕННЫЯ ЗАКОНОМЪ, И КОЛЛЕГІАТЫ.

Если судить по привилегіямъ, которыми были облечены нѣкоторые лица, въ имперіи можно различить два вида знати: во-первыхъ, правительственная аристократія: классъ высшихъ чиновниковъ и лицъ титулованныхъ; во-вторыхъ, городская аристократія, состоявшая изъ куріаловъ, къ которымъ присоединялись землевладѣльцы и богатые купцы, еще не вступившіе въ курію (*ordo possessorum*), но въ нѣкоторыхъ случаяхъ призывавшіеся на совѣщанія съ декуріонами. Обѣ эти аристократіи составляли классъ *honestiores*, внѣ которого находились въ деревнѣ—колоны, а въ городахъ—ремесленники, вольноотпущенники и мелкіе торговцы. Это городское и сельское населеніе составляло огромную массу людей, считавшихся паріями въ римскомъ обществѣ. Начиная съ царствованія Августа, имущій человекъ (*honestior*) не могъ быть привлеченъ на судъ человекомъ неимущимъ (*humilior*). При Антонинахъ законодательство уголовное и политическое устанавливаетъ строгое различіе между этими двумя классами. Плебей (*plebscius homo*) исключенъ изъ куріи, и за одно и то же преступленіе богатый подвергается высылкѣ, а бѣдный самымъ жестокимъ казнямъ; первый не можетъ быть наказанъ розгами, второй можетъ умереть подъ уда-

рами. Отнынѣ всякій, кто занималъ какую-нибудь муниципальную должность, пользовался сколько-нибудь почетнымъ положеніемъ въ городѣ или владѣлъ состояніемъ, — выдѣлялся изъ народа: «Судья, — говоритъ Константинъ, — долженъ придавать пре-мущественное значеніе свидѣтельству *honestior'a*».

Чѣмъ же опредѣлялась принадлежность къ низшему или высшему классу?

Humiliores считались всѣ тѣ, которые были записаны въ полицейскихъ спискахъ, какъ занимающіеся позорными ремеслами, и бѣдняки, т. е. граждане, состояніе которыхъ не превышало 50 *aurei*, равняющихся приблизительно 900 франкамъ. Во Франціи, гдѣ очень легко выбиться изъ нужды, стоимость средняго рабочаго хозяйства не превышаетъ этой цифры, а люди, имѣющіе меньше этой нормы, составляютъ треть всего мужского населенія. А такъ какъ въ римской имперіи процентъ бѣдныхъ былъ гораздо выше, то отсюда можно заключить, что значительное большинство жителей, вопреки указу Каракаллы, не были гражданами *pleno jure*. *Honestior* же, наоборотъ, пользовался привилегіями, которыя принадлежали римскому гражданину только при республикѣ.

А между тѣмъ, въ числѣ этихъ обездоленныхъ находились производители, своимъ трудомъ удовлетворявшіе всѣмъ нуждамъ общества. Положеніе, въ которомъ мы ихъ застаемъ въ началѣ IV вѣка, было, правда, подготовлено въ предшествующія времена, но Константинъ закрѣпилъ его.

Принципъ взиманія податей натурою былъ давнишней чисто римской особенностью, практиковавшейся еще въ республиканскія времена и затѣмъ

перешедшей къ имперіи, поэтому ничего не было удивительнаго, что этотъ принципъ былъ распространёнъ на всѣ виды сборовъ. Казна брала на себя кормить и одѣвать, — на поступления изъ провинцій, — дворъ, администрацію, войско и даже учителей; такимъ образомъ, почти половина податей платилась натурой, со всѣми неудобствами, свойственными этому способу взиманія, — многочисленными злоупотребленіями и расхищеніемъ общественныхъ богатствъ. Но потребности въ роскошныхъ подаркахъ государей своимъ слугамъ, въ дорогихъ одеждахъ и оружій, — плательщики не могли удовлетворить. Правительству приходилось завести свои ткацкія красильни, мастерскія золотыхъ издѣлій и т. п., которыя бы могли обрабатывать сырые продукты, доставляемые населеніемъ въ качествѣ податей: однихъ оружейныхъ мастерскихъ было устроено 35. Ремесленники, трудъ которыхъ былъ необходимъ для правительства или городовъ, должны были непременно группироваться въ цехи. Въ Римѣ было 254 булочныхъ. Сынъ содержателя пекарни по достиженіи 20-тилѣтняго возраста обязанъ былъ слѣдовать ремеслу своего отца, въ противномъ случаѣ онъ лишался правъ на наслѣдство; угольщики, обжигатели извести, возчики, доставлявшіе дрова для топки бань, и т. п. — всѣ были включены въ корпоративное устройство; вольноотпущенниковъ, имѣвшихъ капиталъ въ 30 фунтовъ серебра, законъ обязывалъ вступать въ товарищество разгрузчиковъ. Лишь только рабочій попадалъ въ товарищество, онъ, подобно куриалу, былъ навсегда прикрѣпленъ къ своему ремеслу.

Взамѣнъ того, эти *fabricenses* и ремесленники бы-

Римская имперія.

ли освобождены отъ несенія муниципальныхъ должностей: по правдѣ сказать, эта льгота была призрачная, такъ какъ, во-первыхъ, она не была имъ дарована закономъ, а вызывалась поневолѣ ихъ бѣдностью, во-вторыхъ, ея немедленно лишались тѣ, которые, благодаря какой-нибудь случайности, разбогатѣли настолько, что были въ состояніи отправлять общественную службу. Въ 337 году тридцать восемь либеральныхъ и художественно-промышленныхъ профессій получили отъ Константина полное освобожденіе отъ всѣхъ повинностей. Въ данномъ случаѣ это была дѣйствительная льгота, такъ какъ среди этихъ профессій легко можно было встрѣтить людей съ достаткомъ, а всякій такой человѣкъ немедленно привлекался къ муниципальной службѣ. Но милость эта была оказана только ради того, чтобы этимъ мастерамъ дать возможность «усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ и обучить ему своихъ дѣтей». Такимъ образомъ, законодатель IV вѣка старается даже въ свободныхъ профессіяхъ утвердить тотъ принципъ наследственности, который онъ проводитъ всюду. «Необходимо,—пишетъ Константинъ въ 317 г.,—чтобы монетчики были прикрѣплены къ своимъ мастерскимъ». Рабочіе на императорскихъ заводахъ, *navicularii*, которые перевозятъ хлѣбъ, масло и подати, уплачиваемыя натурой для государства, *metallarii*, канцелярскіе чиновники, члены корпорацій, полезныхъ для государства или городовъ, — всѣ тоже введены въ эти рамки наследственности; это положеніе было въ сущности порабощеніемъ (*serviunt*).

На императорскихъ заводахъ рабочимъ накладывали неизгладимое клеймо на руки, чтобы въ слу-

чаѣ бѣгства можно было тотчасъ узнать ихъ, и связывали ихъ взаимной отвѣтственностью другъ за друга; взысканіе за плохую работу или за какой-нибудь ущербъ, нанесенный казенной мастерской однимъ изъ нихъ, раскладывалось на всѣхъ, точно такъ же, какъ чиновники канцеляріи, въ случаѣ оштрафованія ихъ директора, должны были платить такой же или даже еще большій штрафъ.

Корпорации, работавшія на государственныя и общественныя нужды, составляли только часть ремесленниковъ имперіи. Были еще такіе, которые свободно занимались своимъ ремесломъ: по римскому обычаю, и они группировались по городамъ въ коллегіи, образованіе которыхъ Константинъ поощрялъ или даже иногда предписывалъ. Нѣкоторыя изъ этихъ коллегій были богаты и пользовались уваженіемъ, какъ, напр., корабельщики Сены и Роны и множество торговыхъ и промышленныхъ ассоціацій, этихъ остатковъ угасающаго величія. Другія, состоявшія изъ мелкихъ ремесленниковъ, перебивались кое-какъ по бѣднымъ лачугамъ городовъ. Какой цѣной пользовались эти люди въ обществѣ, можно видѣть по тарифу штрафовъ: простой декуріонъ, или человекъ, по происхожденію своему обязанный служить въ куріи, *obnoxius curiae*, равнялся пяти коллегіатамъ. На нихъ возлагали обыкновенно грязную работу. По словамъ императора Майоріана, древній законъ обязываетъ коллегіатовъ, по очереди и подъ наблюденіемъ куріаловъ, выполнять всѣ низменныя городскія должности, и зачисленіе въ составъ коллегіи признается законной карой.

Естественно, что коллегіатъ стремился убѣжать изъ своей тюрьмы, какъ куріаль изъ своего плѣна. Въ

кодексъ Феодосія мы читаемъ: «Города, оставленныя безъ отправленія необходимой общественной службы, утратили свой прежній блескъ, такъ какъ многіе коллегіаты, сбрасывая съ себя заботы о городѣ, убѣгаютъ въ поля и живутъ въ глухихъ и уединенныхъ мѣстахъ; они должны быть взяты, гдѣ бы ихъ ни нашли, и водворены на прежнюю службу».

VII. КОЛОНЫ И РАБЫ.

Отъ городского населенія перейдемъ къ сельскому, къ той части его, которая была обложена *capitatio terrena*, обратившимся въ средніе вѣка въ произвольно назначаемую *taille*. Государственные колонны вначалѣ были освобождены отъ муниципальной службы, ради того, чтобы они не отвлекались отъ обработки казенныхъ земель. Они могли обзаводиться семьей, владѣть имуществомъ, которое передавали по наслѣдству сыновьямъ, и имѣли право вчинать иски передъ судомъ. Но по мѣрѣ того, какъ они сливались съ другими видами сельскаго населенія, положеніе ихъ ухудшалось, пока наконецъ жестокое слово Катона о рабѣ, *instrumentum vocale*, не было произнесено и надъ ними. Во времена Ульпіана, они уже составляли, наравнѣ съ воломъ, плугомъ и бурдюками для вина, инвентарь помѣстья, *instrumentum fundi*. Колонъ продавался вмѣстѣ съ тѣмъ участкомъ, который онъ обрабатывалъ. «Если онъ бѣжитъ, — говоритъ Константинъ, — пусть его преслѣдуютъ какъ бѣглаго раба»; и, несмотря на то, что онъ былъ свободнымъ человекомъ, положеніе его было настолько тяжело, что, желая наказать здоровыхъ людей, просившихъ милостыню, ихъ обращали въ колоновъ.

Такимъ образомъ, большая часть экономическаго труда, въ области земледѣльческой и промышленной культуры, мало-по-малу перешла на рабское поло-

женіе. Даже въ феодальное время рабочій не слышалъ такихъ жесткихъ словъ, какъ въ рескриптѣ сыновей Константина: «Пусть эти люди, запятанные позоромъ труда, не подумаютъ претендовать на человѣческое достоинство, даже если бы они его заслужили, — пусть они навсегда остаются въ томъ же положеніи». Такъ подготовлялись тѣ «прочные устои средневѣковаго общественнаго строя», которые готовы были рекомендовать нашему времени люди, напуганные современными смутами.

Страшной язвой античнаго общества было рабство. Христіанство смягчить его своимъ отеческимъ покровительствомъ, ибо духъ кротости есть сущность евангелія; но такъ какъ христіанство не поставитъ своей цѣлью пересоздать политическую организацію и общественный строй, то оно не уничтожитъ рабства. Апостолъ Павелъ обѣщалъ христіанамъ равенство въ Богѣ; но о равенствѣ на землѣ онъ имъ не говорилъ. Извѣстно, что епископы имѣли рабовъ, даже для личнаго услуженія. Когда, въ V вѣкѣ, духовенство станетъ самымъ крупнымъ собственникомъ въ имперіи, оно соберетъ въ свои руки безчисленное множество рабовъ, съ которыми будетъ обращаться гуманно; но хотя оно очень усердно будетъ поощрять отпускъ на волю рабовъ, у себя оно не особенно охотно будетъ допускать это, такъ какъ оно всегда будетъ нуждаться въ большомъ количествѣ рабочихъ рукъ для обработки своихъ обширныхъ владѣній. Рабство, поднятое морально, но сохраненное церковью, было удержано и Константиномъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже увеличилъ строгость уголовныхъ законовъ. Естественно, что суровое отношеніе къ рабству перваго христіанскаго государя не могло рас-

положить въ пользу рабовъ — тѣхъ рабовладѣльцевъ, которые оставались глухи и къ проповѣди евангелія о состраданіи.

Общество, въ которомъ было такъ много рабскихъ условій жизни и въ которомъ большинство людей стремилось такъ или иначе избавиться отъ своего положенія, — должно считаться больнымъ. Въ древнее время рабство порождало много бѣдствій, но по крайней мѣрѣ надъ нимъ былъ классъ людей свободныхъ и сильныхъ, способныхъ на великія дѣла, которыя они и совершили. А теперь что было поверхъ этого рабскаго населенія, о которомъ мы только что говорили? Ничего. Правда, свобода влечетъ иногда за собой бурную жизнь, но зато деспотизмъ превращаетъ все въ стоячее болото, которое испускаетъ изъ себя смертоносныя міазмы.

VII. ВОЙСКО.

Сохранилъ ли по крайней мѣрѣ Константинъ самое древнее и самое лучшее изъ римскихъ учрежденій, которому Диоклетіанъ вернулъ былое значеніе и дисциплину, — военную организацію? Въ римской имперіи легіонъ, со своей кавалеріей, вспомогательными отрядами и боевыми машинами, составлялъ настоящій военный корпусъ, снабженный всѣмъ необходимымъ, и всѣ легіоны, если оставить въ сторонѣ преторіанцевъ, были сформированы по одному образцу. Во время Септимія Севера 33 такихъ корпусовъ были разставлены вдоль границъ; къ концу IV вѣка число ихъ уже дойдетъ до 175, и ихъ размѣстятъ большею частію внутри имперіи. За восемнадцать лѣтъ междоусобныхъ войнъ императоры стянули для борьбы съ противниками лучшія части войскъ и обнажили такимъ образомъ пограничную оборонительную линію. Впрочемъ, варвары, не успѣвшіе еще забыть ударовъ, нанесенныхъ имъ во времена тетрархіи, держались позади римскихъ укрѣпленій, не переступая ихъ. Изъ этого временнаго положенія, вызваннаго обстоятельствами, Константинъ создалъ постоянный порядокъ. Охрану границъ онъ возложилъ на гарнизоны, которые поселилъ на мѣстахъ, а всѣ легіоны разставилъ по провинціальнымъ городамъ, чтобы такимъ путемъ вѣрнѣе обез-

печить собственную безопасность. Это было полным крушеніемъ той военной организаціи, которая достаточно доказала свою пригодность при Августѣ Адрианѣ и Діоклетіанѣ; это разрушило также и тѣ остатки стараго военнаго духа, которые еще сохранялись въ войскахъ. Еще Траянъ сказалъ, и мы можемъ повторить за нимъ: «Мелкіе гарнизоны разрушаютъ дисциплину». Одинъ военный начальникъ времени Констанція оставилъ намъ описаніе этихъ деморализованныхъ солдатъ, у которыхъ кубокъ тяжеле шпаги, которые нахально и хищнически относятся къ согражданамъ и трусятъ передъ непріателемъ, такъ какъ совѣмъ изнѣжились.

Мы уже видѣли, что принципъ раздѣленія сплѣ введенный въ гражданской администраціи, былъ примѣненъ и къ войску, и при Константинѣ мы находимъ четыре или пять разрядовъ солдатъ. Двумъ избраннымъ полкамъ, *domestici* и *scolares*, была поручена охрана императорскихъ дворцовъ. Когда въ торжественные дни эти солдаты выстраивались рядами подъ портиками или во дворѣ передъ дворцомъ, они привлекали всеобщее вниманіе своимъ высокимъ ростомъ, золотыми щитами и блестящими доспѣхами. При дворахъ всѣхъ позднѣйшихъ монарховъ всегда были эти привилегированные отряды, предназначенные, съ одной стороны, увеличивать блескъ престола, съ другой,—оберегать безопасность государя. Въ сущности, эта гвардія была параднымъ войскомъ, столь же бесполезнымъ для государства, какъ прежніе преторіанцы, но она была менѣе опасна, такъ какъ была не такъ многочисленна.

Comitatenses были болѣе необходимы; но разъ былъ принятъ принципъ распредѣленія арміи по

внутреннимъ городамъ, необходимо было разбить войско на мелкіе гарнизоны и сократить въ нихъ число солдатъ, чтобы не отяготить казну и населеніе. При Діоклетіанѣ легіоны состояли еще изъ 6.000 человекъ; нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Константина, чтобы набрать такую цифру наличнаго войска, уже приходится соединить пять легіоновъ; двѣнадцать легіоновъ были отправлены въ одну незначительную экспедицію на Кавказъ; семь легіоновъ умѣстились на небольшой площади въ Амидѣ и не змогли отстоять ея отъ атаки персовъ. За пять вѣковъ передъ тѣмъ достаточно было двухъ легіоновъ для побѣды надъ Антиохомъ и для завоеванія всей передней Азіи. Но въ тѣ времена легіонъ представлялъ изъ себя тотъ эластичный и вмѣстѣ стойкій корпусъ, который возбуждалъ удивленіе военныхъ геніевъ всѣхъ временъ.

Итакъ, въ имперіи Константина нигдѣ не было большого сосредоточенія военныхъ силъ, которое могло бы внушать честолюбивые замыслы. Съ другой стороны, это разсѣяніе солдатъ чрезвычайно облегчало надзоръ за ними не только со стороны военныхъ властей, но и гражданскихъ и даже шпионовъ (*custodes*), которые быстро могли открыть приготовленія къ мятежу и донести о нихъ. Нужно еще прибавить къ этому, что кавалерія и пѣхота имѣли своихъ отдѣльныхъ и независимыхъ командировъ, и такимъ образомъ трудно было сформировать сильную армію, безъ разрѣшенія императора или, по крайней мѣрѣ, безъ согласія этихъ двухъ вождей; а между ними всегда было гораздо больше вражды и зависти, чѣмъ единодушія; наконецъ, интендантская часть, совершенно отдѣленная отъ войскового

управленія, предоставлена была гражданскому чиновнику, префекту преторіи, который долженъ былъ заботиться о снабженіи войскъ провіантомъ и жалованьемъ; такимъ образомъ, если генералы и имѣли въ своихъ рукахъ войска — не въ ихъ власти было ни кормить ихъ, ни уплачивать имъ жалованье. Походы Юліана въ Галлію раскрыли все зло этой системы недоуверія и всю ея непригодность; все въ ней было предусмотрѣно для того, чтобы обезпечить безопасность государя, но очень мало было сдѣлано для безопасности государства. Одинъ древній писатель прямо приписываетъ паденіе имперіи военнымъ установленіямъ Константина. Онъ могъ бы прибавить, что съ этого времени дворцовые заговоры замѣняютъ военные, но и военные, въ свою очередь, не прекратятся.

Въ противоположность легіонерамъ, *pirenses* были поселены на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они служили. Въ составъ ихъ входили старые солдаты-ветераны, получившіе клочокъ земли на границѣ; этотъ клочокъ земли передавался по наслѣдству отъ отца къ сыну подъ условіемъ службы, въ противномъ случаѣ онъ отбирался въ казну. Подъ тѣмъ же обязательствомъ военной службы правительство раздавало землю и варварамъ (земля летовъ): эта государственная колонизація оказалась столь же неудачной, какъ и наша французская въ Алжирѣ. Въ республиканскую эпоху и въ первыя времена имперіи поступали иначе: тогда послѣ побѣды отдавали римскимъ поселенцамъ половину завоеваннаго города и его территоріи; такія колоніи быстро достигали процвѣтанія и съ теченіемъ времени латинизировали весь западъ и сѣверную Африку.

Если *pirenses* не представляли изъ себя надежной силы, то варвары, набранные во внутренніе легіоны или въ пограничные корпуса, даже въ дворцовую стражу, представляли прямую опасность. Еще опрометчивѣе было нанимать на службу имперіи цѣлыя племена. Константинъ платилъ жалованье 40.000 годовъ, которые составляли отдѣльный племенной корпусъ, *foederati*. Онъ считалъ важнымъ для римскаго могущества показывать варварамъ ихъ соотечественниковъ — салійцевъ, алемановъ, бруктеровъ — на римской государственной службѣ или подъ знаменами, какъ будто варвары только и стремились къ тому, чтобъ жить среди великой цивилизованной имперіи, или, какъ выражались императоры, «въ нѣдрахъ римскаго благополучія». Варвары будутъ доставлять солдатъ, — говорили придворные, — а съ провинцій въ такомъ случаѣ можно будетъ требовать золота, взамѣнъ рекрутъ, которыхъ съ нихъ не будутъ спрашивать. Подобный налогъ былъ очень выгоденъ для государства, такъ какъ освобожденіе отъ воинской повинности стоило 25, 30 и 36 золотыхъ солидовъ. Но золото, являвшееся налогомъ на римскую трусость, переходило въ руки варваровъ, а эти ненадежные союзники предупреждали своихъ собратьевъ, остававшихся въ зарейнскихъ лѣсахъ, что римляне готовятся на нихъ напасть. Въ то же время бѣглецы изъ этихъ варварскихъ войскъ водили германскія или персидскія шайки грабить римскія провинціи. Распредѣляя готовъ по своимъ когортамъ, Клавдій II сказалъ: «Нужно, чтобы ихъ помощь чувствовалась, но чтобы сами они были незамѣтны». Пробъ держался того же правила и принималъ въ свои войска одного чужестранца на десять римлянъ.

Но этотъ благоразумный предѣль скоро былъ превзойденъ, и число варваровъ всякаго рода въ римской арміи быстро росло; ихъ было много въ вспомогательныхъ когортахъ, особенно въ кавалеріи; ихъ начальниковъ можно было видѣть на улицахъ Константинополя — расхаживающими въ консульской тогѣ и въ сопровожденіи ликторовъ. Граціанъ пошелъ еще дальше: онъ вздумалъ носить костюмъ тѣхъ варваровъ, которыхъ прежніе императоры изображали на своихъ триумфальныхъ колоннахъ закованными въ цѣпи, въ умоляющихъ позахъ; послѣ него два германца, Магненцій и Сильванъ, будутъ таскать въ Галліи императорскій пурпуръ. За исключеніемъ comes Θεодосія и небольшого числа римскихъ полководцевъ, лучшими генералами въ имперіи въ IV вѣкѣ были: Меробандъ, Меллободъ, Бауто, Фригеридъ, Арбогастъ, Рихомеръ, Стилихонъ, Аларихъ, которыхъ одни имена достаточно указываютъ на происхожденіе, не считая тѣхъ, которые, подобно сармату Виктору, лету Магненцію, франку Сильвану, скрывались подъ римскими названіями. Ихъ появленіе на высшихъ военныхъ должностяхъ указываетъ на упадокъ воинскихъ доблестей въ греко-латинскомъ населеніи, такъ же, какъ выступленіе императоровъ изъ провинціаловъ во II вѣкѣ свидѣтельствовало о вырожденіи италійскихъ племенъ.

Какъ мы видѣли, Константинъ раздробляетъ военные силы и этимъ ослабляетъ ихъ. Онъ думаетъ оградить себя отъ потрясеній, ниспровергающихъ троны, и обезсиливаетъ государство, не спасая его при этомъ отъ переворотовъ. Куда годятся, въ сравненіи съ легіонерами времени республики и начала имперіи, эти солдаты, набранные среди варваровъ

или изъ подонковъ римскаго народа, которыхъ Константинъ отмѣчаетъ вѣчнымъ клеймомъ, какъ преступныхъ рабовъ, и у которыхъ оклады жалованья и почетныя награды обратно пропорціональны ихъ полезности? Ripenses получали только двѣ трети жалованья, выдававшагося дворцовой гвардіи; вмѣсто двадцати лѣтъ они состояли на службѣ двадцать четыре года, и въ эти корпуса принимали тѣхъ, которые, по недостатку роста или силы, не могли попасть въ число *comitatenses*. Такимъ образомъ, обероганіе границъ было поручено самымъ худшимъ солдатамъ.

Одинъ современникъ Юстиніана пишетъ, что армія, которая должна была заключать въ себѣ 645.000 солдатъ, на самомъ дѣлѣ состояла лишь изъ 150.000, а между тѣмъ, казна платила гораздо большому числу. Развилась цѣлая система обмановъ, появилась масса подставныхъ солдатъ; во времена Константина Либаній отмѣчаетъ это зло и нападаетъ на него. Уже съ давняго времени военная служба упала очеңь низко во мнѣніи общества; императоры изъ подозрительности удалили изъ войска родовитыхъ людей, а народъ самъ отдалился отъ военной службы, благодаря долгимъ годамъ экономическаго благосостоянія. Римская армія, нѣкогда столь славная, теперь находилась въ такомъ презрѣніи, что, напримѣръ, начальникъ кавалеріи не считается достойнымъ почестей, воздаваемыхъ простому губернатору провинціи; ни одинъ *dux* при Константинѣ не получилъ титула *clarissimus*, который въ такомъ изобиліи раздавали императоры направо и налево; наконецъ, солдатское званіе, — съ которымъ сопряжена была, между прочимъ, обязанность разыскивать во-

ровъ по округамъ, — считалось въ числѣ унижительныхъ профессій. Подобное отношеніе произвело свои обычныя послѣдствія: чувствуя надъ собой тяготивніе всеобщаго презрѣнія, солдатъ мстилъ тѣмъ, что сталъ его заслуживать. «Мы платимъ деньги солдатамъ, — скажетъ потомъ Сипезій, — а между тѣмъ, припуждены ихъ защищать». Однимъ слозомъ, армія времени Авреліана, Проба и Діоклетіана представляла еще изъ себя грозную силу; начиная съ Константина, это могущественное орудіе римскихъ успѣховъ стало какъ бы искривленнымъ мечомъ, готовымъ сломаться при первомъ ударѣ. Когда пришли варвары, имъ не трудно было произвести полное разрушеніе.

Нельзя сказать, чтобы строгое распредѣленіе по классамъ было не по вкусу римскому обществу: римлянинъ всегда любилъ занимать свое опредѣленное мѣсто, хотя бы въ самомъ низу общественной классификаціи. Ремесленникъ не стыдился своего ремесла: обыкновенно на могилѣ выгравировывались орудія его мастерства; у корпорацій были свои знамена, которыя онѣ носили въ торжественныхъ процессіяхъ; у провинцій и городовъ были свои гербы; у солдата — ордена; у чиновника — значки, которые мѣнялись сообразно должности и давались обыкновенно при самомъ назначеніи; судья безъ значка не появлялся за трибуналомъ. Чиновникъ, занимающій должность, отличался краснымъ поясомъ съ золотой пряжкой отъ того, который носилъ только почетное званіе. Кто присвоивалъ себѣ знаки отличія, на которыя не имѣлъ права по своему положенію, наказывался смертью или ссылкой, и этотъ законъ ведетъ свое начало съ давнихъ временъ, такъ какъ

его цитируетъ Ульпіанъ, Павелъ и Модестинъ. Чѣмъ болѣе имперія будетъ приближаться къ разрушенію, тѣмъ крѣпче императоры будутъ затягивать эти нити, рассчитывая задержать паденіе; но это будутъ повязки муміи, обхватывающія трупъ. Валентиніанъ, Граціанъ, Феодосій издадутъ много законовъ, касающихся «сохраненія іерархіи чиновъ».

Эта классификація лицъ затрудняетъ теченіе общественной жизни. Такъ какъ естественныя отношенія между людьми, благодаря которымъ развивается умъ и свободная дѣятельность, замѣнены здѣсь искусственными и принудительными, то всякому приходилось жить только въ тѣсно очерченномъ кругу, вслѣдствіе чего горизонтъ суживался, и уровень развитія понижался. Такъ какъ этотъ режимъ съ давнихъ поръ тяготѣлъ надъ языческимъ обществомъ, то давно уже это общество перестало производить выдающихся людей; и если другое общество, христіанское, которое только что проложило себѣ дорогу,—и способно воспитывать великихъ людей, то государство уже не воспользуется ими, такъ какъ эти люди отрѣшатся отъ земныхъ интересовъ во имя небесныхъ.

IX. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Послѣ царствованія Августа, царствованіе Константина было самымъ продолжительнымъ: оно длилось тридцать два года. Такимъ образомъ, для дѣятельности Константина не было недостатка во времени. Мы уже видѣли, какъ онъ его употребилъ; теперь намъ остается опредѣлить, какое мѣсто слѣдуетъ ему отвести въ ряду другихъ императоровъ. Безъ сомнѣнія, мѣсто очень почетное. Но если бы кто вздумалъ выливать въ честь его статую, въ бронзу пришлось бы подмѣшать много глины. Военная его слава основывается на побѣдахъ, выигранныхъ въ междоусобныхъ войнахъ; его уголовное законодательство ужасно, и хотя съ языка его сходятъ христіанскія слова, въ сердцѣ у него никогда не было христіанскихъ чувствъ. Его царствованіе полно убійствъ, дворецъ его обгаденъ кровью; онъ убилъ свою жену, сына, тестя, многихъ родственниковъ, не щадя даже дѣтей.

Военное устройство было плохое; политика въ послѣдніе годы неблагоразумна; финансовая система жалка, хотя, правда, онъ унаслѣдовалъ ее отъ своихъ предшественниковъ.

Въ томъ мѣстѣ *Notitia dignitatum*, гдѣ изображаются знаки отличія для префекта преторіи, нарисованы женщины, олицетворяющія собой провинціи и держащія въ рукахъ полные сосуды денегъ. Это

было точное изображеніе правительственной системы, въ которой искусство управленія сводилось къ искусству собирать деньги. И эти деньги, вмѣсто того, чтобы итти на общественныя надобности, покрывали расходы пышнаго двора, съ его безумной роскошью, напоминавшей времена Домиціана и Нерона.

Что касается церковнаго вѣдомства, Константинъ смотрѣлъ на епископовъ, какъ на новый разрядъ чиновниковъ; византійская имперія удержитъ эту точку зрѣнія, и восточное христіанство, основанное на принципѣ подчиненія церкви государству, не будетъ принимать почти никакого участія въ общемъ ходѣ цивилизаціи. Поэтому мы вполне на сторонѣ Аѳанасія, требующаго религіозной свободы, и противъ Константина, отказывающаго въ ней, хотя и признававшаго ея необходимость.

Въ области гражданскаго порядка, хотя онъ и слѣдовалъ тенденціи римскихъ юристовъ, стремившихся внести болѣе справедливости въ семейное право, а также хотя онъ, подъ вліяніемъ церкви, и возобновилъ гуманную политику Антониновъ по отношенію къ бѣднымъ дѣтямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ такъ настойчиво всюду проводилъ отвратительный принципъ привилегій и наследственности при назначеніи на общественныя должности, что въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній онъ прослылъ инициаторомъ этого обычая.

Мы уже знаемъ, что монархія IV вѣка въ зародышѣ заключалась въ принципатѣ Августа. Чтобы задержать ея развитіе или повернуть имперію на другой путь, нужно было произвести сильный толчокъ, и Константинъ этого не сдѣлалъ. Но мы не

въ правѣ требовать геройства отъ всякаго государя: Константинъ былъ просто ловкимъ человѣкомъ. Онъ сумѣлъ умереть естественной смертью, а это было далеко необычно для римскаго императора: для него лично уже и этого было достаточно, но для государства этого было слишкомъ мало. Онъ не замѣчалъ, что, привязывая навсегда земледѣльца къ плугу, рабочаго — къ его ремеслу, солдата — къ знаменамъ, сына — къ занятіямъ отца, онъ парализовалъ развитіе силъ и талантовъ, которые глохли въ этой мертвой неподвижности.

Къ дурнымъ приемамъ управленія присоединилась еще предосудительная экономическая практика. Въ IV вѣкѣ была сдѣлана грандіозная попытка — осуществить мечту о государственной организаціи труда. Каковъ же былъ результатъ этого замѣчательнаго опыта? Всеобщее обѣднѣніе. Въ Кампаніи, этой благодатной странѣ, въ которую никогда не заходилъ непріятель, въ скоромъ времени до полмилліона югеровъ остались невоздѣланными; скоро восьмая часть этой плодородной провинціи обратится въ пустыню, въ которой нельзя будетъ встрѣтить ни человѣка, ни жижины. Роскошныя долины Апуліи уже были опустошены пасшими на нихъ стадами, которыя обыкновенно убиваютъ всякую культуру, и вдоль всего тосканскаго побережья Рутилій найдетъ только заустѣніе и разрушеніе. Нѣкогда процвѣтавшіе здѣсь этрусскіе города вымерли отъ маларіи. Но откуда же появилась маларія? Отъ неумѣнья людей продолжать начатія въ древности работы для осушенія почвы и удаленія нечистыхъ водъ. Если уже въ такомъ состояніи находилась старинная область Сатурна, у самыхъ воротъ Рима,

этотъ край, нѣкогда столь многолюдный и плодородный, — то что же было съ другими частями имперіи?

Несомнѣнно, что одно поколѣніе передаетъ другому извѣстное наслѣдство, послѣдующія поколѣнія пожинаютъ то, что предыдущія посѣяли, и историческая среда оказываетъ гораздо болѣе вліянія на социальныя перемѣны, чѣмъ воля государя.

Такимъ образомъ, не одинъ Константинъ произвелъ тотъ переворотъ, результатомъ котораго было возникновеніе византійской имперіи; но, болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, взятыхъ вмѣстѣ, онъ содѣйствовалъ утвержденію этой низшей формы политическаго организма. Извѣстно, что каждому виду политическаго строя соотвѣтствуютъ свои особыя добродѣтели и пороки; такъ, въ общественной организаціи, гдѣ каждый гражданинъ занимаетъ опредѣленное мѣсто и носитъ званіе, которое въ большинствѣ случаевъ не можетъ перемѣнить, нечего, кажется, бояться сильныхъ потрясеній и можно быть увѣреннымъ въ полномъ спокойствіи. Но эти не-свободные люди не имѣютъ ни воли, ни энергіи на добро, точно такъ же, какъ никакихъ сдержекъ противъ дурныхъ влеченій. Всякій хитритъ съ властью, его притѣсняющей, и старается добыть коварствомъ то, чего онъ лишенъ, вслѣдствіе порабощенія. Изъ кодекса Феодосія можно видѣть, что въ новой имперіи все и всѣхъ можно было купить. Пониженіе ценза, уменьшеніе податей, разнаго рода подлогъ въ обложеніи — всего этого можно было добиться за деньги. Для человѣка, имѣвшаго возможность дать взятку, у сборщика податей были невѣрные вѣсы, у судьи — смягченныя приговоры, у чиновника по набору въ военную службу — преступная списходи-

тельность. Начальники жили на счет своихъ подчиненныхъ, генералы — на счетъ солдатъ. Всякій вновь поступавшій на службу въ какую-нибудь канцелярію или когорту обязанъ былъ поднести подарокъ; напр., новобранецъ въ полкъ *domestici* долженъ былъ представить пятьдесятъ золотыхъ солидовъ. Бакшишъ всюду царствовалъ; всѣ, не исключая губернаторовъ провинцій, давали взятки чиновникамъ священной палаты; самъ императоръ не стѣснялся требовать платы съ тѣхъ, которымъ онъ оказывалъ какую-нибудь милость. Даже Юстиніанъ, заявлявшій, что онъ безвозмездно назначаетъ на должности, требовалъ, чтобы человекъ, получившій какой-нибудь почетный титулъ, представлялъ 50 фунтовъ золота «благочестивѣйшей императрицѣ». Возникши при византійскомъ дворѣ, эта злокачественная язва умертвила въ общественномъ организмѣ всякое чувство чести, поддерживающее энергію въ народѣ; она распространилась мало-по-малу на весь Востокъ и въ теченіе пятнадцати столѣтій разъѣдаетъ и подкапываетъ его. Сами государи въ своихъ законахъ свидѣлствуютъ о томъ злѣ, которое причиняютъ ихъ административные порядки. Одному изъ императоровъ Синазію потомъ скажетъ: «У насъ все продажно».

Мнѣ возразятъ, что Константинъ основалъ Константинополь, который на десять вѣковъ задержалъ водвореніе въ Европѣ восточныхъ варваровъ; что онъ доставилъ торжество христіанству; что безсознательно онъ содѣйствовалъ тому, что въ Римѣ, покинутомъ императорами, современемъ возникла папская монархія; что, такимъ образомъ, Константинъ занимаетъ мѣсто на рубежѣ двухъ періодовъ,

заканчивая одинъ и начиная другой. Это, несомнѣнно, все великія заслуги, и я уже отдалъ должное государю, который среди раздраженія и обидъ, вызванныхъ успѣхами новой вѣры, сумѣлъ поддержать внутренней миръ, безъ всякихъ смуть, ни политическихъ, ни религіозныхъ. Но его личныя дѣянія были скорѣе блестящими, чѣмъ прочными. Миръ который онъ водворилъ, продолжался недолго; хотя византійская имперія просуществовала двѣнадцать вѣковъ,—это было, за немногими исключеніями, жалкое существованіе. Когда видишь, что христіанская церковь надѣляется имуществами и привилегіями, можно подумать, что добродѣтель, справедливость, нравственность начнутъ царствовать въ мірѣ, что сами императоры будутъ благочестивыми людьми, что государство упрочится, варвары будутъ отгнаны, и что царство небесное утвердится на землѣ. Увы! это большое заблужденіе. На дѣлѣ, ничто не измѣнится. Нравы нисколько не улучшатся. Въ древнемъ Римѣ было 66 праздничныхъ дней, въ новомъ ихъ будетъ 75; долгое время еще будутъ продолжаться бои гладиаторовъ: Феодосій пришлетъ въ Римъ плѣнныхъ сарматовъ, «чтобы они послужили для развлеченія народа». Праздники Мажима будутъ попрежнему совершаться, кургизанки попрежнему будутъ при этомъ разыгрывать въ театрѣ нескромныя сцены или обнаженные будутъ плавать въ обширныхъ бассейнахъ подъ жадными взглядами толпы. Среди самого духовенства, благодаря быстрому и потому довольно безразборчивому посвященію въ санъ, произойдутъ многіе безпорядки, которые приведутъ въ смущеніе отцовъ церкви. Искусство и вѣтская литература уже не достигнутъ прежняго

блеска, и нашимъ глазамъ представится слѣдующее зрѣлище: во дворцѣ тайныя убійства, въ государствѣ кровопролитная борьба соперниковъ, въ провинціяхъ междоусобныя войны, а въ народѣ страшная нищета.

Языческая имперія просуществовала три съ половиною вѣка, христіанская продержится едва одно столѣтіе. Спасители міра не смогутъ спасти имперію отъ ужасной катастрофы; христіанство, сдѣлавшее такъ много для отдѣльныхъ личностей, не сдѣлало ничего для государства, и слова Христа оправдались: «Царство Мое не отъ міра сего».

О Т Д Ъ Л Ъ Х.

ИМПЕРАТОРЪ ЮЛІАНЪ.

(Гастонъ Буасье: «Паденіе язычества», переводъ подъ редакціей М. Корелпна).

I

Въ царствованіе Юліана произошелъ поворотъ къ возрожденію язычества. Это — одно изъ интереснѣйшихъ событій религіозной исторіи IV вѣка, которое наиболѣе заслуживаетъ изученія. Я могу однако, не рассказывать его во всѣхъ подробностяхъ, потому что, какъ мы увидимъ, оно интересно болѣе для Востока, а западныя страны, которыми мы главнымъ образомъ занимаемся, повидимому, слабо почувствовали реформы императора-философа.

Я ограничусь только нѣсколькими словами о событіяхъ жизни Юліана. Они такъ извѣстны, ихъ столько разъ пересказывали, что мнѣ кажется бесполезнымъ къ нимъ возвращаться. Напомню только, что онъ былъ племянникъ Константина, что по смерти дяди благодаря какой-то случайности, спасся отъ избіенія, которому подвергнута была вся его семья, можетъ быть, по приказу новаго императора Констанція, — что затѣмъ въ продолженіе 20 лѣтъ жилъ въ смертельной тревогѣ, то скрываясь въ глубинѣ пустынного замка, то живя внутри одного изъ большихъ городовъ имперіи, всегда подъ надзоромъ и угро-

зами подозрительнаго и слабаго государя, который колебался его убить, но и не рѣшался оставить въ живыхъ. Чтобы заставить позабыть себя, онъ погрузился въ науку и въ ней нашель утѣшеніе во всѣхъ несчастіяхъ. Когда Констанцій, не имѣя другихъ наслѣдниковъ, назначилъ его цезаремъ, собственныя войска провозгласили его августомъ; тридцати двухъ лѣтъ онъ погибъ въ походѣ противъ персовъ, процарствовавъ два съ половиною года.

Въ этомъ кратковременномъ существованіи прежде всего поражаетъ та легкость, съ которой Юліанъ сгибался передъ событіями, преображался самъ, прилаживался къ различнымъ положеніямъ, въ которыя его ставила судьба, и давалъ міру неожиданныя зрѣлища. Онъ не зналъ ничего, кромѣ школь и софистовъ, когда императоръ послалъ его командовать войскомъ въ Галліи, боровшейся съ германцами. Этотъ страстный любитель чтенія, таскавшій за собой въ путешествіяхъ цѣлую бібліотеку, сталъ вдругъ человѣкомъ дѣла. Онъ неожиданно превратился въ солдата; философъ, вступивши въ лагерь, немедленно предался военнымъ упражненіямъ, о которыхъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и чтобы начать сначала, принялся маршировать подъ звуки инструментовъ, наигрывавшихъ пиррическую пляску. Амміанъ Марцеллинъ рассказываетъ, что вначалѣ это ему трудно давалось, и онъ часто призывалъ имя своего любимаго философа Платона сожальвѣ, что покинулъ его, и съ отчаяніемъ восклицалъ: «Это не мое дѣло, сѣдло надѣли на корову!» Но отчаяніе длилось недолго; въ нѣсколько недѣль ученье было покончено, а нѣсколько недѣль спустя,

ученикъ, сдѣлавшись мастеромъ, одерживалъ побѣды. Быть-можетъ, въ данномъ случаѣ у внука Констанція Хлора проснулся наслѣдственный инстинктъ военной расы? Извѣстно, что онъ въ короткое время возвратилъ бодрость войскамъ, занялъ крѣпости, выигралъ нѣсколько сраженій, очистилъ страну отъ варваровъ, и что послѣ смерти на него смотрѣли не только какъ на геніальнаго полководца, на котораго въ присутствіи врага находить счастливое вдохновеніе, но и какъ на способнаго стратега, основательно знакомаго со всѣми тайнами военнаго искусства. Онъ изучилъ ихъ, сражаясь. Я не думаю, чтобы исторія давала много примѣровъ такого рѣзкаго превращенія и такого быстрого проявленія способностей. Если удивительно было, что ученикъ софистовъ вдругъ сталъ великимъ полководцемъ, то еще болѣе поразило всѣхъ извѣстіе, что молодой государь, только что торжественно праздновавшій Богоявленіе въ одной изъ вьенскихъ церквей, вдругъ сталъ открывать языческіе храмы, приносить жертвы и открыто объявлялъ себя язычникомъ. Этотъ театральнй эффектъ произвелъ повсюду весьма понятное смущеніе. Новое торжество язычества представляло неожиданное зрѣлище. Въ это время язычниками оставались или по привычкѣ или изъ религіознаго индиферентизма, но вновь никто не переходилъ въ язычество. Старый культъ сохранялъ сторонниковъ среди упрямыхъ консерваторовъ, не желавшихъ отказать отъ старыхъ традицій, но не пріобрѣталъ больше новыхъ адептовъ. Поэтому всѣ были очень изумлены, что человекъ, который принялъ крещеніе и отецъ котораго былъ ревностнымъ христиа-

ниномъ, такъ демонстративно возвратился къ старой религіи, и изумленіе еще болѣе усиливалось оттого, что человекъ этотъ былъ государь, родной племянникъ того, кто возвелъ христіанство на тронъ цезарей. Чѣмъ же была вызвана эта неожиданная перемѣна и можемъ ли мы на далекомъ разстояніи дать себѣ отчетъ въ причинахъ, опредѣлившихъ въ этомъ случаѣ поведеніе Юліана?

Такъ какъ онъ надѣлалъ шуму именно въ тотъ моментъ, когда шелъ сражаться съ Констанціемъ и завоевывать имперію, то прежде всего приходитъ на умъ, что это представляло ему какую-нибудь выгоду и что онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ оставшихся язычниковъ. Но мнѣ кажется, что претендентъ на престолъ подвергался тогда гораздо большей опасности, вооружая противъ себя христіанъ, чѣмъ извлекалъ выгоду, заслуживая расположеніе ихъ противниковъ. Конечно, язычники были еще очень многочисленны, но со времени Константина они отказались отъ всего и обнаруживали мало расположенія къ сильному сопротивленію. Юность, пылкость, энергія, увѣренность въ будущемъ — всѣ эти силы, толкающія на великія предпріятія и обусловливающія ихъ успѣхъ, не были болѣе на ихъ сторонѣ. Они чувствовали себя пораженными въ сердце; даже сами ихъ жрецы, если вѣрять Евнацію, объявляли, что храмы скоро исчезнутъ, «что самыя почитаемыя святилища скоро обратятся въ груды развалинъ, пожираемыхъ мракомъ забвенія, таинственнымъ и ненавистнымъ тираномъ, которому подчинено все лучшее на землѣ». Нельзя же было рассчитывать на культъ, который самъ предавалъ себя, предсказывалъ свой

близкій конецъ и примирялся съ нимъ; не стоило труда обеспечивать себѣ поддержку людей, склонявшихся передъ оскорбленіями, которыми ихъ осыпали въ теченіе пятидесяти лѣтъ и которыя они переносили безъ возмущенія. Единственной правильной политикой для побѣды надъ Констанціемъ, который утомилъ всѣ партіи бесполезными стѣсненіями, было объявленіе широкой терпимости безъ всякихъ ограниченій. Язычники, привыкшіе видѣть на тронѣ христіанина, удовольствовались бы позволеніемъ свободно поклоняться своимъ богамъ, и предоставленіемъ этого права ихъ можно было, несомнѣнно, удовлетворить. Напротивъ, христіане, увѣренные въ окончательной побѣдѣ, безъ горькаго разочарованія и жестокаго гнѣва не могли перенести ига императора-язычника. Плохой расчетъ былъ Юліану выказывать свои новыя вѣрованія, между тѣмъ онъ это сдѣлалъ, и можно положительно сказать, что онъ отъ этого много потерялъ и мало выигралъ. Но онъ дѣйствовалъ не по расчету: только одно убѣжденіе, убѣжденіе глубокое и страстное, толкало его бросить религію семьи, и горячность его вѣры есть для насъ гарантія ея искренности. Если вѣрно, что его обращеніе не было результатомъ честолюбивыхъ видовъ или политической необходимости, какъ у Генриха IV, то, чтобы узнать, какъ оно совершилось и какія причины вызвали его, недостаточно изучить событія, театромъ которыхъ было тогда государство, — надо проникнуть въ совѣсть молодого государя и постараться открыть тамъ кризисы, которые онъ пережилъ при переходѣ отъ одного вѣрованія къ другому. Это тайны, которыя чаще

всего человекъ уносить съ собой въ могилу и которыхъ почти невозможно разгадать нѣсколько вѣковъ спустя. Здѣсь, однако, мы счастливей обыкновеннаго; если мы не знаемъ вполне этой интимной и скрытой исторіи, то все-таки, благодаря свидѣтельству друзей Юліана и главнымъ образомъ благодаря откровеннымъ признаніямъ, которыя проskalъзываютъ въ его сочиненіяхъ, мы можемъ до нѣкоторой степени уяснить себѣ ее.

Хорошо знавшій его Аммианъ Марцелинъ говорить, что съ первыхъ лѣтъ жизни Юліанъ чувствовалъ влеченіе къ культу боговъ. Мы знаемъ, что природа и особенно созерцаніе неба повергали его всегда въ сильное душевное волненіе. Можетъ-быть, отсюда истекаетъ тайная симпатія къ такой религіи, которая наилучшимъ образомъ поняла природу, поклонялась ея явленіямъ и обоготворяла ея силы. «Съ дѣтства, — говоритъ онъ, — я воспылалъ пламенной любовью къ лучамъ божественнаго свѣтила. Совсѣмъ юнымъ я возносилъ духъ свой къ эфирному свѣту; я желалъ не только въ продолженіе дня созерцать его, но даже ночью, если небо чисто и прозрачно, я бросалъ все, чтобы любоваться небесными красотами. Погруженный въ это созерцаніе, я не слушалъ, что мнѣ говорили, и переставалъ сознавать себя». По этимъ восторженнымъ словамъ мы узнаемъ того, кто позже называлъ себя «служителемъ Царя-Солнца». Я не сомнѣваюсь, что зародыши этого были заброшены въ него рано къ-мъ-нибудь изъ приближенныхъ. Среди домочадцевъ большихъ христіанскихъ семействъ должны были находиться такіе, которые тайно оставались язычниками и пробовали заронить сожалѣніе къ

старой религіи въ сердцахъ, видимо не расположенныхъ къ новой. Много разъ обращали вниманіе на нѣжность, съ которой Юліанъ говоритъ о своемъ первомъ учителѣ Мардоніи: это былъ евнухъ, который, воспитавъ его мать, былъ приставленъ къ нему съ дѣтства и научилъ его любить и понимать греческихъ поэтовъ. Возможно, что, заставляя его читать Илиаду и Одиссею, онъ развилъ въ немъ вкусъ къ прелестнымъ вымысламъ, наполняющимъ эти прекрасныя поэмы, и къ богамъ — ихъ обыкновеннымъ героямъ. Юное воображеніе привыкло съ тѣхъ поръ вращаться среди нихъ, и они сдѣлались первыми товарищами, дорогими наперсниками его одинокаго и угнетеннаго дѣтства.

Когда онъ сталъ взрослымъ и ему позволили слушать извѣстныхъ профессоровъ, онъ встрѣтилъ повсюду кругомъ себя могущественный предразсудокъ, который раздвѣляли его учителя и товарищи, котораго и самъ онъ не могъ избѣгнуть: у всѣхъ учениковъ греческихъ софистовъ было какое-то опянѣніе славой ихъ родины, глубокое чувство превосходства эллинской расы, выражавшееся въ презрѣніи ко всѣмъ остальнымъ. Римъ завоевалъ Грецію, но онъ не могъ ее побѣдить. Она была выше его по культурѣ, поэтому онъ не могъ ей общить своей цивилизаціи и языка. Эта огромная имперія, подвластная одному государю, управляемая одной администраціей, представляла изъ себя всегда два отдѣльныхъ міра, жившихъ каждый своей особой жизнью. До конца республики сопротивленіе востока римскому духу было робкое и скрытое; но съ Августа оно становится смѣлѣе и все болѣе и болѣе пользуется снисходительнымъ отношеніемъ

властей къ провинціямъ. Около эпохи Антониновъ къ Греціи вполне вернулась увѣренность въ себя, и она стала легкомысленно отзываться о своихъ побѣдителяхъ. Такое отношеніе особенно проявляется въ Nigrinus'в Лукіана; въ немъ жестоко оскорбляютъ Римъ: это страна лести и раболѣпства, это сборище всѣхъ пороковъ, мѣстопребываніе тѣхъ, кто никогда не знавалъ независимости, кто незнакомъ съ откровенностью, чье сердце полно лицемерія, плутовства, лжи. У римлянъ долго слово «грекъ» обозначало — распутный; у Лукіана и его послѣдователей «грекъ» значило честный человекъ; если Либаній хочетъ похвалить кого-нибудь за великодушіе, мудрость, добродѣтель, то говорить: «онъ ведетъ себя какъ грекъ». Съ теченіемъ времени роли мѣняются: Римъ льститъ и ублажаетъ, Греція принимаетъ надменный тонъ. Тогда какъ жители востока по большей части не знаютъ по-латыни, римляне хвастаются тѣмъ, что говорятъ и пишутъ на языкѣ Гомера и Демосеена. Начиная съ Адриана, императоры становятся наполовину греками. Съ Константина центръ имперіи переносится на Босфоръ, и Константинополь господствуетъ надъ Римомъ. Въ этотъ моментъ, который представляется мрачнымъ и унылымъ, литературная дѣятельность Греціи какъ бы пробуждается; въ ней снова проявляются тѣ цивилизаторскія и поработительныя стремленія, которыя создали ей славу при Александрѣ, и крайній востокъ все болѣе и болѣе тяготеетъ къ ней. Она оканчиваетъ цивилизацію Батаніи, Аврантіи и Набатены, которыя позже опять превращаются въ пустыни. Уже съ давнихъ поръ Египетъ посылаетъ

ей ораторовъ и поэтовъ. Арабы стекаются въ ея школы; они приходятъ изучать юриспруденцію въ Беритъ, краснорѣчіе въ Антиохію. Затронута даже Персія; Евнапій пространно рассказываетъ какъ ужасный Сапоръ, принимая однажды посла, софиста, былъ глубоко восхищенъ имъ и плѣнился его чудными рѣчами. Надо сознаться, что такое положеніе дѣлъ могло вызвать нѣкоторыя иллюзіи у грековъ, у которыхъ въ то время было много причинъ гордиться своей страной.

А эта гордость? Никто, можетъ-быть, не испыталъ ее болѣе Юліана. Либаній говорилъ ему въ одной изъ своихъ торжественныхъ рѣчей: «Помни, что ты грекъ и правишь греками». Но ему и не надо было объ этомъ напоминать; можно сказать, что эта идея не покидала его и руководила всѣми его поступками. При чтеніи его произведеній особенно поражаетъ, какъ мало онъ интересуется западомъ. Настоящая его родина не въ Римѣ, хотя онъ и отзывается о немъ всегда съ большимъ уваженіемъ. Онъ никогда въ немъ не былъ и нигдѣ не выражаетъ объ этомъ сожалѣнія. Амміанъ Марцелинъ сообщаетъ, что «по-латыни онъ говорилъ только сносно», тогда какъ на греческомъ языкѣ это — одинъ изъ лучшихъ писателей своего времени. Латинская литература какъ бы не существовала для него. Онъ никогда не произносилъ имени Цицерона или Вергилія, какъ будто ихъ не зналъ. Напротивъ, онъ хорошо знакомъ съ Платономъ, почти на каждой страницѣ цитируетъ Гомера. Онъ вовсе не считаетъ нужнымъ уважать старые римскіе предразсудки и не колеблясь утверждаетъ, «что если бы Александру пришлось бо-

ротся съ Римомъ, онъ выдержалъ бы борьбу». Но когда онъ говоритъ: «мы греки» или разсуждаетъ о своихъ «возлюбленныхъ Аѳинахъ», такъ и чувствуешь, что онъ съ гордостью выпрямляется во весь свой маленькій ростъ. Онъ не хочетъ ничего проронить изъ славнаго прошлаго Греціи; ему дороги всѣ воспоминанія о ней, особенно же религія, занимающая такъ много мѣста въ ея исторіи и вдохновившая ея величайшихъ писателей. Онъ примыкаетъ къ ней безъ разсужденій, въ силу національной гордости. Когда онъ хочетъ показать, что она выше христіанства, то ему представляется достаточнымъ напомнить, что это — религія Греціи, а та вышла изъ безвѣстнаго угла Палестины; чтобы отмѣтить однимъ словомъ разницу происхожденія, которая ихъ характеризуетъ, онъ упорно называетъ въ своей полемикѣ христіанъ «галилеянами», тогда какъ старый культъ всегда величаетъ «эллинизмомъ». «Эллинизмъ» — магическое слово; Юліанъ долженъ былъ гордиться его изобрѣтеніемъ и, конечно, рассчитывалъ на него какъ на талисманъ, обезпечивающій успѣхъ дѣла! Я, однако, думаю, что имъ опасно было пользоваться. Это имя обозначало религію самаго славнаго изъ всѣхъ народовъ, но только религію одной страны. Юліанъ, пользуясь имъ, показывалъ, что не намѣревается выйти изъ узкаго круга мѣстныхъ религій; онъ предоставлялъ христіанамъ имѣть единаго и всемірнаго Бога, который печется о всѣхъ націяхъ безъ различія и предпочтенія и изъ раздробленныхъ и разъединенныхъ народностей создаетъ понятіе единаго человѣчества; особенно грозила Юліану опасность,

что отъ его религіозныхъ реформъ отвернутся всѣ тѣ, кто не имѣлъ счастья быть грекомъ. Это обнаружилось въ томъ крайнемъ равнодушіи, съ которымъ западъ встрѣтилъ его попытку. Въ Италіи было еще много язычниковъ. Въ особенности римскій сенатъ считался оплотомъ древняго культа. Тѣмъ не менѣе онъ не одобрилъ императора и не присоединился къ его предпріятію. Итальянскіе города, частью еще языческіе, повидимому, равнодушно присутствуютъ при этой послѣдней вспышкѣ язычества. Исторія не передаетъ, чтобы тамъ разыгрались страсти и началась такая борьба, какія обыкновенно обагрjali кровью Азію. Не кажется ли вѣроятнымъ, что они считали реформу Юліана относящейся только къ востоку и вовсе ихъ не затрогивающей? Такимъ образомъ, великое слово «эллинизмъ», которымъ онъ такъ гордился, не послужило ему настолько, насколько онъ рассчитывалъ. Онъ считалъ его непреодолимой силой, которая доставитъ ему побѣду, а между тѣмъ очень вѣроятно, что это было одной изъ причинъ его неудачи.

Предразсудокъ національной гордости царилъ особенно въ школахъ, и школамъ именно онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ. Греки очень гордились воспитаніемъ, которое получало тамъ юношество; они приписывали ему свое превосходство надъ остальнымъ міромъ; поэтому они чувствовали величайшую признательность и глубочайшее уваженіе къ учителямъ, которые научали ихъ дѣтей искусству хорошо говорить, и это искусство казалось имъ греческимъ по преимуществу. Либаній утверждаетъ, что Греція отличается отъ другихъ

націй только ораторскимъ искусствомъ. «Если бы мы утратили талантъ краснорѣчія, — говоритъ онъ, — то стали бы похожи на варваровъ». Юліанъ идетъ еще дальше: онъ приписываетъ учителямъ краснорѣчія и философіи, чтенію великихъ греческихъ писателей чудесное воздѣйствіе на душу и утверждаетъ, «что эти занятія необходимы для пріобрѣтенія отваги, мудрости и добродѣтели». Онъ говоритъ христіанамъ съ непоколебимой увѣренностью: «Если молодые люди, которыхъ вы пріучаете читать ваши священныя книги, возмужавъ, будутъ лучше рабовъ, — я готовъ прослыть маніакомъ и безумцемъ; тогда какъ у насъ, съ нашимъ воспитаніемъ, каждый человѣкъ, если у него не совершенно испорченная натура, становится непремѣнно лучше». Еще удивительнѣе то, что христіане въ глубинѣ души соглашались съ нимъ и не считали возможнымъ, какъ мы позже увидимъ, обойтись безъ тогдашней школьной мудрости.

Между тѣмъ эта школьная наука оставалась вполнѣ языческой, и именно въ школахъ, подъ вліяніемъ учителей, большинство которыхъ держалось еще стараго культа, совершилось обращеніе Юліана. Всѣхъ этихъ учителей мы называемъ общимъ именемъ софистовъ; такъ обыкновенно называютъ Либанія и Темистія, точно такъ же, какъ и Эдезія, Хрисанеа и Максима Эфесскаго. Несомнѣнно то, что каковъ бы ни былъ преподаваемый ими предметъ, на первый взглядъ они не представляютъ большой разницы между собою: всѣ они упражняются въ ораторскомъ искусствѣ и гордятся другъ передъ другомъ краснорѣчіемъ. Евнапій говоритъ по поводу одного знаменитаго философа:

«Его слова производили магическое очарованіе, сладость и пріятность украшали его рѣчь, которая производила такое очарованіе, что слушатели были какъ бы прикованы къ его устамъ и впадали въ самозабвеніе, точно вкусили цвѣтокъ лотоса». Но если общая всѣмъ имъ забота о краснорѣчїи и желаніе дѣлать изъ него публичныя представленія, на которыя ради одобренія созываются ученики и друзья, можетъ заставить смѣшать ихъ, то при ближайшемъ разсмотрѣнїи между ними замѣчается существенная разница. Есть такіе, которые ограничиваются преподаваніемъ риторики въ собственномъ смыслѣ слова, но есть и такіе, которые при-бавляютъ къ ней изученіе философіи. Особенно любопытно то, что хотя всѣ они язычники, но каждый на свой ладъ. Лучшимъ представителемъ первой категорїи является Либаній. Это, несомнѣнно, убѣжденный язычникъ, посѣщающій храмы, совершающій жертвоприношенія, совѣтующійся съ Эскулапомъ о своихъ болѣзняхъ и поручающій себя молитвамъ іерофантовъ. Онъ жалобно скорбитъ, когда исповѣдуюмую имъ религію преслѣдуютъ, и хотя по натурѣ робокъ и покоренъ однако, беретъ на себя смѣлость выступить на ея защиту. Когда при Юліанѣ эта религія восторжествовала, Либаній, сія безграничной радостью, восклицаетъ: «Вотъ мы, дѣйствительно, возвращены къ жизни; дыханіе счастья проносится по всей землѣ съ тѣхъ поръ, какъ истинный богъ, во образѣ человѣческомъ, управляетъ міромъ; огни снова зажигаются на алтаряхъ, и воздухъ очищенъ дымомъ жертвоприношеній!» Но религія, которую онъ любитъ и чтить, возрожденію которой такъ

радуется, — это старая, покойная, благоразумная, официальная религія, которою греческіе города довольствовались столько вѣковъ; онъ благоговѣнно хранить память прошлаго и не чувствуетъ потребности что-либо въ ней измѣнить. Философы же, напротивъ, прибавляютъ къ ней много новаго. Порфирій и Ямвлихъ совершали чудеса; ихъ ученики представляютъ изъ себя восторженныхъ мечтателей, которые при молитвенномъ обращеніи къ богамъ не удовлетворяются словесными формулами старыхъ обрядовъ и хотятъ въ экстазѣ непосредственно сообщаться съ богами. Про нихъ рассказываютъ удивительныя вещи. «Говорятъ, что во время молитвы они какъ бы поднимаются отъ земли на десять локтей, а ихъ тѣла и одежда принимаютъ ослѣпительный цвѣтъ золота». Они свободно обращаются къ демонамъ и геніямъ и заставляютъ ихъ появляться. Они занимаются по преимуществу гаданіемъ во всѣхъ видахъ, и это главная причина ихъ успѣха, такъ какъ никогда еще не было такого страстнаго желанія узнать будущее. Несмотря на грозныя запрещенія закона, каждый хочетъ знать свою судьбу; наказанія, которымъ подвергаютъ гадателей и обращающихся къ нимъ, только увеличиваютъ ихъ число. Вотъ что привлекаетъ въ школы такихъ софистовъ, которые въ одно и то же время являются и философами, и магами, и пророками, — всѣхъ людей съ разстроеннымъ воображеніемъ, жаждущихъ таинственнаго увлеченныхъ сверхъестественнымъ, — людей, которыхъ всегда много во время крупныхъ религіозныхъ переворотовъ. Вокругъ нихъ тѣснятся не обыкновенные ученики, готовые внимательно слу-

шать уроки учителя, — это изувѣры, фанатики, разгоряченныя страсти которыхъ надо удовлетворить во что бы то ни стало. Евнапій рассказываетъ, что одинъ изъ такихъ мудрецовъ скрылся въ уединеніи, «ученики слѣдовали за нимъ по пятамъ и, подобно собакамъ, рычали у его дверей, угрожая растерзать его, если онъ будетъ упорствовать и сохранять свою науку для горъ, деревьевъ и скалъ».

Юліанъ послѣдовательно посѣщаль обѣ категоріи софистовъ. Сначала его привлекали ораторы. Когда его отправили учиться въ Никомидію, съ него взяли обѣщаніе не заниматься у Либанія, преподаваніе котораго казалось опаснымъ для христіанина. А его-то главнымъ образомъ Юліану и хотѣлось слушать, и весьма вѣроятно, что запрещеніе только обостряло желаніе. Онъ, однако, сдержалъ свое обѣщаніе; но, не присутствуя лично на урокахъ знаменитаго оратора, посылалъ туда людей, которые записывали ихъ содержаніе, а онъ съ жаромъ читалъ эти записи, когда оставался одинъ. Да и Либаній смотрѣлъ на себя какъ на учителя Юліана и дѣйствительно могъ бы вмѣнить себѣ въ заслугу, что научилъ его кромѣ краснорѣчія и многому другому; несомнѣнно, что его рѣчи, проникнутыя духомъ язычества, часто пробуждали въ этой набожной душѣ, открытой впечатлѣніямъ прошлаго, воспоминанія и сожалѣнія о старомъ культѣ. Либаній былъ правъ, говоря ему позже: «Риторика обратила тебя къ почитанію боговъ». Но онъ не могъ долго удовлетворяться риторикой. Послѣ ораторовъ онъ желалъ познакомиться съ философами «и упиться до пресыщенія всякой мудростью и наукой». Евнапій рассказываетъ, что прежде всего

онъ обратился къ главѣ школы, старому Эдезію. Но Эдезіи, котораго годы сдѣлали благоразумнымъ, побоялся повредить себѣ сообщеніемъ ему подозрительныхъ познаній и отослалъ его къ своимъ ученикамъ. Юліанъ, котораго всѣ эти задержки только больше воспламеняли, отправился даже въ Эфесъ къ знаменитѣйшему изъ нихъ, Максиму, и отдался подъ его руководство. Черезъ него онъ познакомился съ тайной доктриной неоплатониковъ, искусствомъ узнавать будущее и приближаться къ богамъ путемъ молитвы и экстаза. Когда Максимъ увидалъ его подъ властью своихъ чаръ, то для окончательнаго обращенія отправилъ «возлюбленное дитя философіи», какъ его называли, къ элевзинскому іерофанту, который посвятилъ его въ свои таинства: это было какъ бы крещеніемъ новообращеннаго.

Вотъ что мы знаемъ о томъ, какъ совершилось обращеніе Юліана. Это не былъ одинъ изъ тѣхъ внезапныхъ случаевъ, которые въ одинъ мигъ измѣняютъ человѣка; обращеніе его совершилось медленно, понемногу, и мы можемъ возстановить почти всѣ ступени, которыми онъ вернулся къ старой религіи. Намъ говорятъ, и мы охотно этому вѣримъ, что онъ всегда чувствовалъ въ глубинѣ души инстинктивное предпочтеніе къ ней; гордость грека располагала его вѣрить, что боги, которымъ такъ долго поклонялась Греція, были истинными богами. Его еще болѣе сблизило съ ними образованіе, полученное въ школахъ, изученіе риторики, чтеніе книгъ, гдѣ они занимали такъ много мѣста; но всѣ единогласно признаютъ, что уроки философовъ привели его къ окончательному рѣшенію.

Изъ этого можно заключить, что ихъ ученіе отвѣчало какой-нибудь потребности души, которой христіанство не могло удовлетворить. Это обученіе, какъ мы видѣли, состояло не только изъ одной смѣлой метафизики, смѣси утонченныхъ умствованій и фантастическихъ головокружительныхъ мечтаній: оно имѣло притязаніе дать средство общенія съ божествомъ, приблизиться къ нему или привлечь его къ себѣ, услышать его голосъ во снѣ или въ предсказаніяхъ оракула и узнать отъ него самую его природу и намѣренія. Вотъ чего не находилъ Юліанъ въ той же мѣрѣ въ религіи христіанъ. Какъ бы эта религія ни старалась возбудить набожность, всегда находились люди, которымъ ея догматизмъ казался холоднымъ и которые не могли обойтись безъ чаръ откровеній и экстаза. Изъ этой потребности родились мистическія секты, которыя Церковь то съ недоувѣріемъ терпѣла, то строго выбрасывала изъ своего лона. Та же самая потребность бросила Юліана въ объятія Максима Эфесскаго и его друзей. Часто ошибаются относительно причины его обращенія. На нее смотрятъ, какъ на возмущеніе здраваго смысла противъ чрезмѣрнаго суевѣрія; это глубокое заблужденіе. Несомнѣнно, что въ ученіи, къ которому пришелъ Юліанъ, было болѣе суевѣрій и суевѣрныхъ обрядовъ, чѣмъ въ томъ, которое онъ оставилъ; — и если онъ перемѣнилъ вѣру, то не потому, что не терпѣлъ сверхъестественнаго, а, напротивъ, потому, что находилъ слишкомъ мало сверхъестественнаго въ христіанствѣ.

II.

Юліанъ сказалъ однажды, «что былъ христіаниномъ до двадцати лѣтъ». Мы видѣли, что эти слова не слѣдуетъ понимать буквально. Весьма вѣроятно, что ревностнымъ и искреннимъ христіаниномъ онъ вовсе не былъ; но, по крайней мѣрѣ, онъ открыто признавалъ себя таковымъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ жилъ онъ среди вѣрныхъ, посѣщалъ церкви, читалъ священныя книги, слушалъ ученіе епископовъ, и вдругъ онъ всецѣло отдался язычеству.

Это глубоко поразило нѣкоторыхъ добрыхъ людей: они спрашивали себя, какъ такая честная, возвышенная, религіозная душа могла проглядѣть и не поразиться тѣмъ, что есть великаго и чистаго въ христіанскомъ ученіи. Гдѣ причина, что, зная близко это ученіе и исповѣдуя его болѣе половины жизни, онъ не только предпочелъ ему отжившую религію, но, кромѣ того, сохранилъ къ нему одно непримиримое презрѣніе? Что особенно невѣроятно и указываетъ на самое странное ослѣпленіе, это совершенное незнакомство съ нравственнымъ превосходствомъ этого ученія. Юліанъ считалъ его пригоднымъ только «создавать рабскія души»; онъ утверждалъ съ весьма странной увѣренностью, «что никогда никто у христіанъ не могъ бы сдѣлаться отважнымъ и честнымъ человѣкомъ». Можно, однако, до нѣкоторой степени объяснить эти странныя разсужденія, если представить себѣ, какія зрѣлища были у Юліана передъ глазами, и какое сильное впечатлѣніе они должны были на него производить. Со времени побѣды христіанства общественные нравы не особенно улучшились. Мы привыкли къ

мысли, что человечество въ цѣломъ мало мѣняется, что добро и зло всегда встрѣчаются приблизительно въ одинакихъ пропорціяхъ, и что никакое ученіе, какъ бы чисто и возвышенно оно ни было, не обладаетъ достаточной силой, чтобы обратить всѣхъ людей въ совершенныя существа. Но христіане часто утверждали, что когда ихъ религія восторжествуетъ надъ другими, міръ обновится. Она побѣдила, а міръ оставался все тѣмъ же. Всѣ видѣли, какъ Константинъ, государь, вознесшій христіанство на тронъ, послѣдовательно убилъ своего тестя, зятя, жену и сына. Зачѣмъ же онъ строилъ церкви, окружалъ себя епископами, предсѣдательствовалъ на соборахъ, если продолжалъ вести себя подобно Нерону? И еще болѣе близкій фактъ: развѣ вступленіе на престолъ Констанція не было обогрено кровью всѣхъ его родственниковъ? Когда великія надежды не осуществляются то ведутъ за собой крайнее разочарованіе, и весьма вѣроятно, что многіе изъ разсчитывавшихъ на возвращеніе золотого вѣка, видя, что все осталось попрежнему и что христіанскіе государи слѣдуютъ примѣру языческихъ, были склонны обвинять христіанство въ безсиліи.

Таково было впечатлѣніе, вынесенное и высказанное Юліаномъ. Можетъ-быть, лица, на которыхъ была возложена обязанность познакомить его съ ученіемъ Церкви, по своимъ свойствамъ не могли его расположить въ пользу этого ученія. Это, вѣроятно, были аріанскіе епископы, царедворцы, скорѣе политическіе интриганы, чѣмъ добродѣтельные люди; конечно, они могли сообщить ему лишь самое плохое представленіе о

христіанскомъ воспитаніи. Христіанство было религіей его гонителей а это съ самаго дѣтства всего болѣе должно было его отчуждать отъ этой религіи и мѣшать ея пониманію. Его принуждали исповѣдовать ее главнымъ образомъ изъ такого расчета, что если онъ сдѣлается болѣе ревностнымъ христіаниномъ, то станетъ болѣе покорнымъ подданнымъ. Ему навязывали ее, какъ дисциплину; онъ принималъ ее, какъ наказаніе. Юліанъ отлично зналъ, что среди его христіанскихъ наставниковъ были такіе, на которыхъ возложена обязанность слѣдить за его поведеніемъ, проникать въ его мысли, чтобы потомъ передать о нихъ императору. Они представлялись ему скорѣе шпионами и тюремщиками, чѣмъ учителями; ненависть къ нимъ онъ распространилъ и на ихъ ученіе. Съ большой неохотой слушалъ онъ ихъ уроки. Онъ рассказываетъ, что забавлялся, смущая ихъ своими возраженіями, и былъ настолько великодушень, что подсказывалъ имъ аргументы, когда они затруднялись, что отвѣтить. Они радовались, конечно, когда видѣли его погруженнымъ въ чтеніе священныхъ книгъ; они не знали, что эти книги онъ изучаетъ для борьбы съ ними и готовить такимъ образомъ на глазахъ у своихъ учителей и, можетъ-быть, съ ихъ же помощью свое опроверженіе христіанства.

Итакъ главная причина, побуждавшая его ненавидѣть ученіе, навязанное ему убійцей его семьи, была та, что съ нимъ соединилось у него представленіе о рабствѣ. Другое же, напротивъ, казалось ему символомъ свободы. Онъ сбрасывалъ его, опять становился самостоятельнымъ и думалъ избавиться отъ своихъ тирановъ, отрицая ихъ вѣру.

Христіанство сливалось у него съ воспоминаніями о самыхъ грустныхъ годахъ юности; напротивъ, язычество явилось для него утѣшеніемъ и освобожденіемъ среди всѣхъ униженій и несчастій. Этимъ и объясняется та горячность, съ которой онъ предался язычеству. Либаній говоритъ, что онъ плакалъ, услыхавъ, что храмы разрушены, жрецы упразднены, сокровища боговъ раздѣлены между евнухами и куртизанками; онъ говоритъ, что Юліанъ счастливъ, когда можетъ принести жертву на покинутыхъ алтаряхъ, «жаждущихъ крови». Только нѣкоторые изъ друзей были посвящены въ тайну его новыхъ вѣрованій и присутствовали при жертвоприношеніяхъ, тѣмъ не менѣе слухъ объ этомъ распространился «среди служителей музъ и почитателей боговъ». Они приходили повидаться съ молодымъ государемъ, бесѣдовали съ нимъ, когда онъ былъ одинъ и, плѣненные его набожностью и мудростью, молили боговъ сохранить его на благо имперіи. Эти таинственныя сношенія, имѣвшія видъ заговора, прелесть секрета, заманчивость опасности, удовольствіе бравировать мрачными учителями, не подчиняться ихъ распоряженіямъ — все это привязывало Юліана къ запрещенному культу, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ и всѣми силами души призывалъ день, когда можно будетъ совершать его открыто и возратить ему всѣ утраченныя почести.

Но этотъ день заставилъ ждать себя цѣлыхъ десять лѣтъ. Десять долгихъ лѣтъ, полныхъ ужаса и тоски, пришлось ему обманывать міръ, лгать передъ своей совѣстью, исповѣдывать ненавистный культъ и даже, чтобы вполне заглушить тревоги

Констанція, вступитъ въ низшій чинъ духовной іерархіи и читать передъ народомъ въ церквахъ священныя книги. На самомъ дѣлѣ трудно понять, какъ такой горячій и такой убѣжденный молодой человѣкъ оказался способнымъ на столь продолжительное притворство. Его иногда упрекали въ этомъ, но мнѣ кажется это совершенно несправедливымъ: мы знаемъ, подъ какой строгой опекой онъ находился, и если бы къ непростительному грѣху быть племянникомъ Константина онъ прибавилъ еще преступленіе отступничества отъ культа своей семьи, то ему грозила неминуемая гибель. Ему нужно было притворяться, чтобы не лишиться жизни; если это лицемѣріе намъ не нравится, не забудемъ, что оно было вынуждено страхомъ смерти, и что оно можетъ быть поставлено въ вину не столько молодому государю, сколько тѣмъ, кто заставилъ его къ нему прибѣгнуть.

Ставъ цезаремъ и предводителемъ галльской арміи, Юліанъ не сдѣлался свободнѣе. Надъ нимъ даже издали продолжалъ тяготѣть надзоръ; императоръ всегда съ безпокойствомъ слѣдилъ за нимъ и, замѣтивъ, что Юліанъ слишкомъ ладитъ съ префектомъ Саллюстіемъ, поспѣшилъ отозвать послѣдняго. Съ грустью проводилъ его Юліанъ. До насъ дошло адресованное Саллюстію письмо, представляющее одно изъ лучшихъ произведеній Юліана. Хотя онъ въ немъ не жалуется открыто на императора, но тѣмъ болѣе чувствуется скрытая горечь; все наводитъ здѣсь на предположеніе о его новой вѣрѣ, хотя ничто не выдаетъ ея; легко догадываешься, что Саллюстій раздѣляетъ эту вѣру, что

это одинъ изъ вѣрныхъ друзей, обращающій съ нимъ вмѣстѣ молитвы къ Царю-Солнцу и къ Матери боговъ, что ему довѣрены мечты о возстановленіи стараго культа. Конецъ, серьезный и полный нѣжности, привлекаетъ насъ къ молодому государю, который такъ горячо любилъ своихъ друзей и, по выраженію Антонина, будучи цезаремъ, умѣлъ быть съ ними человѣкомъ. «Тебѣ желаю, — пишетъ онъ, — такъ какъ мнѣ пора съ тобой проститься, чтобы милосердное божество было съ тобою всюду, куда ты отправишь свои стопы! Пусть домашній богъ приметъ тебя благосклонно, пусть богъ дружбы приготовить тебѣ повсюду расположеніе! Пусть онъ сравниваетъ дороги, а если тебѣ предстоитъ плаваніе по морю, пусть смиряетъ передъ тобой волны! Будь любимъ и почитаемъ всѣми! Пусть тебя встрѣчаютъ съ радостью и провожаютъ съ сожалѣніемъ!»

Гораздо менѣе пріятное впечатлѣніе производятъ написанные имъ около этого же времени панегирики императору Констанцію и императрицѣ Евсевіи. Тѣмъ не менѣе, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, они оказываются гораздо любопытнѣе утѣшеній Саллюстію. Конечно, тамъ встрѣчаются чересчуръ гиперболическія похвалы, которыя не могли быть искренни. Но Юліанъ заботливо предупреждаетъ насъ, что одна изъ привилегій такого рода произведеній это — допущеніе лжи. «Для оратора вовсе не постыдно произносить ложныя похвалы людямъ, совершенно ихъ не заслуживающимъ. Напротивъ, говорятъ, что онъ хорошо воспользовался своимъ искусствомъ, когда его слово сумѣло возвеличить малое, унижить великое, — однимъ словомъ,

противопоставить природѣ вещей силу краснорѣчія». Такимъ образомъ, мы предупреждены и будемъ сами виноваты, если вздумаемъ вѣрить этимъ официальнымъ гиперболамъ. Оставимъ же въ сторонѣ всю эту высокопарную ложь, обличающую себя преувеличеніями; на чемъ стоитъ остановиться, что на самомъ дѣлѣ странно и неожиданно въ этихъ панегирикахъ, это — свобода, съ которой Юліанъ касается религіозныхъ темъ и даетъ понять свои настоящіе взгляды, которые онъ въ другихъ мѣстахъ такъ тщательно скрывалъ. Здѣсь его нельзя обвинить въ лицемѣріи; тутъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на христіанское ученіе, ни однимъ словомъ не обнаруживаетъ себя государь, посѣщавшій церкви и читавшій священныя книги народу. Вездѣ говорится о философахъ и Гомерѣ и ни слова объ евангеліи. Греческіе мудрецы занимаютъ мѣсто, которое слѣдовало бы занимать учителямъ Церкви; желая доказать, что «человѣкъ долженъ стремиться вознестись къ небесамъ, откуда онъ нисходитъ», авторъ цитируетъ только одного Платона; чтобы установить, что «лучше прощать оскорбленія, чѣмъ мстить», онъ опирается только на одно положеніе Питтака. Рѣчи, предназначенныя для восхваленія христіанскаго государя, изобилуютъ старыми миеологическими разсказами, и онъ не только пересказываетъ ихъ съ удовольствіемъ, но даже старается ихъ обосновать. «Остерегайтесь вѣрить тѣмъ, — говоритъ онъ, — кто утверждаетъ, что это вымыслы невѣждъ», и для доказательства, что они ошибаются, онъ даетъ объясненіе легенды о Геркулесѣ, дѣлающее ее весьма нравственной и вполне разумной. Въ концѣ второй

рѣчи онъ начертываетъ идеаль добраго государя, какимъ онъ себѣ его представляетъ: портретъ прекрасный, но это государь-язычникъ. Его первая обязанность — благочестіе, т.-е. «культъ боговъ». Для разумаго поведенія «онъ долженъ постоянно созерцать Царя боговъ, органомъ и служителемъ котораго долженъ быть истинный государь». Если онъ приблизится къ этому образцу, — подданные будутъ любить его и призовутъ на него всѣ блага, «боги же, въ свою очередь, предупредятъ его молитвы и, даруя ему всѣ блага небесныя, не лишатъ и земныхъ. Наконецъ, когда судьба заставитъ его покориться неизбѣжному исходу жизни они примутъ его въ свои сонмы, приобщатъ къ своимъ ликованіямъ и распространятъ славу его среди всѣхъ смертныхъ». Развѣ нельзя сказать, что онъ заранѣе набрасывалъ въ этихъ словахъ программу своего царствованія?

Итакъ официальные рѣчи, предназначенныя для произнесенія на торжественныхъ церемоніяхъ предъ главными чинами государства, полны языческихъ воспоминаній и чувствъ. Довольно трудно понять, какъ государь, подобно Юліану, находившійся подъ подозрѣніемъ, осмѣлился произносить ихъ, а набожный государь, подобный Констанцію, гордившійся тѣмъ, что запиралъ храмы и обращалъ подданныхъ, могъ ихъ слушать или читать. Должно быть, на самомъ дѣлѣ, этотъ видъ краснорѣчія пользовался особыми привилегіями: какъ, съ одной стороны, тамъ позволялось нагло лгать, такъ, съ другой можно было, не опасаясь, пользоваться языческой фразеологіей. Она была освящена образцовыми произведеніями; ораторы пользовались

ею много вѣковъ; это была какъ бы старая мода, которую терпѣли по привычкѣ и изъ уваженія. Не менѣе странно, что въ то время, какъ культы еще оспаривали другъ у друга мѣсто, — человекѣ, исповѣдовавшему христіанство въ церкви, было позволено оставаться язычникомъ въ школѣ. Могъ же Юліанъ безъ оговорокъ, не удивляя равнодушныхъ и не возмущая черезчуръ благочестивыхъ, призывать въ своихъ панегирикахъ Юпитера и находить нравственный смыслъ въ легендѣ о Геркулесѣ. Стоитъ особенно обратить вниманіе на усердіе, съ которымъ онъ старался воспользоваться этой свободой, и на способъ, которымъ онъ ею воспользовался. Видно, что онъ былъ доволенъ возможностью выразить свои истинныя чувства. Его тяготило стѣсненіе, въ которомъ онъ принужденъ былъ жить, и онъ облегчалъ свое сердце ораторскими упражненіями, гдѣ могъ быть, по крайней мѣрѣ, нѣсколько свободнѣе. Онъ долженъ былъ испытывать удовлетвореніе, получивъ возможность сбросить на время маску и исповѣдывать свою вѣру передъ всѣми. Такой моментъ наступилъ, наконецъ, когда, потерявъ всякую надежду примириться съ Констанціемъ, Юліанъ выступалъ противъ него со своей арміей. Онъ писалъ тогда своему учителю Максиму Эфесскому: «Мы публично поклоняемся богамъ, и вся слѣдующая за мною армія предана ихъ культу. Мы приносимъ имъ въ жертву быковъ въ благодарность за благодѣянія, и сожигаемъ въ честь ихъ многочисленныя гекатомбы. Эти боги повелѣваютъ мнѣ поддерживать всюду, насколько возможно, совершенную святость. Я имъ отъ всего сердца повинуюсь. Они обѣщаютъ даро-

вать мнѣ великіе плоды моихъ усилій, если я не ослабѣю». Онъ былъ въ этотъ моментъ, какъ видимъ, полонъ энтузіазма и упованій; но будущее сулило ему много разочарованій.

III.

Попытка Юліана возстановить древнюю религію имѣетъ ту особенность, что, будучи въ одно время философомъ и императоромъ, онъ имѣлъ два средства борьбы съ христіанствомъ: какъ философъ, онъ могъ преслѣдовать его своими сочиненіями, опровергать его, разрушать, стараться уронить въ общественномъ мнѣніи; какъ императоръ, онъ могъ принять всевозможныя мѣры, которыя казались ему наиболѣе дѣйствительными для его уничтоженія. Мы прослѣдимъ послѣдовательно оба рода борьбы.

Юліанъ написалъ большое сочиненіе противъ христіанъ, о которомъ мы знаемъ только по возраженіямъ на него св. Кирилла. Это замѣчательное произведеніе, которое Либаній ставитъ выше работы Порфирія, посвященной тому же предмету, и о которомъ св. Кириллъ говоритъ, что «оно поколебало многихъ и надѣлало много зла». Въ тѣхъ выдержкахъ, которыя до насъ дошли, мы находимъ живую, искусную, часто глубокую полемику, всегда подкрѣпляемую знаніемъ священныя книгъ. Принуждая Юліана читать эти книги и размышлять надъ ними, ему дали въ руки оружіе, которое онъ обратилъ противъ христіанства. Онъ заставилъ дорого расплатиться епископовъ и священниковъ, на которыхъ было возложено его воспитаніе, — за продолжительную скуку, испытанную при изученіи теологій. Онъ не только воспроизводитъ старыя аргументы

Цельса, но какъ бы предвидить большую часть тѣхъ, которыя чаще всего выставляетъ наша современная критика: такъ, онъ обращаетъ вниманіе на слѣды политеизма, содержащіеся въ библейскомъ разсказѣ о сотвореніи міра; онъ отмѣчаетъ мимоходомъ, что евангеліе Іоанна не походитъ на три другихъ; онъ утверждаетъ, что христіанство образовалось изъ неудачныхъ заимствованій у грековъ и евреевъ, «что, подобно пѣвкамъ, оно вытянуло дурную кровь, оставивъ хорошую». Онъ предвосхищаетъ насмѣшки Вольтера и такъ же забавенъ и остроуменъ, какъ тотъ, когда разбираетъ разсказы изъ св. Писанія и выводитъ на свѣтъ ихъ противорѣчія и странности. «Богъ сказалъ: не хорошо быть человѣку одному, сотворимъ ему помощника, подобнаго ему. Однако, эта помощь не только ни въ чемъ ему не помогаетъ, но даже обманываетъ его и дѣлается причиной ихъ общаго изгнанія изъ рая... Что касается змѣя, бесѣдующаго съ Евой, — на какомъ языкѣ, какъ бы вы думали, объяснялся онъ? А предписанное Богомъ первому человѣку и его женѣ запрещеніе познавать добро и зло, развѣ это не верхъ нелѣпости: можетъ ли быть что-нибудь глупѣе существа, не умѣющаго отличать зло отъ добра, чтобы избѣгать одного и искать другого? Значить, Богъ былъ врагомъ человѣчества, если отказывалъ ему въ томъ, что составляетъ основу разума, а змѣй былъ его благодѣтелемъ». Неудобство этихъ насмѣшекъ состоитъ въ томъ, что ихъ можно обратить противъ языческихъ легендъ, которыя Юліанъ находилъ достойными почитанія, даже пробовалъ объяснить и защитить. Надо сознаться, что, посмѣявшись надъ Вавилонской башней, трудно отнестись серьезно къ разсказу Го-

мера объ Алоадахъ, придумавшихъ нагромоздить три горы одна на другую, чтобы «вскарabкаться на небо». Но таково свойство теологическихъ споровъ, что предающіеся имъ съ жаромъ, заглушающимъ критику, теряютъ способность видѣть у себя тѣ несовершенства, которыя различаютъ у другихъ. Они направляютъ противъ своихъ противниковъ аргументы, которыми можно воспользоваться противъ нихъ самихъ, такъ что объ стороны выходятъ изъ спора равно пораженными, а плоды пожинаютъ въ дѣйствительности только невѣрующіе.

Юліанъ вовсе не намѣревался работать для невѣрующихъ: онъ, конечно, надѣялся обратить міръ къ старымъ богамъ, но зналъ, что для успѣха предстоитъ сдѣлать огромныя усилія. Христіанская полемика нанесла жестокіе удары народнымъ религіямъ; она побѣдоносно показала ихъ слабости и смѣшныя стороны, такъ что невозможно было вполнѣ возвратиться къ наивному политеизму прежнихъ лѣтъ. И на самомъ дѣлѣ, религія, которую Юліанъ пытался составить изъ обломковъ прежней, была совершенно новая. Несмотря на восхищеніе Гомеромъ, онъ понималъ, что живетъ не во времена Троянской войны, что у новаго общества новыя религіозныя потребности, для удовлетворенія которыхъ надо найти особыя средства. Религіи древняго міра составлялись изъ обрядовъ, исполненіе которыхъ строго требовалось, и изъ легендъ, которыя каждый могъ толковать по-своему; у нихъ не было догматовъ и они не знали различія между ересью и правовѣріемъ. Міръ въ теченіе многихъ вѣковъ довольствовался этими неопредѣленными вѣрованіями, которыя не стѣсняли ничьей свободы; но со

временемъ люди стали болѣе требовательны. Великіе вопросы съ непреодолимой силой овладѣли умами, надо было разрѣшить ихъ, и потому религія, которая ничего не говорила о природѣ боговъ, объ ихъ вліяніи на міръ и о тайнахъ загробной жизни, перестала удовлетворять. Юліанъ взялся заполнить эту пустоту съ помощью философіи Платона. Его первой задачей было создать религіозную доктрину, дать нѣчто похожее на догматы культамъ, у которыхъ ихъ не было. Это намѣреніе проявляется въ длинномъ трактатѣ «о Царѣ-Солнцѣ», сочиненномъ имъ въ теченіе трехъ бессонныхъ ночей и составляющемъ одну изъ его важнѣйшихъ работъ.

Этотъ трактатъ нѣ легко понять: Юліанъ часто выражается тамъ очень темно. Это какая-то импровизація, въ которой мысли остаются не вполне выясненными. Правда, онъ тамъ рассуждаетъ о метафизическихъ вопросахъ и обращается къ людямъ одинаковаго съ нимъ образа мыслей, понимающихъ его съ полуслова. Къ счастью для насъ, Навидль потрудился разъяснить все, что Юліанъ только набросалъ. Самое лучшее, что я могу сдѣлать, это — резюмировать его работу, предоставляя ему, насколько возможно, говорить самому.

Истинный богъ Юліана — солнце. Это источникъ жизни всей природы; оно даетъ жизнь и произращаетъ все на землѣ; оно управляетъ движеніемъ сферъ и небесныхъ свѣтилъ; оно — центръ и принципъ удивительной небесной гармоніи; «планеты сообразуются съ его движеніемъ, все небо наполнено богами, обязанными ему своимъ рожденіемъ». Но солнце, которому Юліанъ воздастъ почести, не совсѣмъ то, которое совершаетъ свое теченіе, восхо-

дить и заходить у насъ на глазахъ. Это матеріальное свѣтило — только образъ или какъ бы отраженіе другого солнца, котораго наши глаза не могутъ уловить и которое въ высшихъ недосягаемыхъ сферахъ, находящихся внѣ поля нашего зрѣнія, «освѣщаютъ невидимыя и священныя племена разумныхъ боговъ». Нужно большое усиліе отвлеченной мысли, чтобы понять идею Юліана объ этихъ мірахъ, которые іерархически расположены одни надъ другими и ведутъ насъ изъ среды, гдѣ мы живемъ, въ область идеальнаго и абсолютнаго. Но объясненія Навилля облегчаютъ намъ работу. «Видимый міръ, — говоритъ онъ, — есть подобіе вышшаго міра, который является его идеаломъ, и по подобію можно составить себѣ понятіе объ образцѣ. Отымите отъ видимаго міра матерію и всѣ проистекающія отъ нея несовершенства, усильте съ помощью мысли, доведите до высшей степени всѣ заключающіеся въ немъ элементы совершенствованія, и вы на пути къ нѣкоторому представленію о вышемъ мірѣ. Тамъ также центральное начало есть очагъ, откуда гармонія истекаетъ на другія подчиненныя начала. «Назовемъ его, — говоритъ Юліанъ, — непостижимымъ или Идеей всякаго бытія, т. е. всего постижимаго, или Единымъ, или, по Платону, Благомъ. Подобно тому, какъ солнце окружено рядомъ небесъ, и хоры свѣтилъ вращаются вокругъ него, такъ и Благо окружено духовными началами, между которыми оно распредѣляетъ бытіе, красоту, совершенство, единство, облакая ихъ блескомъ своего благотворнаго могущества. «Видимымъ богамъ» вселенной соотвѣтствуютъ «духовныя божества» вышшаго міра. Этотъ высшій міръ есть міръ абсолютный, область

первичныхъ началъ и первыхъ причинъ; видимая вселенная происходитъ изъ него и воспроизводитъ установленный имъ порядокъ, но она происходитъ не прямо отъ него. Между этими двумя мірами — Единымъ абсолютнымъ и Единымъ множественнымъ, между абсолютно нематеріальнымъ и матеріей, между тѣмъ, что абсолютно неподвижно и тѣмъ, что измѣняется непрестанно, между наивысшимъ и наинизшимъ — разстояніе слишкомъ велико для того, чтобы одно могло исходить непосредственно изъ другого: необходимъ посредникъ. Между міромъ духовнымъ и міромъ чувственнымъ находится міръ разумный. Міръ разумный есть изображеніе міра духовнаго и служитъ, въ свою очередь, образцомъ для міра чувственнаго, который, такимъ образомъ, есть изображеніе, воспроизведеніе во второй степени абсолютнаго образца». Навилль указываетъ, что ученіе Юліана имѣетъ форму, общую большей части александрійскихъ доктринъ: оно троично. Его троица состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ членовъ: міръ духовный, міръ разумный и видимый или чувственный міръ. Каждому изъ нихъ соотвѣтствуетъ особое солнце, составляющее центръ системы. Есть, слѣдовательно, три солнца, соотвѣтствующія тремъ различнымъ мірамъ; они различаются по степени важности и по своему назначенію. Солнце міра духовнаго, т.-е. первый принципъ, Единое, Благо, есть по преимуществу предметъ философскаго умозрѣнія Юліана, мысль котораго любитъ прозрѣвать его издалека, но приблизиться къ себѣ оно не позволяетъ. Солнце чувственнаго міра, которое мы видимъ и которымъ пользуемся, слишкомъ матеріально, чтобы

стать послѣднимъ объектомъ его поклоненія. Слѣдовательно, на посредствующемъ богѣ разумнаго міра онъ сосредоточиваетъ по преимуществу свое благоговѣніе. Онъ называетъ его «Царь-Солнце» и рассматриваетъ какъ родъ посредника, черезъ котораго совершенства духовнаго міра перемѣщаются въ міръ чувственный, и который сообщаетъ чувственному міру сокровища, полученныя имъ самимъ отъ абсолютнаго Блага. Навилль основательно замѣчаетъ, что въ этихъ концепціяхъ Юліанъ вдохновился сначала Платономъ, а затѣмъ вспомнилъ также и о христіанскомъ богословіи. «Есть очевидное родство между «Царемъ-Солнцемъ» и тѣмъ вторымъ лицомъ, органомъ творенія, которому отцы II вѣка дали названіе Logos, а Никейскій соборъ назвалъ Сыномъ; выраженія же, которыми Юліанъ пользуется, чтобы опредѣлить его свойства, иногда напоминаютъ опредѣленія церковныхъ учителей, примѣняемыя ими ко второму лицу ихъ Троицы. Юліанъ надѣялся, можетъ-быть, подмѣнить Царемъ-Солнцемъ Слово-Сына въ народномъ поклоненіи».

Мнѣ кажется, достаточно такого бѣлаго анализа, чтобы дать понятіе о томъ, что хотѣлъ сдѣлать Юліанъ. Онъ исходитъ отъ наиболее важнаго изъ народныхъ культовъ, культа Солнца, изгладившаго понемногу всѣ остальные и какъ бы сконцентрировавшаго въ этотъ моментъ въ себѣ всѣ живыя силы язычества. Своими далекими корнями этотъ культъ примыкаетъ къ древнимъ мифамъ объ Аполлонѣ, національномъ богѣ Греціи, но онъ былъ подновленъ введеніемъ восточныхъ элементовъ. Въ то самое время, когда писалъ Юліанъ, толпу привлекало своими тайными ассоціаціями и мистеріями

другое воплощеніе «Непобѣдимаго Солнца» — персидскій богъ Митра. Пламенному благочестію, на которомъ, какъ на прочномъ основаніи, зиждется вся система Юліана, онъ хочетъ дать недостававшее ему догматическое богословіе. Онъ заимствуетъ у Платона его смѣлыя и увлекательныя разсужденія объ іерархіи различныхъ міровъ, объ ихъ эманациі, объ абсолютно прекрасномъ, объ идеяхъ и т. д., и надѣется, что, утверждая наивныя народныя вѣрованія на философскихъ доктринахъ, дастъ имъ силу устоять противъ христіанства. Дѣло было, конечно, великое и вполнѣ достойное этого тонкаго и смѣлаго ума, но не легко было добиться успѣха. Вглядываясь въ него ближе и сравнивая его съ работой, выполняемой въ то же время христіанскимъ богословіемъ, скоро замѣчаешь несовершенства, которыя помѣшали успѣху этого дѣла.

Прежде всего поражаетъ, до какой степени разсужденія Юліана утонченны и туманны. Чтобы постигнуть его систему и прослѣдить ее во всѣхъ подробностяхъ, нуженъ былъ умъ, изошрившійся въ школьной діалектикѣ и близко знакомый съ самыми трудными пунктами ученія платониковъ. Юліанъ самъ понималъ это, но, повидимому, мало объ этомъ беспокоился. «Можетъ-быть,— говорилъ онъ, мысли, которыя я только что изложилъ, не будутъ поняты всѣми греками; но развѣ нельзя говорить ничего, кромѣ вульгарнаго и общедоступнаго?» Изъ этого ясно видно, къ какого рода публикѣ думаетъ онъ обращаться: онъ пишетъ только «для счастливыхъ адептовъ теургіи». Поступая такъ, Юліанъ оставался вѣрнѣ духу античной философіи, которая не сообщалась всѣмъ, а выбирала и испытывала

своихъ учениковъ, у которой для толпы было внѣшнее и поверхностное ученіе, а для привилегированныхъ другое — тайное. Христіанство не допускало такихъ аристократическихъ различій. Оно проповѣдывало всѣмъ одно евангеліе; особенно же привлекало народъ въ христіанской церкви то, что всѣ вѣрные чувствовали себя тамъ соединенными въ одной вѣрѣ и что за всѣми признавалось равное право на истину. Юліанъ напрасно такъ легко примирялся съ тѣмъ, что его не пойметъ народъ: нужно очень подумать о народѣ, когда хочешь быть основателемъ религіи, а не философіи.

Это одна слабая сторона его дѣла, а вотъ и другая, не менѣе важная. Всѣ прекрасныя теоріи, которыя онъ развиваетъ съ такимъ увлеченіемъ, въ концѣ концовъ представляютъ изъ себя только разсужденія единичнаго ума, философскія идеи, которыя, подобно всѣмъ другимъ, можно обсуждать, — но не догматы вѣры. Юліанъ, между тѣмъ, имѣлъ притязаніе сдѣлать изъ нихъ настоящіе догматы, и онъ называетъ ихъ такъ въ одномъ любопытномъ мѣстѣ, гдѣ сравниваетъ ихъ съ системами, созданными астрономами для объясненія движенія планетъ. Эти системы кажутся ему только гипотезами, т.-е. «вѣроятностями гармонирующими съ явленіями», тогда какъ, наоборотъ, теоріи Платона, которыя иногда называютъ мистическими гипотезами, представляются ему догматами, «засвидѣтельствованными мудрецами, слышавшими голосъ боговъ или великихъ демоновъ». Здѣсь, мнѣ кажется, мы улавливаемъ истинную мысль Юліана. Онъ знаетъ, что догматъ нуждается въ откровеніи, — онъ и основываетъ на откровеніи несомнѣнность

своихъ ученій. Онъ признаетъ, что достигнуть пониманія божественной природы можно только съ помощью самихъ боговъ; онъ твердо вѣрить, что боги сообщаются съ тѣми, кто ихъ ищетъ, что въ сношенія съ ними вступаютъ черезъ посредство сновидѣній и экстаза, что ихъ тайный голосъ звучитъ въ сердцахъ тѣхъ, кто желаетъ познавать ихъ, такъ что результаты, которыхъ достигаютъ мудрецы, занятые изслѣдованіемъ тайнъ божественной природы, можно считать продиктованными самими богами. Мнѣ кажется, что эту систему можно сравнить съ системой протестантскихъ богослововъ, когда они утверждаютъ, что вѣрные могутъ толковать священныя книги по личному вдохновенію, и что Св. Духъ сообщаетъ имъ необходимое освѣтленіе для ихъ пониманія. Единственная разница, къ несчастію, очень важная, заключается въ томъ, что у язычниковъ не было священныхъ книгъ. Трудно было приписывать большой авторитетъ поэмамъ Гомера, а философы слишкомъ расходились другъ съ другомъ во мнѣніяхъ, чтобы можно было извлечь изъ нихъ общее ученіе. Итакъ, системѣ Юліана недоставало прочнаго обоснованія. Такъ какъ необходимой точкой отправленія были смутныя легенды или философскія фантазіи, то все у него предоставлено было произволу личнаго толкованія. Теоріи одного мудреца не представлялись удовлетворительными для другихъ, и каждый принужденъ былъ начинать свою работу сызнова. Между тѣмъ тогдашніе люди жаждали другого: утомленные заблужденіями, умы искали ученія опредѣленнаго и несомнѣннаго, чтобы мирно отдохнуть на немъ, а этого - то и не могъ дать имъ Юліанъ.

Трудно также было ожидать, чтобы его учение, составленное изъ чрезвычайно разнородныхъ элементовъ, могло образовать единое цѣлое. Впрочемъ, это составляло общій недостатокъ всѣхъ попытокъ того времени возстановить старое язычество. Такъ какъ намѣревались возвысить народную религію съ помощью философскихъ толкованій, то необходимо было перемѣшивать очень серіозныя разсужденія со смѣшными легендами, что никогда не даетъ хорошихъ результатовъ; главнымъ образомъ надо было найти средство для перехода отъ монотеизма просвѣщенныхъ людей къ политеизму толпы, и это была задача болѣе затруднительная, чѣмъ все остальное. Юліанъ натолкнулся на всѣ эти затрудненія, и далеко не вполнѣ разрѣшилъ ихъ. Неясно, приписывалъ ли онъ тысячамъ миѳическихъ божествъ реальное существованіе и опредѣленную индивидуальность. Навилль обращаетъ вниманіе на то, что когда Юліанъ говоритъ о нихъ, его мысль часто недостаточно опредѣленна: то кажется, что онъ смотритъ на нихъ какъ на силы природы или простыя концепціи ума, то онъ представляетъ ихъ живыми лицами, которыхъ какъ бы видитъ и слышитъ, къ помощи которыхъ взываетъ и «къ которымъ чувствуетъ то же, что къ родителямъ и добрымъ учителямъ». Я не знаю, понятенъ ли былъ ему самому этотъ важный пунктъ, и не рѣшился бы сказать съ такою увѣренностью, какъ Навилль, «что ему совершенно чуждъ антропоморфизмъ». Но предположимъ, что Навилль правъ и что Юліанъ употребляетъ метафоры, когда убѣжденнымъ тономъ разсказываетъ намъ о появленіяхъ Эскулапа и путешествіяхъ Вакха: если такимъ образомъ онъ

приближался къ философамъ, то въ то же время удалялся отъ народа. Выходить, слѣдовательно, что смѣсь, которую онъ пытался составить изъ философскихъ идей и народныхъ вѣрованій, получила совершенно вѣшній характеръ, что невѣжды и ученые, которыхъ Юліанъ соединялъ въ однихъ храмахъ, въ дѣйствительности вовсе не обращались къ однимъ и тѣмъ же богамъ: тогда какъ одни молились имъ какъ живымъ существамъ, другіе смотрѣли на нихъ только какъ на аллегоріи и символы. Это одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя рано или поздно обнаруживаются и разрушаютъ систему, на нихъ основанную.

Въ этомъ-то и состояли крупныя недостатки системы; они выступаютъ еще рѣзче, когда сравниваешь теологію Юліана съ богословіемъ Церкви. Но онъ самъ, повидимому, ихъ не замѣчалъ. Онъ твердо вѣрилъ, что способъ толкованія миеологическихъ басенъ философій Платона дастъ начало настоящему религіозному ученію, которое можно будетъ преподавать народу. Но этого еще до сихъ поръ никогда не дѣлалось. Въ храмахъ не проповѣдывали, тамъ не излагали никакого ученія и не преподавали уроковъ нравственности. Философы первые придумали нѣчто въ родѣ проповѣди народу; послѣ того, какъ они долгое время довольствовались развитіемъ своихъ идей передъ небольшимъ количествомъ избранныхъ учениковъ, они, наконецъ, призвали толпу слушать себя. Передъ ней они произносили настоящія проповѣди, которыя влекли за собой иногда блестящія обращенія. Въ христіанскихъ церквахъ слово имѣло еще болѣе значенія и давало еще болѣе чудесныя результаты, поэтому естественно, что

Юліанъ попытался употребить эту силу на пользу возстановляемаго имъ культа. Григорій Назіанзинъ говоритъ, что Юліанъ имѣлъ намѣреніе «установить во всѣхъ городахъ чтенія и толкованія эллинскихъ догматовъ, относившихся и къ теологіи и къ морали».

Онъ намѣревался учредить настоящую проповѣдь: отнять ее у философіи и отдать религіи, перенести изъ школъ въ храмы. Нѣтъ сомнѣнія, что проектъ этотъ осуществился; мы знаемъ, что знаменитый ораторъ Акакій произнесъ однажды рѣчь объ Эскулапѣ въ храмѣ, разоренномъ христіанами и опять вновь открытомъ. «Твоя рѣчь, — писалъ ему другъ его Либаній, — съ начала до конца пропитана медомъ музъ: она блеститъ изяществомъ, убѣдительно доводами, выполняетъ все, чѣмъ задалась. Въ самомъ дѣлѣ, то ты доказываешь могущество бога надписями, которыя ему посвящали выздоравливающіе, то ты трагически описываешь походъ безбожниковъ противъ этого храма, разрушеніе, пожаръ, оскверненіе жертвенниковъ, преслѣдованія, которымъ подверглись молящіеся, не смѣвшіе больше просить бога объ исцѣленіи своихъ болѣзней. Ты усиливаешь убѣдительность своимъ аргументами, ты очаровываешь своимъ стилемъ, и даже длина рѣчи только увеличиваетъ ея прелесть, такъ какъ это соответствуетъ важности обстоятельствъ». Этого рода проповѣди задавались цѣлью познакомить народъ съ истинною природою боговъ, со скрытымъ смысломъ мифовъ и нравственными правилами, которыя можно было извлечь отсюда. Вѣроятно также, что въ нихъ, какъ и въ христіанскихъ проповѣдяхъ, будущая жизнь занимала видное мѣсто. Юліанъ самъ очень интересовался будущей жизнью и свои трактаты о

Царь-Солнцѣ и о Матери боговъ заканчиваетъ разсужденіями о безсмертіи. Когда его, смертельно раненаго, принесли въ палатку, послѣдняя забота его относилась къ одному офицеру, Анатолію, котораго онъ нѣжно любилъ и который только что погибъ въ схваткѣ. Когда Юліанъ освѣдомился о немъ, ему отвѣчали, что «тотъ сдѣлался блаженнымъ—*beatum fuisse*»; онъ понялъ изъ этихъ словъ, что того не стало и, позабывъ свою участь, предался горю о другѣ; затѣмъ, видя, что всѣ кругомъ плачутъ, онъ упрекнулъ ихъ за слабость, говоря, что, «неприлично оплакивать государя, готовящагося отойти на небо». Итакъ онъ умеръ въ полной увѣренности, что получить въ другой жизни награду за свои труды, что боги, которыхъ онъ чтилъ и которымъ служилъ, приготовятъ ему «вѣчное жилище въ лонѣ ихъ».

Это далеко, какъ мы видимъ, отъ робкихъ надеждъ, выраженныхъ Платономъ въ концѣ *Федона*. Стало-быть, свою увѣренность о продолженіи жизни за гробомъ Юліанъ основывалъ вовсе не на ученіи философовъ. «Люди, — говоритъ онъ, — по отношенію къ этому вопросу ограничиваются догадками, но богамъ все вполнѣ извѣстно», и боги, сообщаясь съ нимъ, открыли ему истину.

Религіозное воспитаніе предполагаетъ существованіе образованнаго духовенства, способнаго настаивать въ вѣрѣ; на самомъ же дѣлѣ древнія религіи вовсе не знали истиннаго духовенства, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ христіанство. Жрецы были тамъ обыкновенными магистратами, которые выби- рались такъ же, какъ и другіе, и вѣряя имъ такія важныя обязанности, отъ нихъ не требовали ни пред-

варительной подготовки, ни особаго предрасположенія. Подобный способ набирать духовенство изъ гражданъ, которые продолжаютъ оставаться гражданами и не усваиваютъ вмѣстѣ съ новыми обязанностями никакого особаго духа, имѣлъ, конечно, нѣкоторыя преимущества: благодаря этому, древніе культы не сдѣлались узкими и нетерпимыми теократіями и избѣжали опасныхъ конфликтовъ между Церковью и государствомъ, ослабившихъ и разрушившихъ могущественныя царства; но онъ представлялъ также большія неудобства, которыя были замѣчены только тогда, когда пришлось бороться съ христіанствомъ. Духовенство свѣтское, политическое, равнодушное—не могло служить достаточною защитою для культовъ, которымъ угрожала опасность. Поэтому-то императорамъ, а особенно Юліану, и пришла мысль измѣнить его характеръ. Онъ первый отнесся серіозно къ титулу верховнаго жреца, который съ Августа носили его предшественники и на который они смотрѣли какъ на декоративное украшеніе своей власти. Юліану казалось, что этотъ санъ налагалъ на него строгія обязанности, и онъ говорить, что «просилъ боговъ научить его достойно выполнять ихъ». Онъ хотѣлъ прежде всего установить между различными, разъединенными духовными должностями нѣчто въ родѣ іерархіи. Въ провинціи великимъ жрецамъ, совершавшимъ культъ обоготворенныхъ императоровъ, поручено было наблюдать за другими. Они имѣли право отрѣшиться отъ должности тѣхъ, которые «со своими женами, дѣтьми и домочадцами не подавали примѣра почтенія къ богамъ». Онъ принялъ за правило не избирать жрецовъ, какъ прежде, изъ бога-

тыхъ, знатныхъ, важныхъ гражданъ, состоянія которыхъ хватило бы на цѣнныя игры, но изъ среды философовъ, мудрецовъ, людей, доказавшихъ свою твердость и постоянство въ борьбѣ за язычество. Его письма къ нимъ, напоминающія папскія экциклики, наполнены совѣтами жить честно, не посѣщать театровъ и комедіантовъ, воздерживаться отъ дурного чтенія, часто молиться богамъ; онъ хочетъ, чтобы они отличались всѣми добродѣтелями, въ особенности же милосердіемъ, которое доставило христіанству столько славы и успѣховъ. «Случилось то, — говоритъ Юліанъ, — что равнодушіе нашихъ жрецовъ къ бѣднымъ внушило нечестивымъ галилеянамъ мысль заняться благотворительностью, и они упрочили свое гнусное дѣло, прикрываясь добродѣтельною внѣшностью». Быстрому распространенію ихъ ученія особенно способствовало «гуманное отношеніе къ чужестранцамъ, забота о почетномъ погребеніи мертвыхъ, наружная святость жизни». Надо дѣлать какъ они — заниматься бѣдными, несчастными, больными. «Было бы позорно намъ лишать своихъ нищихъ должной помощи, въ то время, какъ у евреевъ ихъ вовсе нѣтъ, а нечестивые галилеяне даютъ пропитаніе нашимъ вмѣстѣ со своими».

Измѣненная такимъ образомъ религія съ правильно-организованнымъ и строго контролируемымъ духовенствомъ, съ моральнымъ воспитаніемъ и догматами, съ пріютами для бѣдныхъ, учрежденными при храмахъ, съ цѣлой системой благотворительной помощи въ рукахъ жрецовъ, — была на самомъ дѣлѣ новой религіей. Юліанъ понялъ это, и потому почувствовалъ необходимость дать ей новое назва-

ніе. Онъ назвалъ ее *эллинизмомъ*. Эллинизмъ долженъ былъ занять мѣсто устарѣвшаго паганизма и попробовать, въ свою очередь, устоять противъ побѣдоноснаго шествія христіанства.

IV.

Итакъ мы знаемъ, какимъ образомъ Юліанъ пытался реформировать и возродить культъ старыхъ боговъ. Это, несомнѣнно, наиболѣе достойная вниманія и наиболѣе интересная сторона его дѣла. Но этотъ философъ и богословъ былъ въ то же время владыкою міра. Въ качествѣ государя, онъ долженъ былъ опредѣлить положеніе двухъ религій, оспаривавшихъ другъ у друга первенство; онъ могъ употребить свою верховную власть на пользу той, которую хотѣлъ возстановить, и собрать всѣ силы, которыми располагалъ, чтобы уничтожить другую. Можно ли его упрекать за эту попытку? Былъ ли онъ настоящимъ гонителемъ, какъ утверждаютъ христіане, или заслуживаетъ похвалы, которыми осыпаютъ его враги христіанства за его мудрость и умѣренность? Этотъ вопросъ необходимо разъяснить.

Юліанъ всегда считалъ себя государемъ вѣротерпимымъ. Даже въ то время, когда онъ возстановлялъ языческіе храмы, онъ объявлялъ торжественными эдиктами, что не памѣренъ ни въ чемъ стѣснять другіе культы. «Я рѣшилъ, — говоритъ онъ, — оказывать кротость и гуманность по отношенію ко всѣмъ галилеянамъ; я запрещаю прибѣгать къ какому-либо насилію и приводить въ храмъ силою или принуждать къ чему-нибудь противъ воли». Онъ вовсе не стремится увеличить число

язычниковъ путемъ насильственныхъ обращеній или привлеченіемъ отступниковъ,—наоборотъ, онъ гордо заявляетъ, что новообращенные будутъ допущены къ священнымъ церемоніямъ «только послѣ того, какъ омоютъ душу всенародной молитвой богамъ, а тѣло — узаконеннымъ омовеніемъ».

Онъ до конца настаивалъ на этихъ принципахъ и еще въ послѣдніе дни жизни писалъ: «Убѣждать и научать людей надо разсужденіемъ, а не ударами, оскорбленіями и наказаніями. Поэтому я еще разъ и навсегда приглашаю ревнителей истинной религіи не дѣлать зла сектѣ галилеянъ и не позволять себѣ по отношенію къ нимъ ни самоуправства, ни насилія. Надо скорѣе сожалѣть, чѣмъ ненавидѣть людей, имѣющихъ несчастье заблудиться въ столь важныхъ вещахъ».

Какія чудныя слова, и я понимаю, что Вольтеръ съ восторгомъ цитировалъ ихъ много разъ. Къ несчастію, на ряду съ ними есть другія, гдѣ Юліанъ третировалъ христіанъ съ крайнимъ презрѣніемъ. Терпимость, выраженная въ столь оскорбительныхъ формахъ, внушаетъ нѣкоторое безпокойство, и трудно быть увѣреннымъ, что такой вспыльчивый и горячій человекъ не потеряетъ надъ собой власти. Онъ обѣщаетъ относиться справедливо и мягко къ христіанамъ, а между тѣмъ не можетъ произнести имени ихъ безъ жестокихъ оскорбленій; онъ называетъ ихъ безумцами, нечестивыми, безбожниками, бѣшеными, «проказой рода человѣческаго». Когда онъ вынужденъ имъ угрожать или ихъ наказывать, то не можетъ скрыть своей ненависти и выражаетъ ее въ горькихъ насмѣшкахъ. Если онъ отбираетъ у нихъ имущество, то объявляетъ, что «это для об-

легченія имъ пути на небо»; если отказывается наказать чиновниковъ, которые ихъ притѣсняютъ, то напоминаетъ, что «ихъ книги убѣждаютъ терпѣливо переносить бѣдствія». Это сарказмы раздраженнаго богослова, а не тонъ судьи и государя. Онъ до такой степени упорствовалъ въ своемъ мнѣніи и былъ такъ увѣренъ въ истинности своего ученія, что готовъ былъ признавать безсмысленными и лишенными разсудка всѣхъ, кто думалъ не такъ, какъ онъ. Очень опасно слишкомъ презирать противниковъ. Рѣдко случается, чтобы люди, которые смотрятъ на всѣхъ, не раздѣляющихъ ихъ чувствъ, какъ на сумасшедшихъ и больныхъ,—не пришли къ убѣжденію, что изъ человѣколюбія необходимо произвести надъ ними небольшое насиліе ради того, чтобы возвратить имъ здоровье. Очевидно, что эта мысль мелькала въ умѣ Юліана: «можетъ-быть, — говорить онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—было бы лучше излѣчить галилеянъ противъ ихъ воли, какъ дѣлаютъ съ безумными». Правда, онъ слѣдуетъ прибавить, что «предоставляетъ имъ свободу оставаться больными»; но весьма возможно, что если бы позже онъ увидалъ бесплодность терпимости и стойкость враговъ, то возвратился бы къ прежней мысли и сказалъ себѣ: «такъ какъ они упрямо отказываются отъ всякаго лѣкарства, то надо попробовать вылѣчить ихъ насильно». Такимъ предлогомъ, обыкновенно, прикрываются всѣ гоненія.

Впрочемъ, не надо забывать, что Юліанъ обѣщалъ быть терпимымъ, но не безпристрастнымъ. Онъ не повлечетъ никого насильно въ храмы, не будетъ, подобно своимъ предшественникамъ, принуждать христіанъ къ жертвоприношеніямъ,—вотъ и все.

Но онъ никогда не обѣщалъ относиться ко всѣмъ культуамъ одинаково и выражать имъ равную благо-склонность.

Религія, которую онъ исповѣдуетъ, — государственная религія, значить, вполне справедливо оказывать ей предпочтеніе. Его пристрастіе къ ней замѣтно и кажется ему совершенно естественнымъ. Къ однимъ и тѣмъ же поступкамъ онъ относится совсѣмъ различно, смотря по культу, который исповѣдуютъ ихъ виновники. Язычники, отказавшіеся отречься отъ своей вѣры, — для него мученики; христіане же, не желающіе дѣлать того же, — нечестивцы. Если они мужественно противятся требованіямъ императора, онъ ихъ не одобряетъ и обвиняетъ въ недостаткѣ уваженія къ нему. Запрещая епископамъ обращать прозелитовъ, онъ самъ въ то же время всѣми средствами старается распространить свое ученіе; для тщеславныхъ людей онъ дѣлаетъ приманкою важныя общественныя должности: «Я не желаю, — говоритъ онъ, — ни избивать галилеянъ, ни позволять ихъ оскорблять; я говорю только, что надо предпочитать имъ тѣхъ людей, которые служатъ богамъ, и дѣлать это при всякомъ удобномъ случаѣ». Такое заявленіе означало, что для христіанъ доступъ къ общественнымъ должностямъ совершенно закрытъ, и я не сомнѣваюсь, что, проживи Юліанъ дольше, ни одного христіанина не осталось бы ни въ гражданскомъ, ни въ военномъ управленіи. Подобный же образъ дѣйствій безъ всякихъ стѣсненій былъ примененъ для обращенія къ старому культу цѣлыхъ народностей. Въ этой обширной имперіи, состоявшей изъ аггломерата древнихъ свободныхъ государствъ, со-

сѣдніе города были часто соперниками. Они хотѣли господствовать другъ надъ другомъ, или съ ожесточеніемъ оспаривали другъ у друга клочки земли. Для императора это было удобнымъ случаемъ привлечь ихъ къ себѣ, становясь на ту или другую сторону. Роде показалъ въ исторіи Низибы и Газы, что Юліанъ объявлялъ себя всегда на сторонѣ того, кто раздѣлялъ его вѣру. «Если чтить боговъ, — говоритъ онъ, — надо также почитать людей и города, которые имъ служатъ». Такой принципъ можетъ завести далеко. Когда Пессинунтъ, знаменитый своимъ храмомъ Кибелы, обратился къ Юліану съ просьбой о милости, императоръ далъ понять, какой цѣной ее можно получить. «Я расположенъ, говоритъ онъ, прійти на помощь Пессинунту, подъ условіемъ, чтобы онъ снискалъ расположеніе Матери боговъ. Разъясните же жителямъ города, что если они хотятъ чего-нибудь отъ меня, то пусть преклоняютъ колѣна предъ этой богиней». Это какъ нельзя болѣе ясно: Юліанъ понималъ людей, онъ зналъ, что всегда найдутся такіе, которые пожертвуютъ вѣрой ради выгоды; но онъ также не могъ не знать, что нечего рассчитывать на новобранцевъ, которыхъ выгода или тщеславіе приводятъ къ торжествующей вѣрѣ, и что подобныя завоеванія не приносятъ ей ни пользы, ни чести.

Вообще, его проекты были очень искусно составлены, но не имѣли такого уснѣха, какого онъ ожидалъ. По прибытіи въ Константинополь онъ принялъ благородную мѣру, которая должна была расположить къ нему общественное мнѣніе: возвратилъ изъ ссылки всѣхъ, кого Констанцій из-

гналъ по религіознымъ причинамъ и отдалъ имъ конфискованное имущество. Между изгнанниками были члены всѣхъ христіанскихъ сектъ; а такъ какъ Констанцій былъ аріанинъ, то пострадали главнымъ образомъ православные. Возвратили многихъ епископовъ, бывшихъ жертвами неурядицъ предыдущаго царствованія, и между ними непобѣдимаго Аеанасія. Юліанъ очень гордился этимъ актомъ милосердія, за который, вѣроятно, друзья его хвалили. Онъ часто говоритъ о немъ въ своихъ письмахъ и съ горечью жалуется, что христіане вовсе не выражали ему признательности за это. А произошло это потому, что христіане, равно какъ и всѣ другіе, очень скоро замѣтили, что благодѣяніе Юліана имѣетъ скрытую цѣль: дѣлая видъ, что трудится въ ихъ пользу, онъ на самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ противъ нихъ. Онъ возвратилъ изгнанниковъ единственно въ надеждѣ, что ихъ возвращеніе оживитъ богословскіе споры. «Онъ зналъ,—говоритъ Амміанъ Марцеллинъ,— что христіане во взаимныхъ спорахъ хуже дикихъ звѣрей», и рассчитывалъ, что, ослабленные внутренними распрями, они окажутъ ему менѣе сопротивленія. У него была тактика раздѣлять враговъ, чтобы легче побѣдить ихъ. Съ одной стороны, онъ хотѣлъ возбудить различныя секты другъ противъ друга, съ другой стороны и въ каждой отдѣльной церкви онъ хотѣлъ поселить раздоръ между вѣрующими и ихъ пастырями. Каждый разъ, когда въ христіанскомъ городѣ происходило какое-нибудь народное волненіе, онъ старался свалить вину на духовенство. Для него виновными были всегда священники, «которые не могли утѣшиться, что у нихъ

отняли возможность вредить». Однажды епископъ Бостры и его клиръ, которыхъ Юліанъ обвинялъ въ возбужденіи къ бунту, обратились къ нему со слѣдующими словами: «Хотя насъ, христіанъ, такое же число, какъ эллиновъ, тѣмъ не менѣе наши увѣщанія помѣшали имъ совершить малѣйшее нарушение порядка». Юліанъ поспѣшилъ отослать это письмо къ жителямъ города съ коварнымъ комментариемъ, гдѣ искажались намѣренія епископа. «Видите ли, — говорилъ онъ имъ, — епископъ приписываетъ вашу сдержанность не вашей доброй волѣ; онъ говоритъ, что вы противъ воли остались спокойны и что васъ сдержали только его увѣщанія. Изгоните же его безъ колебаній изъ города, такъ какъ онъ васъ обвиняетъ». Въ этомъ ясно видна недобросовѣстность Юліана. Возможно, однако, что его подстрекательства послушались, такъ какъ Либаній сообщаетъ намъ, что крупные безпорядки, происшедшіе по религіознымъ мотивамъ, омрачили спокойствіе Бостры.

Онъ имѣлъ еще другія средства повредить христіанамъ. Декретъ, возвращавшій прежнимъ владѣльцамъ все имущество, конфискованное подъ предлогомъ религіи, прилагался ко всѣмъ, и язычники могли воспользоваться имъ наравнѣ съ другими. Въ послѣднія царствованія у многихъ храмовъ были отняты сокровища; у нихъ отобрали земли и часто безъ церемоній присвоивали и самый храмъ, употребляя его для свѣтскихъ цѣлей. Юліанъ приказалъ все возстановить. Это былъ справедливый законъ, но исполненіе его представляло большую опасность. Такъ какъ упомянутыя правонарушенія произошли давно, и не всегда легко было

послѣ длиннаго промежутка времени разыскать настоящихъ виновныхъ, то открывалась полная возможность для различныхъ извѣтовъ: можно было всегда погубить врага, обвинивъ его въ присвоеніи нѣкоторой доли священныхъ имуществъ. Письма Либанія доказываютъ, что много несправедливостей было совершено по этому поводу: подъ предлогомъ, что ищутъ похищенные изъ храмовъ сокровища, вторгались въ богатые христіанскіе дома и, не найдя ничего; предавали ихъ разграбленію. «Берегитесь, — говорилъ мудрый риторъ своимъ друзьямъ, — сами заслужить упрекъ, который вы дѣлаете другимъ. Боги не похожи на жестокихъ ростовщиковъ: если имъ возвращаютъ то, что имъ раньше принадлежало, они не требуютъ большаго». Но этихъ умѣренныхъ совѣтовъ не слушали. Умы были возбуждены, ненависть ожила. Въ городахъ, гдѣ населеніе дѣлилось между двумя религіями, язычники, чувствуя поддержку, набросились на христіанъ. Людей, отличавшихся черезчуръ большой ревностью противъ стараго культа, преслѣдовали, избивали, бросали въ тюрьму, иногда толпа растерзывала ихъ. Духовные писатели пространно рассказали объ этомъ мщеніи, и Роде думаетъ, что въ общемъ они говорятъ правду. Даже Юліанъ жалуется, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зашли слишкомъ далеко.

«Ревность моихъ друзей, — говоритъ онъ, — обрушилась на невѣрныхъ болѣе, чѣмъ я того желалъ». Александрійская чернь, наиболѣе распушенная изъ всѣхъ, за одно неосторожное слово убила епископа Георгія и двухъ его друзей. Юліанъ порицалъ эту расправу, но не осмѣлился наказать за нее. Онъ

написалъ александрійцамъ очень странное письмо, въ которомъ объявлялъ, что въ сущности Георгій заслуживалъ такой участи, что негодование населенія естественно, и такъ какъ «ему не хочется лѣзть жестокою боль еще болѣе жестокимъ средствомъ», то онъ ограничивается тѣмъ, что шлетъ населенію нѣсколько упрековъ и совѣтовъ. Христіанамъ не удалось бы отдѣлаться такъ легко. Слѣдовательно, потоки крови лились въ царствованіе государя, который имѣлъ притязаніе считаться терпимымъ; все, что можно сказать въ его оправданіе, это то, что кровь проливалась не по его приказанію. Конечно, онъ виновенъ въ томъ, что недостаточно сдѣлалъ для предупрежденія или пресѣченія этого насилія, но, по крайней мѣрѣ, вѣрно то, что оно произошло не по его инициативѣ.

Но, что принадлежитъ ему вполне и есть всецѣло дѣло его рукъ,—это знаменитый эдиктъ, запрещающій христіанскимъ риторамъ, грамматикамъ и софистамъ преподавать въ школахъ. Легко видѣть, какіе мотивы заставили его принять столь важную мѣру. Образование обратило его къ язычеству, и онъ рассчитывалъ, что на другихъ оно будетъ имѣть то же вліяніе, какъ на него. «Христіанинъ — говорилъ онъ, — если въ немъ есть хоть искра природнаго здраваго смысла, занимаясь греческими науками, почувствуетъ немедленно отвращеніе къ своему нечестивому ученію». Восторги его самого при чтеніи Гомера и Платона заставляли его предполагать, что, читая ихъ, нельзя не раздѣлить вѣрованій, которыми они вдохновлены. Но для того, чтобы преподаваніе могло оказать

все свое вліяніе, надо было предохранить его от искаженія. Риторъ или софистъ, сдѣлавшись христіаниномъ, долженъ былъ противопоставлять ученію философовъ, которое онъ преподавалъ своимъ ученикамъ, другое ученіе, — придавать новый смыслъ легендамъ, рассказаннымъ поэтами, ослаблять толкованіями или пропусками впечатлѣніе, производимое художественными рассказами. Этого Юліанъ не хотѣлъ допустить ни подъ какимъ видомъ; онъ напалъ на мысль запретить всѣмъ, отступившимъ отъ старой греческой религіи, преподаваніе молодежи греческихъ поэтовъ или философовъ. Дошедшій до насъ эдиктъ, въ которомъ Юліанъ запрещаетъ имъ это, полонъ лицемѣрнаго къ нимъ расположенія, но въ сущности это не что иное, какъ злая иронія. Онъ дѣлаетъ видъ, что заботится объ ихъ интересахъ: онъ объявляетъ, что хочетъ оказать имъ величайшую услугу, привести въ соглашеніе ихъ чувства и слова. Прилично ли, чтобы люди, занимающіеся обученіемъ своихъ воспитанниковъ не только краснорѣчію, но также и нравственности, принуждены были объяснять имъ авторовъ, вѣрованій которыхъ они не раздѣляютъ и которыхъ считаютъ нечестивыми? «До сихъ поръ, — говоритъ онъ, — были уважительныя причины не посѣщать храмовъ; опасность, угрожавшая отовсюду, извиняла тѣхъ, кто скрывалъ свои искреннія убѣжденія по отношенію къ богамъ. Но такъ какъ боги возвратили намъ свободу, нелѣпо учить людей тому, что не считаешь хорошимъ». Терпимость должна вести за собой искренность. Получивъ свободу мнѣній, никто не долженъ говорить и дѣйствовать противъ своихъ вѣрованій. Если учителя думаютъ, что

великіе греческіе писатели ошибались, то имъ слѣдуетъ перестать толковать ихъ произведенія, въ противномъ случаѣ, такъ какъ они пользуются трудами этихъ авторовъ и получаютъ за нихъ вознагражденіе,—они служатъ примѣромъ самой гнусной жадности и за нѣсколько драхмъ готовы на все». Итакъ, у нихъ остается выборъ—или не преподавать того, что имъ кажется опаснымъ, или, если они хотятъ продолжать свои уроки, начать съ убѣжденія самихъ себя въ томъ, что Гезіодъ и Гомеръ, красоты которыхъ они должны растолковать другимъ, говорили правду. Выводъ изъ всѣхъ этихъ разсужденій тотъ, что имъ слѣдуетъ обратиться къ старой религіи или «итти въ церкви галилеянъ толковать Матѳея и Луку».

Этотъ эдиктъ, не понравившійся и умѣреннымъ язычникамъ, вызвалъ жестокой гнѣвъ со стороны христіанъ. Онъ раздражилъ ихъ болѣе, чѣмъ многія другія мѣры, которыя должны были, повидимому, доставить имъ больше неприятностей. Здѣсь дѣло шло въ сущности только о школахъ, гдѣ, какъ имъ было извѣстно, всецѣло царило язычество, поэтому удивляешся, что они такъ сильно привязаны къ обученію, враждебному ихъ вѣрованіямъ. Мы встрѣчали въ наши дни суровыхъ учителей, которые пугали робкія души опасностью отъ чтенія языческихъ авторовъ и велѣдствіе этого просили изгнать ихъ изъ нашихъ школъ. Эдиктъ Юліана удовлетворилъ бы ихъ, и вполне возможно, что они были бы совершенно довольны, если бы христіанскимъ учителямъ было приказано отказаться отъ лучшихъ произведеній древности и заняться «толкованіемъ Матѳея и Луки». Но въ IV вѣкѣ думали иначе. Хо-

тѣ христіанство переживало еще тогда періодъ пылкой юности, церковь не имѣла преувеличенной щепетильности; она такъ же стояла за образованіе, какъ и языческое общество, и не считала возможнымъ воспитать кого-либо, научить его мыслить и говорить, не давая читать великихъ писателей, мастеровъ слова и мысли. Становясь христіаниномъ, никто не отказывался изучать ихъ и восхищаться ими. Они были общимъ достоинствомъ всего греческаго народа, и когда Юліанъ хотѣлъ сдѣлать изъ нихъ монополію одного культа, св. Григорій гордо отвѣтилъ на это дерзкое притязаніе: «Развѣ ты единственный эллинъ въ мірѣ?» Этотъ фактъ доказываетъ, что церковь, особенно на Востокѣ, вступала въ новую фазу. Время пламенной борьбы съ языческимъ обществомъ проходило. Не было болѣе рѣчи о борьбѣ со старымъ язычествомъ, которое уже было побѣждено; надо было занять его мѣсто; но ясно, что достигнуть этого можно было только, поступая до нѣкоторой степени подобно ему. Съ тѣхъ поръ, какъ оно стало менѣе опасно, пришли къ заключенію, что не слѣдуетъ отвергать всего его наслѣдства. Съ достиженіемъ власти, легко впадаютъ въ консерватизмъ. Въмѣсто того, чтобы потрудиться создать совершенно новое общество, находили болѣе вѣрнымъ не разрушать того, что можно было сохранить отъ прошлаго. Надо было только приладить оставшееся къ духу христіанства, а въ этомъ не видѣли ничего невозможнаго. Были уже христіанскіе софисты, Прозерзій въ Аѣинахъ и Викторинъ въ Римѣ; не замедлять явиться поэты, которые попробуютъ приложить приемы античнаго искусства къ

сюжетамъ, извлеченнымъ изъ Евангелія и Библии. Можно сказать, что съ этого момента начинается слияніе греческой мудрости съ христіанской доктриной, смѣшеніе новыхъ и древнихъ идей, на которомъ покоится современная цивилизація. Кажется, окружающіе Юліана смутно чувствовали, что это смѣшеніе поведетъ къ окончательной гибели древней религіи, сдѣлавъ ее ненужной, и онъ рассчитывалъ помѣшать этому, изгнавъ христіанскихъ учителей изъ школы. Чѣмъ болѣе его враги желали сохранить для своихъ риторовъ и софистовъ право читать и объяснять Гомера или Платона, тѣмъ болѣе онъ стоялъ за лишеніе ихъ этого права. Онъ думалъ обезпечить такимъ путемъ окончательный успѣхъ своего предпріятія. Другія мѣры, принятыя противъ христіанъ, вредили имъ въ настоящемъ, это же отнимало у нихъ будущее. Ихъ дѣтямъ придется или продолжать заниматься въ риторскихъ и философскихъ школахъ, ставшихъ совершенно языческими, тогда они не устоятъ противъ чаръ этого ученія и возвратятся къ прежней вѣрѣ; или же, если они перестанутъ посѣщать школы, то черезъ нѣсколько времени, лишенные благотѣльнаго вліянія этого образованія, они, мало-по-малу, утратятъ прекрасныя качества греческаго ума и обратятся въ варваровъ. Такимъ образомъ секта, мало-по-малу, окончательно угаснетъ во мракѣ и невѣжествѣ.

V.

Надежды Юліана были, какъ извѣстно, вполне обмануты. Изъ всѣхъ мѣръ, направленныхъ противъ христіанства, мѣра Юліана была лучше дру-

гихъ задумана и искуснѣе проведена, но ни одна не дала столь посредственныхъ результатовъ. Одной изъ главныхъ причинъ этой рѣшительной неудачи было то, что Юліанъ какимъ-то образомъ нажилъ себѣ враговъ въ обоихъ культахъ и что въ дѣйствительности онъ никого вполнѣ не удовлетворилъ. Прежде всего, кажется, что сторонники старыхъ боговъ должны бы были отъ всего сердца привѣтствовать возстановленіе древняго культа и благословлять государя, открывавшаго вновь храмы и разрѣшавшаго богослуженіе. Были, однако, исключенія, и скоро обнаружилось, что среди членовъ своей партіи Юліанъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе, что должно было его сильно огорчить. Многіе оставались язычниками единственно ради нѣкоторой свободы правовъ, которая допускалась язычествомъ. Таковы были свѣтскіе люди, не отличавшіеся строгой нравственностью; они любили удовольствія и не находили въ этомъ преступленія, придавали больше цѣны настоящей жизни, чѣмъ проблематическому безсмертію въ будущемъ и охотнѣе смотрѣли на землю, чѣмъ на небо. Юліанъ хотѣлъ во что бы то ни стало обратить ихъ въ мистиковъ и ханжей, — они на это не поддались, и всѣ его усилія разбились о легкій скептицизмъ здравомыслящихъ людей, которые равно не хотѣли, чтобы ихъ тащили въ языческій храмъ или въ христіанскую церковь. Подобныя же причины удалили отъ Юліана населеніе большихъ городовъ, помѣшанное на празднествахъ и играхъ. Среди жителей Антиохіи, которые такъ весело подтрунивали надъ императоромъ, насмѣхались надъ его коротенькимъ плащомъ и козлиной бородкой, конечно, было много

христіанъ, но были также и язычники, такъ какъ Либаній сообщаетъ намъ, что эти оскорбленія произносились при безпорядкахъ, происшедшихъ во время религіозной церемоніи. На него сердились главнымъ образомъ за пренебреженіе къ общественнымъ играмъ и за видимое нерасположеніе къ нимъ. Его почти никогда не встрѣчали на ипподромѣ, а если онъ на нѣсколько секундъ появлялся тамъ, то имѣлъ скучающій видъ и, просмотрѣвши нѣсколько состязаній, спѣшилъ удалиться. Мимическія представленія привлекали его также мало, и онъ не проводилъ дней, подобно своимъ предшественникамъ, «глядя, какъ безстыдно танцуютъ женщины или женоподобные красивые мальчики». Такія преступленія мы охотно простили бы теперь, но тогда ихъ считали непростительными. Юліанъ находилъ удовольствіе жить иначе, чѣмъ народъ, и гордился этимъ. «Насъ здѣсь, — говорилъ онъ антиохійцамъ, — семь иностранцевъ, семь оригиналовъ. Прибавьте сюда одного изъ вашихъ соотечественниковъ, угоднаго Меркурію и мнѣ, искуснаго мастера слова (Либанія). Удаляясь отъ всякихъ собраній, мы слѣдуемъ только одному пути, который ведетъ въ храмы боговъ. Для насъ не существуетъ театровъ; мы считаемъ представленія постыднѣйшими изъ занятій, недостойнымъ употребленіемъ жизни». Это — поведеніе мудреца, но народъ былъ имъ оскорбленъ и давалъ это понять. Если желаешь вліять на толпу, не слѣдуетъ черезчуръ отъ нея удаляться. Человѣкъ, слишкомъ чуждый ея вкусамъ и слишкомъ презирающій ея удовольствія, не понимаетъ ея и не имѣетъ шансовъ быть ею понятымъ. Юліанъ охотно замыкался въ кружкѣ изъ

семи-восьми лицъ, раздѣлявшихъ всецѣло его взгляды, и недостаточно обращалъ вниманія на мнѣнія остальныхъ. Не привлечь на свою сторону всѣхъ язычниковъ раньше, чѣмъ нападать на христіанъ, — было большой оплошностью съ его стороны:

Успѣлъ ли онъ, съ другой стороны, завербовать себѣ христіанъ? — это не особенно легко узнать, такъ какъ историки церкви знакомили насъ болѣе съ тѣми, которые мужественно сопротивлялись, чѣмъ съ тѣми, которые имѣли слабость уступить. Не можетъ быть сомнѣнія, что люди равнодушные и тщеславные, которые всегда готовы пожертвовать убѣжденіями ради выгоды, образцовые чиновники, которые считаютъ долгомъ во всемъ слѣдовать вкусамъ господина, немедленно приняли религію своего государя. Подобными людьми всегда изобилуютъ обширныя имперіи, гдѣ государь располагаетъ большимъ количествомъ мѣсть, такъ что въ началѣ своего царствованія Юліанъ могъ еще обманываться иллюзіями относительно успѣха своего предпріятія. Вся эта льстивая толпа, покорно слѣдовавшая за Константиномъ, когда онъ отступилъ отъ язычества, теперь съ такимъ же единодушіемъ обратилась къ старымъ богамъ. Нѣсколько лѣтъ спустя одинъ епископъ напоминаетъ въ проповѣди, направленной противъ алчности и тщеславія, что эти пороки, всегда приводившіе къ отступничеству, были причиной того, что многіе мѣняли религію какъ платье, и въ доказательство приводитъ недавнія событія. «Когда императоръ, — говоритъ онъ, — снявъ маску, которой прикрывался, сталъ открыто приносить жертвы

богамъ и побуждалъ къ этому другихъ приманкою наградъ, развѣ мало людей покинуло церковь, чтобы идти въ языческіе храмы! Сколько прельстилось выгодами, которыя имъ предлагались, и попало на удочку нечестія!» Язычникъ Ѡемистій въ другихъ выраженіяхъ говорить то же самое, что епископъ, и такъ же рѣшительно клеймитъ эту постыдную переувѣчивость: «Жалкія игрушки прихоти нашихъ владыкъ, мы поклоняемся ихъ пурпуру, а не Богу, и съ переувѣной царствованія мѣняемъ и свою вѣру!» Очевидно, что съ самаго начала уже были переувѣжчики, но едва ли ими особенно дорожилъ императоръ. Честные люди оставались твердыми, толпами приходили лишь тѣ, которые не пользовались хорошей репутаціей. Юліану очень хотѣлось обратить къ культу боговъ софиста Прозрезія, составлявшаго славу школы и недавно обратившагося къ христіанству; но тотъ не поддался его заискиваніямъ. Зато ему ничего не стоило обратить Гецебола, въ свое время плѣнившаго Констанція рѣшительной ненавистью къ язычникамъ; это былъ, по словамъ Либанія, посредственный ораторъ, безстыдный льстецъ существующей власти, котораго всѣ видѣли немедленно послѣ смерти Юліана распростертымъ у дверей церкви и взывающимъ къ вѣрующимъ: «Топчите меня ногами, какъ негодную потерявшую вкусъ соль». Юліанъ обратилъ также Ѡаласія, доносчика, который погубилъ своими показаніями собственнаго брата Галла. Императоръ принялъ его очень сурово, когда тотъ пріѣхалъ къ нему въ Антіохію; но Ѡаласій сумѣлъ обезоружить Юліана: онъ ѣлся язычникомъ и сталъ вдругъ такимъ рев-

ностнымъ почитателемъ гадателей и оракуловъ, что государь не замедлилъ сдѣлать его своимъ приближеннымъ. Это были легкія завоеванія, которыми не стоило гордиться.

Юліанъ, конечно, не могъ рассчитывать привлечь на свою сторону вождей церкви. Онъ зналъ, что они его ненавидятъ, и платилъ имъ тѣмъ же. Онъ говорилъ о нихъ не иначе, какъ съ раздраженіемъ и угрозой. «Имъ мало, что ихъ продолжительная тиранія до сихъ поръ не наказана, — говоритъ онъ; — имъ жаль своего прежняго господства, они недовольны, что не могутъ больше судить, писать завѣщаній, присвоивать наслѣдства, брать все себѣ; они пускаютъ въ ходъ всё пружины интриги и побуждаютъ народъ къ бунту». Мы, однако, знаемъ, что этому жестокому врагу епископовъ посчастливилось обратить одного изъ нихъ. Это любопытная, заслуживающая вниманія исторія, которую намъ открыло недавно найденное письмо Юліана. Въ этомъ письмѣ онъ рассказываетъ, что въ то время, когда Констанцій призвалъ его командовать войскомъ, ему пришлось проѣзжать черезъ Троаду, гдѣ онъ остановился въ городѣ, построенномъ на мѣстѣ древняго Иліона, и пожелалъ увидать памятники прошлаго. «Это была уловка, — говоритъ онъ, — которую я употреблялъ, чтобы посѣщать храмы». Мѣстный епископъ, по имени Пегасъ, предложилъ сопровождать его и повелъ къ гробницамъ Гектора и Ахиллеса. «Тамъ, — прибавляетъ Юліанъ, — замѣтивъ, что огонь еще глѣветъ на алтаряхъ, такъ какъ его только что погасили, и статуя Гектора вся блеститъ отъ вылитыхъ на нее благовоній, я сказалъ, пристально глядя на Пегаса:

Среди простого народа, быть-можетъ, было болѣе обращенныхъ; но если мужчины легче склонялись, женщины, повидимому, упорствовали. Юліанъ, недовольный ими за участіе, которое онѣ принимали въ распространеніи христіанства, обвинялъ ихъ въ предательствѣ мужей и отцовъ и въ «отдачѣ галилеянамъ всего семейнаго достоянія». Либаній увѣряетъ, что когда мужчинъ побуждали идти въ храмъ, они отвѣчали, что «не хотятъ огорчить жены или матери», и даже если случайно они позволяли увлечь себя и соглашались принести жертвоприношеніе, то «по возвращеніи домой, поддаваясь просьбамъ жены и видя ея слезы, отворачивались снова отъ боговъ». Итакъ, несмотря на столько усилій, старый культъ одерживалъ только непрочныя побѣды. Глубоко убѣжденный въ истинности своего ученія и не вѣрившій въ возможность устоять противъ разума Платона и Порфирія, Юліанъ испытывалъ нѣкоторое нетерпѣніе, видя, что другіе остаются нечувствительными къ аргументамъ, которые его побѣдили. Онъ думалъ, что достаточно открыть храмы, чтобы народъ снова повалилъ туда толпами. Храмы открыли, но толпа забыла туда дорогу, и если приходили въ извѣстные дни, онъ прекрасно понималъ, что это дѣлали не изъ набожности, а изъ лести, желая угодить скорѣе императору, чѣмъ богамъ. И дѣйствительно, въ его послѣднихъ письмахъ видны слѣды нескрываемаго унынія. «Удлинизмъ,— говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,— еще не дѣлаетъ всѣхъ желаемыхъ успѣховъ». И въ другомъ мѣстѣ: «Много людей понадобится мнѣ, чтобы поднять такъ печально упавшее». Но ни время, ни оди ничего не могли бы сдѣлать, успѣхъ былъ

невозможенъ, и Юліанъ замѣтилъ бы въ одинъ прекрасный день, что «такъ печально упавшее» не могло болѣе подняться.

Надо ли считать несчастіемъ его неудачу и заслуживаетъ ли сожалѣнія неуспѣхъ его предпріятія? Взгляды на этотъ вопросъ раздѣлились; тогда какъ философы, которыхъ нельзя заподозрѣть въ излишнемъ пристрастіи къ христіанству, какъ напр., Огюсть Контъ, относятся къ Юліану весьма сурово, другіе, напротивъ, думаютъ, что человѣчество много потеряло оттого, что смерть помѣшала Юліану привести въ исполненіе его проекты. Такая разница во взглядахъ людей, принадлежащихъ къ одной партіи, не должна насъ поражать и объясняется довольно просто. Такъ какъ дѣло Юліана довольно сложное, то возможно, исходя даже изъ однихъ убѣжденій, держаться по отношенію къ нему противоположныхъ мнѣній. Онъ хотѣлъ уничтожить одну религію и основать другую: это двѣ совершенно различныя задачи, и сообразно съ тѣмъ, какая изъ нихъ производитъ болѣе впечатлѣнія, и взглядъ становится благопріятнымъ или наоборотъ.

Въ прошломъ вѣкѣ обращали вниманіе только на одну сторону его дѣла: въ немъ видѣли государя, боровшагося противъ христіанства. Это былъ, слѣдовательно, союзникъ, которому черезъ нѣсколько вѣковъ охотно протягивали руку. Въ его произведеніяхъ выискали нѣсколько прекрасныхъ словъ о терпимости, которыя цитировали съ восторгомъ, и находили удовольствіе изображать портретъ его самыми привлекательными красками. Къ сожалѣнію, это были фантастическіе портреты, въ которыхъ преувеличивались достоинства и сглажива-

лись недостатки. На дѣлѣ, безусловныхъ похвалъ Юліанъ заслуживаетъ только какъ солдатъ. Блестящіе походы галльской арміи, страсбургская битва, такъ смѣло начатая и приведшая къ такимъ выгоднымъ послѣдствіямъ, вызвали повсюду удивленіе и энтузіазмъ, воспоминаніе о которыхъ долго было живо. Позже, когда римское оружіе перестало побѣждать, и варвары безпрепятственно опустошали имперію, часто съ сожалѣніемъ вспоминали молодого государя, который такъ быстро отбросилъ ихъ на другую сторону Рейна. Въ это самое время поэтъ Пруденцій, ревностный христіанинъ, но притомъ горячій патріотъ, сказалъ о немъ слѣдующія прекрасныя слова: «Если онъ и измѣнилъ Богу, то, по крайней мѣрѣ, не измѣнилъ отечеству». Но философы XVIII в. восхищались въ немъ не солдатомъ, а врагомъ христіанства. Видя, что онъ одушевленъ противъ христіанъ чувствами, которыя они сами испытывали, они представляли себѣ, что и во всемъ остальномъ онъ походитъ на нихъ. Имъ хотѣлось сдѣлать изъ него невѣрующаго, скептика, подобнаго имъ самимъ, врага всего сверхъестественнаго и откровенныхъ религій. Грубѣйшая ошибка, и трудно себѣ представить, какъ можно было въ нее впасть! Въ Юліанѣ нельзя найти ни малѣйшаго сходства съ вольнодумцемъ. Онъ любитъ философію, но философію Платона и Пиеагора, т.-е. такую, которая «приводитъ къ благочестію, учить познавать боговъ, вѣрить въ ихъ существованіе и въ то, что ихъ провидѣніе печется о земныхъ дѣлахъ». Что же касается философіи Эпикура и Пиррона, онъ о ней нехочетъ и слышать. «По милосердію боговъ ихъ книги затеряны», говоритъ онъ. Онъ

чувствует отвращеніе къ атеистамъ и повторяетъ сказанныя на ихъ счетъ слова своего учителя Ямвлиха: «тѣмъ, кто задаетъ вопросъ, есть ли боги, и повидимому, сомнѣвается въ этомъ, не слѣдуетъ отвѣчать какъ людямъ, а надо преслѣдовать ихъ, какъ дикихъ звѣрей». Эти слова могли бы охладить восторги д'Аржана и Фридриха. Изъ Юліана во что бы то ни стало хотѣли сдѣлать скептика и вольнодумца; на самомъ дѣлѣ это былъ мистикъ, воображавшій, что видитъ и слышитъ боговъ, святоша, посѣщавшій всѣ храмы и проводившій значительную часть дня въ молитвѣ. «Онъ менѣе стоитъ за то, чтобы его называли императоромъ, чѣмъ жрецомъ, и это имя ему подходитъ», говоритъ Либаній. «Насколько онъ выше другихъ государей по способу управленія, настолько же по своимъ знаніямъ духовныхъ дѣлъ онъ превосходитъ жрецовъ; я не говорю о теперешнихъ — это совершенные невѣжды, но о просвѣщенныхъ жрецахъ древняго Египта. Онъ не довольствуется принесеніемъ жертвъ время отъ времени, по праздникамъ, отмѣченнымъ въ ритуалахъ, но, будучи убѣжденъ въ справедливости принципа, что боговъ надо вспоминать при началѣ всякаго дѣла и всякой рѣчи, онъ приноситъ жертвы ежедневно, тогда какъ другіе дѣлаютъ это только разъ въ мѣсяцъ. Жертвенной кровью привѣтствуетъ онъ восходъ солнца, и она же струится вечеромъ при его заходѣ. Другія жертвы закаляются въ честь демоновъ ночи. Иногда онъ не можетъ итти въ святилище и принужденъ оставаться дома, поэтому домъ свой онъ обратилъ во храмъ. Въ садахъ дворца деревья осѣняютъ алтари, а алтари придаютъ больше прелести

тѣни деревьевъ. Но еще прекраснѣе то, что во время жертвоприношеній онъ не возсѣдаетъ на возвышенномъ тронѣ, окруженный раззолоченными щитами своей стражи, предоставляя постороннимъ рукамъ совершать жертвоприношеніе: онъ самъ принимаетъ участіе въ церемоніи, присоединяется къ приносящимъ жертву, приноситъ дрова, беретъ ножъ, вскрываетъ сердце священныхъ птицъ и умѣетъ читать будущее по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ». Вотъ характеристика настоящаго Юліана, сдѣланная однимъ изъ величайшихъ его почитателей въ панегирикѣ. Надо сознаться, что онъ здѣсь вовсе не походитъ на то лицо, какимъ представляли себѣ Юліана Вольтеръ и его друзья.

Легко понять, что этотъ благочестивый мистикъ, борясь противъ христіанства, вовсе не имѣлъ намѣренія упразднить положительныя религіи. Онъ хотѣлъ устранить христіанство, чтобы на очищенной отъ него почвѣ основать свою собственную религію, которая царила бы безъ соперниковъ. Эта вторая часть задуманнаго имъ дѣла была для него наиболѣе важной, и по ней-то и надо судить о немъ. Онъ хотѣлъ, повидимому, возстановить старую религію, но мы видѣли, что онъ ее совершенно измѣнилъ. Хотя онъ и увѣряетъ, что «во всемъ избѣгаетъ нововведеній», тѣмъ не менѣе, онъ привилъ много новыхъ идей и обрядовъ къ этому обветшавшему стволу. Особенно важно отмѣтить многочисленныя заимствованія, сдѣланныя имъ изъ ученія христіанской церкви; они показываютъ, насколько своевременно появилось христіанство, какъ оно отвѣчало желаніямъ и потребностямъ этого общества, было какъ бы создано для него и по-

тому должно было имѣть успѣхъ. Все это какъ нельзя лучше доказывается тѣмъ, что самъ Юліанъ, при всей своей ненависти къ христіанству, не находить возможнымъ противостоять ему иначе какъ ему же подражая. Но подражаніе было плохо выполнено: оно соединило противоположные принципы, которые не могли ужиться вмѣстѣ. Въ этой нескладной смѣси ни одна изъ двухъ партій не признала себя. Юліанъ имѣлъ намѣреніе ввести въ старый культъ лучшее, что было въ новомъ; намѣреніе хорошее, но стоило ли упразднить религію для того, чтобы удовлетвориться ея же передѣлкой? Если міръ долженъ былъ извлечь изъ нея какую-нибудь пользу, не естественнѣе ли было оставить ее продолжать начатое дѣло? и кто же могъ лучше выполнить задачу христіанства, какъ не оно само? Юліану хотѣлось спасти отъ полного разрушенія остатки античныхъ цивилизацій, и надо сознаться, что онъ былъ правъ: они заключали въ себѣ элементы, которые были достойны жизни и которые должны были послужить при организаціи современныхъ обществъ. Но христіанство уже было на пути къ воспріятію этихъ элементовъ; они вкрадывались въ него, проникали со всѣхъ сторонъ, съ тѣхъ поръ, какъ оно стало менѣе строго и болѣе сообщалось съ міромъ; въ концѣ-концовъ, они должны были слиться съ нимъ, не измѣняя его основного характера. Итакъ, предпріятіе Юліана было бесполезно; оно было осуществлено въ другой формѣ и при лучшихъ условіяхъ. Вотъ почему его дѣло могло потерпѣть неудачу, — и міръ ничего не потерялъ отъ этого.

К о н е ц ъ

MAR 13 1958 *Permer* (MAR 18)

M302184

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

PC191733